

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

17

Судьба славянских диалектов
и перспективы славянской
диалектологии в XXI веке

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Исследования по славянской
диалектологии**

17

Судьба славянских диалектов и перспективы
славянской диалектологии в XXI веке

Москва 2015

Редколлегия издания: к. ф. н. М. М. Алексеева, к. ф. н. Д. Ю. Ващенко (Анисимова),
д. ф. н. А. Ф. Журавлев, д. ф. н. Л. Э. Калнынь, М. Н. Толстая

Отв. редактор выпуска: д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Рецензенты выпуска: д. ф. н. Т. И. Вендина, к. ф. н. О. Е. Кармакова

17-й выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, посвященные перспективам славянской диалектологии. Изучение территориально ограниченных форм национальных языков относится к числу постоянно актуальных исследовательских задач, поскольку устройство диалектов как языковых идиом обнаруживает устойчивость в любой, в том числе и меняющейся, языковой ситуации. В перспективе продолжатся традиционные направления изучения диалектов, но с применением новых способов сбора материала и его анализа. Актуальной задачей современной диалектологии является создание адекватного представления о структуре диалекта как синхронно функционирующего языкового идиома. Эффективным в этом плане является применение метода описания, исключающего дифференциальный подход к диалекту на всех этапах его изучения (начиная со способа сбора материала). В современной диалектологии формулируются также задачи, относящиеся к определению особенностей диалектного континуума в целом (ареальный реестр диалектных явлений определенного языкового уровня; создание представительного текста как инструмента описания диалекта). Новой задачей является изучение особенностей языка Интернета в его отношении к диалектизму. Настоящий выпуск представляет интерес для тех, кто интересуется диалектной ситуацией в современных славянских языках и ее динамикой.

The 17th serial edition of “Studies of Slavic Dialectology” contains the articles devoted to the perspectives of Slavic Dialectology. The study of the territorially confined forms of national languages is always regarded as one of the most topical research tasks, since the dialectal structures acting as idioms demonstrate stability in any, even changing language situations. In future, traditional lines of dialect studies will be preserved, but will involve the usage of new methods of material collection and analysis. The crucial task of modern dialectology consists in the adequate representation of the structure of any dialect simultaneously functioning as an idiom. In this context the descriptive method excluding any differential approach to the dialect at any stage of its study (starting from material collection technique) seems to be the most efficient. Modern dialectology also formulates such objectives as identification of the dialectal continuum as a whole (areal registry of dialectal phenomena of certain language levels, creation of a representative text as a tool of dialect description). Among new tasks is the study of the distinctive features of the Internet language in terms of dialects. SSD 17 will be of special interest for those interested in the dialectal situation observed in modern Slavic languages and its trends.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>П. Е. Гриценко.</i> Феномен диалектного явления: онтология и гносеология	9
<i>П. Е. Гриценко.</i> Об одном типе источников диалектологических исследований	60
<i>Л. Э. Калнынь.</i> О перспективах изучения территориальных диалектов в меняющейся языковой ситуации	72
<i>В. П. Русак.</i> К проблеме изучения звукового строя современных белорусских диалектов	83
<i>С. Л. Николаев.</i> Новые данные о рефлексах *о и *ъ в русских диалектах	90
<i>В. А. Мандик.</i> Инструментальный анализ фонетически представительного диалектного текста	189
<i>Д. Ю. Ващенко.</i> Интернет как новая перспективная форма существования диалектов	197
<i>С. С. Скорвид.</i> «Вторая жизнь» диалекта в верхнелужицком субстандартном идиоме	205
<i>Г. С. Кобирилка.</i> Роль акцентуации в дифференциации карпатской группы украинских диалектов	215
<i>И. И. Исаев.</i> Опыт акустического анализа зоны артикуляции гласных в ярославском говоре	227
<i>С. В. Дьяченко.</i> Гласные первого предударного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ	244
<i>А. В. Тер-Аванесова.</i> Ударение и корневой вокализм <i>i</i> -глаголов в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.	298
<i>Е. С. Лунькова.</i> Диалектный словообразовательный тип как элемент описания региональной деривационной системы	334
<i>П. Жиго.</i> Опыт интерпретации субстантивного склонения на материале «Общеславянского лингвистического атласа»	362

<i>С. К. Пожарицкая.</i> Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах	373
<i>А. В. Малышева.</i> Вариативность аккузатива и генитива при глаголах зрительного восприятия (на материале русских летописей, литературного языка XVIII–XIX вв. и современных говоров)	404
<i>А. Ф. Журавлев.</i> «Новые» местоимения в севернорусских диалектах	432
<i>А. А. Колесников.</i> Из наблюдений над динамикой украинских говоров междуречья Днестра и Дуная	444
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Гибридные формы в польских диалектах как следствие их контактов с другими языками	460
<i>С. А. Мызников.</i> О перспективах изучения русских говоров территорий позднего заселения	468

Предисловие

Очередной выпуск «Исследований по славянской диалектологии» содержит статьи, написанные на основе докладов, прочитанных на Круглом столе, состоявшемся в феврале 2013 г. в Институте славяноведения РАН. Тема Круглого стола формулировалась как «Судьба славянских диалектов и перспективы славянской диалектологии в XXI веке». Этим определяется общее содержание публикуемого сборника.

Любой национальный язык имеет в своем составе территориально ограниченные компоненты, т. е. диалекты. Диалекты как языковые образования реагируют на изменение языковой ситуации, в которую они включены, на особенности государственной политики в области языка в данном обществе и в данный момент. Но эта реакция, порождая определенные изменения в структуре диалекта, никогда не приводит к его исчезновению. Поэтому в славянских языках диалектные образования будут их постоянными компонентами. Только исчезновение носителей этих диалектов может привести к их утрате. Пока же диалекты, в том числе и славянские, продолжают существовать в настоящем и сохранятся в будущем.

Славянская диалектология является важным компонентом славистики, имеющим давние традиции. Но на современном этапе актуальным становится подход к изучению диалектов с учетом тех требований, которые в современном языкознании предъявляются к анализу коммуникативно используемого языкового идиома как такового. Это может определять характер разных этапов изучения диалекта — сбора материала, моделирования системы отдельных диалектов и их динамики, а также их типологической классификации. Получение знаний такого рода относится к числу постоянно актуальных задач славянской диалектологии. Только на этой основе можно составить адекватное представление об устройстве выбранного языкового континуума. Возможности решения подобных вопросов отражены в статьях настоящего сборника.

В статье *П. Е. Гриценко* рассматривается онтология диалектного явления и способы его изучения. Этому же автору принадлежит статья, в которой он показывает на конкретном примере возможность использования этнографических и фольклорных записей для выявления особенностей одного украинского диалекта.

Для получения адекватного представления об устройстве диалектного идиома имеет значение выбор метода его описания. Как показано в статье *Л. Э. Кал-*

нынь, наиболее эффективным в этом плане является описательный метод, исключаящий дифференциальный способ интерпретации подлежащего анализу диалектного материала. Это предполагает описание диалекта как языкового идиома, используемого определенным коллективом в коммуникативных целях, с тем, чтобы показать его синхронное структурное устройство и правила функционирования. При этом исследование не должно ограничиваться архаическим слоем речи носителей диалекта. Диалекты подвергаются постоянным изменениям под влиянием различных факторов, и это может формировать специфику речи более молодых носителей диалекта. Это следует учитывать при моделировании системы диалекта. Важным для выяснения динамики диалекта является и учет особенностей детской речи.

В статье *В. П. Русак* диалектный компонент языка рассматривается в связи с созданием фонетического фонда белорусского языка. Задача состоит в создании ареального реестра фонетических диалектных явлений. При этом устанавливаются наиболее типичные фонетические признаки речи различных возрастных, профессиональных, социальных групп. Такой реестр входит в состав фонетического фонда белорусского языка и способствует пониманию устройства его диалектной составляющей.

Особенности рефлексации *о и *ъ в русских диалектах являются темой статьи *С. Л. Николаева*. Автор показывает новые аспекты проблемы и вытекающие из этого результаты.

В. А. Мандик в своей статье обращается к понятию представительного текста как инструмента описания структуры диалектного идиома. Представительный текст включает фонетические позиции и контексты, отражающие региональную речевую специфику говорящих. Он может быть структурирован по определенным правилам или представлять собой запись спонтанной речи информанта. Применение представительного текста в описании северо-восточного белорусского диалекта показано на примере инструментального анализа его фонетики.

Новой задачей современной лингвистики является изучение особенностей языка, используемого в Интернете. Поскольку при каждом использовании этот язык является вариантом общенационального языка, в него проникают диалектизмы. В статье *Д. Ю. Ващенко* показаны возможные формы бытования диалектизмов в словацком языке, используемом в Интернете.

Определение статуса современного верхнелужицкого языка в специфически характеризуемой языковой ситуации дано в статье *С. С. Скорвида*.

В развитии славянской диалектологии новации могут проявляться не только в выборе нового объекта исследования и общих методов этого исследования. Определенные новации и уточнения могут быть внесены в интерпрета-

цию отдельных компонентов диалектной системы. В данном сборнике это показано следующим образом.

Исследованию особенностей акцентуации, показывающих диалектные различия в юго-западных украинских говорах, посвящена статья *Г. Кобирунки*.

И. И. Исаев показывает возможность включения вариантов артикуляционной базы в реестр диалектных различий. В статье представление об артикуляционной базе достигается изучением гласных методом формантной сетки. Этим устраняется субъективность восприятия звуков. Устанавливается зона артикуляции гласных, которая не фиксируется аудитивно. Различие в артикуляционной базе диалектов может соотноситься с диахроническими характеристиками диалекта.

В статье *С. В. Дьяченко* описаны результаты экспериментально-фонетического исследования длительности гласных в южнорусском говоре при архаическом диссимилятивном вокализме. Инструментально установлено бинарное противопоставление «долгих» и «кратких» аллофонов гласных фонем неверхнего подъема в 1-м предударном слоге. Различия по длительности ударных монофтонгов зависят от подъема и имеют градуальный характер. Выявляется фонологический характер количественной диссимиляции гласных.

Возможность внутренней реконструкции места ударения в презенсе *i*-глаголов на основании корневого вокализма показана в статье *А. В. Тер-Аванесовой* (по данным одного южнорусского говора).

В статьях сборника рассматриваются также возможности изучения грамматического уровня диалектов.

Установлению типологии диалектного словообразования посвящена статья *Е. С. Луньковой*. Работа выполнена на материале смоленских говоров и содержит результаты анализа более 5500 слов.

Анализ субстантивного склонения на материале ОЛА предлагает *П. Жиго*. Дается сопоставление исходного состояния отдельных явлений склонения существительных в праславянском языке с результатами их развития в славянских диалектах. Дистрибуция некоторых морфологических явлений на обширной славянской диалектной территории свидетельствует о необходимости комплексного изучения естественного развития языка в широком ареальном контексте. В этой связи автор пишет: «Результаты исследования материала ОЛА по своему масштабу могут выходить за рамки диалектологии и языкознания как такового и затрагивать междисциплинарные темы типа *мир в языке* или *мир языка* с перспективой выхода в феноменологию».

Используя материал архангельского диалектного словаря, *С. К. Пожарицкая* устанавливает способы выражения категории плюсквамперфекта в современных говорах. В них эта категория демонстрирует иной путь эволюции

древнерусских форм, чем тот, результаты которого представлены в литературном языке.

Предметом анализа в статье *А. В. Малышевой* является вариативность аккузива и генитива при глаголах зрительного восприятия. Использован материал разных хронологических срезов — летописи XIV–XVII в., литературный язык XVII–XIX в., современные архангельские говоры. Автор приходит к выводу, что генитивное управление более последовательно сохраняется при определенном значении полисемантических глаголов.

А. Ф. Журавлев в своей статье отмечает такую особенность диалектных словарей, как неудовлетворительное отражение грамматических характеристик лексики, включенной в словарь. В частности, это касается определения принадлежности лексической единицы к грамматическому разряду. Как одно из заполнений лакун такого рода автор приводит грамматические характеристики слова *новый/новой* в севернорусских говорах. Это не только прилагательное, но и указательное местоимение, а некоторых формах и наречие.

В славянской диалектологии всегда будет актуальным изучение переселенческих говоров и их контактов с иноязычными/инодиалектными идиомами.

В статье *А. А. Колесникова* объектом исследования является динамика украинских переселенческих говоров междуречья Днестра и Дуная. Автор опровергает мнение, что открытость диалекта к изменениям зависит от иерархии языковых уровней. В исследованных им говорах трансформация прослеживается на всех уровнях языковой системы. В то же время и нет такого уровня, который полностью потерял бы связь с материнской основой.

Особенностям адаптации русских заимствований в переселенческом польском говоре посвящена статья *Н. Е. Ананьевой*. Польское влияние на приобретенный из русского языка элемент создает явление, которому автор присваивает название «русско-польский гибрид». Констатация такого рода явлений важна для общей теории языковых контактов.

В статье *С. А. Мызникова* рассматриваются русские говоры позднего заселения на территории Среднего Поволжья, где они контактируют с тюркскими и финно-угорскими языками/диалектами. Материал говоров анализируется в аспектах лексикографии, лингвогеографии, а также с этноязыковой точки зрения.

Перечисленные статьи в той или иной мере показывают перспективные направления в славянской диалектологии. Одни из них продолжают уже существующие виды исследования, а другие показывают возможность использования новых способов анализа диалектных форм языка, а также выделения новых объектов исследования.

Статьи выполнены на основе явлений, содержащихся в восточно-, западно-, южнославянских диалектах.

Феномен диалектного явления: ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

Главная задача диалектологии XXI века состоит в исчерпывающей фиксации *всего* многообразия формальных средств диалектного языка, определении и осмыслении пространственного поведения и особенностей функционирования *всех* его структурных элементов в речи — живом линейном текстотворении.

Изучению славянских диалектов во 2-й половине XX в. был присущ особый динамизм. Это связано с существенным изменением структуры знаний об отдельных диалектах и о целостных континуумах, со значительным увеличением объема информации о говорах, расширением круга источников языковых сведений, усовершенствованием приемов анализа материала. Применение метода лингвистической географии, углубленное системное описание структур отдельных диалектов и их сопоставительное исследование существенно расширили набор изучаемых единиц, явлений, процессов, вскрыли новое лингвистическое наполнение ранее известных фактов, — все это в значительной степени трансформировало гносеологический облик данной области языкознания. К концу XX в. оценка диалектологии как (исключительно или преимущественно) вспомогательного сегмента лингвистики — как источника сведений для истории языка, этногенетических штудий, текстологии фольклорных текстов и художественных произведений, — уже устойчиво воспринималась как анахронизм в пределах истории языкознания. И хотя вспомогательная историколингвистическая функция диалектологических изысканий сохранена и во многом углублена и модифицирована, сегодня диалектология предстает как отдельное направление науки о языке с определяющей задачей комплексного изучения диалектов — отдельной формы существования национального языка — в их структурном, функциональном и пространственном проявлениях в синхронии и ретроспекции. Этому разделу языкознания присущи четко очерченный сложно структурированный объект исследования (отделенный от других языковых объектов, эксклюзивный по многим чертам), сложившиеся направления изучения, традиционные и обновляемые задачи познания, многие из которых не повторяются и не имеют аналогов в других областях лингвис-

тики. Для решения проблем диалектологии используются не только общелингвистические методы, но и специальные методики, процедуры анализа, а также специальные формы систематизации и презентации языкового материала. Углубление в собственно диалектологическую проблематику в сочетании с оперированием значительными по объему новыми эмпирическими сведениями о говорах изменило существовавший ранее гносеологический облик диалектного континуума, обеспечило новое объяснение сущностных характеристик, истории многих элементов структуры, и как следствие — был предложен ряд ценных для диалектологии выводов, сформулированы важные общелингвистические положения.

Одновременно в диалектологии происходили поиски в понятийной и терминологической сферах: в частности, отмечены попытки различения понятий *элемент структуры диалекта* (как отдельный языковой факт) и *диалектный тип*, *диалектное явление*, что подчинено стремлению дифференцировать степень обобщения наблюдаемых особенностей диалектов и свидетельствует об изменении аксиологии диалектов, их эвристической и культурной ценности; в отдельных славянских лингвистических школах устойчивое распространение получило разделение понятий *диалектология* и *диалектография*, *лингвистическая география* и *ареальная лингвистика*, что отражает углубление специализации исследовательских подходов, аналитических процедур в изучении диалектов.

1. Онтология и гносеология в диалектологии

Сопоставление описаний многих диалектов с наблюдаемым их существованием как живых коммуникативных систем зачастую обнаруживает значительные несовпадения между научной картиной и языковой реальностью. Такие несоответствия проявляются на уровне формальной структуры элементов (касаются как незначительных, иерархически второстепенных черт языкового знака, так и весьма существенных его характеристик), их функций, географии, особенностей реализации в речи. Своеобразный «зазор» между объективно существующими диалектами, ареалами структурных элементов, явлений и их научной презентацией и интерпретацией в описательных, лексикографических и лингвогеографических трудах — типичная ситуация, осознаваемая лингвистами во всей ее сложности. Это проблема не только диалектологии, но и языкознания в целом, шире — общенаучная проблема. В этой связи справедливым представляется замечание: «На какую бы полноту ни претендовало описание той или иной лингвистической категории, в принципе оно не может быть абсолютно исчерпывающим. Убедительное и лаконичное объяснение этого факта заключено в философском тезисе о том, что *явление всегда богаче его сущно-*

сти. Под *явлением* в данном случае подразумевается феномен, который представляет собой фиксированный продукт функционирования языковой системы и выступает как единственный объективный источник и как объект лингвистического изучения. Таким феноменом является текст. Что касается *сущности*, то здесь имеется в виду система абстракций, используемых <...> для интерпретации этого феномена» (Ляпон 1979: 204).

Почерпнутые из разных источников новые сведения об отдельных диалектах, диалектных зонах не только расширяют эмпирическую базу для их познания, но и позволяют существенно углубить или существенно изменить интерпретацию изучаемых элементов, явлений, процессов. Однако следует отметить, что пополнение сведений о диалектах происходит, как правило, избирательно, по отдельным сегментам их структуры, к тому же — по установленной сетке населенных пунктов, выбранной по определенным признакам из круга альтернативных. Следствием такого подхода является то, что: (а) изучению подвергаются далеко не *все* элементы структуры ЧДС, а только их часть; (б) обследуются отдельные, а не *все* населенные пункты даже в пределах изучаемой диалектной территории. Таким образом, организация первичного изучения диалектного пространства, наблюдения и систематизация эмпирических сведений ориентированы на получение результата, далекого от информационной полноты. Поэтому в современной диалектологии наряду с описанием новых ЧДС, открытием новых структурных элементов, их синхронной и диахронной интерпретацией, пополнением сведений о ранее известных фактах, явлениях говоров, актуальным представляется анализ соотношения между диалектом как *онтологической данностью* (формальной структурой, особенностями функционирования, отношениями в пространстве всего диалектного континуума) и его *гносеологическим отражением* в различных описаниях, атласах, словарях, специальных информационных системах. Сложившееся несоответствие между диалектом как языковой реальностью (одной из форм существования языка) и его научной моделью (результатом познания) обусловлено совокупностью причин онтологического и гносеологического порядка.

К *онтологическим* факторам, влияющим на состояние исследования говоров, относятся: устная форма бытования диалекта; приоритетность для носителя диалекта коллективного языкового опыта и норм его родного говора; ориентированность при продуцировании высказывания, речи на структуру родной ЧДС, на коллективный опыт речетворения родного социума; последнее способствует значительному сохранению архаических элементов структуры и речевых архетипов диалекта, что углубляет отличия от окружающих диалектных систем, создает его неповторимость.

1) *Устная речь* — это основная, близкая к всеобъемлющей, форма существования диалекта. Она охватывает все сферы повседневной коммуникации в социуме, а также жанрово неоднородное словесное творчество; различающееся по многим признакам речевое пространство — от профанной повседневности до художественности, которое проявляется в текстах различных структур, целевых установок и стилей. Устной речи присущ ряд черт: линейность (необратимость) построения высказываний, текста; взаимодействие языковых и невербальных средств, используемых в процессе формирования и передачи информации; упорядоченность и одновременно — варьирование формы и функций элементов структуры; узус и норма в пределах ЧДС; хронотопная ограниченность (не фиксированная специальными средствами, а посему не воспроизводимая, существует во временном отрезке и в пространстве творения/порождения; полнота содержания речи (текста) актуальна и максимальна понятна лишь участникам коммуникации.

Письменная фиксация диалектной речи на фоне повседневно «создаваемых» устных текстов представляет собой незначительный эпизод, несоизмеримый по объему с текстами устными. Письменная фиксация диалектной речи, ограниченная в своей представленности и, как правило, недоступная широкому кругу реципиентов, не влияет на внутреннее устройство диалекта, функции его элементов; вместе с тем графическая фиксация (несмотря на ее неполноту и неточности) способна продлить время хранения структурных особенностей диалекта, чем представляет особую ценность для исследователя. Однако путь от устной речи до ее письменного (графического) аналога всегда сопровождается различными потерями: «...перед многими явлениями живого языка мы часто бессильны. Как, например, передать разновидности и оттенки интонации, которые играют столь важную семантическую и экспрессивную роль, как зафиксировать паузы и слияния лексем или целых сегментов выражений, отразить затирание границы предложения и предложений? Как графически отразить иронию, сарказм, нежелание, различные голосовые сигналы эмотивности и экспрессивности, различные варианты перформирования, скрытые смыслы <...> запись является средством продолжения речи, но одновременно и разновидностью пересказа, порождающей некоторые изменения в структуре высказывания (коммуниката), дающей приблизительный (в некоторых частях идентичный), но в целом неполный образ живой речи» (Wilkoń 2000: 37). Такие информационные потери, неизбежные при графической передаче устной речи и извлечении информации из транскрибированных текстов, хорошо известны диалектологам.

2) Репродуцирование структуры *своей* ЧДС в опоре на речевые традиции и широкий внеязыковой информационный и культурный фонд *своего* (мик-

ро)социума является основой коммуникации на диалекте. Такая *интровертность коммуникации на диалекте* во многом способствует сохранению диалекта во времени как идиома-феномена, которому свойственны множество эксклюзивных черт структуры. Интровертность — это также важная психологическая предпосылка, установка носителя диалекта преимущественно (или исключительно) на свою диалектную систему, порождающая положительную/высокую оценку своей ЧДС на фоне осознаваемых отличий от других диалектов и ЛЯ. Выбор среди ряда альтернативных языковых средств, приемов вербализации передаваемой информации определяет норма, существующая в каждом диалекте как важный маркер, своеобразный код отдельного (своего) социума и соответствующего культурно-языкового мира, отличающегося от иных сопредельных миров. Осознавая многополярность своего языкового существования (в окружении иных говоров и возможного влияния своего и других литературных языков), носители современных диалектов отдают предпочтение, как правило, своей ЧДС как привычному лингвокультурному коду и удобному в пользовании (до автоматизма!) средству коммуникации. Свой выбор они часто комментируют в актах коммуникации с «не-своими».

3) Органичное сочетание *устойчивости языковой структуры и динамика*, будучи универсальным свойством языка, в диалектах проявляется особенно выразительно. Современное внешне изменяющееся село сохраняет и практикует как актуальные многие архаические элементы быта, производственной, духовной культуры, традиций и обычаев, оберегает коллективную память о многих событиях, личностях, что способствует хранению и использованию архаических элементов структуры диалекта, способствует нередко наблюдаемой редиалектизации языковой личности при ее возвращении в родную диалектную среду. Функционирование многих элементов структуры, наличие типов их организации, семантических особенностей, восходящих своими корнями к более раннему периоду развития национального языка, особенно тех, которые утрачены другими диалектами и родственными языками, — явление, часто наблюдаемое в различных славянских диалектах. Это обусловило в свое время сосредоточение внимания на диалектах прежде всего как на важном источнике сведений для познания истории языка. Отметим, что многие архаические черты нередко сохранились только в диалектах, не найдя отражения в памятниках письменности. В то же время диалектам свойственна динамика, изменение или замещение многих элементов структуры новыми соответствиями, формирование рядов формальных, функциональных дублетов, синонимических средств. Импульсы динамики, берущие начало в речи отдель-

ного носителя диалекта или в отдельной коммуникативной ситуации, формируют набор языковых признаков ЧДС, которые зачастую не входят в структурное ядро диалекта, а пополняют его широкую периферию (такие единицы диалекта, важные для познания механизмов и направлений его динамики, часто остаются за пределами научных описаний как нетипичные). Комбинаторика изменений одних и статике других элементов (явно преобладающей над изменчивостью) удерживает диалект как структурно сложное образование в некоем динамическом равновесии, охраняя от хаоса и распада.

Указанные факторы представляют цепочку зависимостей: устность формирует свою локальную норму в ЧДС, металингвальное и внеязыковое информационное пространство, которые существенно влияют на языковую компетенцию носителя диалекта, нередко определяя его отношение к своему и внешнему (иному / чужому) диалектному миру.

Среди причин *гносеологического* свойства важнейшей является динамика задач изучения диалектов. Это касается изменения глубины и направлений интерпретации элементов структуры (явлений и процессов) диалектов, обновления приемов наблюдения над диалектным пространством, характера формирования, упорядочения и использования эмпирической базы диалектных сведений. Исследователи постоянно ощущают отставание базы данных о диалектах, ее объема и содержания, от всевозрастающего запроса на новую информацию. Зафиксированные в отдельных ЧДС и микроареалах языковые факты часто информационно не поддерживаются эмпирической базой сведений по другим диалектам, даже территориально близко расположенным. Отсутствие искомой информации о формах, значениях, географии многих словоформ оставляет их на длительное время не верифицированными в ареальном, функциональном и генетическом планах, затерявшимися в мириадах других зафиксированных и не исследованных «языковых / речевых частностей». Тот факт, что научные источники неравномерно отражают диалектный континуум и разные уровни структуры говоров, а свидетельства о многих диалектах отрывочны и не системны, предопределил ситуацию непреходящей актуальности восполнения недостающих сведений, необходимости расширения круга диалектных сведений как исследовательской константы.

Стремление к постоянному пополнению диалектных сведений несовместимо с абсолютизацией существующего информационного пространства как достаточного по своим объемам и структуре для различных исследований. Так, например, считается нецелесообразным осуществление новых масштабных лингвогеографических проектов после создания национальных атласов, с помощью которых якобы решены главные задачи — установлено диалектное

членение континуума и определены ареалы важнейших явлений структуры диалектов. Такое суженное понимание задач лингвогеографии на фоне развития и углубления интерпретации лингвистических карт вряд ли можно считать приемлемым (см. Гриценко 2003а).

Информационная недостаточность и невозможность быстрого восполнения, уточнения искомых сведений в большом количестве ЧДС (на значительном пространстве диалектного континуума) являются существенными предпосылками наличия несоответствий между говорами и их научным отражением, некоего *зазора* между диалектом как реальностью и глубиной, объемом знаний о данном феномене. Ощутимая редукция круга активных носителей диалектов, трансформация структур отдельных говоров и их совокупности в целом континууме в современных условиях происходят по восходящей, провоцируя потери множества структурных особенностей, тех «частностей», которые в своей совокупности формируют облик данного страта языка, и, как следствие, — облик и внутреннюю архитектуру национального языка.

Для понимания ценности каждого элемента, явления диалекта, для объективного его познания как онтологической данности важны учет и осмысление феномена его диалектности, который не только во многом определяет характер диалектного языка, но и существенно повлиял и продолжает влиять на иные лингвальные страты национального языка, и прежде всего — на характер литературного стандарта.

2. Устность как определяющее свойство диалекта

Устность является базовой чертой существования диалекта, предопределяющей его структуру, динамику устройства и особенности функционирования. Это не только проявление, реализация речемыслительной деятельности носителей диалекта, но и предпосылка появления многих новых языковых единиц, формирования тенденций их функционального распределения. Устная речь — это воспроизведение существующих в языке (отдельном диалекте) моделей высказывания путем отбора из широкого круга возможных (идентичных или синонимичных) языковых средств, которые, исходя из лингвальной компетенции говорящего, соответствуют целям и условиям коммуникации. В то же время это формирование, *творение* всегда нового текста в неповторимом хронотопе и внеязыковых условиях, которые совместно с вербальной составляющей образуют единство коммуникативного процесса.

Устность и обусловленная ею организация и реализация в потоке речи языковых единиц, вариантность сегментных и суперсегментных элементов, включенность невербальных компонентов в коммуникативный процесс, диа-

логичность, кратковременный характер существования устного текста как базовые характеристики неписьменной речи хорошо известны лингвистам; в различных сочетаниях и последовательности их часто рассматривают исследователи литературной разговорной речи. Однако в процессе анализа диалектов, их структурных черт указанные параметры либо учитываются избирательно, непоследовательно, либо остаются без должного внимания. Таковую ситуацию в диалектологии наблюдаем на фоне глубокого изучения литературной (ориентированной на литературный стандарт) устной речи, определения категорий устноречевого текста, его дифференциальных признаков на фоне письменного текста¹, опытов создания коммуникативно ориентированных грамматик (Николаева 1979; Золотова, Онипенко, Сидорова 2004), построения общей теории разговорной речи (Земская, Китайгородская, Ширяев 1981) и др. В настоящее время в диалектологии заложены основы исследования диалектной речи, преимущественно в опоре на транскрибированные диалектные тексты как графический аналог устной речи: созданы речевые портреты диалектной личности², отдельного (микро)социума (Гольдин 2002; Русская деревня 2009 и др.), смоделированы фрагменты картины мира носителей диалекта в опоре на устные нарративы (Руснак 2009), осуществлены ценные наблюдения над семантической организацией диалектного речеобразования (Демешкина 2000), жанрами и стилями диалектной речи. Это важные шаги в понимании архитектоники устной речи, структуры и динамики диалекта. Однако следует признать, что в диалектологии не в полной мере используются те ценные наблюдения и теоретические обобщения свойств литературной разговорной речи, которые отражают универсальные характеристики устности и могут быть использованы для познания диалектов на базе устных текстов, верификации, анализа отдельных структурных элементов. На некоторые характерные особенности устного диалектного текста (прежде всего спонтанность речеобразования, линейность/необратимость «развертывания» текста, вариативность составляющих и др.) ранее было обращено внимание (Грицен-

---

¹ Опыты осмысления различительных признаков устной и письменной речи, важные для понимания феномена устности и ее влияния на формальное и семантическое структурирование высказываний, текстов различных жанров и стилей (см.: Wilkoń 2000; Tolstaja 1992; Niekula 2002; Земская 2004: 290–353; С. 290–353; Niebrzegowska-Bartmińska 2007: 32–48), не анализируют устную коммуникацию на диалекте, которая имеет ряд отличий от речи литературной и устного фольклора в плане ее порождения, внутренней организации и форм существования.

² Среди источников информации, используемых для создания языкового портрета носителя диалекта, исследователи называют тексты, отражающие монологическую и диалогическую речь информанта, и фонотеку его речи (Иванцова 2002: 26).

ко 2002; 2003б), но целенаправленный и последовательный анализ формальной структуры диалектного текста и связанное с ним выявление новых элементов, неизвестных ранее формальных и функциональных особенностей, отраженных в пространстве текста, осуществляются спорадически. И хотя в языкознании в целом формируется оценка диалектного текста как важного источника сведений для решения широкого круга проблем, все же за пределами этого круга пока остаются вопросы структуры ЧДС. Изучение в опоре на речь (текст) отдельных структурных особенностей диалекта³, его внутреннего устройства (Делюсто 2010) свидетельствует о результативности, эвристической ценности такого подхода, однако такие отдельные опыты еще не сложились в целостное направление современной диалектологии.

Традиционно устность принимается во внимание при объяснении отдельных явлений фонетики, в частности — изменения звуков, особенностей реализации фонем, когда характер последних может зависеть от темпа речи, четкости артикуляции звуков, т. е. от качества образования речевого потока как линейной последовательности языковых знаков. Изредка особенностями организации устной речи объясняют некоторые явления синтаксиса, прежде всего — парцелляцию, повторы, лакуны, нарушение семантических связей и др. (Nieskula 2002), неполноту реализации инвариантных моделей предложений, высказываний. Изучение морфологии, словообразования, лексики сосредоточено, как правило, на выявлении языкового знака, явления в ЧДС, на факте их наличия в тексте без надлежащего внимания к особенностям и условиям воплощения в речи; для точного определения семантики, оттенков значения текстовое поведение лексем (синтактика, окружение, текстовые связи) принимается во внимание лишь изредка. Вместе с тем именно устность, характер реализации элементов языка в речевой линейной последовательности зачастую определяет формальную структуру языкового знака (слова, грамматической формы), вскрывая особенности функционирования, семантики, причины изменений, варьирования в пространстве отдельной ЧДС и, шире, — в континууме ДЯ. Однако такой подход к тексту еще не стал непреложным правилом изучения диалекта, что сказывается на глубине описания структуры, существенных характеристик диалекта, в целом влияет на формирование и приемы реализации исследовательских программ.

Устное общение носителей диалекта подчинено прежде всего передаче определенной информации, обеспечению понимания между участниками коммуникации; их стремление к коммуникации остается важной осознаваемой

---

³ Опыты анализа структуры отдельного диалекта в опоре на речь/текст демонстрируют результативность такого исследовательского приема, см. (Крючкова, Медведева, Целова 1995).

константой их бытия, глубоко эмоциональной потребностью. (Отчаяние из-за коммуникативной нереализованности отражает эмоциональное замечание информанта: *пройдеш се'лом / i не'ма ко'му добрий 'ден' ска'зат'* — с. Зеленица, Емилчинский р-н Житомирской обл.)

При определяющем для исследователей диалектов стремлении к полноте описания ЧДС, ареала, в итоге — к познанию закономерностей существования диалекта, причин, форм и направлений изменений его структуры, наблюдение над устной речью носителей диалектов (ее графическим аналогом — диалектным текстом) представляется крайне важным. Поэтому изучение диалекта на основании его текстовой презентации является залогом достижения полноты описания диалекта, сокращения разрыва между его онтологией и гносеологией — реальным существованием и научной интерпретацией. Ориентация на текст как тип источника исследования не исключает параллельного применения иных приемов изучения, ориентированных, в частности, на вопросник-матрицу, своеобразный эталон, с помощью которого задается набор единиц и явлений, а также осуществляется их выявление в диалектах.

Диалектная речь, отражая репертуар единиц ЧДС, варьирование их форм, особенности функционирования, значение, эксплицирует также немало неизвестных ранее и не прогнозированных исследователем единиц различных структурных уровней диалекта. Часть вновь открытых единиц / явлений могут быть непосредственно обусловлены, порождены устной формой существования диалекта, поддерживаемы распространенными в локальной традиции приемами передачи информации, моделями построения высказываний. Для диалектной речи характерны многие черты, отражающие ее облик и одновременно демонстрирующие способность и наличие предпосылок к дальнейшему внутреннему развитию. Важнейшие из них: формальная неполнота высказывания (текстовая компрессия) с последующим синтаксическим переразложением и семантическими трансформациями; появление в речи (тексте) многих новых слов, словоформ (трансформ); функциональное распределение, фреквенция синонимических средств выражения. Часть новых элементов (трансформ), возникающих в речи, ситуативны, недолговечны, другие же, напротив, перерастают из окказиональных в узуальные, нередко обретая статус дифференциального признака ЧДС. Новые фонетические слова, словоформы возникают из линейно соположенных в высказывании самостоятельных единиц вследствие их повторяемости в определенном порядке в речи, восприятия их как формально нечленимых, целостных. Возникающие речевые новообразования пополняют репертуар языковых элементов, структурных типов отдельного диалекта, нередко перерастая в маркер (микро)ареала. В качестве приме-

ров могут служить многочисленные универбаты, зафиксированные в юго-западных украинских диалектах: *пиритч́ара* (< *перед вчера*) ‘позавчера’; на *пиритх́ак’і* (< *перед хати*) ‘во дворе перед домом’; до *пирид:ніни* ход’а (< *перед днини* ‘до дня, до утра’); дајут *запрості́бух*, давали за *прості́би* (< *за прости Біг*) ‘за прощение [Богом] грехов умершему’; ис *с’і́јосени* (< *с’і́јі_осени* ‘с этой осени’); ци двáсто ци трісто овéц извороші́ти *довóрѣха* (< *до_вороха* ‘вместе’); *пúдрога* ро́ка ‘полтора’ (года)⁴, ‘*пíутирки* ‘два с половиной’⁵, ‘*пíучорта* ‘три с половиной’⁶, храм је ў *повели́цини* (< *по_велице дни* ў шіш нід’іл’ ‘{в селе} храмовый праздник после Великого дня [= Пасхи] через шесть недель’)⁷ и др. Возникновение универбатов, порождаемых слитностью произношения соседствующих в потоке речи словоформ, как правило, коррелирует с неделимостью обозначаемых понятий, семантической целостностью речевого новообразования. Универбаты могут подвергаться сочетания нескольких служебных, служебные и знаменательные или только знаменательные слова вследствие их линейного соположения в высказывании. При этом определяющее значение имеют степень произносительной слитности элементов сочетания, высокая частота воспроизведения в речи в определенной последовательности словоформ как некоей целостности, а также структурная эксклюзивность нового слова, его выделяемость на фоне других лексем. Действие указанных факторов подтверждает судьба многих новых фонетических слов, не ставших универбатами. В этом плане показательна ситуация с маркерами глагольных грамем, восходящими к старым формам вспомогательного глагола *быти/ксьмь*, функционирование которых является выразительной структурной особенностью украинских юго-западных диалектов. Формы от *ксьмь* (зачастую это рудименты старых форм спряжения) в потоке речи могут быть расположены в пре- или постпозиции непосредственно при основном глаголе или дистантно по отношению к нему и произноситься слитно с различными знаменательными или служебными словами, относительно свободно перемещаясь в пространстве высказывания. При этом в сознании носителей диалекта «элементы» разрушенных форм вспомогательного глагола сохраняют тесную структурно-семантическую связь

⁴ Кривый Вишавского р-на Мараморош. обл., Румыния [закарпат. диал.] (УГР: 128); форма известна в среднезакарпатских говорах (Німчук 1961: 50).

⁵ Дзвиняч Залещицкого р-на Тернополь. обл. [поднепров. диал.] (АУМ 2, к. 228, коммент. на с. 51).

⁶ Давидковцы Хмельницкого р-на [западноподольск. диал.] (там же).

⁷ Дарманешты Радовецкого р-на Сучав. обл., Румыния [гуцул.-буковин. диал.] (УГР: 456).

с основным глаголом и соотносимы с другими формами глагольной парадигмы. Например, новая словоформа **абѣсти** [дѣвго] жили содержательно и формально соотносима с *аби* [ви довго] жили **ѣесте**, где сохранены грамматическая связь и семантическая неделимость глагола жили **ѣесте**; *бом булѣ* (= *бо була ѣесм*); *ужѣм ни йшла* (= *уже ни йшла ѣесм*); *самѣм си за зѣму ш:ила* (= *сама си за зиму ш:ила ѣесм*). Новые фонетические слова, включающие в свой состав рудименты вспомогательного глагола, становятся универбатами (способными конкурировать с исходными словоформами и замещать их в речи) только при закреплении производительного новообразования в диалектном коде социума как устойчивого структурного элемента. В таком случае новообразования включаются в ареальное противопоставление, иногда сосуществуя в ЧДС с исходными формами (*гей – гей / гейби – гейби* ‘будто’, *скоро – скоро / скоросте – скоросте* ‘скоро’), но часто выступая междиалектными соответствиями последним (*аби* : *абих* : *абим* / *абис* / *аби* / *абисми*⁸ / *абисти* ‘чтобы’) (Герман, к. 173, 178, 180). Такие же преобразования в речи демонстрирует и глагольная частица *с’а* (и ее фонетические варианты), свободное перемещение которой в пространстве высказывания является важной характеризующей чертой для части украинских юго-западных диалектов (Залеский 1969; АУМ 2, к. 248); при этом функции *с’а* актуализируются прежде всего через связь с базовым глаголом, даже если частица расположена дистантно относительно базового глагола, например, в закарпатском говоре: *такѣ же, як са_каже, што як са ѣ дѣре*^{во} *рубѣје* (УГР: 162); *а курѣлоса до хѣты; а дѣвр’ї са ѣтворили; а там са позакривѣѣ*^{ме} / *а там сидимѣ зак са картѣшка ни ж:арит* (ГУМ: 274). Текстовое поведение, синтактика *se (как и других энклитик) в карпатоукраинском ареале имеет по ряду признаков надежные южно- и западнославянские соответствия (Толстая 2012), что подчеркивает их особую ценность для типологии и генезиса славянских диалектов. Устность, повторяемость и закреплённость в высказывании синтаксически связанных и/или соположенных в потоке речи структурных элементов предопределили возникновение многих новых слов и фразеологизмов. К разговорной линейной речи с устоявшимися моделями синтактики (линейной последовательности) восходят многие давние префиксальные дериваты, представляющие сращение *предлога* со знаменательным словом и ставшие впоследствии нормой ЛЯ (как *без_вѣсти* → *бѣзвѣсти*, *перед_день* → *перѣддень*, *до_світ* → *дѣсвіт* и др.)⁸. Осмысление носителями языка струк-

⁸ Показательно, что, правильно оценивая развитие многих префиксов из предлогов (см. Словотвір 1979: 229), исследователи не указывают важной предпосылки данного процесса

туры таких универбизированных производных как единиц нового формально-семантического качества (по сравнению с разрозненно существовавшими элементами) формировало новую деривационную модель, способную продуцировать ряды производных.

Разновидностью новых структурных элементов, возникших как следствие прежде всего устноречевой формы существования диалектов, являются словоформы / сочетания словоформ, объединяющие два (реже — несколько) исходно самостоятельных элемента, например, два предлога, где один из них базовый, а другой (другие) избыточный, функционально дублирующий (подчеркнут): **по на палец** 'на палец'; **по на даранки**; **по на шт'ури**; **по на тот цвіт коло цёр'кви**; **т'ане трактором дѣў на рампу** — и вариант **до на рампи**⁹; **аж дѣў нуд вир 'х**; **дѣў пѣрет** полонині; **пид коло Міроно**; **буду мати з на два дни**, **на три дни**; **а там мајемо одну камеру по уд ўлиц'и** (одну комнату [прилегающую] к улице). Такие сочетания предлогов распространены как явления отдельных ЧДС или отмечены в ряде диалектов, образующих микро-ареал.

Структуры с двумя предлогами исследователи гуцульских и буковинских говоров Северной Румынии относят к распространенным, усматривая в них (прежде всего в конструкциях **до + у**, **до + на**) влияние моделей румынского языка (Seserman-Reguș 1971: 237). Однако при наличии широкого круга вторичных контаминированных образований (в том числе и в указанном ареале), обусловленных характером вычленения элементов потока устной речи, взаимодействия структурно идентичных / близких высказываний, влияние румынского языка в дублировании предлогов можно признать существенно поддерживающим, однако не определяющим. Аргументом в пользу оценки устной речи как важной предпосылки слияния отдельных словоформ в новое фонетическое слово служит появление ряда образований усложненной струк-

— устной речи, лишь в пространстве которой возможно формирование нового фонетического слова (о роли фонетического слова или тактовой группы в организации высказывания см. Зализняк 2008: 9).

⁹Пример нарратива из закарпатского диалекта [то ст'ѣгнемо **дѣў на ров'ин'** // а ўже з **нарѡвени** зберемо гет тоті п'ута / ланці с тих талпій (УГР, 188)] показателен не только наличием избыточного предлога, но и демонстрацией образования нового фонетического слова (**нарѡвен**), включившего в свой состав один из предлогов; на фоне примеров, демонстрирующих отсутствие слияния предлога с существительным [в'ітер не зав'іваје туј у горѡт, так јак у **рѡвени** (там же, 192); то дѣре"во даўно тѡже т'агли з волами, іс кун'ми до'л'у **на рѡв'ин'** (там же, 255)], отмеченное новообразование выглядит окказиональным, не имеющим статуса узувального элемента структуры диалекта.

туры в различных украинских диалектах с не столь ярко выраженным влиянием румынской речи. Например, в среднезакарпатском диалекте: *напосеред* ‘среди’, (*у*)*спонад* ‘над’, *знаповышше* ‘выше’, *доповір’д* (< *вер’х*) ‘повыше’, *піддол’ю* ‘низом’ и др. (Німчук 1969: 80–81), в бойковском диалекте: *айнояк* (< *а + ино + йак*), *айносе* (< *а + ино + се*), *алеондека* (< *але + онде + ка*) и др. (Глібчук 2009). Сложные эксклюзивные образования вследствие слияния линейной соположенных элементов высказывания зафиксированы также и в западнопопелеском ареале: *не^ммавідома-де* (< *не_има_відома* ‘неизвестно где’), *не^ммавідома-шо* ‘неизвестно что’, *не^ммавідома-йак* ‘неизвестно как’ (Сильно Киверцевского р-на Волин. обл. — Арк. 2000 1: 344), *немів’ід* ‘неизвестно что’ (Тоболы Камень-Каширского р-на Волин. обл. — там же). Во многих закарпатских, гуцульских и буковинских говорах распространено линейное сочетание союз *але + но* или в обратной последовательности *но + але* ‘но’: *но, але т-інєр шо, д-істаў трѳхи тѳї пєнсїї; но але б-їлие је такиї каз; но але ві^єжемо; ја тут мају тоѳ, але но, так шо в-іт’аз си_робіў* (УГР: 434–448); *або* и *но* ‘также’: *бук дѳбрий је до ватри, або, но, і до јакѳ-гос’ інакого матр’ану* (там же: 114). Структурные усложнения элементов различных классов (предлоги, союзы, частицы), их синтактика в цепочке речи могут иметь свои особенности и специфические предпосылки. При этом важно, что такие новообразования нередко хранят в своей структуре архаичные формальные и семантические элементы, могут вскрывать имплицированные модели динамики, поэтому их познание представляется актуальным. Устойчивость как причина структурных изменений проявляется в семантически избыточных новых сочетаниях функционально тождественных элементов. Например, предлоги *б’лиз’ко*, ‘*коло, під, при*, ‘*тил’а*, известные в украинском континууме как междиалектные соответствия для передачи локативного значения ‘близко (к объекту)’, во многих говорах зафиксированы в форме составного предложного сочетания: *б’ліско при* [лісі] (Матяшок Вороновского окр., Словакия), *близ’ тил’а* [горы] (Поляна Свалевского р-на Закарпат. обл.), *блис’ ‘коло* [хіж’і] (Букивцево Великоберезнянского р-на Закарпат. обл.), *б’лиз’ко пу^од* [л’ісом] (Каменевка Овручского р-на Житомир. обл.), *б’лиз’ко під* [лісом] (Вольное Станично-Луганского р-на Луганск. обл.), *б’лиз’ко ‘бил’а* [хати] (Полтава Азовского р-на Ростов. обл., РФ) (АУМ 3, ч. 4, с. 179).

Аналогичные новообразования в ряде диалектов возникли как результат сосуществования в пространстве одного высказывания семантически (функционально) эквивалентных единиц, генетически восходящих к различным взаимодействиям идиомам — диалектам украинским и сопредельных иноязычных континуумов. Такие линейно соположенные элементы, обретая ус-

тойчивость в речи, зачастую продолжают функционировать как поликомпонентный языковой знак, например, *би не^н переросло пр'а дуже* (рум. *prea* и укр. *дуже* 'очень'); *так нігда шуган не^н буде* (рум. *șuhan* и укр. *нігда* 'никогда'), *зноў дін ноў* (укр. *зноў* и рум. *din nou* 'снова') и др. (УГР: 111, 227, 446). Такому линейному сочетанию семантически эквивалентных (или семантически близких) единиц, очевидно, предшествовала их функциональная идентификация, использование в одинаковых (близких) синтаксических структурах, что обусловило их взаимозаменяемость в речи. Предпосылкой появления таких форм является наличие в структуре диалекта альтернативных или синонимичных форм выражения лексического значения / грамеммы, сосуществование взаимозаменяемых в речи вариантов синтагм, что предопределило их аттракцию в сознании носителей диалектов и формально-функциональную контаминацию в речи¹⁰.

Функционирование таких вторичных образований в различных ЧДС (что засвидетельствовано текстами диалектной речи, другими источниками) указывает на их статус как узуальных единиц в структуре отдельных диалектов. Тот факт, что в диалектной речи структурно избыточные трансформы и сочетания встречаются довольно часто, говорит о допустимости / приемлемости таких моделей устных высказываний. В контексте появления новых языковых элементов в устной речи носителей диалектов следует отметить также отражение в памятниках украинской письменности многих производных предлогов, частиц, восходящих к двум и более самостоятельным словоформам, которые типологически идентичны диалектным. Например, *или < и + ли, нежели < не + же + ли, дабы < да + бы, извъну < изъ + вьну, поперець < по + перекъ* и др. (Історія 1978: 420–423, 450). Такие образования свидетельствуют об опре-

¹⁰ Отметим, что удвоение предлогов известно также болгарским диалектам, функционирующим в румынском окружении, где данное явление связывают с болгарско-румынской интерференцией (Младенов 1993: 423–425; 2008: 572), а также в отдалении от зоны восточнороманского влияния (Керемидчиева 2007: 44); удвоение предлогов присуще и переселенческим болгарским диалектам Украины (с. Кирнички, Бессарабия, см.: Барболова, Колесник 1998). В македонском континууме (охридский диалект), где также отмечено удвоение предлогов, причину появления второго предлога связывают с необходимостью уточнения семантико-синтаксических отношений в предложениях после слияния первого предлога с падежной формой и оформления падежной синтагмы в акцентное единство; при этом подчеркивается параллелизм проявления данной структурной черты в македонском и романском (арумынском) ареале (Марковиќ 2011). Таким образом, есть основания констатировать наличие македонско-болгарско-румынско-украинской изограммы — удвоения предлогов, конфигурация которой со временем может быть уточнена, особенно с учетом результатов реконструкции многих производных предлогов в славянском макроконтинууме.

деляющей роли устной речи в развитии структуры языка, включая и его письменную разновидность.

Речевая практика социума носителей диалекта вырабатывает определенные структуры высказывания, модели организации устного текста или его отдельных сегментов. Линейная последовательность высказывания часто представляет собой присоединение последующих фрагментов высказывания к предшествующим на основе сочинительной связи. Выделение отдельных сегментов, своеобразное их нанизывание как информационных блоков в рамках описания более обширной ситуации, отражает пофрагментное программирование сообщения без охвата всего высказывания. Маркером такого посегментного программирования высказывания является повторение некоторых структурных элементов (*та_ї кладу у н'у / кладу то́же лист'ічка то́го де замф'ір / та_ї кладу п'рц:у / та_ї кладу хрін'у*¹¹).

Синонимичность программ высказываний способна провоцировать не только отмеченное выше наложение различных маркеров граммем, но и редупликацию, повторную реализацию маркера в пределах синтагмы. Например, в речи часто наблюдается повторение глагольного формообразующего элемента *ся*, передающего преимущественно значение возвратности действия: *міткі си скіда́йіси; в'ечером коли си скінчіласи ўс'ака роб'ота; вітко́ли йа́_си вроді́ласи; коли си стемн'іієси* (БГ: 132, 170, 307, 310)¹².

Структурная избыточность (плеоназм) типологически не отличается от структурной недостаточности в речи — ослабления или импликации формальных манифестантов граммем (утрата предлогов, флексий и др., см. Грищенко 2013: 27–28): в обеих ситуациях наблюдаем нарушение соответствия между грамматическим значением и его носителем — формой, что может иметь ситуативный либо узусный характер.

¹¹ Русково Вишавского р-на Мараморош. обл., Румыния [закарпат. диал.] (УГР: 150); здесь *de zamfir* (< рум. foaie de zamfir) 'лавровый лист'.

¹² В контексте исследования роли устности в трансформациях современных диалектов, как и их предыдущего временного состояния, представляется весьма важным, что в удвоении энклитики *ся*, зафиксированной в памятниках письменности различных эпох, А. А. Зализняк справедливо усматривает и влияние устной речи: «Двойные энклитики не могут рассматриваться лишь как особенность письменного текста — по крайней мере в части случаев это отражение соответствующей особенности устной речи. <...> В живой речи двойное *ся* представляло собой результат конкуренции старого и нового правил расстановки энклитик, из которых первое требует препозиции, а второе — постпозиции *ся*» (Зализняк 2008: 191). Наличие в современных украинских диалектах указанной структурной черты важно как свидетельство длительности во времени процессов структурной трансформации языка, их ареально избирательного характера.

Сорасположение (синтактика) элементов в цепочке высказывания, повторяемость вербальных блоков способствует формированию феномена сохранения определенного содержания высказывания при отсутствии или неполной актуализации некоторых языковых элементов, «необходимых» для передачи данного содержания. Отдельные выразительно сегментируемые элементы речевого потока теряют четкость очертания семантики, хотя при этом сохраняется понимание общего смысла высказывания. Это видно на примере фрагмента нарратива, в котором автор повествует о своих занятиях в молодые годы:

Видтáк во́йна са_ми́ну́ла, ви́шю́-им додóбу. Та зноў-јим буў з_марж́і́нами⁽¹⁾ колó нін'і доў два́д'ц'áтого. Два́д'ц'áтого-м са_жені́ў. Так нін'о жи́ў, буў-јим изноў колó до́ми косі́ти, ора́ти та_і з_марж́і́нами⁽²⁾.

Видтáк-им нашо́ў додóбу та_і косі́ў, ора́ў та_і з_марж́і́нами⁽³⁾.

[Когда закончилась война, {я} возвратился домой. И снова ухаживал за скотом {был} возле отца до двадцати {лет}. {В} двадцать я женился. Поскольку отец был жив, {то я} был дома, {нужно было} косить, пахать и {ухаживать} за скотом.

Потом {я} пришел домой, {где снова} и косил, пахал и {ухаживал} за скотом]¹³.

Словоформа в (1) *буў из марж́і́нами* ‘содержал скот; ухаживал за скотом в хозяйстве’ — пример распространенной в устной речи семантической компрессии, когда глагол *бути* (‘быть, пребывать, находиться’) при назывании объекта действия (*марж́і́на* ‘скот’) оказывается транспонентом более широкого содержания ‘смотреть, ухаживать за скотом в хозяйстве’ (что соотносимо с информацией о широком комплексе действий, ситуаций, обстоятельств, объединяемой понятием «содержать скот»). Разворачивая повествование, нарратор ограничивается упоминанием объекта действия *марж́і́на*, не вербализируя самого действия (2, 3), что отражает его уверенность в том, что лапидарного описания ситуации достаточно для понимания слушающими, поэтому актуализация предиката необязательна. Такая парцелированная организация текста оказалась возможной благодаря существованию в сознании говорящих моделей синтактики элементов речи и приемлемых для данного диалекта синонимичных программ высказывания, среди которых говорящий может выбрать модель, соответствующую замыслу сообщения и характеру коммуникативного акта. Этими чертами модель синтактики диалектной речи обнаруживает типологические сходства с произносительной программой слова, которой свойственны наличие плана-намерения произношения слова, правил связи компонентов (не сводимых к «линейной комбинации / нанизыванию дискретных единиц») и правил варьирования дискретных

¹³ Поляны Вишавского р-на Мараморош. обл., Румыния [закарпат. диал.] (УГР: 105).

элементов, образующих целостное пространство, а также коммуникативная неравнозначность элементов в пространстве слова¹⁴. Правила синтактики диалектной речи включают также формы (модели) перераспределения функций между элементами высказывания при изменении его структуры. Семантическая, функциональная трансформация элементов высказываний, транспозиция функций от одного члена синтаксического целого к другому оказались весьма распространенным явлением устной речи. Приведенный пример совмещения предиката и прямого объекта (*та ї з маржинами*) не эксклюзивен, а репрезентирует часто встречаемое явление диалектной речи — импликацию отдельных элементов высказывания с изменением грамматических функций и отношений эксплицированных элементов.

Семантическую компрессию отдельного слова или словосочетания в устной речи зачастую усиливает интонационное выделение, изменение темпа произношения, например, замедленно произнесенная фраза *шо робіли / робіли* на фоне более широкого рассказа о своем труде в молодости передает смысл, тождественный оценочному выражению «уж *как хорошо* работали!». Отметим, что варьирование интонации, темпа, экспираторной силы произношения, игра широким спектром модальности, которые являются неотъемлемыми средствами организации устной речи носителя диалекта, остаются за пределами ее письменного (графического) отражения (переложения), а посему надлежало бы не учитываться в познании структуры диалекта, особенностей функционирования его элементов.

Зачастую в диалектных нарративах обнаруживается нарушение предполагаемой гармонии между формально-грамматической и лексико-семантической составляющими в содержании словоформы, тяготение к усилению лексической семантики слова, которая способна связывать смысл высказывания с определенной семантической сферой, неким концептом, ассоциировать с определенными внеязыковыми ситуациями. К такому выводу склоняет часто фиксируемая в речи деактуализация грамматических маркеров, их относительно свободное варьирование, а также пропуски в тех сегментах текста, где наличие маркера ожидаемо. Так, нередко наблюдаем нарушение однотипного оформления предикатов, варьирование маркеров тех же предикатов. Например, во фрагменте текста

'тол'ко во'ни [коноплі] рос'ли / і 'йїх б'рало² так / са 'микало¹ / віби'рало² // і ті ко'ноплі вез'лоса¹ ў 'воду / мо'чилоса¹ / і б'ралоса¹ на та'ку / 'терлицу ска'зати / диріў'їену / і мі'палоса¹ ў'во'ді [Бочковцы Хотинского р-на Черновиц. обл. (БГ, 40)]

¹⁴ О предопределении звуковых изменений в пространстве словоформы ее фонетической программой подробнее см. (Калнынь 2001).

базовой для построения рассказа нарратор избрал возвратную форму глагола на *-с'а* (обозначено ¹), которая сменяется формами без *-с'а* (обозначено ²) без видимых семантических предпосылок, поскольку речь идет о действиях в пределах единого процесса (обработки конопля). Подобные изменения в архитектонике диалектного текста представлены довольно широко и связаны, по-видимому, с перераспределением ролей в выражении содержательной структуры словоформ и их сочетаний между собственно грамматическими и лексико-семантическими составляющими. В выборе нарратором в каждом конкретном случае грамматических форм в пределах широкого ряда вариантов, распространенных в диалекте и допустимых в текстах на предполагаемую тематику, не прослеживается четких языковых предпосылок — этот процесс, очевидно, является следствием актуализации психоэмоциональной основы речепорождения. Отсюда — известный в текстах прием перемещения субъекта действия с первого на более отдаленный план, своеобразное *обезличивание* субъекта действия. Об этом сигнализирует использование форм глагола не 1 л. ед. ч., а форм 2, 3 л. ед. ч., 1, 2, 3 мн. ч. или безличных форм (будто речь идет о ком-то другом или об абстрактном исполнителе действия), хотя нарратор рассказывает о событиях своей жизни, своем опыте, о действиях, в которых он был исполнителем. Прием построения устного текста с грамматическими трансформациями, отражающими едва уловимые установки говорящих на «изменение» субъекта действия, чаще эксплицирован в речи носителей юго-западного украинского наречия и значительно реже — юго-восточного и северного наречий.

Трансформации, обусловленные линейными связями, переплетаются с глубинными парадигматическими изменениями в структуре диалекта, многие из которых также восходят к устноречевой реализации диалекта как системы, опираются на взаимодействие вариантов форм вербализации значений, описываемых в речи ситуаций. Так, в глагольной парадигме отмечены изменения спряжения (*'вижу* — *'вижут* 'видят', *'сижу* — *'сижут* 'сидят' и др.). Трансформированных и закрепленных речевой традицией глагольных словоформ в речи носителей украинских юго-западных диалектов отмечено множество (как *приїї'хайут* 'приезжают', *став'л'айут* 'ставят', *ло'вайут* 'ловят'); они функционируют во многих ЧДС как безальтернативные словоформы.

Закрепленные формальные и функциональные изменения языковых знаков в речевой практике социума превращают их в дифференциальный признак ЧДС или отдельного ареала. Так, в диалектной речи наблюдаем изменения, восходящие к локальной традиции устной речи, отличной от известных во многих диалектах моделей развития. Нередко такие трансформации ограни-

чены в своей реализации отдельными словоформами, которые, попадая в ряд высокочастотных в речи, становятся особенностью ЧДС, например, изменение [а] > [’i] отмечено только в одной часто употребляемой словоформе: *так* > *т’ік* (*хот’іли т’ік, може би ми си верну́ли; лиши́ли т’ік годі́ну і полови́ну; но т’ік то мій хлѣпец; шо ўже же́к т’ік р’ік мину́ў; ја т’ік гада́ў*¹⁵). Во многих случаях изменения охватывают широкий круг репрезентантов, что выразительно выделяет ЧДС на фоне других диалектов. Такими, например, являются следующие фонетические изменения:

– сужение и передвижение артикуляции [у] ([у] > [y̥]) в двух западнопопелесских ЧДС в Шацком р-не Волынской обл. [с. Залесье: *тўт, кўри, кўди, кажў, свекрўха, фартўх, дўкў, живў, дрўгїх, перехришч’ў*; с. Пульмо: *клўн’а, побірўшки, бўдут, нагорў, рад’ушкў, скўбати, кўжел’а*; в этой же системе отмечено и сужение [о] > [ø] в отдельных словоформах — *наробѣту, фартушѣк* (Арк. 2010, с. 82, 84, 88, 92)];

– ярко выраженная лабиализация в среднепопелесской ЧДС (с. Машево Чернобыльского р-на Киевской обл.): /о/ > [у] — *го’дув, на в’е’чўрк’ї*; [и] > [у] — *’вужола* ‘выжала [серпом]’, *вуго’н’айўт* ‘выгоняют’, *до Ч’е’р’нобул’а, в’муіе* ‘умоет’, *пу’таїте* ‘спрашивайте’; [е] > [о], [у] — *но Про’ч’ї’сту, сво’йў’ї*; [а] > [о] > [у] — *недо’ла* ‘не дала’, *строї’н-е, сто’ри’чоло’в’їек, но’на’, осто’лос’е’а* ‘осталось’, *позоб’ї’рал’ї’* ‘позабрали’, *зон’ї’саў* ‘записал’);

– для ЧДС с. Марицея яркой дифференциальной чертой стала утрата безударного гласного (преимущественно [е], а также [и...і] < [е]) после интервокального спيرانта [j], т. е. изменение в последовательности [VjV] > [Vj], охватившая множество словоформ: *унá шука́й{e}*; *було́ двої́{e}* г’і́т’ї́; *в’ін рубáй{e}*; *одна́ коза́ маї́{e}* двої́{e} к’ї́зл’ит, а *одна́ маї́{e}* одно́ к’ї́зл’и; *бѣрзо прибіга́й{e}* коза́; *ўна уважу́й{e}* на н’ѣго, *їго́ ні спуска́й{e}* з_очі́й; *ї шо за со́й{e}* *маї́{e}мо*; в глаголах 3 л. мн. ч. — [*ми*] *с’ї́й{e}мо, санáй{e}мо, кў-маї́{e}мо, стрі́л’ї́й{e}мо, зач’їна́й{e}мо*¹⁶ (совпадающие формы 3 л. мн. ч. и

¹⁵ Марицея Радовецкого р-на Сучав. обл., Румыния [диалект с гуцул. и буковин. чертами] (УГР, 434, 437, 441, 445); следует отметить, что изменение [а] > [’i] в отдельном часто употребляемом в речи слове в специальном описании данного диалекта (Робчук 1999) оставлено без внимания.

¹⁶ Данное изменение расширяет предложенный в (Калнынь 2005) перечень позиций, в которых сонант *j* провоцирует динамику сочетаний фонем. В украинских диалектах изменения в сочетаниях с *j* известны в различных позициях во многих диалектах; повышенная частотность проявления таких изменений может приниматься во внимание как признак отдельного диалекта или ареала (напр., в буковинских говорах отмечена выраженная тенденция утраты *j* в финальных сочетаниях *їj* (на *ні{j}*), *у ко́ждї{j}* *ха́ті*, *у во́с’мі{j}* *годі́н’ї*), безударного гласного после *j* (й{а}кás, й{а}кимус, й{о}гѣ); последнее изменение вкладыва-

императива разграничиваются синтаксически). Указанное изменение звуко-сочетаний в данном диалекте, имея высокую фреквенцию, не охватывает всех возможных ситуаций, а во многих словоформах сохранены исходные сочетания звуков: *кроїті* хату, *маїе*, *накриваїї*, *сїїм* и др. (УГР: 422–450), что не умаляет значение этого изменения как дифференциального признака ЧДС, особенно на фоне иных диалектов, в которых данное явление отмечено спорадически.

Ряды подобных локализмов могут быть значительно расширены, так как в каждом диалекте при внимательном анализе текстов удается установить факты, явления, характерные для исследуемых ЧДС и отличающие их от других говоров. Такие структурные особенности ЧДС требуют углубленного анализа и как структурные маркеры диалектов, и как элемент диалектного континуума с перспективой определения их географии, установления ареалов бытования и, возможно, времени появления в ареале.

Актуальность изучения трансформ как проявления динамики диалекта в его устноречевом существовании усиливается тем, что так называемых нерегулярных изменений оказывается множество в каждой ЧДС, а их асистемность при тщательном анализе оказывается довольно упорядоченной совокупностью единиц, подчиненных определенным закономерностям, тенденциям. Стремление к системному описанию диалекта предопределяет усиление внимания к нерегулярным изменениям, возникающим в устной речи; их учет и анализ способствуют углубленному пониманию скрытых механизмов, импульсов развития диалектов¹⁷.

Синтагматические позиционные изменения, исходно индивидуальные по определению, нередко закрепляются в отдельной словоформе или ряде словоформ, перерастая в черту речи отдельного носителя диалекта, а со временем поднимаясь до уровня структурного признака ЧДС. Часть структурных новообразований овладевает определенным географическим пространством, формируя набор релевантных признаков ареала.

Специального внимания заслуживает тот факт, что многие нерегулярные структурные изменения (трансформы), возникшие в устной речи носителей

ваются в более широкую модель редукции предупредительного гласного безотносительно к *j* (ср.: б{у}ла, т{а}кий). В связи с синтагматикой *j*, особенно с возможным влиянием сонанта на сопредельные элементы слова, обращают на себя внимание наличие отдельных усеченных словоформ в среднепопелеском диалекте, восходящих к членным прилагательным: до (у) мого'де {je}, до хре'ш'чене {je/ji} (Машеве: 164, 178).

¹⁷ О важности учета локализмов для познания диалектного пространства как динамической целостности см. (Гриценко 2010).

диалектов, зафиксированы в не связанных между собой (дистантно расположенных) отдельных пунктах или микроразонах. Такая ареальная ситуация может иметь несколько объяснений: как независимое одинаковое формальное развитие явления в различных диалектах или как рудимент сплошного в прошлом ареала. Верификация данных предположений для каждой словоформы зависит от базы специальных диалектных сведений, необходимости восполнения которой постоянно напоминает о себе. Дистантно расположенных трансформ в украинском континууме, по нашим наблюдениям, довольно много, и каждая ситуация в отдельности вскрывает ряд особенностей диалектов, их ареальных характеристик, условий становления и развития. Так, в ряде украинских диалектов зафиксирован словообразовательный тип наречий с финалью $-(V)ка$ (*'тамика < там, 'тудака < тут 'здесь', 'тудака < туда, 'водека < вот*) — в западнopolесских говорах (Громик 1977), в отдельных среднopolесских говорах отмечены словоформы *'ондека, ~-и*¹⁸, *'тамака, те'перека, 'тудака* (ГЧЗ Опис: 55); ряд словоформ отмечен в отдельных восточнopolесских ЧДС¹⁹. Украинско-полесская несплошная локализация продолжается не только в сопредельном белорусско-полесском (от юго-восточных говоров на Гомельщине через Пинщину до Брестчины), но практически охватывает весь белорусский континуум, включая северо-восточный и северо-западный ареалы (отмечены словоформы *тўта(о/ы/э/е/ь)ка, тўдака* (ЛАНБГ 2, к. 121, ком. с. 64), *тáма(ы)ка, тáмацька(і), тут(о)ака* (СБГ 5: 82–83, 150). Предполагаемое продолжение ареала в западном направлении подтверждено синхронными сведениями из польских диалектов (Bal 1974: 68–69) и фиксациями в старопольских памятниках XVI и XVII вв.; при этом возникновение отдельных наречий данной модели (*dzisiaka, wczoraka*) в малопольском ареале связывают с украинским влиянием (там же: 94). Особое внимание обращает на себя проявление типичной для наречий словообразовательной модели с финалью $-(V)ка$ в зоне глагола (своеобразная словообразовательная индукция): в западнopolесских (брестских) говорах — *й'эс'т'ика (< й'эст' 3 л. наст. вр. 'есть, существует')* (Арк. 2012: 42); в среднopolесских белорусских туровских — *эсцака, немаэка (< немайе 'нет, отсутствует')* (ТС 2: 53; 3: 189; также в северо-западном белорусском ареале — СБГ 2: 127); в украинских среднopolесских — *й'эсте'ка*²⁰, *н'е'майэка*²¹. Данные глагольные словоформы дифференцируют

¹⁸ Залужье Дубровицкого р-на Ровенск. обл.; информация А. И. Котяша, зап. 2014 г.

¹⁹ На Черниговщине зафиксированы: *'тудака (во~, в~), о'тамака, 'тамака* (Тимонович Семеновского р-на), *о'тудака, 'тамака* (Баханы Репкинского р-на); информация Г. А. Чешко, зап. 2014 г.

²⁰ Машеве, с. 64, 96, 114, 148, 158, 164, 172, 176 и др.

ареалы существования производных по признаку функциональной нагруженности модели, расширяют ряд признаков ареального противопоставления в пространстве диалектного континуума. Сконструированное на известной базе диалектных сведений ареальное и функциональное проявление модели актуализирует дополнительные, иногда — принципиально новые задачи изучения диалектов, что представляется возможным прежде всего вследствие значительного расширения круга эмпирических данных.

Многие измененные в речи языковые знаки в структуре диалектов функционируют как изолированные словоформы, хотя известны многим ЧДС; часть изменений охватывает в говоре незначительное количество словоформ, хотя и не образует устойчивого типа трансформации. Так, на фоне других словоформ существительных *ā-основ в ряде закарпатских, гуцульских и буковинских диалектов изолированной является форма Асс. sg. f. *góлу* (< *голову*): *лиш гóлу вітко бу́ло; над 'іу на гóлу; ўвійшó ў гóлу;* при этом отдельные слово-сочетания с компонентом *ў голу (ўвійшó (приїде) ў голу)* имеют устойчивый (клишированный) характер. В то же время распространенная в украинских западных диалектах модель фонетического преобразования [oŷ] > [y] эксплицирована в различных словоформах (изменения отмечены в конце и середине слова), маркируя соответствующие ЧДС, например: *н'імц'іу́ бу́ло, сэрбу́ пл'є́нних; клі́чи мо́ гóст'у до́ нас; кла́ду ў бо́чку на спут рас лі́ст'а з ви́шін' та бу́раку́ чирлє́них у спут у бо́чку; но с_тих грибу́, ко́тр'і ма́ї до́бр'і сут, іс_сих варимó; до́у великих морóзу; а на дру́г'ії́ вє́черы їдут {колядовать} жóны, л'у́ды^е до рóдичу, ма́ї велы́к'і так'і; ла́стукы прыхóд'ат весну́ (< ла́стовкы прыхóд'ат [прилетают] весно́в)* (УГР: 161, 208, 212, 214, 218, 263, 268).

Таким образом, в украинском диалектном континууме известен круг направлений динамики форм, функций и значений элементов говорков, возникших вследствие устной формы существования диалектов, проявления правил формирования и реализации закономерностей, тенденций организации устно-речевой коммуникации. Этот круг единиц, явлений довольно широк, разнообразен, охватывает различные структурные уровни. Поэтому устная речь, линейное речеобразование, нарративы вскрывают многие элементы диалектов, не известные ранее, не представленные в лингвистических источниках. Надежное истолкование таких языковых единиц, прежде всего в области лексики, семантики, акцентуации, синтаксиса (особенно вариантов предложно-падежных конструкций), требуют специального анализа.

²¹ Машеве, с. 16, 42, 94, 104, 160, 180 и др.; обе глагольные формы известны и в Залу́же Дубровицького р-на Ровенск. обл.

Исследуя устность в контексте появления новых фонетических слов, изменения структуры словоформ, их значений и/или функций, необходимо принимать во внимание не только порождение речи говорящим, но и ее восприятие слушающим(и), т. е. учитывать коммуникативный акт как сложное разнонаправленное явление. Ведь только идентификация и приятие слов, словоформ в их внешних границах, с их акцентными, функциональными особенностями, как они эксплицированы говорящим, обеспечивает закрепление таких изменений в речевой практике слушающих, шире — отдельного социума.

На устность как на предпосылку или причину изменений многих элементов структуры языка в прошлом, что засвидетельствовано письменными памятниками различных периодов истории языка, также указывают многочисленные факты. Поскольку украинский литературный язык в значительной степени сформировался на диалектной основе, то, несмотря на редуцированное, избирательное вхождение в литературный идиом элементов народных говоров, последние всегда привносили в его структуру единицы, отчетливо сохранявшие влияние устной диалектной речи. Сказанное дает основание считать устность определяющим фактором структурной организации, динамики форм, значений и функций мириад элементов языка, реализованной в диалектной или литературной формах в настоящее время или в минувшие эпохи. И такое обобщение сегодня не кажется преувеличением. Напротив, оно обретает силу методологического постулата, осмысление и применение которого способно изменить существующее представление о внутреннем устройстве не только отдельного говора, диалектного континуума, но и языка в целом.

3. Аксиологический параметр *свой* — *чужой*

Феноменальность диалекта состоит не только в устной форме его бытования, но и в топичной определенности диалекта, шире — в хронотопичности — функционировании в точных координатах пространства и времени. Это проявляется в направлениях, линиях взаимодействия с внешним по отношению к отдельному диалекту языковым (диалектным) миром, и этот вектор взаимодействия эксклюзивен для каждой ЧДС в каждый момент ее бытия. Такое понимание особенности диалекта коррелирует с универсальной оппозицией *свой* ~ *чужой* / *иной*, которая концептуально значима для понимания сущности диалектных форм языка и определения тактики их изучения.

Известно, что исследователь диалекта, который не является его носителем, оперирует лишь той информацией, которую ему передали, приоткрыли носители диалекта в специальном интервью. Диалог с чужим (представителем иной культурно-языковой среды) таит множество ограничений в доступе

к коллективным знаниям, информации социума. Одновременно в диалектной речи актуализируется та информация, которую можно квалифицировать как гиперически излишнюю детализацию, которая не выносится на поверхность в повседневном общении представителей одного микросоциума, носителя одного диалекта. Такое коммуникативное смещение в контакте носителя диалекта с «чужим», провоцирующее ряд особенностей организации устного диалектного текста (зачастую — бóльшую детализированность нарратива, специфический подбор структурных элементов, содержание сообщаемого и его оценки), необходимо принимать во внимание, создавая речевой портрет личности или характеризую ЧДС в целом.

Ориентированность носителей диалекта на свою локальную языковую систему, интровертность постоянно присутствует в их сознании, проявляясь с различной отчетливостью в реакциях на *не-свой* диалект, на отличающуюся от родной чужую / иную речь. Понятие *своя* речь тесно связано с культурным кодом — коллективной памятью, традициями, опытом своего социума, внешними природными условиями жизни, событийным рядом, кругом известных для своего микросоциума личностей; диалект не только вербализирует все, что окружает каждого члена социума, но и является средством его социализации в данном сообществе. Поэтому для носителя диалекта язык своего социума — всегда нечто большее, чем совокупность элементов и правил их использования, это еще и положительная аксиология *своего*, что является важным импульсом сохранения своего диалекта от забвения. Поэтому так часто встречаемся в диалектах с ситуацией, когда многие элементы структуры ЧДС, которые, предположительно, должны были подвергнуться полной редукции, уступить место другим элементам, сохранены в речи и продолжают активно функционировать.

Отчетливое проявление оппозиции *свой* — *чужой / иной* часто можно наблюдать в ситуации смешанного диалога носителя диалекта с исследователем-эксплоратором (представителем иного лингвально-культурного кода), провоцирующим и направляющим текстотворение. В нарративах диалектоноситель пытается максимально точно представить свой диалект, эксплицировать его особенности и отделить от знаемых им альтернативных вербальных средств, которые, по его оценкам, не представляют его диалект, привнесены из окружающего языкового мира. Отсюда — частое включение в нарративы металингвальных оценочных суждений, комментариев об отдельных словах, словосочетаниях, поиски среди дублетов и синонимов тех словоформ, которые, по представлениям говорящих, являются наиболее точным названием десигната, например:

на 'гору 'к'і'дал'і та^{ом} / то^{ам} на^о в'і'ш'к'і' / йак у *нас* 'кажут';
 ў *нас* 'бапк'і наз'і'вайец'а а'бо ко'п'іч'к'і / а'бо воро'х'і' наз'і'вал'іс' /
 во:бш'ч'е / наз'і'валос'а ворож'к'і // ў ворож'к'і пос'тав'іл'і і ўсе;
 но^а о'р'ел'і ко'чал'іс'е го'і'дал'іс'а^о / н'е го'і'дал'іс' / коли'хал'іс' / у *нас* на-
 зі'вал'іс'²²;
 по ме'ди'цин'і ч'е'р'е'д'і'а / а по '*нашому* воўч'к'і' (ГЧЗ: 47, 64, 70, 73);
 у *нас* каже'а р'ізы (УГР: 313).

Употребление конструкций у *нас* (*кажут*, *іменуйец'а*, *назвайут*), *по нашому*, «по-иному», описание семантики слов и выражений, разъяснение «несвоему» реципиенту, человеку из «внешнего мира» особенности «своих» реальных, действий — все это типичные способы введения в текст металингвальной информации:

а у *нас* гова'рили 'губк'і; *м'і* ко'залі к'л'етка; ж'м'ен' дв'е' / 'т'і'йе
 'ж'і'т'нейе / ржа не м'і '*кажэ'ом*; у *нас* так гарбу'зи / не каву'ни / а гар'буз; бе'ре
 'баба 'пос'т'іл'ку по '*нашому*; треп'ло по '*нашому*, йа з'бат'ком ц'і'ж
 'вулик'і' / во'н'і' *на'з-и вал'іс'* у *нас* ло'вушк'і'; перек'н'і' даў хл'е'ва сво'го /
 перек'н'і' даў ц'е перест'ройува'ў / з'*нач'іт*'; 'доўга ко'мора ц'е о'бора *ка'зал'і*;
 а шче'ж 'ран'о'йу вес'нойу вес'ел'к'і бу'ли / сморч'к'і йо'ни по '*руск'і* на-
 зі'вайуца; жура'ў'в'іні / к'л'уква / *іме'нуйца* (ГЧЗ).

Иногда такие объяснения перерастают в отдельный микронарратив, текст в тексте:

май с'тарші жін'ки віши'вайут су'бі та'кі сороч'ки / йі'кі *назі'вайуц:и ру-
 каў'йенками* // *назі'вайуц:и* так 'черес то /шо 'вішивка на рука'вах // а ші йе
 скіс'ні *рукаў'йенки* // це то'го що ўзір шийе'си ни 'ріўно / а наўско'са / т'рохи
 звінк'л'овано // а'ди так віши'вайут ў 'Багні //;

най'біл'ше віши'вайут '*йасіки* // '*йасіком* ў *нас* *назі'вайут* 'подушку / на
 йа'кі спит ма'ла ди'тина (БГ, 54, 61).

Приверженность носителей диалекта к речевой традиции своего социума наиболее отчетливо эксплицируют сохраненные структурные противопоставления диалектов. Даже при наличии контактов между территориально сопредельными ЧДС отличия между ними зачастую оказываются довольно устойчивыми. Это демонстрируют многие карты региональных атласов (особенно

²² Данный контекст — отражение типичной ситуации: сложности выбора носителем диалекта «своего», наиболее точного названия среди нескольких альтернативных; номинативный параллелизм в наименовании данного действия («качаться на высоких качелях») известен и смежным белорусским говорам, где среди ряда дублетов отмечена и лексема *каляхаўца* (ЛАБНГ 2, к. 115).

с густой сеткой обследованных населенных пунктов), а также записи нарративов с одинаковыми темами. Например, тексты из украинских говоров Северной Румынии (УГР) отражают дифференциацию глаголов, репрезентирующих понятие ‘чистить картофель для приготовления пищи, снимать кожуру’: *опч 'істимо (ч 'ішчу) барабул'у* (сс. Кунунское, Вишна Рона, Луг), *начішчу р'іпи* (с. Вишавская Долина), *оптинáјемо барабул'і* (с. Молдова Сулицца), *лунју барабул'ку* (сс. Вашкивцы, Рогожешти, Бродина, Кривый), *тешемо р'іпу* (с. Быстрый), *натешу р'іпи* (с. Поляны); *настрезіи барабул'* (с. Изворы Сучавы); см. также: *бері, настрезіи барабул'* та *поклад'ї ў воду та обмії та утáк барабул'ї в'ібері з вод'ї та порубáї {'нарежь'} ножем* (УГР, 363).

Устойчивое функционирование в речи *своего*, свойственного родному говору, ярко проявляется в тех случаях, когда вместо ожидаемого элемента, появление которого, кажется, объективно предопределено, используется *правильная* с позиции носителя диалекта иная словоформа. Это выразительно проявляется в словообразовании, когда при наличии производных от одной основы теряется выразительность мотивационных отношений, стираются очертания словообразовательной модели. В таких случаях гомогенные дериваты от одной основы нередко оставляют впечатление гетерогенных единиц. Например, в нарративах о крещении младенца зафиксированы как словоформы, в которых сохранена мотивационная связь с **krъstiti (xpъc't'a* ‘крестят’, 3 л. мн. ч. наст. вр., *похрѣст'ат* ‘покрестят’, сов. вид), так и лексемы с трансформированной структурой, предположительно указывающие на отдаленное время формальных изменений: *іришч'ін'а* ‘обряд крещения’ (лексема неоднократно повторена в рассказе, очевидно, узуальный элемент)²³; *хрест'іни / іришч'ін'е* ‘обряд крещения’ и *ѣрст'и / јѣрст'и* ‘крестят’ (3 л. мн. ч. наст. вр.), *зерс'к'і* ‘окрестят’ (3 л. мн. ч. буд. вр.)²⁴; иллюстрацией формальной дивергенции лексемы и разрушения ее мотивационных связей могут служить сохраняемые во многих диалектах трансформы от **водохреца* ‘водосвятие, крещение’ (< **воду хрестити*): *відорш'і* (УГР: 175), *vodôršči* (Николаев, Толстая: 202), *widorszczci* (Janów: 258), *водóкичі, водóхичі, водіхич, водóричі* (Онишкевич I: 139), *ви'дорш'і* (Астаф'єва: 209), *вóдóбичі* (Сабадош: 39) и др.²⁵ Нередко лексикализованные словоформы, закрепленные за определенным значением, подобно производным от *хрест-*, становятся узуальными, расширяя формальную базу

²³ Быстрый Вишавского р-на Мараморош. обл., Румыния [гуцул. диал.] (УГР: 176).

²⁴ Кунунский Радовецкого р-на Сучав. обл., Румыния [гуцул. диал.] (УГР: 355–356).

²⁵ Ряд лексем данного семантического ряда, демонстрирующих разрушение исходной мотивационной связи с *хрестити*, см. (Осташ 2003: 292).

диалекта; такими трансформами-локализмами изобилуют многие диалектные тексты, особенно — пространные нарративы.

Каждый структурный уровень диалекта включает ряды признаков, которыми он отличается от других, территориально сопредельных, говоров и которые совместно с другими элементами ЧДС как функционирующей системы передаются из поколения в поколение, что сохраняет их от забвения и замещения альтернативными элементами. Закономерно, что среди таких единиц немало языковых архаизмов²⁶, формально и функционально измененных словоформ, тщательное изучение которых является важным как для описания диалекта отдельной языковой личности, так и для создания обобщающих характеристик диалекта или континуума в целом.

Наблюдаемые в диалектах процессы формирования локальных отличий (или реконструкция таких процессов) могут оказаться важным подспорьем в моделировании подобных изменений на отдаленных во времени этапах эволюции, включая и праславянское состояние. При этом общей определяющей для динамики структуры языка различных эпох остается роль устной речи.

Исследование диалектного пространства (ЧДС, микроареала), его структурных особенностей предполагает учет внешних условий бытования социума, особенностей его культурной среды. Важными параметрами, которые необходимо учитывать, являются: архитектоника социума, демографическая (величина социума), экономическая, культурная самодостаточность или зависимость от других сопредельных социумов; тип преобладающей модели организации жизни социума (интровертная или экстравертная), что может коррелировать с (преимущественно) закрытой или открытой к внешним влияниям структурой ЧДС, степенью остроты оценок элементов диалектной системы по линии *свое* — *чужое*.

Аксиоматичность положения об устной форме бытования диалекта провоцирует привыкаемость в среде лингвистов и порождает недостаточность внимания к данной основополагающей его особенности, хотя, как демонстрирует множество примеров из диалектных текстов, именно устностью, особенностями продуцирования устного текста зачастую обусловлены различ-

---

²⁶ Примером сохранения синтаксического архаизма может служить форма *дѡма* ‘домой’, восходящая к известной в древнерусском языке беспредложной форме G. sg. для обозначения границы движения, позже вытесненной предложной конструкцией (История 1983: 102–103), например: *як прійдут іс пѡлѡнии дѡма та принесут хл’іби дѡма* (‘когда придут из пастбища *домой* и принесут {головки сыра = *хлиби*} *домой*’); *прійшоў-им дѡма* (‘пришел *домой*’); *як зйдут ус’і дѡма* (‘когда придут все *в дом*’); не хот’іли ме^не дати *дѡма* (‘не хотели меня отпустить *домой*’) (УГР: 221–222, 165, 182).

ные изменения формы, синтактики, функций, фреквенции языковых элементов в говорах, формирующие в своей совокупности индивидуальный портрет отдельно каждого диалекта.

Отметим, что исследовательский путь от заранее известного из различных источников диалектного явления к его реализации в речи, звучащем тексте, имеет несколько иную оптику оценок и предполагает использование иных исследовательских процедур, нежели продвижение от речи / текста к познанию эксплицированных в них различных структурных элементов — как уже известных, так и впервые фиксируемых. Поиск в речи / тексте известных фактов, концентрация внимания только на отдельных типах единиц нередко отодвигают иные элементы диалектов на отдаленный план, оставляя их без надлежащего анализа. Только при сплошной выборке из текста, учете и анализе *всех* сегментных и суперсегментных единиц речи возможна близкая к исчерпывающей характеристика диалекта, определение всех обнаруженных в речи элементов, конститутивных характеристик, приёмов речетворения. Такой подход, ориентированный на полноту описания диалекта, несколько меняет характер задач и набор процедур изучения говоров, хотя задача — поиск новой языковой информации, новой аргументации в верификации известных элементов ЧДС — при этом остается константой.

4. Лабиринты познания диалекта

4.1. Развитие диалектологии, ее результативность как отдельной области знаний о языке во многом определялись формулированными задачами исследования, их общенаучным, иногда — и социальным, статусом. В отдельных случаях некоторые фундаментальные проблемы диалектологии (как составление лингвистического атласа языка или сводного диалектного словаря) во многих славянских странах имели статус государственных научных программ, что создавало организационные условия их реализации и положительное аксиологическое сопровождение, стимулировавшее развитие данного направления языкознания в целом. Большое значение имело наличие диалектологических научных школ, традиций, освященных весомыми научными результатами и авторитетными в науке личностями.

Интенсивность и результативность изучения говоров зачастую определяют господствующая в социуме оценка диалектов как формы национального языка, стратегия образования, в частности, распространение идей лингвоэкологии, сохранения диалектов, утверждение приоритетности познания сущности народного языка, ведущего в мир народной культуры, либо, наоборот, воинствующее отрицание целесообразности изучения и сохранения народ-

ных говоров, стремление к их тотальному замещению более престижным литературным стандартом²⁷.

4.2. Факторами, влияющими на степень изученности диалектов, зачастую выступают устоявшиеся в науке оценки отдельных элементов их структуры, явлений и процессов. Внимание исследователей к определенным особенностям диалектов, направленность анализа и характер выводов часто зависимы от предыдущего опыта их изучения. Приходится наблюдать устойчивое внимание исследователей к одним элементам структуры говоров, явлениям и процессам при недостаточном внимании к другим, зачастую существенным признакам языковых знаков, или их полном забвении. Нередки случаи, когда в науке получает известность частичная характеристика языковых объектов, принимаемая за исчерпывающий результат изучения, хотя при этом существуют их более полные описания и более глубокие научные объяснения.

Примером такой ситуации могут служить *zigzagi* познания функционирования распространенной лексемы (форманта) *май* (*maj*), которая выделяет украинские карпатские диалекты, примыкающие к румынскому диалектному континууму. Во многих исследованиях, начиная с упоминания И. Г. Верхратским в 1902 г. (Верхратский 1902: 107), в этом языковом знаке исследователи усматривали прежде всего формант для образования компаратива прилагательных (Кобилянський 1928: 53), реже — суперлатива прилагательных²⁸. Кроме того, были зафиксированы и другие значения (функции) *май*-. В 1925 г. Я. Янов засвидетельствовал в гуцульском диалекте *maj* не только как формант для образования суперлатива прилагательных от компаратива (путем добавления «*słówka maj* (= gum. *maj* < *magis*), które zmieszało się z *naj*»), но и как знаменательное слово — наречие (*de maj bjut, tam ydút*) (Janów 1928: 456); показательно, что позже в словаре гуцульского диалекта Я. Янова первым среди функций *maj* приведено наречие со значением '*więcej, bardziej*', и только после этого помещено указание на функцию образования степеней сравнения прилагательных, наречий; отдельно также выделено значение *prawie* 'почти' (Janów: 122). В 1935 г. В. Погорелов констатировал, что с помощью частицы *май* (из болгарского *наи*) в закарпатском диалекте выражается компаратив прилагательных и «что эта частица *май* употребляется и при существительных и при глаголах и также со сравнительным значением» (Погорелов 1935: 4). И. А. Панькевич отметил образование компаратива «румынским способом

²⁷ Об изменениях в оценке русских диалектов на протяжении столетия см. (Касаткин 1999: 32–42).

²⁸ Историю вопроса и литературу см.: (Robciuc 1997: 53–57).

с помощью слова *mai* (= рум. ‘больше’) от формы положительной степени, а иногда от формы компаратива, когда она не оценивается как компаратив, так как к ней добавляется слово *mai*» (Панькевич 1938: 261) И. А. Панькевич возразил против предложенного В. Погореловым болгарского генезиса частицы *mai* (там же: 400), однако оставил без внимания истолкование *mai* как форманта для образования степеней сравнения глаголов и существительных, а также выделенную Я. Яновым ранее функцию *mai* как наречия.

Таким образом, к концу 30-х гг. XX ст. функции *mai* описывали как: (а) формант для образования степеней сравнения прилагательных (и наречий); (б) ~ прилагательных, наречий и так наз. степеней сравнения глаголов и существительных; (в) наречие. Позже к данному языковому элементу исследователи отнеслись с различным вниманием: сюжет о *mai* не был учтен при составлении вопросника атласа украинского языка, хотя среди материалов об образовании форм компаратива прилагательных в атласе приведены производные с *mai* (АУМ II, к. 223, 224), которые оказались ареально релевантными и выразительными; позже было запланировано собирание сведений о формах сравнительной степени прилагательных и наречий по сетке региональных атласов — КДА²⁹ и буковинского (Герман, к. 52, 61); определение географии и функций *mai* было предусмотрено и в программе ОКДА³⁰.

При изучении словообразования в украинских закарпатских (надборжавских) говорах В. В. Нимчук констатировал, что *mai* функционирует как формант при образовании степеней сравнения прилагательных, наречий, а также «своеобразных форм» высшей степени сравнения глаголов и существительных; исследователь подтвердил высказанную ранее оценку о румынском генезисе данной словоформы, подчеркнув, что ее функционирование ограничено ареалом активных украинско-румынских контактов (Нимчук 1957: 90–92; 1963). Отметим, что элемент *mai* в украинских диалектах исследователи квалифицировали как важное (одно из немногих) свидетельство румынско-украинской интерференции в области грамматики (Robciuc 1997); его распространение в южной части закарпатских, гуцульских и буковинских диалектов (на территории современной Румынии) подтвердили исследования И. Робчука, Н. Павлюка, К. Регуша (60–70 гг. XX в.). При этом, кроме оформления степеней сравнения прилагательных, также продемонстрировано далеко неokka-

²⁹ Материалы, собранные для КДА (вопрос 516: «Какую форму сравнительной степени имеют (а) прилагательные, (б) наречия») не картографированы.

³⁰ Из-за неполноты собранных сведений данные о *mai* в диалектах карпато-балканского ареала представлены описательно: приведен перечень функций (частица для образования компаратива прилагательных и суперлатива прилагательных и наречий; наречия ‘более’, ‘еще’) с указанием локализации материала (ОКДА VII, НМ 43).

зиональное употребление *май* при глаголах и существительных. Так, характеризуя гуцульско-буковинский диалект (с. Марицея Сучавского р-на, Румыния), И. Робчук подчеркнул, что «с помощью частицы *май* оформляется своеобразная высшая степень сравнения глаголов и существительных: *май робію ... май парубок*. Эти выражения лишь условно можно назвать степенью сравнения» (Робчук 1999: 139). Хотя позиция *май* при глаголах (что соответствует характеру словоупотребления в румынском языке — источнике влияния на смежные украинские диалекты) — явление, хорошо известное в украинских закарпатских говорах, издавна засвидетельствованное памятниками закарпатской письменности (с середины XVI в.³¹), однако эти полиинформативные языковые явления не привлекли надлежащего внимания лингвистов. Этим объясняется отсутствие специальных исследований о функциях, географии данной словоформы, как и тот факт, что в обобщающих диалектологических описаниях они либо не рассматриваются (Жилко 1966: 91), либо представлены фрагментарно и только в контексте образования степеней сравнения прилагательных (Бевзенко 1980: 115). Редукция внимания к данному ценному во многих отношениях сюжету в немалой степени обусловлена восприятием данной проблемы как эвристически исчерпанной, поскольку в общих чертах уже очерчены модели формообразования, функции, ареалы распространения. Хотя после сообщения В. В. Нимчука (1957 г.) на приглагольность *май* было обращено внимание историков украинского языка (Бевзенко 1960: 223), но позже, вопреки широко представленному диалектному материалу (публикация В. В. Нимчука 1963 г.), к этой проблеме больше не возвращались в обобщающих трудах по диалектологии (Ф. Т. Жилко, С. Ф. Бевзенко) и истории украинского языка (Історія 1978). Недостаточное внимание к данной проблеме, почти полное ее забвение³² заслуживает сожаления, так как многие факты употребления *май* в речи вскрывают неучтенные особенности синтактики, функций данной словоформы, ее адаптации в украинских говорах; поэтому известные из различных источников сведения об употреблении данного элемента украинских диалектов требуют дальнейшего специального рассмотрения.

Наблюдения над украинскими юго-западными диалектами подтверждает употребление *май* в различных функциях, что можно обобщенно представить следующим образом.

³¹ Например, в Няговском поучении: *май любять* сесь свѣт, нѣжь царство небесное [“больше любят этот мир, нежели царство небесное”]; ся явило слово Божіе, али люде *май полюбили* потемокъ [“явилось слово Божье, но люди больше приняли мрак”] (Дэжэ: 176).

³² Упоминание о данном явлении приведено в энциклопедическом лапидарном изложении: (Німчук 2004: 190).

а) Частица *май* — один из распространенных маркеров степеней сравнения прилагательных и наречий. Образование с помощью *май* компаратива и суперлатива прилагательных и наречий по диалектам имеет свои особенности, что представляет специальный интерес. Важно, что такие словоформы довольно употребительны как в зоне осязаемого влияния румынского языка, так и в ареалах, где такое влияние ослаблено (северные буковинские и гуцульские говоры), что отражают карты (АУМ II, к. 223, 224; Герман, к. 52, 61) и диалектные тексты:

бу'ло та'ке ко'лопно *май* г'рубє... то вже *май* то'несин'ке; а волок'но ли'шайєси в'с'акі, і 'чисті *май* і ни 'дуже, і *май* 'довші і ко'ротші; йак бу'ла йа ші *май* мо'ло'доў (БГ, 51, 65, 70); так ік ја чуў *май* з'д'аўна; котр'і ростўт *май* б'орзо; то *май* б'орш'є помаг'ає; потому їдє ч'олов'їк, кліч'є кум'їў, к'їл'ко соб'ї х'оче: п'їтеро, ш'єсте"ро, д'єс'ите"ро і *май* б'їше; маї густ *май* д'обриї (УГР: 423, 424, 427, 452, 467).

б) Наречие *май*, сохранившие исходное свойство передачи градуальности ('более', 'менее', 'почти', 'немного' и др.), закономерно занимает в структуре высказывания приглагольную позицию. Такое значение *май* и тесную связь с глаголом в речи широко отражают тексты из юго-западных украинских говоров:

та вид'так май служіў у богач'їў ... / так шо май служіў у тих богач'їў, май у бут'їні робіў ['немного (= непродолжительное время) служил у богачей, так что немного служил у тех богачей, немного на лесоповале работал'] (УГР: 340);

посип'аєш водоў / май / аби не гор'їло ['поливаешь водой / немного / чтобы не {сильно} горело'] (там же: 372);

май помаг'ає одна другі ['немного помогает одна другой'] (там же: 467)

д'їмї *май си поосід'али* ['дым немного развеялся'] (там же: 434);

но, та_ї приїдет вїчур, изноў *май з'д'овити* їсти та_ї *май л'їзати* ['и настанет вечер, снова нужно готовить пищу и нужно ложиться {спать}'] (там же: 124);

утак *май пидр'їс* {стаў} *май* вели'кий, робіў; та ї утак *май сид'їў* тут та *май помаг'їў робіти* тут ўсе ['немного повзрослел, {стал} более взрослым, работал, и позже некоторое время находился здесь и помогал здесь делать все'] (там же: 370).

Приглагольная позиция наречия *май* не влияет на грамматический облик и семантику глагола, а значение градуальности передает наречие *май*, включенное в формирование содержания всего высказывания. В таких употреблениях *май* нельзя рассматривать как формант степени сравнения глагола, даже «так называемой».

в) Отмечены контексты, в которых словоформа *май* проявляет разнонаправленные связи: линейно располагаясь при глаголе, одновременно градуирует значение наречия:

ја маў *май* то́го убрáн'а *б́льше* (УТР: 444).

г) Во многих сочетаниях *май* + глагол семантика наречия в *май* никак не проявляется, поэтому пропуск данной словоформы в таких высказываниях не повлек бы изменение их содержания. В таких контекстах использование *май* отражает типичную программу линейных связей в речи (сильную приглагольную позицию *май*), обусловившую экспликацию данной словоформы даже при отсутствии семантических предпосылок ее использования. Такое употребление *май*, являясь асемантическим «сопровождением» глагола, в диалектных нарративах встречается довольно часто:

ўни *май не верта́ли* *си май шука́ти* [‘они не возвращались, {чтобы} искать {нас}’] (там же: 433);

си *ро́бит* п'іч усере́дін'і, там де *май* си_п'іч'е колач'і [‘печь {специально} выдělывают в середине, {в том месте}, где пекут колачи’] (там же: 471);

ми *май во́јували* [‘мы воевали’] (там же: 436);

а то *май бу́ли* басара́бск'і, *май нита́лиси* у тих, голо́дн'і [‘а то были бессарабские {солдаты}, спрашивали у тех, голодные’] (там же: 437);

купиў май соб'і коро́ву тогді, *май поклаў* јикіс пл'іт ко́ло ха́ти [‘купил тогда себе корову, сделал какую-то ограду возле дома’] (там же: 490);

та і *іду май* у л'іс, та р'іжу смере́ку та чéмшу суч'а [‘и иду в лес, и рубая ель и обрубываю сучья’] (там же: 404).

д) Важно, что в сегменте, структурно соотносимом с простым предложением с имплицированным глаголом-предикатом, наблюдается сохранение семантической связи *май* с эксплицированным глаголом предыдущего фрагмента более широкого высказывания:

ўс'ік'і кл'іш-ш'і *тра́ба*, шо си налэ́жит до ўс'ікого зел'іза, і *май* до крúгло́го {*траба*}, і *май* до грубо́го крúгло́го {*траба*} і до ширóкого (там же: 371);

а ў дв'і год'ін'і бéру та с'іју мук'іе б́рше та *і* с'і'пју сметáни там, та мо́лока, та *май* [‘немного {добавляю}’] жéнт'іц'і (там же: 342).

Иногда в высказывании отсутствует глагол, хотя семантика предиката, благодаря наличию сочетания *май* + наречие, довольно четко просматривается, например: *чим май 'дале в 'хаишчу, тым май буи дрыв* [‘чем дальше {продвигаться, заходить} в лес, тем {будет} больше дров’] (Сабадош: 402).

е) При линейном соположении наречия *май* + существительное создается иллюзия семантической спаянности и влияния данной словоформы на значение существительного. Однако в таких ситуациях *май*, замещая отсутствующий предикат, не транспонирует своего значения градуальности существительному, например:

je одн'ї л'уд'є / шо ма́јут так'ї гребінки^є / *маї* ж'інкі [есть одни люди, которые имеют такие гребенки, **преимущественно** {имеют гребенки} *женицины*] (УГР: 398);
 ў 'поўницу да'вали 'порос'є / *маї* рід'н'а // 'телі [на свадьбе] дарили поросенка, **преимущественно** {дарили} родственники, теленка] (БГ: 215).

ж) Отдельный тип употребления словоформы *маї* — семантическое усиление логически (предположительно — и интонационно) выделенного элемента или поликомпонентного сегмента высказывания, что очень сходно с передачей градации:

а то Барбір' розказуваў *маї* так, зна́йте, шо бу́ло ш ч'о́с' і засм'ї́ти_си [а то Барбирь рассказывал, *да так*, знаете, что было с чего посмеяться'] (УГР: 450);
 при́де одєн та́кі неграмо́тні́, жа́кіс' ма́ло *маї* но, каза́ти, так *маї*, *маї* мутулкува́ти [придет какой-то неграмотный, немного *такой*, ну, скажем, *такой* недоразвитый'] (там же: 175).

Употребление *маї* в речи (нарративах) различается частотой — от отдельных случаев до высокого насыщения текста. Во многих контекстах словоформа *маї* представлена неоднократно в различных функциях, дифференциация которых осуществляется синтаксически. Например, в фрагменте нарратива

маї⁽¹⁾ та́то хо́д'ї́у на рі'єбу, лові'єу рі'єби // годува́ли *маї*⁽²⁾ нас *маї*⁽³⁾ рї́бкоў, *маї*⁽⁴⁾ осилєч'іком, бо даўно́ бу́ло *маї*⁽⁵⁾ ус'їко то́го (УГР: 472)

отличия функций *маї* очевидны: позиции 1, 2 — это асемантическое «сопровождение глагола», 3 — наречие 'немного', 4 — параллелизм с 3 с одновременной аллюзией к глаголу *годували*, 5 — наречие 'много'.

Высказывания с функционально варьирующейся словоформой *маї* отражены во многих нарративах:

ро'били 'дужи' т'ашко // 'їако́с' бу́ло *маї*⁽¹⁾, *вєсило* / 'їа'кіс *маї*⁽²⁾, *були* 'л'уди // чо́с *маї*⁽³⁾ *схо'длїси* / *маї*⁽⁴⁾ *їшли* од'ні до др'угих (БГ: 305) [1 — маркер высшей степени сравнения наречия, 2 — 'немного', 3, 4 — «сопровождение» глагола];
 хто *маї*⁽¹⁾ 'луч:є жиў / ў 'кого 'були⁽²⁾ *маї* та'ти / *маї*⁽³⁾ ту'во // а 'діти 'котрі та'кі ['сироты, без отца'] / то 'дужи' т'ашко їм 'було (там же) [1 — маркер высшей степени сравнения наречия, дублирующий иную форму высшей степени, 2 — «сопровождение» глагола, 3 — элемент речевого «шлака»].

Таким образом, несмотря на широкую представленность в речи сочетаний *маї* с глаголами и существительными, у последних не обнаружено семантических изменений, которые можно считать доказательством наличия степеней сравнения (даже при условности такого терминологического определения).

Функционирование *маї* в украинских диалектах в значительной степени отражает влияние румынского устноречевого кода, что в юго-западном ареале

украинского континуума было и остается осязаемым. В ряду проявлений румынско-украинского билингвизма — формирование и закрепление в речевой практике новых словосочетаний, в частности, и для передачи градации признака с использованием украинских частиц или наречий и заимствованной словоформы *май*: *була ніва мало май гбр'і; мало май суха бріндз'а; трбішк-и май мѣнч'а; май трбіху май в'іпили і; ја це ўже запан'итдў май дўже* [‘запомнил хорошо’]; *но ја май дўже ўже мају*. Иногда наблюдается нагромождение синонимичных маркеров градуальности; например, *нерас си избѣру, г'іја трбішки май много робіти; шшин'ата мален'ко май велик'і сут* [‘щенки немного подросли’ = ‘стали немного побольше’]. Избыточность употребления *май* отражают и сочетания с лексемами, семантика которых передает значение градуальности автономно; например, *складдјут у стогі ве"лік'і май* — значение ‘большой размер’ передает и лексема *стог* ‘большая укладка снопов злаковых, сена’; как *май рона солѣна* при *рона* ‘раствор с высокой концентрацией соли’. Появление таких плеоназмов объясняется традицией устноречевого употребления *май* в соответствии с распространенными программами высказываний; такое словоупотребление не всегда имеет четкие семантические предпосылки — не детерминируется необходимостью передачи определенного содержания. Нередки случаи, когда определить причину появления в тексте *май* не представляется возможным: то ли это проявление синтаксической слитности, клишированности сегмента высказывания, то ли следствие поиска нарратором соответствующей формы для передачи оттенка значения, например: там, доки н'а донѣсли, ја май б'іл'ше {‘почти’ / ‘казалось’} мѣртвий буў (УГР: 224).

Сосредоточившись на *май* как экзотизме, исследователи чаще всего оставляют вне внимания альтернативные средства реализации тех же грамматических / лексических значений (преимущественно для образования форм степеней сравнения прилагательных), их функциональное и пространственное распределение. Известно, что в диалектах маркеры сравнительной степени прилагательных имеют неодинаковую валентность, по-разному взаимодействуют с альтернантами: одни из них имеют альтернативные модели образования, другие — только одну модель, например: *великий* → *білши'є* и *мај велики'є*, *розумний* → *розумніши'є* и *мај розумни'є*, но для *низ'кий*, *високий* отмечены только формы *нижч'и'є*, *вишчи'є* (Герман, к. 52, 54, 55). Из материала карт (Герман) также явствует, что в тех же ЧДС могут использоваться различные маркеры граммы сравнительной степени прилагательных: суффикс *-ѣ'ьѣ-/-'ьѣ-*, супплетивы, а для образования аналитических форм засвидетельствованы морфемы *май, были, мени, моц, фест, леда* (и их фонетические варианты). Например, в с. Драчинцы Кицманского р-на Черновицкой обл. отмечено: (а) *б'іл'ш /*

мени удале^еј, (б) моц фајни^еј, (в) фе^уст фајни^еј, (г) мај л'иши^еј, (д) ледви^е тепли^еј; в с. Банилов Выжницкого р-на отмечены модели (б), (г), (д); в с. Снячево Сторожинецкого р-на — (в), (г), (д) (Герман, к. 59–62). Указанный атлас, оставаясь ценным источником различной языковой информации, не дает ответа на вопросы: возможны ли в указанных (как пример) ЧДС сочетания *моц / фе^уст / мај + удале^еј*, *моц / фе^уст + л'иши^еј*, или такая синтактика недопустима? каковы правила синтактики *маркер граммеы + прилагательное* и какова их фреквенция в речевой практике? исчерпывающе ли эксплицирован репертуар маркеров и возможно ли использование других маркеров (*крепко, сил'но, дуже, страшно* и др. как альтернанты *мај, моц* и др.)? Ведь известно, что вследствие нарушения принципов полноты охвата изучаемого языкового объекта (ограничение «типичными репрезентантами») и последовательной его локализации (укрупненное представление ареальных характеристик) происходят такие обобщения в описаниях отдельных единиц, явлений или диалектов, которые отнюдь не уменьшают разрыв между языковой реальностью и ее научным отражением, а зачастую искажают презентацию объекта исследования.

Текстовое многообразие проявления словоформы *мај* в диалектной речи, даже при наличии выразительных доминант (частица, оформляющая компаратив, суперлатив прилагательных/наречий; наречие с рядом семантических доминант; приглагольный компонент с не всегда определенными контурами значения; субститут предиката; речевой «наполнитель» без определенной семантики), делают невозможным его сведение к определенному типу (как представлялось ранее — к функции передачи степеней сравнения прилагательных и наречий). Не нашел подтверждения тезис о наличии функций образования *так называемых* степеней сравнения глаголов и существительных.

Мај — типичный пример сложности диалектного явления как лингвального феномена, когда за внешней простотой языкового знака скрыты многоплановость его функций, их варьирование в пространстве отдельной ЧДС и широкого ареала. При этом *мај* демонстрирует сложность познания диалектных явлений³³, а также определяющую роль в изучении структуры диалекта обширных собраний аутентичных текстов, наиболее полно отражающих реальное существование говоров.

³³ В определении семантики, функций *мај* составителями диалектных словарей наблюдается как четкое структурирование (например, в словаре закарпатского диалекта с. Сокирницы для *мај* отмечены функции: наречие (значение варьируется); частица, оформляющая компаратив прилагательных, наречий; словообразующий формант — префикс [Сабадош: 166]), так и нечеткость квалификации материала (в [СБГ: 273] *мај* квалифицировано как «наречие в функции разделительного повтораемого сочинительного союза»).

4.3. Функциональный аспект исследования диалектов остается недостаточно востребованным как ввиду сложности практического применения еще на этапе определения идеологом изучения диалекта, а также формирования надежной базы данных по большому количеству ЧДС, так и вследствие традиционного сосредоточения внимания на выявлении и презентации репертуара структурных элементов диалектов без достаточного внимания к их реальному функционированию. Наблюдения над отдельными элементами диалекта в его речевой (текстовой) реализации, попытки моделировать их функциональные поля в опоре на информацию различных источников убедительно свидетельствуют о крайней необходимости изучения функций каждого элемента структуры диалекта. Ведь отражение на лингвистической карте во многих ЧДС дублетов (двух и более) создает иллюзию функциональной тождественности представленных единиц, хотя между ними могут существовать сложные, далеко не паритетные отношения, невнимание к которым порождает неполноту описания и погрешности в интерпретации диалектных явлений. Даже в ситуации, когда элементы структуры диалекта кажутся хорошо известными, а их углубленное изучение представляется эвристически малообещающим, определение функциональных особенностей таких единиц говоров часто вскрывает их новые важные характеристики. Это подтверждает, например, наблюдение над поведением в речи носителей различных украинских диалектов соединительных союзов *i*, *ma* (простых) и *ma i* (сложного)³⁴, которые известны во всем украинском континууме и являются нормативными для ЛЯ (Городенська 2007; 2010); данные структурные элементы украинских говоров не привлекали внимания диалектологов. Отметим, что *i*, *ma* восходят к праславянской эпохе, а вторичный сложный *ma i* (контаминация простых) зафиксирован староукраинскими памятниками письменности. Возникновение вторичных союзов (как и предлогов, частиц) из первичных простых — факт общеизвестный в истории славянских языков, отражающий синонимичность в устной речи синтаксических единиц с простыми союзами (предлогами, частицами), которая стала предпосылкой появления новых структурно сложных элементов из исходных простых. Если сопоставить проявление упомянутых союзов в речи носителей различных диалектов, с одной стороны, принадлежащих к различным наречиям — юго-западному, юго-восточному и северному (таблица 1), а с другой — диалектов типологически

³⁴ В текстах отмечены варианты: *i* — *ǐ* (*ǐ*), *u*; *ma* — *da*, *da^o*, *do*, *dy*; *ma i* — *da j*, *da j̃*, *do j̃*; в диалектах микроареала наложения двух систем — с различием безударных [a] : [o] и изменением [a] : [o] > [a] — распространено гиперическое изменение [a] : [o] > [o] (ЛАНП, к. 4–6).

близких, в пределах одного наречия (таблица 2), то окажется, что эти союзы в текстах аутентичной речи существенно различаются количественными характеристиками их употребления.

Таблица 1

**Соотношение количества употреблений соединительных союзов
в текстах из ЧДС различных наречий**

ЧДС	<i>i</i> (<i>i</i>)	<i>ta</i> (<i>da</i>)	<i>ta_i</i> / (<i>da_j</i>)
<i>Молдова Сулица</i> ³⁵ (гуцульский диалект, юго-западное наречие)	87 (8,98%)	259 (26,7%)	623 (64,29%)
<i>Слободо-Петровка</i> ³⁶ (среднеподнепровский диалект, юго-восточное наречие)	352 (91,19%)	29 (7,51%)	5 (1,30%)
<i>Денисовичи</i> ³⁷ (среднеполюсский диалект, северное наречие)	659 (87,29 %)	86 (11,39%)	10 (1,32%)

Хотя показатели соотношения количества употреблений в тексте лишены абсолютной значимости, а оцениваются только как проявление определенных тенденций, все же они могут быть использованы как важный параметр (дифференциальный признак) при сопоставительном описании отдельных диалектов или континуума в целом. Отличия в фреквенции альтернативных элементов структуры наблюдаются не только при сопоставлении территориально отдаленных ЧДС, принадлежащих к различным украинским наречиям, но и диалектов, территориально не отдаленных, принадлежащих к одному наречию. Так, в текстах из украинских диалектов юго-западного ареала (Румыния)³⁸ количественное распределение альтернативных союзов оказалось весьма показательным: в большинстве ЧДС союз *i* (*ї*, *и*) употребляется значительно реже, нежели альтернативные *ta* и *ta_ї*; исключение составляют диалекты сел Кривый и Быстрый с количественным преобладанием *i* (таблица 2).

³⁵ Молдова Сулица Кимпулунгского р-на Сучавской обл., Румыния (УГР: 370–413).

³⁶ Объединены тексты территориально и структурно близких ЧДС: Слободо-Петровка, Тарасовка, Марьяновка Гребенковского р-на Полтав. обл. (ГЗП: 29–50).

³⁷ Денисовичи Полесского р-на Киевской обл. (ГЧЗ: 23–74).

³⁸ По изданию (УГР); тексты различаются по величине, поэтому количественные данные свидетельствуют только о *возможной* модели распределения частот употребления и не имеют верификационной силы.

Таблица 2

**Соотношение количества употреблений соединительных союзов
в текстах из ЧДС юго-западного наречия**

диалект	<i>i</i> (ї, у)	<i>та</i>	<i>та ї</i>
Поляны (Рус-Поляны), закарпатский	90 (20,41%)	119 (26,98%)	232 (52,61%)
Русково, закарпатский	61 (15,60%)	174 (44,50%)	156 (39,90%)
Кривый (Рус-Кривый), закарпатский	185 (57,10%)	67 (20,68%)	72 (22,22%)
Молдова Сулица, гуцульский	87 (8,98%)	259 (26,7%)	623 (64,29%)
Бродина, гуцульский	29 (8,5%)	125 (36,8%)	186 (54,7%)
Вишавска Долина, гуцульский	138 (36,13%)	151 (39,53%)	93 (24,34%)
Быстрый, гуцульский	87 (38,16%)	68 (29,82%)	73 (32,02%)
Марицея, буковинско-гуцульский	109 (23,85%)	50 (10,94%)	298 (65,21%)

Варьирование указанных союзов в отдельных позициях имеет ограничения. В частности, как безальтернативное засвидетельствовано употребление союза *i* в качестве формообразующего элемента составных числительных, где функция союза как синтаксического организатора речи значительно редуцирована на фоне усиления формообразующей функции: *мају сорок i три года*; *триц'у'ад' i ўс'ім гóду*; [возраст] *ш'ізò'ic'um' i два ї половина*; *ја мају с'імдис'ат' i шéстиї гід* (УГР, 105, 167, 247, 250); *заплати́вiем за полотно́ тристо и трици́м' и сiм рубл'ів и вісімдес'ит' копійок*³⁹; эта же модель числительных проявляется и при передаче приблизительного количества: *ш'ізò'ic'ém i к'іл'ка рок'іў* (УГР, 261). Отметим, что структура составных числительных в украинских юго-западных диалектах с союзом *и* изоморфна румынской модели, включающей союз *și* 'и' (*douăzeci și patru* = «двадцать и четыре» '24'), которая, возможно, влияла на украинские говоры.

Для характеристики ЧДС релевантными оказываются как соотношение распределения частотности употребления альтернативных союзов, так и степень их присутствия в речи, реальное влияние на формирование линейной структуры высказывания. Хотя из-за присущей диалектному речеобразова-

³⁹ Косовская Поляна Раховского р-на Закарпатской обл. (Дзедзелівський 1955: 24).

нию высокой вариантности структур статистически представить данную особенность устной диалектной речи затруднительно, все же можем утверждать, что отличия в насыщении диалектной речи союзами в различных ареалах украинского континуума весьма ощутимы. В этом убеждают типичные относительно использования союзов микротексты из речи носителей юго-западных диалектов:

1) [обработка конопли, ткачество, с. Поляны]:

но пак як *i* тчут' / ште же там маї / як біл'ц'і було даўно *та* було *ї* то́то / ко́лбн'і / *та* сіjali / *та* клали *ў* моч'іло / *та* к'іпáли / *та* пр'áли даўно / *та* несли до'мú сі // *та* *ў*тáк ужé коли виварили *та* *ї* помб'тали / *та* було біл'ц'і *та* тkáли / *та* *ў*тáк білили мáло / би було біле (УГР: 125);

2) [приготовление теста, с. Бродина]:

а *ў* дві год'ин'і беру *та* сіју мук'і^е бiрше *та* *ї* си^еп'ју сметани там / *та* молока / *та* маї жент'иц'і / *та* *ї* цугру / *та* *ї* јіец *та* *ї* мiшу хлiб (там же: 342);

3) [как делать масло, с. Молдова Сулица]:

збирáет си пiна *та* *ї* кладéт си *ў* кофiчку *та* батилéвом дóбре јегó вiбити *та* *ї* је мáсло / *та* *ї* тогд'и вiбирáет си *та* *ї* мiјет си јегó / *та* *ї* јiмó (УГР: 391)⁴⁰.

В речи носителей юго-восточного и северного диалектов также возможны случаи ощутимого насыщения текста союзами, их высокая фреквенция, подобная приведенным примерам из юго-западных диалектов, однако такие сегменты текстов встречаются значительно реже. Пример из северного наречия с высокой повторяемостью союзов скорее редкость:

у'же *i* содовi^и'ни / у'же *i* 'йагоди / у'же *i* то'го / *i* 'шо *т*у^ок'и^и вам т'реба / 'ш^о *т*у^ок'и^и вам т'реба / то *ў*же *i* 'йест'ека (Машеве: 158).

Наряду с такими микротекстами значительно чаще отмечаются речевые структуры (высказывания), в которых присоединение однородных членов предложения и отдельных простых предложений реализовано в синтаксически сложном образовании посредством интонации, семантических и логических связей между микросегментами текста без союзов (союзных сочетаний):

с'е'ло / с'е'ло кру'гом л'ес // боло'та ве'л'ік'і'йе / боло'та / к'л'увка ж у боло'таг була / с'ено'кос-и ко'с'іл'і по л'е'сах / по 'л'есу // да^ок л'ес 'гарни'ї / по'рода *ў*'с'ака л'есу / *ў* нас же / туг нi^ема та к'іх / *ў* нас же сос'на / дуб / о'с'іна / 'о'л'ха / к'л'он / 'йасен // л'е'са 'гарни'йе (ГЧЗ: 25).

⁴⁰ Следует отметить близкое к регулярному повторение союза в начале каждого такта после паузы, которое создает определенную ритмизацию нарратива, являясь важным фактором оформления целостного текста.

При «нанизывании» сегментов распространенного высказывания, присоединении следующей части сообщения к предыдущей с помощью интонации нередко в начале каждого нового такта используются отдельные повторяющиеся словоформы либо их сочетания, образующие анафорический зачин и одновременно ритмизирующие речь:

так шо полот'но / 'мусит' 'віткати за 'зиму // **би** 'було' файне т'реба йо'го на сн'іг сти'лити / **би** 'було бі'лен'ке / **би** 'було с'тіране ба'гато раз / **би** 'можна 'було кро'йти / на со'рочку // до Вели'кодн'а вже 'мали 'бути 'вішиті сороч'ки / 'файні (БГ: 65).

Ситуаций, где согласно модели организации текста, доминирующей в юго-западном ареале, обязателен союз или высока вероятность его употребления (что можно отнести к особенностям локального архетипа построения высказывания), а в речи из северного и юго-восточного диалектов такая экспликация специальных средств синтаксической связи отсутствует, зафиксировано в известных диалектных текстах множество. Это позволяет отнести данное различие к ряду типологических черт диалектов, их релевантным характеристикам; ср. микротекст из среднеполесского нарратива (с. Денисовичи Чернобыльского р-на Киевской обл.; на месте гипотетического пропуска союза — знак ■):

// ■ при'йіхаў на 'поле / ■ 'в'іпраг во'ли з, то'го / з, 'воза / ■ 'воза пос'тав'іў / ■ во'йе так назі'вайеца до п'луга / ■ плуг де"ре"в'йаніі / бу'ли де"ре"в'йан'і / ■ 'т'іки сош'ник буў жи'л'ізніі / у'же з йа'когос' там жи'л'іза (ГЧЗ: 67).

Рассмотренные отдельные проявления текстового поведения соединительных союзов вскрыли наличие важных черт внутренней организации различных диалектов, структурных особенностей, имеющих характер четко выраженных *тенденций*. Некоторые стороны диалекта как языковой реальности, эксплицированные в функционировании отдельных структурных элементов речи (текста), выявили различия диалектных архетипов, сосуществующих в едином диалектном континууме и дифференцирующих его.

Приведенные отдельные наблюдения над союзами, с которыми из-за функционирования их во всех украинских диалектах и в литературном языке не связывались ожидания новой информации, важной для познания диалектов, не оставляют сомнений в необходимости и целесообразности тщательного изучения в координатах реальной представленности в речи всех особенностей диалектов — знаменательных и особенно вспомогательных, роль которых в организации диалектной речи и структуры диалекта остается terra

incognita, поскольку еще не была предметом углубленного анализа⁴¹. Это еще раз подтверждает ставшее уже аксиоматическим положение о том, что «диалект следует изучать как полноценный языковой идиом, исключив дифференциальный подход в анализе его структуры. Только при этом условии можно получить представление об устройстве и функционировании диалекта, его реакции на контакты с литературным языком и другими диалектами, содержательно прогнозировать и понимать динамику диалекта» (Калнынь 1997: 124). Масштабное воплощение таких исследовательских методологических установок — весьма трудоемкая и затратная во времени задача, и ее реализация кажется едва ли осуществимой, скорее напоминая вечное стремление дойти до все отдаляющегося горизонта. Однако другого пути познания диалектов, а значит — и национального языка как сложного целостного многомерного образования, познания с точной, а не приблизительной параметризацией элементов его структуры, явлений, процессов, не существует. Иное дело — познавательная стратегия: определение этапов, содержания и последовательности изучения диалектного пространства, методология параметризации и приемы интерпретации объектов исследования.

* * *

Феноменальность диалектов определяют устная форма их бытования, хронотопичность и соотнесенность с локальным информационно-культурным фоном, наличие эксклюзивного для каждого говора вектора взаимодействия с другими ЧДС и языками, а также гомогенным литературным идиомом. Диалекты сохранили до настоящего времени огромные пласты первичных аутентичных сведений, представляющих непреходящую ценность для изучения

⁴¹ Подобно союзам, осязаемое ареальное варьирование демонстрируют предлоги, предложно-падежные структуры, частицы, в которых зачастую отражены локальные типы синтактики устной речи, функциональные особенности этих элементов и их роль в семантических преобразованиях связанных с ними знаменательных словоформ. Например, в буковинском диалекте значительную специфичность демонстрируют предлоги, которые вне текстовой реализации (на уровне инвентаря) интегрируют диалектный континуум, однако в речевом потоке эксплицируют функциональное своеобразие, дифференцируя диалектное пространство: *во'на бу'ла від'хати* 'для {работы} в доме', *йго'мама'мала за'гїўки* 'его мать родила до замужества'; *зби'райуц:а за'ді'ди* 'рядятся дедами на святки'; *пирі'би'ралиси на'д'ї'ди* 'переодевались (рядились) дедами'; *ко'рова за'со'леним'пити'хоче, і за'су'хим* 'корова после соленого пить хочет и после сухого {корма}'; *це'полот'но'дл'а'со'рочок'про'буден'* 'это полотно для рубашек на {каждый день}'; *пш'ли'ў'жорна* 'пошли {молоть} на жерновах'; *та'ка'тен'га'ў'х'лібу'* '{тяжелые времена} из-за отсутствия хлеба'; *ко'лис'з'рук'шили'од'ах* 'когда-то руками шили одежду' и др.

языка, традиционной культуры, истории и психологии отдельных социумов и макросоциума в целом. В указанных областях знания информационный потенциал диалектов используется в разной степени, однако в каждой из них далеко не исчерпывающе. Это относится и к языкознанию. Хотя ряд славянских лингвистических школ сегодня располагает большим объемом данных о диалектных континуумах и лингвальном ландшафте Славии в целом, а составление атласов различных типов и опыты интерпретации лингвистического содержания карт создали предпосылки превращения *пространства* из внешнего атрибута языковых знаков в важный аргумент в их генетической и типологической верификации, все же следует признать, что востребованность эмпирических сведений о диалектах остается недостаточной, несоизмеримой с их эвристическим потенциалом. Далекое не всегда привлечение исследователем диалектных данных сопряжено с их глубоким анализом — историко-генетическим, ареалогическим, функциональным, а ограничивается констатацией наличия структурного элемента, явления в определенном говоре. Углубление анализа диалекта (или его структурных элементов) по различным направлениям, последующее сопоставление полученных выводов, их верификация на фоне уже существующих (иногда авторитетных, устоявшихся в науке) моделей объяснения способны качественно изменить характеристику отдельной ЧДС, диалектного континуума в целом.

В то же время представляется самоочевидным, что картографическим и дескриптивным диалектологическим источникам присуща неполнота отражения репертуара структурных элементов говоров, их формальных, и в первую очередь — функциональных особенностей, а также пространства бытования в континууме.

Сложившаяся ситуация может быть преодолена прежде всего переориентацией исследований на системность диалекта (неизбирательность единиц, явлений) как главный объект и исходную идеологему познания, при этом базовым источником лингвальной информации должна быть живая речь членов микросоциума. В центре внимания должны оказаться: живое речетворение — порождение линейного текста в определенных внешних условиях реализации данного процесса; результат речетворчества — корпус значительных по объему аутентичных текстов⁴² (не подвергавшихся редактированию, селек-

---

⁴² Осознание необходимости значительного расширения собраний текстов речи носителей диалектов для изучения диалектов и сохранения в информационном пространстве аутентичного облика народных говоров обусловило формирование национальных фондов (Гриценко, Малахівська, Поістогова 2004), диалектных подкорпусов в составе национальных лингвистических корпусов (Летучий 2005; Гольдин и др. 1999; Крючкова,

тивному ограничению или отбору фактов). Полученные таким образом сведения нуждаются в дополнительной верификации с использованием специализированных вопросников. Особое внимание к устной речи и ее графическим аналогам — текстам — связано с тем, что в них наиболее близко к реальному существованию говора отражаются известные ранее элементы структуры диалекта, их формальные особенности, сложившиеся в данной ЧДС отношения и связи с другими элементами структуры, частотные, функциональные особенности, а также, что исключительно важно, множество не замеченных ранее «лингвальных мелочей», фиксация которых обогащает представленный в научных источниках репертуар диалектных единиц и явлений. Такой путь обновления информации о внутреннем устройстве диалекта представляется неперенным условием его углубленного познания.

Важно, что в диалектных текстах присутствует их творец — диалектная личность с ее эксплицированным отношением к своему и другим идиомам, которая четко дифференцирует известный ей запас лингвальных единиц по параметру *свое* — *чужое/иное*, что ценно как проявление стихийной народной лингвоэкологии, а также как способ уточнения характеристики (географии, источников появления, функциональных особенностей) элементов структуры изучаемого говора.

Информация, собранная с помощью вопросника, уступая по ряду характеристик сведениям, извлеченным из текстов, имеет свои неоспоримые преимущества. Ведь вопросники являются тем исследовательским инструментом, формированию которого предшествует моделирование объекта изучения, отбор релевантных элементов структуры, явлений в соответствии с избранной стратегией познания диалекта. Поэтому в вопроснике, как правило, заложены идеологемы потенциальных направлений интерпретации диалектного материала. Вопросник как матрица для верификации наличия/отсутствия в диалекте искомых элементов, явлений одновременно служит важным импульсом выбора стратегии полевого обследования диалекта, инструментом упорядочения информации.

Тот факт, что круг сведений, извлеченный из фундаментальных лингвистических атласов, словарей и описаний диалектов, постоянно пополняется из текстов диалектной речи и записей с помощью вопросников, свидетельствует прежде всего об **информационной неисчерпанности** современных диалектов, возможности — вследствие применения к ним различных исследова-

---

Гольдин, Сдобнова 2007 и др.). Важно, что в последнее десятилетие опубликованы новые собрания диалектных текстов из различных областей Славии, зачастую — с приложениями фонозаписей звучащей речи (в украинистике это: ГЧ; ГЗП; Арк. 2010; Арк. 2012 и др.).

тельських процедур — відкриття нових елементів, явлень, особливостей сучасних мов. Як показують спостереження, опора на діалектну мову (тексти) з наступним доповненням і перевіркою отриманої інформації вважається реальною передумовою уточнень і змін оцінок багатьох лінгвальних фактів, висновків про їх походження, а також про відносини між окремими генетично спорідненими мовами на різних етапах їх історії. В той же час реалізація такої дослідницької програми може сприяти адаптації гносеологічної моделі діалекта до його онтологічного вигляду.

Сокращения

ЛЯ — літературна мова

ЧДС — окрема (окремня) діалектна система

V — голосний звук / фонема

C — приголосний звук / фонема

Ілюстративний матеріал зберігає графіку цитованих джерел.

В дужках {} наведено реконструйовані сегменти мовних форм і висловлювань.

Источники

Арк. 2000 — *Аркушин Г. Л.* Словник західнополіських мов. Т. 1–2. Луцьк, 2000.

Арк. 2010 — *Аркушин Г. Л.* Голоси з Волинського Полісся (Тексти). Луцьк, 2010.

Арк. 2012 — *Аркушин Г. Л.* Голоси з Берестейщини (Тексти). Луцьк, 2012.

Астаф'єва — *Астаф'єва М., Воронич Г.* Словник гуцульських мов Річки та Яворова. Кн. 1. Київ; Івано-Франківськ, 2014.

АУМ — Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.

БГ — Буковинські мови. Хрестоматія діалектних текстів / Уклад. Н. О. Руснак, Н. В. Гуйванюк, В. С. Бузинська. Чернівці, 2006.

Герман — *Герман К. Ф.* Атлас українських мов Північної Буковини. Т. II. Словозміна. Службові слова. Чернівці, 1998.

ГЗП — Мови Західної Полтавщини. Збірник діалектних текстів / Уклад. Г. І. Мартинова. Черкаси, 2012.

Глібчук — Українські мови південно-західного наріччя. Тексти / Уклад. Н. М. Глібчук. Львів, 2005.

ГЧ — Мови Черкащини. Збірник діалектних текстів / Уклад. Г. І. Мартинова, Т. В. Щербина, А. А. Таран. Черкаси, 2013.

ГЧЗ — Мови Чорнобильської зони. Тексти / Уклад. П. Ю. Гриценко, Н. П. Прилипко, О. А. Малахівська та ін. Київ, 1996.

- Дэжэ — *Дэжэ Л.* Украинская лексика сер. XVI века: Няговские поучения (словарь и анализ). Дебрецен, 1985.
- КДА — Карпатский диалектологический атлас / Бернштейн С. Б., Иллич-Свитыч В. М., Клепикова Г. П., Попова Т. В., Усачева В. В. Ч. I–II. М., 1967.
- ЛАБНГ — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
- ЛАНП — *Назарова Т. В.* Лінгвістичний атлас нижньої Прип'яті. Київ, 1985.
- Машеве — Говірка села Машеве Чорнобильського району. Ч. I. Тексти / Уклад. Ю. І. Бідношия, Л. В. Дика. Київ, 2003.
- Николаев, Толстая — *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.
- ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас. Т. 1–7. Т. 1. Кишинев, 1989; Т. 2. М., 1994; Т. 3. Warszawa, 1991; Т. 4. Львів, 1993; Т. 5. Bratislava, 1997; Т. 6. Budapest, 2001; Т. 7. Београд; Нови Сад, 2003.
- Онишкевич — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. Ч. 1–2. Київ, 1984.
- Сабадош — *Сабадош І. В.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1979–1986.
- Сбук. — Словник буковинських говірок. Чернівці, 2005.
- ТС — Тураўскі слоўнік. Т. 1–5. Мінск, 1982–1987.
- УТР — *Павлюк М., Робчук І.* Українські говірки Румунії. Діалектні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003.
- Janów — *Janów J.* Słownik huculski. Kraków, 2001.

Література

- Барболова, Колесник 1998 — *Барболова З., Колесник В.* Говорът на българите в с. Кирнички, Бесарабия [Българските говори в Украйна. Вип. 1]. Одеса, 1998.
- Бевзенко 1960 — *Бевзенко С. П.* Исторична морфологія української мови: Нариси із словозміни та словотвору. Ужгород, 1960.
- Бевзенко 1980 — *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
- Верхратський 1902 — *Верхратський І.* Про говір галицьких лемків. Львів, 1902.
- Глібчук 2009 — *Глібчук Н.* Стверджувальні та вказівні частки у бойківських говірках // Вісник Львів. ун-ту. Серія філол. Вип. 46, ч. II. Львів, 2009.
- Гольдин 2002 — *Гольдин В. Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 2002.
- Гольдин и др. 1999 — *Гольдин В. Е., Медведева Т. Н., Черновалова Л., Юсина Д. А.* К проекту машинного корпуса говора с. Белогорное Саратовской области // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999.
- Городенська 2007 — *Городенська К. Г.* Граматичний словник української мови. Сполучник. Київ; Херсон, 2007.
- Городенська 2010 — *Городенська К. Г.* Сполучник української літературної мови. Київ, 2010.

- Грищенко 2002 — *Грищенко П. Ю.* Текст як простір вияву діалектних явищ // Збірник лінгвістичних праць. До 60-річчя проф. О.А. Колесникова. Ізмаїл, 2002.
- Грищенко 2003а — *Грищенко П.* Діалектна межа як ідеологема лінгвістичної географії // *Słowa jak mosty nad wiekami.* Białystok, 2003.
- Грищенко 2003б — *Грищенко П. Ю.* Тексти як джерело дослідження українських говірок Румунії // *Павлюк М., Робчук І.* Українські говірки Румунії. Діалектні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003. С. I–XVI.
- Грищенко 2010 — *Грищенко П.* Локалізми у структурі діалектної мови. I // *Jazykovedné štúdie.* XXVIII. Súradnice súčasnej slovanskej dialektológie. Bratislava, 2010.
- Грищенко 2013 — *Грищенко П. Е.* Грамматический портрет диалекта // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16. М., 2013.
- Грищенко, Малахівська, Поістогова 2004 — *Грищенко П. Ю., Малахівська О. А., Поістогова М. В.* Український діалектний фонофонд. Київ, 2004.
- Громик 1977 — *Громик Ю.* Прислівники просторової семантики у західнополіських говірках // Полісся: етнікос, традиції, культура. Луцьк, 1977.
- ГУМ — *Говори української мови (Збірник текстів).* К., 1977.
- ГЧЗ Опис — *Говірки чорнобильської зони. Системний опис.* Київ, 1999.
- Делюсто 2010 — *Делюсто М. С.* Граматика говірки у світлі тексту. Дис. ... канд. філолог. наук. Київ, 2010.
- Демешкина 2000 — *Демешкина Т. А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000.
- Дзендзелівський 1955 — *Дзендзелівський Й. О.* Спостереження над системою числівників говірок Закарпатської області // Наукові записки [Ужгород. ун-та]. Т. XIV. Львів, 1955.
- Жилко 1966 — *Жилко Ф. Т.* Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966.
- Залеський 1969 — *Залеський А. М.* Частка ся у південно-західних говорах української мови // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.
- Зализняк 2008 — *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Земская 2004 — *Земская Е. А.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
- Земская, Китайгородская, Ширяев 1981 — *Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Золотова, Онипенко, Сидорова 2004 — *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Иванцова 2002 — *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002.
- Історія 1978 — *Історія української мови. Морфологія.* Київ, 1978.
- Історія 1983 — *Історія української мови. Синтаксис.* Київ, 1983.
- Калнынь 1997 — *Калнынь Л. Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997. № 3.
- Калнынь 2001 — *Калнынь Л. Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Калнынь 2005 — *Калнынь Л. Э.* Синтагматика сонантов в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 11. М., 2005.

- Касаткин 1999 — *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- КДА 1967 — Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
- Керемидчиева 2007 — *Керемидчиева С.* Копривщица — история и язык. София, 2007.
- Кобилянський 1928 — *Кобилянський Б.* Гуцульський говір і його відношення до говору Покуття // Український діалектологічний збірник. І. Київ, 1928.
- Крючкова, Гольдин, Сдобнова 2007 — *Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е., Сдобнова А. П.* Электронный диалектный корпус как новый источник изучения русских народных говоров // Язык и культура России: состояние и эволюционные процессы. Самара, 2007
- Крючкова, Медведева, Цепова 1995 — *Крючкова О. Ю., Медведева Т. Н., Цепова С. П.* Изучение служебных частей речи на основе диалектологического текстового машинного фонда // Русистика сегодня. М., 1995. № 4.
- Летучий 2005 — *Летучий А. Б.* Корпус диалектных текстов: задачи и проблемы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005.
- Ляпон 1979 — *Ляпон М. В.* Взаимодействие категорий отрицания и ирреальности в тексте // Синтаксис текста. М., 1979.
- Марковиќ 2011 — *Марковиќ М.* За удвојување на предлози во охридскиот говор (во балкански контекст) // XXXVII Научна конференција, при Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура. Универзитет «Св. Кирил и Методиј». Скопје, 2011.
- Младенов 1993 — *Младенов М. Сл.* Българските говори в Румъния. София, 1993.
- Младенов 2008 — *Младенов М.* Диалектология. Балканистика, Етнолингвистика. София, 2008.
- Николаева 1979 — *Николаева Т. М.* О функциональных категориях линейной грамматики // Синтаксис текста. М., 1979.
- Німчук 1957 — *Німчук В. В.* Ступенювання в говірках району верхньої течії р. Боржави // Доповіді та повідомлення. Серія історико-філологічна. І. Ужгород, 1957.
- Німчук 1961 — *Німчук В. В.* Словотвір числівників у верхньонадборжавських говірках // Діалектологічний бюлетень. VIII. Київ, 1961.
- Німчук 1963 — Ступенювання у верхньонадборжавських говірках // Питання граматики і лексикології української мови. К., 1963.
- Німчук 1969 — *Німчук В. В.* Словотвір приєдників у закарпатських говірках // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969.
- Німчук 2004 — *Німчук В. В.* Закарпатський говір // Українська мова. Енциклопедія. 2-е вид. Київ, 2004.
- Осташ 2003 — *Осташ Н.* Про українські народні назви християнських свят: *Водохрещі* // Діалектологічні студії. 3. Збірник пам'яті Ярослави Закревської. Львів, 2003.
- Панькевич 1938 — *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Ч. І. Звучня і морфологія. Прага, 1938.
- Погорелов 1935 — *Погорелов В.* Болгаризмы въ карпаторусских говорах // Научный сборник въ память Евменія Ивановича Сабова. Ужгород, 1935.
- Робчук 1999 — *Робчук І.* Студії і статті. Бухарест, 1999. С. 76–78.
- Руснак 2009 — *Руснак Н. О.* Лінгвокогнітивні та прагматичні виміри діалектних текстів буковинських говірок. Чернівці, 2009.

- Русская деревня 2009 — Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2009.
- Словотвір 1979 — Словотвір сучасної української літературної мови. Київ, 1979.
- Толстая 2012 — *Толстая М. Н.* Карпатоукраїнські енклитики в южнославянській перспективі // Карпато-балканський діалектний ландшафт. Язык и культура. Вып. 2. М., 2012.
- Bal 1974 — *Bal J.* Formacje przysłówkowe z sufiksalnym *j* i *k* typu *dzisiaj, wczoraj, dzisiaj, tamok* w historii i dialektach języka polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.
- Janów 1928 — *Janów J.* Ze stosunków językowych małoprusko-rumuńskich // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928.
- Niebrzegowska-Bartmińska 2007 — *Niebrzegowska-Bartmińska S.* Wzorce tekstów ustnych w perspektywie etnolingwistycznej. Lublin, 2007.
- Nieckula 2002 — *Nieckula F.* Język ustny a język pisany // Współczesny język polski. Lublin, 2002. S. 99–113.
- Robciuc 1997 — *Robciuc I.* Raporturile lingvistice romano-ucrainene. București, 1997.
- Seserman-Reguş 1971 — *Seserman-Reguş A.* Prepozițiile în graiurile ucrainene (bucovinene și huțule) din Nordul Moldovei // Studii de slavistică. Vol. II. București, 1971.
- Tolstaja 1992 — *Tolstaja S. M.* Tekst ustny w języku i kulturze // Etnolingwistyka. 5. Lublin, 1992.
- Wilkoń 2000 — *Wilkoń A.* Typologija odmian językowych współczesnej polszczyzny. Katowice, 2000.

Summary

Pavlo Hrytsenko

The phenomem of dialect: ontology and epistemology

The second half of the 20th ct. and the beginning of the 21st ct. have witnessed rapid development of Slavonic dialectology, marked by numerous linguistic atlases (encompassing a single language, its regional variety, or several languages) as well as dictionaries and dialectological treatises. Yet there still is a marked difference between dialects as ontological entities and their linguistic descriptions. This difference was caused, first, by the principle according to which dialects were to be conceived and studied as a sum of distinctive features rather than a language system; accordingly, dialectology was considered as auxiliary, not full-fledged, linguistic science.

The author demonstrates, with the reference to Ukrainian dialects, that Modern Ukrainian dialects retain many structural units which so far have not been studied, so that taking into account such data essentially transforms and supplements dialects' characteristics and descriptions of their structure and usage.

Arguably, the efficiency of present-day dialect studies is to be achieved by taking into consideration the foundations of dialect as national language's separate stratum. These include: the basically spoken form of dialect manifestation (accounting for its structural elements' realization, syntagmatic arrangement, and transformations in oral speech); orientation of dialect speakers towards their *own* indigenous dialect environment (i.e. their *own* native vernacular reflecting their *own* culture, background knowledge and collective memory).

An essentially higher level in dialect studies can only be obtained by applying theoretical principles of systemic description to dialect as a whole and its separate phenomena. And that in its turn calls for fundamentally new empirical data bases which would include a large amount of authentic oral texts as well as dialect data collected through various programs of field research. Analysis of Ukrainian dialects' speech texts has elucidated many specific traits of their structure and usage, such as distribution of alternants' frequencies; these texts reflect the linguistic portrait of *dialect person*, a narrator with his/her own set of values regarding linguistic units and dialects as a whole, as well as his/her linguistic, social and cultural preferences. A text-oriented approach of this kind (giving special attention to regularities of oral lineal text production as well as the way dialect features are reflected in texts) expands our scientific knowledge of dialects, narrowing the epistemic gap between them as ontological entities and their linguistic models.

Выражаю признательность М. Н. Толстой за помощь в работе над статьей.

Об одном типе источников диалектологических исследований

1. Для украинской диалектологии, как и для других славянских, актуальными являются проблемы: *что* в диалектах необходимо исследовать, *для чего* и *с помощью каких исследовательских приемов и процедур* следует изучать говоры. Известно, что в диалектологии в течение длительного времени репродуцируются взгляды на многие явления, повторяются ранее предложенные выводы, будто этой форме бытия языка не свойствен динамизм различных участков его структуры; будто неизменными остаются диалектные границы отдельных явлений, ареалов, диалектных зон; будто собранные и обработанные диалектные данные (часто значительные по объему и разноплановые структурно и функционально) находятся вне процесса познания. Поэтому необходимость возвращаться к основополагающим вопросам об объекте, целях и характере исследования в диалектологии является самоочевидной. К тому же такие специальные обзоры способны внести изменения в устоявшиеся в науке о территориальных диалектах оценки и выводы, поскольку проблемы, важные четверть века назад, могут оказаться решенными или утратившими актуальность либо быть поглощенными другими, более широкими, по-новому сформулированными исследовательскими задачами.

Известно, что залогом успешного развития диалектологии является полнота эмпирической базы. Зафиксированные диалектные факты, независимо от характера источника, всегда сохраняют *новизну* (даже если они уже представлены в реестре лингвальных данных), поскольку каждый языковой элемент является носителем не только структурных, но и важных функциональных, временных и пространственных (хронотопных) сведений. Поэтому особенно ценным остается расширение и уточнение параметров каждого элемента диалекта, отдельного ареала как составляющих целостного диалектного континуума.

В связи с этим актуальным представляется определение ценности, реальных эвристических возможностей каждого потенциального источника информации о диалектах. Отметим, что среди источников эмпирических сведений, пригодных для исследования диалектов, выделяют: фиксацию «живой» диалектной речи (записи по программе и тексты/нарративы); материалы из предыдущих студий; лингвистические атласы; различные этнографические и фольклорные материалы (Бевзенко 1980: 20–21). Каждому из названных источников присущ свой информационный диапазон, особенности упорядочения

лингвальных данных. Вместе с тем специфика эвристических возможностей источников, ее корреляция с исследовательскими процедурами и характером возможных выводов еще не исследованы, хотя, несомненно, заслуживают специального внимания. Так, в диалектологических штудиях довольно редко используются этнографические и фольклорные записи, хотя известны удачные опыты привлечения более ранних этнографических фиксаций для определения динамики говоров. Использование отдаленных во времени этнографических, фольклорных записей в комбинации с современными исследованиями диалектов позволяет не только вскрыть направления динамики многих элементов структуры говоров, но и предложить инновационную методику полихронного картографирования языковых единиц (Глуховцева 2005).

Отметим, что наличие текстов (диалектных нарративов, этнографических описаний с включением повествований носителей говора), которые могут иметь разное качество с точки зрения воспроизведения черт диалектов, побуждает к их специальному анализу относительно эвристической ценности как источника языковой информации.

2.0. В том, что этнографические, фольклорные записи могут сохранять ценные языковые данные, а следовательно, их использование в диалектологических исследованиях является крайне желательным, убеждает немало изданий, прежде всего тех, которые были ориентированы на сохранение и воспроизведение аутентичной народной речи. К таким принадлежит работа Василия Кравченко о традиционной культуре деревни *Бехи* (Коростенского р-на Житомирской обл.) (Кравченко 2009). Обследование 1927–1929 гг. осуществлено по методике стационарного наблюдения с использованием вопросника, а также в режиме свободных (спровоцированных вопросами-ориентирами) повествований; использовалась и речь эксплораторов — жителей деревни (без образования и с образованием разной степени), являющихся носителями этого говора, а также этнографические материалы и письма эксплораторов к В. Кравченко. Важно, что в издании (Кравченко 2009) соблюден принцип точного воспроизведения записей без их формальных изменений и редактирования, а также то, что можно установить *авторство* каждого текста (кто записал, зачастую — и от какого информанта), его жанровые особенности (авторский нарратив, пересказ, ответы на анкету, фольклорный текст); все это расширяет возможности более глубокого анализа каждого языкового знака, отраженного в тексте. Необходимость сохранения всех структурных черт говора осознавали как руководитель проекта В. Кравченко, так и его корреспонденты-эксплораторы, что отражено в их письмах; однако стремление участников проекта к точности фиксации диалектной речи убедительнее всего демонстрируют сами тексты.

Репертуар черт говора д. Бехи по разным структурным уровням (даже если ограничиться лишь элементами, отличающимися от литературного стандарта) впечатляет широтой и разнообразием, а также наличием вариантов форм, репрезентирующих одно и то же явление. В большинстве случаев каждая зафиксированная словоформа неоднократно приведена в тексте, иногда представлена значительным количеством фиксаций. Указанные особенности издания позволяют квалифицировать рассматриваемый текст как языковой памятник первой трети XX в. из украинского среднепопесского ареала, как ценный (хотя и специфический) диалектологический источник. Это побуждает к составлению реестра единиц и явлений говора д. Бехи с их дальнейшим подробным анализом. Комментируя ниже отдельные черты диалектной системы д. Бехи по временному срезу конца 20-х годов XX в., мы преследуем цель лишь проиллюстрировать целесообразность и результативность обращения к эвристически ценным этнографическим студиям прошлого, недостаточно привлекаемых в качестве источника первичной информации в диалектологических изысканиях. Более полное описание говора и интерпретация его структурных черт, включая изучение динамики ЧДС с конца 20-х годов XX в. до настоящего времени, должно стать предметом специального проекта.

2.1. Среди явлений *фонетики* в анализируемых записях отображены черты разной временной глубины, источников возникновения и неодинаковой частоты проявления, что присуще любой спонтанно развивающейся ЧДС. К характерным маркерам вокализма говора, как об этом можно судить по его графическому образу, относятся:

1) сохранение архаической черты вокализма — дифтонга $i\hat{e}$ [= *ё (ѣ)] в односложных словоформах (*грѣх*¹), под ударением (*чоловьѣйком*) и в безударной позиции (йду до тебе [до] *криниціѣ*, як до рѣуднойе *сестриціѣ*); одновременно отмечены словоформы с рефлексом *ё в виде [e] независимо от ударения (мав три *окнѣ* [< *окнѣ*, В. п. дв. ч.]; як купили [горщик] для роздвяної кугі, то в ньому всі три *кутѣ* варят; для свое *роднѣ* [< *роднѣ*]; на том *свитѣ*; *мешка* [Р. п.]) и монофонг переднего ряда (*синожаті* — несколько фиксаций²).

2) *o > [ou]³ в новом закрытом слоге (*воун*, *коут*, *коунь*, *настоулник*, *жоунка*, *потоум*, *кулакѣув*, *родичѣув*, *Якоѣув*), изредка — и в открытом слоге (*воуди*,

¹ Сохранена графика цитируемых источников.

² Не всегда есть уверенность относительно идентификации графемы *и* как [i] либо [и], различающихся по подъему и ряду.

³ Рефлекс *o в новом закрытом слоге эксплораторам, по-видимому, представлялся как дифтонг с последовательностью [ou], что последовательно отражено в данном источнике; однако диалект с. Бехи Коростеньского р-на Житомирской обл. входит в ареал регулярно изменения *o > [y] (АУМ 1, к. 57–62).

о̀угонь); многие слова имеют разную графическую передачу, что, предполагаем, могло быть обусловлено фонетическим варьированием (*со̀улю* и *солю*); изредка зафиксированы словоформы с нейтрализацией оппозиции /o/ : /y/ → [oʷ...y] (*моʷтки*, *клубкоʷв*, *пудходит*, *пудлога*, *пудбегали*, *зувсем*, *пудвёнь*); такие же рефлексы отмечены и на месте *[e] (*меті́олка*, *перевьюв*, *вьюз*);

3) рефлекс *ѣ в виде [e] (*колбѣзь*, *лекав* ‘пугал’, *месецю* ‘молодий’), а не только [a] (*у п̄яті* ‘кусках’, *двадцят*);

4) во многих позициях, включая ударную, отражены изменения [и] > [e] (*че* ‘или’ — последовательно у нескольких информантов, *тречи* ‘трижды’ — часто употребляемая форма, *менеця* [минeця] ‘минуется’, *курачем* [курачим] ‘куриным’, *шнуре* [шнури] ‘шнуры’ и др.); не исключено, что отмеченный в тексте переход [и] > [e] под ударением во многих словоформах может сигнализировать о восприятии носителями диалекта изменения качества гласного звука как позиционного понижения его артикуляции для передачи акцентного выделения;

5) в многочисленных словоформах эксплицирован вторичный [i] вместо закономерно ожидаемого [и] (*зв̄ічайно*, *в̄іняти*), часто — во флексии И. п. мн. ч. существительных ж. и м. р. твердой группы (*особі́*, *сестрі́*, *фігури́*, *корові́*, *узори́*, *дубі́*, *полянкі́*, *акті́*), Р. п. мн. ч. существительных ж. р. (риканья *худобі́*); в целом наблюдаем выразительную тенденцию проявления иканья в разных грамматических формах; возникающие при этом омоформы дифференцируются синтаксически или иными формальными средствами, например, деепричастия *попавші́*, *прійшовші́*, *гуляючі́* и др. отличаются от причастий последовательным образованием последних по модели членных прилагательных с финалью *-іє* или *-іє* в И. п. мн. ч.;

6) в говоре распространена мена [a] > [e], [i] после мягких согласных, о чем свидетельствуют многие словоформы: *єк* ‘как’, *заєча* ‘капуста’, *ставет* ‘ставят’, *зібри* ‘жабры’, *дні́* ‘дня’ (Р. п. ед. ч. существительного *день*, ср.: *того дні́ буде дощ*; *першого дні́*; в текстах словоформа *дні́* зафиксирована многократно); вероятно, как следствие расширения зоны проявления данного изменения возникла словоформа *зариз* ‘сейчас’, где твердый [r] не провоцирует изменения [a] в гласный переднего ряда; спорадически в тексте эксплицирована «зеркальная» мена [e], [i] > [a] (*єі́* не *ядят* ‘её не едят’). Отдельные лексикализованные рефлексы (как *ѣ > [y] — *поцулюю* ‘поцелую’) также характеризуют говор⁴.

⁴ География рефлексации *ѣ как [y] в словоформе *ц̄’ул’увати* ‘целовать’, представленная в (АУМ I, к. 13; II, к. 11; III/1, к. 2, III/2, к. 1), вскрывает направление иррадиации в прошлом данного явления из юго-западного ареала в северный (полесский), включая и диа-

К чертам консонантизма, отображенным в текстах и выделяющим говор на фоне других диалектов и литературного стандарта, относятся:

1) твердый [р] в соответствии с [р'] в других диалектах и литературном языке (*парат* 'парят', *прати*, *обратувала* 'спасла', *радити* 'одевать [умершего]', *врат* 'верят', *господарує* и др.);

2) распространение словоформ с препалатальным согласным [л'] преимущественно в позиции перед твердым согласным (*селник*, *тилна*, *зделничка* 'ловкая', *двятосилник*, *болша* и др.)⁵;

3) многие словоформы демонстрируют отсутствие эпентетического [л'] ([л]) после губного (*робять*, *почеп'ю*, *дивеця*, *пригулуб'ять*, *сип'ю*, *ступ'ю*, *злом'ю*); допускаем наличие в этой позиции [j], проступающего и как его субститут [н'] (*зломню*); относительно словоформ с [н] после губного согласного (за *здоровне* 'за здоровье', *мнесце* 'место', *мнисим* 'месим') — уверенности относительно пути его возникновения нет (фонетическое изменение или аналогия к сочетанию губной + вторичный н), поскольку на основании графической фиксации сложно идентифицировать качество [н], в частности, наличие или отсутствие палатальности/палатализованности.

Важным для характеристики говора является частое изменение отдельных звуко сочетаний: [i:] > [i] (*прімаючи* 'принимая', *прімали*, *пріди* 'приди' на фоне вариантов *прійдеться*, *зідут* 'сойдут'), [ий] > [i] (*такі* 'такой', *обци* л'ес, *простреляні* 'простреленный', *справедливі* 'справедливый' и др.); в речи нескольких носителей диалекта регулярно отмечена замена [у:] > [у] (колись *бу{у}* таки чоловік, що вон *бу{у}* дуже велики знахор и ведьмар, а у его *бу{у}* син — с. 553; но *бун указува{у}*), что также подчеркивает специфику говора, как и многочисленные ассимилятивные изменения согласных (например, [дч] > [чч] — *молочча* и др.).

В тексте отдельные словоформы нередко воспроизведены в графическом оформлении, которое не дает возможности однозначно верифицировать их звуковое соответствие. В таких случаях приходится относить их к элементам речи с нетипичной фонетикой; к этому склоняет и тот факт, что необычному звуковому портрету эксплоратор пытался подобрать соответствующую (нетипичную) графическую форму (*чоловьѣйком*). Убедительная звуковая интерпретация таких записей возможна только при наличии ряда подобных словоформ с искомыми рефлексами в соответствующих фонологических позициях.

лекты вокруг современного Коростеня Житомирской обл., один из которых отражен в исследуемом источнике.

⁵ Относительно [л'] эксплоратор В. Кравченко отметил: «В самом г. Коростене небное л — среднее между полтавским говором и обычным литературным, но Овручский и Лугинский районы почти достигают полтавского» (Кравченко 2009: 13).

Важно, что среди отраженных в источнике особенностей формальной структуры многих словоформ сохранены элементы древнего облика топонима *Коростень* – *Їскоростьского* (род. пад. прилаг., с. 308).

2.2. В материалах В. Кравченко отображено немало локальных грамматических форм, которые могли бы составить отдельную грамматику, дифференциальную по отношению к другим диалектам или литературному стандарту. Приведем ряд отдельных грамматических явлений говора, как они отображены в анализируемом тексте.

Так, часто фиксируются архаические полные (членные) формы И. п. мн. ч. прилагательных, местоимений, соотносимых с прилагательными, числительных, утраченные на большей части украинского континуума (*одніє* сутки, все *злеє*, *недобріє* люде, *тиє*, *разніє*, *каторіє* *вішшіє*, *целиє*, *холодніє* и др.). Различия демонстрируют записи личного местоимения ж. р. *вона*: в *її* ‘(у) неё’, *їє* магуся ‘её’, *єю* ‘ею’, не прімали *єїє* ‘её’, *їїїє* ‘её’, для *їїє* ‘(для) неё’, *їє* в хаті ‘у неё в доме’, в *юй* ‘в ней’; интегральная черта этих графических форм — отсутствие инициального [н].

Выразительной чертой является оформление инфинитива с финальным *-т* (*орат*, *волочит*, *сіят*, *стоят*, *просит*) на фоне значительно реже используемых форм на *-ти* (*бити*, *робити*, *клати*, *нюхати*).

С конечным *-т* распространены формы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. наст. вр. (*ходит*; вони *дают* пит ‘дают пить’, *не вважають*, *бувають*).

В текстах отражено более широкое по сравнению с другими диалектами использование деепричастий на *-ан-*: *поділяна* (земля), *зрубляний* (ль’ес), *заслоняна* (піч), *не крадяные* (вещи), на *условляю* (недилью), (хата) *замкана* ‘изба заперта’ и др.

Маркирует диалект д. Бехи употребление соединительного союза *да*⁶ ‘и’ (була *да* чула; зарезали *да* забрали гроші *да* й утекли до л’єсу; порозб’є¹ралис мужчини і женціни голие *да* б’ють тимі кнута¹мі *да* й так б’є¹гають *да* й усяк[е]); в отдельных контекстах *да* выступает в роли частицы (яна на твою¹ *да* стежеци; тут ше роко¹ув сто *да* були гайдамаки). В одном случае союз *да* отмечен в форме *де* (...йехав чоловь’ек с поля, оглян¹үвса назад — сedit дь’є¹үвка узаду на возі *де* й мовчit — с. 21).

Союз *но* ‘также’ (*но* роблять иноді горні, так в них вин має назву «рожка»; *но* ще роблять с «тростиною»); новый вариант союза, возникший вслед-

⁶ Описав союз (частицу) *да* в полесских диалектах с привлечением параллелей из южнославянского ареала (*да*-конструкции), С. М. Толстая убедительно продемонстрировала наличие общих и специфических черт в семантике и функционировании данной морфемы в каждом из указанных макроконтинуумов (Толстая 1985).

ствие соединения двух автономных разделительных союзов *або* и *то* (платять тільки грошами *або то* житом, або гречкою; занеси до сусідки, *або то* до куми; з воску *або то* смоли; домішуючи сажи *або то* клей... *або то* щось друге; ходять по рідні *або то* по сусідах; а на Великдень відвідують могили *або то* несуть писанки в більшості старі люди, діди *або то* баби; ще писанки и мальованки *або то* крашанки).

Предлоги *за* ‘на’ (учить *за* пана ‘выучить, чтобы стал образованным, то есть паном’; вийти *за* пана ‘стать паном’), *об* ‘о’ (*об* цьому писав; *об* цьому хлопчуть), *через* ‘на протяжении [определенного времени], в течение’ (і дітий *через* цей шлюб не було; *через* усі свята) и др. Значение отдельных выражений настолько затерто, что о функции предлога можно только догадываться, напр.: цього запису кладуть *поза* люде або в церкву (вероятно, *поза* [люде] употреблен в функции *от*, то есть ‘спрятав *от* людей’).

2.3. В издании детально отображена лексика говора, что обеспечено сочетанием фиксации номинативных средств в целенаправленно подобранных повествованиях на разные темы и по вопросам-анкетам, ответы на которые составляют готовые тематические лексиконы с указанием значения каждого слова (нередко с подробными комментариями). Представленный в материалах В. Кравченко реестр номинативных средств отображает состояние лексикона говора д. Бехи в конце 20-х годов XX в., что позволяет смоделировать контуры языковой картины мира носителей диалекта и в то же время создает предпосылки для выявления динамики лексического состава говора путем его разновременного (полихронного) сопоставительного анализа.

О том, что этот реестр открывает множество лексем, значений, номинативных словосочетаний, которые либо не были в поле внимания исследователей, либо вскрывают новые грани (форму, семантику, сочетаемость), отображая элементы традиционной локальной культуры и быта, свидетельствуют представленные ниже иллюстрации:

гало ‘корона вокруг солнца, луны’⁷, *сѣлице* ‘усадьба’, *дяковщина* ‘плата пастуху’, *дідичка* ‘девушка, имеющая в наследстве землю, которую в свое время получила ее мать как приданое’, *нихом* ‘своевольно, без согласования

⁷ Допускаем, что зафиксированное в Бегах значение *гало* («как солнце або місяць огордиться (*гало*) — буде негода») сегодня не относится к широко известным, поскольку оно среди других значений не приведено на специальной карте «Распространение и значение слов *гал*, *гало*, *гале*» в среднеческом ареале» (ЛАПП, к. 9); в источниках по западнеческому говору отмечено *гало*, *гал* ‘опушка леса’, ‘редколесье’ (Аркушин 2000, I: 84), а в сопредельных белорусских диалектах *гала* (и производные) ‘непокрытое лесом пространство’ (ЛАБНГ 2, к. 54).

с родителями, без благословения — о браке’, хатні *потрібки* ‘вещи’, *підружжя* ‘один из членов брачной пары’, *коливо* ‘медовый напиток для поминовения мертвых через неделю после Пасхи’, *макар* ‘запеканка из вареной лапши с яйцами’, *стуга* ‘бочка’ (хитра жона, як *стуга* пшона), *вісочити* ‘выследить’, *обсилати* ‘одаривать свадебным печеньем (караваем) участников свадьбы’, *замочка* (от *замочить*) ‘угощение на удачное завершение важного дела’, *пекаріця* ‘изжога’, *п’єрники* ‘обрядовое печенье (на свадьбе, похоронах)’, [йти] на *вєрбі* ‘на вечерние гулянья к разведенным жещинам’, *верендається* ‘слоняется (без дела)’, на *одлив* ‘наотмашь’, *рòдиво* ‘роды’, *розсіпалась* ‘родила’, *ополоник* и *прачки* ‘головастик(и)’, *желомон* ‘желтые муравьи’, *зачеретьця* дитя ‘зачнется’, *зайде* ‘забеременеет’, *посад* ‘выселенные на току снопы злаковых для обмолота’, *значний* ‘заметный’, *ключ* ‘хозяйственные постройки, поставленные в ряд’, *кам’єшник* ‘придверный угол в избе’, *джегін* ‘деревянный молот для забивания глины при кладке печи’, *посад* ‘выложенные снопы на току для обмолота’, *горопіца* ‘рабочая’, *дрóтики* або *слепарі* ‘оводы’, *пóвзняк* ‘палки или прутья на стогу, охраняющие сено от ветра’, *нєрет* ‘рыболовная конусообразная снасть из сетки’, *хабóта* ‘рыболовная конусообразная снасть из тонких прутьев’, *правдівий гріб* ‘белый гриб’, *бєсєда* ‘застолье; праздничное застолье (для взрослых)’, *гнилі дні* ‘дни перед полнолунием’, *нєльин* ‘дуб, не сбрасывающий зимой листья’, *вєха* ‘растение-паразит на березах, зеленый летом и зимой; отваром из вехи красили пасхальные яички’, (чоловик) *бортас* ‘ныряет’, (дитя) *прадюче* ‘имеющее быстрый, разумный взгляд’, *сповідають* (*висповідають*) дїжку ‘ритуальное мытье дежи в Чистый четверг (до восхода солнца)’, *гутать*, *погутать* ‘обрядовое действие — качание, подымание вверх как проявление уважения’⁸ и др.

Многие комментарии в тексте дифференцируют семантику лексем, близких по значению: *лодка* ‘из досок’ и *човен* ‘из цельного дерева’, *кошуля* ‘женская кофта’ и *сорочка* ‘мужская рубаша’, *верстат* ‘ткацкий станок не затканный’ и *кросна* ‘затканный, готовый к ткачеству’ и др. Семантику отдельных лексем из текста установить невозможно (*оголина* — хоч *оголіну* за ім шібнуть треба), что актуализирует специальные поиски.

⁸ См. приведенное описание *гутання*: «... берут киліма, ведут хазяїна в ток, стелят сєред току киліма, хазяїн на його лягає, а сусіди беруться за коньці киліма і підіймають догори, гойдаючи, сьпівують «Мнагая літа». Таким же чином гойдають і хазяїку, тільки в коморі, бо, кажуть, хазяїн — господар току, а хазяїка — господиня комори». За це «гутаннє» хазяїн ставить горілку, а хазяїка мед і другу закуску» (с. 166). Без описания действий использовано словосочетание *гутать сватов*, что, предположительно, могло означать ‘оказывать почести’ (с. 288).

Важно отметить наличие в тексте сегментов словосочетаний, поликомпонентных устойчивых номинативных единиц, значение которых раскрыто через объяснение или описание реалии, ситуации (*виповідасть діжку; перейшов у сусіди; сунільний возраст*), а во многих случаях оставлено без семантизации (вдень вовки «в кругу»), а выходить оно по третій годині).

Изучение ранее записанных этнографических, фольклорных текстов может открыть не только не замеченные ранее исследователями структурные элементы языка, важные черты процессов динамики, но и ценные комментарии носителей диалекта либо эксплораторов относительно отдельных черт говора. Показателен комментарий информанта из д. Бежи: «Ми колись казали на радугу “цмок”. Але на нас почали кричати, щоб ми так не казали, бо гріх, мона казати “радуга”, а не “цмок”. Проте інчіє кажут “цмок”, “смок”. Колись був такий змій в морі, шо єв людей, на його казали “Смок”, через те и гріх звати радугу “смоком»». Приведенное объяснение информанта выясняет одну из возможных причин утраты названия *с(ц)мок* на данной территории: ведь это название не отображено на специальных лексических картах ‘радуга’ (АУМ 1, к. 343; ЛАПП, к. 105), хотя зафиксировано в говорах Западного Полесья в бассейне реки Стоход (*смок* — в 2 н. п. и *цмок* — в 1 н. п.) и далее на запад — в говорах на границе с Польшей в форме *смик* (5 н. п.) (АУМ 2, к. 355), еще в 1 н. п. в этом микроареале зафиксировано в (Аркушин 2000, II: 158) и в нескольких белорусских говорах севернее р. Припять (ДАБМ, к. 312). Таким образом, данные из говора д. Бежи позволяют реконструировать более древние значения лексемы, как и распространение известной легенды о смоке-змее, подробнее см. в: (Толстой 1997; СД 4: 387).

2.4. Об осознании эксплораторами эвристической ценности каждой структурной, семантической или функциональной особенности записываемого материала с точки зрения не только этнографической, но и языковой свидетельствует передача во многих случаях ударения, особенно если были замечены различия в акцентировании по сравнению с узусом того времени. В частности, поставлено ударение, предназначение которого можно усматривать в различении значений слов (*толока́* ‘коллективная помощь в работе за угощение’ и *толо́ка* ‘место для выпаса скота’), а также в передаче специфики ударения словоформ в говоре или в речи отдельного диалектоносителя (*возовня́, вилкі, поножі́* ‘деталь ткацкого станка’, *шкваркі, покуль, заслонка, загорода, підточка* ‘нижняя часть женской рубахи’ и др.); часто отмечены подвижность или стабильность ударения в парадигме, особенно в сопоставлении форм единственного и множественного числа (*джега́н* и *джега́ні; па́люх* и *па́люхи* — ‘вязаные рукавицы с одним пальцем’) и в деривационном гнезде (*рубéль* и *ру́блик*).

3. Материалы В. Кравченко подготовлены к печати с сохранением имен информантов (эксплораторов), которым принадлежат отдельные тексты, ответы на анкеты и комментарии. Это делает возможным анализ языковых особенностей как говора в целом, так и черт отдельных носителей диалекта. Такое языковое портретирование носителей диалекта является ценным в качестве предпосылки формирования социодиалектологии и основы моделирования направлений трансформирования говора и собрания диалектов. В частности, в материалах из д. Бехи наблюдаем выразительные различия между речью неграмотных информантов старшей и средней генерации (носители традиционного говора) и молодежью со школьным образованием (им свойственна переходная форма от собственно говора к литературному стандарту; родная диалектная система, поддерживаемая диалектным окружением в ежедневном общении, остается сильным конкурентом усваиваемому литературному языку). Такую информацию не передают лингвистические карты и диалектные словари, поэтому особенно актуальным является дополнение данных последних именно развернутыми текстами, в частности давними этнографическими описаниями с включенными текстами (либо их фрагментами). Именно тексты способны сохранить и отразить реальную разнообразность вариантов формальной структуры говора, неоднородность функций ее элементов, стратификацию носителей диалекта с их языковыми особенностями. Тот факт, что описание традиционной культуры д. Бехи — труд этнографической и частично фольклористической направленности — оказалось источником ценной языковой информации (расширен репертуар диалектных различий, формирующих модель диалектного языка, выявлены неизвестные значения многих единиц), доказывает необходимость широкого привлечения таких работ к познанию диалектов. Использование в диалектологических исследованиях несобственно диалектных источников имеет свои пределы, предполагает применение специальных методик обработки сведений, зачастую обременено множеством лингвистически нерелевантных сведений; однако преодоление всех этих сопутствующих особенностей оправдывает результат — познание и возможность использовать эвристический потенциал таких текстов, привлечение дополнительной хронотопизированной информации. Открытие многих новых текстов из «диалектной периферии», необычность их жанров и связанные с этим особенности хранения искомой информации актуализируют проблему типологии таких источников и разработки специальных приемов их описания и использования⁹.

---

⁹ Среди множества разнообразных текстов, отражающих черты говоров определенных хронотопов, особого внимания заслуживают сохранившиеся из различного времени опы-

4. Представленные материалы и лапидарные комментарии этнографических записей из д. Бехи (1927–1929 гг.) убеждают в целесообразности их привлечения в качестве источника сведений по данному диалекту. Эвристическая ценность эксплицированных разнообразных элементов структуры для познания отдельной ЧДС, моделирования языковой ситуации прошлого представляется самоочевидной. Поэтому выявление давних записей, которые могут быть использованы как источник информации о диалекте (этнографические описания, фольклорные и диалектные тексты, так называемые отчеты о диалектологических и этнографических экспедициях и др.), исчерпывающая регистрация зафиксированных в них элементов структуры, их семантических и функциональных особенностей являются не только важным дополнением к уже известному кругу сведений об отдельном говоре, микроареале или континууме в целом, но и важной предпосылкой и импульсом к новым диалектологическим (и этнокультурологическим) обследованиям говоров (и соответствующих социумов). Используемые при этом вопросы (списки явлений, словоформ) и перечень предусматриваемых сюжетов для интервью с носителями диалектов должны перекрывать выявленные в текстах материалы. Такое планирование эксплорации способно обеспечить новые исследования надежными данными (зачастую ранее не известными) не только о репертуаре единицы говора, но и о динамике диалектной системы, изменениях в диалектном языке, а также в языковой картине мира в соответствующих топосе и времени.

Литература

- Аркушин 2000 — Аркушин Г. Л. Словник західнополіського говору. Т. 1–2. Луцьк. 2000.
АУМ — Атлас української мови. Т. 1–3. К. 1984–2001.
Бевзенко 1980 — Бевзенко С. П. Українська діалектологія. Київ, 1980.
Глуховцева 2005 — Глуховцева К. Д. Динаміка українських східнословобанських говірок. Луганськ, 2005.

ты словесного творчества носителей диалектов, попытки создания на родном речевом архетипе художественного повествования; в частности, примером из среднепопелесского ареала может служить издание: Демірська Г. Великдень у Романівці (Київ, 2011); о традиции художественного и публицистического творчества на гуцульском диалекте подробнее см. (Грищенко 2012). Изучение таких текстов открывает перспективу не только познания новых структурно-языковых сведений об определенных точке или сегменте диалектного континуума, но и углубления в народное поэтическое восприятие мира.

- Гриценко 2012 — *Гриценко П. Е.* Диалекты в современной языковой ситуации Украины // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. М., 2012.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Кравченко 2009 — *Кравченко В.* Зібрання творів та матеріали з архівної спадщини. Т. 2 / Упоряд. О. Рубан; наук. ред. Г. Довженок. Київ, 2009.
- ЛАБНГ — Лексичны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.
- ЛАПП — *Никончук М. В., Никончук О. М.* Лексичний атлас Правобережного Полісся. К.; Житомир, 1994.
- СД 4 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4.
- Толстая 1985 — *Толстая С. М.* Союз (частица) *da* в полесских говорах (к проблеме южнославянско-восточнославянских параллелей // Сборник Матице Српске за филологију и лингвистику. Къ. XXVII–XXVIII. Нови Сад, 1985.
- Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Радуга // Толстой Н.И. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.

Summary

Pavlo Hrytsenko

On one type of sources in current dialectology studies

For the development of actual dialectology very important is a permanent updating of information sources on the dialects structure, functioning of their elements and their dynamics in time. It is manifest today that dialects corpuses formed on special questionnaires, dictionaries and linguistic atlases are not be satisfactory for contemporary dialectologists. Some new source for dialects investigation is authentic texts of spontaneous spoken language from dialect speakers. This kind of dialectology source is very popular in Ukrainian dialectology. However, there is one more source that is in use rarely. The matter is about older folk and ethnographic texts, in which the features of the authentic language are in sight.

One of these publications of ethnographic texts (1927–1929) is analyzed here. Specifically, the research of structural features of a Middle Polesia dialect (v. Bekhy in Korosten region) is presented, reliability and multidimensionality of this source of dialect information is demonstrated, the specifics of its use in dialectology studies is described.

О перспективах изучения территориальных диалектов в меняющейся языковой ситуации

Статья посвящена перспективам описательной диалектологии. В ней не рассматриваются вопросы лингвогеографии, которая и в будущем будет занимать важное место в изучении дифференциации любого диалектного континуума и включать определенные инновации.

Особенность диалектов как объектов изучения состоит в том, что они всегда рассматриваются как компоненты фиксированной языковой ситуации. Они включены в определенное языковое пространство, в котором сосуществуют и коммуникативно соприкасаются с другими иерархически маркированными формами языка, употребляемыми в данном языковом сообществе. Вне такой языковой ситуации соответствующий идиом не имеет статус территориального диалекта, а является бесписьменным языком. Ср. в этой связи формулировку Хаугена — «каждый диалект — язык, но не каждый язык — диалект» (Haugen 1976: 154). В данном случае мы не касаемся ситуации, когда предлагается создание письменности на диалекте и вытекающее из этого придание диалекту статуса языка (ср. проблему русинского диалекта/языка в западной Украине).

Изучение диалектов является специальным компонентом каждой национальной лингвистики, в том числе и славистики. Диалекты изучаются с разной целью — получение аргументов для сравнительно-исторических исследований, для истории отдельных языков, для формирования корпуса материала, необходимого при создании диалектных словарей и атласов. Цель диалектологического исследования со своей стороны во многом является производной от определения статуса диалектного идиома как объекта изучения. На протяжении времени представление это менялось.

На первоначальных этапах изучения диалектов они рассматривались как территориально и социально маркированные формы определенного языка, обладающие специфическим набором особенностей/признаков. Эти формы языка не имели статусного лингвистического определения, присущего языковому идиому как таковому. Состав особенностей диалекта устанавливался на основе сопоставления с эталоном, в качестве которого обычно выступал литературный язык (кодифицированная форма языка). Характеристика диалекта представляла собою список явлений, отличающих диалекты от литературного языка. Различия между диалектами состояли в наличии/отсутствии таких

явлений. Информация об этом достигалась в результате применения дифференциального метода при обследовании диалектов. Часто это определялось содержанием вопросников обследования диалектов, ориентирующих на фиксацию отличий диалекта от литературного языка. Ср. (Программа 1947; Праграма 1950); как пример применения дифференциального принципа в лексике можно привести словарь русского говора с. Деулино (Словарь 1969: 13).

Использование дифференциального метода при изучении диалектов логически вытекало из ряда обстоятельств. Диалект является наиболее подвижной в своем устройстве формой языка. Не имея кодифицированной нормы, он в своем узусе более свободно реализует внутрисистемные импульсы развития и реагирует на контакты с другими идиомами. Изменение диалектов в основном традиционно ассоциируется с языковой ситуацией, особенностью которой является внедрение литературного языка в диалектную среду. Утверждение о влиянии литературного языка на диалекты общепринято, однако априорно по своему содержанию, поскольку обычно не сопровождалось изучением реального процесса такого влияния. По замечанию Н. М. Гринковой, сделанному ею еще в 40-е годы прошлого века, указание на воздействие литературного языка на русские диалекты «в большинстве исследований выглядит скорее как отписка по поводу материала, не подлежащего изучению», а «процесс воздействия литературного языка не изучается, и как он происходит — неизвестно» (Гринкова 1947: 177, 183).

Особенности языковой ситуации, которая может вызвать изменения в диалекте, не сводятся только к контактам с литературной формой языка. В разные языковые ситуации помещается диалект в результате применения к нему определенного исследовательского приема. А именно: если диалект обследуется несколько раз с определенными временными интервалами, то меняется хронологическая маркировка языковой ситуации, а особенности диалекта могут рассматриваться как знак изменения диалекта во времени. Ср. обследование говора с. Лека в разное время (Шахматов 1913; Высотский 1949; Касаткина 2009), показывающее определенную динамику этого говора. Особую языковую ситуацию создает территориальное разделение диалекта в связи с переселением части его носителей. В этом случае части одного диалекта начинают функционировать как самостоятельные идиомы. Примером этого могут быть восточноболгарские говоры и отделившиеся от них в начале XIX века болгарские говоры на территории Молдавии (ранее Бессарабии).

Крайняя форма реакции диалекта на изменение обстоятельств его существования — это исчезновение диалекта как языкового идиома. Но это вызвано не лингвистическими причинами, а социальными факторами. К их числу

относятся исчезновение населенного пункта, в котором существовал коллектив носителей диалекта, или уничтожение этих носителей. В отношении русских диалектов этому способствовала практика коллективизации, вторая мировая война, введение статуса неперспективных деревень, массовое переселение из деревни в город. Характерно, что многие населенные пункты, нанесенные на карту русского диалектного атласа и обследованные в основном в 40–60-е годы XIX в. (ДАРЯ 1986), в настоящее время не существуют, соответственно и отсутствуют их говоры. Это обстоятельство усиливает необходимость изучения и описаний сохранившихся диалектов.

В сохраняющемся диалектно говорящем коллективе изменение языковой ситуации находит лингвистическое отражение. Полное понимание содержания этого отражения может быть достигнуто при условии придания диалекту, как объекту исследования, статуса системно организованного языкового образования, которое используется в качестве языка общения в фиксированной среде носителей диалекта. При таком подходе к диалекту его устройство может быть понято с применением методов, используемых при описании/моделировании систем отдельных языков. Очевидно, что для этих целей дифференциальный метод не подходит. Как справедливо отмечает М. В. Панов, указанием на отличия данного говора от литературного языка «разрушалась системная целостность описания (черты “общие” у говора с литературным языком могли быть совершенно различны — благодаря соотношению с другими участками системы, которые различны в говоре и в литературном языке)» (Панов 1972: 14). В разделе «Типичные недостатки в применении лингвистических методов» в (Общее языкознание 1973: 307) дифференциальный подход к изучению диалектов отнесен к категории «неправильный выбор метода».

При дифференциальном методе описания часть речевых средств, используемых в диалекте, выводится за пределы изучаемого объекта. Такого рода расчленение диалектной речи иногда может быть необходимым при решении диахронических проблем и совершенно противопоказано при синхронном описании диалекта как языкового идиома. Моделирование системы диалекта как синхронно функционирующего языкового образования должно основываться на полном реальном составе речевой деятельности носителей данного диалекта.

Как известно, первый опыт синхронного описания славянского диалекта был предпринят Щербой в 1915 г. Объектом описания стал серболужицкий мужаковский говор. Автор отмечал, что его книга «претендует на общелингвистический интерес, так как является попыткой всестороннего, по возмож-

ности исчерпывающего, психологического описания точно локализованного говора. Описание это основывается исключительно на наблюдении живого произносимого языка, без привнесения каких-либо чуждых категорий, не имеющих оснований в психике говорящих, а следовательно оно не имеет никакой исторической перспективы в обычном смысле этого слова — в описательной части мне нет дела до истории; меня интересует лишь то, как чувствуют и думают говорящие. В обнаружении этого и заключается вся моя работа» (Щерба 1915: XIX).

Предложенный Щербой тип описания диалекта как синхронно функционирующего структурного языкового образования не получил поддержки в современной ему диалектологии. Но и через 40 лет после публикации работы Щербы, в 1954 г., А. Мартине пишет, что в среде диалектологов существует скептическое отношение к описанию диалекта самого по себе, т. е. как полноценного языкового идиома: «...по сей день сама мысль об этом смелом предприятии для многих диалектологов представляется бесцельной и лишеной смысла. Они стремятся в каждой деревне, в которой они случайно разбили свои шатры, собрать древние неиспорченные, исконные признаки». Диалектологи «были, а часто еще и теперь остаются скорее любителями древностей, ищущими редкие пережитки, чем лингвистами, интересы которых состоят в том, чтобы характеризовать диалектные формы языка как целое» (Martinet 1954: 1–11).

Описание диалекта как языка остается актуальной задачей современной славянской диалектологии. Следует подчеркнуть, что это описание нельзя отождествлять с таким распространенным в славянской диалектологии жанром, который обычно называется «полное монографическое описание диалекта». Примеры такого описания в виде монографий и диссертаций имеются в диалектологической картотеке разных славянских языков. Но полнота описания в этом случае означает, что в нем представлена информация обо всех уровнях выбранного диалекта, но каждый из этих уровней рассматривается через призму диалектных различий, установленных при дифференциальном обследовании данного идиома.

Описание диалекта в его синхронном функционировании помогает понять устройство того диалектного континуума, в который включен данный диалект, и по своему содержанию относится к описательному разделу диалектологии. Но в данном случае описательная диалектология отличается от той интерпретации, которую давал ей Р. И. Аванесов. Он рассматривал описательную диалектологию в неразрывной связи с лингвогеографией и историей языка (Аванесов 1963: 315). Действительно, данные описательной диалектологии

могут быть использованы в этих разделах диалектологии, но синхронное описание диалекта имеет свое собственное, изолированное от этих разделов диалектологии значение для понимания устройства территориально фиксированного компонента соответствующего языка.

Подчеркивая значимость описательного раздела лингвистики вообще («синхронической лингвистики»), Щерба писал следующее: «Что же касается презрительной характеристики некоторыми лингвистами описательной грамматики как ненаучной, то это, конечно, глубоко несправедливо: выведение из данных в опыте фактов “речи” (“parole”) общего, т. е. “языка как системы” (“langue”), является, как всякое обобщение единичных фактов, одной из основных целей, к которым стремится каждая наука: вопрос о причинных связях явлений может с успехом ставиться лишь в той мере, в которой продвинул процесс обобщения частного. Кроме того, задача эта является самой трудной в лингвистике; если бы это было иначе, мы давно имели бы прекрасные грамматики и словари для всех известных языков» (Щерба 1974: 49).

Описание диалекта (моделирование системы) расширяет состав сопоставительных признаков диалекта. Обследование диалекта должно предоставить такую информацию, которая позволит выявить синтагматический и парадигматический аспекты устройства выбранного фрагмента диалектной системы. Упоминание «фрагмент системы» не случайно. Идеальная цель в виде описания диалекта в полном его составе в настоящее время трудновыполнима. Для этого требуется слишком большой объем всех видов необходимой работы — подготовительной, полевой, исследовательской. Синхронное описание реально может быть применено в диалекте как к одному языковому уровню в целом, так и к отдельному компоненту этого уровня. Но в любом случае описательная процедура в применении к современным диалектам должна основываться на ином корпусе материала, чем это традиционно принято. Это может быть достигнуто при обследовании диалектов по специальной программе, обеспечивающей получение искомой лингвистической информации.

При описании диалекта на фонетическом уровне должны быть в полной мере выявлены не только инвентарь единиц (звукотипов/фонем), но и правила их сочетания и чередования и правила нейтрализации фонемных оппозиций.

В славянской диалектологии имеется опыт такого описания фонетики диалектов. Описание фонетики украинских диалектов с целью моделирования актуальной в них фонологической системы содержит работа (Калнынь 1973). Подобной же задаче, но с целью моделирования сопоставительной системы на основе описания восточнославянских и польского диалектов, посвящено исследование (Калнынь, Масленникова 1981). Описание фонетики двух бол-

гарских говоров, функционирующих в разной языковой ситуации, содержит монография (Калнынь, Попова 2007).

Для обследования фонетики диалектов, описанных в этих работах, были составлены программы, предусматривающие получение полного корпуса сведений о синтагматике и парадигматике диалекта. Для каждого диалекта — русского, украинского, белорусского, польского, болгарского — составлялась отдельная программа обследования фонетики. При составлении программ учитывался опыт национальных диалектологов, а также ставилась задача выявления допустимости/недопустимости незафиксированных компонентов звуковой последовательности. Фрагмент вопросника для обследования украинского диалекта в разделе консонантизма показан в (Калнынь 2004:10).

Как сказано выше, синхронное описание может быть применено не к языковому уровню в целом, а лишь к отдельному его компоненту. Примером этого являются многочисленные описания систем безударного вокализма в русских говорах. Первое системное описание безударного русского диалектного вокализма содержится в книге (Аванесов 1949: 58 и след.). Одной из последних публикаций на эту тему является статья (Корпечкова, Савинов 2009: 53–67).

Изучению слога как компонента фонетического строя современных славянских диалектов посвящена работа (Калнынь, Масленникова 1985). Устройство слога изучалось в северно- и южнорусском, украинском гуцульском, польском говорах, каждый из которых был обследован по специальной программе, составленной для каждого говора отдельно. Программа ориентирована на фиксацию корпуса консонантных сочетаний в начале, середине, конце слова и установление правил слогораздела в консонантных сочетаниях в интервокальном положении. Фрагменты вопросника для русского и польского говора опубликованы в (Калнынь 2004: 10–12). Авторы делают вывод, что в современных говорах «функционирует на границе речевого и языкового уровней. Формируясь на речевом уровне, находящемся за пределами осознания носителями языка, слог в то же время как сегмент отчетливо выделяется, что характерно скорее для уровня языка. Фонетическая структура слога относится к числу особенностей фонетического строя отдельных языков/диалектов. Слог функционально незначим, но выделение слогов имеет последствия на функционально значимом уровне — происходит нарушение фонематических характеристик, актуальных в связно произнесенном слове, что можно отнести к уровню языка» (Калнынь, Масленникова 1985: 188).

В современной диалектологии имеется и системное описание фрагментов морфологии славянских диалектов. Болгарскому глагольному словоизменению посвящена монография (Попова 1975). Именное словообразование в

смоленских говорах в виде модели, определяющей правила сочетания корневых морфем с суффиксами, описано в статье (Лунькова 2013: 247–256). Представление о морфологическом устройстве диалекта и его функционировании на этом уровне также предполагает обследование диалекта по предварительно составленной специальной программе.

Оказываясь в меняющейся языковой ситуации, диалект может неодинаково реагировать на это на разных уровнях. При контакте с литературным языком наиболее проницаемой оказывается лексика — усваиваются слова для новых реалий, старая лексика вступает в синонимические отношения с литературной с разным предпочтением к той и другой у разных носителей диалекта. Но грамматический уровень диалекта, и в частности фонетика, менее подвержен изменениям. Фонетическая структура в сознании диалектоносителей этой структуры существует как стабильное образование, и поэтому некоторые сегменты этой структуры проявляют устойчивость и не реагируют на орфоэпический образец. В русских говорах это диссимилятивное аканье (сохраняется у многих лиц, в целом овладевших орфоэпией, в том числе и у дикторов радио), различные виды предударного вокализма после мягких согласных, отражающие синтагматическую связь гласных разных слогов, и др. Реакция на контакт фонетики диалекта с литературным языком может проявляться не в прямой замене сегментов, а в реализации стабилизирующего потенциала, латентно существующего в системе. Известным примером этого является переход от оканья к аканью в некоторых русских говорах. При разрушении оканья под влиянием аканья актуализируется связь между предударным и ударным гласным. Гласный под ударением регулирует выбор гласного на месте предударного *o* — раньше всего предударный «*не o*» появляется перед слогом с *a* под ударением. Это явление описано в (Пауфошима 1978; Кириллова, Новикова 1988; Калнынь, Масленникова 1995). Явления такого рода переходящи, поскольку в конце концов достигают орфоэпического образца. Но именно поэтому они заслуживают особого внимания в современной диалектологии.

Диалект как языковая структура не только реагирует на внешние импульсы в виде контактов, но как естественное образование должен иметь и внутренние стимулы развития. В исторической фонетике славянских языков/диалектов результатом именно такого развития были смягчение согласных, замечательное удлинение гласных в новом закрытом слоге, изменение *e > o* и др. В принципе структурные изменения должны быть и в современных диалектах. Но констатируется это довольно редко. Так, сравнивая современное и более раннее состояние говора с. Лека, Р. Ф. Касаткина считает, что проис-

шедшие изменения в его вокализме являются результатом внутреннего развития говора, а не откликом на влияние литературного языка (Касаткина 2009: 112). Сопоставление фонетики исконного и переселенческого болгарского говора позволяет выявить внутреннюю динамику в переселенческом говоре. Так, в нем в корреляцию палатализованности включено большее количество согласных, но связать это с внешним влиянием нельзя (Калнынь, Попова 2007: 245).

Не исключено, что обнаружение структурно обусловленных изменений в современных говорах тормозится тем приоритетом, который отдается влиянию литературного языка при объяснении новых диалектных явлений. При изучении современных диалектов это надо иметь в виду.

Традиционно диалектологи стремились представить диалект в его состоянии, наиболее близком к исходному. С этой целью обычно используется архаическая речь носителей диалекта — ср. возрастной ценз информантов в любом славянском диалектном атласе или словаре. Но в коллективе, использующем конкретный диалект/говор как средство общения, существуют лица, чья речь в разной степени и по разным признакам отличается от речи архаической. Это лица более молодого поколения. Они также являются носителями изучаемого диалектного идиома, и без учета их речи нельзя получить адекватную модель современного диалекта. С одной стороны, речь более молодого поколения может содержать меньшее количество исконных диалектных черт, а с другой — именно в их речи могут образоваться новые специфические черты, эксплицирующие динамику диалекта. Привлекать информантов молодого возраста следует при условии, что они постоянно живут в пункте, чей диалект изучается, и что в их речи присутствует диалектная окраска; лица, почти полностью перешедшие на литературный язык, в качестве информантов не привлекаются. Особый вопрос касается детской (дошкольной) речи при обследовании диалекта. В этом случае можно установить, какая форма языка и какие варианты в этом языке усваиваются как родная речь (*Muttersprache*). Анализ речи лиц разных поколений дает основу для моделирования диалектной системы, многие звенья которой образованы вариантами, отражающими динамику диалекта.

Из сказанного можно сделать следующие выводы о перспективах изучения диалектов.

(1) Важным направлением современной диалектологии должно стать развитие ее описательного раздела. Это достигается приданием диалекту как объекту наблюдения статуса языка и описанием его как синхронного структурного образования. Масштаб объекта описания может быть разным: один из

уровней системы в целом (например, фонетика одного говора) или отдельные фрагменты этого уровня (например, безударный вокализм в русском говоре). В каждом случае должен применяться принцип системного описания. Собрание описаний диалектов/говоров как самостоятельных языковых идиомов будет способствовать пониманию того, как устроен и дифференцирован диалектный континуум конкретного языка. Сопоставление таких описаний имеет значение и для решения проблем диахронии. Важность синхронного описания диалектов усугубляется тем, что в настоящее время сокращается (по крайней мере в России) диалектный континуум как таковой. Поэтому фиксация сохраняющихся диалектов чрезвычайно важна.

(2) Синхронное описание диалекта или его фрагмента не может быть осуществлено на материале, собранном при обследовании диалекта дифференциальным методом. Для синхронного описания диалекта необходим такой корпус материала, который обеспечивает исчерпывающую информацию о структуре и функционировании выбранного идиома. Для этого создается специальная программа обследования диалекта. Она должна обеспечить получение материала, который позволит создать адекватное представление о том, как устроен исследуемый языковой объект.

(3) При описании диалекта не следует применять генерационную селекцию материала. Модель диалекта должна быть основана на той речевой практике, которая актуальна в момент его записи. Система диалекта должна моделироваться с учетом особенностей речи носителей диалекта разных поколений, а не только старшего, как это принято. Выделение таких групп информантов является специальной задачей, которая особо должна решаться для каждого конкретного говора. Сопоставление речи носителей диалекта разных поколений позволит создать представление о динамике соответствующего идиома.

Таким образом, славянская диалектология должна шире развивать свой описательный раздел. Новое состоит в том, чтобы описывать устройство диалектов как синхронно функционирующих языковых идиомов и при этом исключить генерационную селекцию используемого диалектного материала. В модели диалекта должна быть отражена та речевая деятельность, которая в данном коллективе характерна для того времени, когда диалект является объектом наблюдения. Мы должны знать, как устроен язык, в котором мы живем.

Литература

- Аванесов 1949 — *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов 1963 — *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963.
- Высотский 1949 — *Высотский С. С.* О говоре с. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. М., 1949.
- Гринкова 1947 — *Гринкова Н. П.* Воронежские диалекты. М., 1947.
- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка. Вып. 1. Вступительные статьи. Справочные материалы. М., 1986.
- Калнынь 1973 — *Калнынь Л. Э.* Опыт моделирования системы украинского диалектного языка. Фонологическая система. М., 1973.
- Калнынь 2004 — *Калнынь Л. Э.* К вопросу об иерархии методов изучения славянских диалектов // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 9. М., 2004.
- Калнынь, Масленникова 1981 — *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981.
- Калнынь, Масленникова 1985 — *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- Калнынь, Масленникова 1995 — *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Изучение вариативности в славянских диалектах // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 3. М., 1995.
- Калнынь, Попова 2007 — *Калнынь Л. Э., Попова Т. В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. М., 2007.
- Касаткина 2009 — *Касаткина Р. Ф.* Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского р-на Московской обл. // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 14. М., 2009.
- Кириллова, Новикова 1988 — *Кириллова Н. В., Новикова Л. И.* Активные процессы в фонетике современных русских говоров. Калинин, 1988.
- Корпечкова, Савинов 2009 — *Корпечкова Е. В., Савинов Д. М.* Дмитровское диссимилятивное яканье в говорах Белгородской обл. // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 14. М., 2009.
- Лунькова 2013 — *Лунькова Е. С.* Опыт описания частной морфемной модели в смоленских говорах // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16. М., 2013.
- Общее языкознание 1973 — Общее языкознание. Методы лингвистических исследований / Под ред. Б. А. Серебrenникова. М., 1973.
- Панов 1972 — *Панов М. В. Р. И. Аванесов* — фонолог // Русское и славянское языкознание. К 70-летию чл-кор. АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972.
- Попова 1975 — *Попова Т. В.* Глагольное словоизменение в болгарском языке. Морфонологический аспект. М., 1975.
- Программа 1947 — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М; Л., 1947.
- Праграма 1950 — Праграма па вывучэнню беларускіх гаворак і збірэнню звестак для складання дыялекталагічнага атласа беларускай мовы. Мінск, 1950.

- Словарь 1969 — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Шахматов 1913 — *Шахматов А. А.* Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1913. Т. XVIII, кн. 4.
- Щерба 1915 — *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
- Щерба 1974 — *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения // Языковая система и языковая деятельность. М., 1974.
- Haugen 1976 — *Haugen E.* Dialect, Sprache, Nation // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.
- Martinet 1954 — *Martinet A.* Dialekt // Romance Philology 8 (1954). S. 1–11.

Summary

Ludmila Kalnyn

Prospects of Studying Territorial Dialects in Changeable Language Situation

Development of the descriptive section of modern Dialectology must become its main part. This can be achieved by describing a dialect as synchronous structural formation. The size of the object described can be different: one of the levels of the system as a whole (e.g., Phonetics) or separate parts of this level (e.g., unstressed vocalism of Russian subdialects). Collection of the descriptions of dialects as independent language idioms will allow us to understand how dialect component of the particular language is organized and differentiated. The importance of synchronous description of a dialect is increased due to the fact that currently dialect continuum is reduced as such (at least in Russia). That is why fixation of the remaining dialects is very important.

Synchronous description of a dialect or its part cannot be done using the data obtained by studying the dialect on the basis of the differential method. For synchronous description of a dialect you need such a material that provides you with comprehensive information on an idiom structure. This can be achieved by using the program of dialect studying prepared in advance which will provide you with all the necessary information.

When describing the dialect you should not apply generational selection of the material. In the dialect model such a speech practice should be reflected which is actual for this collective for the time when this dialect is considered to be the observation object. The dialect system should be modeled according to the speech peculiarities of the dialect speakers of different generations. This will allow you to understand its dynamics. Singling out of such groups of informants is the special task that should be solved for each dialect in particular.

К проблеме изучения звукового строя современных белорусских диалектов

Современное изучение звукового строя белорусского языка является логическим продолжением предыдущих этапов исследования фонетики слова, фразы, высказывания на сегментном и суперсегментном уровне. Исследование фонетической структуры белорусского слова находилось в центре внимания известных белорусских лингвистов: А. И. Подлужного, Н. В. Бирилло, Л. Т. Выгонной, В. Н. Чекмана, А. А. Кривицкого и др. (Бірыла 1958; Выгонная 1991; Крывіцкі, Падлужны 1984; Чэкман 1970). Результаты их исследований являются теоретической и прикладной базой для современных перспективных направлений работы со звучащим словом.

На современном уровне исследования фонетической маркированности различных функциональных разновидностей языка, когда уже описаны основные стили и известны фонетические особенности ритмико-мелодической системы, необходимо, с одной стороны, уточнить функциональную типологию белорусской речи, а с другой — создать единую базу национального языка, обеспечив устную речь стандартизированными данными, характеризующими количественные и качественные параметры звуков.

Именно в соответствии с уточнением функциональной типологии современной белорусской речи отечественными фонетистами решается вопрос актуальности создания фонетического фонда белорусского языка. С его формированием планируется получить материалы, которые будут соответствовать современным международным требованиям, предъявляемым к записям устной речи. Использование этих материалов позволит продолжить исследование звукового строя белорусского языка с помощью современных компьютерных программ. Сейчас в формируемой базе данных устной речи представлены различные звуковые манифестации: образцы диалектной и литературной речи (разговорной, лабораторной, сценической), тексты (начитанные, спонтанные, представительские), интерферирующая речь билингов, детская речь, пение. Репрезентативная подборка звукового материала, современная техническая обработка, доступность использования результатов позволяют говорить о достоверности фонетических исследований современной речи жителей Беларуси.

Пока же белорусистика располагает научными описаниями речи отдельных социальных групп, выполненными на основе наблюдений, проводимых во второй половине XX века. В связи с этим правомерными являются сомнения спе-

циалистов, использующих фонетические данные в прикладной работе (при проведении лингвистических, фоноскопических, криминалистических экспертиз и т. д.), в адекватности полученных выводов современному срезу языковой ситуации, в субъективности количественных и качественных характеристик особенностей речи белорусов. Достоверность данных могут обеспечить сравнительные исследования различных языковых явлений в разных синхронных срезах, отражающие динамику изменений и экспериментально-фонетические особенности речи. Однако сегодня подобных исследований, в силу их трудоемкости, объемности и затратности, немного.

Поэтому наряду с традиционными записями диалектной речи во время экспедиций, проводимых Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси (диалектологических, фольклорных, этнокультурологических), делается ставка на изучение диалектных текстов с помощью анализирующих компьютерных программ (Sound Forge, Praat, SSRLab и др.). Подобный компьютерный анализ обеспечивает качество просодических характеристик, таких как выделенность слогов (акцентная характеристика), движение тона (мелодическая характеристика), паузация и темп речи (темпоральная характеристика). Кроме того, в связи с созданием специалистами Объединенного института проблем информатики НАН Беларуси программного белорусскоязычного синтезатора речи — Multiphone — налажена совместная практическая работа, целью которой является установление наиболее типичных фонетических признаков диалектной речи белорусов различных возрастных, профессиональных, социальных групп. В системе синтеза белорусской речи (построенного на базе словаря литературного языка СБМ-1987) уже аккумулировано более двух миллионов слов с указанием ударений и морфологической информации (Гецэвіч 2012: 55), а совместная работа с лингвистами позволяет оперативно пополнять его новыми лексемами, выявлять слова-омографы (типа *ён сказаў* и *шмат сказаў у тэксце*) и т. д. Белорусский Multiphone позволяет на довольно высоком уровне решить проблему определения грамматических характеристик и ударений входящих слов.

Современным пользователям компьютеров и Интернета этот программный продукт сможет помочь в овладении и совершенствовании знаний и навыков белорусской речи, а также его можно использовать в различных прикладных системах. За последнее время, благодаря работам группы под руководством Г. В. Лосика, модель синтезатора речи использована в многочисленных обучающих и информационных системах для слепых (Лобанов, Цирульник 2008).

Для решения проблемы высококачественного синтеза речи используется лингвоакустический подход синтеза речи по тексту на основе компиляции

речи из большого количества аллофонов и мультифонов (свыше 1000), представленных в виде отрезков естественной речевой волны, а также при активном использовании морфологического и синтаксического анализа «читаемого» текста. Такой подход позволяет потенциально обеспечить высокую разборчивость, естественность и выразительность звучания синтетической речи.

Однако для совершенствования акустики звуков есть необходимость в уточнении «машинной» системы аллофонов, соответствий «буква — аллофон», составлении дополнительного реестра слов для установления всех возможных случаев аллофонной реализации звуков, характерных для белорусской речи, в том числе и диалектной. С учетом вышесказанного, для анализа фонетических особенностей белорусской речи нами были определены согласные звуки, демонстрирующие наиболее характерные особенности белорусского консонантизма — это фонетическое удлинение согласных и произношение мягких /с'/, /з'/, которых явно не хватает синтезатору.

Как известно, долгие согласные присущи белорусскому литературному языку и большинству диалектов Минской, Витебской, Гомельской и Брестской областей. В отдельных же говорах отмечается непоследовательность в употреблении долгих согласных: с одной стороны, сохраняется сочетание мягкого или отвердевшего согласного с последующим *j*, а с другой стороны, мягкий согласный ассимилировал *j*, но не удлинился: *кало/с'j/е*, *зацi/цi/j/е*; *судз'а*, *збожжа*. Подобные явления непоследовательного функционирования отмечаются в говорах Гродненской, Минской, Гомельской и Витебской областей. В данном случае мы оставляем без внимания проблемы возникновения, распространения, функционирования долгих согласных, а остановимся на временной (интегральной) длине звуков: *адтуль* [ат:ул'], *адаць*, *суддзя*, *заду*, *палоззе*, *ссыпка*, *калоссе*, *узвышша*, *збожжа*, *дваццаць*, *вецце*, *сучча*, *саванна*, *пытанне*, *вяселле*, *аббудаваць*, *аббiць*, *мяккі*, *мякка*, *увод* [в:от]. И в близких по звучанию парах слов: *ззяць* — *зяць*, *падаванне* — *падаванне*, *разводдзе* — (аб) *разводзе*, *палоннік* — *палонік*, *вараннё* — *варанё*, *цішу* — *цішшу*.

С помощью компьютерной программы Sound Forge была проанализирована средняя продолжительность слога, обычных и долгих согласных в экспериментальных словах. В среднем долгие согласные оказались в 2 и более раза длиннее, чем соответствующие им неудлиненные (см. рисунки 1, 2, 3, 4). В то же время преобладающее количество аллофонов Multiphone только в 1,5 раза длиннее эталонных звуков.

Как можно убедиться, в практике использования программы таких аллофонов базе синтезатора речи не хватает. Поэтому принято решение пополнить Multiphone аллофонами белорусской диалектной речи. Как известно, частные

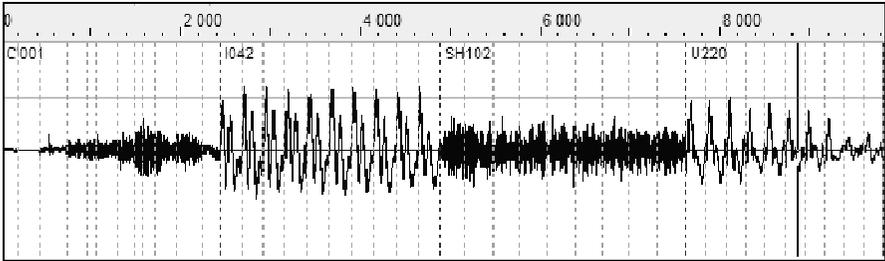

Рис. 1. Осцилограмма слова *цішу*

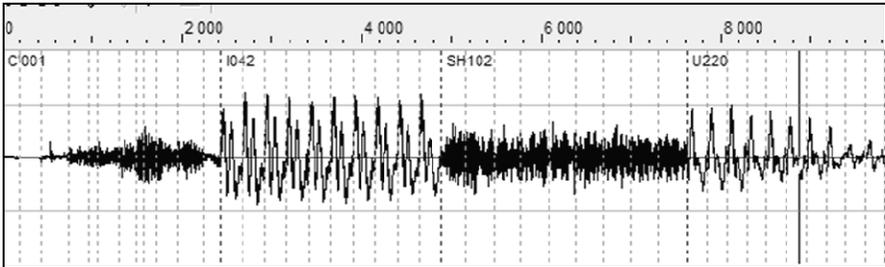

Рис. 2. Осцилограмма слова *цішуу*

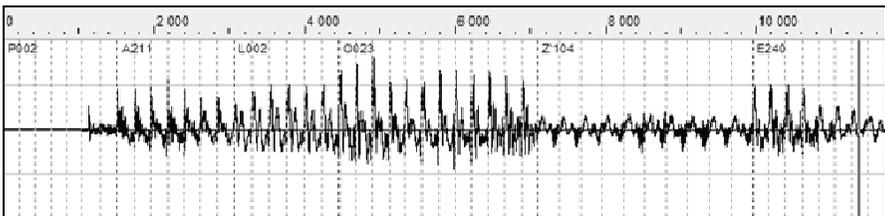

Рис. 3. Осцилограмма слова *палозе*

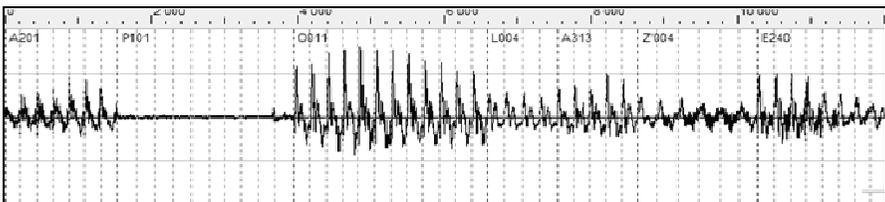

Рис. 4. Осцилограмма слова *(аб) полазе*

фонетические системы разных диалектов, входящих в состав языка, тождественны в одних своих элементах и отличаются друг от друга в иных. Поэтому решено использовать методику исследования слога как фонетической сегментной единицы в диалектных формах языка, предложенную Л. Э. Калнынь и Л. И. Масленниковой в книге «Опыт изучения слога в славянских диалектах» (Калнынь, Масленникова 1985). Надеемся, что последовательное использование сонорной модели слога в исследуемых материалах позволит восполнить недостающие синтагматические связи между звуками и фонематические характеристики звуков.

Последние диалектологические исследования коррелируют с данными, зафиксированными лингвистами в середине прошлого века. Так, в новой хрестоматии по белорусской диалектологии, созданной на основе говоров центрального региона, отмечается, что «определяющим для этого типа региональной речи является свободное варьирование согласных звуков в интервокальном положении (*восенню* : *восеню*, *восенью*). Сосуществование вариантов звуков в данном положении отмечается сейчас на всем языковом пространстве региона. Кроме территориальной неоднородности в употреблении долгого/недолгого интервокального согласного, параллельное использование разных по продолжительности звучания звуков характерно и для идиолектов речи» (Хрэстаматыя 2009: 115).

В соответствии с подтвержденными данными о неоднородности употребления согласных в интервокальном положении в белорусских диалектах подкорректирована база аллофонов программы MULTIPHONE. Что же касается такого распространенного в белорусской диалектной и литературной речи явления, как ассимилятивная мягкость согласных [з'], [с'], то здесь требуется дополнительное комплексное экспериментальное исследование. Вполне естественно, что их отличительное, более мягкое звучание, чем в других славянских языках, требует сохранения этой фонетической черты в литературном произношении, что далеко не всегда выдерживается. В лучшем случае их произносят как мягкие зубные, что сразу свидетельствует о двуязычии и является нарушением орфоэпии.

Первыми сведениями об особом произношении мягких согласных [с'], [з'] в белорусских говорах, которые теперь известны широкому кругу ученых, мы обязаны Е. Ф. Карскому. Еще в 1885 г. он писал: «Относительно самого звука с отметим, что белорус несколько иначе произносит его, чем великорус <...> Будучи мягким, оно действительно несколько приближается к ш': *м'иг'у-л'а'ўш'к'у* (могилевский), где ш' из *сь*» (Карский 1885: 24). Заслуживает внимания и то, что произношение *ш' < с'* он считал особенностью речи всех бе-

лорусов. Результаты диалектологических исследований белорусских говоров конца 60-х годов, описанные В. Н. Чекманом, показывают, что «шепелявое произношение мягких сибилантов широко распространено по всей Беларуси» (Чекман 1970: 97). Анализ произношения проведен автором по специально подобранным примерам: *сeрп, парася, восeнь, косяць, песня, пісьмо, сляпы, светлы, звяры, свёкар, сцeрці, сцяна, шэсць, расце, цeсць*.

Новых экспериментальных данных о качестве звучания [з'], [с'] в современных белорусских диалектах и в литературной речи пока не получено. Проведение подобного исследования — перспективное направление работы белорусских фонетистов.

Таким образом, создание ареального конкорданса диалектных явлений на основе изучения фонетических единиц диалектов в их пространственных и временных отношениях, взаимосвязях и взаимообусловленностях, в новом столетии для белорусского языка приобрело особую актуальность. Большое внимание в этой связи отводится экспериментальному изучению звукового строя белорусских диалектов в их территориальных разновидностях как основы национального языкового развития.

Литература

- Бірыла 1958 — *Бірыла М. В.* Да пытання аб фарміраванні і важнейшых нормах беларускага літаратурнага вымаўлення // *Весці Акадэміі навук Беларускай ССР.* 1958. № 3. С. 165–176.
- Выгонная 1991 — *Выгонная Л. Ц.* Інтанацыя. Націск. Арфаэпія. *Навука і тэхніка*, 1991.
- Гецэвіч 2012 — *Гецэвіч Ю. С.* Аўтаматычная тэкставая, прасадыйная і фанетычная апрацоўка тэкстаў у сінтэзатары маўлення MULTIPHONЕ // *Фанетычная праграма слова ў функцыянальна-стылістычным і эксперыментальным аспектах: сучасны стан і перспектывы.* Матэрыялы Міжнар. навук. Канферэнцыі (Мінск, 20–21 лістапада 2012 г.). Мінск, 2012.
- Калнынь, Масленнікова 1985 — *Калнынь Л. Э., Масленнікова Л. И.* Опыт изучения слога в славянских диалектах. М., 1985.
- Карский 1885 — *Карский Е. Ф.* Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1885.
- Крывіцкі, Падлужны — *Крывіцкі А. А., Падлужны А. І.* Фанетыка беларускай мовы: Вучэб. дапаможнік для філфакаў ВНУ. Мінск, 1984.
- Лобанов, Цирульник 2008 — *Лобанов Б. М., Цирульник Л. И.* Компьютерный синтез и коррирование речи. Минск, 2008.
- Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона. Мінск, 2009.
- Чэкамн 1970 — *Чэкамн В. М.* Гісторыя праціпастаўленняў па швэрдасці-мяккасці ў беларускай мове. Мінск, 1970.

Summary

Valentina Rusak

**To the problem of the modern phonological structure
of Belarusian dialects studying**

The article describes the most urgent issues and challenges associated with studying of phonological structure of modern Belarusian dialects. In particular, we are talking about the possibilities of computer analysis of phonetic dialect material, the establishment of the most typical phonetic features of dialect speech of Belarusians of different age, professional and social groups, as well as on the improvement of the allophones phonetic base for software Multiphone through the use of instrumental analysis of dialectal speech sounds data. As an example, the data of computer processing of elongated consonants are given.

Новые данные о рефлексах *о и *ъ в русских диалектах

0. Противопоставление в русских диалектах различных рефлексов *о и *ъ (в «сильной» позиции) давно находится в центре внимания диалектологов и историков языка. В работе (Стадникова 1989) был обобщен материал русских диалектов с «восточнорусской» системой оппозиции «двух о» по записям начала XX в. в сопоставлении с данными древнерусских памятников. В статье (Николаев 1996) были проанализированы некоторые новые диалектные данные из записей конца XX века. В последние два десятилетия был собран новый диалектный материал, позволяющий уточнить и расширить представления об истории и устройстве диалектных систем с различением «двух о». В настоящей статье использованы диалектные данные 1990-х – 2000-х годов, собранные в ходе работы над базой данных по фонетике русских говоров и транскрибирования магнитофонных записей, в том числе по Фонетической программе¹.

Настоящая работа состоит из следующих разделов:

1. Краткий акцентологический комментарий — в нем рассматриваются рефлексы праславянских интонаций в восточнославянских языках. Интонации находят отражение в ряде систем с оппозицией «двух о».

2. Восточнорусская система «двух о» — эта система представлена в основном в восточнорусском ареале (в говорах всех наречий — северно-, средне- и центральнорусского), но засвидетельствована также в новгородских (в памятниках письменности) и в ряде юго-западных русских говоров.

3. Оппозиция «двух о» в говорах кривичского происхождения — происхождение «двух о» в ряде западнорусских и северо-восточных белорусских говоров кривичского происхождения.

В Приложении 1 приведен материал говоров с восточнорусской системой «двух о». Отобраны говоры (из литературы и наших записей), в которых выборка форм с «двумя о» представляется достаточно репрезентативной. В Приложении 2 дается материал по рефлексам *о и *ъ в западнорусских говорах дд. Дудкино и Гаврилово.

---

¹ Фонетическая программа была разработана автором для собирания сведений по восточнославянской диалектной фонетике с целью выявить синхронную дистрибуцию аллофонов фонем и позиционные рефлексы праславянских фонем в исследуемом говоре (опубликована в [Бушкевич, Николаев, Толстая 1993]).

1. КРАТКИЙ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

1.1. В праславянском реконструируются 4 «интонации», т. е. комплексные просодемы, различающиеся движением тона, долготой и интенсивностью. Они называются циркумфлексом, неоакутом, перенесенным (сдвинутым) ударением и акутом. В праславянском фонетическом слове существовала просодическая вершина, называемая иктусом или ударением. Интонации различались и в безударных слогах, однако в восточнославянских языках они не оставили явных следов, и поэтому ниже будут рассмотрены рефлексы праславянских интонаций в подударном слоге.

Неоакут (иначе называемый «новым акутом»)² и акут (для отличия от «нового») также называемый «старым акутом»)³ могли находиться в любом слоге фонетического слова, перенесенное ударение — начиная со 2-го слога. Словоформы с этими интонациями несли фонологическое ударение и называются ортотоническими. Неоакут характеризовался восходящим тоном, с пиком интенсивности в конце слога. По всей видимости, от неоакута фонетически не отличалась интонация слогов, на которые в позднепраславянскую эпоху диалектной раздробленности ударение сдвигалось с неоакутовых слогов («закон Дыбо», который действовал также в истории прусского языка)⁴.

Акут и неоакут характеризовали акцентологически «доминантный» («плюсовый») класс корней, основ и аффиксов, акцентные парадигмы которых называются а. п. *a* (в частности, у корней с акутом — с колонным ударением на корне) и а. п. *b* (в частности, у корней с неоакутом — первоначально с колонным ударением на корне; после действия закона Дыбо с чередованием нако-

² Восходит к балто-славянскому «доминантному» циркумфлексу. «Новой» эта интонация является в концепции, по которой такие формы, как *bōbь, *xōdītь, *vōlja, L Pl *dvōrēxь являются рефлексами первичных окситонез *bobь, *xodītь, *voljā, *dvorēxь (закон Станга). По всей видимости, в подобных формах сохраняется старое (балто-славянское) место ударения.

³ Восходит к балто-славянскому «доминантному» акуту.

⁴ Позиции этого сдвига варьировали в праславянских диалектах, например: G Sg *kōta > *kotā > русск., карпатоукр. *котá* (с рецессивным окончанием *-а, имевшим балто-славянский циркумфлекс), однако A Pl *kōty (с рецессивным окончанием *-у, имевшим балто-славянский акут) > русск. *коты́* (со сдвигом ударения), но карпатоукр. *кóты* (с сохранением старого места ударения) — АССЯ: 18–27. В ряде морфологических позиций «западнорусской устойчивой дефинализации ударения» (Зализняк 2014: 41, 103), которая представляется сдвигом ударения на слог влево в сравнении с восточнорусским, древнерусские кривичские по происхождению диалекты унаследовали от позднепраславянской эпохи старое место ударения, которое сдвигалось направо в диалектах, лежавших в основе «восточно-древнерусского».

ренного и насуффиксального/нафлексионного ударений⁵). Славянский циркумфлекс⁶ характеризовался нисходящим тоном, имел пик интенсивности в начале слога и под ударением присутствовал только в 1-х слогах фонетических слов. Формы с циркумфлексом теряли свое ударение, оказываясь рядом с ортотоническими формами. Формы с циркумфлексом ведут себя как безударные проклитики и энклитики в позиции перед ортотоническими формами и после них, поэтому они получили название *форм-энклиноменов*. Циркумфлекс характеризовал морфонологически «рецессивный» («минусовый») класс корней, основ и аффиксов, акцентная парадигма (а. п.) которых называется а. п. с. А. п. с имеют также производные основы, включающие только рецессивные морфемы.

У существительных с доминантными (плюсовыми) *o-*, *u-* и *i-* основами балто-славянского мужского⁷ и женского рода, видимо, также у консонантных основ и *es-*основ ср. р. реконструируется вариант неподвижной а. п., называемый а. п. *d*, в которой N и A Sg были вторичными формами-энклиноменами (§ 3.3; подробно см. в Николаев 2012).

Циркумфлекс и неакут могли находиться как в кратких слогах — с краткими гласными (кроме таутосиллабических *Te/oR*, *Tь/ьR*), так и в долгих слогах — на долгих гласных и таутосиллабических последовательностях *Te/R*, *Tь/ьR*.

«Старый» акут был интонацией долгих слогов, о его произношении можно только догадываться. Он восходит к балто-славянскому «доминантному акуту», другим прямым рефлексом которого является латышская плавная интонация.

В истории русского языка есть много примеров на изменение места ударения, не связанное с фонетической позицией. Часто происходит акцентологическая перестройка целых категорий слов. Например, такие глаголы, как *трóгать*, *хло́пать*, *ло́пать* восходят к более ранним *трогáти*, *хлопáти*, *лопáти*; презенсы *i-*глаголов с насуффиксальным ударением переходят в класс с накоренным ударением: *полóжит*, *сóлит*, *кóсит*, просторечное *звóнит* вместо более ранних *положít*, *солít*, *косít*, *звонít*. Аналогичный процесс наблюдается в именных парадигмах: Pl *óкна* вместо *окнá*, *жéны* вместо *женý*.

⁵ Большинство форм этой парадигмы в современных славянских языках имеет ударение на окончании (*bǫbь, G *bǫba > *bobà, D *bǫbu > *bobù, In *bǫbomy > *bobòmy и т. д.), поэтому иногда а. п. *b* называют «окситонированной».

⁶ Восходит к балто-славянским «рецессивным» циркумфлексу и акуту.

⁷ В позднепраславянскую эпоху многие *o-*, *u-*, вероятно, *i-* и консонантные основы из среднего рода перешли в мужской.

Вторичность ударения определяется из сравнения с праславянской реконструкцией, местом ударения в древнерусских памятниках, а также из фонетики — в частности, *тробать*, *хлопать*, *ложит*, *окна*, *положит*, *звонит* с фонемой /о/ в русских говорах, в которых *о под исконным ударением дает /ô/ (§ 2.2.2).

1.2. В позднепраславянскую эпоху в восточнославянском ареале сохранились интонационные различия, которые во всех диалектах нашли отражение в развитии последовательностей *ToRT, *TeRT и *oRT, *eRT (также праслав. *о, возможно отчасти *ъ, см. § 2 и 3.3).

1.2.1. Интонационные различия на *oRT, *eRT отразились в вокализме: *ôRT, *êRT (с циркумфлексом); *õRT, *ēRT (с неоакутом) и безударные *oRT, *eRT отражаются как RoT-, ReT-: *ôrstъ > русск. *рост* (диал. *рост*), *ôrstъ > русск. *рос* (диал. *рôс*), *ôlni > русск. диал. *лони-сь*, укр. *лôни*, *êlbedъ > русск. *лѣбедь* (старое лѣбядь), *elbedā > русск. *лебеда́*, диал. *лобода́*, *ôlsъ > русск. *лось*. *ôRT отражается как RaT-: *ôrdlo > русск. диал. *ра́ло*, *ôlpъ > русск. *лань*. О различии гласных в *рост* и *рôс* см. § 2.

1.2.2. Последовательности *TôRT, *TêRT с циркумфлексом (т. е. праславянские долгие слоги с пиком интенсивности на 1-й море) в восточнославянском ареале отражаются как *TêReT/TôRoT* (условная запись, так как качество гласных варьировало по диалектам, см. § 3.2.3), отсюда русск., укр. *бѣрег*, *вôрон* < *bêrgъ, *vôrpъ. Структуры *TêRT, *TôRT с неоакутом (т. е. праславянские слоги с пиком интенсивности на 2-й море) отражаются как *TeRéT/ToRôT*: русск., укр. *корóль* < *kôrljъ, укр. *борið*, русск., карпатоукр. *борóд* < *bôrdъ, русск., укр. *ворóнка* < *vôrpъka, укр. *полóн* < *pêlpъ, русск. *берѣг*, укр. *берiг* < *bêrglъ⁸. Структуры *TêRT, *TôRT с акутом на большей части восточнославянского ареала также дают рефлексы *TeRéT/ToRôT*: русск., укр.

⁸ В карпатоукраинских говорах эпентетические *e* и *o*, как правило, не удлиняются, а формы с рефлексами ареального *ô могут быть объяснены аналогическим развитием в ряде морфологических позиций по аналогии с *e, *o. В украинских полесских и юго-западных белорусских говорах эпентетические *e* и *o* в неоакутовых слогах, как правило, удлиняются перед слабыми редуцированными (за исключением NA Sg): белор. слущ. *pačóz'ja* < *pôlz'je, G Pl *barčóð*, *varčóð* < *bôrdъ, *vôrtъ. Эта система непоследовательно отражена в украинском литературном языке: *борiðka* < *bôrdъka, *берiг* < *bêrglъ (Николаев 1996: 206–209). Л. А. Булаховский (Булаховский 1961) предполагает, что удлинение эпентетических гласных первоначально происходило только в слогах с неоакутом. Непоследовательное удлинение эпентетических *e* и *o* в украинских говорах южнее Полесья и к северу и востоку от Карпат можно трактовать как вторичное (Зализняк 1985: 161–163), хотя это удлинение можно считать и результатом смещения «полесской» и «карпатоукраинской» моделей.

*goróx, moróz*⁹. В юго-западной части карпатоукраинского ареала (в ужанских и сопредельных украинских говорах Словакии) *TĕRT/*TĕRT отражаются как *TóRoT/TeReT* перед слабыми *ь, *ь (*мóроз, гóрох* < *mǒgъь, *gǒgъь) и как *ToRóT/TeRĕT* в остальных позициях (*ворóна* < *vǒgna, *болóто* < *bǒlto, *G goróxa* < *gǒgxa). В соответствующих формах с неоакутом ужанское ударение стоит на эпентетическом гласном: *корóль, хворóст* (Николаев 2011б: 87).

1.2.3. В псковско-кривичском диалекте праславянские последовательности *TĕRT, *TĕRT имели следующие рефлексы (Николаев 2001: 86–103¹⁰; ниже диалектные примеры приводятся по этой статье). В них развивалось «второе полногласие» — после сонантов вставлялись эпентетические ь, ь. Это видно из новгородских берестяных грамот, в которых до эпохи падения редуцированных ь, ь последовательно пишутся до и после сонанта: *кь(р)ьчагоу* 379, *ж Тьрьцина* 516, *мьльви* Ст. Р. 7, *кьльтькь* 335, *вь дьльгь* 675, *дьльжьне* 725, *смьрьди* 247, *смьрьда* 247, *оть Чьрьнька* 113, *оть Твьрьдаты* 84, *жьльтое* Ст. Р. 8 и т. д. (Зализняк 1997: 250).

Под циркумфлексом (нисходящий тон + интенсивность на 1-й мере), акутом и в безударных слогах *TĕRT, *TĕRT отражались как *TĕR̃^bT, *TĕR̃^bT с эпентетическими ь/ь-образными пазвуками во 2-м слоге. В дальнейшем пазвуки не проявились перед слабыми редуцированными, последовательности превращались в *TĕRT, TĕR'T* (> *ToRT, TeR'T*) и совпадали с восточноновгородскими и «общеюго-славянскими» рефлексами. В следующих обычных словах в псковских, новгородских, ловатских и селигерских говорах полногласие не отмечено: *волк* < *vǒlkъ, *чѣрт* < *čĕgъь, *толк* < *tǒlkъ, *сѣр(д)це* < *sĕr̃dъь, *сól(л)нце* < *sǒlnъь, *тѣртка* < *tĕgъьka¹¹; *смерть* < *sĕmъьt¹². Эти пазвуки в новгородских берестяных грамотах записывались как ь, ь (*мьльви*

⁹ Укр. *porig* ‘порог’ (также полесско-белорусское *pariǒb*) и *oborig* ‘крыша на четырех столбах, под которую складывается сено или снопы’, восходящие к *rǒgъь и *o-borgъь, получили *ǒ в результате переосмысления слов как «по-рогъ» и «обо-рогъ». Такие формы как *доріжка* < *dǒgъьka, *берізка* > *bĕgъьka, по-видимому, имеют аналогическое происхождение.

¹⁰ В этой работе при анализе форм из ряда *скáтереть, нáбередье* не учтена возможность обяснения заударного полногласия второстепенным ударением.

¹¹ Русск. *тѣрка* восходит к *tĕgъьka, производному от *tĕrti ‘тереть’. Ср. *t'ǒrt(ь)ka* (Дубровка Селижаровского р-на Тверской обл.), *L na t'ǒrtk'i* (Гославль Демянского р-на Новгородской обл.), *c'ǒrtka* (Федоровское Локнянского р-на Псковской обл.), сев.-зап. белор. *цѣртка* (СБГПЗ 5: 353), укр. *тѣртка* ‘терка’.

¹² Неясно происхождение «второго полногласия» в онежск., арханг. *четверѣть*, восходящем к *četvĕrtъь а. п. а (Зализняк 2014: 568). По-видимому, эта форма перешла в а. п. b, а акут в ней был заменен неоакутом.

< *mǝlvi). Они, по всей видимости, перестали произноситься одновременно с обычными слабыми редуцированными (Зализняк 2004: 49–50, 63, 66).

Последовательности с неоакутом (восходящий тон + интенсивность на 2-й мере) имели рефлексы *TǝRǝT, *TǝRǝT и далее развивались в TǝRǝT (> ToRóT), TǝRǝT (> TeRéT) с сильными редуцированными в обоих слогах, в частности *столоб* < *stǝlǝb, *челон* < *čǝlnǝ, *верѣх* < *vǝrǝx; G Pl *волон* < *vǝlnǝ; *горостка* < *gǝrǝstǝka, *смерѣтка* < *smǝrǝtǝka; *жерѣдка* < *žǝrdǝka, *жерѣдье* < *žǝrdǝje¹³. В позиции не перед слабыми редуцированными только Сопр *тверяже* (с фонетической перестройкой), *твѣреже* (с перестроенным ударением) ‘тверже’ < *tvǝrdǝje, ср. также *подоложа*, *доложа* ‘дольше’ < *dǝlǝže с рефлексом инновационного неоакута по аналогии с *kǝrtǝje вместо *долже* < *dǝlǝže¹⁴. Полногласие (независимо от собственной интонации Tǝ/RǝT) отмечается также во вторых заударных слогах оротонических форм с доминантными приставками¹⁵, где эпентетические ъ, ь находились под второстепенным ударением перед слабыми ъ, ь¹⁶: пск., селиг. *пóторок* < *пóтърǝкъ ‘удар’, по этому же правилу пск. *всúтереп* ‘сколько можно терпеть’, пск., селиг. *зáverеть* ‘вихрь’, пск., ловатск., ладожск. *нáсередка* ‘неприянь, враж-

¹³ В северо-западных говорах также отмечены NA Sg этих и других слов с неоакутом с начальным ударением: *чѣлон*, *гóроб*, *пóлок*, *пѣрес(т)*, *стóлоб*, *сѣреп*. Поскольку неоакут в других формах регулярно отражается как ударение на эпентетических ъ, ь, баритонеза в *стóлоб* и т. п. должна считаться вторичной (ср. Николаев 2001: 92–93). Скорее всего эти формы являются компромиссными между диалектными и «общерусскими» (*стóлоб* больше похоже на *столб*, чем *столоб*). Аналогия между эпентетическими ъ, ь в Tǝ/RǝT и вставными беглыми о, е в таких формах, как *огóнь*, *вѣтер*, *пóлон*, *дóлог*, диал. (вне псковско-кривичского ареала) *кóром*, *хóлом*, *гóрен*, укр. *чóвен* (диал. *човѣн*), *тѣрен* (диал. *терѣн*) и т. п. неточна. Вставные гласные имеют позднее происхождение (появились позже выпадения слабых редуцированных), тогда как структуры TǝRǝT/TǝRǝT развились в позднепраславянскую эпоху в диалекте псковских кривичей.

¹⁴ Сохранение рефлекса «эпентетического» ъ под неоакутом в слогах, в которых по общему правилу он должен был выпасть, стоит в одном ряду с распространенными в говорах псковско-новгородского круга формами *тѣча* ‘ткань’ < *tǝčǝa, *тѣчкѣ* ‘ткет’ < *tǝčǝjetǝ, *крѣща* < *krǝšǝa, NA Pl *дѣна* ‘донья’ < *dǝna.

¹⁵ Именные приставки в перечисленных образованиях отчасти исконно доминантны, отчасти стали доминантными по морфонологической аналогии. Ср., в частности, рефлекс автономного ударения в Пустоша L Pl *на прѣвѣдѣ* ‘на проходах’, Паньково *рѣгр ѡр*, Новоселки *рѣтрѣ*.

¹⁶ Иными словами, в *Tǝ/RǝT с собственными циркумфлексом и акутом как исконный, так и эпентетический редуцированный становились «сильными», оказавшись под второстепенным ударением в слоге перед слабыми ъ, ь, ср. рефлекс *TeRéT/ToRóT* под неоакутом. Это служит подтверждением просодического тождества между неоакутом и второстепенным ударением.

да', также в переселенческих говорах: арханг. *прóдолог* 'продолговат', ладожск. *набередье* 'прибор, в который укрепляется бердо', ладожск., тивв. *пріпереток* 'предбанник' формально относятся к этому же типу, но менее значимы ввиду спорадического «прояснения» в данном ареале пазуков^{17, 18} перед слабыми ввиду редуктированными. В этом же ряду находится арханг., тивв. *скáтереть* (< *скáтьрьть < *skátъrьtь, др.-русск. *скатерть* а. п. а — Зализняк 2014: 568)¹⁷. В диминутивах на *-ъкъ с неоакутом на корне в говорах регулярно отмечаются формы NA Sg с проявлением редуктированных в обоих слогах: *столобѡк*, *челонѡк*, *серепѡк*, *верешѡк*, *холомѡк* — ср. G Sg *столобá*, *челонá* и т. д. Эти формы возникли в результате перестройки парадигмы **стѣл'бѣкъ*, **стѣл'бѣкѣ* < *stѣlbѣkь, *stѣlbѣka — ср. регулярное поведение эпентетических редуктированных в парадигмах *столѡб*, G *столбá*; *верѣх*, G *верьхá*. Перед суффиксом *-ъкъ корни с циркумфлексом спорадически приобретают форму *ToRoT*, *TeReT* по аналогии с формами с искомым неоакутом¹⁸: пск. *волочѣк*, *горонѡк*. У части основ «второе полногласие» формально противоречит месту ударения, что объясняется их переходом в продуктивные акцентные типы: например, парадигма *должѡн* (*доложѡн*), *доложнá*, *доложнѡ* является перестройкой старой **дѣл'жѣнь*, **дѣл'жѣна*, **дѣл'жѣсно* а. п. *b*¹⁹.

¹⁷ Пск., новг., зап.-тверск. *скатерѣтка* образовано от вторичного варианта *скáтереть* а. п. с.

¹⁸ В образования на *-ъка от рецессивных *a*-снов неоакут распространился еще в позднеславянском: *nѡžька (русск. диал. *нѡжка*) от *noǵā, A *nǒgu; *rѡčька от *rǫkǎ, A *rǫkǫ; *bѡrdька (русск. диал. *борѡдка*) от *bordā, A *bǫrdǫ а. п. с и т. д. Старые окситонированные образования спорадически сохраняются в карпатоукраинских говорах, напр. Синевир *borotká* 'бородка' (при *borótka* 'лезвие топора', диминутив от *bordy, G -ъве 'топор'), Ольшаны *skalká* 'заноза'. Также русск. диал. *девѡчка*, укр. закарп. Синевир, Торунь *d'ivǫčka* 'девушка', укр. производные *дівѡцтво*, *дівѡцький*, *дівѡчий* и *дівѡщина* (Гринченко), образованные от *dъvьká (праслав. *děvā а. п. с, наряду с *děva а. п. а); Новоселки *rǫlka*, *rǫlč'ka* и *nǫrka* 'дырка' с /o/, вероятно, из *polká и *norká. Шире распространены окситонезы от *i*-основ: русск. диал. *вошкá*, русск., укр. диал. *мошкá* (напр. Банилов-Подгорный *мошкá* 'тля'), укр. диал. *троскá* (напр. Керецьки *троскá* 'тростник'), также Зад. А *nǫč'k'u* 3× с /o/ как субститут *ночкá; Новоселки Pl *kǫstč'k'i*, *ǫstč'k'i* с /o/ как субституты *костѡчка (от *косткá) и *остѡчка (от *осткá); укр., русск. диал. *дочкá*, белор. *дачкá* (от вторичного *дочь* вместо *дѡчи* < *dъkti).

¹⁹ Образование от *dѣlǵь, G *dǫlga > *dolǵa а. п. *d* с доминантным корнем. Окситонеза косвенных падежей от *долг* представлена в говорах кривичского происхождения (*долг*, G *долгá*), рефлекс неоакута в *долѡг* 'долг' Союна Мезенского р-на Архангельской обл. (АОС 11). В остальных русских диалектах это слово перешло в а. п. с (*долг*, G *долга*). Широко распространенный вариант прилагательного, восходящий к *dѣlъльп а. п. с, образован от основы вторичной а. п. с — см. Зализняк 2014: 391, где а. п. *b* указана именно для северо-западного памятника Феод. и северного Сенн.

В некоторых древнерусских говорах кривичского происхождения общеизвестным рефлексам $T\check{y}p^bT$ (> *ТорТ*), $T\check{y}r^bT$ (> *Тер'Т*), $T\check{y}l^bT$ (> *ТолТ*), возникавшим под акутом, в формах-энклиноменах и в предударной позиции, соответствовали $T^*p\check{y}T$ (> *ТроТ*), $T^*r\check{y}T$ (> *ТреТ*), $T^*l\check{y}T$ (> *ТлоТ*). В современных говорах они спорадически встречаются на территории Новгородской земли и на Смоленщине, часть форм с ними заимствована в литературный язык (напр., *остолон*). В рукописи конца XIV в. новгородского происхождения «Житие Андрея Юродивого» и в его списке конца XV в. обнаружены написания с *ро*, *ло*, *ре* (*рѣ*). Судя по материалу, приведенному в Зализняк 2004: 50–52, эти и аналогичные формы из других памятников и говоров содержат:

1) Рефлексы «старого» акута: *f. мрезькая*, *Р1 мрезци* ‘мерзкие’ (* $m\check{r}z\check{y}k\check{y}$), *Inf мрезити* (* $m\check{r}z\check{y}t\check{i}$), *3 Sg помрекет* ‘померкнет’ (* $m\check{r}z\check{y}k\check{y}t\check{i}$), *In съ вребиумь* (* $v\check{r}b\check{y}j\check{e}$), *млония* (* $m\check{l}n\check{i}$), *истрогалъ* ‘исторгал’ (* $t\check{r}gati$), *помродавъ* ‘усмехнувшись’ (* $m\check{r}d\check{a}t\check{i}$); *кročасл* ‘корчась’ (* $k\check{r}č\check{a}t\check{i}$); *L припереть* ‘на паперти’ (* $p\check{r}i\check{p}e\check{r}t\check{e}$)²⁰, ср. др.-русск. *папёртъ* а. п. а ‘паперть’, Зализняк 2014: 528) — к ним следует добавить форму из берестяной грамоты №731 *млвила* (* $m\check{l}v\check{i}t\check{i}$), диал. *мрѡда* ‘рыболовная сеть, верша’ (* $m\check{r}d\check{a}$).

2) Рефлексы циркумфлекса в формах-энклиноменах: *A вресту*, *Du врестъ* ‘сверстник’ (* $v\check{r}st\check{a}$, *A* * $v\check{r}st\check{o}$); *G прота*, *A Р1 проты* ‘одежда’ (* $p\check{r}t\check{y}$), *чрѣмно* (* $č\check{r}m\check{t}\check{y}$) — сюда же *во брозѣ* в берестяной грамоте №731 (* $b\check{r}z\check{y}$). Возможно, интонацию энклиноменов отражают диал. *крѡпань* (? < * $k\check{r}p\check{a}n\check{y}$) и *прѡховый* ‘рыхлый, редкий, негустой’ (если это ударение заимствовано из * $p\check{r}xov\check{y}$).

3) Рефлексы предударных слогов ортотонических слов: *L на трогоу*, *p. троговню*, *влочець* ‘волчек’; *дрезновенье*; *чренило*; *G чреньца*, *Р1 чреници*; *чремная*; *Р1 чревлены*, *In Р1 f. чревленами*; *f. гробата* ‘горбатая’, *грошок* ‘горшок’ — сюда же относятся *во хлостѣхо* в берестяной грамоте №722; *помлочаете* ‘успокаиваетесь’ в Геннадиевской библии 1499 г.; диалектные (отчасти ставшие литературными) *клочѡк*, *клочѡха*, *клочеватый*; *крупать(ся)*, *крупачь*, *дресва*, *грества*, *бревнѡ*, *протянѡй*, *прѡховый*.

Примеры на $T^*l\check{y}T$ (*ТлоТ*) под неакутом неубедительны. Диал. *кloch* (наряду с *колч*) ‘кочка; бугорок, покрытый мохом или травой’ может отражать огласовку косвенных падежей в парадигме * $k\check{y}l\check{y}č$ (рефлекс * $k\check{y}l\check{y}č$ не засвидетельствован), *G k^b\check{y}l\check{y}č\check{a} (праслав. * $k\check{y}l\check{e}j\check{y}$ а. п. *b*, ср. словацк. *kĺč*). Диал. *ослон* ‘большая палка, дубина; великорослый, но глупый человек; болван, ос-*

²⁰ Приведенное выше диал. *припереток* ‘предбанник’ образовано от параллельной основы * $p\check{r}i\check{p}e\check{r}t\check{y}$, ср. др.-русские варианты *папёртъ* и *папертъ*.

толоп' имеет вариант с регулярным рефлексом неоакута: *остолѡп* 'столб, высокий пенёк; великорослый, но глупый человек' < *ostǫlpь. Огласовка в *ослѡп* может отражать огласовку косвенных форм в парадигме *остьлѡпь, остьлѡпѣ* (> *остолѡп, остлопѣ*). В памятниках рефлексы *Т*РьТ* (> *ТРоТ*), *Т*рьТ* (> *ТреТ*) под неоакутом отсутствуют. Обобщение «безударного» варианта корня в позиции, где должен находиться его алломорф с рефлексом неоакута (*ТьРьТ, ТьръТ* > *ТоРѡТ, ТерѣТ*), наверное, происходило и в тех псковско-новгородских говорах, где в безударной позиции представлены алломорфы *ТьРТ, ТьрТ* > *ТоРТ, ТерТ*, однако в них формы типа *столб* или *вер(ь)х* неотличимы от «общерусских» (или «литературных») заимствований.

2. ВОСТОЧНОРУССКАЯ СИСТЕМА «ДВУХ О»

2.1. В современных северо-восточных (вологодских, кировских), восточных (владимирско-поволжских), юго-восточных (мещерских и донских), южных (тамбовских, липецких и воронежских) и юго-западных (калужских, белгородских) говорах представлена неплохо изученная, засвидетельствованная в позднерусских памятниках акцентная система происхождения «двух о» после праславянских твердых согласных. Эту систему условно можно назвать «восточнорусской», так как она представлена в основном в восточнорусском ареале (в говорах всех наречий — северно-, средне- и центральнорусского), однако засвидетельствована также в новгородских (в памятниках письменности) и в ряде юго-западных говоров. Она хорошо отражена в рукописях и старопечатных книгах с графическим различием /ѡ/ и /о/ (Васильев 1929; Зализняк 1985: 208–211; 2014: 39–41; Стадникова 1989). За исключением «Мерила Праведного» XIV в., памятники с последовательным различием /о/ и /ѡ/ датируются XVI–XVII в., однако позднеславянская древность этой системы несомненна, так как *о по-разному развивается в зависимости от праславянских интонаций.

2.1.1. В восточнорусской системе фонема /о/ происходит из праслав. *о (в анлауте и в составе *TeT также из *е) под циркумфлексом — в отечественной лингвистической традиции он называется «нисходящей интонацией» или «нисходящим ударением». В большинстве современных говоров /о/ происходит также из *ь независимо от интонации: /dom/ < *dŏmь, /vŏdu/ < A Sg *vŏdŏ; /vŏlos/ < *vŏlsь; /ŏs'en'/ < *ĕsenь; /mox/ < *mŏxь, /dŏžž/ < *dŏždь. Так же развивается восточнославянский ѡ, в ряде позиций восходящий к праслав. *ъ: /tŏnkoj/ < *tьпкъь, /rŏnoij/ < *rьпъь. Под ударением фонема /о/, восходя-

щая к праслав. *о, регулярно может находиться только в 1-м слоге (фонетического) слова. Фонема /о/ представлена также в безударных слогах.

Фонема /ô/ восходит к праслав. *о под неонакутом и перенесенным вправо ударением; к эпентетическому о в последовательностях *ТоRT, *TeLT под неонакутом, перенесенным ударением и акутом: /kô̂t/ < *kô̂tъ, /vô̂l'a/ < *vô̂l'ja, /selô/ < *selô, /borôn/ < G Pl *bôrnъ, /korôva/ < *kô̂rva, /vôlôk/ < *vô̂l'kъ и т. д. Эти три праславянских интонации на *о, приведшие его к развитию в /ô/, в отечественной традиции объединяются под названием «восходящая интонация» или «восходящее ударение». Примеры на развитие *ъ > /ô/ под «восходящим ударением» (через стадию «долгого ъ»?) многочисленны и встречаются спорадически. Во всех таких случаях *ъ находится в соседстве с r или l: /krô̂t/ < *kr̂tъ, /krô̂ška/ < *kr̂šъka, /krô̂šit'/ < *kr̂šitъ, /plô̂t/ < *pl̂tъ, /plô̂t'/ < *pl̂tъ, /glô̂t'it'/ < *gl̂titъ, /rô̂xloj/ < *r̂xlъjъ, /kô̂lč/ < *k̂lčъjъ. Ввиду различия /ô/ и /о/ только под ударением в современных говорах не отражено /ô/, возникшее под второстепенным ударением: ср. такие формы «Мерила Праведного», как *нашего* с /ô/ < *ô во 2-м заударном слоге.

А. А. Зализняк называет древнерусское ударение на слогах с праславянским циркумфлексом «автоматическим» (оно присутствовало только в 1-м слоге фонологически безударных форм-энклиноменов), а ударение на слогах с прочими интонациями — «автономным» (Зализняк 2014: 10–11). Следовательно, в восточнорусской системе фонема /о/ регулярно происходит из *о под автоматическим ударением, из безударного *о и из любого *ъ, а /ô/ происходит из *о под автономным ударением (и под второстепенным ударением через слог от автономного).

2.1.2. В современных русских говорах фонемы /о/ и /ô/ противопоставлены только под ударением — в безударных слогах эти фонемы не различаются, нейтрализуясь в /о/ или /а/ (при аканье). В говорах с противопоставлением «двух о» фонема /о/ («открытое о») чаще всего произносится как нейтральное [о], широкое [ɔ], иногда как нисходящие («обратные») дифтонги [ɔɨ], [ɔɨ̃], [ɔɔ̃]²¹. Фонема /ô/ («закрытое о») реализуется как восходящие полифтонги или дифтонги [ɔo], [ɔõ], [ɔõ], [ɔõ], [ɔõ] и т. д., кое-где как узкий монофтонг [o]. Как правило, фонемы /о/ и /ô/ имеют симметричную пару /е/

²¹ В вологодских харовских говорах «обратные» дифтонги типа [ɔɨ], [ɔõ] «произносятся преимущественно в соответствии с этимологическим *о под нисходящим ударением. На месте старого *ъ нам удалось отметить лишь единичные случаи произношения обратных дифтонгов <...> Эти наблюдения позволяют предположить, что в современных вологодских говорах, обследованных нами, сохраняется след древнего различия *о под нисходящим ударением и *ъ» (Пауфощина 1983: 35–36).

(< праслав. *е, *) и /ê/ (< праслав. *ě) в переднем ряду. Русские диалектные системы с фонемным набором /i, ê, е, а, и, о, ô/ иногда называют «семифонемными»²².

Системы гласных, типологически сходные с русскими «семифонемными», распространены в белорусском и украинском Полесье, но в них происхождение «двух о» под ударением иное, не связанное с интонациями. Фонема /ô/ (с диалектными рефлексами [o], [ɔo], [ɤə], [u], [ü], [i], [ɪ], [i]) происходит из удлиненного под ударением праслав. *о в слогах перед слабыми редуцированными²³: /nôs/ < *nôсь, /nôžka/ < *nôžьka. В этой же позиции удлинялось и *е: /pêč/ < *pêкть, /n'ôs/ < *nêсь. Фонема /o/ восходит к праслав. *о в прочих позициях, обнаруживается на месте эпентетического о в *ToRT, *TeT (кроме позиции под неакутом, см. § 3.2.3.4), а также восходит к любому *ь: /bôbu/ < G Sg *bôbu, /nôhy/ < NA Pl *nôgy, /ɣogóx/ < *gôгхъ, /mox/ < *mъхъ и т. д. На остальной части Украины представлена эта же система (с развитием *ô > [u], [ü], [i], [ɪ], *ê > [i] перед *ь и [ü], [i] перед *ь), однако *о и *е удлинялись независимо от ударения: укр. *nídlôga* < *rodьlôga, *ýcínь* < *áсьнь. Об отражении украинской системы в памятниках письменности см. (Зализняк 2014: 37).

2.1.3. Известна также «гибридная» система «двух о», в которой восточно-русская система совмещена с удлинением *о перед слабыми *ь, *ь. В «Мериле Праведном» XIV в. (локализация неясна, скорее всего «Ближний Запад») фонема /ô/ происходит из *о как в любом слоге слова под автономным и второстепенным ударением, так и в начальном слоге (фонетического) слова перед слабыми *ь, *ь как под автономным, так и под автоматическим ударением. В этом памятнике /o/ восходит к *о за исключением перечисленных выше позиций и к любому *ь (Зализняк 1990: 31). В рудиментарной (вследствие замещения фонемы /ɔo/ фонемой /o/) системе говора д. Выбити Солецкого р-на Новгородской обл. *о > /ɔo/ под автономным ударением и в односложных формах перед *ь, *ь независимо от типа ударения (Николаев 2013). Ве-

²² См., в частности, инструментальный анализ произношения двух фонем в северно- и южнорусских говорах в Пауфошима 1983: 20–36. Обзор фонетики и фонологии «семифонемных» систем см. в Тер-Аванесова 2005: 61–62. О реализации фонемы /ô/ в южнорусских говорах см. (Савинов 2013).

²³ Компенсаторное удлинение *о > *ô, *е > *ê (в белорусско-украинском ареале параллельное «усилению» *ь, *ь в этой же позиции) происходило в позднепраславянскую эпоху, во время «падения редуцированных», когда *ь и *ь приобрели «сильный» и «слабый» аллофоны. Удлинение происходило до того, как слабые (фонетически сверхкраткие) ь, ь перестали произноситься. Двусмысленное утверждение, что «гласные удлинялись в “новозакрытых” (или “перестроенных”, по А. А. Зализняку) слогах», многих вводит в заблуждение, будто это происходило после *выпадения* редуцированных.

роятно, эту же систему (с распространением /ѹо/ из NA Sg в косвенные падежи существительных, откуда G *guboda*, Pl *gubody* и т. д.) отражает говор соседней с Выбитями д. Свинорт (Невское), для которого в (Николаев 1996: 214–215) на основании анализа небольшого числа примеров были предположены рефлексы [о] < *ъ, [ѹо] < *о (см. о подобных системах в § 3.2). Свинорский материал нуждается в полном обследовании и инструментальной верификации.

2.2. Имеется ряд диалектных различий между распределением «двух о» в служебных морфемах, связанных с генерализацией одного из акцентуационных вариантов — под праславянским ударением /ѹ/ и под вторичным ударением /о/: род. пад. *-ѹго* < **-ѹго* и *-ого* как субститут **-ogò* или безударного окончания; твор. п. *-ѹю* < **-ѹјо* и *-ою* как субститут **-ojò* или безударного окончания и т. д. — см. ниже табл. 1.

2.2.1. Древние диалектные различия проявляются в распределении основ по акцентным парадигмам (далее — а. п.). Паньково²⁴ *tǫpkoj* восходит к *tǫpъk= а. п. *b*, а Лека *tǫpъj* (вместо *topkǫj) к *tǫpъk= а. п. *c*. Так же Лека Adv *gór'ka* восходит к *gogъkò, а Нехочи, Зад. *γǫr'k'a* к *gǫgъkо. Лека *rǫvъnj*, Adv *rǫvъnъ* восходит к *ǫgvъnъ= а. п. *c*, а Паньково *rǫvnoj* к *ǫgvъnъ= а. п. *b*.

Наблюдаются также рефлексы акцентуационного варьирования оротонических *o*-основ м. р. (колебание между а. п. *b* — раннепраславянские основы м. р. и *d* — раннепраславянские основы ср. р.):

1. Паньково, Пустоша (вариант) *bor* отражает *bǫbъ, G *bobà а. п. *d* ⇔ Нехочи *bǫp*, Пустоша (вариант) *bǫp* восходит к *bǫbъ, G *bobà а. п. *b*.

2. Паньково *boj* (с производным *bǫjna* ‘бойня’) < *bǫjъ а. п. *d* ⇔ Пустоша, Лека, Новоселки, Нехочи *bǫj* < *bǫjъ а. п. *b*.

3. Паньково *gvos'*, Пустоша *gvos't'*, Новоселки *γvos't'* < *gvǫzďъ а. п. *d*, однако Пустоша *gvǫz'd'ik*, Зад. *γvǫzd'ik* является производным от *gǫvǫzďъ < *gvǫzďъ а. п. *b*.

4. Нехочи *pǫt* < *pǫtъ а. п. *b* (также *pǫtnaj* < *pǫtъnъ) ⇔ Пустоша, Лека, Новоселки *pot* < *pǫtъ а. п. *d*. 5. Пустоша *roj* < *rǫjъ а. п. *d* ⇔ Паньково, Новоселки *rǫj* < *rǫjъ а. п. *b*.

2.2.2. В корнях фонема /о/ обнаруживается под «перестроенным» ударением, перемещенным со слога с исконным ударением в истории русских диалектных ареалов или говоров. Есть немало случаев, когда появление /о/ в исконно безударной позиции можно объяснить аналогией с формами, в кото-

²⁴ О цитируемых говорах см. §§ 2.3, 4.1.

рых *о находилось под автономным ударением. Например, Лека In *grómek'im*, Зад. *yrómek'im* (*грóмкии* вместо этимологически регулярного *громко́и*) может объясняться выравниванием парадигмы с исконным /о/ в форме-энклиномене Лека *grómka*, Зад. *yrómka*. Фонема /о/ появляется в «неэтимологической» позиции также в результате обобщения ударений форм-энклиноменов в глагольной парадигме: Лека *kónǔnǔj*, п. *novakónǔnǔjǔ* по *kónǔn* < *kǔvanǔ (эта же интонация в НА п. *kǔvano, РІ *kǔvani, -у, Du *kǔvana, -ě и в ряде косвенных падежей).

Вторичное /о/ проникало в корни и служебные морфемы до повсеместного распространения аканья (нейтрализации фонем /о/ и /а/ в безударной позиции) в средне- и южнорусских говорах. Если /о/ в *grómek'im*, *yrómek'im*, *kónǔnǔj* может считаться заимствованным из форм с подударным -о-, то в таких глагольных формах акающих говоров, как Лека *trógyt'*, Зад. *tróuj* (*трóгать* на месте праслав. *troǔǔti и т. д.), /о/ могло быть заимствовано только из предударного слога. Показательны формы Лека *zakǔrǔn*, f. *fkǔrǔnǔjǔ* от глагола *korǔti, в парадигме которого *-о- было подударным только в je-презенте, где оно находилось под автономным ударением и отразилось бы как /ǔ/: *korǔti, *korǔpǔ, *korǔǔ и т. д., но *korǔǔ, *kǔrǔješi, *kǔrǔjetǔ. Появление /о/ (а не /ǔ/) в формах Лека Adv *krǔm'i* (праслав. *krǔmǔ > *krǔmǔ); Лека *ǔknǔ*, Новоселки РІ *ǔkny* (праслав. *ǔkǔna > *ǔkǔnǔ), Лека РІ *sǔny* (праслав. *sǔny > *sǔny) объясняется вторичным перемещением ударения на безударное о. Эти формы не имели однокоренных форм-энклиноменов с автоматическим ударением на 1-м слоге, поэтому последние не могли послужить источником /о/.

2.3. На основании распределения «двух о» в окончаниях и словах *плѣть*, *воинѣ*, *тотѣ* А. А. Зализняк соотнес микросистемы памятников с современными диалектными системами и предложил их лингвогеографическую классификацию (Зализняк 1985: 174–77; 2014: 38–39). Новые материалы, подтверждающие корреляцию микросистем памятников и живых диалектов, позволяют ее уточнить. В качестве диагностических признаков добавлены *rǔtǔ (условно поставленное в один ряд с *rǔtǔ), *mogtǔ, *ogvǔpǔ и *moǔzǔpǔ, окончания *-lo прош. вр. и окончания местоименного склонения, вторично включенные в склонение прилагательных.

По распределению /о/ и /ǔ/ выделяются следующие диалектные группы:

1. *Северо-западная* — памятник Феод. «северной селигеро-торжковской» локализации²⁵.

²⁵ «Вероятна зона селигеро-торжковских говоров, причем ее северной части, контактной с новгородскими говорами» (Зализняк 2014: 48).

2. *Западная* — памятники «ближнезападной» локализации Амф., Чет., Хр. (предположительно из волоколамско-ржевского региона).

3. *Восточноновгородская* — известна из памятников северо-западной, т. е. восточноновгородской, локализации Час., Т. пс., Новг., Вас. пс., Вас. сб., Ш. пс.

4. *Северо-восточная* — «слободские» говоры Харовского р-на Вологодской обл. (Пауфошима 1983: 36–37) и памятник северо-восточной локализации Муз.

5. *Сухонская* — говор д. Паньково Междуреченского р-на Вологодской обл., за которым утвердилось неточное название «тотемский» (Брок 1907).

6. *Юго-западная* — памятники «ближнеюжной» локализации Лес., Хл.; говор д. Нехочи Хвастовичского р-на Калужской обл.; памятник Трав. юго-западной локализации.

7. *Ростово-суздальская* — говор д. Пустоша (бывш. Гридино) Шатурского р-на Московской обл.

8. *Центральная* — памятники центральной (московской) локализации Дос., Узк., Изм. и говор д. Лека Шатурского р-на Московской обл. (Гришкин 1916, Шахматов 1916).

9. *Юго-восточная* — говор д. Новоселки Рыбновского р-на Рязанской обл., говор д. Арнеево Серпуховского р-на Московской обл. (Николаев 1996: 226–228); говоры Семилукского р-на Воронежской обл. и Задонского р-на Липецкой обл., известные как «задонские» (Тростянский 1916а; 1916б).

Особняком стоит «гибридная» система, полностью представленная в памятнике XIV в. «Мерило Праведное» и рудиментарно сохраняющаяся в говорах дд. Выбити и Невское (Свинорт) Солецкого р-на Новгородской обл. (§2.1.3). По распределению «двух о» в окончаниях система «Мерила» близка к северо-восточной группе²⁶.

О других западных и северо-западных говорах с восточнорусской системой «двух о» нет достоверных сведений. По нашим наблюдениям, в говорах Старорусского р-на Новгородской обл. (Ретлё, Солобско) отмечены звуко-

---

²⁶ «Гибридная» система была предположена также для говоров сел Дымерка и Борсуково Козелецкого р-на Черниговской обл. В них фонетически противопоставлены звуко-типы [о], [цо] и [чэ], из них последний является регулярным рефлексом *о, удлиненного в «новозакрытых» слогах. Однако регулярность этимологического распределения [о] и [цо], описанная в (Николаев 1995: 355–360) на основании записей на слух, нуждается в перепроверке по полному аудиоматериалу. При последующем прослушивании не подтвердилась оппозиция «двух о» в говоре с. Плёхов Черниговского р-на Черниговской обл.: на полном материале выяснилось, что дифтонг [цo], дифтонгоид [ʰo] и монофтонг [o] являются этимологически не обусловленными аллофонами единой фонемы /o/, а выборка в (Николаев 1995: 362) в общем случайна.

пы, восходящие к фонемам /о/ и /ѡ/ — [о] и [ѡо] соответственно. Редкий аллофон [ѡо] отмечен в односложных формах и конечных закрытых слогах многосложных форм на месте «восточнорусского» этимологического *ѡ*. Сведения о «двух о» во владимирско-поволжских и костромских говорах фрагментарны. Д. В. Бубрих (Бубрих 1914) и А. В. Тер-Аванесова (Тер-Аванесова 2001; 2005) записали богатый материал говора д. Пустоша Шатурского р-на Московской обл. В этом говоре /о/ и /ѡ/ последовательно различаются по восточнорусскому принципу. По нашим наблюдениям, в говорах дд. Угодичи и Сулось Ростовского р-на Ярославской обл. оппозиция /ѡ/ ~ /о/ факультативна. Звуки [ѡ], [ѡѡ], [ѡо], которые можно считать аллофонами исчезающей фонемы /ѡ/, как правило, находятся в формах, где эта фонема этимологически регулярна. Однако в большинстве форм независимо от их происхождения записаны аллофоны фонемы /о/: [о], [ѡ]. Сходная ситуация отмечена в говорах Судиславского р-на Костромской обл. Из-за факультативности /ѡ/ найти ярославским и костромским говорам место в классификации пока невозможно. Это же относится и к записанным на слух говорам д. Шекшово Гаврило-Посадского р-на Ивановской обл. и д. Кондраково Муромского р-на Владимирской обл. (Николаев 1996: 221–226). В Шекшове представлена полуразрушенная система со сложным перераспределением фонем /о/ и /ѡ/; в Кондракове «два о» с трудом различимы на слух, транскрипции требуют инструментальной верификации.

2.4. Специального комментария заслуживает диалектное ударение глаголов с чередующимися основами *a/je* (класса *писать/пишет*). У этих глаголов в инфинитивно-аористной основе реконструируется праславянское насуффиксальное ударение и накоренное ударение (неоакут) в презенсе (кроме конечноударного 1 Sg): *glodāti, *glodāxъ, *glodāľ и т. д. ~ *glodjǫ, *glōdješi, *glōdjetъ и т. д. Рефлексы этой акцентуации у *a/je*-глаголов демонстрируют все славянские языки, включая русские диалекты с восточнорусской системой «двух о»: Пустоша, Новоселки, Лека, задонские говоры (см. табл. 6). Исключение представляет паньковский говор, в котором *a/je*-глаголы делятся на две группы:

1. Ожидаемый рефлекс неоакута в презенсе: *glōžoš* (от *glodāti); *polōščōš* (от *polskāti); *stōn'ōš* (от *stonati); *xlopōc'eš* (от *xlopotati); *xoxōc'eš* (от *xoxotāti).

2. Рефлекс ударения, вторично перемещенного с суффикса на корень: *ór'ōš* (от *orati 'пахать'); *rōkc'eš* (от *rokъtāti); 2 Sg *tōpc'eš* (от *torъtāti); *zōbl'ōš* (от *zobāti).

Ко 2-й группе примыкают презенсы *mōžōš*, *mōžōt*, *mōžōm* (ср. рефлекс неоакута в Prt *mōk*) и 2 Sg *xōc'ōš*, *-c'eš*, 2 Pl *xōc'et'ō*, 3 Pl *xōc'ut* (но стяженная форма 2 sg *xōš*). У этих глаголов также реконструируется презентный неоакут: *mogŏ, *mōžeši, *mōžеть; *хотјŏ, *хѡчеši, *хѡчень (его рефлекс представлен в Пустошах²⁷, Новоселках, Леке, задонских говорах), хотя возможна и «маргинальная» реконструкция ударения на тематическом гласном: срб.-хрв. *ōce*, русск. диал. (восток и юго-восток) *могѣт* (в частности, Лека 3 Sg *mōžъ*, но *pъmag'ōt*). Паньк. *mōžōt*, *xōc'ōt* возводятся к нетипичным для восточнославянского ареала окситонированным формам. Презенсы *ōr'ōš*, *rōkc'eš*, *tōrc'eš*, *zōbl'ōš* являются формами *a/je*-глаголов с рефлексами насуффиксально-го ударения, которое не отмечено в других славянских языках²⁸. В паньковском говоре распределения /o/ и /ŏ/ по личным формам не отмечено. Однако не исключено, что колебание между корневыми *-o-* и *-ŏ-* в паньковских глаголах связано с разнонаправленным выравниванием сложной акцентной кривой, отмеченной у глаголов а. п. *b* в западноболгарских памятниках и в древнерусских текстах западной локализации — так называемая «система *молиши*» (ОСА: 127–129). В этой позднепраславянской диалектной системе презентная парадигма глаголов *mogti, *хотѣti, *a/je*- и *i*-глаголов а. п. *b* выглядит как *mogŏ, *mōžeši, *mōžеть; *mōžемь, *mōžete и *mōžete по аналогии с 2 Sg, *mŏgŏty и т. д. По-видимому, архаичную акцентную кривую сохраняет юго-западный говор Нехочей: 3 Sg *mōžet'* ↔ 2 Sg *mōžuš*, *mōžeš*; 3 Sg *xōč'ic:ъ*, *xōc:a*, 3 Pl *xōč'ut'* ↔ 2 Sg *xōč'iš*, 2 Pl *xōč'it'a*; 3 Sg *ъtŏōs'ic:ъ* ↔ 2 Pl *nōs'it'e* (во 2-м лице перестроенные *можѣши, *хочѣши, *носѣте); также 1 Sg *varōč'iju* ↔ 2 Sg *varōč'eiš*.

²⁷ Также Пустоша 3 Sg *mōžьt* 1×, 3 Pl *n'e mōgut* 1×, однако это могут быть ошибочные транскрипции. Ср. в этом же говоре: 2 Sg *mōžьš* 2×, 3 Sg *mōžet* 1×, *mōžьt* 1×, *mōžьt* (*passim*), *ne mōžьt* 1×; *mōšt*, *mōžьt' 1×*, *mōžeьt' 1×*; 3 Pl *ne mōžut* 1×.

²⁸ Единичная задонская форма 3 sg *stōn'a*, возможно, опубликована с опечаткой (*-o-* вместо *-ŏ-*).

Таблица 1.

Лингвогеографическая дистрибуция рефлексов

	Северо-западная группа	Западная группа	Восточно-новгородская группа	«Гибридная» система	Северо-восточная группа		Сухонская группа
	Памятник «северной селигероторжковской» локализации Феод.	Памятники ржевско-волоколамской локализации	Памятники северо-западной локализации	Памятник «Мерило Праведное»	Памятник северо-восточной локализации Муз.	Харовский р-н Вологодской обл.	Паньково Междуреченского р-на Вологодской обл.
Первичные именные окончания							
*-ō NA Sg n. существительных	-ō	-ō	-ō	-ō	-ō	-ō (/ -ō)	-ō (/ -ō)
*-ō NA Sg n. прилагательных и местоимений				-ō		-ō	-ō (/ -ō)
*-Io прош. вр.						-лō / -лō	-лō / -лō
*-oje NA Sg n. (прилагательные)				-ōje		-ōje	-ōje / -ōje
*-go G Sg m. n. (местоимения и порядковые числительные)		-gō	-gō	-gō	-gō	-gō / -gō	-vō
*-ojō In Sg f. (существительные, местоимения, числительные)	-ōю	-ōю	-ōю	-ою	-ōю	-ōj	-ōj
*-ojō In Sg f. (прилагательные)		-ōю	-ōю	-ōю	-ōю / -ōю	-ōj	-ōj
*-omъ I Sg m. n				-ōmъ		-ōm / -ōm	-ōm / -ōm
*-omъ и *-ъmъ D Pl	-ōmъ	-ōmъ	-omъ	-omъ	-ōmъ		

²⁹ Пустыми оставлены ячейки, для заполнения которых у автора отсутствуют данные.

*о и *ъ в именных окончаниях и в ряде корней²⁶

Юго-западная группа			Ростово-суздальская группа	Центральная группа		Юго-восточная группа		
Памятники «ближне-южной» локализации	Нехочи Хвостовичского р-на Калужской обл.	Памятник юго-западной локализации Трав.	Пустоша Шатурского р-на Московской обл.	Памятники московской локализации	Лека Шатурского р-на Московской обл.	Новоселки Рыбновского р-на Рязанской обл.	Арнеево Серпуховского р-на Московской обл.	Говоры на липецко-воронежском пограничье («задонские»)
-ó	-ô / -ó	-ó	-ô	-ô	-ô	-ô	-ô	-ô
	-ô / -ó		-ô	-ô	-ô	-ô	-ô	-ô
	-лó		-лô (/ -лó)		-лô	-лô		-лô
	-ôja		-ôja		-ôja	-ôja	-ôja	
-гó	-γó	-гó	-вô / -вó	-гô	-вô	-вô / -вó		-γó
-ôju	-ôj(y), -ôву / -ôj(y), -ôву ³⁰	-óю	-ôj	-ôю	-ôj (/ -ôj)	-ôj	-ôj(y)	-ôj(y)
-ôju		-óю	-ôj	-ôю	-ôj		-ôj(y)	-ôju
	-ôм / -ôм		-ôм / -ôм		-ôм		-ôм	-ôм
-óмъ		-ôмъ						

³⁰ Варианты возникли в результате контаминации «аллегрowego» окончания *-oj/-ôj* и полного *-ову/-ôву < *-ojô*.

	Северо-западная группа	Западная группа	Восточно-новгородская группа	«Гибридная» система	Северо-восточная группа		Сухонская группа
	Памятник «северной селигероторжковской» локализации Феод.	Памятники ржевско-волоколамской локализации	Памятники северо-западной локализации	Памятник «Мерило Праведное»	Памятник северо-восточной локализации Муз.	Харовский р-н Вологодской обл.	Паньково Междуреченского р-на Вологодской обл.

Вторичные окончания прилагательных

*-ogo G Sg m. n.				-ôго		-ôго	-ôва /-ôва
*-ojě G Sg f.				-ôѣ		-ôj ³¹	-ôj
*-ojь DL Sg f.						-ôj	-ôj
*-omu D Sg m. n.				-ôму		-ôму	-ôму

Рефлексы *о и *ъ в корнях

*огъпъ							рôвноj
*можьпъ		воз- мôжен (Амф., с /ô/)		невъ- мôжно		мôжно / мôжно	мôжно
*mogъ							
*totъ		tôtъ		tôtъ		tôt	tôt
*plътъ, *plътъ		плоть	плôтъ	плôтъ	плоть		
*vojпъ		воинъ	воинъ	воинъ	воинъ		
*о под второ- степенным уда-		/ô/	/ô/	/ô/	/ô/		

³¹ Также *-ъje* из склонения членных форм.

Юго-западная группа			Ростово-суздальская группа	Центральная группа		Юго-восточная группа		
Памятники «ближне-южной» локализации	Нехочи Хвостовичского р-на Калужской обл.	Памятник юго-западной локализации Трав.	Пустоша Шатурского р-на Московской обл.	Памятники московской локализации	Лека Шатурского р-на Московской обл.	Новоселки Рыбновского р-на Рязанской обл.	Арнеево Серпуховского р-на Московской обл.	Говоры на липецко-воронежском пограничье («задонские»)

	-ôуа		-ôва		-ôва	-ôва / -ôва	-ôва	-ôва
	-ôj ³²		-ôj / -ôj		-ôj	-ôj		-ôj
	-ôj ²⁹		-ôj		-ôj	-ôj		-ôj / -ôj
	-ôму		-ôму		-ôму	-ôму		-ôму

	рównай		рównьj		рównoj	рównaj		
	мôжна		мôжна / môжна		мôжна	мôжна, ваз-мôжна, ниваз-мôжна		мôжна
	мочь		мочь		моц	мôчь		мôчушка
	тот	тоть	тôt		тôt / тот	тôt		
плôть	плот (плôtнаj)	плôть	(чисто-плôtноj)		плôt	плот		
вóинь (Хл.)		вóинь	(вóинскаj)					
/o/		/o/						

³² Также -êj из склонения членных форм.

2.5. Вопрос о том, имела ли восточнорусская система единое «правосточнорусское» диалектное происхождение, или развитие *o > /ô/ под автономным ударением было всего лишь изоглоссой, объединившей гетерогенные восточнославянские говоры, остается открытым. Большинство доступного материала демонстрирует развитие /ô/ в «тривиальных» позициях, где место автономного ударения было общеславянским. «Разломы», подобные паньковскому, в материале единичны, а колебание между а. п. *b* и *d* не образует ареалов. Дело в том, что в большинстве диалектов специально не собирались и поэтому скудно представлены в доступных источниках данные по диагностическим позициям, в которых позднепраславянские диалекты различались местом ударения вследствие разных правил правостороннего сдвига: презенс *i*-глаголов, формы множественного числа существительных.

2.6. Сравнительный материал по рефлексам праслав. *o (включая вост.-слав. *o < *e в *TeIT) и *ъ (включая вост.-слав. *ъ < *ь в *TьIT и в ряде корней между дентальными согласными) в говорах с восточнорусской системой дается в Приложении, §4.1.

3. Оппозиция «двух o» в ГОВОРАХ КРИВИЧСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

3.1. В восточнорусских говорах полифтонги и дифтонги, восходящие к праслав. *o, в качестве первой части обычно содержат заднерядные гласные: [u], [o] — [uo], [oɔ] и т. д. Для западнорусских и северо-восточных белорусских говоров характерны как дифтонг [uo], так и дифтонги с неогубленным или слабоогубленным среднерядным или задне-средним компонентом, не самого верхнего подъема, — далее этот гласный будет обозначаться как [ɥ]. По сравнению со среднерядным [ы] в тех же говорах частоты 1-й и 2-й формант [ш] в среднем выше. В отличие от сходного по звучанию краткого переходного глайда между зубными согласными и заднерядными гласными ([d^ʷo], [d^ʷu] и т. п.), дифтонгический компонент [ɥ] занимает от четверти до трети звучания гласного и отмечен после любых согласных в Закрупье и Высокой Горе, а в Межне не встретился после губных и велярных. Вторым компонентом дифтонга /ɥo/ в рассматриваемых говорах являются заднерядные [o], [ɔ] (перед мягкими согласными и *j*, а в дудкинском говоре и в других позициях, отмечены задне-средние [ə], [e]).

В восточнославянской диалектологической практике по традиции фиксируются задне- и среднерядные дифтонги, дифтонгоиды и полифтонги с начальным огубленным компонентом, тогда как гласным с начальным *и*-ком-

понентом не уделено должного внимания. Видимо, поэтому западнорусский вокализм с [цo] до недавнего времени оставался незамеченным. Однако фиксация [цo] и игнорирование [цo] в конкретном говоре ведет к сокращению материала с дифтонгами, вследствие чего систему заднерядных гласных труднее интерпретировать.

В северных, восточных и южных русских говорах оппозиция /o/ ↔ /δ/ параллельна оппозиции /e/ (< праслав. *e, *ь) ↔ /ɛ/ (< праслав. *ě). В западнорусских и белорусских говорах кривичского происхождения оппозиция фонем /o/ ↔ /цo/ не имеет соответствия в переднем ряду, поскольку единым рефлексом праслав. *e, *ь и *ě является фонема /e/³³.

Фонетическая оппозиция «двух о» обнаружена в русских говорах Западнодвинского, Торопецкого, Бежецкого р-нов Тверской и в белорусских говорах Полоцкого р-на Витебской обл. Белоруссии. Эти говоры имеют кривичское происхождение, акцентологические изоглоссы объединяют их (кроме бежецких) в «псковско-полоцкую» группировку (Николаев 2012). Непоследовательность распределения [o] или [цo/цo] в говорах Дудкина, Гаврилова, Межна и Закрупья свидетельствуют не в пользу актуальной оппозиции фонем, а всего лишь о сохранении определенных «произносительных навыков». Корпус данных говоров Ильина и Высокой Горы также недостаточен для признания оппозиции [o] и [цo/цo] фонологической. Для говора пос. Ильино Западнодвинского р-на Тверской обл. была описана система с различием «двух о», не связанная с рефлексами старых интонаций. Ильинская система, близкая к дудкинской (§ 3.2.1), разобрана с исторической точки зрения в (Николаев 1996: 211–214) и (Николаев 2002: 152–153). Научная ценность ильинской системы снижена из-за ненадежности немногочисленного материала, выписанного на слух из текстов, записанных на магнитофон в пос. Ильино. Некоторые информанты были переселенцами из соседних деревень, говоры которых условно приняты за идентичные. Ильинская система нуждается в инструментальном изучении по полному корпусу аудиозаписей.

³³ Для западнорусского ареала характерна фонологическая перегруженность заднего ряда при «двухфонемном» переднем ряде — в этом же ареале обнаружена оппозиция «двух и», восходящих к праслав. *и и *ѡ соответственно. В частности, в говорах дд. Гаврилово и Дудкино, сохраняющих следы различия «двух о» (§ 3.2.1, 3.2.2), отмечено различие также и «двух и» (Николаев 1997; 2003). Их первоначальная оппозиция в виде /u/ < *ѡ ↔ /цu/ < */u/ вполне вероятна, ср. рефлексы в дд. Гниловка (Гниловцы) Селижаровского и Алушиха Андреапольского р-на Тверской обл. /u/ < *ѡ и /qu/ (с аллофонами [qu], [ɕu], [ɕu]) < *и (Николаев 2003: 436–440). В говоре Закрупья дифтонг [цu] является аллофоном фонемы /u/ после зубных согласных, но не исключено, что он утвердился в этой позиции в результате перераспределения аллофонов фонем /u/ и /цu/ в эпоху их нейтрализации.

3.2. Система говоров д. Дудкино и д. Гаврилово

В данном разделе рассматриваются «два о» в говорах д. Дудкино Западнодвинского р-на и д. Гаврилово Торопецкого р-на Тверской обл. Материал говоров дд. Дудкино и Гаврилово относительно рефлексов *о и *ъ был подвергнут акустическому анализу с помощью компьютерной программы Praat.

Дудкинский и гавриловский говоры имеют кривичское происхождение. Они расположены на стыке древних смоленского, южнопсковского и тверского кривичских диалектов (см. Николаев 1988; 1989; 2011а). В частности, для дудкинского говора характерны: окситонеза косвенных падежей ед. ч. *о*- и *и*-основ м. р. при сохранении старой интонационной кривой в основах с полногласием: *γrop*, G *γrabá*; *dup*, G *dubá*; *nos*, gen. *nasá*; *bórɔw*, G *bɔravá*; *kórɔp*, G *kɔrabá*; развитие *dja > *ga* (*poǰjati > *puǰác*'), *tja > *ka* (*po-čistjati > *pačískɔc*'), *xě (в позиции II палатализации) > *še* (*xěgъjъ > *šérvi*) и т. д.

3.2.1. Дудкино Западнодвинского р-на Тверской обл.

Материал приведен в §4.2. В дудкинском говоре монофтонг [о] и дифтонг [ѳо] (отмечены также [ə] и [ѳə]) формально находятся в свободном варьировании и представляют собой аллофоны единой фонемы /о/. Засвидетельствованы колебания между [о] и [ѳо] (аллофоны [ə] и [ѳə] ниже приравнены к [о] и [ѳо]) в этимологически тождественных формах и многочисленные двойкие рефлексы праславянских *о и *ъ. Формы с [о] численно превосходят формы с [ѳо]. Частотность встречаемости аллофонов дудкинского /о/ зависит от их происхождения, см. табл. 2.

Таблица 2

Этимологическое распределение [о] и [ѳо] в дудкинском говоре

Праславянские фонемы и позиции	[о]	[ѳо]
Инлаутное и ауслатное *о (не в рефлексах *ToRT, *TelT)	66 (54%)	57 (46%)
Эпентетическое о во 2-м слоге рефлексов *ToRT, *TelT	9 (53%)	8 (47%)
Эпентетическое о во 2-м слоге рефлексов *oRT	3 [75%]	1 [25%]
*ъ в составе *TъRT, *TъlT	17 (89%)	2 (21%)
*ъ не в составе *TъRT, *TъlT	40 (95%)	2 (5%)
*о (*е) в 1-м слоге рефлексов *ToRT, *TelT	15 (100%)	0

3.2.2. Гаврилово Торопецкого р-на Тверской обл.

Материал приведен в Приложении, § 4.2. Противопоставление [o] ⇔ [цо/цо] в гавриловском говоре было рассмотрено в Николаев 2002: 153–155 по части материала, содержащейся в магнитофонной записи 1995 г. Впоследствии мною был затранскрибирован и инструментально обследован материал этой и повторной аудиозаписи от того же информанта в 2004 г. Данные этого говора были акустически проанализированы с помощью компьютерной программы Praat 5.3.

На первый взгляд в гавриловском говоре монофтонг [o], с одной стороны, и позиционно распределенные дифтонги [цо] и [цо], с другой, находятся в свободном варьировании и представляют собой аллофоны единой фонемы /o/. Из дифтонгических аллофонов только [цо] отмечен в анлауте, он же, как правило, встречается после губных и велярных согласных; после [ʎ] и [ɲ] записаны оба аллофона, после остальных дентальных — только [цо]. Засвидетельствованы многочисленные примеры колебаний между [o] и [цо/цо] в идентичных формах, при этом формы с [o] численно превосходят формы с [цо/цо]. Однако количественное соотношение форм с монофтонгами и дифтонгами, так же как в дудкинском говоре, зависит от их происхождения, см. табл. 3.

Таблица 3

Этимологическое распределение [o] и [цо/цо] в гавриловском говоре

Праславянские фонемы и позиции	[o]	[цо/цо]
Инлаутное и ауслатное *o (не в *ToRT)	371 (60%)	237 (40%)
Эпентетическое o во 2-м слоге рефлексов *oRT	13 (72%)	5 (28%)
Эпентетическое o во 2-м слоге рефлексов *ToRT, *TelT	75 (77%)	23 (23%)
«Напряженный» *ь перед *j	16 (76%)	5 (24%)
*ь в составе *TьRT (включая вторичный *ь в *TьT)	73 (77%)	22 (23%)
*ь не в составе *TьRT и не перед *j (включая вторичный *ь < *ь)	134 (83%)	27 (17%)
*o (*e) в 1-м слоге рефлексов *ToRT (включая вторичное *o в *TelT)	76 (92%)	7 (8%)

3.2.3. Анализ рефлексов

3.2.3.1. В дудкинском и гавриловском говорах выбор между монофтонгическим и дифтонгическими рефлексами праслав. *о и *ь не связан с праславянскими интонациями.

Численное преобладание форм с монофтонгом над формами с дифтонгами в говорах Дудкина и Гаврилова соответствует общерусской тенденции к нейтрализации «двух *о*» в единой фонеме /*о*/, основным аллофоном которого являются монофтонг [о]. Вероятно, в «смоленско-кривичском» ареале, в котором находятся дудкинский и гавриловский говоры, действовали две разнонаправленные тенденции, одна из которых вела к замене дифтонгов монофтонгом (общерусская тенденция), а другая — к превращению монофтонга [о] и дифтонгов [ѳо, ѳо] в свободно варьирующиеся аллофоны единой фонемы /*о*/. Можно предположить, что первоначально в дудкинском и гавриловском говорах рефлексом *о (не в составе *ToRT) была фонема /ѳо/ (повидимому, дифтонг [ѳо] с дальнейшей делабиализацией в [ѳо]), а формы с [о] появились в результате замены дифтонгов монофтонгом. В результате «монофтонгизации» в ин- и ауслaute сохранилось 46% дудкинских и 40% гавриловских примеров с дифтонгами. То же относится к анлаутному *о (включая рефлекс праслав. **e-*), которое, если не получало протезы, развивалось в /ѳо/, что отражено в наличии 62% форм (20 из 32 форм) с дифтонгом в гавриловском говоре. Зависимость частотности появления дифтога или монофтонга от интонации (циркумфлекс или неоакут) не прослеживается.

3.2.3.2. До перераспределения [о] и [ѳо/ѳо] в дудкинском и гавриловском говорах праслав. *о в *ToRT (*TeIT), *oRT и *ь, возможно, имели монофтонгические рефлексy.

Наиболее «защищенным» от замены на дифтонг был ъ-образный рефлекс праслав. *о в 1-м слоге последовательностей *ToRT (*TeIT): дифтонги на его месте отсутствуют в дудкинском материале, в гавриловском говоре их только 8%. Праслав. *ь (не в составе *ГьRT и не перед *j) представлено как дифтонг лишь в 5% случаев в дудкинском и в 17% случаев в гавриловском материале. Более «уязвимым» был рефлекс *ь в составе *ГьRT (и *ГьIT): на его месте дифтонг представлен в 21% примеров в дудкинском и в 23% примеров в гавриловском. В дудкинском говоре без дифтонга *dolx*, *G dólъa*; *ýor'en*; *polk*; *sónce* 3×, *L na sónca*; *stoľp* 2×; *tólstъj*; *tolk*; *torx*; *vólъx* ('тупица' < *vъlxvъ); *volk*; *xólъm*; *xolst* (17 примеров) при двух примерах с дифтонгом: *ýuorp*; *kuorm* (оба случая в закрытых слогах). Не исключено, что соотношение монофтонгического и дифтонгического рефлексов при увеличении корпуса данных изменится в пользу монофтонгического. В гавриловском говоре обращает на себя внимание соотношение *gór'in* 4× ~ *G guórna*, *Pl guórny* 3×, что может указывать на тенденцию к замене /*о*/ ⇒ /ѳо/ в слогах, оканчивающихся на сонант. В примерах, где рефлекс *ь находится в открытом слоге, т. е. в формах с эпентетическим гласным, засвидетельствован только монофтонг: кроме при-

веденного выше *gór'in* 4×, еще *kóрым* 3×; *smóрък*, *smóрык* 'смрад' (< *smъrkъ); *xóлым* 2×.

В гавриловском говоре «напряженный» *ъ (перед *j) ведет себя подобно *ъ в *ТъRT: в окончании прилагательных м. р. *-ъjъ всего 17% примеров с дифтонгами. В дудкинском говоре исконным рефлексом окончания *-ъjъ является -ej (последовательно сохраняющееся после веларных), а окончание м. р. -oj/-uoj заимствовано из соседних говоров и/или литературного языка.

Противоречие между дудкинской и гавриловской системами заключается в трактовке эпентетического о в рефлексах *ToRT (*TeIT). В дудкинском говоре представлен рефлекс, статистически близкий к рефлексу *о, — 47% примеров с дифтонгами. В гавриловском говоре результат сходен с рефлексом *ъ в *ТъRT (*ТыТ) — всего 23% примеров с дифтонгами. Эпентетическое о в рефлексах *oRT в гавриловском говоре ведет себя сходным образом: только 28% «дифтонгических» примеров. Дудкинское распределение сходно с гавриловским, хотя примеров слишком мало: 3 формы с монофтонгом, 1 форма с дифтонгом.

Таблица 4

**Гипотетическая схема развития
дудкинской и гавриловской систем «двух о»**

	Дудкинский говор	Гавриловский говор
Инлаутное и ауслатное *о (не в рефлексах *ToRT)	цo	цo
Эпентетическое о во 2-м слоге рефлексов *ToRT	цo	o ⇒ цo
Эпентетическое о во 2-м слоге рефлексов *oRT	?	o ⇒ цo
*ъ в рефлексах *ТъRT	o (⇒ цo)	o ⇒ цo
*ъ не в составе *ТъRT	o	o (⇒ цo)
*о в 1-м слоге рефлексов *ToRT	o	o

Примечание. В схеме не учитывается фронтальная замена цo на o. Знак ⇒ означает частичную замену исконного аллофона на аллофон, принадлежащий другой фонеме.

3.2.3.3. В дудкинском и гавриловском говорах рефлекс *о в 1-м слоге *ToRT (*TeIT) также напоминает рефлекс сильного *ъ. Восточнорусские рефлексы в виде /o/, /e/ в 1-м слоге *TeRT, *ToRT могут восходить как непосредственно к *о, *е, так и к сильным *ъ, *ь или близким к ним звукам с не-

ясным фонологическим статусом³⁴. Рефлексы сильных *ъ и *ь в позиции, где они по общему правилу падения редуцированных должны быть слабыми и вследствие этого выпадать, отражены в русских северо-западных (псковско-кривичских по происхождению) говорах в формах с «вторым полногласием», содержащих праслав. *TъRT, *TьRT: *серѣп, столѡб, челѡн, верѣх, скатерѣтка, жерѣдка* и т. д. В «предгавриловской» системе (§ 3.2.1) эпентетическое *o* развивается как *ъ. В дудкинском говоре эпентетическое *o* развивается как *о.

Судя по гавриловскому говору, эпентетическое *o* в *ToRT имело звучание, близкое к звучанию *ъ. О реконструкции «для будущей украинско-белорусской зоны» *To^oT или *To^oT, где вторая гласная фонологически не тождественна первой, см. (Зализняк 2004: 40). По-видимому, в северо-западной (псковской) части древнего кривичского ареала эпентетическое *o* отличалось от обычного *о и фонетически напоминало *ъ, ср. рефлексы [э, ы] в псковских говорах, где такие же рефлексы отмечены на месте *ъ перед йотированными сонантами: *балъньи, балынья* < *bǫlŋje ‘болотистое место’ (укр. *болоння*, польск. *blonie*) как *одынье, одънье* < *odŋje. Ср. также отмечаемые в северо-западных и северных говорах с различием заударных [ъ] и [ы] формы *пѡльмя* (проникшее и в литературный язык), *шѡльмя, гѡльмя* (Николаев 1988: 123–124). Ъ-образные рефлексы эпентетического *o* не известны из говоров, в основе которых лежали диалекты полоцких, смоленских и тверских кривичей.

Дудкинское [цo] как более частотный рефлекс эпентетического *o*, если не является статистической аберрацией, соответствует восточнорусскому рефлексу. В восточнорусской системе эпентетическое *o* не отличается от *о, и в формах *морѡз, корѡва, болѡто, корѡль, приволѡк* фонема /ѡ/ является таким же рефлексом *о под автономным ударением, как в *пѡп* или *мѡчиш*.

Предполагаемое развитие праслав. *ToRT (*TeIT) в *TьRьT в Гаврилове напоминает развитие *ToRT в полабско-ободритском ареале: *ToRT > *TьRT. Например, в говоре Руяна (Рюгена) рефлексы *ToRT и *TьRT совпадают в *TьRT > *TarT*, а рефлексы *ToIT и *TьIT совпадают в *TьIT > *TolT*, однако *ToIT может развиваться и по модели *ToIT > *TьloT > *TloT* (Lehr-Splawiński 1966b). В поморских севернолехитских (севернокашубских) диалектах *ToRT > *TьRT/*TьRoT > *TarT/TroT*, *ToIT > *TьRoT > *TloT* (Lehr-Splawiński 1966a).

³⁴ Возможно, рефлекс *о в *ToRT, сходный с сильным ъ, имеют карпатоукраинские говоры, см. Николаев 1993; 1995а: 349–355; 1995б; 1996: 204–210. Приведенные в указанных работах сделанные на слух транскрипции, на основании которых для ряда карпатоукраинских говоров этимологически противопоставлены [о] и [цo], нуждаются в инструментальной верификации.

В южнолехитском (собственно польском) ареале *ToRT > *TъRoT > TroT: *proгхъ > *ръгохъ > *proch*; *voгпъ > *въгопъ > *wron*; *kolsъ > *кълосъ > *klos*; *zolto > *zълoto > *zloto* (обоснование реконструкции лехитских *ъ, *ь в 1-м слого *ToRT, *TeRT см. в Klemensiewicz, Lehr-Splawiński, Urbańczyk 1955: 124). Развитие *ToRT > *TъR(ъ)T (наряду с *TъRoT) может являться одной из позднепраславянских изоглосс, объединявших поморский и кривичский ареалы. Это согласуется с предположением А. А. Зализняка (подтверждаемым в первую очередь топонимикой) о существовании на новгородской территории говоров «с рефлексами типа *TroT* (возможно, в качестве факультативного варианта к *ToroT*)» (Зализняк 2004: 40–41). Рефлексы «типа *TroT*» могут, подобно лехитским, восходить к *TъRoT, а также к *TъRъT (материал не дает возможности различить рефлексы *о и *ъ), что делает вероятным существование в псковско-новгородском ареале и диалектных и/или акцентуационных вариантов *TъRoT, *ToRъT, *TъRъT.

3.3. Системы говоров Межно, Великая Гора и Закрупье

3.3.1. В говорах д. Межно Полоцкого р-на Витебской обл., Высокая Гора Демянского р-на Новгородской обл. и Закрупье Бежецкого р-на Тверской обл. в односложных формах обнаружена оппозиции фонем /цo/ и /o/. Рассмотренные говоры имеют кривичское происхождение: в основе говора д. Межно лежит полоцко-кривичский диалект, в основе говоров Высокой Горы и Закрупья диалект верхневолжских (тверских) кривичей. Материал этих говоров был акустически проанализирован с помощью компьютерной программы Praat 5.3.

Монофтонгический рефлекс в этих говорах произносится как [o], с вариантами [o], [ɔ], а также [ʰo] (дифтонгоид с кратким глайдом). Во всех трех говорах отмечен дифтонг [цo], реже со слабой огубленностью 1-го компонента: [ц̥o] и сдвигом вниз [ъo]. Большинство примеров на дифтонг — односложные формы. В говоре Межна после губных и велярных согласных записан только монофтонг. Количество [цo] после зубных согласных в говоре Закрупья заметно превосходит количество [o], поэтому можно предположить распространение «неэтимологического» дифтонга в этой позиции. При переспросах в говорах Межна и Закрупья в ряде форм выявлены колебания между [o] и [цo], при этом есть формы, в которых монофтонг устойчив. Вариативность [o ~ цo] не отмечена в говоре Высокой Горы, где большинство форм записано по одному разу.

3.3.2. В односложных формах N(A) sg *o*-, *u*- и *i*-основ дифтонги на месте праслав. *о парадоксальным образом многочисленны у основ а. п. *d* (§3.3.3).

В N(A) sg а. п. *b* (формы с неоакутом) и а. п. *c* (формы-энклиномены с циркумфлексом) дифтонгические рефлексы встречаются заметно реже. На месте праслав. *ъ дифтонги преобладают в рефлексах основ а. п. *b* и *d*. В G Pl *a*-основ и *o*-основ ср. р. (формы с неоакутом) записаны следующие рефлексы: Межно *nox* 1×, *sow* 1×, *sox* 1×, *blox* 3×, *drow* 2×; Высокая Гора *nok* 1×, *sox* 2×, *sof* 2×; Закрупье *nok* 2×, *drof* 2×, но *suof* 1×, *suox*, *bluox* 1×.

В многосложных формах дифтонги на месте *о и *ъ в говоре Высокой Горы не отмечены, в говоре Межна единичны, их происхождение неясно. Более репрезентативен материал из Закрупья (параллельные формы с [о] не приводятся). Дифтонг из *о под неоакутом перед «сверхдолгим» суффиксом *-ja-*: *nuōša* 1× (< *nōšja), *vuól'a* 1× (< *vōlja). Дифтонг как рефлекс эпентетического *o* в формах с неоакутом и акутом: *koruól'* 1× (< *kōrljъ), *poruók* (< *pōrgъ). Дифтонг из *ъ под неоакутом в суффиксе *-ъкъ: *č'esnuók* 2×, *gorbuók* 1×, *kusnuók* 1×, *p'esnuók* 2×, *š'enjuók* 1×, *šestjuók* 1× и в форме G Pl *okjuón* 2×.

Материал по односложным *o*-, *u*- и *i*-основам, сгруппированный по праславянским акцентным парадигмам, приведен в табл. 5. В круглых скобках даются нерелевантные формы говора Межно с [о] после губных и велярных согласных. Помимо приводимых в табл. 5, в Закрупье записаны следующие односложные N(A)sg с [ц]о, точная реконструкция акцентной парадигмы которых затруднительна (а. п. *d* или *c*): с праслав. *о: *duol*, *vuon'*, *vuor*, *zuor* 2×; с праслав. *ъ: *vuoš* 2×.

Таблица 5. Односложные *o*-, *u*- и *i*-основы с *о и *ъ в корне

	Восточнорусские говоры			Западнорусские говоры		Белорусский говор
	Паньково Волог.	Новоселки Ряз.	Пустоша Моск.	Закрупье Твер.	Высокая Гора Новг.	Межно Витебск.
Основы с рецессивными корнями						
Основы а. п. c (N sg с праславянским циркумфлексом)						
Праслав. *о						
*bōgъ ³⁵	<i>box</i>	<i>box</i>	<i>box</i>	<i>box</i> 1×, <i>bjuox</i> 1×		(<i>box</i>)
*bōlъ	<i>bol'</i>	<i>bol'</i>	<i>bol'</i>	<i>bol'</i> 1×		(<i>bol'</i>)
*dōmъ	<i>dom</i>	<i>dom</i>	<i>dom</i>	<i>dom</i> 4×, <i>duom</i> 1×	<i>djuom</i> 1×	<i>dom</i> 4×

³⁵ Слово с «церковным» у, поэтому его фонетика в целом может быть нерегулярной.

	Восточнорусские говоры			Западнорусские говоры		Белорусский говор
	Паньково Волог.	Новоселки Ряз.	Пустоша Моск.	Закрупье Твер.	Высокая Гора Новг.	Межно Витебск.
*dʁōzdь		<i>drost</i>	<i>drost</i>	<i>drost</i> 1×		<i>dr̥uost</i> 1×, <i>drost</i> 1×
*dʁōbь	<i>drop</i>	<i>drop'</i>		<i>drop</i> 3×		<i>drop</i>
*gnōjь		<i>γnoj</i>	<i>gnoj</i>	<i>gnoj</i> 1×		<i>γnoj</i> 2×
*gōstь	<i>gos'</i>	<i>γos't'</i>	<i>gos't'</i>	<i>gos't'</i> 2×		<i>(γos'c')</i>
*gōdь	<i>got</i>	<i>γot</i>	<i>got</i>	<i>got</i> 3×	<i>got</i> 1×	<i>(γot)</i>
*gromь	<i>grom</i>	<i>γrom</i>	<i>grom</i>	<i>grom</i> 1×		<i>γrom</i> 2×
*kōmь		<i>kom</i>	<i>kom</i>	<i>kom</i> 1×		<i>(kom)</i>
*kōstь	<i>kos'</i>			<i>kos't'</i> 2×		
*lōjь						<i>toj</i> 1×
*mōgь	<i>mor</i>	<i>mor</i>	<i>mor</i>	<i>mor</i> 4×		<i>(mor)</i>
*mōstь		<i>most</i>	<i>most</i>	<i>most</i> 1×	<i>most</i> 1×	<i>(most)</i>
*ōrstь	<i>rost</i>	<i>rost</i>		<i>rost</i> 1×		<i>r̥uost</i> 1×
*rōdь	<i>rot</i>	<i>rot</i>	<i>rot</i>			<i>r̥uot</i> 1×, <i>rot</i> 1×
*sōkь		<i>sok</i>	<i>sok</i>	<i>suok</i> 1×		<i>suok</i> 1×
*xōdь	<i>xot</i>			<i>xot</i> 1×		<i>(xot)</i>
Праслав. *ъ						
*br̥gvь	<i>brof</i>	<i>brof'</i>		<i>brof</i> 2×		<i>brow</i> 1×
*gr̥fstь			<i>gors't'</i>	<i>gors't'</i> 2×	<i>gors't'</i> 1×	
*kr̥gvь	<i>krof</i>	<i>krof'</i>	<i>krof'</i>	<i>krof</i> 6×	<i>krof</i> 2×	<i>krow</i> 5×
*m̥xь	<i>mox</i>	<i>mox</i>	<i>mox</i>	<i>mox</i> 4×	<i>mox</i> 1×	<i>(mox)</i>
*t̥l̥kь 'смысл'		<i>tolk</i>		<i>t̥uolk</i>		
*v̥l̥kь		<i>volk</i>	<i>volk</i>	<i>volk</i> 3×		<i>(vowk)</i>
Основы с доминантными корнями						
Основы а. п. b (N sg с праславянским неоакутом)						
Праслав. *o						
*dv̥ōgь	<i>dv̥uog</i>	<i>dv̥uor</i>	<i>dv̥uor</i>	<i>dvor</i> 2×	<i>dvor</i> 1×	<i>(dvor)</i>
*kl̥ōrь		<i>kl̥uop</i>	<i>kl̥uop</i>	<i>kl̥uop</i> 1×		<i>kl̥uop</i> 1×
*kōlь	<i>kuol</i>	<i>kuol</i>	<i>kuol</i>	<i>kol</i> 2×		<i>(kol)</i>
*kōn̥jь	<i>kuon'</i>	<i>kuon'</i>	<i>kuon'</i>	<i>kon'</i> 3×	<i>kon'</i> 1×	<i>(kon')</i>
*kōtь	<i>kuot</i>	<i>kuot</i>	<i>kuot</i>	<i>kot</i> 2×	<i>kot</i> 1×	<i>(kot)</i>
*mōlь		<i>muol'</i>	<i>muol'</i>	<i>mol'</i> 1×		<i>(mol')</i>
*nōzjь	<i>nuoŝ</i>	<i>nuoŝ</i>	<i>nuoŝ</i>	<i>noŝ</i> 3×		<i>nuoŝ</i> 3×

	Восточнорусские говоры			Западнорусские говоры		Белорусский говор
	Паньково Волог.	Новоселки Ряз.	Пустоша Моск.	Закрупье Твер.	Высокая Гора Новг.	Межно Витебск.
*rōdъ		ruot	ruot	pot 2×	pot 1×	(pot)
*rōrъ	ruop	ruop	ruop	pop 3×	pop 1×	(pop)
*rōstъ		ruost	ruost	post 1×		(post)
*skōtъ		skuot	skuot	skot 1×		(skot)
*snōrъ		snuop	snuop	snop 1×		snop 1×
*stōlъ	stuw	stul	stul	stuw 1×, stol 1×	stol 1×	stol 2×
*xvōstъ	xvuos	xvuost	xvuost	xvost 4×	xvost 1×	(xvost)
Праслав. *ъ						
*dǔzdjъ	doš	doš	doš':	dwoš 3×, doš 2×	dwoš 3×	dwoš 4×, doš 1×
*krĭtъ	kruot	kruot		krot 1×		krot 5×, kruot 1×
*lĭbъ			lop	lop 2×		luop 2×, lop 1×
*gĭtъ	rot	rot	rot	ruot 1×		ruot 1×, rot 1×
*stĭlbъ	stowp	stolp	stolp	stuwolp 2×		stuwowp 1×
Основы а. п. d³⁵						
Праслав. *о						
*bokъ	bok	bok	bok	bwook 2×	bwook 1×	(bok)
*bogъ	bor	bor	bor	bwor 3×, bor 3×		(bor)
*brodъ	brot	brot	brot	bruwot 5×, brot 1×		bruwot 2×
*lomъ		lom	lom	luom 2×		luom 1×
*mozgъ	mosk	mosx	mosk	mosk 2×	mwosk 1×	(mozk)
*noktъ	noc'	noč'	noč'	nwoč' 1×, noč' 2×		nwoč 1×, noč 1×

³⁶ См. реконструкцию акцентных парадигм большинства *о-* и *и-*основ с корневым **-о-* в словарной части АССЯ. А. п. *d* основы **dǔlgъ* реконструируется по совокупным данным славянских языков. А. п. *d* основы **gvozdъ* реконструируется по данным псковско-полоцких говоров (устойчивая окситонеза косвенных падежей ед. ч.). Ср. также производное от (+)-корня задонск. *L na γvōzd'iku*, русск. литер. *гвоздь*, *Гвоздь*. А. п. *d* основы **stǔpъ* подтверждается внешними данными — ср. баритонезу греч. ἵπλος. А. п. *d* основ **lĭzъ*, **soгъ* и **stōnъ* реконструируется, потому что содержат доминантные корни — ср. **lĭgati*, **stenati* и **sĭgati* а. п. *b₁*. А. п. *d* основы **solъ* реконструируется по неподвижной (*b₂*) деноминативов **soliti*. А. п. *d* у основ **nokъ* и **gĭzъ* вероятно, формально реконструируются а. п. *c* или *d*.

	Восточнорусские говоры			Западнорусские говоры		Белорусский говор
	Паньково Волог.	Новоселки Ряз.	Пустоша Моск.	Закрупье Твер.	Высокая Гора Новг.	Межно Витебск.
*носъ	<i>nos</i>	<i>nos</i>	<i>nos</i>	<i>nos</i> 3×	<i>пѣнос</i> 1×	<i>пѣнос</i> 1×, <i>nos</i> 2×
*плоть				<i>плѣот</i> 2×		<i>плѣот</i> 2×
*роль 'пол (настил)'			<i>пол</i>	<i>пол</i> 2×		(<i>пол</i>)
*ротъ		<i>пот</i>	<i>пот</i>	<i>пот</i> 4×	<i>пот</i> 1×	(<i>пот</i>)
*рогъ		<i>рох</i>	<i>рок</i>	<i>рок</i> 1×	<i>рѣок</i> 1×	<i>рѣох</i> 1×
*солъ		<i>сол'</i>	<i>сол'</i>	<i>сѣол'</i> 2×, <i>сол'</i> 1×	<i>сѣол'</i> 1×	<i>сѣол'</i> 1×, <i>сол'</i> 3×
*согъ			<i>сор</i>	<i>сор</i> 1×		
*стогъ		<i>стох</i>	<i>сток</i>	<i>стѣок</i> 2×		<i>стох</i> 4×
*стонъ				<i>стѣон</i> 1×		
*токъ 'гумно'		<i>ток</i>	<i>ток</i>	<i>тѣок</i> 1×, <i>ток</i> 1×	<i>тѣок</i> 2×	<i>ток</i> 6×
*vosкъ	<i>vosk</i>	<i>vosk</i>	<i>vosk</i>	<i>вѣоск</i> 1×, <i>vosk</i> 1×		(<i>vosk</i>)
*vozъ		<i>vos</i>	<i>vos</i>	<i>вѣос</i> 2×, <i>vos</i> 1×	<i>вѣос</i> 2×	(<i>vos</i>)
Праслав. *ъ						
*дѣльгъ		<i>долх</i>	<i>долк</i>	<i>дѣолк</i> 2×, <i>долк</i> 2×		<i>дѣоух</i> 2×
*льзь				<i>лѣос</i> 1×		<i>лѣос</i> 2×
*гъзь		<i>рош</i>	<i>рош</i>	<i>рѣос</i> 2×, <i>рош</i> 1×	<i>рѣос</i> 1×	
*съпль	<i>сон</i>	<i>сон</i>	<i>сон</i>	<i>сѣон</i> 4×	<i>сѣон</i> 3×	<i>сѣон</i> 4×
Основы, имеющие в славянских языках рефлексы а. п. b и d						
Праслав. *о						
*bobъ	<i>bop</i>		<i>бѣор,</i> <i>bop</i>	<i>бѣор</i> 2×, <i>bop</i> 2×	<i>bob</i> 1×	(<i>bop</i>)
*bojъ	<i>boj</i>	<i>бѣoj</i>	<i>бѣoj</i>	<i>бѣoj</i> 1×		(<i>boj</i>)
*gropъ	<i>grop</i>	<i>γrop</i>	<i>grop</i>	<i>grop</i>		<i>γrop</i> 3×
*gvozдь	<i>gvos'</i>		<i>gvos't'</i>	<i>gvos't'</i> 2×		(<i>γvost</i>)
*ploдъ			<i>плот</i>	<i>плот</i> 3×		<i>плѣот</i> 1×, <i>плот</i> 1×
*rojъ	<i>рѣoj</i>	<i>рѣoj</i>		<i>roj</i> 1×		<i>roj</i>
*somъ		<i>som</i>		<i>som</i> 4×, <i>сѣом</i> 1×	<i>som</i> 1×	<i>som</i> 3×

3.3.3. Балто-славянские краткосложные и циркумфлектированные *o-*, *u-* и *i-*основы м. и ж. р., образованные от доминантных (плюсовых) корней, имеют праславянскую акцентную парадигму (а. п.) *d*, основы среднего рода — а. п. *b*. Номинатив ед. ч. балто-славянских основ мужского рода в большинстве позднепраславянских диалектов стал формой-энклиноменом — неясно, по морфологической аналогии с рецессивными *o-*, *u-* и *i-*основами а. п. *c* (в которых «славянский циркумфлекс» в номинативе регулярен), или в результате метатонии и/или удлинения, «наведенных» на корень в результате развития $*-s > *-h (> -0)$ в окончаниях N Sg $*-os$, $*-us$, $*-is >$ праслав. $*-ъ$, $*-ь$ ³⁷. По аналогии с N Sg формой-энклиноменом стал A Sg. В результате этого *o-*, *u-* и *i-*основы балто-славянского мужского и женского родов получили «смешанную» акцентную парадигму *d*, в которой N и A sg были формами-энклиноменами как в а. п. *c*, а прочие формы имели праславянское накоренное ударение, которое потом перемещалось на последующий слог по закону Дыбо — как в а. п. *b*. В большинстве славянских диалектов основы а. п. *d* вторично перешли в а. п. *c*. Окситонеза косвенных падежей ед. ч. основ а. п. *d* отличает кривичские по происхождению русские и белорусские говоры от сопредельных. Рефлексы интонации в N(A) sg *o-*, *u-* и *i-*основ а. п. *d*, как правило, совпадают с рефлексами циркумфлекса. Прямые рефлексы акцентной кривой а. п. *d* сохраняются в псковских и полоцких говорах в парадигмах *ToRT/TeRT*-основ, например *кѡлос* ~ ген. *колосá*, *чѣрѣп* ~ ген. *черепá*. Только в восточно-полесских говорах Плѣхова и Анисова Черниговского р-на и в южнопсковском говоре д. Федоровское Локнянского р-на отмечено просодическое противопоставление между *ToRT/TeRT*-основами с «первичным циркумфлексом» (праслав. а. п. *c*) и с «вторичным циркумфлексом» (праслав. а. п. *d*) — подробно см. Николаев 2012: 104–106³⁸. Не исключено, что особый рефлекс $*-o-$ в NA sg *o-*, *u-* и *i-*основ в говорах Межна, Закрупья и Высокой Горы является аргументом в пользу реконструкции особой просодии N(A) Sg основ а. п. *d*, однако противоречивые данные этих говоров не представляются убедительными. Скорее нужно предполагать появление в N(A) Sg неоакута по анало-

³⁷ Рефлексы $*-os > -e$ и $*-us > -ъ$ последовательно различаются только в древненовгородском (и, в виде рудиментов, в северо-западных русских говорах): $*-os > -e$, $*-us > -ъ$.

³⁸ Во всех вост.-славянских говорах, в которых на фонетическом уровне обнаружены подтверждающиеся компьютерным акустическим анализом тональные различия, оппозиция «тоном» нестабильна, тональные различия малофункциональны; тоны, хотя и осознаются носителями, неустойчивы и подвержены фразовым нейтрализациям. Сравнение «восточнославянских тонов» с праславянскими интонациями пока не привело к достоверным результатам — см. попытки решения проблемы в (Николаев 1995; 1996; 2000; 2001; 2002; 2003; Дыбо, Николаев 1998).

гии с а. п. *b* (что отражено в формах с *-ъ-), а преобладание дифтонгов (рефлексов праслав. *ǫ) в формах а. п. *d* шесть статистической случайностью.

4. ПРИЛОЖЕНИЯ

4.1. Материал восточно- и южнорусских говоров с оппозицией «двух о»

Ниже списком (§4.1.1) приводится материал по говорам с восточнорусской системой «двух о». Отобраны говоры (из литературы и наших записей), в которых выборка форм с «двумя о» представляется достаточно репрезентативной. Буквой *ô* обозначается фонема /*ô*/ под ударением.

1. **Пан.** — севернорусский (восточновологодский) говор д. Панькóво близ с. Шуйское, ныне Междуреченского р-на Вологодской обл. Основной материал был собран летом 1902 г. О. Брокотом от Степана Андреевича Орехина (Stórán Ondrjúof Oféxin или -xof), «56-илетнего человека из деревни “Pańkóvo” (на плане Панькова, сокращается в описании часто в Паньк., П.), в трех-четыре верстах к югу от Шуйского на Сухоне, Тотемского уезда» (Брок 1907). Скучный материал говора д. Ихалица, ныне Междуреченского р-на Вологодской области, здесь не приводится. Его фонетика в ряде аспектов отличается от паньковской. Паньковский материал приводится в моей транслитерации. Буквой *ô* обозначена фонема /*ô*/, у которой отмечены дифтонгические аллофоны — [ɔo], [ɔo̞] [ɔo̞̞], [o̞o̞], подробно см. (Брок 1907: 54–51). Буквой *o* обозначена фонема /*o*/, ее основной аллофон — монофтонг [o].

2. **Пус.** — севернорусский (владимирский) говор д. Пустошá Шатурского р-на Московской обл. Информант Клавдия Васильевна Швецова (1920 г. р.), магнитофонная запись Фонетической программы, сделанная А. В. Тер-Аванесовой и О. Е. Кармаковой в 1991 г. Транскрипция моя. После разделителя $\diamond$ приводится материал, записанный от информантов: К. Т. Бобкова (1927 г. р.); Ирина Ильинична Евдокимова (Сергеева) (1911–2006); Александра Васильевна Лазарева (1938 г. р.), К. В. Швецова и частично опубликованный в (Тер-Аванесова 2001; 2005). Магнитофонная запись и транскрипция А. В. Тер-Аванесовой, транслитерация моя. Буквой *ô* обозначается фонема /*ô*/, аллофонами которой являются монофтонги [o̞], [u̞] (и [ɯ̞]) и расширяющиеся полифтонги/дифтонги [uo̞], [ɯo̞], [o̞o̞], [o̞ɯ̞] и т. п. Буквой *o* обозначается фонема /*o*/, ее аллофоны — монофтонги [ɔ], [o] и сужающиеся полифтонги/дифтонги [ɔo], [ɔɯ̞].

3. **Лека** — среднерусский говор д. Лéка Шатурского р-на Московской обл. (ранее Егорьевского у. Рязанской губ.). Материал приводится по (Гришкин 1916) и, после разделителя $\diamond$, по (Шахматов 1913). Основным информантом А. А. Шахматова был И. С. Гришкин. Транслитерация моя. Буквой *ô* обозначается фонема /*ô*/ с аллофонами [uo̞] и [ɯo̞], о деталях произношения см. (Шах-

матов 1913). Фонема /o/ обозначается буквой *o*. В материалах И. С. Гришкина иногда вместо фонетической записи используется русская литературная орфография, в которой /ô/ и /o/ графически не различаются и передаются буквой *o*, которой в записи И. С. Гришкина как правило обозначается фонема /o/. Такие формы в нашей таблице заключены в фигурные скобки с пометой «и орф[ографически]».

4. **Нов.** — южнорусский (мещерский) говор д. Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл. Информанты Николай Иванович Рындин (1931 г. р.) и Мария Петровна Кудинова (1922 г. р.). Магнитофонная запись А. В. Тер-Аванесовой и М. Н. Толстой. Транскрипция моя. Буквой *ô* обозначается фонема /ô/, ее аллофоны — расширяющиеся полифтонги и дифтонги [uo], [uo], [цo], [цo], [oэ] и т. п. Буквой *o* обозначается фонема /o/, ее аллофоны — монофтонги [э], [o] и сужающиеся полифтонги/дифтонги [эo], [oo], [эц].

6. **Нех.** — южнорусский (калужский) говор д. Нёхочи Хвастовичского р-на Калужской обл. Информант Наталья Григорьевна Алексашкина, 1938 г. р. Магнитофонная запись М. Н. Толстой и А. В. Тер-Аванесовой, 2013 г. Транскрипция моя. Буквой *ô* обозначается фонема /ô/, основными аллофонами которой являются монофтонг [o] и дифтонг [цo], более редки полифтонги [uo] и [oэ]. Буквой *o* обозначается фонема /o/, ее основные аллофоны — монофтонги [o] и [э], более редок дифтонг [oц].

6. **Зад.** — южнорусские «задонские» говоры, записанные В. И. Тростянским в «северо-западном углу» Землянского у. и в Задонском у. Воронежской губ., т. е. в нынешних Семилукском р-не Воронежской обл. и Задонском р-не Липецкой обл. Материал приводится по Тростянский 1916а; 1816б. Транслитерация моя. Буквой *ô* обозначается фонема /ô/, которая у В. И. Тростянского передается как *yo*, т. е., по-видимому, фонема произносится как дифтонг типа [цo]. Буквой *o* обозначена фонема /o/, точное произношение которой неизвестно.

В списке знаком ⇔ разделены формы с колебанием *ô* ⇔ *o*. Знаком || разделены, в частности: 1) первичные и вторичные производные, если акцентуация последних не отличается от акцентуации первых (напр., *nôžka* || *nôžen'ka*); 2) формы с полногласием, в которых ударение стоит на разных *o* (напр., *pól'et'* < *pôljety || *polôl* < *pôllъ); 3) 1 Sg и остальные лица в презенсе *i*-глаголов новоселковском и пустошинском говорах, так как в 1 Sg у глаголов а. п. *b* вторичное, а в остальных формах первичное ударение на корне; 4) фамилии, производные от существительных (*Воронов*, *Золн* и т. п.).

Подчеркиванием выделены формы, в которых скорее ожидалась бы противоположная фонема. В некоторых случаях такие формы — следствие неправильной транскрипции, опечатки в публикации или оговорки, однако их

большинство нуждается в сравнительно-историческом объяснении. Подчеркиванием не выделяются противоречащие праславянской реконструкции, а также чередующиеся «два о» в формах *i*-глаголов. В восточных и юго-восточных говорах в 2–3 Sg, 1–3 Pl настоящего времени преобладает /ô/ (независимо от праславянской а. п. — ср. такие вторичные формы, как Пустоша *plô't'it* вместо *платит*). Фонема /o/ обнаруживается в молодых формах с перестроенным ударением: Пустоша 3 Pl *polôžut*, Новоселки 3 Dg *lôžyt'*, Лека 3 Sg *palôžъ*, 1 pl *palôžyt*, Лека 3 Pl *pôjat*, Зад. 3 Sg *z'ón'a*. Такое же /o/ в 1 Sg и остальных форм с исконной окситонезой в пустошинском и новоселковском говорах: Пустоша 1 Sg *donôšu*, Prt f. *nôs'ila* (ср. 3 Sg *nôs'it'*); Новоселки 1 sg. *tôp'u* (ср. 3 sg. *istôp'it'*). Данные из других ареалов слишком фрагментарны, чтобы судить о системе рефлексов.

Список разбит на разделы:

(§4.1.1.1) Рефлексы *о и *ъ в именных окончаниях.

(§4.1.1.2) Рефлексы *о в корнях *i*-глаголов.

(§4.1.1.3) Рефлексы *о (кроме корней *i*-глаголов) и *ъ в корнях, префиксах и суффиксах.

(§4.1.1.4) Фонемы «типа о» после твердых согласных в заимствованиях и именах собственных.

4.1.1. Сравнительный материал по рефлексам *о и *ъ в ряде восточно- и южнорусских говоров

4.1.1.1. Рефлексы *о и *ъ в именных окончаниях

-о (местоименное склонение) Пан. *odnô, onô* ⇔ *samô* • Пус. ◊ *onô* (passim), *odnô* • Hex. *adnô* ⇔ *ъnô* • Зад. *adnô*

*-о (в *-lo Prt н.) Пан. *c'v'olô* ⇔ *bralô* • Пус. ◊ *rъzl'ilôs'*, *ъbošlôs'*, *ъbašlôs'*, *prošlô* 2×, *pr'išlôs'* 2×, н. *нъčalôs'i*, *vъrvalôs'i*, *spaslô* ⇔ *našlô* • Лека *šlô, prašlô, pr'išlô, pr'išlôs'* 5×, *slučylôs'*, *slučylôs'a*, *dav'elôs'a* 2× {и орф. *zan'estlô, t'eklô, pr'išlôs'}* ◊ *šlô, prašlô, pr'išlôs', sluč'ilôs'* • Нов. *atašlô, n'e bylô, n'i bylô* • Hex. *sn'aslô, atъšlô, pašlô* • Зад. *n'e bylô*

*-о (существительные) Пан. *br'ovnô, gn'ezdô, gumnô, kol'ôsô, krylô, v'edrô, motokô, oknô, p'ôrô, p'is'mô, r'êbrô, s'olô, s'r'êbrô, v'odrô* ⇔ *Rožostvô* • Пус. *č'olô* 3×; *krylô; oknuô; perô; r'êbrô* 2×; *r'išotô* 3×; *v'edrô* 2×; *z'ernô, z'ornô; s'edlô; s'elô* 2× ◊ *bedrô, bol'šynstvô, brjenvô, čyslô, čolô, dъlotô, dnô, duplô, gnjozdô, govno, gumnô, jadrô, kъл'esô, kълodfstvô, krylô, ljonô* 'стебель льна', *tълokô* (passim), *nutrô, oknô* 2×, *perô, pјorô, pјatnô, p'is'mô* 2×, *pšenô, pšonô, r'ibrô, r'išatô, sedlô, s'јodlô, selô* 3×, *sjolô* 2×, *sęolô, s'irebrô, steklô, stjoklô, svјerlô, suknô, svјortlô, s'irebrô, tјaglô,*

tyloknô, vjodró, vedró, veretenô, v'iretjonô, vestló, vjostló, vinô 4×, *vtyloknô, zvijonô, zjornô, žyrelô* • Лека *s'elô* 8×, *v'edró, тылakô, p'ismô* 3×; *Ražestvô* 2× {и орф. *s'elô, pra p'ismô*} ∅ *dnô, тылakô, p'ismô, rukam'eslô, p'erô, s'edlô, v'edró* • Нов. *γαννô* 2×, *къл'асô* 2×, *тылакô* 2×, *рѣд акѣнô, рѣм'алô* 2×, *пѣанô, r'išatô* 2×, *s'alô, v'adrô* 2×, *v'inô* 3×, *z'arnô*; *Rъžd'astvô* • Hex. *bal'šun'stvô, br'avnô, č'islô, d'ernô, γη'azdô, γη'ezdô, k'ъл'асô, γruz'd'alô, kruulô* 2×, *тылакô* 2×, *malakô, nutrô* 2×, *aknô, p'arô* 2×, *p'erô* 2×, *r'ebrô* 6×, *r'ešetô, rešatô, Raštvo* 2×, *s'adlô, s'elô* 3×, *s'im'enô, s't'aklô, s'v'arlô* 2×, *t'aplô, v'edró* 3×, *v'adrô, v'inô* 2×, *z'ernô* 3×, *z'irnô, z'arnô* 3×, *žur'elô* 2× ⇔ *γruz'd'alô, pam'elô, v't'epłô, žur'elô* • Зад. *balastvô, aknô* 2×, *pad aknô, p'arô, u s'alô* 2×, *v'inô*

*-о (прилагательные, наречия) Пан. *davnô, dobrô, dowžnô, gtybokô, l'okô, rovnô* 2×, *nasazonô, šyrokô* 2×, *vyssokô* • Пус. *dbl'okô, t'ižalô* ∅ n. *čarnô, davnô* 2×, *kakovô, n'i nižnô, polnô* 3×, *rovnô* 2×, *t'ižolô, t'ižalô, dylekô* • Лека *navô, n'i v'il'ikô, davnô, ravnô* {и орф. *t'epłô, b'elô, anô, v adnô*} ∅ *b'elô, davnô, t'esnô, t'epłô, t'ižalô, v'is'elô, vьsakô, x'itro* • Нов. *v adnô, rъvnô* 2×, *рѣnô, зѣv'id'anô* • Hex. *dbl'akô, dalžnô, palnô* 2×, *č'ižalô* • Зад. *bal'nô, č'asnô, dal'akô, dalžnô* 2×, *v'al'mô, v'isakô*

*-ogo G (местоименное склонение) Пан. *kovô, jövô, samovô, s'ovôdn'i, tovô, čovô* • Пус. *kovô; č'evô* 2×; *тѣjovô* ⇔ *svьjögô*; *u jovô, u n'evô* ∅ *čevô-ть, čevô, čovô* 3×, *тыčevô, iz njavô, u njovô, fsjovô pasim, jovô* (passim), *jevô, kovô* (passim), *n'ikovô* (passim), *mojovô, odnovô, ѣdnovô* 2×, *u ѣdnovô, s ѣdnovô* 2×, *sęovôdn'i, svonô* 2×, *f svonô, tovô* ⇔ *čovô* • Лека *cavô* 7×, *cavô ža, s n'icavô* 3×, *atcavô, jevô* 45×, *u n'evô* 5×, *na n'evô* 7×, *s n'evô, iz n'evô, v n'evô* 2×, *za n'evô* 2×, *n'ikavô, mavô* 2×, *adnavô, n'i adnavô, iz adnavô, s adnavô, svavô* 3×, *ды svavô, tavô* 2×, *tavô, tavô-ta, dl'a tavô* 3×, *s'evôdn'i, fs'evô, sa fs'evô* {и орф. *pra n'evô* 4×, *jevô, dl'a tavô* 2×, *u tavô, svavô, at n'evô, kavô, u kavô, fs'evô, mavô*} ∅ *cavô, cavôžь, nicavô, atcavô, na n'avô, jevô, at n'evô, kavô, mavô, adnavô, dь svavô, tavô, fs'evô* • Нов. *č'avô, n'ič'evô, n'ič'avô* 2×, *u n'avô* ⇔ *n'ikavô* 2×, *n'ič'avô* 3×, *č'evô, s' n'avô* • Hex. *n'ič'avô* 2×, *š' č'avô, javô* 4×, *u n'avô* 2×, *jevô* 3×, *u jevô, u kavô, majevô, тѣjevô, adnavô, n'i ѣdnaô, n'i ѣdnъjô, s ѣdnaô, n'idnъjô, s'evôd'n'i, svajevô* 2×, *svaevô, тѣjavô, fs'avô* • Зад. *č'evô, atčevô, jevô* 2×, *n'ič'evô* 2×, *jevô* 2×, *u n'evô, kavô* 4×, *na kavô, s kavô, n'ikavô* 2×, *maěvô* 3×, *majvô, majevô, u mǎevô, n'i dnaô, svajevô, svaevô* 6×, *svavô, tavô* 2×, *s tavô* 2×, *vs'evô*

*-ogo G (прилагательные) Пан. *gluxôna, zlôna* ⇔ *kakôna, xudôna* • Пус. *тыlodônъ* ∅ *drugônъ, kakônъ, kakônъ-ть, liubônъ, u n'imôna, zь šestôna, šostôna, suxôna, takôna, fs'ivô, dь ftorônъ-ть, ftorônъ* 4×, *žyvônъ* • Лека *b'iz drugôna, kakôn-ta, n'ikakôna, m'ilôna, takôna, valastnôna, ftarôna* {и орф. *at vьd'enôna, takôna*} ∅ *b'iz drugônъ, n'ikakônъ, m'ilônъ, at vьd'enônъ* • Нов. *is kakônъ, plaxôna, s'ad'môna, suxônъ* • Hex. *тыladôna, тыladô, sl'erôžь* • Зад. *daravôna, daravôna* 2×, *γη'edôna, maladôna* 2×, *b'ez l'itôna, m'ilôna* 2×, *b'ez m'ilôna, pra m'ilôna, radnôna* 2×, *takôna, pra takôna, u č'isavôna, zavalôna* 2×, *ftarôna* 2×

- *-оје Пан. н. *parnojō, molodjō, pr'osnojō* ⇔ *zlōjo, kakōjo, mus'k'ōjō, mus'kōjo* • Пус. ◇ н. *drugōje, drugōja, kakōje* 2×, *krutōjъ, ploxoje, prostōje, v pustōje, suxōjō* 2×, *suxōje, takōje* 6×, *тъrfjanōje, vosmōje, въd'anōjъ* ⇔ *den:ōje* 2× • Лека н. в *сystōja, takōja, takōja, valastnōja* ◇ н. ф. *сystōjъ pól'ъ, juravōjъ pól'ъ* • Нов. н. *plaxōj* • Hex. н. *kakōja, kakōjъ, рькирпнōjъ, ržanōja, takōjъ*
- *-ојѣ G (местоименное склонение) Пан. G *odnōj, samōj* • Пус. ◇ G с *odnōj, u odnōj, n'i odnōj, tōj, s tōj* (passim) • Лека н'и *adnōj, u adnōj, iz adnōj, is tōj ža, takōj ža* ◇ *iz adnōj-тъ, tōj, u tōj*
- *-ојѣ G (прилагательные) Пан. ф. G *zlōj* • Пус. ф. G с *l'esnōj, s' l'esnōj, ѳt sl'opōj* ◇ *iz drugōj, n'ikakōj, is Kurogskōj, s nočnōj* ⇔ *d'ikōj, n'ikakōj, s vos'mōj, sjodōj* • Лека ф. G н' *ikakōj* 2×, *тыladōj, nikakōj*, ◇ ф. G *nikakōj, тыladōj* • Нов. ф. G *takōj* • Hex. G с *l'asnōj, dъ sl'epōj* • Зад. ф. G *māladōj*
- *-оји DL (местоименное склонение) Пан. ф. DL *samōj, tōj* • Пус. ◇ ф. D *odnōj, tōj*, L в *odnōj, нь odnōj, na tōj* 2× • Лека ◇ ф. D *samōj* • Нов. ф. D *adnōj* • Hex. L ф *tōj* • Зад. ф. D *pa tōj, L na tōj* 2×
- *-оји DL (прилагательные) Пус. ф. D к *s'l'ōpōj* 2×, L *нь l'esnōj* 2× ◇ ф. DL *drugōj, vos'mōj*, L в *grudnōj, нь l'ixkonōj, f trudovōj* 2× • Лека ф. D *тыladōj*, L в *drugōj* 3×, *na takōj ža*, в *зылатōj* {и орф. L *na pravōj, D тыladōj*} • Нов. ф. L в *тыladōj* • Hex. D к *sl'epōj*, L *нь l'esnōj* 3× • Зад. ф. D *maladōj* 3×, *radnōj, sv'atōj, pa съrōj, t'amnōj, xudōj, z'il'anōj*; L *na drugōj, pr'i krutōj* 3 ⇔ ф. D *radnōj* 2×, L *na ravnōj*
- *-ојо In (местоименное склонение) Пан. In *sobōj, tobōj* • Пус. In *odnōj* ◇ с *sobōj, za sobōj, so mnōj* 2×, *za mnōj, s odnōj* 2×, *s tobōj* 2× • Лека *sa mnōj* 3×, *za mnōju*, In *sabōju* 2×, *s sabōj* 2×, *s tabōju* ⇔ *adnōj, s sabōju, s sabōj* ◇ In *sa mnōj, s sabōj, s tabōju* ⇔ *нѳt sabōj* • Нов. In с *adnōj* 3×, *s tabōj* • Hex. *adnōj, sabōj* 2×, *sabōju* ⇔ *sa mnōj, s tabōu*, *зъ тьbōj* 2×, *s тьbōju, za тьbōju* • Зад. In *nada mnōj, pr'ida mnōj, pr'ida mnōju, za mnōj, sabōj, s sabōj* (passim), *s tabōj* (passim), *s tabōju* ⇔ *nada mnōj*
- *-ојо In (существительные) Пан. In *boronōj, gorōj, nogōj, за r'okōj, rukōj, sowōj, sovōj, vdovōj, ѳ žonōj* ⇔ *vodōj* • Пус. In *za rekōj, ѳ žonōj* ◇ In з *гьlovōj, гьlovōj, ньd гьlavōj, grozōj, ol'xōj, s pl'itōj, sjostrōj, sestrōj, стьronōj, вjосnōj* 2×, *vojnōj, z'imōj, žanōj, žonōj, ѳ žonōj* • Лека In *сystatōj, dыл'inōj* 2×, *glub'inōj* 2×, *kalbasōj, mukōj, pagōj* 2×, с *s'estrōj* 4×, *s'estrōj, ѳыр'inōj, talpōj, тыѳ'inōj, s vadōju, зъ vadōj* 4×, In *vdavōj, z'imōj* 3×, *zalōj, ženōj, z ženōj* {и орф. *рьd garōj, prid ženōj, ženōju, krupōj, skыnradōj*} ◇ In *рьd garōj, s s'estrōj, vadōj, s vadōju, zalōj, ženōj, pr'id ženōj* ⇔ Adv *v'esnōj* • Нов. In *бьranōj, pagōj* 3×, *рьxvalōj, skыnradōj, s'p'inōj, v'asnōj, vadōj* 3× (также A Adv *vruc'noju* 3×) • Hex. *dujōj, za r'ekōj, rukōj, travōj, vadōj, žanōj, ѳ žanōj* ⇔ *pagōj, съxōj, s sv'aklōj, v'esnōju, zimōj* 2×, *zalōj* • Зад. In *pad daskōj, nad ѳlavōju, ѳlavōj* 4×, *kasōju, s kasōju, krasatōju, krasatōj, parōju, rukōj* 2×, *sl'azōj* 2×, *sl'azōju* 3×, *za sp'inōju, staranōj* 2×, *str'alōju, sud'bōj* 3×, *talpōju, vadōj, za vadōj, z'imōju, nat žanōju, žanōj* 2×, *z ženōj*

- *-**ојо** f. In (прилагательные) Пан. f. In *drugôj* • Пус. $\diamond$ f. In *s takôj* • Лека f. In *bal'nôj*, *drugôj*, *kakôj-ta*, *kakôj-ta* • Нов. f. In *дѣз'д'авôj* 2× • Зад. f. In *za bystrôju*, *kl'uč'avôju* $\Leftrightarrow$ *mladôj*
- *-**ому** D (прилагательные) Пан. D *zlômu* • Пус. $\diamond$ D *drugômu*, *g drugômu*, *kakômu*, *k съръковômu*, *suxômu* • Лека *pa съистômu*, *kakômu*, *k vьd'enômu* $\diamond$ *k vьd'enômu* • Нов. D *рѣ l'ubômu*, *k s'v'atômu* • Hex. D *рѣ kakômu* • Зад. D *pa m'ilômu*, *maladômu* 2×, *sv'atômu* 2×
- *-**омъ** L (местоименное склонение) Пан. L *o kôm*, *tôm*, *potôm* $\Leftrightarrow$ *v odnôm* • Пус. L *potôm* $\diamond$ *f tôm*, *potôm* (passim), *na tôm* 3×, *v odnôm* 2× $\Leftrightarrow$ *potôm* (passim) • Лека L *na kôm* 3×, *v adnôm*, *f tôm*, *patôm* 7 {и орф. *patôm* 3×, *f kakôm*} $\diamond$ *na kôm*, *na tôm*, *patôm* | Pl *patômki* • Нов. L *patôm* 4×, *patômь* $\Leftrightarrow$ *na kôm* • Hex. L *na tôm*, 2× *patôm* 3×, *pr'itôm* 2×, *v adnôm* $\Leftrightarrow$ *na ѣdnôm* • Зад. L *takôm ѣa*, *na tôm* 3×, *va tôm* 5×, *u tôm*, *patôm*
- *-**омъ** L (прилагательные) Пан. L *zlôm*, *takôm* $\Leftrightarrow$ *na s'ômôm* • Пус. $\diamond$ L *drugôm*, *v drugôm*, *sed'môm* 2×, *vosmôm* 2×, *vъ ftorôm* $\Leftrightarrow$ *sed'môm* • Лека L *cesnôm*, *pr'i cesnôm*, *va съistôm* $\diamond$ *pr'i cesnôm narôd'i* • Зад. L *na krutôm*, *na sv'atôm*, *na fтарôm*, *u z'el'anôm* 2×, *na ѣaltôm*
- *-**ови** D (> Adv) Пан. Adv *domôj* • Пус. $\diamond$ Adv *domôj* (passim) • Лека Adv *damôj* 8×; *dalôj* $\diamond$ *damôj*, *damôju*; *dalôj* • Нов. Adv *damôj* 2× • Hex. Adv *damôj* 5×, *дѣмôj* 3× $\Leftrightarrow$ *damôn* • Зад. Adv *damôj* (passim); *dalôj* 2×
- *-**овъ** G Pl Пан. G *c'asôf*, *domôf*, *godôf*, *gr'ibôf*, *l'ekrutôf*, *l'osôf*, *muѣukôf*, *puđôf*, *sarogôf*, *съnôf*, *uc'en'ikôf-to*, *vozôf*, *zubôf* • Пус. G *gr'exôf* 2×, *kozlôf* 2×, *sn'agôf*, *съnôf* $\diamond$ *časôf*, *domôf* 2×, *iz godôf*, *frъntъv'ikôf*, *s kolôf*, *kustôf*, *stalôf*, *vorôf*, *xaxlôf*, *ѣukôf*, *ѣъn'ixôf* • Лека G *Выскôf*, *casôf*, *darôf* 2×, *d'elôf*, ×, *gadôf* 2×, *gr'exôn*, *Kl'ip'ikôf*, *kaldunôf*, *l'esôf*, *s lugôf*, *p'ituxôf*, *platkôf*, *stalôf*, *dl'a stalôf*, *v'erškôf* 2× {и орф. *damôf*, *gadôf*, *papôf*, *stal'erôf*} $\diamond$ *gadôf*, *p'ituxôf*, *trubôf* • Нов. G *č'esôf*, *dvarôf*, *dvarôf*, *ѣadôf* 5×, *kuzafkôf*, *mazъôn*, *muѣukôf*, *snapôf*, *trudôn*, *v'akôf*, *v'akôn* • Hex. G *is' c'v'etôn*, *c'v'atôn* 2×, *č'asôn*, *dvarôn*, *dvarôn*, *ѣadôn*, *ѣarъdôn*, *ѣr'exôn*, *ѣarbôn*, *kъ-laskôn*, *kazlôn* 2×, *luѣôn*, *naѣatkôn*, *p'irayôn*, *phuѣôn*, *sadôn*, *snapôn*, *stalôn*, *stalôn*, *sunôn* 2×, *valôn*, *vъlasôn*, *vazôn*, *valkôn* 2× • Зад. G *d'alôn*, *druѣkôn*, *ѣaradôn*, *at ѣr'axôn*, *ѣr'axôn* 2×, *katlôn*, *l'asôn*, *luѣkôn*, *pastuxôn*, *pavarôn*, *prav'irôn*, *puđôn*, *sl'adôn*, *valôn*, *zubôn*
- *-**ъјъ** m. Пан. m. *bol'nôj*, *bosôj*, *c'v'otnôj*, *gluxôj*, *gr'aznôj*, *os'môj*, *ftorôj*, *jôtkôj*, *kakôj*, *kosôj*, *krupnôj*, *tofkôj*, *l'nanôj*, *l'utôj*, *m'ôdnôj*, *molodôj*, *moxonôj*, *n'omôj*, *pr'ôsnôj*, *pustôj*, *ѣžanôj*, *ropkôj*, *s'omôj*, *sl'opôj*, *strašnôj*, *surovôj*, *sv'atôj*, *son'ôj*, *ѣatkôj*, *ѣostôj*, *t'osnôj*, *tolstôj*, *ustalôj*, *xromôj*, *xudôj*, *zloj*, *ѣarkôj* • Пус. m. *bol'nôj*, *bosôj* $\diamond$ m. *d'ikôj* 3×, *drugôj*, *дѣrogôj*, *gn'ilôj* 2×, *гъlubôj*, *kakôj*, *n'ikakôj*, *mъlodôj* 3×, *нѣomôj*, *vos'môj* 2×, *рѣѣylôj*, *rodnôj*, *rženôj*, *s'edôj* 2×, *sъodôj*, *s'ed'môj* 2×, *slеopôj*, *suxôj*, *ѣostôj*, *ѣastôj*, *takôj* 3×, *ftorôj*, *na vъxodnôj*, *vъxodnôj* • Лека m. *b'elôj*, *blagôj* 3×, *cesnôj*, *daragôj*, *дѣragôj*, *na drugôj* 2×, *kakôj* 2×, *n'iskôj*, *mъladôj* 2×, *сыrôj*, *takôj* 2×, *ftarôj* 2×,

v'ikavój ◇ m. cesnoj, blagój, d'bragój, drugój, gn'edój, kakój, m'elkój, m'esnoj, m'ilój (в песне), prastój, r'ebój, s'l'epój, s'v'etój, syrój, talstój, xlastój • Нов. m. glupój, kakój, kbr'an:ój, n'amój, prastój, tupój pr'itupój, šyrs't'anój, takój 4×, fjarój, z'varnó • Hex. m. krutój, m'ladój 2×, n'emój 2×, nač'nój, p'ič'nój 2×, prastój, ruč'nój, s'adój 3×, s'id'mój 2×, s'l'apój 2×, s'v'atój, š'bstój, v'bs'mój, xvast'fskój, zaľstój, žuvój 2× • Зад. m. daravój 3×, druvój 2×, galubój, maladój (passim), m'ilasl'ivój 2×, m'ilój 6×, radnoj 3×, varanój, xalastój, zloj 2×, zalatój

*-ъмь In Пан. In c'ejkóm, c'er'edóm, gn'ozdóm, p'oškóm, stolóm • Пус. ◇ In ceróm, čajkóm, čyriádóm, d'blotóm, kolóm, kotóm, l'istóm, metróm, m'lokóm, s m'lokóm, peróm, p'estóm, s p'ismóm, rjabróm, rišetóm, r'išatóm, z' s'elóm 2×, z' s'iolóm, s'er'póm, stolóm, p'yt stolóm, v'edróm 2×, vedróm | Adv c'el'ikóm, krugóm (passim), peškóm 3× p'riamkóm, valóm 2× • Лека In сыракóm, p'yt cer'edóm, za Ivanóm, kulakóm, pšenóm, s rukavóm, s'yr'ikóm, stalóm, za stalóm 4×, s v'inóm, xvastóm, za žyn'ixóm, z žyn'ixóm 2× | Adv krugóm 2×, p'ir'edóm 2× ◇ kulakóm; platkóm, z žyn'ixóm, сыракóm, z gus'k'óm | Adv krugóm, p'eškóm • Нов. In z daľóm, z dvaróm, z ž'rbóm 3×, s kalóm 2×, m'lakóm, m'latkóm 2×, mastóm, p'ed mastóm, abuxóm, p'latkóm, p'ym'alóm, pastóm, p'er'it pastóm, z' snapóm, t'paróm, z' xalóm, s'p'aróm, v'edróm, z' v'inóm, žyvatóm | Adv kruyómъ • Hex. In č'ijk'óm, l'is'n'ikóm, br'avnom 2×, gal'skóm, kazlóm, p'yt kr'astóm, pad m'sóm 2×, s p'aróm, p'p'óm, p'ešutóm, rešetóm, z' s'alóm, z' s'elóm, s'arpóm 2×, s'erpóm, z' stalóm, p'yt stalóm, š'bstóm, s' t'aplóm, tr'ebuxóm, uyal'k'óm, v'edróm | Adv b'ayóm 2×, p'eškóm • Зад. In bl'inóm, t'v'etkóm, č'ixaróm, z druškóm, pr'ed krestóm, k'rylóm, kr'ukóm, xr'estóm, p'eróm, p'iravóm, platkóm, p'erstóm, snom, za stalóm 2×, s'erpóm, s tabakóm, umóm, v'atróm, v'inóm 2×, v'inóm-ta, žyvatóm | Adv kruyóm 2×

4.1.1.2. Рефлексы *о в корнях *i*-глаголов

*borniti Пан. 3 Pl borón'at • Hex. 3 Sg barón'it', 1 Pl barón'im 2×

*božiti Пус. ◇ 3 Sg pobóžыc:ъ • Нов. 1 Sg rabóžus' | 2 Sg bóžыs'i

*brođiti Нов. 1 Sg bród'u | 3 Sg bród'it' 2×, 3 Pl bród'ut'

*dojiti Пан. Imp. 2 Sg dój • Пус. ◇ 2 Sg dóiš, 1 Pl dóim, 2 Pl dóit'i | Imp 2 Sg podój • Лека Imp 2 Sg dój ◇ Imp 2 Sg dój

Hex. f. Prt dóila

*doljiti Пус. Ptc Pl D ъbezdól'inyт

*dvojiti Лека ◇ Inf udvójt'

*goditi Пус. ◇ 3 Sg ugód'it

*goniti Пан. 2 Sg gón'is' • Пус. ◇ 2 Sg zagón'is', 3 Sg p'rgón'it', 3 Pl ugón'ut' • Лека 3 Sg gón'it' {и орф. gón'it', dagón'it'} ◇ 3 Pl gón'ut' • Зад. 2 Sg p'agón'is':i, 3 Sg gón'itca, 3 Pl gón'ut' 3×

- ***gorditi** Пус. ◇ Ptc n. *ɣgoróžьныѣ*, Pl *ɣgoróžьны* • Hex. 2 Sg *ɣɣaróð'iš* 2×, *uɣaróð'iš*
- ***gotoviti** Пан. Imp 2 Sg *izgotóft*, 2 Pl *izgotóft'e*, -t'õ • Пус. ◇ 1 Sg *gotóvl'u*×, 3 Pl *gotó-vɣuc:ъ*; Inf *nɣgotón'it'* 3; Prt f. *nɣgotón'ila*, *gotón'ila*, Pl *pr'igotóvil'isjъ* • Лека Imp 2 Pl *gatóftis'*; Inf *gatón'icɣyt'* ◇ Imp 2 Pl *gatóft'is'* • Hex. 2 Sg *pr'ɣatón'iš*, 3 Sg *ɣatón'it'*, 1 Pl *naɣtónim*, Prt f. *ɣɣtón'ila*, Pl *ɣatón'il'i*; Inf *ɣatón'it'* 2× • Зад. 1 Sg *pr'ɣatónvl'u*; Imp 2 Sg *ɣatón'i*
- ***govoriti** Пус. ◇ 1 Sg *govór'u* • Зад. 3 Pl *ɣavór'ut*
- ***grobiti** Пус. ◇ Ptc Pl *ugrób'il'i* • Hex. Inf *uɣrób'it'*
- ***groziti** Пус. ◇ 3 Sg *pogróz'it*
- ***kloniti** Пус. ◇ 3 Sg *naklón'it*, *poklón'ic:ъ*
- ***koltiti** Пан. 2 Sg *kolót'iš* • Лека {орф. 3 Sg *kalót'it'*} ◇ 3 Sg *kalót'it*
- ***končiti** Пус. ◇ 3 Sg *kónč'ic:a*, 1 Pl *kón'č'im*; Prt *kónč'il* 3×, *kónčыл*, f. *kón'čыла* 4×, *zakónčыла*, *kónč'itъs'*, Pl *kón'č'il'i* • Лека Prt m. *kón'čыls'a*, *kónčыls'i* ◇ Prt m. *kónčыls'i* • Hex. 1 Sg *kón'č'u*, 3 Sg *zakón'č'ic:a*, Prt Pl *kón'č'il'is'*
- ***kopiti** Пус. ◇ 3 Sg *kóp'it*, *nakóp'it*, 1 Pl *kóp'im*
- ***kortiti** Пус. ◇ 3 Sg *ukorót'it*
- ***kositi (траву)** Пус. 2 Sg *kós'iš* ◇ 3 Sg *kós'it*, *pokós'ic:ъ*, 3 Pl *kósɣut* • Hex. 2 Sg *kós'iš*, 1 Pl *prakós'im* ⇔ 1 Pl *kós'im* 2×, *pakós'im*
- ***kotiti** Пус. ◇ 3 Sg *okót'ic:ъ* 'рожать котят'
- ***kropiti** Пус. ◇ 3 Sg *króp'it*
- ***lomiti** Пус. ◇ 3 Sg *otlóm'it* • Нов. 2 Sg *n'i atlóm'iš*, 3 sg *lóm'it'*
- ***loviti** Пан. 2 Sg *lón'iš* • Пус. 3 Pl *lón'ut* ◇ 3 Sg *lón'it*, *ne lón'it*, 3 Pl *lónɣut* ⇔ 3 Sg *lón'it*, 3 Pl *lónɣut* • Лека 3 Pl *lón'ut* 3× ◇ 3 Sg *lón'it* • Hex. 2 Sg *lón'iš'*, 3 Sg *lón'it'*, 3 Pl *lón'ut'* 2×
- ***ložiti** Пан. Ptc n. *položono* • Пус. 3 Sg *položыt*, Inf *položыt'* ◇ 1 Sg *n'i otlóžu*, *rozlóžu*, *polóžu*, 2 sg *razlóžыš*, *polóžыš* 2×, *n'i polóžыš*, 3 Sg *polóžыt*, 3 Pl *polóžut*; Inf *polóžыt'*; Imp 2 Sg *otlóš*, *polóš*; Prt m. *polóžыл*, f. *polóžыла* 2×, *polóžыль*, Pl *slóžыл'i*, *vlóžыл'i*; Ptc n. *polóžьнѣ* 5×, f. *slóžына* • Лека 3 Sg *palóža*; Ptc f. *raspalóžына*, n. *vazlóžына* ◇ 1 Sg *palóžu*, *nalóžu*, 3 Sg *palóžъ*, 1 pl *palóžым*, Prt *palóžыль* • Нов. *palóžu* 3×, 3 sg *lóžыt'*, *palóžыt'* 2× • Hex. 2 Sg *lóžыš* 2×, *slóžыuš*, *nalóžыuš*, *ablóžыuš*, *palóžыuš*, *slóžыuš*, 1 Pl *lóžым*, 3 Pl *lóžut'* 2×; Prt Pl *slóžул'i*
- ***močiti** Пус. ◇ 3 Sg *môčыt*, *zamôčыt* • Лека ◇ 3 Sg *môč'it* • Нов. 1 sg. *namôč'u* l 3 sg. *zamôč'it'*, 1 pl., *namôč'im* • Hex. 2 Sg *namôč'iš*, 3 Sg *namôč'it'*
- ***modliti** Пус. ◇ 3 Sg *mól'ic:ъ* • Лека 3 pl. *mól'icut'* 4× ◇ 3 Pl *mól'icut* • Нов. 1 Pl *mól'ims'i* • Зад. 3 Sg *mól'itca*
- ***moltiti** Пан. 2 Sg *molót'iš* • Пус. ◇ 3 Sg *molót'it*, 1 Pl *molót'im* • Hex. 3 Pl *malót'ut'* 2×, *malót'ut-ta*
- ***moriti** Пус. ◇ 2 Sg *zamór'is'i* • Hex. 1 Pl *mór'im*

- ***morziti** Пус. $\diamond$ 2 Sg *mъmorôz'is*; Ptc In s *morôžылымъ* • Нов. Prt Pl *marôz'il'i* • Hex. 1 Sg *zъmarôz'u*, Prt f. *zъmarôz'ilъ*; Prt m. *marôžълъj*
- ***motriti** (вторичная основа *-ѣти) Пан. 2 Sg *smôtr'is*, 3 Pl *smôtr'ât* • Пус. $\diamond$ 2 Sg *ne smôtr'is*, 3 Sg *smôtr'it* • Hex. 3 Pl *smôtr'ыt'*
- ***ниѣтоžiti** Пус. $\diamond$ Prt Pl *ин'иѣтоžыл'i* • Hex. Prt Pl *раwn'иѣ'тоžул'i*
- ***norviti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *norôv'ic:ъ* 'медлить, лениться'
- ***nositi** Пан. 2 Pl *nôs'is* • Пус. $\diamond$ 1 Sg *nôšu*, *donôšu*; Prt f. *nôs'ila* | 3 Sg *nôs'it*, *pr'inôs'it*, *otnôs'ic:ъ*, 1 Pl *nôs'im*, 3 Pl *nôs'jat*; Ptc f. *nôšълъ* • Лека 3 Sg *pr'inôs'it*, 3 Pl *pr'inôs'ut*, *padnôs'ut* $\diamond$ 3 Sg *nôs'it*, 3 Pl *padnôs'ut* • Hex. 3 Sg *ъnôs'ic:ъ* $\Leftrightarrow$ 2 Pl *nôs'it'e* • Зад. 3 Sg *nôs'a*, *vaznôs'itca*
- ***pojiti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *pôit* | Imp 2 Sg *napôj* • Лека 3 Pl *pôjat* {орф.?)
- ***poriti** (съ-) Пус. Prt *spôr'il'i* $\Leftrightarrow$ $\diamond$ Prt Pl *spôr'il'i*
- ***pročiti** Лека $\diamond$ Inf *prôč'it'* • Зад. Prt m. *n'a prôč'il*
- ***prošiti** Пан. 2 Sg *prôs'is*, 3 Sg *prôs'it* • Пус. $\diamond$ 1 Sg *sprôšu* | 3 sg *prôs'it* 2 $\times$, *sprôs'it*, 3 Pl *prôs'ut* • Лека 1 Sg *n'e prôs'u*, 3 Sg *prôs'it*, 1 Pl *uprôs'im*, 3 Pl *prôs'ut* 5 $\times$ $\diamond$ 1 Sg *n'e prôs'u*, 3 Pl *prôs'ut*, *n'e prôs'u*, 1 Pl *uprôs'im* • Зад. 3 Sg *prôs'a*, *prôs'itca*
- ***prostiti** Пус. $\diamond$ Prt m. *prôst'il*, Pl *prôst'il'i*
- ***roditi** Пус. $\diamond$ Prt m. *ród'il*, Pl *ród'il'i* 3 $\times$ • Лека Prt f. *parôd'ila*, Pl *parôd'il'i* $\diamond$ Prt f. *parôd'ilъ*, Pl *parôd'il'i* • Зад. Prt n. *parôd'ila*, f. *parôd'ila*
- ***roniti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *obrôn'it*, *urôn'it* • Hex. 2 Sg *vrôn'is*
- ***skobliti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *skôbl'it*, 1 Pl *naskôbl'im*, 3 Pl *naskôbl'ut*, *opskôbljut* • Hex. 2 Sg *paskôbl'is*
- ***skočiti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *soskôčыt*
- ***sloniti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *pr'islôn'ic:ъ* • Нов. 3 sg *pr'islôn'ic:ъ*
- ***smoliti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *smôl'it*
- ***sobiti** Пус. $\diamond$ 3 Pl *posôbjat*
- ***sočiti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *sôčыc:ъ*
- ***soliti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *sôl'it* • Hex. 2 Sg *sôl'is*, *pasôl'is* $\Leftrightarrow$ 3 Sg *sôl'it'*, 3 Pl *sôl'ut'* 2 $\times$
- ***soriti** (*съ-) Лека Imp 2 Pl *n'e s:ôr't'is'a* $\diamond$ Imp 2 Pl *n'e s:ôr't'is'ъ*
- ***stanoviti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *ъstanôv'ic:ъ*, 1 Pl *въstonôv'im* • Hex. 2 Pl *ъstanôv'it'is'*
- ***storniti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *рьstôrôn'ic:ъ*
- ***stojiti** Пан. 3 Sg *n'e stôit* • Пус. $\diamond$ 3 Sg *stôit* 4 $\times$, *ne stôit*, 3 Pl *ne stôjut*
- ***strojiti** Пан. Inf *strôit'* • Пус. $\diamond$ 2 Sg *strôiš*, 3 Pl *strôjut* 3 $\times$, *strôjыt*, Prt m. *strôil* 2 $\times$, *nastrôil*, *ustrôils'i*, f. *postrôila*, *rostrôila*, *rostrôjылъs'*, *ustrôйлъs'*, *nastrôila* Pl *strôil'i* 3 $\times$, *strôil'is'*, *nastrôil'i* 3 $\times$, *ръstrôil'i*, *pr'istrôil'i*, *p'irestrôil'is'a*, *ръzotrôil'i*; Ger *strôja*; Ptc f. *oistrôina* • Лека Prt f. *pastrôila*; Ptc f. *pastrôina* 2 $\times$ {и орф. 3 Sg *strôicыt'*; Ptc f. *ustrôina*} • Hex. 3 Pl *strôjat'* • Зад. Prt m. *strôils'a*; Inf. *strôit'*

- ***točiti** Пус. ◇ 3 Pl *tôčut*
- ***tomiti** Пус. ◇ 3 Sg *p'iretôm'ic:ъ, potôm'it, utôm'ic:ъ* • Hex. 1 Pl *pъtôm'im*
- ***topiti (в воде)** Пус. ◇ 3 Sg *tôp'it, 1 Pl tôp'im, 3 Pl tôpjat*
- ***topiti (печку, воск)** Пан. 2 Sg *tôp'isъ, 3 Pl tôp'at* • Пус. ◇ 3 Sg *tôp'it, 1 Pl tôp'im, 3 Pl tôpjat, tôp'ut* • Лека 3 Pl *tôp'ut 2×* {и орф. 3 Sg *istôp'icыt'*} ◇ 3 Sg *istôp'icыt'*, 3 Pl *tôp'ut* • Нов. 1 sg. *tôp'u* | 3 sg. *istôp'it' 2×* • Hex. 2 Sg *tôp'isъ 3×*
- ***toropiti** Hex. 3 Sg *tarôp'ic:ъ*
- ***tvoriti** Пус. ◇ 3 Sg *natvôr'it*
- ***voditi** Пус. ◇ 1 Sg *vôžu* | 3 Sg *vôd'it* • Лека 3 Sg *vôd'icыt', pravôd'itcыt' 2×* • Зад. 3 Pl *vôd'ut'*
- ***volčiti** Пус. ◇ 1 Sg *volôču* | 3 Sg *volôčыt* • Нов. 1 Sg *valôč'u* | 1 Pl *valôč'im, 3 Pl valôč'ut'* • Зад. 3 Sg *valôč'itca*
- ***voljiti** Пус. ◇ Prt f. *pozvôl'ila* • Зад. Imp *razvôl', izvôl'*
- ***voriti** Пус. ◇ 3 Sg *otvôr'it*
- ***voršiti** Пус. ◇ 3 Sg *pъvorôšыt*
- ***vortiti** Лека 3 Pl *pъvarôt'ut* ◇ 3 Pl *pъvarôt'ut* • Зад. 3 Sg *varôt'itca 2×*
- ***voziti** Пан. 2 Sg *vôz'isъ* • Пус. ◇ 1 Sg *vôžu*, Prt m. *vôz'it* | 3 Sg *vôz'it 2×, 3 Pl vôžjut 3×, vôz'ut, pr'ivôžjut* • Лека 3 pl *pr'ivôz'ut 2×, vыvôz'ut* ◇ 3 Pl *vôz'ut* • Нов. 3 Pl *vôz'ut'* • Hex. 3 Pl *pr'ivôz'ut'*
- ***xoditi** Пан. 2 Sg *xôd'isъ, 3 Pl xôd'at* • Пус. 2 Sg *zaxôd'isъ, sxôd'isъ, 3 Sg potxôd'it, fxôd'it, p'er'exôd'it, proxôd'it 2×, vыxôd'it, 1 Pl potxôd'im* ◇ 1 Sg *xôžu, ne xôžu, potxôžu, vыxôžu* | 2 Sg *proxôd'isъ, xôd'isъ 2×, 3 Sg xôd'it 2×, sxôd'it, fxôd'it, potxôd'it (passim), proxôd'it, 1 Pl xôd'im, pr'ixôd'im (passim), 3 Pl otxôdјut, proxôdјut* • Лека Лека 3 Sg *xôd'a 3×, n'e xôd'a 4×, n'i vыxôd'a, pr'ixôd'it 2×, uxôd'it 2×, patxôd'it 3×, fxôd'it 2×, zaxôd'it, vыxôd'it 3×, naxôd'icыt' 2×, zaxôd'it, 2 Sg n'e xôd'isъ, 3 Pl uxôd'ut, vыxôd'ut 3×, pr'ixôd'ut 3×, apxôd'ut 2×, vыxôd'ut 2×, n'e fxôd'ut, pъtxôd'ut, naxôd'ut, uxôd'ut, naxôd'icut', pr'ixôd'icut', uxôd'ut, xúd'ut [sic], n'e xôd'ut* {и орф. 3 Pl *vыxôd'ut, patxôd'ut, zaxôd'ut, pr'ixôd'icыt', uxôd'ut*} ◇ 3 Sg *n'e xôd'ъ, fxôd'it, 1 Pl xôd'im, 3 Pl xôd'ut, uxôd'ut* • Нов. 1 Sg *xôžu* | 2 Sg *zaxôd'isъ, xôd'isъ, pr'ixôd'isъ, 3 Sg xôd'it 2×, praxôd'it', 1 Pl xôd'im 2×, pr'ixôd'im, 3 Pl xôd'ut* • Hex. 1 Sg *xôd'u, 3 Sg xôd'it', atxôd'it', praxôd'it' 2×, 3 Pl pr'ixôd'ut', vxôd'ut'* • Зад. 3 Sg *xôd'a (passim), uxôd'a (*vъ-), pr'ixôd'a, 3 Pl xôd'ut'*
- ***xoliti** Лека ◇ Inf *xól'it'*, 3 Sg *xól'ъ*
- ***xorniti** Пан. 2 Sg *poxorôn'isъ, 3 Pl poxorôn'ât* • Пус. ◇ 3 Sg *xorôn'ic:a, sxorôn'ic:ъ, 1 Pl xorôn'ims'i, 3 Pl xorônјut, pъxorônјut, sxorônјut*; Ptc m. *sxorôn'inыj, f. sxorôn'ina 2×, sxorôn'ены* • Лека 3 Sg *karôn'icыt'* ◇ 3 Sg *karôn'icыt'*
- ***znakomiti** Пус. ◇ Inf *znakôm'ic:ъ*; Prt m. *pъznakôm'ils'i, f. pъznakôm'itъs', Pl pъznakôm'il'is' 3×*; Imp 2 Sg *pъznakôm'*

- ***zobotiti** Пан. 3 Sg *zabôt'its'õ* • Пус. $\diamond$ Prt f. *zobôt'ilas'e*, Inf *zabôt'ic:ъ* • Лека Imp 2 Pl *n'i zabôt':is'* $\diamond$ Imp 2 Pl *n'i zabôt':is'*
- ***zvóniti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *pozvôn'it*, 1 Pl *pozvôn'im*, 3 Pl *pozvôn'ut*, *zvônjut* • Нех. 3 Pl *zvón'ut'* • Зад. 3 Sg *n'e zvón'a*

4.1.1.3. Рефлексы *о (кроме корней *i*-глаголов) и *ъ в корнях, префиксах и суффиксах

- ***avose** Зад. *avôs' 2x*
- ***bagъrъ** Пус. $\diamond$ *bagór* • Нех. *bayór*
- ***blъška** Лека $\diamond$ *blôška*
- ***blъxa** Пус. $\diamond$ Pl *blóx'i*, G *blox* • Нех. Pl *blóx'i 2x*, G *blóx*
- ***bobrikъ** Пан. *bôbr'ik* $\leftrightarrow$ *bóbr'ik*
- ***bobъ** Пан. *bop* • Пус. *bôp 2x* $\leftrightarrow$ *bop 2x* $\diamond$ *bôp* $\leftrightarrow$ *bop* • Нех. *bôp 6x*, G *bôbu*
- ***-boъ** Нех. Adv *adbôc'*
- ***bogov=** Зад. f. *bôgova*
- ***boxъ** Пан. *box*, D *bôyu*, In *bôyom 2x* (с «церковным» γ) • Пус. *box* $\diamond$ *box* (passim), *bôx-тъ*, G *bôya*, *rád'i bôya*, D *bôyu*, In *z bôyъm* (с «церковным» γ) • Лека *bó-znat'*, *box 7x*, G *bôya*, *u bôya*, D *bôyu 5x* $\diamond$ *box*, G *bôyъ*, D *bôyu* • Нов. *box 5x*, G *kul bôyu*, *rád'ï bôyъ*, In *z bôyam* • Нех. *box 4x*, G *bôyъ*, D *bôyu*, In *z bôyam 2x*, Pl *bôy'i 2x* • Зад. *box 6x*, G *bôya 3x*, D *bôyu 7x*, In *bôyam*, Voc *bôzy 4x*, *bôže*
- ***-bog=** Пус. $\diamond$ m. *ubôyъj 4x*, f. *ubôya* (с «церковным» γ) • Зад. m. *ubôyaj 3x*, G *ubôyava 2x*
- ***bojati** Пан. Imp 2 Sg *n'e bôjs'õ*, 2 Pl *n'e bôjt'ôs', -t'es'* • Пус. $\diamond$ Imp 2 Sg *bôjs'a*, *bôjs'i*, 2 Pl *bôjt'is'i*, *n'e bôjt'is'* | Part *nebôs'* • Лека Imp 2 Sg *n'e bôjs'i* | Part *n'ebôs'* $\diamond$ Imp *n'e bôs'*, *bôjs'i* • Нех. Imp 2 Sg *n'i bôjs'a*
- ***bojъ** Пан. *boj* • Пус. *bôj 2x* $\diamond$ *bôj*, A ν *bôj*, G *bôjъ* • Лека A *na bôj*, G *bôju* $\diamond$ *bôj*, A *na bôj*, G *pôs'l'i bôju* • Нов. *bôj 2x*, G *iz bôja* • Нех. *bôj 2x*
- ***-bojъ** Пан. Pl *obôji*, G *obôjof*
- ***bojъk=** Пус. $\diamond$ m. *n'e bôjk'ij*, Pl *bôjk'ije* • Лека Adv *bôjk'a* {орф.??}
- ***bojъna** Пан. *bôjna* 'бойня'
- ***-bojъnikъ, -ica** Лека *razbôjn'ik*, G *razbôjn'ika 2x*, In *razbôjn'ikam* | {и орф. Pl *razbôjn'icy*} $\diamond$ *razbôjn'ik* • Зад. Pl *razbôjn'ik'i* | D *razbôjn'ic'k'u*, Pl *razbôjničъk'i*
- ***bokъ** Пан. *bok* • Пус. *bok 5x* $\diamond$ *bok*, G *bóka*, Num *bóka* • Лека G *bóka* $\diamond$ *bok* • Нов. *bok 4x*, In *bókъm* • Нех. *bok 12x*, G *bóka*, Adv *zbóku 2x*, In *bókam*, Pl *bók'i*
- ***bolje, *boljъš=** Пан. Comp *ból'e*, *ból'šъ* • Пус. Comp *ból'se 2x* $\diamond$ *ból'sы* (passim), *ból'se 2x*, *ból'šъ*, *ból's':i*, *ból's'i 2x* $\leftrightarrow$ *ból'ije*, *ból'e* • Лека Comp *ból'sы 5x*, *ból'i 2x* | и орф. *ból'sы*} $\diamond$ *ból'sы* • Нов. Comp *ból'sы 3x* • Нех. Comp *ból'se 2x*, *ból'su 4x* • Зад. Comp *ból'se*

- ***boltina** Пус. ◇ L *na bolôt'n'i*
- ***boltist**= Лека f. *balôt'istaja*
- ***bolto** Пан. *bolôto*, L v *bolôt'e* 2× ● Пус. ◇ *bolôtъ* 2×, G z *bolôtъ-тъ*, D g *bolôtu* 2×, In *bolôtъm*, L v *bolôt'i* 3×, Pl *bolôta* 4×, нь *bolôta* 2× ● Лека G iz *balôta* ● Нов. *balôtъ* 3× ● Нех. *balôtъ* ● Зад. D Pl *pa balôtam*
- ***bolg**= Пан. Adv *bóloz'e*
- ***bolъ** Пан. *bol'* ● Пус. *bol'* ● Нов. *bol'* 3×
- ***bolъn**= Пан. Adv *ból'n'e ból'n'o*, - n'ö ● Пус. ◇ Adv *ne ból'нъ* 2×, *ból'нъ* (passim), *n'i ból'нъ*, *ne ból'нъ* ⇔ *ból'но* 2× ● Лека Adv *ból'na* ◇ *ból'нъ* ● Нех. *ból'нъ* ● Зад. m. *ból'an* 3×, A f. *ból'nuju*; Adv *ból'na zabal'ěl*, *bal'it' ból'na*
- ***borda** Пан. A *bórodu* ● Пус. I G Pl *borôt* ◇ A *bórъdu*, Pl *bórъды* I G Pl *borôt* ● Лека A *za bóradu* 2× ◇ A *bórъdu* ● Нех. I G Pl *barôt* ● Зад. A *bóradu* 3×
- ***borďka** Пус. *borôtкъ* 2× ● Лека I *barôduška* ◇ *barôduškъ* ● Нех. *barôtka*
- ***borna** Пус. A *bórъnu* I G Pl *borôn* ◇ Pl *bórъны* I G Pl *borôn* ● Нех. I G Pl *barôn*
- ***bornъka** Нех. I Pl *barônъč'k'i*
- ***borti** Лека Prt f. *rybarôla* 2×; Inf *rybarôc:ы* ◇ Inf *rъbarôc:ы* ● Нех. 3 Sg *p'er'ibôr'it'*
- ***borъv** 'горизонтальная часть дымохода' Пус. ◇ *bórъf* 2×, G *bórъvъ*, *bez bórъva* ● Лека ◇ *bórъf* ● Нов. *bórъf*
- ***borъv** 'кастрированный кабан' Пус. *bórъf* 3× ◇ *bórъf* 3×, G *bórъvъ* ● Нов. *bóraf*, *bórъf*, Num *bórъvъ*
- ***borzda** Пус. A *bórъzdu* ◇ Pl *bórъzды* I G Pl *borôs*
- ***borzďka** Нех. I G Pl *barôzďč'ek* 2×
- ***borъ** (лес) Пан. *bor* ● Пус. *bor* 4× ◇ *bor*, G iz *bóra* ● Лека ◇ *bor* ● Нов. *bor* 2×
- ***-borъ** Пан. *p'er'ebôr* ● Пус. ◇ G *ubôru* 'украшение, убранство'; *zabôr* I *zabôrč'ik* ● Нех. *zabôr* 3×
- ***-borъka** Нов. A *zbôrku* ● Нех. I *ubôrč'ica*
- ***bos**= Пан. m. *bos* ● Пус. m. *bos* ◇ m. *bos*, Pl *bôsы* ● Лека ◇ m. *bos*
- ***bosti** Пан. Prt *probów*
- ***božъj**= Пус. ◇ f. *Bóžja mât'ir'* ● Лека m. G *bóžja*, D *bóžju* ● Зад. m. *bóžъj*, D *bóžju*, In *bóžъjъm*; f. *bóžъja*, *bóžja*
- ***-božъn**= Нех. m. *b'ézbožъnaj*, *b'izbožъnaj* 2×
- ***broď** Пан. *brot* ● Пус. *brot* 2×, A v *brôt* 2× ◇ *brot*, G *brôda* ● Нов. *brot* 2×, w *bród da*, *bród da* ● Нех. *brot*, A u *brôt*, v *brot*, G *brôď*
- ***brъsiti** Пус. ◇ 1 Sg *brôšu* 2×, *zbrôšus'a*, 2 Sg *brôs'isъ*, 3 Sg *brôs'it*; Prt m. *brôs'il* 5×, f. *brôs'ila* 3×, Pl *brôs'il'i* 2×; Ptc n. *brôsъnъ*, Imp *brôs'* ● Лека Prt *n'e brôs'il*; *na brôs'ils'i*, Pl *brôs'il'i*, *brôs'il'is'*; Imp *brôs't'e* ◇ Inf *brôs'it*, *zabrôs'it*; Prt *brôs'il*, *n'e brôs'il*, *nabrôs'ils'i*; Imp Pl 2 *brôs't'i* ● Нов. 1 Sg *brôs'u* 3× I 3 Sg *brôs'it*, 1 Pl

- brós'im*, Prt f. *brós'ela*, Pl *zabrós'il'i* • Hex. 1 Sg *brós'u*, 3 Pl *brós'ut'*, Inf *brós'it'* • Зад. 1 Sg *bróšu*; Prt m. *brós'il 5×*, f. *brós'ilas'*
- ***brъvъ**= Зад. m. *č'ernabrónvaj*, f. *č'ernabrónva* 3×, In *č'ernabrónvaju*
- ***brъvъ** Пан. *brof*, Pl *brón'i* • Лека Pl *brón'i* ◇ Pl *brón'i* • Нов. w *bróf'*, In *brón'ju* • Hex. *bron*, G *brón'i*, In *nad brónju* • Зад. Pl *brón'i 2×*
- ***bugъгъ, -огъ** Лека ◇ *bugór* • Нов. *bugór*
- ***бъцька** Пан. *bóc'ka* • Лека ◇ A *na bócku* • Hex. *bóc'ka 2×*
- ***бъдрити** Зад. Ptc f. *bódr'en:a*
- ***бърlogа, -ъ** Нов. L v *b'arlóг'e*, v *b'arlóг'i* • Hex. *b'erlóгa 2×*, *b'arlóгъ*, L v *b'arlóг'i*
- ***čegokati** Лека ◇ 3 Sg *cavókъt*
- ***čexъль** Нов. *č'axól*
- ***čълпъ** Нов. *č'alón*, *č'el-lón*
- ***čъrtogъ** Зад. *č'ertóг*
- ***čъто** Пан. *ščo*, *što* • Пус. *što 2×* ◇ *što* (passim), *n'istó*, *štoj*, *štoj-tъ*, *što l'*, *štoбы* (passim) ⇔ *n'izá štó* • Лека *štó ža 2×*, *što*, *š':o* (passim) ⇔ *na š':ó 2×* ◇ *š':o*, *š'o*, *š':op*; *štó žъ* ⇔ *na š':ó*, *za š':ó* • Нов. *što* • Hex. *š'to*, *što 2×*, *šo 2×*; *šój-tъ* • Зад. *što 2×*, *štó* (passim), *štó ža 2×*, *što žъ*, *štó l'i*, *štó b 4×*, *štó by*, *pra štó* ⇔ *za štó*, *na štó 8×*, *n'i na štó*, *na štó žъ*, *paštó*
- ***delbto** Пус. ◇ Pl *dolóты*
- ***devenosъto** Пан. *d'ev'anósto* | m. *d'ev'anóstoј* • Пус. ◇ *dev'anóstъ*, *dev'anósta*, G *dъ d'ivjanóstъ* • Зад. *dev'anósta*
- ***do** Пус. ◇ *dó s'ix pôr 2×*; *dó pъlu* • Лека G *dó sýt'i 2×*, *dó sýtа*, *dó sm'ert'i*, *dó sm'irt'i* ◇ *G dó s'm'ir't'i*; *dó mъzgu* • Нов. G *dó nъč'i*
- ***do-** (проверб) Лека ◇ *dóрълъ*, *dóбыл*
- ***do-** (приставка существительных) Зад. Adv *udóval' 2×*
- ***dobr**= Пан. m. *dôp*; *dôbroј*, n. *dôbroјo*, -je, f. *dôbraja*, G *u dôbrъјo*, Pl *dôbrъјa* ⇔ G *dôbrova* • Пус. ◇ m. *dôbrъј*, *dôp*; Pl *dôbrъјe* • Лека m. *dôbrъј 2×*, *dôbraј 2×*, G *u dôbrъјa*, D *dôbratu*, Pl. *dôbrъ*, *dôbrъјa 3×*, L *pr'i dôbrъx-t'i*, *u dôbrъx* {и орф. m. *dôbraј*, G *dôbrъјa*} ◇ *dôbrъј*, G *u dôbrънъ*, f. *dôbrъјъ* • Нов. m. *dôbrъј*, *dôbraј*, *dôbraј 2×* • Зад. m. *dôbraј*
- ***-dobъn-** Пус. Adv *n'itudôbnъ*, *n'itudôbna* • Нов. G *radôbnъa* • Hex. Adv *n'ivdôbna*, *n'itudôbna*
- ***doјъka** Нов. G *z dôјk'i-tъ* 'сосок вымени'
- ***dolja** Пус. *dól'a 2×* ◇ *dól'ъ* • Лека A *na dól'u 2×* ◇ *dól'ъ* • Hex. *dól'a* • Зад. A *dól'u 5×*, G *b'ez dól'i*
- ***dolnъ** Лека In *ladón'ju* | Pl {и орф. *ladóšъ*} ◇ *ladón'*, In *ladón'ju* | A Pl v *ladóš'k'i* • Нов. *ladón' 3×*, L *nъ ladón'i* • Hex. *ladón' 2×*, L *nъ ladón'i*

- *-**dolъje** Зад. L *razdól'ji*
- ***doma** (наречие) Пус. Adv *dóma* ◇ Adv *dóma* (passim) ● Лека Adv *dóma* 3× ◇ Adv *dómъ* ● Нов. Adv *dómъ* 9×, *dómъ*, *dóma* ● Hex. Adv *dóma* 5× ● Зад. Adv *dóma* 6×
- ***domikъ** Пус. ◇ *dóm'ik* (passim), *dóm'ikъ-t*
- ***domъ** Пан. *dom*, G *dómu*, D *dómu*, In *dótom*, L *dóm'e* ● Пус. ◇ *dom* (passim), *dómъ-t*, *dóm-to*, G *dóma* (passim), *iz dóma*, *do dóma*, D *dómu*, g *dómu*, g *dómu-tъ*, L *dóm'i* (passim), *dóm'i-tъ* ● Лека *dom* 8×, A v *dom* 3×, G *dóma* 2×, *dómu*, L v *dóm'i*, Num *dóma* ◇ *dom*, L v *dóm'i* ● Нов. *dom* 5×, *dómъ*, G *iz dóma*, In *za dómъm* 2× ● Hex. *dom* 4×, L v *dóm'e* ● Зад. *dom* 5×, D g *dómu*, L w *dóm'i*, u *dóm'i*
- ***dorgъ** Пус. ◇ m. *dórъk*, n. *dórъgъ*
- ***dorga** Пан. *дорóga*, G *дорóг'и*, In *дорóгоj*, G Pl *дорóк* ● Пус. ◇ *дорóga*, A *дорóгу* (passim), *ръd дорóгу*, G *дорóг'и*, *рълдорóг'и*, D *ръ дорóг'и*, g *дорóг'и*, In *дорóгъj*, L *дорóг'и*, Pl *ръл дорóг'и*, G *izza дорóк*, *дорóк* ● Лека *дарóga* 2×, A *дарóгу* 3×, *na дарóгу*, v *дарóгу*, G *дарóг'и*, D *ръ дарóг'и*, In *дарóгыju* 3×, L *дарóг'и* 2×, Num *дарóг'и* {и орф. A *дарóгу*} ◇ D g *дарóг'и*, L *нъ дарóг'и* ● Нов. *дарóгъ*, G *дарóг'и* 2×, In *дарóгъj*, L *дарóг'и* 2× ● Hex. *дарóга* 2×, A *дарóгу*, L *нъ дарóг'и*
- ***доръje** Пус. ◇ Comp *дорóžы* 2×, *дорóžъ*, *рълдорóžы*
- ***доръзка** Пан. *дорóшка* ● Пус. *дорóškъ* ◇ Pl *дорóšk'и* 2× ● Лека *дарóшка* || A *дорóžын'k'u* ◇ A *дарóžын'k'u* ● Hex. *дарóшка*, A *дърóшку*, Pl *дарóšk'и* ● Зад. *дарóшка*, D *pa дарóšk'и*, In *дарóškaj*, *дарóškaju*, L *дарóšk'и*, Pl *дарóšk'и* || A *дарóžын'k'u* 2×
- *-**доръжникъ** Пус. ◇ *ръл:орóžн'ик* 'подорожник' ● Hex. *ръл:арóžн'ик*, *pad:арóžн'ик*
- *-**доръ** Пан. *vzdôr* ● Лека ◇ *zdôr* 'раздор; вырезанное из мясной туши сало'
- ***дуброва** Зад. *dubrôva*
- ***dropъ** Пан. *drop* ● Лека ◇ *drop'* ● Нов. *drop'* 2× ● Hex. *drop*, In *дрóбju* 2×
- ***drostъ** Пус. *drost* ◇ *drost* ● Лека ◇ *drost* ● Нов. *drost* 3×
- ***дрóžи** Пан. Pl *дрóžъjы* ● Пус. ◇ Pl *дрóž':и* ● Лека ◇ Pl *дрóž':и* ● Hex. Pl *дрóž':и* 3×
- ***drugorędъ** Лека ◇ *drugór'et'*
- ***дръgnoti** Hex. Prt m. *рълдрóх* 2×
- ***дръvo** Пан. G Pl *дрof* ● Пус. ◇ G Pl *дрof* (passim) ● Лека ◇ G Pl *дрof* ● Нов. G Pl *дрow* 2×, *дрof* ● Hex. G Pl *дрow*, *iz дрów* 2×
- ***дръžъ** Нов. *droš*
- ***двоje** Пан. *двójo* ● Пус. ◇ *двóje* (passim), *двóje-tъ* ● Лека Adv *вдвója* 3× ◇ *двóжъ*, *вдвóжъ* ● Нов. *двóji*, *двója* ● Hex. *двóжъ*, *двója* ● Зад. *двója*
- ***двоjъka** Пан. *двójka* ● Лека ◇ *двójk'ъ*
- ***двоjъnja** Hex. *двójn'a* 2×
- ***дворъ** Пан. *двór* ● Пус. *двór* 4× ◇ *двór* ● Лека *двór*, *va двór*, *na двór* {и орф. *na двór*, *za двór*} ● Нов. *двór* 3×

Hex. *dvôr* 2× • Зад. *dvôr*, A *na dvôr* 3×

*-**dvorъka** Пус. ◊ A *na zadvôrku*

***dvorъnikъ** Пан. *dvórniĭk*

***dvorъnja** Лека ◊ *dvôr'n'ъ*

***дѣкти** Пан. *doc'*, A *dóc'er'*, L f *dóc'er'e*, In *dóc'er'ej*, Pl *dóc'er'i* • Пус. ◊ *doč'*, *doč'* (passim), G u *dóc'ir'i* 4×, D *dóc'ir'i* 3×, g *dóc'ir'i*, In z *dóc'ir'ju* 2×, Pl *dóc'ir'i*, Num *dóc'ir'i* 2× • Лека *doc* 10× ◊ *doc*, G u *dócer'i* • Нов. *dóc'ŭ*, *dóc' 5×*, A *dóc'er'u*, D *dóc'er'i* 2×, γ *dóc'er'i*, Num *dóc'er'i* • Hex. *doč'*, D g *dóc'er'i* 2× || *dóc'ja* 2× • Зад. *doč' 3×*, A *dóc'er'*

***дѣктыка** Пан. *dóc'k'a* • Пус. ◊ *dóc'ka* 2×, A *dóčku* • Лека | A *dóc'in'k'u* • Нов. D γ *dóc'k'i* • Hex. *dóc'ka* 2×, *dóc'kъ* • Зад. *dóc'k'a* 8×, A *dóc'k'u*, za *dóc'k'u*, In *dóc'k'u*, *dóc'k'ej*, Num *dóc'k'i*

***дѣлгъ** Пус. *dolk* 4× ◊ *dolk*, G *dólga* • Лека In *dólgam* 2× • Нов. *dolx* 3× • Hex. *dolx* 2

***дѣлје**, ***дѣлјѣѣ**= Пан. Comp *dól'e* • Пус. Comp *dól'se* • Лека Comp *padól'šy* ◊ *padól'šy* • Hex. Comp *dól'su*

*-**дѣлјъ** Нов. Adv *vdol'* 2× • Hex. *vdol'* • Зад. Adv *wdol'* 3×

***дѣлѣн**= Пус. *dólžъn* 2× ◊ m. *dólžъn* 2× • Лека m. *dólžын* 3×, *dólžen* ◊ m. *dólžын* •

***дѣньсе** Нов. L v *dóncu* • Зад. *dónca* f., A *dóncu*

*-**дѣньје** G s *adón'ja* ◊ G s *adón'jъ*

*-**дѣньн**= Hex. m. b'izdón:uj, b'izdón:aj

***дѣхнѣти** Пус. ◊ Prt m. *podóx* 2×, f. *podóxla* • Нов. 1 Sg n'i *padóxnu*, 3 Pl *dóxnut'*

***дѣхоръ** Пус. *xor' 3×* ◊ *xor'* • Hex. *xor' 6×*, G *xór'a*

***дѣздјикъ** Пус. ◊ *dóž':ik* 2× • Лека In *dóž':ykat* • Нов. *dóž':ik* 3×, *dóžž':ik* • Зад. | *dóž':ыč'ik*

***дѣздјъ** Пан. *doš* • Пус. *doš't' 4×*, *doš':* ◊ *doš'* • Лека ◊ *doš'* • Нов. *doš':*, *doš* • Hex. *doš': 6×*

***дѣлг**= Пан. m. *dólok* • Пус. Adv *dólгъ* ◊ Adv *dólгъ* (passim) • Лека f. *dólga*; Adv *dólga* 5× ◊ Adv *dólгъ* • Нов. Adv *dólгъ* 2× • Hex. Adv *dólга* 4×, *dólгъ* 3×, m. *dólгаj*, *dólгuj*, f. *dólгаа*, *dólгaja* | Adv *dólг'in'k'ъ* • Зад. A *dólга*, n'e *dólга* 3×, n' *enadólга*

***дѣска** Пан. G Pl *dostók* • Пус. ◊ A *dósku*, Pl *dósk'i* | G Pl *dosók* • Лека Pl *dósk'i* • Нов. Pl A *dósk'ŭ* • Hex. *dóska* 3×, Pl *dósk'i* 4×, G *dóstak*, iz *dóstak* • Зад. | D pa *dóstač'k'i*

***еsenъ** Пус. ◊ G do *ós'in'i* 3×, In Adv *ós'in'ju* 3× • Нов. A v *ós'en' 2×* • Hex. *ós'en' 3×*, Inf *ós'in'ju*

***езеро** Пус. ◊ *óz'ira*, *óz'irъ* • Лека *óz'ira* 2×, G *óz'ira* 2×, iz-za *óz'ira*, iz *óz'ira*, u *óz'ira*, D k *óz'iru*, *óz'iru*, L v *óz'ir'i* ◊ *óz'irъ*, D *óz'iru* • Hex. *óz'era* 3×, *óz'ira*

***glodati** Пан. 2 Sg *glóžoš* | Ptc *oglóđano* • Лека ◊ 1 Sg *glóžu*, 3 Pl *glóžut*

***glъtiti** Пус. ◊ 3 Sg *proglót'it*

- ***glъtъ**, ***-glъtъ** Зад. *γlot* | *dubaylôt* 2×
- ***glъtъka** Пус. ◊ *glôtka* 2× • Лека | А *glôtysku*
- ***glъxпoтi** Пус. ◊ Prt n. *zaglôxъ* • Лека ◊ Sg 2 *aglôxn 'is*
- ***gnojъ** Пус. *gnoj* 3× ◊ *gnoj*, G *gnôjъ* ↔ *gnôj*, G *gnôjъ* • Нов. *γnoj* 4× • Hex. *γnoj* 2×, G *γnôja*
- ***gnojъn**= Нов. m. *γnôjnyj* • Hex. Pl *γnôjny*
- ***-goda** Пус. ◊ *rogôda*, A *rogôdu* ‘ненастье’ • Нов. *paγôdъ* • Hex. *paγôda* 3×, A *paγôdu* • Зад. *paγôda*
- ***godikъ** Пус. ◊ *gôd'ik* • Нов. G *γôd'ikъ*
- ***godjъ**; ***-godjъ**= Пан. n. *gôžajū*, f. *gôžajū* • Пус. ◊ m. *gôžыj*, *gôš*, f. *gôžъ*, Adv *gôžъ*, *gôš*, *gôže* 2× • Лека ◊ Adv *gôžъ* | f. *pr'igôžaja* 2× ◊ f. *pr'igôžъjъ* • Hex. m. *priγôžaj*
- ***godъ** Пан. *got*, Pl *gôdy* • *got* 4× ◊ *got* (passim), *za gôt*, G *gôdu*, *do gôdu*, *gôda* 4×, n' i *gôda*, Pl *gôdy*, Num *gôda* (passim) • Лека *gôt-ta*, Num *gôda* ◊ *got* • Нов. *γot* 9×, z *γôd*, G *γôdъ*, Num *γôda* 2× • Hex. *γot* 12×, G *γôda* D *pa γôdu*, Pl *γôdu* 2×, Num *γôda* • Зад. Num *γôda*
- ***godъn**= Пус. ◊ m. *gôdnyj*, *gôd'in*, Pl *gôdny* • Лека ◊ m. *gôdnyj*
- ***-godъn**= Пус. ◊ *negôdnyj* 2×, *n'igôdnyj* | *ugôdn'ikъ* • Лека G *ugôdn'ika* 3× • Зад. n. *uγôdna*, f *n'ayôdnaja*
- ***gol**= Пан. m. *gôloj*, *gôl* • Пус. ◊ m. *gôlyj*, *gôl* • Лека D n. *pa gôlatu*, Pl *gôlyja* ◊ m. *gôlyj*, D n. *pa gôlъtu*; Pl *gôlyjъ* • Нов. *γôlyj* 2×
- ***goldъ** Пан. *gôlot* • Пус. *gôlyt* ◊ *gôlyt* 3×, G z *gôlydu* 3×, z *gôlyda* • Лека ◊ *gôlyt*
- ***goldъn**= Пан. | m. *golôdnoj* • Пус. ◊ m. *gôlyd'in* | m. *golôdnyj*, Pl *golôdnyje* 2×
- ***golень** Лека ◊ *gôl'in*'
- ***golъbъ** Пус. *gôlyp'* 2× ◊ *gôlyp'*, G *gôlybъ*, Pl *gôlyb'и* | *Gôlyb'if* • Лека ◊ *gôlyp'* • Нов. *γôlyp'* 3× • Hex. *γôlyp*, Pl *γôlyb'и*
- ***golsъ** Пус. *gôlys* 3×, G *gôlysa* ◊ *gôlys* 5×, G *gôlysu* • Лека *gôlas* 3×, In. *gôlysam* ◊ *gôlys* • Нов. *γôlas*, *γôlys*, *γôlys* 3×, *γo-lys*, *γôlys* • Hex. *γôlas*, *γôlys* 3×, G *γôlysa* 2×, In *γôlysam* 2× • Зад. *γôlas* 2×, In *γôlasam* 3×
- ***-golъn**= Пан. f. *towstogolôvnaja*
- ***golva** Пан. Pl *gôlonъ* | G *golôf* • Пус. A *gôlyu* ◊ A *gôlyvu* 2×, *gôlyu*, Pl *gôlyvъ* | G Pl *golôf* • Лека A *gôlavu*, *gôlyvu* 5×, Pl *gôlyvъ* 3× | G Pl *galôf* ◊ A *gôlyvu* | G Pl *galôf* • Нов. A v *γôlyvъ*, v *γôlyvu*, *γôlyvu*, na *γôlyvu* 3× • Зад. A *γôlavu*, *pad γôlavu*
- ***golvenъ** Пан. *gôlon'en* ‘голавль’
- ***golъnъja** Пус. ◊ A *gôlyv'и*
- ***golъnъka** Пан. *golôfka* • Лека *galôvnyška*, F *galôvnyšku* • Нов. *γalôfka* 2×, L nъ *γalôf'k'и* • Зад. *γalôvka* 6×, A *γalôvku* 2× | *γalôvnyška* 3×, A *γalôvnyšku* 4×, L na *γalôvnyški*
- ***-golъnje** Зад. *vazyalôvja* | *vazyalôvjica*

- *-**gopъ** Пус. $\diamond$ *zgoп* 'выгон скота в стадо', *progopъ*, L *fprogopъ* 'переулок', *zagopъ*, *ugopъ*
- ***gora** Пан. A *gôru*, Pl *gôry*, Num *gôry* | G *gôr* • Пус. $\diamond$ A *gôru*, Pl *gôry* | G Pl gor • Лека $\diamond$ Pl *gôry*
- *-**gorda** Пус. $\diamond$ *izgorôda* 3×, *zgorôda-ta*, A *zgorôdu*, *na zgorôdu*
- ***gorď** Пан. *gôrot* • Пус. *gôrĕt* $\diamond$ *gôrĕt*, A *v gôrĕt*, G *gôrĕda*, In *gôrĕdĕm*, L *v gôrĕd'i* 2×, *v gôrĕd'i-tĕ* 2×, *v gôrĕd'i-t*, *gôrĕd'i* • Лека *gôrat* 5×, A *na gôrat*, G *iz gôrĕda*, L *v gôrĕd'i* 2× $\diamond$ *gôrĕt*, G *gôrĕda*, *iz gôrĕdĕ*, L *v gôrĕd'i* • Нов. *gôrĕt* 3×, A *v gôrĕt*, G *iz gôrĕdĕ* • Hex. *gôrĕt* 2×, *gôrĕt*, G *iz gôrĕda*, D *pa gôrĕdu* 2×, In *za gôrĕdĕm* • Зад. *gôrĕd* 2×, *pa gôrĕdu*, L *va gôrĕd'a* 2×
- *-**gorď** Пус. $\diamond$ *ъgorôĕt* (passim), A *v ъgorôĕt*, G *ĕt ъgorôda*, L *v ъgorôd'i* (passim) • Нов. A *нъ gârôĕt*, L *нъ gârôd'i* 2× • Hex. *gârôĕt*, *ъgârôĕt-tĕ*, Pl *ъgârôĕdu* • Зад. A *na gârôĕt* 2×, *va gârôĕt* 3×, L *va gârôd'i*, *va gârôd'a*, *vy gârôd'a* 2×
- ***gorĕti** Пус. $\diamond$ 3 Sg *gôr'it*
- ***gorje** Пус. $\diamond$ *góre* 7×, *góreĕa*, *gôrĕja* 3×, *gôrĕje*, *góre-tĕ* 2×, G *gôr'a*, G Pl *góreje* • Лека *gôr'a* 2×, *na gôr'a*, G *b'ez gôr'a*, In *gôr'am*, L *gôr'i* $\diamond$ *gôr'ĕ*, In *gôr'ĕm*, *z gôr'ĕm* • Нов. *gôr'ĕ* 2×, G *gôr'a*, L *v gôr'i* • Зад. *gôr'a* 2×, G *gôr'a* 3×, *sy gôr'a*, *z gôr'a* 5×, L *u gôr'i*
- ***gorjъce** Зад. | G *gôr'ič'k'i* | G *z gôr'uška*
- ***gorjъk**= Пан. m. *gôr'koj* • Пус. $\diamond$ Pl In *gôr'k'im'i* $\Leftrightarrow$ *gôr'k'ij* • Лека Adv *gôr'ka* $\diamond$ f. *gôr'kĕjĕ* $\Leftrightarrow$ Adv *gôr'kĕ* • Нов. n. *gôr'kĕĕ* 2× • Hex. f. *gôr'k'aja*, *gôr'k'ĕja*, Pl *gôr'k'ii*, Adv *gôr'k'a*, *gôr'k'ĕ* • Зад. f. *gôr'k'ija* 4×, A *gôr'k'iju* 2×, D *gôr'k'ej*, In *gôr'k'eju*, *gôr'k'iej*, Pl *gôr'k'ija* | Adv *gôr'k'a* 2×
- ***gorjъknoĕti** Пус. $\diamond$ 3 sg *progôrkn'it* • Лека 3 Sg *pragôrkn'it*
- ***goršъk** Пус. $\diamond$ *gorôšyk*, G *gorôška* • Зад. G *gârôšku*
- ***gorxov**= Нов. m. *gârôxĕvnyj*
- ***gorxъ** Пан. *gorôx* • Пус. *gorôx* 2× $\diamond$ *gorôx* • Нов. *gârôx* 2× • Hex. *gârôx* 9×, In *z gârôxam*
- *-**gorъ** Hex. D Pl *pa kĕsayôĕm*
- ***gorъka** Пус. $\diamond$ *Krásna Gôrka*, In *za Krásnĕj Gôrĕkĕj* • Лека $\diamond$ *gôrĕk* • Hex. D *pa gôr'k'i* • Зад. A *na gôrku* 4×, G *is-pad gôr'k'i*, L *na gôr'k'i* 3× | L *na gôrĕšk'i*
- *-**gorъkъ** Зад. L *na pr'igôr'k'i*
- ***gorъn**= Лека *gôrĕnj* {орф.?.}
- ***gorъnica**, ***gorъnicka** Лека A *v gôr'n'icu* 2× {и орф. A *gôr'n'icu*} | D *pa gôr'ink'i*, L *v gôr'ink'i* $\diamond$ *gôr'n'icĕ*, A *gôr'n'icu* | L *va gôr'in'k'i*
- ***gospoda** Пан. G Pl *gospôt*
- ***gospodъ** Пан. *gospôt* (с «церковным» *γ*) • Пус. *gospôt* 2× | Voc *gôspĕd'i* $\diamond$ *gospôt'* | D *gôspĕdu*, Voc *gôspĕd'i* • Лека *gaspôt'* | Voc. *gôspad'i* $\diamond$ Voc. *gôspĕd'i* (с «церковным» *γ*) • Нов. *gaspôd'* 2×, *gaspôt'* | In *z gôspĕdĕm* • Hex. *gaspôt'* | Voc *gôspad'i* • Зад. *gaspôt'* (passim) | In *sa gôspadam*, *pr'ed gôspadam*, Voc *gôspad'i* 5×

- ***gospоdъnjъ**= Зад. *γaspōdn'ej*, f. *γaspōdn'ija*, G Pl u *γaspōdn'ix*
- ***gostъ** Пан. *gos'* • Пус. *gos't'* ◇ *gost'*, G *góstijъ*, Pl *góst'i* • Лека Pl *góst'i* 6×, A v *góst'i* 3× ◇ *gos't'* Pl. *gós't'i* • Нов. *γos't'*, Pl *γós't'i* • Hex. *γos't' 2×*, *γos'*, G *γós't'a*, *γós't'a-тъ*, Pl *γós't'i* 4× • Зад. G *γóst'a* 2×, A Pl w *γost'i*, u *γóst'i* 3× | Pl u *γóst'ušk'i* 2×
- ***gostъja** Зад. | *γóst'juška*
- ***gotov=** Пан. m. *gotóf* • Пус. m. *gotóf*, *gotónъjъ* • Лека m. *gatóf*, f. *gatóna* ◇ m. *gatóf*; Adv *gatónъ* • Hex. f. *γatóna* • Зад. In Pl n'e *γatónъm'i*
- ***gonorъ** Пус. *gónor* ◇ *gónor*, In *gónъrъm*
- ***-gonorъ** Пан. Pl *rozgonóry* • Лека L v *razgavór'i*, ны *razgavór'i*, Pl *razgavóry*; In s *ugavórat* {и орф. D pa *ugavóru*} ◇ L nъ *rъzгavór'i* • Нов. *rъzγavór* • Зад. *razγavór*
- ***-gonorъka** Пус. *ръgavórka*
- ***gоvъно** Пус. ◇ Pl *gónны* • Лека ◇ Pl *gónнъ*
- ***grobъ** Пан. *grop* • Пус. *grop* 2×, G *gróba* 2× ◇ *grop* 2×, G *gróba* • Лека *grop* 2×, v *grop*, G *gróba*, s *gróba*, iz *gróba* ◇ *grop* G, iz *gróbъ* • Нов. *γrop* 3×, G *γróba*, In za *γróbъm* • Hex. *γrop* 6×, A v *γrop*, G *γróba*, In za *γróbat*, zá *γróbat* • Зад. *γrop*, A pa *γróp*, G da *γróba*
- ***grobъje** Зад. Sg *γróbja*
- ***grobъnostъ** Зад. G da *γróbnast'i* 'смертный час'
- ***gromozdъk=** Hex. f. *γratóskъja*
- ***gromъ** Пан. *grom* • Пус. *grom*, G *gróta* ◇ *grom*, G *grótu* • Лека G ad *gróta* ◇ *grom*, G at *gróta* • Нов. *γróm* 4×, Pl *γróты* • Hex. *γrom* 4×, G *γrótu* • Зад. *grom*
- ***gromъk=** Лека m. In *grómk'im* | Adv *grómka* ◇ Adv *grómkъ* • Зад. m. In *γrómk'im* 3× | Adv *γrómka* 2×
- ***-gromъn=** Лека m. *agrótnaj* 2×, A *pyd agrótnaj*, D k *agrótnam*, f. A *agrótnaju* ◇ D k *agrótnъm*
- ***groxotъ** Лека *gróxat* ◇ *gróxъt*
- ***groza** Пус. ◇ A *pod grózu*, Pl *gróзы* | G Pl *grоs*
- ***-groza** Лека In *pad ugrózaj* ◇ In s *ugrózъj*
- ***grozъn=** Лека Adv *grózna* ◇ m. *gróznъj* • Зад. m. *γróznaj*, f. *γróznaja*
- ***gvozdiкъ** Пус. ◇ *gvóz'd'ik* • Зад. L na *γvózd'iku*
- ***gvozдъ** Пан. *gvos'* • Пус. *gvos't'* ◇ *gvos't'*, Pl *gvóz'd'i* • Нов. *γvos't'* 3×, Pl *γvóz'd'i*
- ***гъrbъ** Пус. *gorp* 2× • Нов. *γorp* 4× • Hex. *γorp* 2×, G *γórba*, In *γórбъm*
- ***-гъrbъkъ** Пус. ◇ *zagórbъk* 'загривок'
- ***гъrdlo** Пан. *górtlo* Пус. ◇ *górtъ* 2×, *górtla* | *Górtъf*, G u *Górtъva-тъ*, Pl D *Górtъm-тъ* • Нов. *γórtъ* 2×
- ***гъrnъ** Нов. *γorn*, In *γórnъm*
- ***гъrstъka** Hex. | A *γórstъc'ku*

- ***gъrstь** Пус. *gors't'* • Лека *gor'st'* ◊ *gor's't'* • Нов. *γors't'* 3× • Нех. *γors't'* 2×
- ***jъгълька** Пус. ◊ A *igólku*, G u *igólk'i* • Лека G Pl *igólak* ◊ Pl *igólk'i* • Нов. *υγólka*
- ***jъз(ъ)** Пус. ◊ *izó fseva*
- ***-клопъ** Лека *praklôn*, In s *praklônam*, Pl *praklôny* ◊ *praklôn*, G *praklônъ* • Зад. *praklôn*
- ***кlorикъ** Пус. ◊ *klôp'ik*
- ***кlorъ** Пус. *klôp* ◊ *klôp* • Лека ◊ *klôp* • Нов. *klôp* 2×
- ***кльцье** Лека ◊ *klôč'jъ* • Нов. Pl *klôč'ji*, L *fklôč'jыx*
- ***клькъ** Пус. *klók* 7× ◊ *klók* • Лека ◊ *klók* • Нов. G *klôka*, In *klôkъm* 2×
- ***коцьетъ** Лека ◊ *kôč'it*
- ***когътъ** Пан. Pl *kôkt'i* • Пус. *kôgъt'*, Pl *kôkt'i* 2× ◊ *kôgъt'*, G *kôktъ*, Pl *kôkt'i* • Нех. *kôxъt'*, *kôxat'*, Pl *kôxt'i* 3×, *kôxt'i-tъ* 2×, *kôxti*
- ***кој=** Пан. m. *kôj*, f. *kôja*, Pl. *kôi* • Пус. ◊ *kôj* 4×, A *na kôj* 2×, *kôj-čonô*, *kôj-kakûju*, *na kôk-kak'ije*; *kôj-xтô*; *kôj-kodá*, *kôje-kodá*, *kôj za kovô*, G *kôjiva* (passim) ⇔ *kôjeva* • Лека *kôj-kák* ◊ *kôj-kak* • Нех. L *n'i* v *kôim shúč'ii* • Зад. Adv *skôj* 2×
- ***којька** Пус. ◊ G *kôjk'i* • Нов. I Pl *kôič'k'i* • Зад. L *na kôjk'i*
- ***колбъ** Пус. *kôlъp* 2× ◊ *kôlъp* 'лепешка'
- ***kolda** Пус. ◊ *kolôda*, L *f kolôd'i* 'долбленое корыто' • Нов. *kalôdъ*, *kalôdъ*, A *kalôdu*, A Pl *nъ kalôdy*
- ***koldezъ** Пус. ◊ *kolôd'is'*, A *f kolôd'ic* 2×, G *kolôc:ъ*, L *f kolôc:ы* • Лека A *na kalôd'is'*, D *ka kalôtcu* ◊ *nъ kalôd'is'*, D *k kalôccu* • Нов. *kalôd'ec* 4× • Нех. *kalôd'ec* 2×, *kalôd'es'*, G *kalôc:a*, *is kalôc:a* • Зад. A *u kalôd'ez'* 2×
- ***kolдъка** Нов. *kalôtka*, Pl *kalôtk'i*
- ***kolě** Пус. ◊ Adv *otkôl'-tъ*
- ***koli** Нех. Adv *skól'* • Зад. Adv *kol'* 2×
- ***koliko** Пан. *skól'k'ô*, *stôl'k'ô* • Пус. ◊ *skôka*, *skôk*, *skôkъ* 2×, *skól'k'i-ta*, *skól'ka* 2×, *skól'k'a* 2×, *skól'kja*, *skól'k'ja*, *skól'k'e*, *skól'k'e-tъ*, *skól'kъ* • Лека *skól'k'a* 7×, *kôl'k'a-ta* ◊ *skôl'k'ъ*; *kôl'k'ъ-ta* • Нов. *skôkъ* 5×, *skól'k'i* • Нех. *skól'k'a* 3×, *skól'k'ъ* 2× • Зад. *kôl'k'a* 3×, *skôl'k'a* 2×, *naskôl'k'a*
- ***kolkolati** Зад. 3 Pl *kalakôl'ut'*
- ***kolkolъ, -o** Пан. *kôlokolo*, *kôlokôlo* • Пус. *kôlъkъл* ◊ *kôlъkъл*, G *kôlъkълъ* • Лека *kôlkal* ◊ *kôlъkъл* • Нов. *kôlkal* 2×, *kol-kal* • Нех. I *kaľkôl* • Зад. *kôlkal* I Pl *kalakôty*
- ***kolkolъčикъ** Лека {орф. Pl *kalakôl'č'ik'i*} ◊ Pl *kaľakôl'č'ik'i* • Нов. *kaľakôl'č'ik* • Нех. *kaľnakôl'č'ik*, Pl *kaľnakôl'č'ik'i*
- ***kolkolъn=** Пус. m. *kaľokôl'nyj* 2×
- ***kolkolъnja** Пан. *kaľokôl'na* • Лека *kaľakôl'n'a* 2× ◊ *kaľakôl'n'ъ*
- ***kolъs** Пус. *kôlъs* ◊ *kôlъs*, In *kôlъsъm* • Нов. *kôlas* 2× • Нех. *kôlъs*, *kôlas*, L *v kôlъs'e*
- ***kolъsje** Пус. Pl *kaľôs'ja* ◊ Pl *kaľôs'ja* • Нех. Pl *kaľôs'ja* 5×, L *v kaľôs'jax*

- ***kolti** Пан. 2 Sg *kól'õš* | Inf *kolôt'*, Prt *kolôw*, *nakolôw* • Пус. $\diamond$ 3 Pl *kól'uc:* 2 $\times$, *kól'ut*; Prt Pl *kól'utyje* | Prt m. *kolól*, *z'kolól*, Pl *iskolól'i*; Inf *kolôt'* 2 $\times$ • Лека $\diamond$ 3 Sg *kól'ъ*; Prt *kól'ъ*; *iskalôt'j*, *z'kalôt'j* • Нех. 3 Sg *kól'ic:a*, Prt Pl *kalól'is'* 2 $\times$, *kalól'is'e* • Зад. 3 Sg *kól'a*
- ***колъ** Пан. *kól* • Пус. *kól* 3 $\times$ $\diamond$ *kól* • Лека $\diamond$ *kól* • Нов. *kól* 4 $\times$ • Нех. | *kól'ušak*, Pl *kól'ušk'i*
- *-**колъ** Пус. $\diamond$ Pl *ukól'ы*
- ***колък**= Лека $\diamond$ m. *kól'къj* • Нов. n. *kól'къ*
- ***колъсе** Пус. $\diamond$ Pl *kól'ca*, *kól'сы*, *kól'сы-t*, *na kól'cъ*, G *kól'cъf*, In s *kól'cъm'i* • Лека $\diamond$ Pl *kól'cъ* • Нов. Pl *kól'сы*
- ***колъје** Пус. $\diamond$ Pl *kól'ja*, G *kól'jъf* • Лека Pl *kól'ja*, D *kól'jam* $\diamond$ Pl *kól'jъ*
- ***комъ** Пус. *kom* 2 $\times$ $\diamond$ *kom* • Лека $\diamond$ *kom* • Нов. *kom* 3 $\times$
- ***комъје** Лека $\diamond$ Pl *kóm'jъ*
- ***копјикъ** Зад. G s *kón'ika*
- ***копјухъ** Пус. $\diamond$ In *kón'uxъm*
- ***копјъ** Пан. *kón'*, Pl *kón'i* • Пус. *kón'* 2 $\times$, Pl *kón'i* 3 $\times$ $\diamond$ *kón'*, Pl *kón'i* • Лека *kón'* 3 $\times$ • Нов. *kón'* • Нех. *kón'* 9 $\times$ | Pl *kón'i* 2 $\times$ • Зад. *kón'* 3 $\times$, G *kón'a*
- ***копјъп**= Пан. m. *kón':ej* • Лека G *kón':yna* 2 $\times$, f. *kón':aja* $\diamond$ G *kón':ynъ*
- ***копјъск**= Лека $\diamond$ *kón'skъj*
- ***копъ** Пус. $\diamond$ *kon*, G *kóna* • Лека $\diamond$ *kon* • Нов. Num *kóna* • Нех. G Adv *skónu* 'искони'
- *-**копъ** Пус. *zakón* $\diamond$ *rokón* 'канун церковного праздника' • Нов. G Pl Adv *isprakón* 2 $\times$ • Зад. *zakón* 2 $\times$, *č'er'ez zakón*
- ***копъѣикъ** Пус. $\diamond$ *kónč'ik-tъ* • Нех. *kón'č'ik*
- ***кора** Лека $\diamond$ *kóръ*
- ***корати** Пус. $\diamond$ Prt f. *nakóрана* • Лека Prt f. *fkóрынаja* $\diamond$ Prt m. *zakóръn*, f. *fkóръňjъ*
- *-**коръ** (от *копать*) Лека $\diamond$ *akóръ* {орф.?.}
- *-**коръ** (от *копить*) Нех. Adv *skóрат*
- *-**коръка** (от *копить*) Лека $\diamond$ *skóръкъ* (название мерки)
- ***корътъ** Нов. *kóрат'*, G *kóрт'a*, *kóръt'i*
- ***коръпа** Пус. $\diamond$ Pl *kóръпы*, A *fkóръпы* • Нов. Pl *kóръпы*
- ***korbist**= Нех. m. *karóб'istaj*
- ***коръбъ** Пан. *kórop* • Пус. *kóръp* $\diamond$ *kóръp*, G *kóръbъ* | *Kóръbъf* • Нех. *kóръp* 2 $\times$
- ***коръбка** Пус. $\diamond$ *koróрка*, *koróръкъ-tъ* • Нов. *karóръкъ* 2 $\times$, *karóрка*, A *karóрку* • Нех. A *karóрку* 2 $\times$, D Pl *karóръкъm*
- ***корень** Пан. *kór'en'* • Пус. *kórin'* 4 $\times$, *kóren'* 2 $\times$, G *kórn'a* $\diamond$ *kóren'*, *kór'in'*, G *kór'ňъ*, Pl *kór'ni* 2 $\times$ • Лека $\diamond$ *kór'in'* • Нов. *kór'in'*, *kóren'*, In s *kórn'em* 2 $\times$, s *kórn'am* • Нех. *kór'in'* 3 $\times$, *kór'en'* 2 $\times$, *kór'en'-tъ*, Pl *kórn'i* 2 $\times$

- ***korgodъ** Лека ◇ *karavôt*
- ***korljъ** Пан. *korôl'* • Пус. *korôl'* ◇ *korôl'* 'кролик' • Нех. *karôl'* 3×
- ***kortje** Пан. Comp *korôc'e* • Пус. ◇ Comp *ръkorôčъ*
- ***kortъkъ** Пан. f. *korôtka* • Пус. ◇ m. *korôtъkъj*, n. *karôt'in'ka*
- ***korva** Пан. *korôva*, G Pl *korôf* • Пус. *korôva* 3×, G Pl *korôf* ◇ *korôva* 7×, A *korôvu* 2×, G u *korôvy*, In *korôvъj*, s *korôvъj*, zъ *korôvъj*, G Pl *korôf* 5× • Лека ◇ *karôvъ* • Нов. *karôvъ* 2×, A *karôvŭ*, G u *karôv'i* 2×, Pl *karôvy* 2×, *karôvŭ*, G Pl *karôf* 4×, *karôv* 2×, D *karôvam* • Нех. *karôva* 2×, G dl'ŭ *karôv'e*, G Pl *karôv* 4×, *karôv-ta*
- ***korvъka** Пус. *korôfka* ◇ *korôfka* • Нов. *karôfъkъ*, A *karôfъkŭ*, *karôfku* • Нех. *karôvka* 3×, *karôvka* 2×, Pl *karôvk'i* •
- ***korvъjъ** • Лека Adv Pl *karôvji* ◇ Adv *ръ karôv'ji* • Нов. n. *karôv'je* 2×
- ***korъka** Пус. ◇ *kôrka*, A *kôrku* 5×, Pl A *kôrк'i* • Лека ◇ *kôгыч'къ*
- ***когъ** Нов. In *kôr'ju*
- *-**когъпъ** Лека Adv *pakôrna* ◇ Adv *pakôrntъ*
- ***kosъ** ◇ Adv *kôsъ*
- ***kosa (волосы)** Пус. ◇ A *kôsu*, Pl *kôsy* | G Pl *kosъ* • Лека A *fkosu* ◇ A *kôsu* • Зад. Pl *kôsy*
- ***kosa (орудие)** Пан. Pl *kôsy* | G *kôs* • Пус. ◇ A *kôsu* 3×, Pl *kôsy* | G Pl *kosъ* • Лека A *kôsu* • Нов. A *kôsu* • Нех. A *kôsu*, Pl *kôsu*
- ***kosъmъ** Нов. Pl *kôsmъ*
- ***kosъtъka** Лека ◇ *kôstyč'къ* • Нов. Pl *kôstyč'k'i* • Зад. | Pl *kôstač'k'i*
- ***kosъtъ** Пан. *kos'*, Pl *kôst'i* • Пус. ◇ Pl *kôs't'i-tъ*, *kôst'i* • Лека ◇ *kos't'* • Нех. Pl *kôs't'i*
- *-**kosъ (от косить [траву])** Пан. *s'ônokôs*, L na *s'ônokôs'e* • Пус. ◇ *pokôs* • Лека *pakôs*, A na *pakôs* 3× ◇ *pakôs* • Нов. *pakôs* 2×, A нъ *pakôs* 2×
- ***kosъje** Нех. Pl *kôs'ji* 'рукоять косы'
- ***kotikъ** Пус. ◇ *kôt'ik*
- ***kotjъka** Пан. *kôška* • Пус. *kôška* 2× ◇ *kôška* 2×, Pl *kôšk'i-tъ* | A *kôšyčku* • Лека ◇ *kôškъ* • Нех. *kôška* 2×, A *kôšku*, Pl *kôšk'i*
- ***ktorъ** Пан. m. *katôroj*, n. *katôro*, f. *katôra* • Пус. ◇ m. *katôryj* 4×, In s *katôrym*; f. *katôraja*, *katôra* 3×, Pl *katôryje* 6× • Лека m. *katôraj* 4×, na *katôraj*, *katôryj*, G *katôryva*, In *katôrym*, f. *katôraja*, *katôra*, A *katôraju*, Pl *katôryja* 2×, *katôry*, L f *katôryx* {и орф. m. *katôraj*} ◇ m. *katôryj*, G *katôryvъ*, Pl *katôryjъ* • Нех. Pl *katôruui*, G s *katôryux* • Зад. m. *katôraj*, G *katôrava*, L u *katôram*
- ***kotъ** Пан. *kôt* • Пус. *kôt* 2× ◇ *kôt* 3×, *kôt-tъ* 2× • Лека ◇ *kôt* • Нов. *kôt* 2× • Нех. *kôt* 8×
- *-**kova**, -ъ Пан. *potkôf*, Num *potkôva* • Пус. ◇ *potkôva* • Нех. *patkôva* 2× ⇔ *patkôva*
- ***kovati** Пан. Ptc n. *skôvano* • Лека Prt Pl *akôvani* ◇ Ptc f. *kôvъnjъj*, n. *novakôvъnjъj* • Нех. Prt Pl *patkôvъval'i*
- ***koza** Пан. A *kôzu*, Pl *kôzy* | G Pl *kôs* • Пус. ◇ A *kôzu*, Pl *kôzy* | G Pl *kosъ* | *Kôz'in* • Нех. Pl *kôzu* 2×

- ***kozja** Пус. ◇ *kôža* ● Лека D *pa kôžы* ◇ *kôža* ● Нех. *kôža* 3×, A *kôžu*
- ***krasotъka** Зад. Pl *krasôtk'î*
- ***крожь** Пус. ◇ *krôj*, G *krôjъ*
- ***-крожь** Пус. ◇ *pokrôj*
- ***кромъ** Пус. ◇ L Adv *króm'î* 3× ● Лека L Adv *króm'î* 4× ◇ L Adv *króm'î*
- ***-кромъ** Пус. ◇ *ukrôp* ● Нех. *ukrôp* 2×, *vrôp*
- ***кротъk=** Лека ◇ m. *krôtъkъj*
- ***кронъa** Лека ◇ *krónl'a*
- ***кронъ** Лека ◇ *krof*
- ***кръšiti** Пус. ◇ 3 Sg *nakrôšyt* ● Нов. 3 Sg *pakrôšyt'*
- ***кръšja** Пан. *krôša*
- ***кръšъka** Пус. ◇ *krôška* ● Лека ◇ *krôškъ* ● Зад. Pl *krôšъč'k'î*
- ***крътъ** Пан. *krôt* ● Пус. ◇ *krôt* ⇔ *krot* ● Лека ◇ *krôt* ● Нов. *krôt* 4× ● Нех. *krot*
- ***кръвъ** Пан. *krof*, G *krón'î*, In *krón'jôj* ● Пус. *krof'* 4× ◇ *krof'* ● Лека *krof'* 2×, A *za króf'* ◇ *krof'* ● Нов. *krof'* 4×, G *krón'î* 2× ● Нех. *krov* 9× ● Зад. *krov'* 6×, In *krónju* 2×
- ***кръха** Пус. ◇ *krôxu*, Pl *krôx'î*, G *krox*
- ***кръti** (***кръjо**) Пан. 1 Sg *krôju*, 3 Sg *zакрôjot*, *zакрôet* ● Пус. ◇ 1 Sg *zакрôju*, *открôju*, 2 Sg *открôiš*, 3 Sg *открôit*, *открôic:a*, 3 Pl *открôjut* 2×, *zакрôjut* ● Нов. 3 sg. *pr'ikrôit'*, 3 pl. *pakrôjut'* ● Нех. 3 Pl *pakrôjut'* (заимств., диал. 1 Sg *zavkrújuj*, 2 Sg *pakrúiš*)
- ***къцьka** Лека ◇ *kôč'kъ*
- ***къљъjъ** Пус. ◇ *kulč* [т. е. */kôlč/] 'кучка земли, вырытой кротом'
- ***къrmiti** Пан. 3 Sg *kór'm'it*, 3 Pl *kórm'at* ● Пус. 3 Sg *kórm'it*, 3 Pl *kór'm'ut* 2× ◇ 2 Sg *nakór'm'isъ*, *prokór'm'isъ*, 3 Sg *n'e kór'm'it* 2×, *nakór'm'it* 2×, *pokór'm'it*; Ptc Pl *n'e kórm'l'iny* ● Нов. 1 Sg *pakórm'u* ● Нех. 2 Sg *prъkórm'isъ*, 3 Sg *kór'm'it'* 4×
- ***къrтъ** Пус. *korm* 2× ◇ *korm*, G *kórmu* ● Нов. *korm*, G *kórmu*
- ***къrшupъ** Нех. *kóršum*, *kórš'un*
- ***къto** Пан. *xto* ● Пус. *xto* ◇ *xto* (passim), *xтo-тъ* (passim), *któ-тъ*, *n'ixтo* (passim), *n'ix'тo* 3×, *kôj-xтo* ● Лека *n'exto* 3×, *xto* 8×, *xтo n'ibut'*, *n'ixтo któ-ta* ◇ *xto*, *xтo-тъ*, *n'exto*, *xтo žъ* ● Нов. *kto* 4×, *kštô*, *xto* 3× ● Нех. *xto*, *n'ixтo* 4× ⇔ *xтô kák* ● Зад. *xto* 4×, *xтo ža*, *n'ixтo* 2×
- ***-log=** Лека ◇ m. *palôуъj*, Comp *palôžъ*
- ***-логъ** Пан. *nalôk* ● Пус. ◇ *nalôk* 3×, Pl *nalôg'î* ● Лека ◇ *nalôk*
- ***лоъjъ** 'сало (не свиное)' Нех. *loj* 4×
- ***лоъjъ** Пус. *stôj* ◇ *stôj*, G *stôjъ* ⇔ *stoj*, G *stôjъ* ● Нов. *stôj* 2×, Num *stôjъ* 2×
- ***lomati** Пус. ◇ Ptc m. *izlômanъj*, Pl *polômany* ● Лека ◇ Ptc m. *stôтъn*
- ***ломъ** (инструмент) Пус. *lom*, In *lôтъm* ◇ *lom*, G *lôma* ● Лека ◇ *lom* ● Нов. *lom* 2× ● Нех. *lom* 2×, G *b'iz lôma*, In *lôтъm*

- ***лѡтък**= Пан. м. *lōtok* • Лека ◇ м. *lōtkъj* {орф.??}
- ***лѡтъіікъ** Лека ◇ *lōmt'ik*
- ***лорати** Лека ◇ Inf *lōrѣt'*, *slōrѣt'* • Hex. 3 Sg *n'і lōrѣis:u*
- ***лоротъ** Пус. ◇ *lōrѣt* 'стук'
- ***ловја** Пан. *lōvl'a* • Пус. ◇ *lōvl'ъ* • Лека In *lōvl'aj*, L *pa lōvl'i* • Hex. *lōvl'a 2×* • Зад. I A *rybalōwl'u*
- ***ловъ** Пус. *lof* ◇ *lof* • Лека ◇ *lōf* • Нов. *lof 2×*
- *-**ловъ** Пус. *ulōf 2×* • Нов. *ulōf 2×*
- ***ловък**= Пан. м. *lōvok* • Пус. ◇ f. *lōfkaja*, *lōfka 2×* | Comp *lōfč'i* • Лека м. D *lōfkamu* | Adv. *n'alōfka* ◇ Adv *n'elōfkъ*, *lōfkъ* • Нов. Adv *lōfkъ*
- *-**ловъка** Нов. *ulōfkъ*, G *ulōf'k'i*
- *-**ловъсь** Зад. Pl *rybalōwъcy*
- ***лохмотъје** Пус. ◇ L Pl *v loxmōt'jix*
- ***лоза** Пус. ◇ A *lōzu*, Pl *lōзы* | G Pl *lōz*
- ***лоџе** Лека ◇ *lōžъ*
- *-**лоџъница** Лека ◇ *nalōžn'icъ*
- ***лѡбъ** Пус. *lor 2×* ◇ *lor*, A *v lor*, G *ot lōba* • Нов. A *v lor* • Hex. In *lōbъm*
- ***лѡџъ** Пан. *loš* • Hex. *loš 3×*
- ***лѡџъка** • Пус. ◇ *lōška* • Лека A *lōšku* ◇ *lōškъ* • Нов. *lōškъ* • Hex. *lōška 2×*, Pl *lōšk'i*, G *lōžak*, *lōžъk* | D *pa lōžeč'k'i*
- ***лѡџъпъ**= Пан. м. *lōžnoj*
- ***лѡgota** Пан. *l'gōta*
- ***melčъn**= Пан. м. *molōšnoj* • Пус. ◇ *molōšnyj* • Hex. f. *malōšnъa*, A *malōšnu:*, Pl *malōč'nъi*
- ***melka** Пан. *molōka*
- ***melti** Пан. Inf *molōt'*, Prt *molōw*, f. *molōla* • Пус. Prt Pl *molōl'i* ◇ Prt Pl *molōl'i* • Лека ◇ Ptc м. *mōlъt*, *smōlъt* | Ptc м. *smalōtъj*, f. *smalōtъjъ*, *rъžmalōtъj*, n. *nъmalōtъ* • Нов. Prt. *malōl'i 2×*, Inf *malōt'* • Hex. Prt Pl *malōl'i*
- ***mogti** Пан. 2 Sg *mōžōš*, *mōžeš*. 3 Sg *mōžōt*. 1 Pl *mōžōm* | Prt м. *mōk* • Пус. ◇ 2 Sg *mōžыš 2×*, 3 Sg *mōžet*, *mōžыt*, *mōžыt* (passim), *ne mōžыt*, *mōšt*, *mōž быt'*, *mōže быt'*; 3 Pl *ne mōžut* | Prt м. *romōk* ⇔ 3 Sg *mōžыt*, 3 Pl *n'e mōgūt* • Лека 3 Sg *mōžыt 2×*, *mōža 6×* ◇ 2 Sg *mōžыš*, 3 Sg *mōžъ*; Adv *mōžъ*, *mōžыt'* 'может быть' | Prt м. *mōk* • Нов. 3 sg *ramōžыt'*, *mōžыt'* 2× • Hex. 3 Sg *mōžet'*, Prt м. *n'і mōx*, *ramōx 2×* ⇔ 2 Sg *mōžыš*, *mōžeš* | Inf *рmōč' 2×*, *ramōč' ' 2×* • Зад. 2 Sg *n'a mōžыš*, 3 Sg *mōža 2×*, 3 Pl *mōžut'* | Prt м. *n'a mōx*
- ***mogtъ** Пус. ◇ G *mōč'i 2×* • Лека G *mōсы* ◇ *tos*, G *mōсы* • Нов. A *mōč' 2×*, G *mōč'i* • Hex. A *n'і w mōč' 2×* • Зад. I G *mōč'uš'k'i*

- *-**mogъn**= Пус. ◇ m. *netóčnyj*
- *-**mogъnikъ, -ica** Пус. ◇ In *romóšn'kьt* ● Hex. *patóšn'ica*
- ***moj**= Пан. m. *mój*, L *po mójomu* ● Пус. ◇ m. *mój* (passim), D *po mójimu* ● Лека m. *mój* 11 × {и орф. *moj*} ● Нов. m. *mój* ● Hex. m. *mój* 2 ×, n' *mój* ● Зад. m. *mój* (passim)
- ***moknотi** Пус. f. *zamókla* ◇ 3 Sg *zamókni't* ● Лека ◇ Inf *móknut'*
- ***mokr**= m. *mókrъj* ◇ m. *mókrъj* ● Лека ◇ m. *mókrъj* ● Нов. f. *mókrъja* ● Hex. m. *mókruij*, *mókrъj* 2 ×
- ***molд**= Пан. m. *mólot* ● Пус. m. *mólъt* ◇ m. *mólъt*, Pl *mólъды* | m. *molót* | m. *malód'in'k'ij* ● Лека | m. *malód'in'k'aj* ● Зад. f. *mólada* | m. *malód'in'k'ej*, f. *malód'in'k'ija* 3 ×
- ***molдje** Пан. Comp *molôže* ● Пус. ◇ Comp *molôžы* (passim), *molôžъ*, *рѣmolôžы* 2 ×, *рѣmolôžъ* ● Нов. Comp *malôžы*
- ***molдъka** Зад. *malótka* 2 ×, Pl *malót'k'i* | Pl *malódušk'i*, D *malóduškam*
- ***molдъčikъ** Лека *malóс:ыk* 3 × ◇ *malóссыk* ● Hex. *malóč'ik*
- ***molдъсъ** Лека *mólad'ic* 6 ×, AG *na mólыс:a*, *mólыс:a* 3 ×, D *mólыс:u*, *mólac:u*, Pl *mólыс:ы*, Num *mólыс:a* 2 × ⇔ *mólad'ic* ◇ *mólъd'ic*, G *mólыс:ъ*, *mólъс:ъ* ● Зад. *mólad'ec* 2 × | Pl *malótсы*
- ***molъtъ** Пус. *mólъt* 2 × ◇ *mólъt*, In *mólъtъt* ● Нов. *mólъtъ*, *mólat*
- ***molъ** Пус. *mól'* ◇ *mól'* ● Лека ◇ *mól'* ● Нов. *mól'* 2 ×, G *mól'a* 2 ×, *mól'ъ* 2 ×, In *za mól'im*
- *-**mora** Пус. ◇ *umóra* (passim)
- ***morje** Пан. *mór'ъ* | G Pl *mór'* ● Пус. *mór'e*, A *na mór'e* ◇ *mórje*, *mórjъ* ● Лека *mór'a* 2 ×, v *mór'a*, G *mór'a*, u *mór'a*, D *k mór'u* 5 ×, L v *mór'i* ◇ *mór'ъ*, A v *mór'ъ*, L v *mór'* ● Нов. *mór'ă*, *mór'a*, *mór'ě* ● Hex. *mór'e* 4 ×, A *na mór'e*, L *na mór'i* 3 × ● Зад. *mór'a* 2 ×, A u *mór'a* 2 ×, *č'er'az mór'a*, G *mór'a*, D *mor'u*, L *mór'u*, *na mór'i* 4 ×
- ***morъzъ** Пан. *morôs*, G *ot morôzu* ● Пус. *morôs* ◇ *morôs*, G *morôzu* || *Morôzъf* ● Лека *marôs*, G Pl *marôzaf* ◇ *marôs* ● Нов. *marôs* 2 × ● Hex. *marôs* 6 ×, G *marôza* 2 ×, G Pl *marôzav* ● *marôs*, G *b'ez marôzu*, G Pl *marôzaf*, Num *marôza* 2 ×
- ***morъzъсъ** Пус. ◇ *morôz'ic*
- ***morъzn**= Пус. ◇ m. *morôznyj*
- ***morъ** Пан. *mor* ● Пус. *mor* ◇ *mor* ● Лека ◇ *mor* ● Нов. *mor* 4 ×
- ***mostikъ** Пус. ◇ *mós't'ik* ● Лека Pl *móst'ik'i* ◇ Pl *mós't'ik'i* ● Hex. G *móst'ika*
- ***mostъ** Пус. *most* 3 × ◇ *most* 3 ×, G *s móstu* 3 ×, *mósta*, *s mósta* 'мост; сени' ● Лека ◇ *mos*, *most*, In *móstъt* ● Нов. *most* 4 × ● Hex. *most* 2 ×
- ***moъna** Лека A *móšnu*
- ***motati** Лека ◇ Ptc *namótъnyj*
- *-**motrъ** Пан. *osmót*, G *osmótra*
- ***motъ** Лека ◇ *mot*
- *-**motъka** Hex. Pl *abmôt'k'i*

- *-mozg= Нех. m. *b'izmózyaj*
- *mozgь Пан. *mosk* • Пус. *mozk* 3× ◊ *mozk*, G *mózgu* • Лека ◊ *mosk* • Нов. *mosx* 4×, *mozɣ* 3× • Нех. *mozx* 6× • Зад. G *mózyu*
- *mozolь Пан. *mozól'* • Лека ◊ *mazól'* • Нов. *mazól'* 5×, *mazól'ǎ*, In Pl *s mazól'ьты* • Нех. *mъzól'*
- *možьн= Пан. Adv *móžno* • Пус. ◊ Adv *móžнь* 11× ⇔ *móžna*, *móžнь* • Лека Adv *móžna* 4× ◊ Adv *móžнь* • Нов. Adv *móžнь* 2×; *vazmóžнь*, *n'ivazmóžna* • Нех. *móžнь* 3×, *móžna* 2× • Зад. Adv *móžna* 3×
- *-мъжь Пус. ◊ Pl *romói* • Лека ◊ Pl *ramói*
- *-мъкъ Пус. *zamók* • Нех. *zъmók* 3×
- *мълньji Пан. *móln'ija* • Пус. ◊ *móлнь'ja*
- *мъlviti Лека Prt m. *pramóluls'i* 3× ◊ Inf *mólut'*, Prt *pramóluls'i* • Зад. 2 Sg *pramólv'išy*; Imp 2 Sg *pramól*, 2 Pl *pramólv'a* 2×; Prt *mólv'il*
- *мъnog= Пан. Adv *vnógo* • Пус. Adv *mnók* 2×, *mnógь* 2× ◊ *mnógь* (passim), *nemnóga*, *namnógь*, Pl. *mnóg'ie*; Adv *nemnóškъ* • Лека *mnóga* 7×, *n'emnóga* 5× | Pl *mnóg'ija*, D *mnóg'im* | *mnógaja l'éta* ◊ *mnógь* • Нов. Adv *mnóгь* 4×, *mnóгa*, *mnóгь* • Нех. *mnóga*, *mnóгь* (passim) | Adv *pъn'emnóšku* | *mnóžustva* • Зад. Adv *mnóгa* 4× | *mnóгaja l'éta* 4×
- *мъrda Пус. ◊ *mórda* (passim), A *mórdu* 3×, In *mórdьj*, Pl *mórды* • Лека ◊ *mórdь* • Нов. A *mórdu* • Нех. *mórda* 2⊙
- *мъrdьka Пус. ◊ A *pod mórдъc'ku*
- *мъrkьva Нех. *mórkva*, A *mórkvu*, G *mórkvu*
- *мъršičiti Пус. ◊ 3 Sg *romórš'ic'ъ* 2×
- *мъšьka Лека ◊ *móškъ*
- *мъхь Пан. *mox*, G *iz móxu* • Пус. *mox* ◊ *mox*, G *bez móxu*, In *móхьт* • Лека ◊ *mox* • Нов. *mox* 5× • Нех. *mox* 5×, G *móxu*
- *myti (*мъjɔ) Пан. 1 Sg *móju* • Пус. 2 Sg *móeš* ◊ 3 Pl *smójut* • Лека ◊ Sg 1 *móju*, Imp 2 Pl *mójt'i* • Нов. 1 Sg *вьтóju*, 2 Sg *вьтóis'i*; 1 Pl *ramóims'i* 2×, 3 Pl *abmójut'* 2× • Нех. 1 Pl *pъmóim* (заимствование, диал. *ramúju*, Imp *pramúj*)
- *мыlcati Пус. ◊ Ger *mólc'a*
- *мыlknoti Пан. Prt Pl *pr'iumótkl'i*
- *noga A *nógu*, Pl *nóg'i*, Num *nóg'i* | G *nók* • Пус. A *nógu*, v *nógu* ◊ A *nógu* 2×, *na nógu*, Pl *nóg'i* (passim) | G *nók*, *bez nók* • Лека A *nógu* 2×, Pl *nóg'i-ta*, *nóg'i* ◊ A *nógu*, Pl *nóg'i* • Нов. A *nógu* 2×, Pl *nóг'и* 6× ⇔ *nóг'и-тъ* • Нех. Pl *nóг'и* 4× | G Pl *nóx* 2×, *b'iz nóx* 3×, *s nóг* • Зад. Pl *nóz'i* (церк.) | G *iz nók*
- *nogьtь Пан. *nókot'* • Пус. *nóktь'* 4×; *nóгьт'* 2×, *nóгат'*; Pl *nókt'i* 4× ◊ *nóгьт'*, G *nóktь*, In *pod nókt'im*, Pl *nókt'i* • Лека ◊ *nóгьт'*, Pl *nóxt'i* • Нов. *nóгьт'* 9× • Нех. *nóхьт'*, *nóхат'*, Pl *nóxt'i* 4× ⇔ *nóхьт'*

- ***ногътъје** Пан. Pl. *nokót'ja*
- ***ноктъ** Пан. *nos'*, G *nóc'í*, D *k nóc'í*, In *nóc'jōj*, *nóc'jej*, L *nóc'е*, Pl *nóc'* • Пус. In *nóc'ju* 2× ◇ *нос'*, *нос* (passim), A *v nóc'*, G *nóc'í*, *носы* (passim), D *nóc'í*, *носы* (passim), In *nóc'ju* 6×, Pl *nóc'í* • Лека *nos*, G *nóсы* 2×, In *nóсju*, L *nóсы*, Pl *nóсы* ◇ *nos*, Pl *nóсы* • Нов. *нос'5×*, *нос'ї*, A *v nóc'*, G *s nóc'í* 2×, In *nóc'ju* 3× • Hex. *нос'* 7×, G *s nóc'í*, In *nóc'ju* 3×, *nóc'iv*, L *v nóc'í* • Зад. *нос'* 5×, Pl *nóc'í*
- ***ноктъка** Зад. A *nóc'k'u* 3× | *nóc'uška* 2×, A *nóc'ušku* 2×
- ***ногвъ** Пус. ◇ *nórѡf*, In *s nórѡm* • Нов. *nórѡf*, In *nórѡm*
- ***нога** Пус. ◇ Pl *nóры* ⇔ *nóры* | G Pl *nór* ⇔ *nor*
- ***ногъка** Нов. *nórka* 'дырка'
- ***носікъ** Пус. ◇ *nós'ik* • Hex. Pl *nós'ik'í*
- ***нося** Пус. ◇ *nōša* • Лека ◇ *nōša* • Hex. *nōša* 2×, A *nōšu*
- ***нось** Пан. *nos* • Пус. *nos* 3× ◇ *nos* • Лека ◇ *nos* • Нов. *nos* 3×, In *pad nósъm* 2× • Hex. *nos* 7×, G *iz nōsa*
- *-**нось** Пус. ◇ *ronōs*, *snōs*
- *-**носьliv**= Лека ◇ *snōs'livъj*
- *-**носьn**= Зад. Pl *n'asnōсны* 2×
- ***нов**= Пус. m. *nónъj* 4×, G *nónovъ*, Pl *nónыe* ⇔ Pl *nónыje* ◇ m. *nónъj*, *ноf*, n. *nónъ*, Adv *snónъ* ⇔ G n. *nónъ*, *nónъnъ*, f. *nóna* 5×, A *nónu*, In *po nónъj* 3×, L *na nónъj*, Pl *nónъje*, *nónъje*, L *v nónъx* • Лека m. *nóf* 2×, *nónъj*, f. *nóna*, *nónъja* 2×; G Pl *nónaix* {и орф. f. *nónъja*} ◇ m. *nóf*, *nónъj*, G *nónыnъ*, f. *nónъjъ* • Hex. m. *nónъuj*, G *nónъya*, Pl *nónъi* × Adv *snóna* • Зад. m. *nónъj*, L *va nónъm* 2×; f. *nóna*, *nónъja*, A *va nónъju* 3×, *nónъju*, L *u nónъj*, A Pl *za nónъi* | D Pl *pa nón'in'k'im*
- ***ноздрја** Пан. Pl *nózr'í* • Пус. ◇ Pl *nózdr'í* • Нов. A Pl *pa nózr'í*
- ***нозјикъ** Пан. *nōžыk* • Пус. ◇ *nōžыk* • Лека ◇ *nōžыk* • Зад. | In *nōžыč'k'am*
- ***нозјъ** Пан. *nōš* • Пус. *nōš* 2× ◇ *nōš* • Лека ◇ *nōš* • Нов. *nōš* 4× • Hex. *nōš* 3×
- ***нозјъница** Нов. G Pl *nōžn'ic*, In *nōžn'icъm'í*
- ***нозька** Пан. *nōška* • Пус. *nōžka* | *nōžen'k'a*, Pl *nōžen'k'í* • Лека Pl *nōžыn'k'í* ◇ *nōšъk* | Pl *nōžыn'k'í* • Нов. Pl *nōšk'í*, L *nōškax* • Hex. *nōška* 3×, Pl *nōšk'í* | *nōžen'k'a* 2× • Зад. Pl *nōšk'í*, In *s nōškam'í*, Pl *nōžk'í* | *nōžun'k'a*, A *na nōžыn'k'u* 2×; Pl *nōžunk'í*
- *-**нозька** Пус. ◇ Pl *rodnōšk'í* (в ткацком станке) • Нов. Pl *radnōšk'í*
- ***ноъ** Пус. ◇ *no* • Лека *no* 10× ◇ *no* • Зад. *no*
- ***нѡктънъ** Hex. Pl *nóc'vnu* 2×
- ***нѡнѣ**, ***нѡнѣце** Пус. ◇ *nón'í* (passim), *nónъje* | Pl *nón'ie* 'нынешние' • Лека *nón'a* 2× ◇ *nón'ъ*
- ***нуті** (***нѡјѡ**) Пан. 3 Sg *nójōt*
- ***о(б)** Пус. ◇ *ób gъlvnu*; *ókъľ*, *ókъľ* 3× • Лека *ókъla*, *ókla* 6× ◇ *ókъla*, *ókľ'í* • Нов. *ókъla*, *ókъľ*

- ***o(b)- (именная приставка)** Пан. *oboloko; obruc' | órasno* • Пус. $\diamond$ L v *óč'ir'id'i; ókьrьk* • Лека *óсыr'it'*; Pl *óbrucы 2x* $\diamond$ Pl *óbruci; ókьrьk; óstraf, Óstraf, G Óstrava, L óstrav'i | vósrь* • Hex. *óbuв; L v óč'er'id'i; L ókryu | óspa* $\Leftrightarrow$ *vóspa*
- ***o(b)- (преверб)** Пус. Prt *óbm'er* • Лека *óbm'ir 2x* $\diamond$ *óbm'ir*
- ***oba** Пан. *óba* • Пус. $\diamond$ m. n. *óba 3x*, f. *ób'i* | AG нъ *obóix, obóix 3x*, G s *obóix* • Лека f. *ób'i* | m. G Pl. *abóix, D abóim* {и орф. *abóim*} $\diamond$ m. n. *óbъ* | D *abóim* • Нов. | m. G s *obóix*
- ***объtj=** Hex. m. *ópc'ej 2x*, n. *ópc'ija*
- ***оцьп (?)** Пан. *óc'en'* • Пус. $\diamond$ *óc'in* (passim), *óc'in'* • Лека $\diamond$ *óc'in'* • Hex. *óc'en'* • Зад. *óc'en'*
- ***огпеп=** f. A *óyn'in:u*
- ***огп** Пус. *ogón'* $\diamond$ *ogón' 3x* • Лека $\diamond$ *agón'* • Нов. *agón' 2x* • Hex. *agón' 2x* • Зад. *agón' 3x*
- ***огъtькъ** Зад. Pl *uγótušk'i*
- ***oj (междометие)** Пус. $\diamond$ *oj* (passim) • Hex. *oj* • Зад. *oj* (passim)
- ***-ok=** Пан. m. *gьibók, šьrók* • Пус. m. *gьubókьj, Adv gьubóka; m. šьrók'ij* $\diamond$ m. *šьrók'ij, šьrókьj*, In s *šьrók'im*, f. *šьróka; f. vьsóka, Pl vьsók'ije; f. ъd'inóka, Pl ъd'inók'ije* $\Leftrightarrow$ *vьsókьj* • Лека m. *šьrókaj, n. šьrókaja 2x*, L v *šьrókaim; m. vьsók 2x*, f. *na vьsókьju; Vьsókьva* $\diamond$ m. *klubókьj* (sic); m. *šьrók; vьsók; G s vьsókьнъ, f. na vьsókьju* | L v *ad'inóct'v'i* • Нов. f. *šьrókьja, A šьrókьju, Pl šьrók'ij; n. vьsókь* • Hex. Pl *ad'inókьi, m. šьrókьj 5x* $\Leftrightarrow$ *m. vьsókaj, f. vьsókьja 2x* • Зад. Pl *γьubók'i; m. šьrókaj, n. L v šьrókam, f. L pr'i šьrókaj; m. v'isók 2x, v'isókaj, A ab vьsókaj, L v v'isókam, f. L v'isókaj*
- ***oko** Пус. *ókъ, Pl óč'i* $\diamond$ *óka, óka za óka, Pl óč'i* • Зад. Pl *óč'i*
- ***окупь** Пан. *ókun'* • Пус. $\diamond$ *ókun'*, G *ókun'a, Pl ókun'i* • Лека *ókun'*
- ***окъно** Пан. Pl *ókna, G ókon* • Пус. G Pl *ókьn* $\diamond$ Pl *ókьny, G bez ókьn* • Лека $\diamond$ Pl *ókь* • Нов. Pl *ókьny 2x* • Hex. Pl *ókna* | G Pl *ьkón, vakón*
- ***окънъсе** Пан. | *okóško* • Пус. | $\diamond$ L *na okóšk'i, G Pl okóšьk, u okóšьk 2x* • Лека | In *akóšьckat* $\diamond$ In *akóšьckьm* • Нов. | *akóška, Pl D k akóšьkьm* • Hex. A v *akóšьk, D k akóšьku, L v akóšьk'i* • Зад. *akónuška, G u akónuška* | A *ab akóška, G akóška 2x, In akóšьkьm 2x, Pl A uv akóšьk'i*
- ***oldьka** Пан. *lótka, G u lótk'i* • Пус. $\diamond$ *lótka, A v lótku, L na lótk'i 2x* • Лека | A *lódььku* $\diamond$ *lótkь* | A *lódььku* • Нов. L *na lótk'i, Pl lótk'i* • Hex. *lótka 3x, L na lótk'i* • Зад. | L *na lótač'k'i*
- ***olkьtь** Пус. *lókьt' $\diamond$ lóktь', G lóktьь, Pl lókt'i* • Лека $\diamond$ *lókьt'* • Нов. *lókьt' 3x*, In *lókt'ьm, lókt'im, Pl lókt'i 3x*
- ***olovo** Пан. *ólovo* • Пус. $\diamond$ *ólava, óлвнъ* • Лека $\diamond$ *ólьva*
- ***olsь** Пус. *los' 2x $\diamond$ los', G lós'a, lósja, lósьь, G za lósem 2x, Pl lós'i, lós'i-ть, Num lós'a $\diamond$ los'* • Нов. *lós'ь, G lós'a, In za lós'ьm, Pl lós'i*

- ***о́льха** Пан. *vól'xa* • Пус. $\diamond$ А *ól'xu*, Pl *ól'x'i* • Лека | Num *vól'ušk'i* $\diamond$ *vól'xъ* | *tr'i vól'ušk'i*
- ***о́нь** Пан. *on, ón-to* • Пус. $\diamond$ *on* (passim), *ón-ть, i ón* • Лека *on* 29 $\times$ $\diamond$ *on* • Нов. *on* 2 $\times$ • Hex. *on* 7 $\times$ • Зад. *on* 3 $\times$
- ***о́но** Пус. $\diamond$ Adv *vón* 4 $\times$ • Лека Adv *yon* $\diamond$ Adv *yon* • Нов. Adv *yon* 3 $\times$ $\Leftrightarrow$ Adv *vóna* • Hex. Adv *vón*
- ***-о́ньк-** Пус. $\diamond$ Adv *pot'ixón'ku* 2 $\times$ • Лека Adv *pat'ixón'k'u* 2 $\times$
- ***о́гати 'пахать'** Пан. 2 Sg *ór'oš*
- ***о́рбота** Пан. *robóta, L po robót'e* • Пус. $\diamond$ *robóta* (passim), G *s robóty* (passim), A *na robótu, L na robót'i* (passim), G Pl *robót, L robótyf* • Лека A *na rabótu* • Нов. G *s rabót'i, L nъ rabót'i* 2 $\times$ • Hex. *rabóta, A rabótu* • Зад. A *za rabótu*
- ***о́рботати** Пан. 2 Sg *porobóta:š*, 3 Sg *robótat, robótajöt*; Inf *robótat'* • Пус. $\diamond$ 3 Sg *robótyt* (passim); Inf *robótyt'* (passim), *ръробótyt'*; Prt m. *robótyl* (passim), *ръробótyl*, f. *robótala* (passim), *ръробótyala*, Pl *robótal'i* 2 $\times$; Ptc m. *izrobótanyj* • Лека 2 Sg *n'i abrabótyš, zarabótyš* 2 $\times$, 3 Sg *rabótat*, Inf *rabótat'*, Inf *rabótat* • Нов. 1 Sg *rabótyju* 2 $\times$, m. *rabótyl* 2 $\times$, Pl *rabótyl'i* 2 $\times$ • Hex. Imp 2 Sg *rabótaj* • Зад. Inf *rabótat'*
- ***о́рботj=** Пус. m. *robóč'ij*
- ***о́рботька** Лека | $\diamond$ *rabótuškъ, A rabótuškъ* • Зад. | G *сы rabótušk'i*
- ***о́рботьникъ, -ница** Пус. $\diamond$ *robótn'ik* | *robótn'icъ-t* 2 $\times$
- ***о́рък=** Пан. m. *róbok, rópkoj*, n. *rópko*, Pl *rópki* • Лека $\diamond$ Adv *rópky*
- ***о́рсти** Пан. Prt m. *rôs* • Пус. $\diamond$ Prt m. *rôs*, Inf *rôs't'* | m. *vzrôstьj*, Pl *vzrôstьje* 2 $\times$ • Лека Inf *rôst'* | n. *rôstaja* $\diamond$ Inf *rôs't'* • Нов. Prt m. *padrôs* | m. *rôstьj*, f. *rôstьjъ* • Hex. Prt m. *ros* | Ptc m. *zarôš'ej*; Adv *zarôš'i* 2 $\times$
- ***о́рстja** Пан. *rôšca* • Пус. $\diamond$ *rôš'a* • Лека G *rôš'i* 2 $\times$ $\diamond$ *rôš'a* • Зад. *rôš:a* 4 $\times$, A *u rôš:u, rôš:u*, G *iz-za rôš:ы* | A *rôš:ыcu*
- ***о́рстъ** Пус. In *rôstьm* $\diamond$ *rost*, G *rôsta, rôstu* • Лека In *rôstam* 2 $\times$ $\diamond$ *rost*, In *rôstьm* • Нов. *rost* 2 $\times$, G *rôsta* • Hex. G *rôsta*, D *pa rôstu*
- ***-о́рстькъ** Лека In Pl *padrôstkam'i* $\diamond$ In Pl *padrôstkьm'i*
- ***о́рънь=** Пан. m. *róvnj* • Пус. $\diamond$ m. *róvnьj* • Лека Adv *róvnja* $\diamond$ m. *róvnьj*, Adv *róvnъ* • Нов. n. *róvnъ*, f. *n'aróvnьja* • Hex. f. *róvnъa*
- ***о́ръ-** (приставка существительных) Лека $\diamond$ *rôspusk*; Pl *rôzvьl'n'i*
- ***о́ръз** Лека Adv *vros'* $\diamond$ Adv *vros'* • Зад. Adv *urôs'* 2 $\times$
- ***о́рънь=** Лека $\diamond$ m. *rôzньj*
- ***о́ръньца** Лека $\diamond$ *rôz'n'icъ, A v rôz'n'icu*
- ***о́са** Пан. Pl *ósy* | G *os* • Пус. G Pl *os* $\diamond$ A *ósu*, Pl *ósy* | G Pl *os* • Hex. G Pl *os* 2 $\times$
- ***о́смеро** Пан. *ós'm'ero*
- ***о́смь** Пан. *vôs'em* • Пус. $\diamond$ v *vôs'im'* 2 $\times$, *vôs'im* 2 $\times$ $\Leftrightarrow$ *vôs'im'* 3 $\times$ | *vôs'im's'it, vôs'im'is'it, vôs'im'd'is'it* • Лека $\diamond$ *vôs'im* | *vôs'im'd'is'it* • Нов. *vôs'em* • Hex. *vôs'em* 3 $\times$, *vôs'am*

- *ostr= Пан. *vôstroj* ● Пус. *óstruj* 2× ◇ f. *óstrъja* ● Лека Pl *vôstrъja* ◇ *vôstrъj*, Pl *vôstrъjъ*
● Hex. m. *ôstrъj*, *ôstraj*, *vôstrъj* 2× ● Зад. m. In *vôstrъim*, f. A *vôstru*, *vôstraju*
- *ostrogъ Лека ◇ *astrók* ● Зад. *uv astrôj* 2×, L *uv astrôj'a* 3×
- *ostъka Нов. | Pl *óstъč'k'i*
- *osъ Пус. *os'* 4× ◇ Pl *ós'i* ● Лека ◇ *os'* ● Нов. *os'* 4×
- *osъj= Пан. n. *ós'jô*, G *ós'ja* 'осиний'
- *ot(ъ)- (преверб) Пус. ◇ *ód:ъл* 2×
- *ot(ъ)- (приставка существительных) Пус. ◇ *na ód:ых*; *za ótpusk*, *ótpusk* 2×
- *-ota — см. *krasotъka, *lъgota, *orbota, *orbotъka, *orbotъnikъ, *orbotaŋi, *orbotaŋj-, *sirotъstvo, *xъrkotina, *zěvota, *zobota, *zobotiti
- *ot(ъ) Пан. G *ót roudi*
- *oto Пан. Adv *vôt* ● Пус. Adv *vot* ◇ Adv *vôt* (passim), *vôta* 2× ⇔ *i vôt* 2×, *vot* 4× ● Лека Adv *vôt* 22× {и орф. *vot* 2×} ◇ Adv *vôt't'i*, *vôt* ● Нов. Adv *vot* 4× ● Hex. Adv *vôt* 5× ⇔ *vot* ● Зад. Adv *vôt* 9×
- *otъčъ (?) Пус. ◇ *óč:e*, D *k óč:u*, In *za óč:ъm* 'отчим'
- *otъčimъ Лека ◇ *ót'č'im* ● Hex. *vôč':im*
- *otъčъstvo Лека D *pa ócъstvu* ◇ D *pa ócъstvu*
- *-ov= (качественные прилагательные) Пан. f. *b'estolkónvaja*, m. *tolkónvoj*, f. *tolkón'en'-k'a:*; m. *v'ínôv'ôn* ● Пус. f. *l'itróna*, m. *l'f'ročtónъm*, f. A *Sadóvu* | сущ. *stolóna* 5×, A *fstolónu* 2× | Pl *f'igón'iny* ● Лека A m. *za dubónъj*, Pl *dubónъja*, m. *kakóf* 2×; f. In *s ruxónvaj*, A *ruxónvaji*, f. G *šalkónvaj* 2× {и орф. f. G *sasnónvaj*} ◇ Pl *dubónъjъ*, m. *kakóf*; A f. *ruxónъju*, *šalkónvu* | A f. *pr'idikón'innu* ● Нов. f. *dubónъja*; m. *sasnónъj*, Pl *t'asónы* | сущ. f. *stalónъja* ● Hex. f. *b'istalkónъja*, m. *dubónъj*, *kl'anónvaj*, Pl *račtónъi*, f. *sadónъja*, m. *xr'an:ónvaj* | *b'istalkónъkъ* ● Зад. f. In *dubónvaj*, m. *za dubónvaj* 2×, In *za dubónъm*, Pl *dubónvai*, f. A *kl'anónvuju* f. L *va sasnónvaj*, Pl *ruxónvai*, f. *sadónvaja*, Pl *za šalkónы* | сущ. G Pl *calcón'in'k'ix*
- *-ov= (притяжательные прилагательные) Пан. m. *P'otróf*; *P'ótrón-d'en'*, G *P'ótróna-dn'i*, D *P'ótrónu-dn'i* | *P'otrónna* ● Пус. ◇ f. *Воркóna*, f. *Възупóna*, f. *Gr'ivnóna*, f. *Gr'aznóna*, f. *Ivanóna*, m. *Kъzakóf*, f. *Kъzakóna*, m. G *Kъzakóna*, In s *Kъzakónъm*, f. G *Kъčijatónъj*, f. *Petróna*, f. *Sm'irnóna*, *Xъlotkóf*, G. *Xъlotkóna* | A *turón'inu* 'ерунда'
● Лека Pl L u *Kazlónых*; m. *P'etróf d'en'*, G da *P'etróna dn'a*; G u *žyn'ixóna*; f. A *žyn'ixónu*, f. D *žyn'ixónaj* | *Parón'ic* 2× {и орф. m. *žyn'ixóf*, f. G *žyn'ixónaj*} ◇ f. A *žyn'ixónu* | *parón'ic* ● Зад. f. A *na parónu*, L *Xr'istónam*; *Čist'akón*, G *Čist'akóna*; *Platón*, G *Platóna*, u *Platóna*, *pra Platóna*
- *-ovati Пус. ◇ Ptc m. *verbónanъj*, f. *verbónana*; m. *pъral'izónanъj*, f. *pъrl'izónana*; f. *vorónana*; f. *izbalónъna* ● Лека Ptc m. *zъkaldónanъj*, Pl *akaldónanъj* ◇ Ptc m. *zъkał-dónъnjъ*, *atpal'irónъnjъ* ● Hex. m. *pъr'isónъn*, f. *pъr'isónъna* | 3 Sg n'i *ъl'asónъnъic:a*
● Зад. Ptc f. *izbalón:aja*

- *-овѣа (от *-ovati) Пан. *torgôvl'a* • Лека *targôvl'a* 2×, G *targôvl'i*
- *овѣса Пан. Pl *ôvc'i* • Пус. A *ôfci*, Pl *ôfci* ◇ A *ôfci* 5× • Лека ◇ Pl *ôfci* • Нов. Pl *ôfci*
• Зад. Pl *ôvci*
- *-овѣсь, *-овѣка (от *-ovati) Пус. ◇ *vorôfka* • Лека *targôv'ic*, Pl *targôfci* 2× { и орф. *targôfci* } ◇ *targôv'ic* • Нов. A *nъ v'asnôfku* • Hex. *z'imôwka*
- *-овѣпъ, *-овѣпъ= Пан. m. *v'inôv'ôn* • Лека m. *pr'id'ikôv'in:aj* 2×; f. A *pr'id'ikôvinaju* 3×, *pr'id'ikôvini* • Зад. m. D *duxôvnatu*, Pl *duxôvnai*
- *-овѣпикъ Пус. ◇ *čypôvn'ik* 3×, D *k čypôvn'iku*, Pl *č'inôvn'ik'i*, G *do čypôvn'ikъf* 3×, In *č'inôvn'ik'im'i* 2×; *polkôvn'ik*
- *-овѣпѣа Пус. ◇ *žarôvnjъ* 'сковорода' • Лека ◇ *casôvn'ъ*
- *-овѣск= Лека ◇ f. *Arlôv'kъ*, G *at Arlôv'k'ъj* • Зад. f. In *za P'atrôvskaju*; m. *žydôvskaj*
- *ох (междометие) Зад. *ox*
- *pelvti Пан. 2 Sg *pôl'oš*, 3 Pl *pôl'ut*, Ptc n. *ispôloto* | Prt m. *polôl*, f. *polôla* • Пус. ◇ 2 Sg *pôl'iš* | Inf *polôt'* 3× • Лека ◇ 3 Pl *pôl'ut* | Prt m. *palôl* • Нов. | Prt Pl *palôl'i* 3×, Inf *palôt'* • Hex. Inf *palôt'* • Зад. 3 Sg *pôl'a* | Prt f. *palôla* 3×
- *pelvnikъ Пус. ◇ *polôvn'ik* • Нов. *palôvn'ik* 2×, *palôvn'ik* • Hex. *palôvn'ik* 2×
- *pelzti (*pъlzъ) Пан. Prt m. *polv*
- *pëti Зад. Imp 2 Sg *n'a rôj*, *vaspôj* 6×, *spôj*
- *pîrogъ Пан. *p'irôk* • Пус. *p'irôk* ◇ *p'irôk* • Лека *p'irôk* ◇ *p'irôk* • Нов. *p'irôk*, *p'irôx* 2×
• Зад. *p'irôy* 2×
- *plodъ Пус. *plot* 2× ◇ *plot* • Лека ◇ *plot*
- *-plodъ Нов. *pr'iplôt* 3×, In *pr'iplôdъm*
- *ploščadъ Лека ◇ *plôš'ъt'* • Hex. *plôš':it'*
- *ploščьka Лека ◇ *plôškъ*
- *plošk= Лека ◇ m. *plôskъj* • Hex. m. *plôsk'ij* 2×
- *-plošъ Hex. Adv *patsaplôš* 'сплошь'
- *plotьnikъ Пан. Pl *plôt'n'ik'i* • Пус. ◇ Pl *plôt'n'ik'i* 2×, D *plôt'n'ikъm* • Лека A Pl f *plôt'n'ik'i* 3×, G *is plôt'n'ikaf*, L f *plôt'n'ikaf* | m. *plôt'n'isnaj* ◇ *plôt'n'ik* • Нов. *plôt'n'ik*, G *plôt'n'ika*, Pl *plôt'n'ik'i* 2× • Hex. Pl *plôt'n'ik'i*
- *ploх= Пан. m. *plox*, n. *plôxo* • Пус. ◇ m. *plox*, n. *plôxъ*; Adv *plôxъ* (passim), *n'iplôxъ* ⇔ Adv *plôxa* • Лека Adv *plôxa* ◇ m. *plox*, Adv *plôxъ* • Нов. Adv *plôxa* 2×, *plôxъ* ⇔ | Adv *plôx'in'k'e* • Hex. Adv *plôxъ* 2× ⇔ *plôxъ*
- *plъtikъ Лека Pl *plôt'ik'i*, G *plôt'ikaf* 2× ◇ Pl *plôt'ik'i*
- *plътъ Лека ◇ *plôt* • Нов. *plot*, *plôtъ*, G *plóta* 2× • Hex. *plot* 2×
- *-plътъn= Пус. m. *č'istъplôtъnjъ* • Hex. m. *plôtъnjъ*
- *po Пан. Adv *póprostu* • Пус. ◇ *pó d'v'i*, *pó dva*, *pó tr'i* 2×, *pó šyst'*, *pó d'is'it'*; *pó trъje*, *pó stu*; *pó v'erxu* 3×, *pó v'ik*, *pó l'du*, *pó l'nu*, *pó dvъru* • Лека *pó lbu*, *pó dvъru* ◇ *pó*

Ibu, ró dvъru • Нов. *ró dvъ*; *ró dvъru* 2× • Нех. *ró dvъru, ró l'esu, ró тъху* 2×, *ró рълу* 2×

***ро-** (проверб) Пан. Prt *róm'er, róptyw, róptydo, róptyl'i* | Inf. *róml'it'*, 1 Sg *róml'u, zaróml'u*, 2 Sg *róml'is* | Inf *porótsъvat'* (*počъstjivati) • Пус. | 1 Sg *rómn'u* ∅ Prt *ne róđyl, róžyl, róml'ir* (passim), *rómer* (passim), n. *róm'irla*, Pl *róm'irl'i* 4×, m. *róгъd'il*, Pl *róгъd'il'i* | 1 Sg *rómnju, rómn'u* 2×, n'e *rómn'u*, 1 Pl *rómn'im*, 3 Sg *rómn'it*, Prt f. *fspómn'ila* • Лека Prt *róp'il, róml'ir* 2×, *ródal'i, rón'al'i* | Prt m. *spómn'il*, Inf *rómn'it'*; Imp 2 Sg *rómn'i* ∅ Prt *róp'il, róp'il'i; róml'ir, ródal'i; pól'it; rón'il* | 2 Sg *fspómn'is*; Imp 2 Sg *rómn'i* | m. *póštyj* (*po-šъdl=) | 3 Sg *rótsъvat* 2× (*počъstjivati) • Нов. Prt *róm'er* 4×, Pl *róml'ir'l'i* 2× | 1 Sg *rómn'u* 2×, 2 Sg *fspómn'is*, 1 pl *rómn'im* • Нех. | 2 Sg *rómn'is* • Зад. | 1 Sg *uspómn'u*, 2 Sg *rómn'is*, n' *uvaspómn'is*; Imp 2 Sg *vaspómn'i* 3× | Inf *pótč'ivat'* (*počъstjivati)

***ро-** (приставка существительных ж. р.) Пан. Pl *róxороны* • Пус. ∅ *ródan'* | *ról'za*; Prt Pl *ról'zъnъls'* • Лека *bóx f rómtč', bóx rómtč'; rónъr* • Нов. *rómtč'* 2×; Pl *рóхъгылы* • Нех. Pl *рóхъгылы* • Зад. v *рóтаč', na рóтаč'*

***ро-** (приставка существительных м. р.) Пан. *pógr'ep* ⇔ *rónovt* • Пус. ∅ *róis*, G *róisa*; *róist* 4×, na *róist*, G s *róizda, do róizda*, D *po róizdu* 3×, In *róizdъm* • Лека L na *róis'i*; *róist*, In *za róizdam*; *рóтаč'* ∅ *póč'irk*; L a *ród'v'igъf; pógr'ip; rójis*, L na *róis'i*; *rójis* 'поезд', *rójist*; In *za rójizdъm* • Нов. *rójas* • Нех. G b'is *pógr'iba*; *rójist*, AG nъ *rónъra* • Зад. *rójas-ta*

***родъ** 'под (печи)' Пус. *rót* 5× ∅ *rót*, G s *ródu* ⇔ *рот* • Лека ∅ *rót* • Нов. *rót* 4× • Нех. *rót* 4×, A na *rót*

***родъ** (предлог) Пус. ∅ *ród grъzu, ród nъg'i, ród nъsъm* | *rodó l'dъm* • Зад. *rót kar'en'*

***родъ-** (приставка существительных м. р.) Пус. ∅ *ródmъst; rótrъl, rótrъl-ta* 2× • Лека ∅ G *is rótrъli* • Нов. *pótrъl*

***родъ-** (приставка существительных ж. р.) Пус. ∅ *ródvъtka* • Лека | ∅ *póč'ъ*

***родъе** Нех. *aród'je, aród':e, ar:ód'je* 'подстилка под стогом'

***рогань** Лека ∅ *рóгъn'*

***rojidlo** Пан. *róilo* • Пус. ∅ G *rójla*

***рожь** Лека D g *zaróju*, L na *zarói* ∅ A na *zarój*, D g *zaróju* 'пирушка после сватовства'

***рокојити** Пус. ∅ 3 Sg *uspokóic:ъ* • Лека Prt m. *zab'ispakóils'i* • Зад. Prt f. *pr'ispakóila*

***рокојь** Лека *pakój*; A na *spakój* ∅ *pakój* • Зад. *spakój* 2×; In *pakójam*

***-рокојьн-** Пан. *spokójno* • Пус. ∅ f. *spokójna* • Лека f. G *spakójnaj* • Нех. Adv *spakójna*

***рокојьникъ, -ица** Пан. *okójn'ic'ok* • Пус. D *po upokójn'iku*, ∅ D Pl *ръ upokójn'ikъm* 2× ∅ *upokójn'ik* 2×, *ъpokójn'ik* • Нов. *upakójn'ik* | *upakójn'icъ* • Нех. G *pakójn'ika*, Pl *pakójn'ik'i*

***-рокојьstвъе** Зад. G *spakójstv'ija*

- ***rola** Пус. ◇ Pl *róly* | G Pl *ról* ⇔ *pol*
- ***rolje** Пан. *ról'ö*, G *ról'a*, D *ról'ü*, In *ról'om*, L *ról'e* | G Pl *ról'* • Пус. *ról'e*, A *ról'e*, f *ról'e*, L *na ról'i*, f *ról'i* ◇ *póle* 2×, *rólъ*, *póle-ть*, G s *rólja*, In *pólem* 2× • Лека *ról'e*, D *ról'u*, L *ról'i*, f *ról'i* ◇ *pól'ъ*, L f *ról'i* • Нов. *ról'a*, A f *ról'a* 2×, L f *ról'i* • Нех. *ról'e* 3×, A *na ról'e*, D *ra ról'u*, L *na ról'i* 4×, In *ról'am* • Зад. *ról'a* 3×, A *ról'a* 4×, *va ról'a*, G s *ról'a*, L u *ról'i* 2×, *ról'i* 3×, *va ról'i* 2×, *pr'i ról'i* | *ról'uška*
- ***rolmenъ** Пус. ◇ *rólъm'in'*, G *rólъmn'ъ* 'пламя, огонь'
- ***polsa** Пан. | G Pl *polós* • Пус. ◇ A *rólъsu*, Pl *rólъsy* | G Pl *polós*
- ***polskati** Пан. 2 Sg *polôščöš*
- ***rolъneп=** Пан. m. *polôtn'an(:)oj*
- ***rolъno** Пус. ◇ Pl *rolônty*
- ***rolъ** (у саней) Пус. ◇ *rólъs*, G *rólъzъ* • Нов. *rólъs* 2×, *ro-las*, In *pat rólъzъm*, Num *rólъzъ* • Нех. *rólъs*, *rólъs*
- ***rolъje** Пус. *rolôz'je*, Pl *rolôz'ja* • Нов. Pl *ralôz'ja* 2×, *ralôz'-ja*
- ***rolъ 'настил'** Пан. *row* (? *rôw*) • Пус. *pol* 5× ◇ *pol* (passim), G s *polu* • Лека G *ispórt polu* ◇ *pol* • Нов. *pol* 6×, G s *rólъ* 2×, In *pat rólъm*, *pat rólъm* • Нех. *pol* 7×, G *polu*
- ***rolъ 'половина'** Пус. ◇ *ról gъda* 2×, *ról sęolá*, s *rolđvjonác:ъъva* • Лека *rolnac* ◇ *rolъc* ⇔ *rôld'in'* • Зад. *da rólъn'č'i*
- ***rolъka** Пус. ◇ *rólka* • Нов. D *rólk'i* | A *na rólъč'k'u*
- ***rorikъ** Пус. ◇ *rôp'ik*
- ***rorъ** Пан. *rôp* • Пус. *rôp* 6× ◇ *rôp* • Лека *rôp* 2× ◇ *rôp* • Нов. *rôp* 2× • Нех. *rôp* 3× • Зад. *rôp-ta*
- ***roga** Пан. | G Pl s t'êx *rôr* • Пус. ◇ A *rôru*, Pl *rôry* | G Pl *rôr*, s t'êx *rôr* (passim), *dó s'ix rôr* 3×, *s kak'ix rôr*, *đъ kak'ix rôr* • Лека ◇ A f *rôru* | G Pl s t'êx *rôr* • Нов. | G Pl *ръ s'ix rôr* 2× ⇔ *da s'ix rôr* • Нех. A *rôru* | G Pl *rôr* ⇔ *por* • Зад. A n'ê v *rôru* | G Pl *da t'êx rôr*
- ***rogъ** Пус. *porôk* 2× ◇ *porôk*, G *porôga* • Нов. *parôx*, G u *parôga* • Нех. *parôx* 5×, L *нъ parôp'i* • Зад. G *parôga*
- ***rogъ** • Пан. *porôm* • Пус. *porôm*, Pl *porômy* (заимствование) • Нов. *parôm* 4×, L *нъ parôm'e*, *нъ parôm'i* •
- ***porti** Пан. 2 Sg *pôr'ôš* | Prt m. *porôw*, f. *porôla*, Inf. *porôt'* • Пус. ◇ Prt m. *zaporôt* • Лека ◇ 3 Sg *pôr'it*, Ptc m. *pôrъл* ⇔ m. *atparôtъj* | Prt *нъparôt*
- ***roгъ** Пус. *rôгъx* ◇ *rôгъx* 2×, G *rôгъxu* • Лека ◇ *rôгъx* • Нов. *rôгъx* 2×, *rôrax* • Нех. *rôгъx* 2×, *rôrax*
- ***rozъnj=** Нов. m. *parôžn'ej* 2×
- ***-rogъ** Лека ◇ *spôr*
- ***-rogъn=** Лека Adv *spôrna* 'быстро' ◇ Adv *spôrny*
- ***postъ** Пус. *pôst* ◇ *pôst* • Лека ◇ *pôst* • Нов. *pôst* 3× • Нех. *pôst* 3×, *pôs*

- ***rostъn**= Пус. ◇ m. *rôsnyj* ● Лека ◇ *rôsnyj*
- ***rosylě** Пан. *pôsł'e* ● Пус. ◇ *pôsł'i-ta*, *pôsł'i*, *pôs'l'i* (passim), *pôs'le* ● Лека *pôsł'i* 6× ◇ *pôs'l'i* ● Нов. *pôsł'i* ● Hex. *apôsł'a*
- ***rotъ** Пус. *pot* 4× ◇ *pot* ● Лека ◇ *pot* ● Нов. *pot* 2×, In *rótam* ● Hex. *pôt* 3×, In *rótam* ⇔ In *rótam* 2×, *rótam*
- ***rotъn**= Hex. m. *pôtnyj*, *pôtnej*
- ***rozdje** Пус. Comp *pôž'i* ◇ *pôž'i* ● Лека ◇ Comp *pôž'i*
- ***rozdyn(j)**= Пан. m. *pôž'n'ôj* ● Пус. Adv *pôžna* 2× ● Hex. m. *pôž'n'ej*; Adv *pôžnъ* 6× ● Зад. Adv. *pôžna* 2×
- ***pro-** (преверб) Пан. Ptc m. *prókl'at* ● Пус. Prt m. *pról'il* ◇ Prt m. *pródal*, *pródyl* (passim), Pl *pródyl'i* (passim); m. *próp'il*, Pl *próp'il'i* (passim); Pl *próžyl'i* 2×; Prt n. *pródyна*, Pl *pródanы* ● Лека ◇ Ptc m. *pródyl*, *pródyn*; Prt *pról'il* | m. *próštyj* (*pro-šđl=) ● Нов. Ptc m. *próbyl* ● Hex. | m. *próštaj* 2× ⇔ In f. *próštyw* (*pro-šđl=)
- ***pro-** (приставка существительных ж. р.) Пан. *prós'ôka* ● Пус. ◇ Adv *šprógyt'it'*, *prórъs'*, *prórъs't'*, Pl In s *prórъs't'im'i* ● Нов. A *prónъlyč'k'u* ● Hex. *prórup*
- ***pro-** (приставка существительных м. р.) Пус. *própusk* 2× ⇔ ◇ L Pl *na prónъdyf* ● Лека ◇ *prómъx* ● Hex. Pl *prónъdu* 2×
- ***pro-** (приставка существительных ср. р.) Пус. ◇ *prózv'išče* ⇔ *próz'v'išče* ● Лека *prózv'iš'e*
- ***pročъ** Пан. Adv *prôc'* ● Лека Adv *prôc* 3× ◇ Adv *prôc* ● Зад. Adv *prôč'*
- ***prokъ** Лека ◇ *prók*
- ***proso** Пус. ◇ *prósa* f. 2×, *prósъ*, A *prósu* 2×, In *prósъj* ● Лека ◇ *prósъ* ● Нов. *prósa* 3×, *prósъ*
- ***prost**= Пус. ◇ m. *prost*, n. *próstъ*, Adv *prósto* (passim) ● Лека Adv *prósta* ◇ m. *prost*, Adv *próstъ* ● Нов. Adv *prósta* ● Hex. Adv *prósta*
- ***prostynъ** Пус. ◇ Pl *próstyn'i*
- ***-proso** Лека G b'is *zaprósa* ◇ G b'iz *daprósu*
- ***protivъ** Пус. ◇ *prót'if*, *naprót'if* (passim) ● Лека *naprót'if*, *prót'if* 5× ◇ *prót'if*, *naprót'if* ● Hex. *prót'iw* 2×
- ***prъčka** Лека ◇ *pôč'kъ* ● Hex. *pôč'ka*, Pl *pôč'k'i*, G *pôč'ъk*
- ***prъkъ** Пус. *polk* 3× ● Лека ◇ *polk* ● Нов. *polk* 3×
- ***prъtiti** Пан. 1 Sg *ispórt'u*, 2 Sg *pórt'is*, Prt *ispórt'iw*, Inf *pórt'it'* ● Пус. ◇ 3 Sg *pórt'ic:ъ*, 3 Pl *pórt't'ec:ъ*, Prt f. *ispórt'ila* ● Лека 3 Sg *ispórt'icыt'* ● Hex. 3 Sg *pórt'ic:a*, Prt *ispórt'ilas'*
- ***prъtjtъ** Нов. *porč'* 3×, G *pórc'a* 'болезнь, вызванная колдовством'
- ***prъn**= Пан. m. *pólon* ● Пус. ◇ m. *pótn* 3× ● Лека m. *pólan*, f. A *pótnaju* | Adv *pótna* ◇ m. *pótn* ● Нов. m. *pótnyj* ● Hex. m. *pótnaj*, n. *pótnja* ● Зад. Adv *pótna* 7×
- ***prъniti** Пус. ◇ Ptc m. *p'irepótn'in* ● Hex. Prt m. *spótn'its'e*

- ***рызати** Hex. Inf *pólzat'*
- *-**роцьн**= Пан. Adv *narôšno* • Пус. $\diamond$ Adv *narôšnъ* (passim), *narôč'нъ*
- *-**roda** Пус. $\diamond$ *porôda* • Hex. D *pa pr'irôd'e*
- ***rodina** Пус. $\diamond$ *rôd'inu*, G *rôd'inu* • Зад. A *na rôd'inu*
- ***rodja** Пан. *rôža*, Pl *rôžы* • Hex. *rôžъ*, *rôža* 'рожистое воспаление'
- ***rodъ** Пан. *rot*, G *rôdu* • Пус. *rot* 2 $\times$ $\diamond$ *rot*, G *rôdu*, *rôda*, *iz rôda* 2 $\times$, Adv *srôdu* (passim), L Adv *vrôd'i* (passim), Pl *rôды* • Лека Adv *srôdu* $\diamond$ *rot*; Adv *srôdu* • Нов. *rod*, G *rôda*, Adv *srôdu* 2 $\times$ • Hex. *rot*, G *rôda*, Pl. *rôdu* • Зад. *rod*, G *at rôdu*
- *-**rodъ** Пан. *narôt*, G *narôdu* • Пус. G *narôdu* 2 $\times$ $\diamond$ *narôt* (passim), G *narôdu-to* 3 $\times$, *narôdu* 2 $\times$, D *k narôdu*, *narôdu*, *ръ narôdu*, In *s narôdъm* • Лека *narôt* 11 $\times$, G *narôdu* 2 $\times$, L *narôd'i* {и орф. *narôt*, D *k narôdu*} $\diamond$ L *v narôd'i* • Нов. *narôt* • Зад. *narôt*, G *narôdu*
- ***rodън**= Пус. $\diamond$ m. *rôdnъj* | G Pl *srôdn'ikъf* • Лека m. *rôdnaj*, f. *rôdna* $\diamond$ m. *rôdnъj*, f. *rôdnъ* • Зад. m. *rôdnaj*, 2 $\times$ G Pl *rôdnъx*
- ***rodъstvън**= Лека G Pl *rôtstv'in'ikaf*
- *-**rog**= Лека $\diamond$ G *zъltarôgънъ*
- ***rogozja** Пус. $\diamond$ *rogôža* • Нов. *ragôža* • Hex. *raγôža*, A u *raγôžu*
- ***rogozjъka** A *ragôšku* 2 $\times$
- ***rogъ** Пан. *rok*, G *rôga* • Пус. *rok* $\diamond$ *rok*, G *rôga*, In *rôgъm*, Num *rôga* | *Rôgъf* • Нов. *rox* 5 $\times$, G *rôyu*, *rôga*, In *rôgъm*
- ***rojъ** Пан. *rôj* • Пус. $\diamond$ *roj*, G *rôjъ*, In *rôjъm* • Нов. *rôj* 2 $\times$
- *-**roкъ** Пус. $\diamond$ *srôk* • Лека *prarôk* $\diamond$ *urôk* • Нов. *prarôk*
- ***rokъtati** Пан. 2 Sg *rôkc'eš*
- ***ropътъ** Лека $\diamond$ *rôpъt*
- ***rosa** Пус. $\diamond$ A *rôsu*, Pl *rôсы* | G Pl *ros* • Зад. A *rôsu*
- ***ronъ** Пан. *rof* • Лека $\diamond$ *rof* • Нов. *rof* 2 $\times$
- ***rozga** Пан. Pl *rôzg'i*, G *rôzok* • Пус. *rôzga* • Лека $\diamond$ Pl *rôzg'i*
- ***rožъкъ** Нов. Pl *rôšk'i* • Hex. Pl *rôšk'i*
- *-**ръjъka** Лека $\diamond$ *z'iml'erôjk'a*
- ***рътъ** Пан. *rot*, G *iz rôtu* • Пус. *rot* 2 $\times$ $\diamond$ *rot*, G *iz rôta* • Лека A *v rot*, G *iz rôtu* $\diamond$ *rot*, G *iz rôtu* • Нов. *rot* 2 $\times$, G *iz rôta* 2 $\times$ • Hex. *rot* 2 $\times$, G *iz rôta*, *s rôta*
- ***ръxlъ**, ***ръxlja** Пан. m. *rôxloj* • Лека | $\diamond$ *rôxl'ъ*
- ***ръžъ** Пус. *roš* 5 $\times$ $\diamond$ *roš* 2 $\times$ • Нов. *roš* 9 $\times$, *rôšъ* • Hex. *roš* 7 $\times$
- ***ръžъka** Пус. *rôška*, G *iz rôšk'i* $\diamond$ A *rôšku*
- ***ryti** (***ръjъ**) Пан. 1 Sg *rôju* • Нов. *rôit'*
- ***sirotъstvo** Пан. *s'irôtstvo*
- ***skoba** Пус. $\diamond$ Pl *skôby*

- ***skobъka** Лека ◇ *skópъkъ*
- ***skor=** Пус. ◇ m. *skórъjъj, skor, n. skórъ, Adv skórъ* 6× ● Лека f. A *na skóru*; Adv *skóra* 5×
◇ f. A *na skóru ruku*, Adv *skóra* ● Hex. Adv *skóra* ● Зад. Adv *n'e skóra* 2×, *skóra* 2×
- ***skotъ** Пус. *skôt* 3× ◇ *skôt* ● Лека *skôt* ◇ *skôt* ● Нов. *skôt* 5× ● Hex. *skôt* 2×
- ***skotъn=** Нов. L Pl *na skôtных*
- ***skotъnikъ** Пус. ◇ In *skôtн'ikъm*
- ***skovorda** Пан. Pl *skónorodы* | G Pl *skonorôt* ● Пус. ◇ A *skónъrdu*, Pl *skónъrды* | G Pl *skъvorôt* ● Лека A *skónъrду* 2× ◇ A *skónъrду* ● Нов. A *na skónъrду* 2×
- ***skovordъka** Hex. A *skъvarôtku*, L *nъ skъvarôtk'и* | A *skъvarôdъč'ku*
- ***skrozъ** Лека *skrôs'* ◇ *skros'* ● Зад. *skroz'* r'ábra
- ***sloпъ** Лека ◇ *slon*
- *-**sloпъka** Нов. *zastlónka*
- *-**slovica** Пус. ◇ L *f.poslón'icъ*
- ***slovo** Пан. *slóvo* | G Pl *slóf* ● Пус. ◇ *slónъ*, G *n'i slóna* 3×, *slóna* 4×, Num *slóna* | G Pl *slóf* ● Лека ◇ *slónъ* ● Нов. *slóna* 3× | G Pl *slóf* 3× ● Hex. L *na slón'i, nъ slón'e* | G Pl *slou* ● Зад. G *n'i slóna*
- *-**sloвъje** Лека D *pa uslón'ju* ◇ D *pъ uslón'ju*
- ***sloвъn=** Лека ◇ Adv *slónъnъ*
- ***smola** Пус. ◇ A *smótu*
- ***smolъka** Пус. ◇ *smólka*
- ***smordina** Пан. *smorôd'ina* ● Нов. | A *smarôd'inку* ● Hex. | m. *smarôd'in:aj*
- ***snopъ** Пус. *snôp* ◇ *snôp* ● Лека *snôp* ◇ *snôp* ● Нов. *snôp* 4× ● Hex. *snôp* 6×
- *-**spona** Пус. ◇ *osnôna* (ткацк.)
- ***spovati** Лека Ptc m. *aspónvan*, n. *aspónыna*
- ***спъха** Пан. G Pl *snox* ● Пус. ◇ Pl *snôx'и* 2×, L *f.snôxъf* | G Pl *snôx*
- *-**soba** Пан. L Adv *osôb'e* 'про себя' ● Hex. *asôba*
- *-**sobъn=** Пан. m. *posôb'en* ● Пус. ◇ Adv *osôb'in:ъ* ● Лека f. A *asôb'in:aju* | Adv *asôb'ina* ◇ A f. *asôb'innъju* ● Hex. Adv *vъsôb'in:ъ*
- ***sobъstvъn=** Пус. f. *sôpstv'ina* ● Hex. Pl *sôps't'anшi*
- ***sočъn=** Пус. ◇ m. *sôčъjъj*
- *-**soka** Пус. ◇ *osôka*
- ***sokolikъ** Лека ◇ *sakôl'ik* ● Зад. *sakôl'ik*, 2× Pl *sakôl'ik'и*
- ***sokolъ** Пус. *sókъl* ◇ *sókъl*, G *sókъlъ*, Pl *sókъlы* ● Лека *sakôl* 3× | *sókal*, Pl *sókaлы* ◇ *sakôl* | *sókъl* ● Нов. *sókъl*, G *sókъlъ* ● Зад. *sókal* 4×, Num *sókala* 2×
- ***sokъ** Пус. *sok* 2× ◇ *sok*, G *sóku* ● Нов. *sok*, G *sóka* ● Hex. *sok*
- ***soldъ** Пус. *sólъt* 3× ◇ *sólъt*, G *sólъdъ* ● Нов. *sólъt* 4×, *sólat* ● Зад. *sólat*, G *sólatu*
- ***solma** Пус. ◇ *solôma* ● Нов. A *salômъ* 2× ● Hex. *salôma*, A *salômu* 2×, In *salômъj* 2×

- ***soln**= Лека ◇ Adv *sólъnъ*
- ***solv-** ‘**соловей**’ Лека Pl *salónvušk'i* • Зад. *salónvuška* 5×, *salónvuška*, A *salónvušku* 4×, *salónvušku* 3×, D k *salónvušk'i*, k *salónvušk'i*
- ***solъ** Пус. *sol'* 2×, In *s sól'ju* • Лека In *sól'ju* ◇ *sol'*, In *sól'ju* • Нов. *sol'* 4×, In *sól'ju* 3×, L *fsól'i* 2× • Hex. *sol'* 3×, G *sól'i* 2×, In *sól'ju* 5× • Зад. In *sól'iju* 2×
- ***solъca** • Hex. | G *sól'ic'k'i* 2×
- ***somъ** Пус. ◇ *som* • Лека ◇ *som* • Нов. *som* 4× • Hex. *som* 2×
- ***sopja** Лека ◇ Pl *sópl'i*
- *-**sora** Пус. ◇ Pl *ssóry* • Лека ◇ *ssóръ*
- ***sorka** Пус. ◇ *soróka* • Hex. *saróka* 2×
- ***sorъ** Пус. *sor* ◇ *sor*, G *sóru* • Лека ◇ *sor* • Нов. *sor* 2×
- ***sosna** Пан. *sósna*, Pl *sósny*, G *sós'en* • Пус. Pl *sósny*, G *sós'in* ◇ Pl *sósny* • Hex. G Pl *sós'en*
- ***sošъka** Лека ◇ *sóšкъ*
- ***sova** Пус. ◇ Pl *sónы* | G Pl *sof* • Лека ◇ Pl *sónы* | G Pl *sof* • Hex. G Pl *sov* 2×
- ***soxa** Пус. A *sóxu* ◇ Pl *sóx'i* | G Pl *sox* • Hex. G Pl *sox* 2×
- *-**stanovъka** Пус. ◇ *ъstanófka* 2×, Pl *ostonófk'i*, G *ъstanófkъf*, *ъstanóvъk*; *ръstanóxкъ*
- ***stogъ** Пус. *stok* ◇ *stok*, G *stóga*, Num *stóga* • Лека ◇ *stok* • Нов. *stox* 3×, Num *stóga* • Hex. *stox* 8×, In *pat stóvъm*, *pat stóvъm*
- ***stojati** Пан. Imp 2 Sg *stój*, 2 Pl *stójt'ô* • Пус. ◇ Imp 2 Sg *stój* 2× • Hex. Imp 2 Sg *stój* • Зад. Imp 2 Sg *pastój* 2×, n' a *stój* 3×, *pastój-ka-s'* ⇔ Imp 2 Sg *stoj*
- ***stojidlo** Пан. *stóilo*
- *-**stojъ** Пан. *zastój* • Пус. ◇ *otstój*
- ***stojъka**, *-**stojъka** Лека ◇ n' *iustójk'ъ* • Нов. Pl *stójk'i*, Num *stójk'i* • Hex. D *stójk'i*
- *-**stojъn**= Пус. ◇ f. n' *idostójna*, Pl n' *idostójny* • Зад. Pl n' *edastójny*
- ***stolikъ** Пус. ◇ *stól'ik* • Лека ◇ *stól'ik*
- ***stolъ** Пан. *stów* • Пус. *stól* 2×, A *pot stól* ◇ A *stól* (passim), *za stól-тъ* • Лека *stól* 2×, A *za stól* 8×, *pat stól* {и орф. *na stól*} ◇ *stól* • Нов. *stól* 3×, A *na stól* 4× • Hex. A *pat stól*, *za stól* 2× • Зад. *stól* 2×, A *za stól* 2×
- *-**stolъje** Зад. D *pa zastól'ju*
- *-**stolъnikъ** Hex. Pl *nastól'n'ik'i* ‘скатерть’
- ***stonati** Пан. 2 Sg *stón'ôš* • Лека ◇ 2 Sg *stón'is* • Зад. 3 sg *stón'a*
- ***stonъ** Пус. ◇ *ston* • Лека *ston* ◇ *ston* • Нов. *ston* 2×
- ***stora** Пус. ◇ A *stóru*, Pl *stóry*, D *stóram*, L *stóръf* | G Pl *stop*
- ***storpъka** Лека ◇ *stóркъ*
- ***storna** Пан. D k *stóron'e*, Pl *stóronы* | G Pl *storón* • Пус. ◇ A *stóръnu* 3×, *na stóръnu*, Pl *stóръny* | G Pl *storón* 3× • Нов. A *fstóръnu* 2× | G Pl *starón* • Hex. A *stóръnu* • Зад. A *stóranu* 3× | G Pl *starón*

- ***stornьka** Зад. L *starônk* 'i | A *starônušku* 3×, *na starônušku*, L *starônušk* 'i 2×
- *-**stornьnj**= Лека In Pl *pastarôn* 'imi | In Pl *pъstarôn* 'im 'i
- ***storžь** Пус. *stórъš* | *stórъš*, G *stórъžь*, Num *stórъžь* • Лека | *stórъš* • Нов. *stóraš* 3×, In *stórъžam* 2×
- ***storžьka** Пус. | *storôška*
- *-**storžьn**= Лека | Adv *astarôžnъ*
- ***stročьka** Пус. || | Num *strôč* 'ič 'k 'i • Лека | *strôč* 'k 'ъ
- ***stroг**= Пан. m. *strok*, *strógoj* • Пус. | m. *stróгъj*, *stróгъj*, n. *stróгъ* • Лека | *stróгъj*, Adv *stróгъ* • Hex. Adv *stróгъ* 2×
- ***strojь** Пус. G *ыs strôja* | *strôj*, G *strôjь*, In *strôjьm*
- ***strojьka**, *-**strojьka** Пан. *postrôjka* • Пус. | *strôjьka* • Лека *nastrôjьk'a*; Pl *pastrôjьk* 'i | *strôjьk* 'ъ • Hex. *strôjьk'a*
- ***strojьn**= Hex. f. *strôjьna*
- ***stroka** Пус. | A *stróku*, Pl *strók* 'i | G Pl *strok*
- ***strožje** Пан. Comp *strôžъ* • Лека Comp *strôžь*
- ***stьlbikъ** Пус. | *stólb* 'ik
- ***stьlbъ** Пан. *stowp* • Пус. | *stolp* 3× • Лека | D *stólb* • Нов. *stolp* • Hex. *stolp* 2× • Зад. *stolp* 2×
- ***stьboлъ** Пус. | *stvól* • Нов. *stvól* 3×
- ***stьkьnъ**= Пус. | m. *stekól* 'nъjъ
- ***sukъnьka** Hex. *sukónk'a*, Pl *sukónk* 'i
- ***suron**= Пан. m. *surôf*
- ***svoboda** Пус. | A *slóbъdu*, Pl *slóbъdy* | G Pl *slobót* 'часть села' • Зад. A *slóbódu*
- ***svobodьka** Зад. *slabótka* 2×, L *slabótk* 'i 2×
- ***svobodьn**= Пан. m. *slobód'ôn*, -*d'en* • Пус. | n. *svobódnъ* • Лека Adv *slabódna* | Comp *slabódn* 'i | Adv *slabódnъ* • Зад. m. *slabódnaj*
- ***svojь** Пан. m. *svôj* • Пус. m. *svôj* | m. *svôj* (passim), D *po svôjimu* • Лека m. *svôj* {и орф. *svoj*} • Нов. m. *svôj* 2× • Hex. m. *svôj* 4× • Зад. m. *svôj* 3×
- ***svojьsk**= Hex. Pl *svôjьsk* 'ija
- ***сь** Пус. | *só s* 'm 'ix 'a
- ***сь-** (проверб) Пан. Prt m. *sóbraw*, *sóvraw* • Пус. | Prt Pl *sóbral* 'i • Лека | Prt m. *sóbrьl*
- ***сьdorv**= Пан. m. *n'ezdoróvoj* • Пус. | m. *zдорóvъj* 3×, f. *zдорóva* 3× || Adv *zдорóvъ* • Лека D *pa zдарóvu* 2× ; f. *zдарóva* 32×, *n'izдарóva* | Adv *zдарóva* 2× | Adv *zдарóvъ*, *pъzдарóvu* • Зад. f. *zдарóva*, Pl *zдарóvы* | Adv *zдарóva* 2×
- ***сьdorvьje** Hex. *zдарóv* 'ja 2×, *zдарóv* 'jъ, *zдарóv* 'je
- ***сьdorvati** Лека 3 Sg *zдарóvысыт* ' | Inf *zдарóvы:ыт* '

- ***сьлнѣсе** Пан. | G *ot sólnyška* • Пус. *sónce*, L *na sóncы* ∅ *sónъ* 2× • Лека *són'ca* ∅ *són'съ* • Hex. *són'съ*, *són'ca* 2×, *són'ce* 3×, L *na són'cи* 2×, *na són'ce* 2× • Зад. *sónca* 4×, G *sónca* | *sólnyška* 3×, G *sólnyška*
- ***сьнѣја** Лека ∅ *són'ъ*
- ***сьнѣ** Пан. *son* • Пус. *son* 3× ∅ *son* • Лека *son* 2× ∅ *son* • Нов. *son* 3× • Hex. *son* 6×
- ***сьнѣнѣ**= Hex. m. *són:uj* 2×, *són:ъj* • Зад. f. *són:aja*
- ***сьтѣ**= Пан. m. *sótoj*
- ***сьто** Пан. *sto* | G *dvíx sóт* • Пус. ∅ *sto* 5×, *f sto*, *stó-тъ* | G *dev'itsót*, *vъsemsót* • Лека ∅ *sto* • Нов. *sto* 2× • Зад. *n'e stó*
- ***сьтъ** Лека ∅ Pl *sóты* • Hex. Pl *sóты* 2×
- ***-сьтъ** Пус. ∅ *osót*, Pl *osóты*, Num *osóta* 'кусок прополиса' • Нов. *asót* 2×, G *asóta*
- ***сьтъка** Пус. ∅ G Pl *sótъk* • Hex. Pl *sótъ'i*, G *sótъk*
- ***сьтънѣја** Пус. ∅ G *sótъ'i* • Лека A *na sóтъ'u*
- ***сьхнѣти** Пус. ∅ 3 Sg *sóxn'it*, *zasóxn'it* • Hex. 3 Sg *sóxn'it* 2×; Prt m. *sox*, *ръs:óxs'e*, f. *sóxla* 2× • Зад. 2 Sg *zasóxn'is* 2×, 3 Sg *sóxn'a*, Prt Pl *n'e sóxn'a l'i*, Imp 2 Sg *n'e sóxn'i*, Inf *sóxnut'*
- ***telkti** (***тылκ**) Пан. Prt m. *towk*
- ***то** Пан. n. *tó* • Пус. Adv *tóže*, *tózo* ∅ n. *to*, *a tó*, *tó-ta* (passim); *tó l'i*, *kak'ix-n'itó*, *za tó*, *i tó*, *to l'* 2×; Adv *toš* (passim), *tóže* (passim), *tóža* 2×, *tóžъ* • Лека *to* 4× | Adv *tóža* ∅ n. *to*, A *pra tó*; *tó jis't'*; *na tó m'ěstъ* ⇔ *na tó m'ěstъ* | Adv *tóžъ* • Нов. n. *to* | Adv *tóžы*, *tóža* • Hex. n. *n'i tó*; Adv *tóža* 2× ⇔ *tóžъ* • Зад. n. A *zató*
- ***-тоцьнѣ**= Hex. f. *prětōč'nyja*
- ***-тоцьникъ** Нов. D *istōč'n'iku*
- ***токъ** 'площадка для молотъбы' Пус. *tok* 3×, In *tóкъm* ∅ *tok*, G *tóka* • Лека ∅ *tok* • Нов. *tókъ*, *tóg býl* 2× • Hex. *tok* 4×, A *na tók*, G *s tóka*
- ***-токъ** Пус. ∅ *rotók*
- ***-толѣька** Hex. A *na зьtalōč'ku*
- ***toli** Пус. ∅ Adv. *tol'*
- ***toliko** Пан. *tól'k'ō* • Пус. *tól'k'a* ∅ *tóka* 2×, *tól'k'i*, *tól'ka*, *tólk'ga*, *tól'kja*, *tól'k'e* 2×, *tól'kje*, *tól'kъ* 2×, *tók* • Лека *tól'k'a* 7×, *stól'ka* 2× ⇔ *tól'k'a* 2× ∅ *tól'k'ъ* ⇔ *tól'k'ъ* • Нов. *tóka*, *tókъ* • Hex. *tól'ka* 2×, *tól'k'a* 5×, *tól'k'ъ*, *stól'ka* 2× • Зад. *tól'k'a* (passim)
- ***-толкъ** Пан. *rotólōk* • Пус. *ръtolōk* 3×, f *ръtolōk-тъ*, f *rotolōk* ∅ *ръtolōk* • Нов. *ръtalōk* 3× • Hex. *ръtalōk* 3×
- ***tolkъnyнѣ**= Пус. ∅ f. A *тъlōkón:u*
- ***tonqti** Пан. 1 Sg *tón'ěš*, 3 Pl *tónut* • Пус. ∅ Prt m. *utóp* 3× • Лека ∅ 3 Sg *tón'it*, 3 Pl *tónut*
- ***topati** 'топать' Лека ∅ Inf *tópъt'* | Inf *tópnut'* • Hex. Imp 2 Sg *tópъn'i*
- ***toplivo** Пус. ∅ G *tópl'iva*, f. G *tópl'iv'i* 2× ⇔ G *tópl'iva*

- ***toroľь** Пус. *tóřľ' ∅ tóřľ'* • Нов. *tóral', tóřľ'*
- ***tororikъ** Лека Pl *tarôr'ik'i ∅ Pl tarôr'ik'i*
- ***torogъ** Пан. *torôr* • Пус. *torôr ∅ torôr* • Лека ∅ *tarôrъ-t* • Нов. *tarôr* 4× • Hex. *tarôr* 2×
- ***-торъ (от монать)** Лека In *s pr'itóram ∅ In s pr'itóřьm*
- ***торък= 'топкий'** Пан. м. *tóřkoj* • Лека ∅ м. *tóřkъj*
- ***-торъкъ (от топить [печь])** Пус. ∅ *rottôrъk* 'печь для обогривания дома'
- ***торъtati** Пан. 2 Sg *tóřc'eš* • Hex. 3 Pl *tôřcis:a ∥ 3 Sg tarôč'it'*
- ***торъ** Лека ∅ *tor'*
- ***totъ** Пан. м. *tôt, tód d'én'* • Пус. ∅ м. *tôt (passim), tód žъ* • Лека м. *tôt 5, f tôt ža* 2× ⇔ *tot ∅ м. tót ⇔ tot, tód žъ* • Нов. м. *tôt* 5× • Hex. м. *tot*
- ***tro(g)noŭti** Пус. ∅ 3 Pl *n'e trónut ∥ Imp 2 Pl ne trókte* • Лека 3 Sg *n'e trón'it; Prt m. n'e trónuls'i ∅ Inf trónut'*
- ***trogati** Пус. ∅ Prt м. *ne trógal, Pl n'e trógl'i* • Лека ∅ Inf *trógl't'* • Hex. 3 Sg *trógl'it'*, Ptc f. *n'i trógl'ьta* • Зад. Imp 2 Sg *tróglaj* 2×
- ***troje** Пан. *trójö, -je* • Лека ∅ *trójъ*
- ***trojъka** Пан. *trójka* • Лека ∅ *trójk'ъ* • Зад. *trójk'a, A trójk'u, L na trójk'i ∥ L na tróič'k'i* 2×
- ***tropa** Пус. ∅ A *trópu, Pl trópy ∥ G Pl trop*
- ***trъstъka** Лека ∅ ∅ *tróstъč'къ*
- ***tvarogъ** Пан. *tvarók* (заимствование) • Пус. ∅ *tvorók* • Лека *tvarók ∅ tvaròk*
- ***tvoj=** Пан. м. *tvój* • Пус. м. *tvój ∅ м. tvój (passim)* • Лека м. *tvój* 5× • Hex. м. *tvój* 2×
- ***-tvogъ** Пус. ∅ *rostvór*
- ***тъцька** Лека ∅ *tóč'къ*
- ***тъцьп=** Пус. ∅ Adv *tóč'нь* 3× • Нов. Adv *tóč'na, tóč'нь* • Hex. Adv *tóč'нь*
- ***тълкъ 'смысл'** Нов. *tolk, In s tólkъm* • Hex. In *tólkam*
- ***тъlst=** Пан. м. *tows* • Пус. ∅ *tólstъj, Pl tólstъje* 2× • Лека м. *tólstaj, Pl In tólstъm'i* • Нов. f. *tólstъja* 2×, Pl *tólstъj* • Hex. м. *tólstaj* 2×, *tólstъj, f. tólstaja, Pl tólstъi, tólstъji*
- ***тъlstje** Пан. Comp *tówščә* • Пус. ∅ Comp *tóls'':i*
- ***тъrgъ** Hex. *torx*
- ***тъřъп=** Пус. ∅ Adv *tóřнь* • Лека ∅ Adv *tóřнь* • Зад. Adv *tóřna* 4×
- ***тъnje, *тъnjъř=** Пан. Comp *tónšә* • Пус. ∅ Comp *rotónšъ* • Лека ∅ Comp *patón'i*
- ***тъпък=** Пан. м. *tónok* • Пус. ∅ ∅ f. *tónen'k'a* • Лека ∅ Adv *tónkъ ∥ м. tón'in'k'ъj* • Нов. Pl *tónk'ii* 2×, Adv *tónka, tónkъ ∥ Pl m. tón'in'k'ej, Pl tón'in'k'i* • Hex. м. *tónk'ij* 2×, *tónkъj, In tónk'im, Pl tónkъi ∥ м. tón'in'k'ij* • Зад. ∅ f. In *tón'in'k'iju* 2×
- ***velkti** Пан. Prt м. *volók*
- ***voda** Пус. A *vódu* 2× ∅ A *vódu* 2×, Pl *vódy* • Лека A *vódu* 2× • Нов. A *vódu* 2× • Hex. Pl *vódu* • Зад. ∅ G Pl *vód*
- ***-vodikъ** Пус. ∅ *zavód'ik ∥ G đъ zavód'iška*

- *-**водъ** Пан. *zavôt*, Pl *zavôdy*; *p'er'evôt* || m. *zavôtskoj* • Пус. L *v zavôd'i* ◇ *zavôt* (passim), L *v zavôd'i* (passim), G Pl *zavôdъf*; *pčъlovôt* 2×; *rozvôt*, *nъ rozvôt-tъ*; *svôt* (в пещи) || *pčъlovôt* • Нов. *svôt* 2× • Hex. L *v zavôd'e*
- *-**водъѣикъ** Пус. ◇ Pl In *p'irevôč:ыk'imi*
- ***водъка** Пан. *vôtka* • Лека G *vôtk'i* 7×, *b'ez vôtk'i*, A *vôtku*, *za vôtku*, In *vôtkaј* 3×, *s vôtkaј* {и орф. A *vôtku*, G *vôtki*} || A *vôtъcku* ◇ *vôtкъ*, A *vôtъcku* • Нов. || A *vôdъč'k'u* • Hex. *vôtka*, *vôtкъ* • Зад. G *vôtk'i* 2× || G *vôtač'k'i* 2×
- *-**водъје** (от *вода*) Нов. *pъlavôd'je*, *pъlavôd'ja*
- *-**водъје** (от *водитъ*) Пан. Pl *rovôd'ja*
- ***воъна** Пус. A *v vójnu* ◇ A *vójnu* (passim), *v vójnu* 3×, Pl *vójny*, G *voinj*
- *-**воънпкъ** (от *вуть*) Пус. ◇ *rovôjn'ik* (женский головной убор) • Нов. *upavôjn'ik* 2×
- ***воънпъsk=** Пус. ◇ L Pl *v vóinsk'ix*
- ***воънско** Лека *vôjska* ◇ *vôjskъ*
- *-**волъъ** Лека ◇ *svôlač'ju*
- ***воlja** Пан. *vôl'a* • Пус. *vôl'a* 3× ◇ *vôl'ъ*, A A *na vôl'u* 2× 'на улицу', *zъ n'evôl'u*, D Adv *pъnevôl'i*, L *na vôl'i* 5× • Лека G *vôl'i* 2×, A *vôl'u*, In *n'evôl'aju* L *na vôl'i* {и орф. In *n'evôl'aju*} ◇ *vôl'ъ*, In *n'avôl'ъju* • Hex. *vôl'a* 2×, *n'avôl'a* • Зад. *vôl'a* (passim), A *va n'evôl'u* 2×, G *vôl'i* 2×, L *u n'avôl'i* 2× || A *vôl'ušku*, G *vôl'ušk'i*, *iz n'avôl'ušk'i*
- ***волънъ=**, *-**волънъ=** Пан. Adv *vôl'no*; Adv *dovôl'no* • Пус. Adv *pъdnevôl'na* • Лека ◇ *vôl'nъj*; Adv *davôl'nъ* • Hex. f. *vôl'nae* || m. *davôl'nъj* • Зад. m. *davôl'an*; Pl *pr'ivôl'ny*, L *va pr'ivôl'nyx*
- *-**волънъstvo** Пан. *udovôl'stvo* • Hex. In *s udavôl'stv'ijem*
- ***воlkъ** Нов. In *vôlъkъm* 3×
- ***воlkъно** Пус. ◇ Pl *volôkna*
- ***воlsikъ** Нов. Pl *vatôs'ik'i*
- ***volstъ** Лека G *vôlyst'i* 2×, Num *vôlyst'i*
- ***volсъ** Пан. *vôlos* • Пус. *vôlъs* 2×, *vôlas*, Pl *vôlъsy* || G Pl *volôs* ◇ *vôlos*, G *vôlъсъ*, Pl *vôlъsy* || G Pl *volôs* • Лека A *n'i na vólas* ◇ *vôlъs* • Нов. *vôlъs* x, *vôlas* 3×, Pl *vôlъsy*, *vôlъsy* 2× • Hex. *vôlъs* 2×, *vôlyts*, Pl *vôlasu*
- ***volсъје** Пан. G *volôs'ja* • Нов. Pl *vatôs'ji* 5×
- ***volъ** Пус. ◇ *vol* • Лека ◇ *vol*
- ***вопъ** Лека ◇ *von'*
- ***ворb-** 'воробей' Пус. || ◇ *vorôbušыk*
- ***ворn=** Лека ◇ L *na vórъn'i nъ kan'ě* (в песне) • Зад. G *vórana*, AG *na vórana*, L *na vórana*, *ab vórana*
- ***ворna** Пан. *vorôna* • Пус. *vorôna* 4× • Лека G Pl *varôn* • Hex. *varôna* 4× • Зад. *varôna* 3×
- ***ворпъ** Пус. *vórъn* 3× ◇ *vórъn*, G *vórъnъ* || *Vórъnъf* • Нов. *vórъn* 3× • Hex. *vóran* • Зад. *vóran* (passim)

- *-voršьka Пус. $\diamond$ *zavorošьkь*
- *vorta Лека *varóty, za varóty* 2×, G u *varót* 8×, iz *varót*, D k *varótam* $\diamond$ *varóty*, G u *varót*, D *varótytm* • Нов. *varóta* 2× • Зад. *varóty* | Pl *varótušk'i*
- *vortjati Пус. $\diamond$ Inf *voróčic:a* • Нов. 3 Sg *zъvaróč'eic:ы, varóč'ic:ь* 2× • Hex. 1 Sg *n'i varóč'iju, n'i varóč'ijus'*; Prt f. *varóč'ela, pъvaróč'ela*, Inf *varóč'at'* $\Leftrightarrow$ 2 Sg *varóč'eiš*
- *-vortь Пус. $\diamond$ *porovorót* 2× • Лека Adv *naaborót*; L Pl *na pavarótaf* • Нов. *pъvarót*
- *vortь 'воротник' Пус. *vórьt* 2× $\diamond$ *vórьt*, In *za vórьtym* • Лека $\diamond$ *vórьt* • Нов. *vórьt* 2×, *vórat*, A *za vórьt*
- *vorxь Пус. $\diamond$ *vórьx* • Нов. *vórьx, órьx*, G *vórьxa*
- *vorь Пус. *vor* 2× $\diamond$ *vor*, G *vóra*, Pl *vóry* • Лека $\diamond$ *vor* • Нов. *vor* 4×, Pl *vóry* • Hex. Pl *vóru* • Зад. *vor*
- *-vorь Пус. $\diamond$ *zavór* 'калитка'
- *-vorьnica Лека Pl *pr'itvórn'icy*
- *voskь Пан. *vosk* • Пус. *vosk* 2× $\diamond$ *vosk*, G *vóska* • Лека $\diamond$ *vosk* • Нов. *vosk* 3×, G *vóska* • Hex. *vosk*
- *vozďja Пан. Pl *vózъy* • Лека $\diamond$ Pl *vózъ'i* • Hex. Pl *vózъu* 3×
- *vozь Пус. *vos* $\diamond$ *vos*, G *vózь*, Num *vózь*, In *za vózьtm* • Нов. *vos* 2×, In *za vózьtm* 2×, Num *vózь* • Hex. *vos* 5×
- *-vozь Пан. *p'er'evós*, L *na p'er'evóz'e* • Пус. $\diamond$ *navós* | *pъronós* 3×, *t'iplavós* • Лека *p'ir'evós* 5×; *vydavós* 7×, *vydavóza* 3×, D *vydavózu* 3× {и орф. D *vydavózu*} $\diamond$ D *vъdavózu* • Нов. *navós* 3× • Hex. G *navózu*
- *-vozьčikь Зад. G *izvóš:č'ik'a*; *p'er'avóš:ыk* 4×; *p'er'avóš:ыč'ik*; G *p'er'avóš:ыč'ka*
- *-vozьka Лека G s *pavósk'i* $\diamond$ G s *pavósk'i*; In *pr'ivóskaj* • Hex. *pavóska* 2×, L *пъ pavósk'i* 2×
- *vь Пан. *vódl'e* • Лека *vó pal'i*; *na vós'a* 2× 'навсегда' $\diamond$ *vó pьl'i*; *xót' na vós'a* («на вове») • Зад. Adv *vóvs'i*
- *vьdova Пус. $\diamond$ Pl *vdóvy*, D Pl *vdóvьtm* | G Pl *vdóf* | *Vdón'in*
- *vьdovьka Пан. *vdófka* • Зад. | *udóvuška* 3×, G u *udóvušk'i*, A *wdóvušku*, D *ko wdóvušk'i* $\Leftrightarrow$ G u *wdóvušk'i*
- *vьgl= Hex. m. *vógluj*, *vóglaj*
- *vьjь Пус. *voj* 2× $\diamond$ *voj*, G *vójь*
- *vьпъ Нов. *von* 2×
- *vьрjь Пус. $\diamond$ *vórьl'*
- *vьšь Пан. *voš* • Пус. *voš* • Нов. *voš* 2× • Hex. *voš* 2×
- *vьтогьникь Пан. *oftór'n'ik* • Лека $\diamond$ *ftór'n'ik* • Hex. *ftór'n'ik*
- *vьz(ь)- (преверб) Пус. $\diamond$ Prt n. *vzórvaľь*
- *vuti (*vьjо) Пус. 3 Pl *vójut*

- ***вѣкъ** Пус. *volk*, Pl *vólk'i* 2× ◇ *volk*, *vólko-t*, In *za vólkѣm*, Pl *vólk'i* • Лека *volk*, G *vólka* 4×, D *vólku* • Нов. *volk* 2× | f. *Vólkŭna* • Нех. *volk* 4×, G *vólka*
- ***вѣлна** ‘волна’ Пус. ◇ Pl *vólny*
- ***вѣлна** ‘шерсть’ Нех. *vólna* 4×, A *vólnu* 2×, G *vólnu*
- ***хлор-** Пус. Adv *xlor* • Лека ◇ Adv *xlor* • Нех. *xlor* 2×
- ***хлорати** Пус. ◇ 3 pl. *naхлорѣjut* • Лека In *s pr'ixlóryvan'jem* ◇ Inf *xлорѣt'* | Inf *xлорnut'* | In *s pr'ixloiryvŋn'jem*
- ***хлоротати** Пан. 2 Sg *xлорѣс'ѣš*
- ***-ходѣ-** Пус. ◇ m. *рохѣš* 2× ⇔ *рохѣš* • Нех. m. *рахѣžej* 2×, *прахѣžѣj*, *прахѣžиuj*, Pl *рахѣžи*
- ***ходогъ** Нех. In Adv *хѣдѣгѣm зѣхад'il'i*
- ***ходѣ** Пан. *xot* • Пус. ◇ *xot*, G *xóda*, *xódu*, In Adv *хѣдѣm* • Лека ◇ *xot*
- ***-ходѣ** Пан. *zaxót*; *pr'ixót*, L f *pr'ixód'e*; *sxót*, L *na sxód'e*, Pl *sxódy*, L *na sxódaх* | *paroxót*, G *paroxóda* • Пус. ◇ Pl *дытохѣды*; G Pl *p'irexódѣf*; *proxót* 2× • Лека Pl *daxódy*; *patxót*; *pr'ixót* 2× D *pr'ixódu* 2×, *pr'ixóda*, Num *pr'ixóda*, G Pl *pr'ixódaf* 2×, L *pr'xódaf*; L *praxódѣf* {н орф. G *pr'ixóda*; G Pl *praxódѣf*, L *praxódaf*} • Нов. *fxót* | Pl *p'raxódy* • Нех. G *fsxóda*; *dumaxót* 2×; *atxót*, *p'er'ixót* • Зад. *p'er'axót*, G *p'er'axódu*; G *s raxódu* | *paraxót*; *paraxód'ac* 2×
- ***ходѣк=** Лека ◇ m. *хѣтѣj*
- ***-ходѣка** Пан. A *na sxótka* • Лека ◇ *sxótѣ*
- ***-ходѣн=** Пус. ◇ f. *рохѣdna*
- ***хѣдѣ** Пус. *хѣтѣ* ◇ *хѣтѣ*, G *хѣтѣдѣ* • Нов. *xólat* 2×, *хѣтѣ* • Нех. *хѣтѣ*
- ***хѣдѣн=** Пан. n., Adv *xólodno* | m. *xólodnoj* • Пус. ◇ m. *хѣтѣd'in*, Adv *хѣтѣdnѣ* 2× | m. *xólodnyj* • Лека | n. *xalódnaja* • Нов. Adv *хѣтѣdnѣ* 3×, *хѣтѣdna* • Нех. Adv *хѣтѣdna* | m. *xalódnuj*, f. *xalódna* | f. *xalód'n'in'k'ѣ* • Зад. | n. L *xalódnam*, f. *xolódna*, *xalódnaja*, In *za xalódnaј*
- ***хѣлрѣ** Пус. *xalór* 2×
- ***хѣлст=** Пус. ◇ m. *хѣлѣst*, Pl *хѣлѣstы* • Лека m. *xólast* 3×, Pl *xólыstы*, *xólastы* 3× ◇ *хѣлѣst*, Pl *ѣбѣ хѣлѣstы* • Зад. m. *xólast*
- ***хѣлѣка** Лека ◇ *хѣлѣкѣ* • Нех. *xólka*
- ***хѣрмина** Пан. *xoróm'ina*, A f *xoróm'inu*
- ***-хѣрныл=** Нех. f. *p'xarôn'ѣja*
- ***хѣрѣš=** Пан. m. G *xorôšona*, Pl *xorôšыjo* • Пус. m. *xorôšej* 2×, G *xorôševŋ* ◇ m. *xorôš*, *xorôšыj* (passim), *xorôšѣ-tѣ*, D *p'ѣ xorôšѣm*, f. *xorôša* (passim), *n'ixorôša*, n. *xorôšo*, *xorôšѣ*, A *xorôšu* 2×, Pl *xorôšыje* (passim), G *xorôšыx* ⇔ m. *xorôšыj*, Pl *xorôšыi* • Лека n. *xarôšыja* 3×, G *xarôšѣnѣ*; f. *xarôšыja* 4×, *гысxarôšыja*, *гысxarôšыja* 3×, A *xarôšыju*, *гысxarôšu*, Pl *rasxarôšыja*, G *xarôšыx* ◇ *xarôšыj*, n. *xarôšѣjѣ*, f. A *xarôšѣju*, *гысxarôšu*, Pl *p'ъscharôšыjѣ* • Нов. *xarôšыj* 6×, *xarôšaj*, G *is xarôšыnы*, Pl *xarôšej* • Нех. m. *xarôšaj* 2× • Зад. m. *xarôš*, *xarôšaj* | m. *xarôšыn'k'eј*

- *-xota Пан. *oxóta* ● Пус. ∅ In *zъ oxótъj*, L *v oxót'í-tъ* ● Лека *axóta* 7×, G *axóty*, A *axótu*, *na axótu*, In *n'í axótaju*, *axótaaj* 2× {и орф. A *axótu*} ∅ In *axótъj* ● Нех. *axóta*, A *nъ axótu*
- *-xotъnikъ Пус. ∅ *oxótъ'ik*, G Pl *oxótъ'ikaf* ● Лека {орф. G Pl *axótъ'ikaf*} ● Нов. Pl *axót' n'ik'í* ● Нех. *axótъ'ik* ● Зад. ∅ *axótъ'ic'ik*
- *xotěti Пан. 1 Sg *xóc'ǫš*, -c'ěš, 2 Pl *xóc'et'ǫ*, 3 Pl *xóc'ut* ⇔ 2 sg *xōš* ● Пус. ∅ 2 Sg *xōč'is* 2×, *xōč'ēs*, *xōš* 5×, 3 Sg *ne xōtсъ* 2×, *xōс:ъ* ● Лека 2 Sg *xōš*, *xōсыš* {и орф. *xōсыš*} ∅ Conj *xót'* ∅ 1 Sg *n'e xóci*, *n'e xōč'u*; 2 Sg *xōсыš*, *xōš*, 3 Sg *zaxōč'ъ* ∅ Part *xot'*, *xut'* ● Нов. 3 sg *xōčъ* 'хочется' ● Нех. 3 Sg *xōč'ic:ъ*, *xōс:a*, 3 Pl *n'í xōč'ut'* ⇔ 2 Sg *xōč'is*, 2 Pl *xōč'it'a* ∅ Part *xot'*, *xut'*, *xpč'* 2× ● Зад. 2 Sg *xōč'is*, 3 Sg *xōč'a* 4×, *n'a xōč'itca*, *xōč'itca* ∅ Part *xót'* 5×; *xōš* 3×
- *-xotj= Пан. m. *slovooxóc'ej*
- *xoxotati Пан. 2 Sg *xoxóc'ēs* ● Лека ∅ 1 Sg *xaxōč'u*
- *xoxъль Пус. ∅ *xoxól* 2× 'украинец'
- *xrom= Лека m. *xróm*
- *xrom- Лека Adv *xróm-xróm*
- *xvoja Пус. *xvója*
- *xvojn= Нех. f. *xfǫjnja*
- *xvor= Пан. m. *xvǫroj* ● Нех. m. *xfǫraj*, *xfǫrъj*, *xvǫraj*
- *xvorstъ Пан. *xvóros* ● Пус. *xvóръst* 5× ∅ *xvóръs*, G *xvóръstъ* ● Нов. *xvóръs*, G *xvóръstu* ∅ *xvarǫst* 2× ● Нех. *xvǫrast*
- *xvostikъ Пус. ∅ *xvós't'ik* ● Лека ∅ *xvós't'ik* ● Нов. *xvós't'ik*
- *xvostjъ Пус. *xvōš'.*, *xvōš'č'.* ∅ *xvōš'.*, *xvōš'č'.* ● Лека ∅ *xvōš'.* ● Нов. *xvōš'.* 3×
- *xvostъ Пан. *xvós* ● Пус. *xvōst* 2× ∅ *xvōst* ● Лека ∅ *xvōst*, *fōst* ● Нов. *xvōst* 2× ● Нех. *xvōst* 5×
- *-xvostъnikъ Зад. ∅ G Pl *naxvōstn'ic'k'av*
- *xъlmъ Лека ∅ *xolm* ● Нов. *xolm* 2× ● Нех. *xolm* 2×
- *xъlstъ Пус. ∅ *xolst* ● Нов. *xolst*
- *xъrkotina Пан. *xrakót'ina*
- *-ъьска Лека A *d'evócku* ∅ *d'evóckъ*, A *d'evócku*, Pl *d'evóck'í*
- *-ък= Пан. m. *l'ogók*, *korotók* ● Нов. m. *kъratók*
- *-ъкъ Пан. c'v'ǫtók, c'ulók, glotók, jodók, jozdók, mołotók, p'osók, polók, s'ǫdók, v'onók, xodók ∅ *kusóc'ik* ● Пус. *č'ěnók*, *komók* 3×, *mostók*, *pesók* 2×, *š'č'ěnók*, *venók* 4×, *v'e-nók* 4× ∅ *čolnók*, *glotók*, *Gudók*, *za kurók-tъ*, *kusók*, *tъmołotók*, *synók*, *venók* ∅ Pl *kusóc'k'í*, *l'istóc'ik* 2× ● Лека *klubók* 10×, *kusók*, *p'ēsók*, *platók* 2×, *sakalók* ∅ L *na dubóc'k'í*, Pl *gъlubóc'k'í*, G *kustócku*, A L *v l'esóc'k'í* ∅ L *gadók*, *kusók*, *klubók*, *p'etók*, *sъkalók*, *synók* ∅ L *na dubóc'k'í*, *nъ dubóc'k'í*, G *kustócku*, *platócъk* ● Нов. *časnók* 4×, *klubók*, *kusók*, *kuzavók* 3×, *ъьkatók*, *p'ēsók*, *pъlatók*, *pъlatók* 5×, In *snaróc'k'im'ŷ*, *uçalók* ∅ L *kusóc'ĭk*, *dvá kusóc'k'a* L *pъ p'asóc'k'u* ∅ G pl *b'is partók* ● Нех. *č'asnók* 3×, *č'atnók* 4×,

γῆρβόκ, κῆχατόк, mastók 2×, пῆχῆτόк, p'asók 3×, p'esók 3×, platók, pῆtók, stanók, sunók 3×, š':enók 2×, v'anók 2×, v'enók | Pl *dubóč'k'i*, In *kamóč'k'əm*, *kusóč'ik* • Зад. *t'v'etók* 7×, *дытók*, *γадók*, *γарадók*, *w γарадók*, *kamók*, *pat kustók*, *l'edók*, *l'enók*, *va l'esók*, *va sadók*, *taparók*, *v'enók* | In *b'er'ežóč'k'am*, *t'v'etóč'ik*, Pl *t'v'etóč'k'i* 2×, G Pl *tv'etóč'k'av*, *č'esóč'ik* 2×, *dubóč'ik*, L *na dubóč'k'u*, *дытóч'ik*, *γадóч'ik*, Pl *γalásóč'k'i*, *u γaradóč'ik*, L *γaradóč'k'u* 2×, Pl D *γaradóč'k'am*, In *pat kustóč'k'am* 2×, *pat kustóč'ik*, *l'istóč'k'i*, In *lužóč'k'am*, L *w lužóč'k'u* 2×, Pl *m'estóč'k'i*, Pl D *p'asóč'k'am*, *platóč'ik*, In *platóč'k'am*, *puróč'ik* 2×, *rakavóč'ik*, L *sadóč'k'u* 2×, D *pa sadóč'k'u*, *sl'edóč'k'a*, Pl *sl'edóč'k'i*, *sl'adóč'k'i*, In *sl'edóč'k'am*, G Pl *sl'edóč'k'av*, *snapóč'ik* 3×, *сынóч'ik*, *uzalóč'ik*

*-ъвь, *-ъвька, *-ъвьја Пан. *sv'okróf*, *morkóf* ⇔ *l'ubóf*, G *l'ubón'i* | m. *c'erkónvoj* • Пус. *o l'ubóf*; G *markón'i*; *svjokróf* 3×, *svęokróf*, G *svęokrón'i*, In *sv svekrón'ju* | *zolófka* • Лека *o l'ubóf*; *markóf*; *s'v'ekróf* | *Markóf'k'in* | m. *cerkónvaj* • Нов. *mῆrkóf* 2×, G *mῆrkón'i*; *s'v'ekróf* 3×, D *s'v'ekrón'i*, *k s'v'akrón'i* | A *markóšku*, G *markóšk'i* ⇔ *l'ubóf* 3× | *zalófka* • Hex. *sv'akrón'ja* 3× | *zalówka*, *markónka* • Зад. *sv'ekrón'ja* | *sv'ekrón'juška* ⇔ *l'ubón'* 5×, L *u l'ubón'i* 2×, In *l'ubón'ju*, *l'ubón'iju*

*zěvota Лека *o z'evótъ*

*znakom= Пус. *o m. znakómъj* 3× • Лека G *znakómъna* *o* G *znakómъnъ*

*znojъ Пус. *znoj* *o znoj*, G *znójъ* 'чад от печки' • Нов. *znoj* • Hex. *znoj* ⇔ *znój* 'сырая холодная погода'

*znojъn= Нов. m. *znójъnj*, f. *znójъnъ* • Hex. f. *znójъnja* 2× ⇔ f. *znójъnja* 'промогзлая (о погоде)'

*zobati Пан. 2 Sg *zobl'os*

*zobota Лека A *zabótъ*

*zobъ Пус. *zor* *o zor*, G *zoba*, Pl *zoby* • Нов. *zor*, G *iz zoba*

*zola Пус. *o A zólu* | *Zól'in* • Нов. A *zólu*

*zolt= Лека m. *zalót* 2× *o zalót p'er's't'in'* (в песне)

*zolto Пус. *o zóltъ* • Нов. *zól'ta*

*zorja Пус. *o zoriǰa*, A *zóriju*, Pl *zór'i* ⇔ *zór'i* | G Pl *zór'* ⇔ *zor'* | *Zór'in*

*zorjъka Лека *o zór'k'ъ* • Зад. | *zór'uška*, In *za zór'uškaj*

*-zorgъ Пус. *o In pǝd nadzórъm* • Нов. Num *padzórъ* 2×

*zorgъk= Лека *o zórкъj*, Adv *zórкъ*

*-zorgъn= Лека Adv *razórna*

*zvopъ Пус. *zvop* 2× *o zvop*, G *zvóna* • Лека G *zvónu* • Hex. *zvop* • Зад. *zvop*, A *va zvón*

*-zvopъ Пус. *o pustozvón*

*zvopъk= Зад. Adv *zvónka*

*zvopъčat= Зад. Pl *zvónčatai*

*zъl= Пан. m. *zol*

*зълѡбьн= Зад. m. *n'ē zlob'ēn*

*зълостьн= Нех. Adv *zlōsna*

*животъ Пус. *žyvôt* 2× ◊ *žyvôt* • Лека A *n'i na žyvôt* ◊ *žyvôt* • Нов. *žyvôt* 4× • Нех. *živôt* • Зад. *žyvôt*

4.1.1.4. Фонемы «типа о» после твердых согласных в заимствованиях и именах собственных

аборт Пус. ◊ Pl *obórty*

Авдотья Пан. *Ovdót'ja*

автобус Пус. ◊ *aftóbъs*, A *nъ aftóbus*, L *nъ oftóbus 'i*, *v aftóbus 'i*, *aftóbъs 'i* 2× • Нех. *av-tóbus*, *ъvtóbus*

алкоголик Пус. ◊ *alkogól'ik* 2×

аналой Лека G *u nalója* ◊ G *u nalóъ* • Зад. G *krúx nalóju*

Антон Пан. *Ontón* 2×

Апросья Пус. ◊ *Oprós 'a*, *Oprósja*, A *Oprós 'u*

балкон Нех. A *nъ balkón*

баллон Нех. Pl *balónu*

батон Пус. ◊ Num *batóna*

беззаконный, беззаконие Зад. Pl D *b'ez:akón:ыт* | Pl *b'ez:akón 'ija*

бетон Пус. *b 'itón*, Pl *b 'itónы*

благородие Лека *vášъ blъgaród 'ъ*

Богородица Пус. *Въгорód 'ic* • Лека G *Bayaród 'icy* • Зад. *Bayaród 'ica* 2×

бомж Нех. *bomš*

Боровск Нех. L *w Bórъfsk 'i*

борщ Пус. *borš ':*, *borš 'č'* • Нов. *bor 'š ':* • Нех. *bor 'š ':* 4×

бүтерброд ехочи Pl *but 'erbródu*

вагон Пус. ◊ *vagôn*, L *v vagôn 'i* 2×, Pl L *v vagónaf*

вздых Зад. Pl In *vazdóxam 'i*

винтовка Пус. ◊ *s v 'intófkъj*

Вовик, Вовка Пус. ◊ *Vón 'ik* 2×, A *Vófku* 2×

воздух Нех. *vózdux*

Волга Зад. L *Vólг 'i*

Володя, -дька Пус. ◊ *Volót 'ka*, G *u Volót 'k 'i*, In *s Valót 'kъj* • Нех. *Valód 'a* 2×

вопрос Нех. *vaprós*

Воронецкая Зад. f. G *bl 'is Varón 'ickaj*

восток, восточный Пан. *vostósnaj* • Лека D *k vastóku* 2× | f. *vastócnaja* ⇔ ◊ *vastók*

- восход** Пан. *vosxôt*
- высотник** Пус. ◇ *vyšótn'ik*
- гардероб** Пус. ◇ *gard'iróp*
- гармонь, гармония** Пан. *garmón'ija, -je* • Пус. ◇ *garmón* 4×, L *nъ garmón'i* • Нов. *γarmón' 5×*
- Григорий** Пан. *Gr'igór'ej* • Нех. | f. *Gr'igór'jъvna*
- грош** Пус. ◇ Pl *gróšy* • Лека ◇ *groš*
- доктор** Пан. *dóxtur*
- Дон** Зад. D x *Dónu, pa Dónu*
- Доня** Зад. *Dón'a 3×, G u Dón'i, A Dón'u* | D *Dón'ušk'i*
- дрогн, дрожки** Пус. ◇ Pl *dróg'i, L na drógrъf* • Лека ◇ Pl *dróg'i* | Pl *dróšk'i*
- Егор(ий), Егорьевск** Пан. *Jogór'ej* • Пус. ◇ G *iz Jegór'jifska, L v Jegór'jifskъm* • Лека *Jegór* | G *iz Jegór'isk'a* ◇ *Jegór* | *Jagór'isk'aj ujěst, G Jegór'isk'iva, D Jegór'is'k'amu ujězdu*
- Заколпье** Пус. ◇ *Zakólp'je*
- зверобой** Пус. ◇ *z'v'irobôj*
- икона** Пан. In s *ыкónoj* • Лека G *икóны, A ikónu 3×, In s ыкónaj 2×, Pl икóны* ◇ *икóna, In s ыкóпъj* • Нов. Pl D *k ыкóпъm 2×*
- калоша** Пан. *kalóša* • Нех. G Pl *kalóš*
- камзол** Зад. *kamzól, L va kamzól'i*
- каморка** Пус. ◇ *kamórka*
- картофь, картофель** Пан. *kartóf'el'* • Пус. ◇ *kartóf'* (passim), G *kartón'i* (passim) ⇔ G *kartón'iny*
- картошка, картоха** Пус. ◇ A *zъ kartóšku* • Нов. G *kartóšk'i, A kartóšku* • Нех. *kartóxa, G Pl kartóx | kartóškъ, A kartóšku 2×, L v kartóšk'i*
- кило(грамм)** Пус. ◇ *dvá k'iló, pълk'iló*
- километр** Пус. ◇ G *k'ilómetra, G Pl k'ilóm'itrъf* • Нов. G pl *k'ilóm'itrъf*
- кино** Пус. ◇ *k'inó 3×*
- кислотный** • Пус. ◇ f. L *f k'istóпъj 3×*
- Ковров** Пус. *Kovróf, G is Kovróva, L f Kovróv'i*
- ковш** Лека *kóš* • Нех. *kovš*
- колхоз** Пус. ◇ L f *kolxóz'i* ⇔ *f kolxós* (passim), G *kolxóza, L f kolxóz'i* (passim) • Нех. *kълxós, L v kalxóz'e 2×*
- Коля** Пус. ◇ A *Kól'u* • Лека ◇ *Kól'ъ*
- комбикорм** *kanbikórm-ta*
- комната, комнатный** Пус. ◇ A *kóппъти 3×, L kóппъ'ti* ⇔ D *k kóппъ'ti, L kóппъ'ti 2×* | f. *ъпнокóппътна, A dvixkóппъти, trъoxkóппъти, L f trъoxkóппъtnъj*
- конка** Лека ◇ *kónkъ*

- контора** Пус. ◇ *L f kontór'i* ● Зад. G *s kantóry*, L *kantór'i* | *kantóruška*
- коридор** Пус. ◇ *A f kəl'idór*, *L f kəl'idór'i* 3× ● Нех. L *u kal'idór'e*
- Костя** Лека ◇ *Kós'tъ*
- кофе** Лека ◇ *kófъ* ● Зад. G *kóxv'iju*
- кофта, кофточка** Пус. ◇ *A kóftъč'ku* ● Лека ◇ *kóftъ* ● Нов. Pl *kófty*
- кролик** Пус. ◇ *król'ik*, G *król'ika-tъ*, Pl *król'ik'i* 2×, G *król'ikъf* 3× ⇔ Pl *król'ik'i* ● Лека
◇ *król'ik* ● Нех. Pl *król'ik'i*, G *król'ikъv*
- лазоревый** Зад. m. *lazór'ivaj* 2×
- Леонтий** Пан. *L'ónon't'ej*
- леспромхоз** Пус. ◇ *v ljespromxóz'i*
- лодырь** Пус. ◇ *lódьr'* 5× ● Лека ◇ *lódьr'*
- лошадь** Пус. ◇ *lósъt'*, G *u lósъd'i*, L *na lósъd'i* 2×, Pl *lósъd'i* ● Лека *lósat'* 3×, *lósъt'*, D
pa lósad'i ◇ *lósat'*, *lósъt'*, D *pa lósъd'i* ● Нов. *lósъt'* 2×, *lósъt'*, G *u lósъd'i*, In *za lósъd'ju* ● Нех. *lósat'*, A *na lósét'*, G *w lósad'i*, In *lósъd'ju* 2×, L *нъ lósad'i*
- мода** Нов. *móda*
- Москва** Лека ◇ *A Móskvu*
- московский** Пус. ◇ m. *moskófsk'ej*, *moskófsk'ij*, f. *moskófsk'ęa*, *moskófska*, G *iz moskóf-skъj*, D *k moskófskъj* ⇔ f. *moskófska* ● Лека Pl *maskófs'ija* 2× ◇ Pl *maskós'k'ijъ* ●
Нех. Pl *maskónskai* ● Зад. m. In *s maskónsk'im*
- мотор** Пус. ◇ *matór* 2×, G *u matóra-tъ*
- Никола (праздник)** Лека *M'ikóla* 2, A *M'ikólu*, G *s M'ikóly*, *M'ikóly* ● Зад. *M'ikóla*
- область** Пус. ◇ *óblъst'*, *óblas't'*, G *óblъst'i* (passim)
- общий** Пус. ◇ G *óps':iva* | Adv *vópš'im* (passim)
- овощ** Нех. Pl *ónaš':i*, *ónъš':i*
- одеколон** Нех. In *ad'ikalónъm*
- Ольга, Оля** Пан. *Ól'en'k'á*, *Ól'ja* ● Пус. A *Ól'ic'ku* ● Лека ◇ *Ól'a*, *Ól'ic'къ* ● Зад.
Ól'uška 2×
- омуль** Лека ◇ *ómъl'*
- Осип** Пан. *Ós'ip*
- осьминог** Нех. *asm'inôx*, *as'm'inôx* 2×
- пальто** Пан. *pal'itô*, *pal'tô* ● Пус. ◇ In Pl *pól'tъm'i* ● Нех. *pal'tô*, G Pl *pól't*
- Паньково** Пан. *Pan'kóno*
- папироска** Лека ◇ *pap'iróskъ* ● Зад. | Pl *pap'irósac'k'i*
- патрон** Нех. *пътрón*, L Pl *v пътрónъx*
- Петровки (праздник)** Лека {орф. In Pl *P'etrófkam'i*} ● Нех. *P'etrôwk'i*, *P'atrôvk'i* 2×
- Плоня** Лека ◇ *Plónъ*
- погоны** Зад. Pl *рауónы*
- Погоща, Погощица** Лека *Pagóšča*, *Pagóst'iš:ы*

- Покров (праздник)** Пус. ◇ *Pokróf* ● Нов. *Pakróf* 2×
полномочный Пан. *polnotóšnyj*
полуштоф Лека ◇ *palštóf* ● Зад. *paluštóx*
Поля Лека ◇ *Pól'ъ*
помидор Нех. Pl *pъm'idóry* 2×, G *pъm'idôr*
помощь Пус. ◇ *pómъš'*: ● Нов. *pómъš'*: 4×, *pó-maš'*:
Поповки (праздник) Нов. Pl нь *Papóf'k'i*
почта Пан. *póčta* ● Пус. ◇ *póčta-tъ*, A *na póčtu*, L *na póčt'i* 2× ● Лека *pôč'ta* ◇ *póštъ*
преисподня Зад. G *pr'eispódn'ej*
престол Пус. ◇ *prestól* ● Лека *pr'estól* ● Нех. *pr'istól* ● Зад. *pr'astól*, L *na pr'astól'i*
притон Пус. ◇ *pr'itón*
проба Лека ◇ *próba*
пробка Пан. *própka* ● Пус. ◇ A *própku* ● Лека ◇ *própkъ*
пробовать Лека 1 Sg *próbnaju*; Imp 2 Sg *prapróbnaj* ◇ 1 Sg *próbnъju*; Inf *próbnъt'*, *próbnъt'*; Prt f. *n'i prapróbnъt'*; Imp 2 Sg *prapróbnъj* ● Нов. 1 sg *prapróbuju* ● Нех. Imp 2 Sg *prapróbuj*, Inf *próbnъvat'*
производство, производственный Пус. ◇ G *prizvóctva* | f. A *prizvóc'tv'in:u*
прокурор Пан. *prokurón* ● Пус. ◇ D x *prъkuróru*
просфира Нех. A *prósf'eru*
противень Пус. ◇ *prót'iv'in'*, L f *prót'iv'in'i* ● Нов. L *na prót'iv'n'i* ● Нех. L *na prót'iv'n'i*
Прохор Лека ◇ *Próxъr*
псалом Лека {орф. *psalóm*} ◇ *psalóm*
револьвер Пан. *l'evórv'er*
ремонт Пус. ◇ *remónt*
Родька Лека ◇ *Rót'k'ъ*
роза Пус. | ◇ *Róz'ina* ● Лека ◇ *rózъ* ● Зад. Pl. *rózy*
самогонка Пус. ◇ *sъmogónka*, A *sъmogónku*
санаторий Пус. ◇ *sъnatór'ij*, *sъnatór'ijъ*, A f *sъnatór'iju* 3×, L f *sanatór'ii*, D Pl нь *sъnatór'ijъm*
сапожки, полусапожки Лека G Pl *sapóžak*, D k *sapóžkam* ◇ G Pl *sapóžъk*, D k *sapóžкъm*
 ● Нов. Pl *prъsapóžk'i*, Нех. Pl *sapóžk'i*
сапожник Нов. *sapóžn'ik*
свобода Пус. ◇ *svobóda*
сельпо Пус. ◇ *f sel'pó*
Смолка Пус. ◇ *Smólka*
соболя Пус. ◇ *sóbъl'*, G *sóbъljъ* ● Лека ◇ *sóbъl'*

- совесть, совестный** Пус. ◇ G *són'ist'i* 2× ● Лека D *pa són'ist'i* ◇ D *pa són'is't'i* ● Нех. *són'is'* | Adv *són'esna* 2×
- сода** Нех. G *sódu*
- Солотча** Нов. *Salôč'a* 2×
- соннице** Зад. A *na sójm'is'u*
- Соня** Лека ◇ *Són'ъ*
- сорок** Пан. *sórok* ● Пус. ◇ *sórъk* (passim) ● Лека ◇ *sórъk* ● Нов. *sórъk* 2×, A *s sórъk*, Pl *sórъk'i* ● Нех. *sórъk*
- спорт** Нех. In *spórtam*
- столяр** Пус. ◇ *stól'ir*
- суббота** Пус. ◇ *subóta* ● Лека D Pl *pъ subótam* ● Нех. *subóть* ● Зад. A *u subótu*
- судогодский** Лека *at Sudagótskыva ujezda*
- Тамбов** Зад. L *u Tambóvi*
- творог** Пус. *tvórъk* ◇ *tvórъk* 2×, G *tvórъgъ* ● Нов. *tvórъx* 2× ● Нех. *tvórax*, *tvórъx*
- телефон** Нех. *t'il'afôn*
- ток (электрический)** Пус. ◇ A *pot tók-ть*, In *tókъm*
- токарь** Пус. ◇ In *tókъrem* 2×
- Толик, Толька** Пус. ◇ *Tól'ik*, *Tól'kja*
- Тоня** Пус. ◇ *Tón'a* ● Нех. *Tón'a*
- торф** Пус. ◇ *torf* (passim), L *na tótf'i-ть* | *na tórfsklát* 2×
- Тотьма** Пан. *Tót'ma*, A *f Tót'mu-tu*
- Троица (праздник)** Пус. ◇ *Tróica* ● Лека A *Tróicu* 2× ● Нех. A *Tróicu*
- фасоль** Пус. ◇ *fasól'* ● Нех. *kvasól'*
- форма** Пус. ◇ A *fórmu* ● Нех. L Pl *uw fórmax*
- формить** Пус. ◇ f. *ofór'm'ila* 2×
- Фрол** Нех. *Frol*
- фронт** Пус. ◇ A *na frónt*, L *na frón't'i* (passim)
- Хвастовичи** Нех. *Xfastón'ic'i*, *Fastón'ic'i*, L w *Fastón'ic'ъx*
- хлопец** Зад. Pl *xlópcы* 2×
- хлопок** Пус. ◇ *xlópъk*, G *xlópku*
- хор** Пан. In *xóръm*
- Христос** Зад. *Xr'istós* 5× ⇔ *Xr'istôs*
- чахотка** Пус. ◇ A *čoxótku*
- чудотворец** Зад. Voc *č'udatvôrče*
- школа, школьник** Пус. ◇ *škóla* 5×, A *f škólu* 6×, G *iš škóly* (passim); L Pl *f škóлъx* ⇔ A *f škólu* | Pl *škól'n'ik'i*, G *škól'n'ikъf-ть* ● Нех. A *u škólu*
- шторка** Нех. Pl *štórk'i*

эпизод Нех. *ap'izót*

Ялмоть Лека $\diamond$ L v *Jalmót'i*

Япония Пус. $\diamond$ L v *Japón'ii*

4.2. Материал западнорусских говоров с различением «двух о»

В табл. 6 приводится материал по рефлексам *о и *ъ в говорах дд. Дудкино и Гаврилово.

1. Дудкино Западнотверского р-на Тверской обл. Транскрипция моя по магнитофонной записи 1995 г. (информант Мария Игнатьевна Москалева, 1922 г. р., записи М. Н. Толстой и С. Л. Николаева, а также О. А. Абраменко).

2. Гаврилово Торопецкого р-на Тверской обл. Транскрипция моя по магнитофонным записям 1995 г. (информант Зинаида Максимовна Григорьева, 1934 г. р., запись О. А. Абраменко) и 2004 г. (тот же информант, запись М. Н. Толстой и С. Л. Николаева).

В таблице число записи конкретной формы отмечаются цифрой с ×, однократные записи приводятся без пометы. Знаком $\Leftrightarrow$ разделены противоречащие друг другу формы.

Таблица 6

Рефлексы *о и *ъ в говорах дд. Дудкино и Гаврилово

	Дудкино	Гаврилово
Инлаутное и аусллаутное *о, не в составе *ToRT (*TelT)		
*bobъ	<i>bɔp</i>	<i>bop</i> 2×
*bojъ		<i>bɔoj</i> 2×
*bokъ		<i>bok</i> , D <i>bóku</i> $\Leftrightarrow$ <i>bɔok</i> 2×, G <i>bɔóka</i>
*boljъš=		<i>ból'sы</i> 3×
*bolъ		<i>G ból'i</i> $\Leftrightarrow$ <i>bɔol'</i> 3×
*bogъ		<i>bor</i> $\Leftrightarrow$ <i>bɔor</i> 4×
*broditi		3 Sg <i>brɔóz'it</i> 2×
*brodъ	<i>A u brɔót</i>	<i>brɔot</i> 2×
*bъrlogъ, -a	<i>b'erlɔɔga</i>	<i>b'erlógá</i> 2×, A v <i>b'erlógú</i> , L v <i>b'erlóg'i</i>
*šъto		<i>što</i> 4×, <i>š'to</i>
*doma Adv		<i>dɔóma</i>
*domikъ		Pl <i>dɔóm'ik'i</i>

	Дудкино	Гаврилово
*domъ		dom 3×, A v dom, G kul dómu, L v dóm'i ⇔ djom 6×, G djomá 2×, L v djóm'i
*drobъ		drop 2× ⇔ G drjób'i
*drozdъ	drjost	drost ⇔ drjost
*drožž'i		dróž:ы 2×, dróžžы
*dvoгъ	dvjor	dvjor 2×
*дъхогъ	xor' 2×	xor' ⇔ xjor'
*gnojъ		gnoj ⇔ gnjoi, gnjoi
*godъ	γjot 3×	Num dva góda ⇔ gjuot 4×, A v gjuót, G gjuóda, z gjuódu
*gol=	γótyj	n. gólъja (n.)
*golъbъ	γótyр	gólър 2×, G gólъb'a ⇔ gjuólyр 2×, G gjuólyb'a
*golъ		gjuol'
*goniti		2 Sg gón'is':i ⇔ 3 Sg 3 gjuón'it, Pl gjuón'ut 2×
*gopъ		gon ⇔ gjuon 4×
*goгje		gór'a 2×
*gostъ	γjos'c'	γjos'c' 4×, G gjuós'c'a, Pl gjuos'c'i
*gotov=		f. gatjuóna
*govor		gónъr, gónыр 2×
*grobъ	γrjor	grjor 2×
*gromъ	γrom	grom ⇔ grjom, G grjóma
*gromъk=		m. grjómk'i
*gvozdzъ, -ъ	γvjos'c', G γvjóz'z'a	gvost 2×
*klorъ		klor ⇔ kljor
*klorъ	kljor	
*kogъtъ	kóγyc' 2×	kókyс' 5×, Pl kókc'i, G Pl kókc'iv ⇔ Pl kjuókc'i
*koliko		skól'ka ⇔ skjuól'kъ, skjuól'ka
*kolkolъ	kъlakjuól	kalakól' 'колокольчик (для коровы)', G kalakóla
*kolkolъčikъ		kalakól'čik
*kolo		Pl kól'esы
*kolъ	kjuol	kol, G kóla ⇔ kjuol 4×

	Дудкино	Гаврилово
*кољје	Pl <i>кѹ́л'ja</i>	Pl <i>kól'ija</i>
*копъ	<i>кѹот</i>	<i>kom</i>
*копъје		Pl <i>kóm'ja</i> 6×, <i>kóm'ji</i>
*копъјь	<i>кѹон'</i>	<i>кѹон'</i> 2×, Pl <i>кѹо́н'и</i> 2×
*копъ		<i>kon</i>
*корътъ		<i>кѹръс'</i> 2× ⇔ G <i>кѹо́ръс'и</i>
*коръпа		Pl <i>кѹръпы</i> ⇔ Pl <i>кѹо́ръпы</i>
*когепъ	<i>кѹ́р'in'</i>	<i>кѹ́р'en'</i> , <i>кѹ́р'in'</i> 5× ⇔ <i>кѹо́р'in'</i>
*когъ		<i>кѹор'</i> 'корь'
*kositi	3 Pl <i>скѹо́с'uc'</i>	2 Sg <i>кѹо́с'iš</i> , 1 Pl <i>кѹо́с'im</i>
*kosъjь		<i>кѹош</i> 2× 'тележный короб' ⇔ <i>кош</i>
*котъjька		<i>кѹо́шка</i> 2× ⇔ A <i>кѹо́шку</i>
*котъ	<i>кѹот</i> 2×	<i>кѹот</i> 2×
*kozja		<i>кѹо́жа</i> ⇔ <i>кѹо́џа</i> , A <i>кѹо́џи</i>
*kozjica		<i>кѹо́џица</i>
*козъцька		<i>кѹо́џыць'ка</i>
*козъликъ		<i>кѹо́џ'lik</i>
*кроъjь		<i>кѹој</i> 2×
*krosna		Pl <i>кѹо́сна</i> 2×
*къто	<i>хѹто</i> 2×	<i>хѹто</i> , <i>кѹто</i> , <i>n'iktѹо</i> ⇔ <i>кѹто</i> 2×
*логъ		<i>лок</i> 2× ⇔ <i>лѹок</i> 2×
*лоъjь	<i>лѹој</i>	<i>лој</i> , G <i>лѹоја</i> ⇔ <i>лѹој</i> 2× 'жир (не свиной)'
*ломъ	<i>лѹот</i>	<i>лом</i> 8× 'бурелом; мусор', D <i>pa lѹому</i> ⇔ G <i>лѹо́му</i> , In <i>za лѹо́мът</i>
*lorati	<i>лѹръи</i> (3 sg.)	
*loviti		2 Sg <i>лѹн'iš</i> , 3 Pl <i>лѹн'ut</i>
*ловъ		<i>lov</i> , G <i>лѹву</i>
*loziti	3 Pl <i>лѹо́џиц'</i>	2 Sg <i>лѹо́џиць</i> ; Ptc f. <i>слѹо́џина</i>
*mogъtъ		G <i>мо́ць'и</i> ⇔ <i>мѹоць'</i>
*moknoiti		Ptc f. <i>zamѹkla</i>
*моль		<i>mol'</i> 2× ⇔ <i>мѹол'</i> , G <i>мѹо́л'a</i>
*моль	G <i>мо́л'и</i>	
*моъje	<i>мѹо́р'a</i> , A <i>na мѹо́р'e</i> , L <i>na мѹо́р'и</i>	<i>мо́р'a</i> 4×
*могъ		<i>mor</i>
*mostъ	<i>мѹост</i> ⇔ <i>most</i>	<i>most</i> 4×

	Дудкино	Гаврилово
*motъ	<i>mot</i> 'моток'	
*mozgъ	<i>mosx</i>	<i>mosk</i>
*mozolъ		<i>mazól', G mazól'a</i> ⇔ <i>mazóǎl'</i>
*тъногъ		Adv <i>mnóga</i> 2×, <i>n'amnóga</i> , <i>n'amnóškъ</i> , <i>n'emnóškъ</i>
*пародъ		<i>G naródu</i> ⇔ <i>G narúoda</i>
*noga		<i>A nógu</i>
*ногътъ		<i>nókъc' 2×, nókъc' 3×, Pl nókc'i 2×</i>
*nokтъ		<i>noč', noč, In nóč'ju 3×, Num tr'i nóci</i>
*nositi		2 Sg <i>unós'id ža</i>
*нось	<i>nъos</i>	<i>nos</i> ⇔ <i>nъos, nъios, G nъósa, In s nъósam, nъóšъm</i>
*новъ	Pl <i>nъónъi</i>	m. <i>nónъij 2×</i> ⇔ m. <i>nъónъij</i>
*nozjikъ	<i>nóžъik</i>	In <i>nóžъikъ</i>
*nozъjъ	<i>nъoš</i>	<i>noš 2×</i> ⇔ <i>nъoš 2×</i>
*нозька		Pl <i>nóšk'i</i>
*-o Adv.	<i>c'iplъó, dъl'akъó</i>	<i>c'epǎó 3×</i> ⇔ <i>c'izalъó, dъl'akъó</i>
*-o NA sg n.	<i>r'isató 2×, č'eló, p'eró, r'ibró, s'edló, s'eló, v'edró, z'arnó, z'ernó</i> ⇔ <i>r'isatъó</i>	<i>čeló</i> 'чело печи', <i>gn'ezdó, jer'mó, guvno</i> 'гумно' 3×, <i>jadró, kъl'asó, kъrǎló 2×, luknó 4×</i> 'корзина', <i>nutró 2×, aknó 2×, r'isató, runó</i> 'хорошая шерсть' 2×, <i>s'edló 2×, s'c'ekló, sukno, s'v'irtó, s'v'erló, v'adró 2×, v'edró, žer'aló 2×</i> 'часть ткацкого стана', <i>z'arnó, z'ernó 3×; Prt n. nъrasló</i> ⇔ <i>br'evnъó, br'avnъó, dъlatъó, dupǎó 3×, aknъó, guvнъó 2×</i> 'гумно', <i>jadрнъó 3×, kъl'asнъó 3×, lukнъó, p'erнъó 2×, p'arнъó, pšenъó, r'ebrнъó, s'elнъó, sukнъó, v'edrнъó, v'inнъó, v'inнъó, žыр'elнъó, žer'alнъó</i>
*-ogó G Sg	<i>vs'evó</i>	<i>n'ic'avó, nikavó, z'jevó, u javó, s'avód'n'i, at fs'evó, n'i adnavó</i>
*-ojě		<i>n'i adnój G Sg f.</i>
*-oje NA sg n.		<i>plaxója, žыр's'capója, sьróje</i>
*-ojó In Sg	<i>kasъój, zъ r'akъój</i>	<i>kasój, str'alój, v'asnój, zalój, vadój; takój</i> ⇔ <i>gr'estvъój, travъój</i>

	Дудкино	Гаврилово
*-ok-		m. <i>visókyj</i> , Pl <i>visók'ii</i> , <i>šarókyja</i> ⇔ Adv <i>visúoka</i> , m. <i>šyruók'ij</i>
*-ov-		n. <i>bʁanója</i>
*-ovi Adv	<i>damúj</i>	<i>damúj</i> 2× ⇔ <i>damój</i> 2×
*-онъ G Pl		<i>gr'ibúón</i> , <i>dalguóf</i> , <i>az'aruóf</i> , <i>kratmuóf</i> , <i>c'v'atúón</i> , <i>staguóf</i> , <i>valkuón</i> , <i>valkuóf</i> ⇔ <i>časón</i> , <i>dvaróf</i>
*ředovъka	<i>r'adówka</i>	
*oxota		<i>axóta</i> , A нъ <i>axótu</i>
*oxotъnikъ		G v <i>axúót'n'ika</i>
*řigogъ	<i>p'iruóx</i>	<i>p'iruók</i> 3×
*řlodъ	<i>řlut</i>	<i>řlot</i> 'плод (ветерин.)' 9×, G <i>řloda</i>
*řlusk=	m. <i>řlúsk'i</i>	f. <i>řlúskyja</i>
*řlox=	Adv <i>řlúxъ</i>	
*řodъ	<i>řud</i> , G <i>řúda</i>	<i>řot</i> 2×
*řodъnožъka		Pl <i>řadnuóšk'i</i>
*řogoda	<i>řagódъ</i>	D k <i>řagódy</i>
*řokozъ	<i>řakúos</i>	
*řokroјъ	<i>řakruój</i>	
*řolje	<i>řól'a</i> 2×, A <i>řól'a</i> , na <i>řól'a</i> , L na <i>řól'e</i>	<i>řól'a</i> 4×, A na <i>řól'a</i> 2×, L na <i>řól'i</i> 2× ⇔ <i>řúól'a</i> , A w <i>řúól'a</i> 2×, L na <i>řúól'i</i> , w <i>řúól'i</i>
*řologъ	<i>řúólъx</i>	
*řolъ 'пол (настил)'	<i>řol</i>	<i>řol</i> 4×, G <i>řóla</i> ⇔ <i>řúol</i>
*řopъ	<i>řúop</i> 2×	<i>řop</i> 2×
*řoga	G Pl <i>řor</i>	G Pl <i>da s'ix řúor</i>
*řostъ		<i>řost</i> ⇔ <i>řúost</i> 'пост (церковный)'
*řotъ	<i>řlut</i> 2×	<i>řot</i> 2× ⇔ <i>řúot</i> , G <i>řúota</i>
*řozdъn=		Adv. <i>řúozna</i> 2×
*řožinъka		<i>řóžynka</i> , Pl <i>řóžynk'i</i>
*řřigogъkъ		<i>pr'iguóryk</i>
*řrokъ	A n'e u <i>řruók</i>	<i>řrok</i> , G <i>řróka</i>
*řrotivъ		<i>řróc'iv</i>
*řrodъ		<i>řot</i> ⇔ <i>řúot</i> 2×, G <i>řúota</i>
*řrogъ	<i>řúox</i> 2×	<i>řok</i> 2× ⇔ <i>řúok</i> 6×
*řroјъ	<i>řoj</i>	<i>řoj</i> 3× ⇔ <i>řúoj</i>

	Дудкино	Гаврилово
*говъ	<i>row</i>	<i>rof</i> 2×
*skokъ		<i>skюok</i> 2×
*skotъ	<i>skюot</i>	<i>skюot</i> 2×
*sloпъ	<i>slon</i>	
*slovo		<i>slóna</i> 3×, <i>slónъ</i> , G Pl <i>slof</i> ⇔ <i>slюóna</i>
*споръ	<i>snop</i>	<i>snop</i> 2×
*sqbogъ	<i>subюór</i>	<i>subюór</i> 2× ‘сугроб’
*sqgrobъ		<i>sugróp</i>
*sokolъ		<i>sókat</i> , <i>sókъл</i> , G <i>sókala</i>
*sqkotъn=		A f. v <i>sakótnый</i> ‘стельная (об овце)’
*sokъ	<i>sjok</i>	<i>sok</i> , G <i>sóka</i> , Pl <i>sók'i</i> ⇔ <i>sjok</i> 2×
*soliti	2 Sg <i>sól'is</i>	
*solъ	G <i>sól'i</i>	<i>sol'</i> 3×, In <i>s sól'ij</i>
*somъ		<i>som</i> 2×, G <i>sóma</i>
*sorъ	<i>sor</i>	<i>sjor</i> 2×, G <i>sjóra</i>
*sosna		G Pl <i>sós'in'</i>
*soxa		G Pl <i>sox</i> 2×
*stogъ	<i>stox</i>	<i>stok</i> 2× ⇔ <i>stюok</i>
*stolъ	<i>stol</i>	<i>stol</i> , A <i>na stól</i> , <i>pat stól</i> ⇔ <i>stюol</i> 2×
*stopъ	<i>ston</i>	<i>ston</i> 2×
*strog=		m. <i>stróg'ij</i>
*strojiti		2 Sg <i>stróišs'a</i> , Imp 2 Sg <i>stroj</i>
*strojъ	<i>stroj</i>	<i>stroj</i> 2×
*stъbolъ	<i>stvjol</i>	<i>stvol</i> 4× ⇔ <i>stvjol</i>
*svojъ		m. <i>svoj</i>
*sъlojъ	<i>slюoj</i>	<i>sloj</i> 3×
*sъrodъstvo		<i>sróctva</i>
*sъto	<i>stюo</i> ⇔ <i>sto</i>	<i>sto</i> 2×
*to		<i>tюo</i> ; <i>tюóže</i>
*točiti		1 Pl <i>tóčым</i> ⇔ 3 Pl <i>tюóčyc'</i>
*tokъ	<i>tok</i> ‘гумно’, G <i>tóka</i>	<i>tok</i> ‘гумно’ ⇔ <i>tюok</i> , <i>tюok</i>
*toliko	<i>tюól'ka</i>	<i>tól'кь</i> 2×, <i>stól'кь</i> ⇔ <i>tюól'ka</i>
*topiti		2 Sg <i>tóp'is'</i>
*torolъ		G <i>tópyl'a</i> ⇔ <i>tюópyl'</i> 3×
*torogъ		<i>tapór</i> 2× ⇔ <i>tapюór</i> 4×
*totъ		<i>tюot</i> ⇔ A <i>na tót</i>

	Дудкино	Гаврилово
*tvarogъ		<i>tvarók</i>
*ukropъ	<i>ukrúop</i>	<i>vikróp, ukróp</i>
*ulovъ	<i>ulóf</i>	<i>ulón</i> 2×
*umogъ		<i>umór</i>
*uzogъ		<i>uzúor</i> 2×
*voda		A <i>vúodu</i>
*volja		<i>vól'a</i>
*vopъ	<i>vúon'</i>	G <i>vón'i</i> ⇔ <i>vúon'</i>
*vogъ		<i>vor</i>
*voskъ	<i>vosk</i> 2×	<i>vosk</i> 3×
*vozъ	<i>vúos</i>	<i>vos</i> , G <i>vóza</i> ⇔ <i>vúos</i>
*xloroty		Pl <i>xlópyty, xlópyty</i> G Pl <i>xlapúot</i>
*xobotъ		<i>xóbyt</i> 'хоботок', G <i>xóbyta</i> , Pl <i>xóbyty</i>
*xoditi	3 Sg <i>sxúóz'i</i>	3 Sg <i>sfxúód'it'</i>
*xodъ		G <i>xóda</i> ⇔ <i>xúot</i>
*xvogъ		<i>xvor'</i>
*xvostjъ	<i>xvúoš'č'</i>	<i>xvošč</i>
*xvostъ	<i>xvúost</i>	<i>xvost</i> 3×
*-to(p)пъ	<i>zatón</i>	
*životъ		<i>žívot</i> 2× ⇔ <i>ženvót, žyvnót</i>
*životъп=		n. <i>žyvótnyä</i>
*znojъ	<i>znúoj</i> 2×	<i>znoj</i> 6× 'влажный холод', A v <i>znoj</i> 2×, G <i>znója</i> ⇔ <i>znúoj</i> 2×, A v <i>znúoj</i>
*znojъп=		m. <i>znójnyj</i> , n. <i>znójnyja</i>
*zobъ	<i>zop</i> 2×	<i>zúop</i> 2×, G <i>zúoba</i>
*zovъ		<i>zúon</i> 2×, G <i>zúónu</i>
*zvopъ		<i>zvon</i> 4×, G <i>zvóna</i> .
Анлаутное *o- (*e-)		
*eseny		G <i>ós'en'i</i> , D <i>k ós'in'i</i> , In <i>ós'en'ij</i> ⇔ <i>mós'in'</i> , D <i>k mós'en'i</i>
*ezero		<i>óz'ira, óz'era</i> ⇔ <i>úóz'ira</i>
*o to		<i>vot</i>
*oko		<i>úóka</i>
*okorkъ		<i>úókъryk</i>
*okъno		Pl <i>úókna</i>
*opъ		<i>on</i> 2×

	Дудкино	Гаврилово
*osmь		<i>vós'im</i> 3×
*ostr-		<i>óstrыj</i> ⇔ <i>úóstrыj</i> 4×
*ostь		<i>os'</i> 3× ⇔ <i>úos'</i> 2× ⇔ <i>vos'</i>
*osурь		<i>úóсыр</i> 'оспа' 2×, G <i>úóсыр'i</i>
*ось		<i>úos'</i> 3×, <i>na úós'</i>
*отьѣимь		<i>óč:im</i>
*овьса		Pl <i>úоvсы</i>
Эпентетическое o в *ToRT (*TeIT)		
*bolto		<i>balóta</i> 2×, D <i>pъ balótu</i> , L <i>w balóc'i</i> , <i>na balóc'i</i> ⇔ <i>baúót</i> , Pl <i>baúóты</i>
*dolнь	<i>ladón'</i>	<i>ladón'</i> 2×, G <i>ladón'i</i> 2× ⇔ <i>ladúón'</i> , G <i>ladúón'i</i> , L <i>ná ladúón'i</i>
*dorga		<i>darógъ</i> , A <i>zъ darógu</i> , D <i>daróg'i</i>
*gorditi		2 Sg <i>garód'is</i>
*gogхъ	<i>garóх</i> , L <i>пъ garóх'i</i>	<i>garóх</i> 2×, G <i>garóха</i> ⇔ <i>garúóх</i> 3×
*kolda		<i>kalóda</i> 2×, G <i>kalóды</i> 2×
*koldeзъ		<i>kalód'ic</i> 4×, Pl <i>kalóc':i</i>
*kolsъje	Pl <i>kalós'ja</i>	Pl <i>kalós'ja</i>
*koglъjъ	<i>karól'</i>	<i>karól'</i> 2×
*kogva	<i>karóna</i> ⇔ D <i>karúón'i</i>	<i>karón:a</i> [sic], <i>karóna</i> 4×, <i>karónъ</i> , A <i>karónu</i> 2×, G f <i>karónы</i> , Pl <i>karónы</i> , G Pl <i>karóf</i> , <i>karón</i> 3×
*melti		<i>maúóc'</i>
*morka		<i>maróka</i>
*mogзъ	<i>marós</i>	<i>marós</i> 3× ⇔ <i>marúós</i> , D <i>k marúózu</i> , Pl <i>marúóзы</i>
*perpolхъ		<i>p'èr'ipalóх</i>
*polti		<i>palóc'</i> 2× 'опаливать (тушу поросенка)'
*polхъ		<i>palóх</i> 'переполох' 6×, G <i>palóха</i>
*polъje		Pl <i>paúóз'ja</i>
*porгъ	<i>parúóх</i> , G <i>parúóга</i>	
*porгъ		<i>parúók</i> 2× ⇔ <i>parók</i> , G <i>paróга</i> , Pl <i>paróg'i</i>
*porгъь	G <i>parúóta</i> 2×	
*rotolkъ		<i>pъtalók</i>
*skomogхъ		Pl <i>skъmaróх'i</i> ⇔ <i>skъmarúóх</i> ,

	Дудкино	Гаврилово
		G <i>skъmarцѡxa</i>
*skormъn=		f. <i>skarómъnja</i>
*solma		<i>salцѡma</i>
*stornъka		A <i>fstarónku</i>
*velk=		Prt m. <i>pr'ivalók</i>
*vorna		<i>varóna</i>
*vorta		<i>varцѡta</i> 3×, G <i>varцѡt</i>
*xoldъn=		m. <i>xalódnъj</i>
*xolpъ	<i>xalцѡp</i>	<i>xalóp</i> 2×, G <i>xalóra</i>
*xormy	<i>xarómy</i>	Pl <i>xarómy</i> , L <i>xarómox</i> ⇔ G Pl <i>xarцѡm</i>
*xorš=	m. <i>xarцѡšъ</i>	
*zordъ	A u <i>zarót</i>	<i>zarót</i> 4×
Эпентетическое о в *oRT		
*oldъka		<i>lótka, lótkъ, A lótku, L na lótk'i</i>
*olkъtъ	<i>lókъc', Pl lókc'i</i>	<i>lókъc', lókъc' 2×, G lókc'a</i>
*olsъ	<i>лѡc'</i>	<i>los' 2× ⇔ лѡc'</i>
*orst=		Ptc <i>zarós:a</i>
*orstъ	<i>rost</i>	<i>рѡost 2×, G рѡósta, In рѡóstъm</i>
*orzъnъ		Adv <i>vróz'in' 2×</i>
*o (*e) в 1-м слогe *ToRT (*TelT)		
*borъnъ		<i>bórъf 4×, bórъf</i> 'боров; часть дымохода'
*borzda		Pl <i>bórъzdy</i>
*goldъ	<i>gólъt</i>	<i>gólъt ⇔ G gцѡlýda</i>
*golsъ		<i>gólъs 2×, G gólъsa</i>
*golva		A <i>na gцѡlъvu</i>
*gorđъ		<i>górát, góръt, G góръda</i>
*kolsъ	<i>kólъs</i>	<i>kólъs 4×, G kólъsa, L f kólъs'e ⇔</i> <i>kцѡlъs, D k kцѡlъsu</i>
*korъbъ	<i>kóръp</i>	
*къnоръzъ	<i>knóръs</i>	
*mold=		Adv <i>smólъdu</i>
*moldostъ		L <i>v mólъdъs'c'i</i>
*molъtъ	<i>mólъt 2×</i>	<i>mólъt 2×, G mólъta</i>

	Дудкино	Гаврилово
*polmę		<i>pólym 'je, pólym 'ja</i>
*polsa		Pl <i>póľьсы</i> 2×
*polzъ	<i>póľьs</i>	<i>póľьs</i> 3×
*porгхъ	<i>póгъx</i>	<i>póгъx</i> 2×, <i>póгъx</i> , G <i>póгъxa</i>
*smordъ		<i>smóгъt, smóгъt</i>
*soldъ	<i>sólad</i>	<i>sólyt</i> 2×, <i>sóľьt</i> , G <i>sóľьida</i>
*sorkъ		<i>sórak</i>
*storžъ	G <i>stóгъža</i>	<i>stóгъš</i> 2×, G <i>stóгъža</i>
*szvolčъ		<i>svóľьč', svóľьč'</i>
*volкъ	<i>vóľьk, vóľьk</i>	<i>vóľьk</i> 4×, G <i>vóľьka</i>
*volsъ	<i>vóľьs</i>	<i>vóľьs</i> 2×
*vogпъ	<i>vóгъп</i>	<i>vóгъп, vóгъп</i> , G <i>vóгъna</i>
*vogтъ		<i>vóгъt, vóгъt</i> 'воротник', G <i>vóгъta</i>
*vogхъ	<i>vóгъx</i>	<i>vóгъx, vóгъx, vóгъx</i> , G <i>vóгъxa</i>
*xoldъ	<i>xóľьt</i>	<i>xóľьt</i> 2×, <i>xóľьt</i> 3×, G <i>xóľьida</i>
*xvorstъ		<i>xvóгъst, xvóгъst</i> , G <i>xvóгъsta</i>
*zolto		<i>zóľьta</i> ⇔ G <i>zľьóľьta</i> 3×
*ъ (не в *ГЪRT и не перед *-j-)		
*bagъгъ		<i>bagúóг</i> 4×
*bгъsati, -iti		<i>razbróšъnъb; Imp 2 Pl bróš 'c 'i</i>
*bгъvъka		<i>bróvka</i> 2×, L <i>na étyj bróvk 'i</i>
*bгъvъ		<i>brov, brof, Pl bróv 'i</i>
*bъčъka	A <i>w bľьóč 'ku</i>	
*čexъľь	<i>č 'exóľ</i>	<i>č 'axóľ, č 'exóľ</i>
*dгъvo	G Pl <i>drow</i>	<i>drof</i> 5× ⇔ <i>drľьof</i>
*dгъžъ	<i>droš</i>	<i>droš</i> ⇔ <i>drľьoš</i>
*dъkti		<i>doč' 2×, In dóč 'ij</i>
*dъktika		<i>dóč 'k 'a</i>
*dъľьjъ		Adv <i>udóľ', vdóľ' ⇔ udľьóľ'</i>
*dъпо	<i>dóna</i>	Pl <i>dóna</i> ⇔ Pl <i>dľьónы</i> , G Pl <i>dľьon</i>
*dъпъчъьko		<i>dľьón 'ič 'ka</i>
*dъska		Pl <i>dósk 'i</i>
*dъxпoti	Prt m. <i>p 'ir 'adóx</i> , Pl <i>izdóxl 'i</i>	Prt f. <i>zdóxla</i>
*dъzdzъ	<i>doš</i>	<i>doš</i> 4×, <i>doš:</i> ⇔ <i>dľьoš</i>

	Дудкино	Гаврилово
*kľkъ	<i>klök</i>	<i>klök</i> 3×
*kġtъ	<i>krot</i> 2×	<i>krot</i> 2× ⇔ <i>krġot</i>
*kġvъ	<i>krov</i>	<i>krof</i> , <i>kron</i> 5×, G <i>krón</i> 'i 2×, L <i>f krón</i> 'i 2×
*kъġjъ		<i>kor</i> ' 'коряга' 4×, A <i>pat kór</i> ' ' '
*lġubъvъ		<i>l'ubón</i>
*lġbъ	<i>lor</i>	<i>lor</i> 3×
*lġskъ	Adv <i>lósġyt</i>	Adv <i>l'ežát lósġam</i>
*lġžъ		<i>loš</i>
*nъxъ	<i>mox</i>	<i>mox</i> 4×
*odъnъbъčъkъ		In <i>adónыč'kġ</i>
*odъnъkъ	<i>adónъk</i>	<i>adónъk</i> , <i>adónыk</i> , A v <i>adónыk</i> ⇔ <i>adġónъk</i> , <i>adġónыk</i> 2×, L <i>nъ adġónk</i> 'i, Pl <i>adġónk</i> 'i 2×
*odъnъje		<i>adón'ja</i> 3×
*odъnъjġče		<i>adón'is'e</i> , <i>adón'is'a</i> , Pl <i>adón'is'ы</i>
*okъno	G Pl <i>akġón</i>	G Pl <i>akġón</i>
*osъtъ	<i>asót</i>	<i>asót</i>
*pľtъ	<i>pľot</i>	<i>pľot</i> 9×
*pľtъ		Adv <i>wplótс'</i>
*pľtъnъ=		n. <i>pľótъja</i>
*ġtъ	<i>rot</i>	<i>rot</i> , A v <i>rót</i> ⇔ <i>rġot</i>
*ġžъ	<i>roš</i>	<i>roš</i> ⇔ <i>rġoš</i> 2×
*svġkġvъ		<i>sv'akrón</i> , <i>s'v'akrón</i>
*sъnъ	<i>son</i>	<i>son</i> 3×
*sъtъ	<i>sot</i>	<i>sot</i> ⇔ <i>sġot</i>
*sъxġoti	Prt m. <i>zasóx</i>	
*tъčъnъ=		Adv <i>tóč'na</i>
*tъkati		3 Pl <i>tġóčġc</i> ' 'ткyт'
*tъnġjšъ=		<i>tón'še</i>
*tъnъkъ=		<i>tónk'ij</i> , G <i>tónkъva</i>
*vъnъ		<i>von</i>
*vъšъ		<i>woš</i> , <i>voš</i> , Pl <i>vóši</i>
*xoxъľ	<i>xaxól</i>	<i>xaxól</i> ⇔ <i>xaxól</i>
*zaxъkъ		<i>zaxóġk</i>
*-bъčъkъ		<i>p'asóčġk</i> , <i>p'esóčġk</i>

	Дудкино	Гаврилово
*-ъкъ	<i>bratók, č'atnók, d'adók, kusók 2×, palók, p'esók, platók, šč'anók, t'ir'amók, v'enók 2×, xlapók</i>	<i>česnók 2×, č'el-nók, č'elnók 4×, čalnók, č'atnók, kusók, klubók, kɫabók, kɫz'alók, c'v'atók 5×, lamók, p'esók 2× ⇔ č'etnók</i>
*-ътъ In Sg	<i>k'ip'atkóm, mɫatnóm, pɫatnóm, v'edróm, zɫ s'elóm</i>	<i>pɫd aknóm, p'eskóm, pɫt palóm 2×, s ragóm, zɫ z'ernóm ⇔ s kɫ'asɫóm</i>
*ъ (*ь) в *ТъRT (*ТыТ)		
*дъlgъ	<i>dolx, G dólɫa</i>	<i>dolk 3×</i>
*гъrbъ	<i>ɣɫorp</i>	<i>gorp 6×</i>
*гъrdlo		<i>górla 2×, Pl górlɫy</i>
*гъrpъ	<i>ɣór'en</i>	<i>gór'in 4× ⇔ G ɣórna, Pl ɣórnɫy 3×</i>
*гъrstъ		<i>gors'c' 3×, G górs'c'i ⇔ ɣórs'c'</i>
*къlčъ		<i>kolč 'кочка'</i>
*къrmъ	<i>kɫorm</i>	<i>kórm 3×</i>
*къžikъ		<i>kɫóžɫɫɫk</i>
*mъrda		<i>mórda 'верша'</i>
*pъlkъ	<i>polk</i>	<i>polk 4×</i>
*pъln=		<i>pólɫɫɫ 2×, pónɫɫɫ, pónɫɫɫ, n. pólɫɫɫa, pólɫɫɫ, Pl pónɫɫɫ</i>
*skъlzъk=		<i>m. skuól'sk'ij; Adv skuól'ska</i>
*smъrkъ 'сморд'		<i>smórkɫ, smórkɫ</i>
*stъbikъ		<i>stɫótlb'ik 2×</i>
*stъbъ	<i>stolp 2×</i>	<i>stolp 5×</i>
*sъlnъce	<i>sónce 3×, L na sónce</i>	<i>sónce, sónce 3×, són'c'a, sónce, G at sónce 2×, L na sónce ⇔ D pa sɫóncu</i>
*sъlnъčъn=		<i>n. sól'n'ič'nyä</i>
*tъlkъ	<i>tolk</i>	<i>tolk 2×, G tólka ⇔ tɫotk</i>
*tъlst=	<i>tólstɫɫɫ</i>	<i>Adv tólsta, Pl tólstɫɫɫ ⇔ f. tɫólstɫɫɫa</i>
*tъrgъ	<i>torx</i>	
*tъrgkɫɫ=		<i>Inf tɫórnɫɫ'</i>
*vъlxvъ	<i>vólɫɫ 'тупица'</i>	
*vъlčъj=		<i>m. vólč'i</i>
*vъlkъ	<i>volk</i>	<i>volk 3×, G vólka, Pl vólk'i 2× ⇔ Pl vɫólk'i</i>

	Дудкино	Гаврилово
*хъlмiкь		<i>xólm'ik</i> 3× ⇔ <i>xuólm'ik</i>
*хъlмъ	<i>xólym</i>	<i>xólym</i> 2× ⇔ <i>xuólam</i> , <i>xuólym</i>
*хъlсть	<i>xolst</i>	<i>xolst</i> 2× ⇔ <i>xuolc</i> , <i>xuolst</i> 3×
*гуj=		3 Sg <i>ruóit'</i> , 3 Pl <i>ruójut'</i>
*вуj=		3 Pl <i>vójuс'</i> , <i>vójut'</i>
*вуjь		<i>vaj</i> 2×, G <i>vója</i>
*-ѣjь		<i>syrój</i> , <i>l'ubój</i> , <i>inój</i> 2×, <i>takój</i> 3×, <i>suxój</i> 4× ⇔ <i>ghuxuój</i> , <i>mьladuój</i> , <i>takuój</i>
*дъsцька		<i>dasóč'ka</i> , G <i>iz dasóč'k'i</i> , <i>z dasóč'k'i</i> 2×
*дъska		G Pl <i>z dasók</i>
*огнь		<i>agón'</i> 2× ⇔ <i>aguón'</i>
*stьklo		G Pl <i>s'c'ekúól</i>
*vixгь		<i>v'ixór</i>

Сокращения

- АОС — Архангельский областной словарь. Т. 1–15. М., 1980–2013.
- АССЯ — Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. 1. Москва, 1993.
- Брок 1907 — Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сб. ОРЯС. 1907. Т. 83.
- Бубрих 1914 — Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Судогодск. уезда Владимирской губ.). СПб., 1914.
- Булаховский 1961 — Булаховский Л. А. Отражения так называемой новоакутовой интонации древнейшего славянского языка в восточнославянских // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961.
- Бушкевич, Николаев, Толстая 1993 — Бушкевич С. П., Николаев С. Л., Толстая С. М. Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты // Славяноведение. 1994. № 3. С. 62–83.
- Гришкин 1916 — Образцы говора села Леки Егорьевского уезда Рязанской губернии. Записал И. С. Гришкин // Сб. ОРЯС. 1916. Т. 95, № 1. С. 75–124.
- Вас. пс. — Псалтирь. Рукопись XVI в. (по-видимому, 1-я половина) // ГПБ, F.1.7. Диалектная локализация памятника: Новгород (Зализняк 1985: 213).
- Вас. сб. — Сборник. Рукопись XVI в. // ГПБ, Соф. 1460. Диалектная локализация памятника: Новгород (Зализняк 1985: 214).
- Васильев 1929 — Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII вв. К вопросу о произношении звука о в великорусском наречии. Л., 1929.

- Дос. — Синайский патерик в редакции Досифея Топоркова (инока Иосифо-Волоколамского монастыря, племянника Иосифа Волоцкого). Рукопись 2-й четверти XVI в. // ГИМ, Увар. 883. Диалектная локализация памятника: «По-видимому, писец был связан ... с Иосифо-Волоколамским монастырем. Это предположение согласуется также с тем, что в рукописи имеются случаи смешения безударных *о* и *а*, *е* и *я*, безударных (изредка также ударных) *ъ* и *е*» (Зализняк 1985: 218).
- Дыбо, Николаев 1998 — Дыбо В. А., Николаев С. Л. Новые данные и материалы по балто-славянской акцентологии // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 5–70.
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 1997 — Зализняк А. А. Об одном ранее неизвестном рефлексе сочетаний типа *ГъТ в древненовгородском диалекте // Балто-славянские исследования 1988–1996. М., 1997. С. 250–258.
- Зализняк 1990 — Зализняк А. А. «Мерило Праведное» XIV в. как акцентологический источник. München, 1990.
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004 / Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг.
- Зализняк 2014 — Зализняк А. А. Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь. М., 2014.
- Изм. — Измарагд, до 1641 г. // РГБ, ф. 304.1 (Троицкое собрание), №202. Диалектная локализация памятника: Москва (Зализняк 2014: 55).
- Лес. — Почерк 1–6б, 126–268 в рукописи «Лествица». Москва, Чудов монастырь, 1558 г. // ГИМ, Чуд. 227. Диалектная локализация памятника: Москва (Зализняк 1985: 223).
- Мерило Праведное. Рукопись XIV в. // ГБЛ, ф. 304 (Троицкое собр.), №15. Фототипическое издание: Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. Диалектная локализация памятника: «наиболее вероятен район, очерченный примерно так: Ржев — Торопец — Смоленск — Мосальск» (Зализняк 1985: 218).
- Муз. — Часть 1–226б (без листов 51, 121, 122, 178) в рукописи «Евангелие-тетр» 1-й половины XVI в. // ГБЛ, ф. 178 (Музейное собрание), №3650. Диалектная локализация памятника: северо-восток (Зализняк 1985: 175).
- Николаев 1988 — Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Николаев 1989 — Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187–225.
- Николаев 1995а — Николаев С. Л. Новые данные о восточнославянском вокализме и просодии // Russian Linguistics. Vol. 19, No. 3 (Nov., 1995). P. 349–370.
- Николаев 1995б — Николаев С. Л. Вокализм карпатоукраинских говоров // Славяноведение. М., 1995. №3. С. 105–122; №5. С. 101–119.
- Николаев 1996 — Николаев С. Л. Рефлексы праславянских интонаций в восточнополюсских говорах // Полісся: мова, культура, історія. Матеріали міжнародної конференції. Київ, 1996. С. 78–82.

- Николаев 1997 — *Николаев С. Л.* Новые данные о фонетике русских говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 120–137.
- Николаев 2000 — *Николаев С. Л.* Рефлексы праславянских тонов в восточнославянских языках // Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000. С. 83–113.
- Николаев 2001 — *Николаев С. Л.* Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. IX. Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 86–121.
- Николаев 2002 — *Николаев С. Л.* Некоторые результаты инструментального изучения фонетики и просодии восточнославянских говоров // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 143–167.
- Николаев 2003 — *Николаев С. Л.* Новые данные о фонетике и просодии восточнославянских говоров // Славянское языкознание: XIII Международный съезд славистов (Люблина, 2003 г.). Доклады российской делегации. М., 2003.
- Николаев 2011а — *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. №6. С. 3–19.
- Николаев 2011б — *Николаев С. Л.* Заметки о правостороннем дрейфе праславянского ударения в карпато-балканском ареале // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н., проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г., г. Москва. М., 2011. С. 86–87.
- Николаев 2012 — *Николаев С. Л.* Восточнославянские рефлексы акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o-* и *u-*основами // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. Вып. 2. 2009–2011. М., 2012. С. 32–189.
- Николаев 2013 — *Николаев С. Л.* Происхождение фонемы /цо/ в западноновгородском говоре деревни Выбиты // Региональные варианты национального языка. Улан-Удэ, 2013. С. 260–263.
- Новг. — Псалтирь лицевая. Рукопись 1548 г. // ГИМ, Увар. 592 (по Леониду 13). Диалектная локализация памятника: Новгород (Зализняк 1985: 213).
- ОСА — *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Пауфощима 1983 — *Пауфощима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Савинов 2013 — *Савинов Д. М.* Фонемы /ъ/ и /ω/ в южнорусских говорах (инструментально-фонетическое исследование) // Вестник ПСТГУ. III: Филология. Вып. 4 (34). М., 2013. С. 93–109.
- СБГПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Минск, 1979–1986.
- Стадникова 1989 — *Стадникова Е. В.* Материалы к изучению двух фонем «типа о» в старовеликорусском // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

- Т. пс. — Псалтирь // В рукописи ГБЛ, ф. 304, №329 (л. 1–186б). Диалектная локализация памятника: Новгород (Зализняк 1985: 213).
- Тер-Аванесова 2001 — *Тер-Аванесова А. В.* Материалы по акцентуации говора деревни Пустоша (существительные мужского рода) // Русский язык в научном освещении. №2. М., 2001. С. 150–167.
- Тер-Аванесова 2005 — *Тер-Аванесова А. В.* Отклонения от правила распределения двух фонем «типа о» в восточнорусском говоре Пустошей // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 60–93.
- Трав. — Травник и лечебник. Рукопись начала XVII в. (или даже рубеж веков) // ГБЛ, ф. 37, №431. Локализация диалекта памятника: срединная часть южновеликорусской территории (курско-орловские и прилегающие к ним межзональные говоры) (Зализняк 1985: 227).
- Тростянский 1916а — Народные песни, собранные в северо-западном углу Землянского и отчасти Задонского уездов Воронежской губернии. Записал В. И. Тростянский // Сб. ОРЯС. 1916. Т. 95, №1. С. 1–65.
- Тростянский 1916б — Этнографические материалы, собранные в Задонском уезде Воронежской губ., по поручению Императорской Академии Наук. [Старинные песни, духовные стихи и заговоры]. Записал В. И. Тростянский // Сб. ОРЯС. 1916. Т. 95, №1. С. 125–158.
- Узк. — Евангелие безвыходное (так называемое узкошрифтное). Анонимная типография, 1553–1564 гг. Диалектная локализация памятника: «В акцентной системе наряду с восточными чертами есть и заметное число западных черт (возможно, акцентуация Узк. частично определялась новгородским оригиналом)» (Зализняк 1985: 223).
- Хл. — Почерк лл. 271—384 рукописи «Сборник». Рукопись 1560-х гг. // ГИМ, Хлуд. 147Д. Диалектная локализация памятника: «Наиболее вероятно локализация говора поблизости от Москвы, к юго-западу или западу от нее» (Зализняк 1985: 228).
- Хр. — Хронограф лицевой. Рукопись последней четверти XVI в. // ГБЛ, ф. 98 (собрание Егорова), №202. Диалектная локализация памятника: «Акцентная система носит компромиссный характер; она обнаруживает существенные сходства с рядом микросистем ближнего запада» (Зализняк 1985: 220).
- Час. — Основной почерк (лл. 187–462) часослова, входящий в состав рукописи «Псалтирь с воследованием». Рукопись конца XV в. // В рукописи ГБЛ, ф. 304, №329. Диалектная локализация памятника: Новгород (Зализняк 1985: 212–213).
- Чет. — Миняя-четыа на апрель, домакарьевского состава. Рукопись 1560-х гг. // ГИМ, Синод. 91. Диалектная локализация памятника: «Акцентная система компромиссного типа, близкая к Стар., Лет. и Хр.» (Зализняк 1985: 221).
- Шахматов 1913 — *Шахматов А. А.* Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Изв. ОРЯС, 1913, т. 18, кн. 4.
- Шп. пс. — Шубинская псалтирь. Почерк 1–206б в рукописи «Псалтирь с воследованием» XVI в., вероятно, 2-я четверть // РГБ, ф. 304.1, №321 (§ 1.26). Диалектная локализация памятника: ближнезападная (Зализняк 2014: 50).
- Lehr-Splawiński 1966a — *Lehr-Splawiński T. O.* O dawnych narzeczach Słowian Pomorza Zachodniego i ziem przyległych // *Lehr-Splawiński T. O.* Studia i szkice wybrane. Seria 2. Warszawa, 1966. S. 1–18.

- Lehr-Splawiński 1966b — *Lehr-Splawiński T. O. Szczątki języka dawnych mieszkańców Rugii // Lehr-Splawiński T. O. Studia i szkice wybrane. Seria 2. Warszawa, 1966. S. 34–36.*
- Klemensiewicz., Lehr-Splawiński, Urbańczyk 1955 — *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.*
- Praat — *Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer. Компьютерная программа. Версия 5.3.84, получена с сайта <http://www.praat.org>.*

Summary

Sergey L. Nikolaev

New data on reflexes of Proto-Slavic *o and *ъ in Russian dialects

Opposition of different reflexations of Proto-Slavic *o and *ъ is a common topic of Russian dialectology and language history. The present article includes a short accentological comment, where reflexations of Proto-Slavic intonations are reviewed. Further different systems of opposition of two o-like phonemes are analyzed. Dialectal data are represented in two appendixes. The article contains extensive fresh material recorded during 1990–2000.

Работа над базой данных по фонетике русских говоров проводилась при поддержке РГНФ (проекты № 07-04-12128в, 12-04-12010в).

Автор глубоко признателен М. Н. Толстой за помощь в подготовке настоящей статьи.

Инструментальный анализ фонетически представительного диалектного текста

В литературном языке под фонетически представительным (репрезентативным) понимается такой текстовый материал, в котором частотное распределение фонетических единиц (фонем, аллофонов, слогов) соответствует общезыковому распределению, устанавливаемому в результате статистического анализа опорного текстового корпуса. Это значит, что такой текст, при его речевой реализации, учитывает типичные фонетические явления языка, особенности его фонологической системы.

В задачах, предполагающих исследование диалектной вариативности речевых характеристик, в качестве дополнительного критерия фонетической представительности текста должно рассматриваться наличие фонетических позиций и контекстов, способствующих проявлению региональной речевой специфики говорящего (Смирнова, Хитров 2013: 3). Фонетическая представительность, подобно фонетической сбалансированности, естественным образом предполагает присутствие в тексте всех фонем языка либо диалекта в их основной дистрибуции. Фонетически сбалансированные и фонетически представительные тексты традиционно используются в качестве материала для изучения фонетических характеристик звучащей речи, что объясняется их компактностью наряду с информационной насыщенностью. С одной стороны, такие тексты обычно невелики по объему, а с другой — максимально отражают фонетическое многообразие языковой системы. Это достигается путем работы по конструированию текста — наполнением его словами, содержащими требуемые фонетические единицы, а также сокращением его объема путем удаления элементов с низкой информативностью. Полученный материал позволяет исследовать характер реализации и варьирования в речи носителей определенного языка значимых фонетических характеристик и сформировать полноценный речевой портрет говорящего.

В нашем случае в качестве представительного диалектного текста будет взят не специально созданный, а записанный со спонтанной речи информанта языковой материал. Это расшифровка рассказа носителя диалекта д. Поречье Оршанского района Витебской области, записанного на магнитофонную ленту в 1972 г. В настоящее время эта запись оцифрована и может применяться для компьютерного и перцептивного анализа фонетических свойств данного диалекта. Текст достаточно широко отображает звуковой корпус диалекта, а

также позиционные изменения гласных и комбинаторные изменения согласных звуков.

Отметим, что для записи образцов белорусской диалектной речи сотрудниками отдела экспериментальной фонетики НАН Беларуси была разработана специальная программа из двух частей (Вусная беларуская мова 1990: 13). Первая — это специфический набор слов, с помощью которых выражается фонемный состав, а также фонетические особенности речи в пределах слова, и набор фраз, с помощью которых можно проследить просодические явления. Вторая часть программы предусматривала записи связных текстов и диалогов достаточной величины для выявления того, как ведут себя отдельные фонетические элементы в более широком контексте. Взятый нами для исследования текст был записан в рамках данной программы. Он включает в себя лексемы и словоформы, которые в речевой реализации отражают характерные фонетические черты северо-восточного диалекта.

В системе вокализма это прежде всего особенности диалектного аканья и яканья. Витебское диссимилятивное аканье представляет собой чередование после твердых согласных в первом предударном слоге звука [а] и гласного, отличного от [а], которое происходит в зависимости от характера ударного гласного. При диссимилятивном яканье подобное чередование происходит после мягких согласных (Крыўіцкі, Падлужны 1984: 170–171). В остальных неударных слогах также может происходить количественное и качественное изменение гласного [а]. В исследуемом тексте данные фонетические позиции представлены широко.

После твердых согласных:

предударный [а] выступает в формах [нас'эйуц'], [тады́], [прапо́лка], [траву́], [с'в'інакро́п], [рас'ц'э́ц'], [нас'n'эйуц'], [нас'ц'э́л'іш], [прасо́хнуц'];

предударный редуцированный гласный [ъ] представлен следующими лексемами: [пъпъда́йіц'], [пъсла́ўшы], [здъва́л'і], [пъдв'а́жаш], [къл'а́], [нъматáйіц'], [лхмáтайа], [пачълáс'а];

заударный [а] реализуется в словах [прапо́лка], [пъдв'а́жаш], [лхмáтайа], [пачълáс'а], [рúчкам'і], [папּра́рэ́жаш], [глыбо́ка];

заударный качественно иной гласный [ь] или [ы] произносится в словах [в'а́жъм], [пра́лкъм'і], [ра́зъм], [в'а́жыш].

После мягких согласных:

предударный [а] — [б'аро́м], [в'аз'о́нк'і], [с'ц'ань́], [зак'іп'ац'іш], [к'іп'атко́м], [спл'ата́йуц'], [пл'ац'о́нку];

предударный [і] на месте [а] — [нас'n'іва́йуц'], [ц'іга́й], [па с'ц'іна́х], [вас'імна́ц:ац'];

заударный [і] на месте [а] — [м'эс'іц].

Консонантная репрезентативность текста обуславливается реализацией в нем всего корпуса согласных фонем, характерных для данного диалекта, выступающих в различных фонетических позициях. Консонантные группы, представленные в исследуемом материале, отображают возникновение или отсутствие ассимилятивных воздействий различного характера — как в корневой морфеме, так и на стыке морфем (позиция внутреннего сандхи) или слов (позиция внешнего сандхи). Наиболее типичные фонетические процессы, возникающие при речевой реализации текста, следующие.

Ассимиляция согласных по глухости/звонкости, а также оглушение звонких на конце слова. Оглушение согласных происходит обычно на морфемных границах, как в формах [ратк'і], [атпраўл'аііш], [ансынаііч:а], [дарошка], [зупка], [панашик'і], [трупк'і], в предлогах — [пат по́ст], [пат апрэ́л'], на стыке слов — [аши туды́] и в абсолютном конце слова — [за́муш], [по́наш]. В положении внешнего сандхи может оказаться и консонантное сочетание «глухой + звонкий», как в следующих примерах: [напрарэ́жаши да сама́йа], [дз'в'іна́ц:ац' губак], [насну́йэши зак'іп'ац'іш], [кладу́ц' залу́], [йак жа́рка], [йак заго́н'іц'], [ц'іга́ііш з' м'э́с'іц]. В литературном языке при быстром темпе речи здесь возможно озвончение. Качество конечного звука перед следующим звонким в диалектной речи сложно определить на слух, поэтому данный материал подлежит инструментальному анализу.

Ассимилятивное смягчение согласных — одна из определяющих, характерных черт белорусской литературной и диалектной речи. В тексте отражены примеры попадания под воздействие следующих мягких согласных звуков: [с] — [с'в'інакрóп], [с'в'ірэп'іц], [пóс'л'а], [нас'н'іва́йц'], [с'н'іма́йц'], [пράс'ц'і], [с'ц'іна́х]; [з] — [з'йо́ўн'і], [раз'в'э́с'ац'], [з'м'э́с'іц]; [ц] — [жы́ц'вік], [ц'в'іц'іц'].

Возникновение удлинённых согласных в разных фонетических позициях наблюдается в следующих словоформах: [ац':в'іц'іц'] ($\partial + \psi$), [ч:э́ц:а] ($m + \psi$), [ул'э́жыц:а], [дз'ірав'а́н:ым'і], [прарэ́жац:а], [дз'в'іна́ц:ац'], [лүч:ын'ка́йа к лүч:ын'каму], [паад:ала́].

Развитие информационных технологий, в частности, речевых, записи и обработки звуковых материалов, экспериментально-фонетические методы анализа речи помогают получить качественно новые данные о фонетическом аспекте диалектной вариативности. Слуховая система не обрабатывает речь настолько точно, как это позволяют сделать инструментальные методы. В белорусской лингвистике система вокализма и консонантизма диалектной речи описана достаточно полно, однако инструментальные методы для анализа звуковой вариативности применяются очень ограниченно. Между тем на сегодняшний день, имея достаточно качественную цифровую запись диа-

лектной речи, можно при помощи различных компьютерных программ редактирования и анализа звука (SoundForge, SpeechAnalyzer, Praat и др.) визуализировать звуковой поток, сегментировать звуки и измерять интересные характеристики.

К примеру, в выбранном нами представительном тексте последовательно реализуется диссимилятивное аканье и яканье. Количественные и качественные характеристики возникающих в предударных и заударных слогах гласных на месте [а] в лингвистической литературе подробно изложены в (Крывіцкі, Падлужны 1984), однако не имеют инструментального подтверждения. Подобное экспериментальное исследование было осуществлено на материале гласных белорусского литературного языка (Андреев 1983). Сегментировав соответствующие гласные, выбранные из представительного текста, и проведя их осциллографический анализ, видим, что в предударном слоге даже одного и того же слова, произнесенного одним информантом, количественные характеристики гласного существенно отличаются (см. рис. 1, 2).

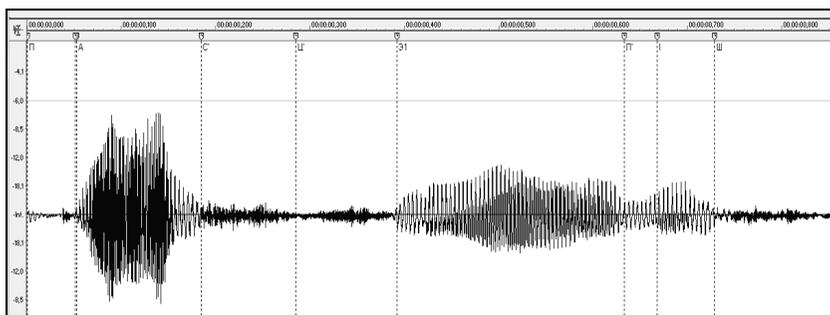

Рис. 1. Осциллограмма слова *пасцёліш*

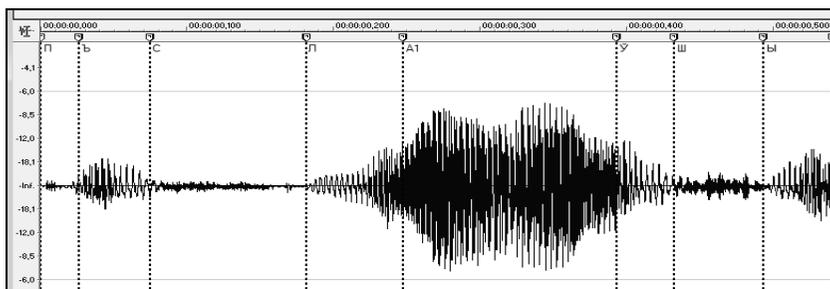

Рис. 2. Осциллограмма слова *паслаўшы*

Так, продолжительность предударного гласного полного образования в слове *пасцѣліи* составляет 119 мс, редуцированный гласный в таком же фонетическом положении в слове *паслáuшы* звучит только 47 мс (продолжительность ударного [а] в этом же слове — 145 мс). Проанализировав продолжительность звучания всех гласных в обозначенной позиции, находим средние величины: для предударного [а] полного образования — 84 мс, для редуцированного гласного — 51 мс, под ударением — 127 мс. Эти данные подробно характеризуют особенности реализации аканья в речи информанта. Интересно сравнить их с усредненными показателями, вычисленными для литературной речи: для звука [а] под ударением продолжительность составляет 119 мс, в первом предударном слове — 61 мс (Андреев 1983: 8).

Чаще всего орфоэпические варианты произношения согласных звуков возникают на морфемных швах или на стыке слов. Лингвисты в данном случае используют термин «сандхи», который определяется как «позиционно обусловленное изменение звуков, возникающее на стыке слов — внешнее сандхи — и морфем — внутреннее сандхи» (Ахманова 2004: 394). Сандхи предусматривает распространение звуковых признаков на отрезок больший, чем фонема, возникновение новых признаков фонемы или даже потерю фонемы или части ее признаков. При звуковой реализации консонантных сочетаний позиция сандхи является во многом определяющей. И если изменения на морфемных швах в рамках одного фонетического слова можно зафиксировать даже перцептивно, то для определения качества согласного на стыке слов одного слухового анализа недостаточно.

Так, к примеру, возникает вопрос о наличии/отсутствии ассимиляции по звонкости конечного глухого в следующих выражениях, выбранных из представительного текста: *папрарэжаши да самая, дзвінацаць губак, кладуць залу, як жарка, як заго́ніць, ц'ігаіш з месіц* и др. Возьмем для анализа звуки, которые возникают на месте мягкого [ц'] в сандхиальном положении в выражениях *дзвінацаць губак* (ц'-1), *перакруціць пралкамі* (ц'-2) и *наспіваюць галоўкі* (ц'-3). При слуховом и аудиторском анализе звуки ц'-1 и ц'-3 воспринимаются как озвонченные. Осцилограммы и сонограммы выбранных сегментов (рисунки 3, 4, 5) показывают, что частотный диапазон реализации формант F1 и F2 более близок у звуков ц'-2 и ц'-3, в то время как у ц'-1 он отличается. Кроме того, на графике ц'-1 четко определяются дополнительные форманты, что не характерно для остальных анализируемых звуков. На основании этих данных можно сделать предварительные выводы о том, что степень озвонченности звука ц'-1 больше, чем звука ц'-3. Однако данное положение, безусловно, требует инструментального подтверждения на более широком экспериментальном материале.

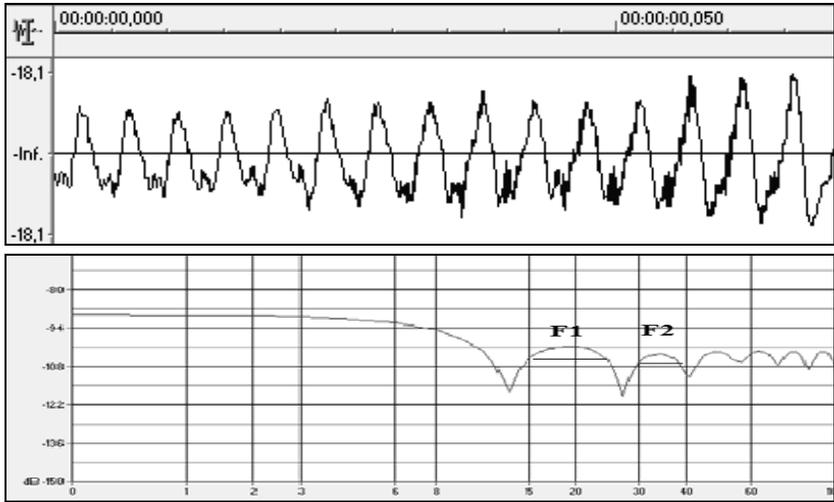

Рис. 3. Осциллограмма и сонограмма звука ц'-1

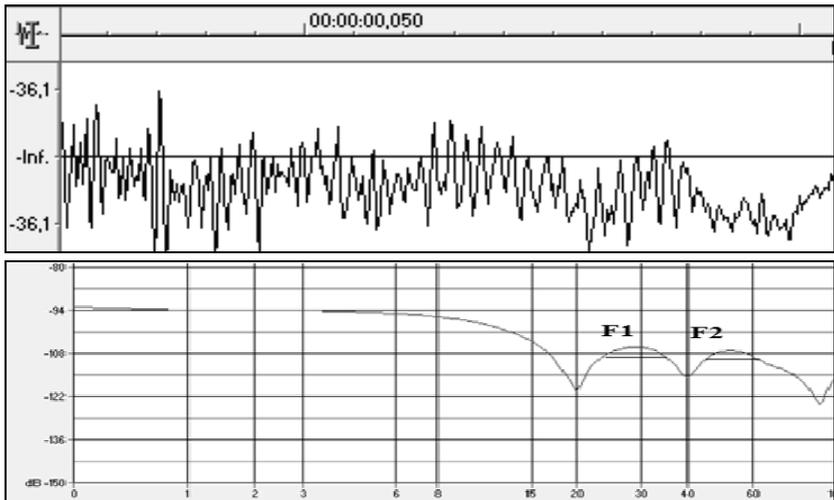

Рис. 4. Осциллограмма и сонограмма звука ц'-2

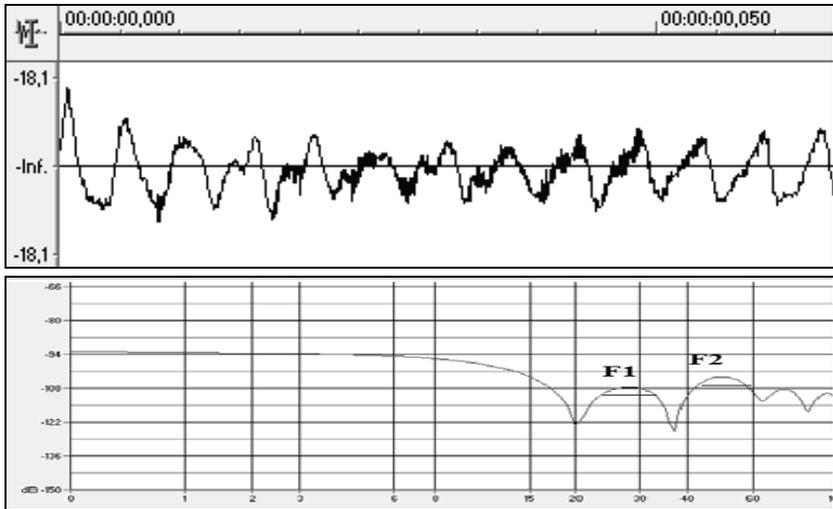

Рис. 5. Осциллограмма и сонограмма звука $t^{\prime}$ -3

Таким образом, экспериментальные методы позволяют получать качественно новые данные о фонетическом аспекте диалектной вариативности и открывают широкие возможности в исследовании белорусской диалектной фонетики, ее вокализма, консонантизма, просодии.

Литература

- Смирнова, Хитров 2013 — Смирнова Н. С., М. В. Хитров. Фонетически представительный текст для фундаментальных и прикладных исследований русской речи // Известия вузов. Приборостроение. 2013. Т. 56, № 2. С. 3–10.
- Вусная беларуская мова — Вусная беларуская мова: Хрэстаматыя / Склад. В. Р. Бурлыка і інш. // Мінск, 1990.
- Крывіцкі, Падлужны 1984 — Крывіцкі А. А., Падлужны А. І. Фанетыка беларускай мовы: Вучэб. дапаможнік для філфакаў ВНУ. Мінск, 1984.
- Андреев 1983 — Андреев А. Н. Количественная и качественная редукция гласных в белорусском литературном языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1983.
- Ахманова 2004 — Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. М., 2004.

*Summary**V. A. Mandik***Instrumental analysis of phonetically representative dialect text**

The article is devoted to the actual problem of the Belarusian dialect phonetics — use of instrumental methods of sounds research. On the example of phonetically representative dialect text that reflects the characteristic phonetic features of the northeastern dialect, the possibility of the computer processing of sounds is shown. The author gives the examples of oscillographic analysis of vowels emerging in pretonic and post-tonic syllables on the spot of [a] in order to define the duration of their sounding, as well as oscillographic and sonographic analysis of unvoiced consonants before voiced in the external sandhi position in order to define the quality of the consonant at the junction of words.

Интернет как новая перспективная форма существования диалектов¹

Феномену Интернета посвящены многочисленные работы, как психологической (ср. работы А. Е. Войскунского и Л. П. Шевяковой), так и лингвистической направленности. При всем разнообразии и несомненной научной ценности лингвистических работ отметим одну их особенность: в подавляющем большинстве этих исследований рассматриваются специфичные именно для Интернета языковые феномены, отсутствующие во внесетевом национальном языке, — ср. (Вельмезова 2006; Йилкова 2006; Müllerová 2001 и др.)

Вместе с тем, поскольку Интернет за сравнительно короткий промежуток времени превратился из экзотичного феномена в средство повседневного общения, не менее важным представляется другой аспект проблемы, а именно: специфика функционирования в условиях Интернета языковых феноменов, представленных также и вне сети. Ср. например, у словацкого лингвиста Я. Финдры: «Электронная коммуникативная сфера и Интернет представляют собой чрезвычайно динамичную область, в том числе это касается языковой динамики... в Интернете возникают и формируются новые жанры, в рамках которых при построении актуальных текстов используются новые, нетрадиционные композиционно-языковые принципы... и вместе с тем, несмотря на все вышесказанное, доминирующую позицию в Интернете занимают нейтральные языковые средства» (Findra 2010: 166). В частности, поскольку язык Интернета, даже при наличии определенной, только для сети характерной субкультуры, системы жанров и специфической стилистики, является вариантом общенационального языка, вполне естественно, что в него проникают элементы самых разных страт языка, в том числе и языка диалектного, что обуславливает бытование во всемирной сети диалектно маркированных языковых идиомов. Мы сознательно здесь не пользуемся термином «диалект», поскольку сетевой диалектный идиом в чистом виде диалектом не является, его пользователи билингвальны, и, как мы постараемся показать в дальнейшем изложении на материале словацкого языка, диалектно маркированный идиом (далее ДМИ) становится в интернете мощным стилистическим средством.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00592 «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация — языковой менеджмент — языковая политика» (рук. Г. П. Нешименко).

На наш взгляд, существуют две основных причины проникновения диалектной речи в Интернет.

Первая причина трансляции диалекта в язык сети состоит в определенном сходстве идиомов, поскольку их объединяет принципиальная ориентированность на устное, живое общение (в Интернете аналогом устной речи является общение онлайн), соответственно, диалектная речь нередко проникает в те Интернет-жанры, которые в большей степени ориентированы на моментальную коммуникацию и ведение диалога.

Вторая причина проникновения диалекта в сеть состоит, напротив, в фундаментальном различии диалектного и сетевого языков. Так, Интернет-коммуникация предполагает принципиальную открытость общения. При этом говорящие, находящиеся в самых разных точках земного шара, общаются в ситуации соприсутствия. Диалектный язык, в свою очередь, предполагает коммуникацию в сравнительном замкнутом жизненном пространстве. Именно поэтому, в силу вышеупомянутой локальной закреплённости, диалектный язык (вернее, смешанный идиом на его основе) становится мощным средством самопрезентации Интернет-пользователя как жителя определенного региона в актуальной коммуникации с жителями иных регионов, если существует подобная контекстуальная и жанровая необходимость. Отдельно отметим, что, ввиду специфики общения в Интернете, фактическое местонахождение пользователя диалектного идиома является не столь актуальным — в плане успешности коммуникации на диалектном сетевом идиоме гораздо важнее локальная самоидентификация пользователя и стремление к координации с жителями региона / выходцами из него.

В зависимости от характера употребления диалектно маркированный идиом может существовать в Интернете в следующих видах.

(1) Реплики на ДМИ, когда в пределах одного и того же портала, ориентированного на диалогическое общение, представлены отдельные реплики пользователей, написанные на диалекте. Это относится к чатам, где общение происходит в режиме реального времени, равно как и к форумам и новостным комментариям, где общение, хотя и ограничено временем актуальности новости / заявленной темы, все же не требует моментального соприсутствия участников коммуникации, и, соответственно, предоставляет больше возможностей для автокоррекции реплик. Диалект здесь представляет собой стилистическое средство. Вернее, он является маркером самопрезентации пишущего в контексте имплицитного, или, чаще, эксплицитного противопоставления пишущего и группы, к которой он себя относит, другой группе, обладающей принципиально отличными взглядами на тему форума / обсуждаемую новость.

Так, очень распространены случаи интернет-употребления ДМИ в обсуждениях на тему жизни регионов и общей экономической ситуации в контексте «столица/провинция». Часто подобные дебаты между жителями региона и столицы могут сопровождаться метаязыковыми дискуссиями на тему «правильной речи». В этих дискуссиях пользователи сети, часто не имеющие специального филологического образования, спорят на тему локальной закреплённости того или иного слова и при этом, чтобы показать свою компетенцию в диалектной речи, пишут реплики о диалекте на диалекте — опять-таки в контексте экстралингвистического противопоставления «столица/регион». Появление метадиалектных реплик является своеобразным средством самопрезентации в качестве патриотов малой родины и своего рода «защитным средством» от агрессивно (с точки зрения пишущих) и не по-дружески настроенных столичных жителей. Метадиалектные реплики по форме высказывания чаще всего представляют собой акты демонстрации локальной речи.

Нередки случаи, когда в пределах одной и той же реплики чередуются диалект и литературный язык. На литературном языке говорящий обращается к представителям других диалектных зон, после чего демонстрирует свою компетенцию в собственном диалекте. При этом обращение это чаще однонаправленное: восточные словаки обращаются к западным, фактически к столичным жителям. Это особенно актуально с учетом негласного противостояния Братислава — Кошице и соответственного антагонизма регионов. Характерно, что про жителей Средней Словакии восточные словаки не вспоминают и ассоциируют литературный язык скорее с западнословацким диалектом, хотя кодифицирован он как раз на основе среднесловацкого. Ср. отрывки из дискуссии на тему *Vychodnarčina* (Восточнословацкий диалект) с сайта *verejnadiskusia.sk*. Сайт этот открыт для всех словаков, вне зависимости от региона их происхождения.

«pre teba je žufana normálne, lebo si zo západu, pre mňa sú zasa východňarske slová normálne, keďže som z východu» ‘для тебя слово *žufana* нормально, так как ты с запада, а для меня восточные слова нормальны, так как я с востока’ (часть реплики написана на литературном языке, далее говорящий продолжает на диалекте, и потом снова переходит на литературный язык), *a’le jak še hutori, pokym nesceš byc glupy, ta še uč, preklad: pokial’ nechceš ostať hlúpy, uč sa* ‘но как говорят, пока ты не хочешь быть глупым, учишь, перевод: пока ты не хочешь быть глупым, учишь’;

jooj ta vy sce jak z lesa do rici...take veci neznac no cumel povec ne...tote s teho Prešporka nič neznajú...no ne iba do teho budky kukac...že PC ‘оу, ну вы все как из леса в жопу, такие вещи и не говори, ну эти из Прешпорка ничего не знают’ / Západné Slovensko.....čo znamená slovo “klupňa”? ‘Западная Словакия, что озна-

чае́т сло́во *klupňa*’ (часть реплики написана на литературном языке, так как говорящий обращается к западнословацким коммуникантам; далее он пытается объяснить значение этого слова и переходит на диалект) *Še mi nehce, bul som pijanu, me boľi glóva* ‘что мне не хочется, я был пьян, у меня болит голова’.

čo poviete na toto ‘ну а что вы на это’ (вводные слова реплики на литературном языке, далее следует часть на диалекте): *Idz po garadičoch do vaškuhni a dagdzi v šifoneru abo v kredencu najdzeš muhenty. Pozavaraj a nezapomni graty umyc, šnoptihľe porajbac a grul’e naškrobac kym še vracim. A potym na štreku kukaj kedy pridez. A pater na dušu kedz to nebudze porobeno.*

Ср. также реплики только на восточнословацком диалекте, которые появляются на форуме газеты *Pravda* (www.Pravda.sk):

bratuo bracše na lukija, vu nuž bizovňe pochopila tame tu koňečne aj kuščok kludu od joho blbosci. bizovňe ci preloži kecňe priloži // ta ja po tim co tu čitam od expertoch zo smeru som prišol na to, že bi trebalo zavolac putinoj naj nam tu postavi fabriky na virobu, volgoch, moskvičoch, žigulikoch a predo šickim zaporožcoch a čajkoch a bizovňe aj plati ľudzom data kejake maju voniurusku a budze tu vladnuc bizovňe spokojnosc nad spokojnosc.

(2) Страницы на ДМИ, когда сознательно поддерживается тот или иной веб-портал полностью на идиоме. Ср. страницы на восточнословацком диалекте, определенное число которых поддерживается в сети (например, <http://vychodnare.webnode.sk/>). Сайт ориентирован на поддержание восточнословацкой культуры, при этом на нем представлены тематические тексты как на литературном языке, так и на диалекте. Пример текста на диалекте:

Dzekujete šickym ľudzom chtori nam pišu, kec daco neznaju a hľedaju preloženie do jazyka svojoho. Abo veľo je i takych parobkoch, co še im vychodňarsky web mocno ľubi. Lem tak daľi a budze tu teho vecej. A na zaver jedna mudrosť. Pic je dobre. Kedz pijece, ta še opijece. Kedz še opijece, ta špice. Kedz špice ta nič zle nerobice. A kedz nič zle nerobice, ta še dostanece do neba.

Частыми являются параллельные тексты на диалекте и на литературном языке. Ср.:

Isto sebe ho pametace, našeho, byvaleho teraz už, šefa pol’icajtoch - koneckoncoch šak je Špišak (i kedz ne tak calkom, aľe šak znace jak to myšľim). A žeby sce na neho nezapomľi, bo to nebul plany chlop, ta tu mace jeho pametny vyrok po našim: “My veľo vecoch robime z takych dôvodoch a zato tak robime, že nikto o tym nezna, čomu to tak robime a z taktickeho pohľadu čomu je dôležite to tak riešic a prave f tym je naša vyhoda, že nikto nezna čomu to tak vlastne robime, ta to nehajme tak!” // V original’e bulo tak: “My veľa vecí robíme z takých dôvodov a preto tak robíme, že o tom nikto nevie.

prečo to tak robíme a z taktického hľadiska prečo je dôležité to tak riešiť a práve v tom je naša výhoda, že nikto nechápe prečo to tak vlastne robíme, tak to nechajme tak!"

Ср. реплики с форума www. Hojko.Sk:

ano ja viem ze padam na jeho uroven. ale keby nebolo stredoslovenčiny a ujo ludovit stur si mal vybrat medzi vychodnarcinou a zapadnarcinou tak seci hovorme vyhodnarsky. tomu ver vyhodnarcina je ovela lubozvucnejšia a zabavnejšia ako zapadoslovenčina. po vyhodnarsky sa daju lepsie vyjadrit pocity a nalady :D este aj basnicky lepsie zneju vo vyhodnarcine ☺ nahodof znam bo som na hviezdoslavovom kubine recitoval po vyhodnarsky.

См. также реплики на западнословацком сетевом диалектном идиоме с сайта putnici.sk:

*ja nejsom slovak ale zahorak;
takže asi tak a ta stredoslovenska slovenčina je uplne naprd, na prozaicke diela sa nehodi, na basničky možno hej... keď sa používa taky starši slovosled to ide všetko ľahšie 'этот среднесловацкий такая хрень, для прозы он не годится, еще для поэзии туда-сюда, когда используют такой архаичный порядок слов, это еще как-то'.*

(3) Метаязыковая (метадиалектная) форма, когда в сети приводятся описание того или иного диалекта, выполненное на литературном языке, и последующие рефлексии пользователей сайта на тему полноты данного описания. Это могут быть специализированные страницы, тематические сообщества. Ср. многочисленные сообщества типа: «Я из Восточной Словакии и не стыжусь этого» на сайте facebook.com, также «Словарь восточнословацкого диалекта» (около 100 слов) <http://vychodnare.webnode.sk/news/vychodnarsky-slovník-2/> на уже упомянутом сайте <http://vychodnare.webnode.sk/>, и далее дискуссия по этому словарю, где пользователи дополняют его и приводят локальные эквиваленты общевосточнословацких слов. Кроме того, в словарной форме в сети представлен также западнословацкий диалект. Авторами подобных словарей и комментариев к ним чаще всего являются люди, не имеющие специального лингвистического образования. Они составляют словари на основании собственной языковой интуиции и языкового опыта, и фактически подобные сетевые словари представляют собой списки слов, которые пользователи идиомы *ощущают* в своей речи как локально закрепленные. На практике далеко не все слова из списка встречаются в реальной речи пользователей. Многие из них (по нашим данным, примерно половина) фигурируют только в фольклорных стилизациях, текстах известных песен. В качестве иллюстрации приведем здесь полностью «малый словарь загорского говора», опубликованный на сайте http://malackepohlady.sk/?page_id=8749.

<i>bačorina – mláka, močarisko</i>	<i>kúsat – hrýzť</i>
<i>blékat – plakať</i>	<i>ludé – ľudia</i>
<i>cinter – cintorín</i>	<i>není – nie je</i>
<i>čut – počuť</i>	<i>nic – nič</i>
<i>de – kde</i>	<i>ňegdo – niekto</i>
<i>dojde, donde – príde</i>	<i>ňekery – niekory</i>
<i>dzi, dzite – pod', pod'te</i>	<i>odkát – odkiaľ</i>
<i>enem – len</i>	<i>oné – to (univerzálnе, mnohovýznamové slovo)</i>
<i>ešče – ešte</i>	<i>pit – piť</i>
<i>doleva – doľava</i>	<i>pondzeli – pondelok</i>
<i>fčil – teraz</i>	<i>poštár – rýchlо</i>
<i>friško – rýchlo</i>	<i>potát – potiaľ</i>
<i>furt – stále</i>	<i>sklep – pivnica</i>
<i>í – je (konzumuje)</i>	<i>rači – radšej</i>
<i>ít – ist'</i>	<i>rožnúť – zažať</i>
<i>jet – ist' na nejakom vozidle, napr. autom</i>	<i>scet, scú – chciet', chcú</i>
<i>kerý – ktorý</i>	<i>tady – tu</i>
<i>kolo/kouo – bicykel</i>	<i>túcit – tľciť</i>
<i>konc – úplne, celkom</i>	<i>vráciť – vrátiť</i>

Также метадialeктный характер могут носить отдельные заметки в блогах, посты и реплики в социальных сетях. Ср, например, метадialeктные реплики на литературном языке, принадлежащие носителям западнословацкого диалекта:

*ako hrozne tvrdo sa hovári na zapade a skoro vsade
cize podľa teba zapadoslovenčina je nadjazyk? lebo keď pozerám televízne noviny,
ale komentovanie športových prenosov, tie blavakizmy a zatahovanie, že jakozeeee-
jaaaasom tu teeenfraaaaaajo, a to nehovorím o absencii makcenov v tej zapadosloven-
cine... to je totalne spisovne že ano?*

*A ja sa priznam, mne sa nechce, slovenčinu som vedela, ale nikdy som ju v real živote
neriesila, takže v mojom slovníku sa mäsa zapadoslovenčina s cestinou, slangovými
mi vyrazmi a kopou vulgarizmov...*

Кроме того, в сети могут быть вывешены для публичной дискуссии фрагменты диалектных записей. Как правило, это характерно для открытого общения в социальных сетях среди научной общественности, но также подобные диалектные фрагменты могут вывешивать энтузиасты — жители конкретного региона.

Мы начертили лишь общую схему возможных форм бытования диалектно маркированного идиома в Интернете. В конкретном языке характер его функционирования в сети будет существенно различаться в зависимости от общей языковой ситуации — ср. тезис Г. П. Нешименко о необходимости рассмотрения языковой структуры Интернета через призму внутриязыковой ситуации: (Нешименко 2005: 56). Так, в русском языке диалекты фактически представлены только в форме вкраплений и в метаязыковой форме. В силу непрестижности диалектного языка живое общение на диалектно маркированном идиоме в сети практически отсутствует. В словацком языке диалекты в целом сохранились достаточно хорошо и отдельные регионы сравнительно обособлены друг от друга. Кроме того, столичный разговорный идиом сильно отличается от литературного языка. Поэтому в словацком сетевом пространстве диалектно маркированный идиом, на наш взгляд, имеет значительные перспективы. В большей степени будет представлен в сети восточнословацкий диалект, в меньшей — западнословацкий, и в минимальной — среднесловацкий. Дискуссионным является вопрос о статусе сетевого диалектного идиома. Основу его, по всей вероятности, составляет интердиалект, т. е. локальное наддиалектное образование с относительно стабильной некодифицированной нормой. Более того, в сети предпринимаются попытки «неформальной кодификации» загорского и восточнословацкого диалектных идиомов. Ср. «учебник восточнословацкого», «словарь восточнословацкого» и т. п. При этом оба словацких сетевых ДМИ представляют регион, сравнительно обособленный как в языковом, так и в культурном отношении, и помимо собственно диалектных черт, в нем присутствуют элементы просторечия и специфические сетевые маркеры (сетевая лексика, часто отсутствие диакритики). Вместе с тем отметим определенную неравноценность восточнословацкого и западнословацкого диалектных сетевых идиомов. Последний распространен в сети в значительно меньшем объеме, и кроме того, основан не на всем интердиалекте как таковом, но на конкретном говоре — загорском.

Помимо уже изложенного, немаловажным для указанной проблематики является анализ соотношения «диалект / литературный язык» в плане влияния литературного языка на диалектный идиом интернета, а также функционального распределения реплик либо отдельных фраз в составе реплики на диалекте либо на литературном языке на конкретных порталах. Возможным представляется исследование зависимости диалектных реплик/текстов от конкретного Интернет-жанра, изучение отображенных в Интернете метадиалектных рефлексий рядовых пользователей сети и их представлений о национальном языке. Все это составляет общую перспективу исследований в данной области.

Литература

- Вельмезова 2006 — *Вельмезова Е. В.* Смена языковых кодов в языке французской «электронной почты» // Глобализация–этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. Т. I. М., 2006. С. 377–396.
- Войсунский — *Войсунский А. Е.* Интернет — новая область исследований в психологической науке. <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1273.html>
- Йилкова 2006 — *Йилкова Л.* Несколько наблюдений над деятельностью интернет-клуба Čeština // Глобализация–этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. Т. I. М., 2006. С. 418–431.
- Нещименко 2005 — *Нещименко Г. П.* К вопросу о лингвистическом статусе языка компьютерных диалогов // Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005.
- Шевякова — *Шевякова Л. П.* Основные формы общения в Интернете и их особенности // http://anthropology.ru/ru/texts/shevyakova/educval_05.html
- Findra 2010 — *Findra J.* Slovo v kontexte a internetová komunikácia // Slovo. Tvorba. Dynamickosť. Na počesť Kláry Buzássyovej. Bratislava, 2010. S. 163–172.
- Müllerová 2001 — *Müllerová O.* E-mailová korespondence z hlediska generačních rozdílů // Český jazyk a literatura na sklonku XX století. Ostrava, 2001.

Summary

Darya Vaschenko

Internet as a promising new form of existence of dialects

The article describes functioning of modern Slovak dialects in the internet (dialectal words or expressions used in literary Slovak texts, dialectal remarks, web-pages written entirely in dialects, metadialectal reflection).

«Вторая жизнь» диалекта в верхнелужицком субстандартном идиоме

В последнее время внимание лингвистов все чаще привлекает идиом, за которым в русскоязычном дискурсе закрепилось уже довольно устойчивое наименование «верхнелужицкий разговорный язык». Как правило, он упоминается в работах, посвященных контактным явлениям в славянских языках, причем те или иные особенности «разговорного верхнелужицкого» обычно отмечаются без предварительного разъяснения того, что именно подразумевается под этим идиомом. Между тем содержание, вкладываемое в данное понятие «по умолчанию», у разных авторов может не совпадать. Это открывает простор для помещения его в разные понятийные парадигмы, что, к сожалению, далеко не всегда эксплицируется авторами и осознается читателями.

В качестве примера сказанного упомяну недавний доклад, который произнесли на XV Международном съезде славистов в Минске 2013 г. В. Брой и Э. Адаму, представляя совместный германо-французский проект «EURO-SLAV-2010». В опубликованных русскоязычных тезисах доклада (Breu, Adamou 2013) говорится о корпусе глоссированных устных текстов «славянских микроязыков в неславянских странах». Это в особенности молизско-славянский в Италии, градищанско-хорватский в Австрии и «верхнелужицкий разговорный язык» в Германии. Термин «микроязыки», употребляемый здесь — видимо, исходя из количественных показателей — в качестве эквивалента нем. *Varietäten* (наряду с буквализмом «варианты» и переводом «разновидности»), отсылает к известной концепции «славянских микроязыков» А. Д. Дуличенко. Эта концепция также была представлена ее создателем на том же съезде славистов, и также с количественной характеристикой репрезентантов данной категории, расширенной по сравнению с более ранними работами автора именно за счет включения в нее серболужицких идиомов, и соответственно с видоизмененной классификацией: «Носителей этих микроязыков немного — от полутора тысяч до полумиллиона человек. Классификация выделяет четыре группы: автономные (верхне- и нижнелужицкие, кашубский), островные (южнорусинский, градищанско-хорватский, банатско-болгарский и др.), периферийно-островные (карпаторусинский, помакский и др.) и периферийные (чакавский, кайкавский, прекмурско-словенский и др.)...» (Дуличенко 2013). Нетрудно заметить, однако, что у А. Д. Дуличенко «категория славянских микроязыков (на социолингвистическом уровне — славянских *литературных*

микроязыков)», как уточняет автор это понятие в двухтомном компендиуме «Основы славянской филологии» (Дуличенко 2011: 316), если и охватывает устные идиомы, то рассматриваются они неизменно в связи с литературными «микроязыками» или их проектами.

Именно с этих позиций в цитированном труде 2011 г. А. Д. Дуличенко описывает в главе «Славянская микролингвистика: славянские литературные микроязыки», вопреки сложившейся традиции, «Серболужицкий язык: верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные микроязыки». Из названия и из самого текста этого раздела можно понять, что серболужицкий язык интерпретируется как совокупность языковых форм, в которую, с одной стороны, входят верхне- и нижнелужицкий литературные «микроязыки», с другой же — «и верхне-, и нижнелужицкий (литературные «микроязыки»? — С. С.) дробятся на диалекты (говоры). В в.-лужицкой языковой области выделяются будышинский диалект, «католический» каменцкий, виттихенауский, так называемые степные говоры (севернее Бауцена) и нохтенский. Литературный в.-лужицкий язык ориентирован на будышинский диалект...» (Дуличенко 2011: 349). Этот в целом исчерпывающий список верхнелужицких диалектов вызывает лишь частные вопросы. Так, остается неясным, почему диалект, лежащий в основе литературного верхнелужицкого языка, определяется прилагательным от серболужицкого названия центра Верхней Лужицы, а другие — прилагательными от немецких названий; почему «голанские» говоры (от в.-луж. *hola* 'лес') стали «степными»; спорно также отнесение к «в.-лужицкой языковой области» нохтенского диалекта, т. е. говора Вохозы/Нохтен, который принято считать переходным к нижнелужицким. Для данной статьи, однако, важно то, что среди языковых форм, образующих серболужицкий либо даже только верхнелужицкий (микро-?) язык, «разговорный верхнелужицкий» в компендиуме А. Д. Дуличенко не упоминается.

Существование так именуемого идиома давно отмечено лингвистами, в последнее же время он стал предметом отдельного описания в монографии Ленки Шольце «Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt» (Scholze 2008), которая возникла на основе ее одноименной диссертации, защищенной в 2006 г. в университете Констанца.

Необходимо подчеркнуть, что под *Umgangssprache* Л. Шольце понимает не разговорную (устную) форму литературного языка, как Г. Фаска в грамматике 1981 г. и других работах (Faßke 1981; Faska 2003), а возникшую в католической области Верхней Лужицы наддиалектную форму, которая «развилась вне литературного верхнелужицкого языка на базе католического диалекта <...>, на котором в этой области говорили раньше» [hat sich aus dem Standard-

sorbischen (HSR) heraus entwickelt, und zwar auf dem Substrat des katholischen Dialekts <...>, der in dieser Gegend früher gesprochen wurde (Scholze 2007: 17)].

Как известно, верхнелужицкий литературный язык Нового времени складывался на другой диалектной базе — а именно на основе говоров евангелической части Верхней Лужицы, прежде всего будышинского с допущением ряда уступок католическим говорам (в грамматике это, например, кодифицированные «католические» местоименные формы *toho, tomu...*, в отличие от «евангелических» *teho, temu...*, и др.). Между тем в наши дни естественная передача серболужицкого языка в диалектной форме от старших поколений к младшим сохраняется исключительно в католической области Верхней Лужицы. Представители среднего и молодого поколения выходцев из этой области составляют наиболее активный слой говорящих по-верхнелужицки. Они уже не являются носителями традиционного крестьянского диалекта. Естественная для них диалектная стихия вступает в противоречие с литературной нормой, на современном этапе — а во многом и изначально — достаточно искусственной. В данной ситуации и развивается так называемый «разговорный верхнелужицкий», т. е. обиходный язык (нем. *Umgangssprache*, в.-луж. *wobchadna rěč*) с «католической» диалектной основой (или же субстратом), характеризующийся значительным варьированием между диалектным состоянием и литературным языком.

Место этого идиома в иерархии различных форм существования верхнелужицкого языка Л. Шольце представляет в центре таблицы, в левом и правом столбцах которой она помещает соотносительные, по ее мнению, формы реализации современных чешского и русского языков, несколько обособляя, однако, как социально маркированную форму русское просторечие (Scholze 2007: 18):

Чешский	Верхнелужицкий	Русский
литературный чешский язык (spisovná čeština)	литературный верхнелужицкий язык	литературный язык
разговорный чешский язык (hovorová čeština)	устная форма литературного верхнелужицкого языка (без крайне литературных черт)	разговорная речь
обиходный чешский язык (obecná čeština = общечешский, центральночешский, на базе старого пражского диалекта, не выступает в Моравии и Силезии)	обиходный верхнелужицкий язык (на базе католического диалекта; неевангелических)	просторечие (на базе московского диалекта)

В левой части предлагаемая таблица перекликается с намного более детальной схемой, разработанной для чешского языка Г. П. Нешименко в книге «Языковая ситуация в славянских странах» (Нешименко 2003: 189):

	Книжный, официальный	Письменный
		Устный
Литературный язык	Разговорный литературный язык (<i>hovorová čeština</i>)	
	Субстандартная манифестация	
Обиходно-разговорный язык	Региональная манифестация	
	Собственно Чехия Собственно чешский интердиалект (<i>obecná čeština</i>) с северо-восточночешским и юго-западночешским вариантами	Моравско-силезская зона Областные интердиалекты: среднечешский, восточноморавский, силезский
Территориальные диалекты		

При соотнесении обеих схем обращает внимание асимметрия верхнелужицкой ситуации по отношению к чешской: а) на уровне региональных манифестаций обиходного, или обиходно-разговорного, идиома (отсутствие «некатолического» интердиалектного образования, по-видимому, восполняемое — в той мере, в какой это вообще оказывается необходимым — разговорной формой литературного языка, базирующегося, как было сказано выше, на евангелическом будышинском диалекте) и б) в части, касающейся связи такого идиома с городским койне. Утверждения Л. Шольце, что базой для обиходного чешского идиома явился «старый пражский диалект», а для русского просторечия — «московский диалект», представляются слишком прямолинейными; тем не менее связь этих образований с соответствующими столичными или, шире, городскими койне, несомненно, существует — в отличие от католического обиходного верхнелужицкого языка, возникшего на базе крестьянского диалекта.

Описание грамматической системы этого образования Л. Шольце предваряет следующим замечанием: «Оно не стандартизировано, но зачастую демонстрирует регулярные соответствия с литературным верхнелужицким языком» (Scholze 2007: 17). Сообразно такому подходу она, в частности, приводит образцы словоизменительных парадигм в обиходном (обиходно-разговорном)

верхнелужицком. Их отличия от литературных парадигм автор характеризует, например, так: «Суффикс глаголов на *-ować* в обиходном верхнелужицком, как уже и в диалекте, синкопируется до *-wać*. Выпадение *-o-* имеет место у всех глаголов на *-ować*, ср.: *kupować* → *kupwać* ‘покупать’, *přeložować* → *šeložwać* ‘переводить’, *pokazować* → *pókazwać* ‘показывать’, *molować* → *molwać* ‘рисовать’ и др. Формы презенса этих глаголов образуются не от основы на *-uj-*, как в литературном верхнелужицком языке, а сохраняют инфинитивную основу <...>: *kupwem, kupweš, kupwe, kupwemo, kupweće, kupweja* (вместо литературных форм *kupiju, kupuješ* и т. д.). Таким образом, отдельный тип спряжения с аффиксом *-uj-* в обиходном верхнелужицком не существует...» (Scholz 2007: 186). Тезис о регулярном характере таких отличий, однако, вызывает сомнения.

В частности, в созданном той же Л. Шольце — совместно с В. Броем — в рамках проекта «EUROSLAV-2010» подкорпусе «верхнелужицких разговорных» устных текстов ([http://lacito.vjf.cnrs.fr/archivage/index.htm#europe:sorabe_supérieur\(sourant\)](http://lacito.vjf.cnrs.fr/archivage/index.htm#europe:sorabe_supérieur(sourant))) встречаются также глаголы с сохранением *-o-* в суффиксе *-ować* (наряду с «синкопированными» формами). Например, в тексте о спортивных соревнованиях: *jen móhl so koncentrować* ‘можно было сконцентрироваться’, *štož jo jen trenował* ‘в чем ты тренировался’, *no relatiw dere startwać* ‘довольно неплохо стартовать’, *ka so najlěpe šiwotwać* ‘как лучше всего подготовиться’. Суффикс *-uj-* в формах презенса представлен в тексте о театре: *basnje cituje* ‘стихи цитирует’ (при двух примерах *zes jenom mužom flirtwe* ‘с мужчиной флиртует’, *tón pon so šehotwe* ‘он потом переодевается’); только такие формы находим в тексте о монгольском празднике: *koteš so menuje Nadaam-swejdžen* ‘который называется Надаам-праздник’, *na koteš so wšice Mongolojo šece pšiwotuja* ‘к которому все монголы всегда готовятся’, *ta třěća disciplina, we kotrež so woni hubědžuja* ‘третий вид спорта, в котором они соревнуются’, *potajkim potom, eh... so nedžakuja tón džěšču* ‘так что потом они не благодарят этого ребенка’, *dókejš šće jim ta waha pobrachuje* ‘потому что им еще веса не хватает’.

Как показывает хотя бы даже корпус «EUROSLAV-2010», устные тексты могут иметь также письменную форму. Разумеется, в рамках подобных проектов речь идет о записи (и/или транскрипции), выполняемой в исследовательских целях, но в других случаях письменная реализация преимущественно устного идиома бывает естественной. Так это происходит в современных средствах коммуникации (ср. интернет-чаты, смс-сообщения) или массовой информации: например, при публикации устных интервью, которым его участники и редактор издания не хотят придавать литературный облик. В этой

связи интересно проверить наблюдения над материалом, представленным в ограниченном пока верхнелужицком разговорном (обиходном) подкорпусе Л. Шольце, проанализировав один из образцов естественной письменной фиксации данного идиома, опубликованный в 2012 г. в серболужицком культурном журнале (Wecliches B., «Rozhlad», 16–18). Это интервью молодого серболужицкого рок-музыканта Михала Цыжа, которое, как уведомляет читателей редакционная заметка на полях, «ради документации обиходного серболужицкого языка не было переложено на литературный язык», причем собеседники «дали согласие на публикацию интервью в такой форме».

В этом тексте наблюдается непоследовательное проявление некоторых признаков обиходного верхнелужицкого языка, восходящих к особенностям католического диалекта, в частности:

1. Переход $y > o / ó / u$ после губных согласных.
2. Переход $y > e$ в других случаях, в том числе во флексиях прилагательных.
3. Переход конечного $e > o$ в формах существительных среднего рода и 3-го л. ед. ч. наст. времени глаголов.
4. Отверждение мягких согласных.
5. Редукция гласных i / y .
6. Флексия 1-го л. ед. ч. наст. времени глаголов всех типов спряжения.
7. Переход глаголов от a -спряжения к e -спряжению.
8. Определенный артикль *tón* (в том числе неизменяемый: *tón hlówu la-mać* ‘ломать голову’).
9. Неопределенный артикль (и неопределенный субъект) *jen*.

Ниже предлагается размеченный текст этого интервью, где цифры со знаками + или – обозначают реализацию/нереализацию вышперечисленных признаков. Другие колебания (например, обих. *ka* / лит. *kaž* ‘как’, аналогично *tež* / *tej* ‘также’, *jen(e)* / *jedne* ‘одно’), как и многочисленные лексические германизмы, не учитываются.

Čehodla je «Jolka» tak woblubowana?

Tón⁸⁺ jolka-swjeden ma mjeztym tradiciju přez dwanaće, třinaće lět a ta⁸⁺ woblubowanosc w našim publikumje⁴⁺ je wězo eh nadžěłana. Štož my¹⁻ eh z «Jolku» ehm ja jónu prajim^{6+,5-} poskićimo¹⁺, jo³⁺ jen⁹⁺ wěsty²⁻ kulturelny²⁻ poskitk eh w serbskej sceny, kiž eh poprawom tež jenož lokalne⁴⁺ funguje. «Jolka» ma jen⁹⁺ wěsty²⁻, ka jen⁹⁺ praji⁵⁻, Stammublikum, jen⁹⁺ wěsty²⁻ publikum, kiž tam kóžde lěto přindže³⁻. Ale zawěšće tej k počojcy přec zas nowych¹⁻ zajimcow, kiž su wo tym slyšeli, w interneće čitali. Eh naš cil z «Jolku» jo⁴⁺ eh najprjedy jónu eh jen⁹⁺ rjany²⁻ zymski

swjedzeń wuhotować a na tamnym boku je³⁻ to tež jedne⁹⁺ cyle wažne zarjadowano^{3+,4+} za naš eh wjesny²⁻ klub, eh za našu młodžinu, za našich starych jónu zhromadne⁴⁺ zas něšto na noj stajc⁵⁺. Ehm te⁸⁺ dimenzije po «Jolki» su wězo kusk rozrostli ehm a tón⁸⁺, ka jen⁹⁺ praji⁵⁻, tón⁸⁺ niwow toho⁸⁺ kulturelneho programa na příklad je³⁻ tej wočiwidne⁴⁺ wot lěta k lětej stupał, dokelž, a to je³⁻ tej něšto normal, eh naše swójske eh Anspruch eh ka jen⁹⁺ praj⁵⁺, pytaj pon Anspruch, eh haj swójski Anspruch wězo stupe⁷⁺. My¹⁻ chcemy¹⁻ eh kóžde lěto zas něšto lěpe⁴⁺ činc^{4+,5+}, my¹⁻ chcemo¹⁺ kóžde lěto zas eh něšto nowe spytać, my¹⁻ chcemo¹⁺ přeco zas docpěć, zo tón⁸⁺ publikum je zahorjeny²⁻. Praktisce je³⁻ to wšón tón problem, zo dyrbymy sej bóle tón⁸⁺ hłowu łamac a tak te⁸⁺ přihoty su zawěsće wobšěrniše a wjace čas rubjace hač před lěťami, dokelž my¹⁻ z lěpšej techniku džěłamo^{1+,7-}, zdžěla z multimedialnej techniku džěłamo^{1,7-}. A eh my¹⁻ spytamy¹⁻ tym kabaretam husto tež jednu druhu abo třecu runinu dać. Kaž te inter-geki, hdžež my¹⁻ hladamy¹⁻, ok, što budže w publikum⁴⁺, koho můžemy¹⁻ snadž kusk docpěć abo přez kakaw kusk čahnc⁵⁺. My¹⁻ smy¹⁻ při pisanju⁴⁺ kabareta tři, štyri ludži, kiž so tydžene⁴⁺ dołho z lokalnemi²⁺ temami, zes lokalnej politiku, zes eh problemčkami abo podawiznami, kiž so w našej wokolinje⁴⁻ stawjeja⁷⁺ eh a te mó¹⁺ spytamy¹⁻ zaplesć. Za nas je wažne, zo móže so tón⁸⁺ publikum identifikować, haj my¹⁻ nohcemy¹⁻ žan Nummernprogramm, kiž mó¹⁺ můžemo¹⁺ einfach wospjetować. A ta⁸⁺ rezonanca w našim publikumje je eh jara sprawna, dyrbi so prajc⁵⁺. Hdyž so publikumje něšto njelubi, pon njeplaca a hdyž je publikum zahorjeny²⁻, pon eben ausflipne⁴⁺. Nam dže³⁻ wo to sobotu, wot wosmich hač do knapo džesaćich jen⁹⁺ program činc^{4+,5+}, hdžež wšě ludži, kiž tam su, zahorjene⁴⁺ wokopanu. Mó¹⁺ tež druhdy pódla ležimy¹⁻ a to je tež bohužel normal, ale ja jónu prajm^{6+,5+}, ehm tón⁸⁺ zwisk mjez tymi⁸⁺ wumělcami na jewišću a mjez publikumom je mjeztym tak bliski a wuski, za smy¹⁻ na prawym puću a to funguje.

Je za tebje «Jolka» jedyn postup za hajenje serbstwa?

Hajenje^{3-,4-} serbstwa... Wězo hraje ta⁸⁺ serbskosć při «Jolce» jednu⁹⁺ cyle wažnu a samo eksistencielnu rolu. Ehm mó¹⁺ smó¹⁺ eben jedna serbska gmejna a to wězo jen⁹⁺ zasad, zo my¹⁻ wězo wšo serbsce činimy¹⁻. Tón⁸⁺ program, je tej we wěštych rjedže ehm jen⁹⁺ kulturny wjeršk za naše ludži, tež kiž na jewišću steja. A my¹⁻ dyrbymy¹⁻ tej na jewišću na to džiwać, zo njeje naša serbščina skerje bjezporočna, ale za je to tohodla sće serbščina. Alzo mó¹⁺ tam nohcemo¹⁺ žan Wasserpolnisch, my¹⁻ tež do slownika hladamy¹⁻ za jen⁹⁺ a te tamne slowo. To ja jónu prajm^{5+,6} hajenje^{3-,4-} serbstwa w tym zmysle, zo mó¹⁺ hladamo¹⁺, zo naša rěč a tež naša swójska eh kulturelne mysleno^{3+,4+}, zo to wostane⁴⁺, zo my¹⁻ to hajimo¹ a zo my¹⁻ sej přec sami prajimo^{1+,5}: «Haj, mó¹⁺ chcemy¹⁻ serbsce spěwać, mó¹⁺ chcemo¹⁺ serbski kabaret činc^{4+,5+}, my¹⁻ můžemy¹⁻ tón⁸⁺ cyły²⁺ wječor serbsce powědać.» Ehm to je za nas eh jene wobohaćenje^{3-,4-}, dokelž ta⁸⁺ serbska rěč w našim eh momentanym eh žiwjenju tak wšědne so bohužel so nemóže eh tak husto so hajić. Tohodla je³⁻ to jen⁸⁺ rjany²⁻ wjeršk, zo můžemy¹⁻ zas něšto ryzy serbsce činc^{4+,5+}.

Wobohaći «Jolka» serbsku kulturu?

Eh ja ta so nadžijam. Alzo «Jolka» započne⁴⁺ so towaršnostne⁴⁺ widžane⁴⁺ ja mol prajm^{5+,6+} započatk lěta a eh je³⁻ eh wězo tón⁸⁺ wjeršk w januare⁴⁺ a dže³⁻ tež dale w interneće, přez to my¹⁻ naše eh programu¹⁺, kiž smo¹⁺ natočeli, filmisce tež pokazamo¹⁺ tam. Ja dyrbim⁶⁺ tež prajc⁵, zo so wo «Jolki» řeči jen⁹⁺ mėsac, ale w februaru nichtó wjac wo tym njerěči a tohodla bych ja prajil, «Jolka» je jene⁹⁺ wobohaćenje^{3-,4-} serbskeje kultury w januaru, ale nic měnje a nic wjac.

Ka widžiš ty přichod «Jolki»?

Zarjadowanja⁴⁺ kaž «Jolka» su přec wotwisny²⁺ wot iniciatiwu¹⁺ jednotliwcow. Tež hdyž su na «Jolki» na kóncu woko 30, 40, 50 ludži inwolwowany², wšojedne hdže, su to kwazi 3, 4, 5 ludžo kiž tón⁸⁺ zamołwitosó su přewzali, dotal. Kiž so wo jich skupinu staraja, kiž eh z nimi zwučuja a ka dołho změjemy¹⁻ tajkich Macher-typow, budže «Jolka» dawać. Alzo ja njejsym žan ilusionalist a sym tej wotewrjeny²⁻ za wšu kóždežkuli eh změnu. Tam su so eh tej te⁸⁺ posledne⁴⁺ třinaće lět wěcy komplet změnili. Poprawom mó¹⁺ kóžde lěto znowa «Jolka» komplet wunamakamo¹⁺ a kóžde lěto znowa sej eh hłowu lamemo⁷⁺, hdže móžemo¹⁺ što lěpe⁴⁺ činc^{4+,5+}. Wězo wšo natwarjeny²⁺ na nazonjenja⁴⁻. A eh z tym tej kóždu «Jolka» na te abo tamne wašnje^{3-,4-} wosebite činc^{4+,5+}.

Ta satiriska kritika w «Jolce», ma ta tež jednu powučensku funkciju?

Na wězo ma tež «Jolka» jen⁹⁺ małki powučenski pozadk. Mó¹⁺ wězo spytamy¹⁻ w našich kabaretach tež jónu tón⁸⁺ porsćik zběhnc⁵⁺ ha kusk, ja mol prajm^{6+,5+}, přez satiriske metody tež tón jen^{9+,8+} abo tamnu kritiku ehm sobu zaplesó abo tón jen^{9+,8+} abo tamnu, ka jen⁹⁺ přec prajc⁵⁺, Moralapostel-powěsć nutř přinjesć. Eh kóždy²⁻ program, kiž so poskići, dyrbi tež něšto, něšto dać. Haj, pak je³⁻ to jedna⁹⁺ inspiracija, pak je³⁻ to eh jedne⁹⁺ hrónčko, pak je to ehm jedna⁹⁺ wizija eh kotruž my¹⁻ spytamy¹⁻ dale eh posrědować. Mó¹⁺ so tej přeco wjeselimo¹⁺, hdyž ta⁸⁺ rezonanca so njewobmjezuje na: «fecich feta», ale hdyž so tež wo wěstych wobsahach samo kritisce reflektuje a diskutuje. Pon my¹⁻ wěmy¹⁻ kwazi, zo smy¹⁻ něhdže tón⁸⁺ žilku třechili ha tym⁸⁺ ludžom tón jen^{9+,8+} abo tamny wink dali.

Zajimawo¹⁺ jo³⁺ tej, zo maja na kóždy²⁻ pad te přihoty, teksty wuknc⁵⁺, teksty pisać, spěwać wuknc⁵⁺, w chórje⁴⁻ synchron bóć¹⁺, eh so na so spuščec móc. Eh te cyłe team-džělo, kiž tajki program eh trjebe⁷⁺, zo by wón fungował, ma přeco tej jednu⁹⁺ wuwučowansku funkciju za nas.

Alzo při kóždej «Jolce» wěcy přinawuknješ, eh swojske kmanosće polěpši. Abó jen⁹⁺ eh je kwazi nučeny²⁻, něšto porjadne na jewišću činc^{4+,5+}. Nic jenož někajki krempl ha někajki tekst řečec, ale tež wurěkowanje^{3-,4-}, eh so z wurěkowanjom⁴⁻ zaběrać, zes stilistiku abo zes retoriku abo zes eh interpretaciju abo zes dynamiku při spěwanju⁴⁻ na příklad. Ja sej wšón myslim⁶⁺, to ma jen mal pedagogiski efekt. Haj tón⁸⁺ jolka-chór so přec dale wuwije, te kabarety spytaja so w serbsčinje wukmanić, a eh jen abo tamne slowo přinawuknu, druhy my¹⁻ tež zdžěla sami swojske slowa wuwijemo¹⁺, dokelž my¹⁻ prajimo¹⁻ ok, za to, štož chcemo¹⁺ prajc⁵⁺, sće žane slowo njedawe⁷⁺.

Частотность проявления отдельных признаков в тексте такова:

1. 33 +, 42 – (*my* // *mó*, *chcemy* // *hcemo*, *wot iniciatiwu* и т. п.);
2. регулярно у наречий (6 *zhromadne* и др., 2 *lěpe*), в глагольных формах (*wostane*, *ausflipne*, 7 *činć*), изредка перед флексиями существительных: *w publikume*, *w januare*, тип *mysleno* – см. 3;
3. 3 *jo* // 8 *je*, только *dže* (не *džo*), 2 *zarjadowano*, *mysleno* // 8× тип *hajenje*;
4. регулярно у наречий (6 *zhromadne* и др., 2 *lěpe*), в глагольных формах (*wostane*, *ausflipne*, 7 *činć*), изредка перед флексиями существительных: *w publikume*, *w januare*, тип *mysleno* – см. 3;
5. 10 *prajć*, *prajm*, *praj* // 4 *prajim*, *praji*; 4 тип *wukńć*; *činć* – см. 4;
6. 6 *prajm/prajim*, 2 *dyrbim*, *myslim*;
7. *stupe*, *njedawe*, *staweja*, *lamemo*, но *džělamo* (не ⁺*džělemo!*); только *funguje*, *zwučiye* (не ⁺*fungwe*, ⁺*zwučwe*)
- 8–9. регулярно.

Перед нами, безусловно, «смешанный текст» как «наиболее распространенная манифестация разговорной речи» (Нещименко 2003: 129), и следует констатировать, что именно в таких текстах в основном находит воплощение современный верхнелужицкий обиходный (обиходно-разговорный) язык. Генетически «католические» диалектные черты проявляются в них непоследовательно, наряду с чертами, присущими литературному языку (генетически «евангелическими»), что, конечно, не означает отрицания системного характера различий между обоими идиомами. При этом, однако, говорить об особой системе обиходного (обиходно-разговорного) верхнелужицкого языка можно, на мой взгляд, только отдавая себе отчет в том, что это система лингвистического конструкта, которая, по-видимому, никогда не реализуется в чистом виде (примерно так же, как система функциональной разновидности чешского языка, известной под названием *obecná čeština*).

Система традиционных крестьянских диалектов, несомненно, реализовалась последовательнее. В современных условиях, однако, крестьянские диалекты постепенно уступают место другим формам существования языка — но не исчезают бесследно. Рассмотренная верхнелужицкая ситуация подтверждает, что в модифицированном виде они могут получать как бы вторую жизнь в субстандартном обиходном (или обиходно-разговорном) идиоме.

Литература и источники

- Дуличенко 2011 — *Дуличенко А. Д.* Основы славянской филологии. Т. II. Лингвистическая проблематика. Ополе, 2011. С. 315–434 («Славянская микролингвистика: славянские литературные микроязыки»).
- Дуличенко 2013 — *Дуличенко А. Д.* Феномен славянских микрофилологий в современном славяноведении // XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.). Тэзісы дакладаў. Т. 1. Мовазнаўства. Мінск, 2013. С. 266.
- Нещименко 2003 — *Нещименко Г. П.* Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.
- Breu, Adamou 2013 — *Breu W., Adamou E.* Изображение славянских микроязыков в электронном банке данных «Euroslav-2010» // XV Міжнародны з'езд славістаў (Мінск, Беларусь, 20–27 жніўня 2013 г.). Тэзісы дакладаў. Т. 1. Мовазнаўства. Мінск, 2013. С. 61–62.
- Faska 2003 — *Faska H.* Pućnik po hornjoserbšćinje. Bautzen, 2003.
- Faßke 1981 — *Faßke H.* Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.
- EUROSLAV 2010 — *Projet EuroSlav 2010.* Base de données électronique de variétés slaves menacées dans des pays européens non slavophones (2010–2012) / Coord. E. Adamou & W. Breu. Sorabe supérieur (courant). http://lacito.vjf.cnrs.fr/archivage/tools/list_rsc.php?lg=Sorabe%20sup%C3%A9rieur%20%28courant%29&aff=sorabe%20sup%C3%A9rieur%20%28courant%29.
- Scholze 2007 — *Scholze L.* Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache unter besonderer Berücksichtigung des Sprachkontakts. Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades des Doktors der Philosophie an der Universität Konstanz. Konstanz, 2007.
- Scholze 2008 — *Scholze L.* Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache im Sprachkontakt. Bautzen, 2008.
- Wecličec B.* Hajenje naška w Nuknicy na moderne wašnje (2). Rozmołwa z Michałom Cyžom // Rozhlad. Serbski kulturny časopis. 2012. Lětnik 62. Č. 3. S. 16–18.

Summary

Sergey S. Skorvid

The “second life” of a dialect in the Colloquial Upper Sorbian

The paper deals with so called Colloquial Upper Sorbian, which is based on a dialect spoken in the Catholic part of the Upper Lusatia region. The author analyses the published text of one interview with a speaker of this language form, in which he finds a number of features characteristic of this dialect. These features, however, are reflected inconsistently, thus we encounter a typical “mixed text” which represents the most widespread form of realization of colloquial language. It is in such texts that we nowadays mainly encounter Colloquial (Catholic) Upper Sorbian as well.

Роль акцентуации в дифференциации карпатской группы украинских диалектов

Украинский язык имеет выразительные акцентные черты, которые помогают определить особенности диалектного членения языка нашего народа. Наблюдения над диалектной акцентуацией велись на фонетическом и морфологическом уровнях. Это работы И. Свенцицкого, С. Рабий-Карпинской, В. Г. Скляренко, Л. М. Коць-Григорчук, П. П. Чучки, Д. Г. Гринчишина, П. Е. Ткачука, В. Латты, Г. П. Клепиковой, С. Л. Николаева, А. В. Тер-Аванесовой, О. Ковач.

В украинистике отсутствуют теоретические обобщения (работы) о диалектном ударении, еще нет акцентологических региональных атласов, хотя акцентные противопоставления ареалогически выразительны. Показательно, что уже в 20-х–30-х гг. XX в. украинские диалектологи акцентуацию рассматривали как существенный признак при членении диалектного пространства, а работая над *Атласом української мови* (далее — АУМ), составляли карты, которые свидетельствуют о различии между просодическими системами разных диалектных зон украинского языка.

Украинский диалектный континуум по признаку ударения условно¹ разделен на восточный (или киевско-полесский) и юго-западный (или галицко-подольский) массивы, в частности, по ударению в отдельных парадигмах, грамматических формах, отдельных словах. Это:

– словоизменительная парадигма притяжательных местоимений ж. р. и ср. р.: *'мойа*², *'мойі*, *'мойі'*, *'мойу*, *'мойоу*, на *'моі* – *мо'їа*, *мо'їі*, *мо'їу*,

---

¹ Мы говорим об условности разделения украинского диалектного континуума на восточный и юго-западный массивы потому, что, как свидетельствуют исследования, изоглоссы некоторых, так называемых юго-западных, акцентных типов не замыкаются в пределах этого наречия, а существуют и в полесских, и в переходных от юго-восточных к юго-западным говорах; в частности, это говоры Волинской, Житомирской (юго-западной части), Ровенской, Черкасской, Кировоградской, Одесской, Николаевской областей (см. карты АУМ, т. 1, кк. № 252, 254, 255; т. 2, кк. № 133, 134, 235; т. 3, ч. 2, кк. № 69–71; а также дескриптивные исследования (Закревська 1966: 120; Коць-Григорчук 2002: 53; Варченко 1971: 46–59; Матвійс 1990: 43, 63; Власенко 1977: 53; 1983: 128–129; Очеретний 1958: 31–32; Винницький 2002; 2008; Кобирипка 2010: 129–138; 2012: 121–132).

² Здесь и далее иллюстрируем только один из фонетических вариантов; примеры приводятся фонетической транскрипцией так, как в источниках.

мо'йейу, на мо'йїї³, 'моє... — мо'їе...; т'воїа... — тво'їа..., с'воїа... — сво'їа... (Тексты: 239, 286, 290; Кобирипка);

— Р. п. ед. ч. местоимений м. р.: 'мого, т'вого, с'вого — мо'го, тво'го, сво'го (АУМ, т. 2, к. 132, 134; Матвіяс 1990: 42); у (до) 'мого, т'вого, с'вого — у (до) мо'го, тво'го, сво'го (Тексты: 302–303, 307; Кобирипка);

— инфинитив двусложных глаголов: 'нести, 'везти — неc'ти, вез'ти (Гладкий 1929; Булаховський 1947: 4); 1-е л. ед. ч. II спряжения: 'кошу, 'ношу, п'рошу, 'кос'у, 'нос'у, п'рос'у — ко'шу, но'шу, про'шу, не'су (АУМ, т. 2, к. 134, 235; Булаховський 1947: 3, 5; Очеретний 1958: 31–32; Бевзенко 1980: 150; Матвіяс 1990: 42); 1-е л. мн. ч. глаголов, образованных от двусложных инфинитивных форм: ве'земо, і'демо, пле'темо — везе'мо, іде'мо, плете'мо (Булаховський 1947: 3; Бевзенко 1980: 150); 2-е л. мн. ч.: ве'зете, і'дете, пле'тете — везе'те, іде'те, плете'те (там же); формы прошедшего времени 3-е л. ед. ч. ж. р. и ср. р.: п'лела, 'вела, 'везла; п'лело, 'вело, 'везло — пл'ела, ве'ла, вез'ла; пл'ело, ве'ло, вез'ло (Булаховський 1947: 5; Бевзенко 1980: 150; Очеретний 1958); глаголы с суффиксами -и-ти, -і-ти: моро'зити, обра'зити, ра'нити — мо'розити, обра'зити, 'ранити (Бевзенко 1980: 150);

— отдельные существительные: кро'пива — кроп'іва (АУМ, т. 2, к. 129; Матвіяс 1990: 40, 43), спи'на — с'пина, с'п'ідниця — сп'ідниця'а, 'фартух — фартух, существительные ср. р. на -ан'а (-ан'е): мо'учан'а (-е), опо'відан'а (-е), пере'конан'а (-е) — мо'учан'а, опов'ідан'а, переко'нан'а (Бевзенко 1980: 148); отглагольные существительные с суффиксом -ова: купо'ван'а (-е), ма'л'ован'а (-е) — купо'ван'а, мал'о'ван'а (там же); Р. п. ед. ч. мужских имен собственных: Богда'на, Тара'са — Бог'дана, Та'раса (там же);

— прилагательные с суффиксами -івс'к, -іун, -еун: бат'кіус'кий, шеу'чен'кіус'кий, жіс'тіу'ний — бат'кіус'кий, шеу'чен'кіус'кий, жіс'тіу'ний (там же: 149);

— числительные 500–900: п'ятсот, 'с'імсот — п'ят'сот, с'ім'сот (там же).

О том, что юго-западные говоры противопоставляются остальным украинским диалектам — юго-восточного и северного наречий — на разных структурных уровнях, писали И. И. Огиенко, Л. А. Булаховский, Ю. В. Шевелев, Ф. Т. Жилко, С. П. Бевзенко, И. Г. Матвіяс, П. Е. Гриценко, В. М. Винницкий и др.

Юго-западное наречие, а это архаические говоры, имеет внутреннюю дифференциацию, что обусловлено различными факторами:

³ Первыми приводятся примеры грамматических форм с ударением, свойственным юго-западному типу; через тире — ударение, характерное для говоров центрально-восточной Украины.

а) прежде всего, как предполагают многие исследователи, рудиментами племенного членения — сохранение в определенной степени языка древнейшей поры;

б) вхождением частей этой диалектной территории в состав различных государств с неодинаковыми социолингвистическими условиями, что сопровождалось интенсивным взаимодействием с частными диалектными системами других языков — Польши, Австрии, Румынии;

в) миграцией населения.

Напомним, что в юго-западном наречии выделяются три группы говоров:

1) **карпатская** — объединяет бойковский, закарпатский, лемковский (западнокарпатский) говоры; 2) **галицко-буковинская** — объединяет надднестрянский, покуско-буковинский (надпрутский), гуцульский (восточнокарпатский), надсянский говоры, распространенные на территории исторических Галичины и Буковины; 3) **волыньско-подольская** — объединяет волыньский и подольский говоры, которые функционируют на территории исторических Волини и Подолья.

Возникают вопросы: как объединяются и противопоставляются отдельные зоны юго-западного наречия на акцентном уровне, а также совпадает ли акцентная дифференциация юго-западных говоров с дифференциацией на других структурных уровнях. «Сопоставление акцентологических и неакцентологических изоглосс оказывается крайне важным для хронологической интерпретации пучков изоглосс», — подчеркивает С. Л. Николаев (2008: 127–128).

В этой статье мы анализируем акцентные характеристики говоров карпатской группы. Источниками исследования послужили карты АУМ, на которых представлены акцентные явления всего украинского пространства, дескриптивные диалектологические исследования, в которых зафиксировано ударение, хрестоматии диалектных текстов, диалектные словари.

В украинском диалектном пространстве в карпатской группе юго-западного наречия, в частности в западных районах Закарпатской области, Восточнословацком крае (Словакия), Жешувском воеводстве (Польша), функционирует западнокарпатский, или **лемковский** говор, с ударением, фиксированным на предпоследнем слоге (за исключением восточных говоров с подвижным динамическим ударением) — парокситоническим (*'бал'он 'м'яч', 'вода, 'йеден 'один, 'ковал', 'коза, 'морос 'мороз, 'обрус, о'гурок, профе'со-ри*). Этим существенным признаком лемковский говор противопоставляется другим украинским говорам и одновременно объединяется с польским и словацким языковым континуумом.

Обращает на себя внимание тот факт, что парокситонический тип ударения, типичный для лемковского говора, функционирует и в других юго-западных диалектах. Вопрос касается интенсивности этого явления.

Очевидно, что ядро этого явления — лемковский говор, которому свойственна полная парокситонеза: *д'аку'вати, д'гурок, г'лоси*; парокситонеза двусложных слов: *'мороз, 'бат'іг, 'ковал', 'обрус, 'йеден, 'болит*; парокситонеза местоимений в форме Р. п. ед. ч. м. р. *'мого, т'вого, с'вого* (АУМ, т. 2, к. 134); глаголов I л. ед. ч. II спряжения *'ношу, п'рошу* (там же, к. № 134, 235); парокситонеза в парадигме существительных: *'воўци, з'риби, 'волол, ко'ч'ерга, ко'ц'уба, 'лоша, 'лош'ім, 'тел'а, 'тел'ім...; т'руна, т'румна, т'румла* (там же, к. № 134). Далее на север интенсивность этого явления постепенно угасает. В других юго-западных диалектах такой тип ударения представлен спорадически на уровне отдельных лексем или грамматических форм. Такие вкрапления известны практически во всех юго-западных диалектах (закарпатском, бойковском, надднестрянском, надсянском, покутско-буковинском, гуцульском и реже — волынском и подольском). Наибольшие ареалы занимает парокситонеза местоимений *'мого, т'вого*, ареал такого типа ударения охватил и часть полесских говоров (там же).

Акцентные характеристики, объединяющие бойковский и закарпатский говоры

а) словесное ударение свободное, подвижное, нефиксированное, не закреплено за определенным слогом в слове в бойковских и закарпатских (кроме западных) говорах. Как свидетельствуют исследования И. Верхратского, И. Панькевича, Закарпатская обл. по признаку ударения делится на две части: западную — говоры с фиксированным парокситоническим ударением и от Лаборца до Тисы — говоры с подвижным ударением. «Граница наголосу сталого кінчиться на селі *Нягові* коло Межилабірців і біжить долиною ріки Лабірця так, що села, положені на схід поза цією долиною, виказують вже наголос рухомий», — отмечал И. Панькевич (1938: 327).

б) парокситоническое ударение в отдельных словах, грамматических формах. Это:

– существительные *'верба* (з *'вёр'би*), *д'рыва* и как вариант — *дры'ва* (Онишкевич, ч. I; Тексти: 275, 282; Німчук 2007: 198; Торунь: 79, 197; Кобирилка), *'вода* (Рабій-Карпинська 2011: 69), кроме говора с. Торунь⁴ — *vodá* (Торунь:

⁴ Отметим, что говор с. Торунь Межгорского р-на Закарпатской обл. «относится к восточнобойковской группе юго-западных украинских говоров (по другой классификации он является восточноверховинским)» (Торунь: 5); в связи с этим источник из этого говора

202), *ка'чур* (в бойковских говорах зафиксировано и *качур*) (АУМ, т. 2, к. 333; Торунь: 97), *ко'вал'*, *ко'вач* (АУМ, т. 2, к. 138; Торунь: 106), *ко'ч'ерга*, *ко'ц'уба* (АУМ, т. 2, к. 134; Онишкевич, ч. 1; ДЛАЗ, ч. 1, к. 26), *кро'пива* (АУМ, т. 2, к. 129; ДЛАЗ, ч. 1, к. 6; Матвіяс 1990, т. 2, к. 134); формы Им. п. мн. ч. *бра'т'а (-i)*, и как вариант — *бра'ты (-и)* (АУМ, т. 2, к. 191; Торунь: 62); двойственное число *дві'відра* (АУМ, т. 2, к. 258, 405); *дві'руки* (там же, к. 257);

– формы Р. п. ед. ч. м. р. местоимений *мій, твій*: *мо'го, т'во'го; мо'його, тво'його; мойого, т'войого*. (АУМ, т. 2, к. 132, 134; Матвіяс 1990: 42; Тексти: 308; Торунь: 121; Кобирино); притяжательных местоимений *м'ійу, с'війу, с'воє* (Тексти: 276, 284, 286; Торунь: 121, 177; Глібчук 2005; Кобирино); предложно-местоименных конструкций: *у' мене, за' н'ого, за' неї* (АУМ, т. 2, к. 134; Глібчук 2005: 133; Кобирино);

– формы глаголов 1-го л. ед. ч. II спряжения: *ко'шу, но'шу, п'рошу, ход'у* (АУМ, т. 2, к. 133, 134, 235; Матвіяс 1990: 64, 66; Торунь: 105, 133, 154, 206; Кобирино); I спряжения (с гласным перед суффиксом), в частности, 1-го л. ед. ч. настоящего времени: *з'рива'м 'срываю', с'ніва'м 'пою', чита'м 'читаю'* (Бевзенко 1980: 225; Кобирино); 2-го л. ед. ч.: *з'рива'ш 'срываешь', с'ніва'ш 'поёшь', чита'ш 'читаешь'* (Бевзенко 1980: 132, 225, 227, 228; Кобирино); 3-го л. ед. ч. с сохраненным личным окончанием: *до'бира'т 'подбирает', з'рива'т 'срывает', по'зива'т 'зовет', с'ніва'т 'поет', чита'т 'читает'* (Бевзенко 1980: 132, 228; Возний 1969: 178–179; Торунь: 70, 172; Кобирино) — такой акцентный тип зафиксирован и в гуцульских говорах (Бевзенко 1980: 222); 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения: *бир'ме 'давайте брать', роб'ме 'давайте делать', х'вал'ме 'давайте хвалить'* (Бевзенко 1980: 142; Кобирино); формы прошедшего времени с приставками *ви-, за-, при-, с-*: *вино'сила, зано'сила, прино'сила, прихо'ди'у, прихо'дили, ск'ін'чат* (Тексти: 241, 242, 278; Глібчук 2005; Кобирино), что свидетельствует о сбережении ударения на том же сегменте, что и в инфинитиве, ср.: *но'сити* — *зано'сити, зано'сила, зано'сили, зано'сила* (Тексти: 242; Кобирино);

– причастия *замк'нена, зроб'лений* (Тексти: 244, 306);

– наречие *на'перит* (Тексти: 242; Торунь: 128);

– указательная частица *то'го* (Тексти: 307; Кобирино);

в) пропарокситоническое ударение:

– существительных *го'дина, корито* (ДЛАЗ; Панькевич 1938: 389; Торунь: 85), *ко'ліно* (Панькевич 1938: 329), в говоре с. Торунь зафиксировано — *ко'ліно* (Торунь: 102);

используем только в иллюстрации акцентных характеристик, объединяющих закарпатский и бойковский говоры.

– форм глаголов и производных от них *ʎродити* — *ʎродила*, *ʎродииш*, *ʎродит*, *ʎʎродити*; *ʎгостити* — *ʎгостили*, *поʎгостити*; *лаʎдити* — *злаʎдила*, *лаʎдат* (Панькевич 1938: 329; Онишкевич, ч. 1; Тексти: 275, 280, 281; Торунь: 160); форм I спряжения настоящего времени 1-го л. мн. ч. на *-ме*: *співаме* ‘поём’, *ʎита́ме* ‘читаем’ (Бевзенко 1980: 135); такие формы функционируют и в надсянских говорах;

г) окситоническое ударение:

– прилагательных *solotkʎь*, *hrubʎь*, *veselʎь* (Панькевич 1938: 328–329), *бʎідний*, *бʎутний* ‘зухвалий’, *замʎіжний*, *здоробва*, *нисʎкий*, *тучний*, *царсʎкий*, *цʎілий* (Онишкевич, ч. 1; Тексти: 244, 275, 277, 283, 293, 306), *зʎйідний* ‘досадный’ (Онишкевич, ч. 1), *вузʎкий*, *тʎісний* (как свидетельствуют источники, функционируют и акцентные варианты с парокситоническим ударением *ʎвузʎкий*, *ʎтʎісний*, которые характерны для лемковского говора, — АУМ, т. 2, к. 131; для говора с. Торунь — *solótkoj* [Торунь: 171]);

– некоторых глаголов 1-го л. мн. ч. на *-ме*: *будеʎме*, *говориʎме*, *йдиʎме* (Тексти: 244, 291), но функционируют и формы с безударным окончанием *-ме*: *ʎйдеме*, *ʎколыме* (Возний 1969: 179).

Отметим, что в говорах карпатской группы в связи с переносом ударения с флексии функционируют формы 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения с утраченным личным окончанием *-и*: *бер*, *берʎ*, *бʎирʎ* ‘бери’, *возʎ* ‘возьми’, *пойʎ* ‘пойди’; *запʎлатʎ* ‘заплати’, *приʎнисʎ* ‘принеси’ (Панькевич 1938: 328; Бевзенко 1980: 144). Такие формы объединяют карпатские говоры с надсянскими (Бевзенко 1980: 223) и западнославянскими (Панькевич 1938: 328).

В то же время каждому из говоров присущи такие акцентные характеристики (они функционируют как отдельный акцентный тип или же как акцентный вариант), которые выделяют его из группы говоров и объединяют с говорами других диалектных групп.

Акцентные характеристики, дифференцирующие говоры карпатской группы

1. Лемковскій говор выделяется по акцентным признакам:

а) стабильное парокситоническое ударение;

б) небольшие ареалы окситонического ударения существительного *руʎно*; эта лексема с таким ударением функционирует также в покутско-буковинских и волынских говорах (АУМ, т. 2, к. 292);

2. Закарпатскій говор выделяется по акцентным признакам:

а) парокситоническое ударение:

– существительных *ʎвода*, *ʎзерно* (ДЛАЗ), *ʎзорʎа* (АУМ, т. 2, к. 116), формы Им. п. мн. ч. *ʎвоуки*, *ʎриби* (АУМ, т. 2, к. 135); существительных в форме Тв. п.

ед. и мн. ч. ¹волом, ¹волами, ¹лошатами¹; форм двойственного числа *ш'тыри* ¹волы (АУМ, т. 2, к. 134; Тексти: 275, 281; Кобирунка);

– числительных м. р. *д'воме*, *т'р'оме*, *чоты'р'оме* — такие формы функционируют в западнокарпатских говорах (Бевзенко 1969; 1980: 116; Нимчук 2007: 198);

– личных местоимений с предлогом *id'o tni* (Панькевич 1938: 329);

– наречия ¹дауно (Тексти: 276), ¹назат (Тексти: 293); отметим, что парокситоническое ударение объединяет закарпатские говоры с лемковскими;

б) пропарокситоническое ударение:

– существительных ¹наперс(т)ник — характерно для говоров Закарпатской обл., граничащих со словацкими говорами (ДЛАЗ, ч. 1, к. 97); формы Им. п. ед. и мн. ч. ¹долото — ¹долота; как варианты функционируют также парокситоническое и окситоническое ударения этой лексемы (такие варианты распространены и в других говорах юго-западного наречия): *до'лота*, *доло'та* (АУМ, т. 2, к. 130); формы Тв. п. мн. ч. ¹дубами, ¹корчами (АУМ, т. 2, к. 135), которые характерны и для лемковского говора;

– глаголов *č'ekaty*, *l'etity*, *r'odyty* (Панькевич 1938: 329).

Причина такого передвигания ударения и сегодня не изучена. И. Панькевич в свое время констатировал: «Яка причина пересунення цього наголосу на початковий склад слова подібно, як то є в малярській мові або й в сербохорватських штокавських говорах, нині не легко відповісти, но все таки при провіренні більшого числа матеріялу могли би ми може прийти до заключень про давнину цього явища, що мало свій початок таки на слов'янській почві» (Панькевич 1938: 329);

в) окситоническое ударение:

– существительных *ми'ло*, *мы'ло* — севернокарпатские говоры (ДЛАЗ, ч. 1, к. 102), *воро'та* (АУМ, т. 2, к. 130; ОЖДА, в. 1, к. 35); инфинитива глагола *да'ти*⁵ (Тексти: 276), глагола *бу'де* — *бу'деш* (Тексти: 282–284);

– числительных *перс'а*, *друх'уї* (Панькевич 1938: 329), форм числительных м. р. *два'їе*, *три'їе*, которые употребляются при существительных, обозначающих лиц мужского пола: *два'їе*, *три'їе*, *чоты'ре*, *четы'ре*, *чоти'ре* *х'лопы*, но не *два'їе* *ж'оны* — центральные и восточные говоры (Бевзенко 1969; 1980: 116; Нимчук 2007: 198);

– наречия *дуб'р'і* ‘хорошо’ (Текст: 276–277; Кобирунка);

⁵ Отметим, что такие акцентные формы зафиксированы как варианты в «Словаре бойковских говоров» М. Онишкевича — *воро'т'а*, *да'ти*, но современными записями диалектной монологической речи не подтверждаются.

г) ударение на частице *май* (*най*) в прилагательных превосходной степени сравнения *n'aīstaršyī*, *n'aīlīpšyī* (Панькевич 1938: 329), *'майвеликий*, *'майвисокий* (Бевзенко 1980: 90, 115, 228), *'найстарший* (АУМ, т. 2, к. 165); такое ударение объединяет закарпатские говоры с лемковскими.

3. Бойковский говор выделяется по акцентным признакам:

а) окситоническое ударение существительных: *бат'ко*, *ве"с'іл':а* (*ве"с'іл'(:)а*), *вес'іл'е* (в восточнобойковских, лемковских и закарпатских говорах, кроме говоров Раховского р-на, функционирует лексема с парокситоническим ударением *с'вад'ба*, *с'вал'ба* (АУМ, т. 2, к. 362; ДЛАЗ, ч. 1, к. 31; Тексти: 239–240, 307; Кобиринка);

б) парокситоническое ударение существительного в форме Им. п. ед. ч. *'дб'ід* (Кобиринка), форм глагола *жити* — *жіюу*, *жіюеш*, *жіюе* (Глібчук 2005: 125; Кобиринка);

в) пропарокситоническое ударение существительного в Им. п. мн. ч. *'долота* и как вариант парокситонический акцентный тип *долота* (Онишкевич, ч. 1; Кобиринка).

Примеры акцентных характеристик в карпатской группе говоров свидетельствуют о том, что такие характеристики отдельных лексем, грамматических форм выполняют и объединяющую, и дифференцирующую функцию. В частности:

а) окситоническое ударение: существительного *ру'но* — функционирует в небольших ареалах лемковского говора и объединяет эти говоры с покутско-буковинскими и волинскими говорами; существительного *долото* в форме Им. п. мн. ч. *долота* — зафиксировано как акцентный вариант в закарпатских говорах и объединяет их с говорами галицко-буковинской и волинско-подольской групп;

б) парокситоническое ударение: существительного *долото* в форме Им. п. мн. ч. *долота* — как акцентный вариант функционирует в закарпатских говорах и объединяет их с говорами галицко-буковинской и волинско-подольской групп; местоимения в форме Р. п. ед. ч. *мо'його*, *тво'його* — объединяет карпатские говоры с надсянскими, южноподольскими и северноволынскими; глаголов I-го спряжения III класса (с гласным перед суффиксом), в частности в формах настоящего времени 1-го л. ед. ч. с окончанием *-м*: *з'ривам* 'срываю', *с'нівам* 'пою', *'читам* 'читаю'; 2-го л. ед. ч. с окончанием *-ш*: *з'риваши* 'срываешь', *с'ніваши* 'поёшь', *'читаши* 'читаешь'; 3-го л. ед. ч. с окончанием *-т*: *дo'бират* 'добирает', *з'риват* 'срывает', *по'зиват* 'зовет', *с'ніват* 'поет', *'читат* 'читает'; глаголов I л. мн. ч. повелительного наклонения с окончанием *-ме*: *'бир'ме* 'давайте возьмем', *'робме* 'давайте делать', *х'вал'ме* 'давайте

хвалить²; глаголов прошедшего времени 3-го л. ед. и мн. ч. с приставками *ви-, за-, при-, с-*: *вино¹сила, зано¹сила, прино¹сила, прихо¹диў, прихо¹дили, ск¹ін¹чат*, что свидетельствует о сохранении ударения на том же сегменте, что и в инфинитивной форме, ср.: *но¹сити — зано¹сити, зано¹сила, зано¹сили, зано¹сила* — такие формы и акцентный тип глаголов объединяют карпатские говоры с надсянскими и частично с гуцульскими; причастий *замк¹нена, зроб¹лений* (Тексти: 244, 306) — объединяют карпатские говоры с надсянскими;

в) пропарокситоническое ударение: местоимений в форме Р. п. ед. ч. *мо¹його, т¹войого* — объединяют говоры карпатской группы с южными гуцульскими, покутско-буковинскими и подольскими говорами; кратких форм глаголов I спряжения настоящего времени 1-го л. мн. ч.: *с¹нівамо* ‘поём’ — объединяют надсянские и карпатские говоры; глагола *ла¹пати* ‘ловим’, для которого характерно и *ла¹пати, и ло¹вити* (АУМ, т. 2, к. 382).

Появление разноместности ударения в одних и тех же формах глагола в говорах карпатской группы может быть обусловлено разной морфемной структурой слова, в частности:

– глаголов 1-го л. мн. ч. повелительного наклонения: *х¹вал¹ме, роб¹ме — хвал¹імо, роб¹імо*;

– глаголов 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения с приставками *ви-, за-, при-*: *вину¹си, виху¹ди, зала¹зи, заху¹ди, прихо¹ди — ви¹нос¹, ви¹ход¹, за¹лаз¹, за¹ход¹, при¹ход¹*;

– глаголов 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения с усеченным окончанием *-и*: *бер, бер¹, бир¹* ‘бери’, *воз¹* ‘взьми’, *пой* ‘піди’; *зап¹лат¹* ‘заплати’, *при¹нис¹* ‘принеси’ — *бе¹ри, воз¹ми, п¹іди, запла¹ти, при¹ни¹си*;

– глаголов 2-го л. мн. ч. *об¹зира¹те, п¹ита¹те, ч¹ита¹те — обзи¹райте, пи¹тайте, чи¹тайте*;

глаголов I спряжения настоящего времени 1-го л. мн. ч. на *-ме*: *с¹ніва¹ме, ч¹ита¹ме — сні¹ваємо, чи¹таємо*.

Предполагаем, что в этих формах глагола гласный был не под ударением и редуцировался.

В говорах карпатской группы выявлены и акцентные локализмы, или акцентные маркеры:

а) окситоническое ударение: существительного *воро¹та*; инфинитива глагола *да¹ти*; числительных м. р. *два¹йе, три¹йе*; порядковых числительных *пер¹ша, дри¹х¹уї* выделяет закарпатские говоры, а *ми¹ло, мы¹ло* — севернозакарпатские говоры; существительного *бат¹ко* (Р. п. ед. ч. *бат¹ка*) — бойковские говоры;

б) парокситоническое ударение числительных м. р. *д¹во¹ме, т¹р¹о¹ме, чо¹ты¹р¹о¹ме* — западные закарпатские говоры.

Подчеркнем, что, выделяя словесное специфическое, локальное ударение в говорах карпатской группы, мы осознаем, что эти слова могут потерять статус изолированности на акцентном уровне, если рассматривать их в более широком культурно-пространственном контексте.

Таким образом, диалектная дифференциация говоров на акцентном уровне, как свидетельствует исследование, не всегда совпадает с диалектной дифференциацией по другим структурным уровням языка. Каждому говору присущи лексемы, грамматические формы, которые на акцентном уровне выделяют его из данной группы говоров и объединяют с другими говорами, образуя контактные и дистантные зоны.

Представленные наблюдения над словесным ударением карпатской группы говоров убеждают в значимости акцентных различий для характеристики особенностей украинского диалектного ландшафта. В то же время ограниченность имеющихся на данный момент сведений о диалектной акцентуации препятствует получению более адекватных сведений об этом компоненте устройства украинских диалектов.

Преодоление неполноты сведений о диалектной акцентуации видится в лингвогеографическом исследовании диалектной акцентуации, что позволит более точно определить функционирование акцентного типа, его генезис, динамические процессы, выявить отличительные акцентные маркеры не только наречий в целом, но и группы говоров в частности, а также каждого из диалектов, входящих в состав группы.

Литература

- АУМ — Атлас української мови. В 3-х т. Київ, 1984. Т. 1; 1988. Т. 2; 2001. Т. 3.
- Бевзенко 1969 — *Бевзенко С. П.* Відмінності української діалектної мови на морфологічному рівні // *Українська діалектна морфологія*. Київ, 1969. С. 5–14.
- Бевзенко 1980 — *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
- Булаховський 1947 — *Булаховський Л. А.* Український літературний наголос (характеристика норми). Київ — Львів, 1947.
- Варченко 1971 — *Варченко І.* Міжмовні акцентуаційні контакти і лінгвогеографія // *Праці XII республіканської діалектологічної наради*. Київ, 1971. С. 46–59.
- Винницький 2002 — *Винницький В. М.* Українська акцентна система: становлення, розвиток. Львів, 2002.
- Винницький 2008 — *Винницький В. М.* Про українську дієслівну парокситонезу // *Мовознавство*. 2008. № 4–5. С. 40–54.

- Власенко 1977 — *Власенко В. В.* Особливості наголошення дієслівних форм у говірках Житомирської області // XIV республіканська діалектологічна нарада. Київ, 1977. С. 53.
- Власенко 1983 — *Власенко В. В.* Акцентні особливості дієслівних форм (на матеріалі говірок середнього Полісся) // Структура і розвиток українських говірок на сучасному етапі. Тези доповідей і повідомлень. Житомир, 1983. С. 128–129.
- Возний 1969 — *Возний Т. М.* Система дієслівних форм часу в говірці села Бітлі на Львівщині // Українська діалектна морфологія. Київ, 1969. С. 177–183.
- Гладкий 1929 — *Гладкий П.* Говірка села Нехворощі Андрушівського району Бердичівської округи (кол. Житомирського пов.) // Український діалектологічний збірник. Кн. II. Київ, 1929. С. 109–157.
- Глібчук 2005 — Українські говірки південно-західного наріччя. Тексти / Уклад. Н. М. Глібчук. Львів, 2005.
- ДІАЗ — *Дзензелівський Й. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говірок Закарпатської області УРСР: Лексика. Ужгород, 1958. Ч. 1; 1960. Ч. 2; 1993. Ч. 3.
- Закревська 1966 — *Закревська Я. В.* Система особових форм дієслова в західних говорах української мови (Теперішній час) // Українська лінгвістична географія. Київ, 1966. С. 119–132.
- Кобирино — Собственные полевые записи автора.
- Кобирино 2010 — *Кобирино Г. С.* Літературно-діалектна взаємодія південно-західних говірок та питання норми на акцентному рівні // Мовознавчі студії. Випуск 3. Дрогобич, 2010. С. 129–138.
- Кобирино 2012 — *Кобирино Г. С.* Проблеми дослідження парокситонного наголосу в українських говірках // Акцентологія. Етимологія. Семантика. До 75-річчя академіка НАН України В. Г. Скляренка. Київ, 2012. С. 121–132.
- Коць-Григорчук — *Коць-Григорчук Л. М.* Лінгвістично-географічне дослідження українського діалектного простору. Нью-Йорк; Львів, 2002.
- Матвіяс 1990 — *Матвіяс І. Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990.
- Николаев 2008 — *Николаев С. Л.* Балкано-карпатские изоглоссы как реликт позднепраславянского лингвистического ландшафта // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. М., 2008. С. 125–138.
- Німчук 2007 — *Німчук В. В.* Закарпатський говір // Українська мова. Енциклопедія. Київ, 2007. С. 197–199.
- Онишкевич — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. У 2-ох частинах. Київ, 1984. Ч. 1–2.
- Очеретний 1958 — *Очеретний А. Д.* Із спостережень над наголосом говірок Уманського району на Черкащині // Наукові записки. Київський державний педагогічний інститут. Київ, 1958. Т. 29. С. 31–32.
- ОКДА — Общекарпатский диалектологический атлас. В. 1–6. М., 1989–2001.
- Панькевич 1938 — *Панькевич І.* Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Ч. I. Звучня і морфологія. Прага, 1938.
- Рабій-Карпинська 2011 — *Рабій-Карпинська С.* Бойківські говірки. Збірник статей. Перемишль, 2011.
- Тексти — Говори української мови (збірник текстів). Київ, 1977.
- Торунь — *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.

*Summary**Halyna Kobyrynka***The role of accentuation in differentiation of Carpathian group of Ukrainian dialects**

Ukrainian dialectal continuum on the basis of accent of grammatical forms, separate words is divided into the eastern (or the Kiev-Polissian) and southwestern (or the Galician-Podolsk) areas. Southwestern dialects, which are archaic ones, have internal differentiation that is caused by various factors.

The accentual characteristics of the Carpathian dialects group are analyzed in the paper. Paroxytone, proparoxytone, oxytone kinds of accent that unite and differentiate the Carpathian dialects group were revealed.

Опыт акустического анализа зоны артикуляции гласных в ярославском говоре¹

Комплекс произносительных навыков, реализуемых в процессе артикуляции звуков речи (артикуляционная база), может не совпадать в различных языках и диалектах одного языка. Среди фонетических карт Диалектологического атласа русского есть несколько таких, которые могут быть интерпретированы с позиции вариантов артикуляционной базы диалектного языка.

Говоры русского языка не представляют единства с этой точки зрения. Различия в артикуляционной базе обусловлены языковыми особенностями племенных диалектов, поздними языковыми контактами и, конечно, внутренним развитием фонетической системы. К сожалению, не существует характеристики диалектных различий русского языка на основе варьирования особенностей артикуляционной базы.

Артикуляционная фонетика не входила в сферу описания Диалектологического атласа русского языка в то время, когда шел сбор данных. Первые материалы атласа относятся к 1938 году, а наибольшее количество материалов собрано в 60–70-х гг. XX в. Кроме того, выполнить работу по изучению артикуляционной базы не позволял уровень звукозаписывающей и анализирующей техники. Современная наука дает возможность проводить такие исследования: записи диалектной речи, которые делаются сотрудниками ИРЯ РАН в последние годы, имеют высокое качество и создаются в цифровом формате, который удобен для компьютерной обработки.

Осенью 2010 года мы с С. В. Дьяченко и слушателями магистратуры филологического факультета МГГУ им. М. А. Шолохова М. Сарап и Л. Рахимовой провели 10-дневную экспедицию в Первомайский район Ярославской области (населенные пункты по ДАРЯ: № 1056 Хмелевица, № 1057 Телячья Слобода, № 1058 Павловское). Север Ярославской области является границей Вологодско-Кировской и Костромской групп говоров по диалектному членению Захаровой–Орловой. Лишь в Слободе сохранилось население, Хмелевицу и Павловское только в теплое время года занимают дачники.

Нами были обследованы семь населенных пунктов на территории Первомайского района. Некоторые из старейших жителей в этих деревнях сохранили

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФНФ №14-04-18029е «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья»

фонетику времен составления ДАРЯ. В поселке Ска́лино Первомайского района Ярославской области мы записали речь Т. В. Чащиной. Она родилась и выросла в деревне Ов́иници, а замуж вышла в соседнюю деревню Хмелеви́ца². Речь Т. В. Чащиной представляет наиболее архаичную фонетическую систему этих говоров.

На карте исследуемый говор расположен южнее Грязовца на линии Пощехонье – Галич.

* * *

Описание русской артикуляционной базы гласных кажется простым, так как количество единиц системы гласных значительно меньше, чем системы согласных. Ряд и подъем гласного — вот и все конститутивные признаки, варьирование которых и может определять количество вариантов. Это ошибочное впечатление о простоте системы.

Тонким фонетическим слухом обладал С. С. Высотский, его опыт был основан на огромной практике. В 1967 году он предложил 20 схем, иллюстрирующих особенности устройства северного и среднерусского оающего диалектного вокализма (Высотский 1967).

Процесс узнавания гласного звука по сложности выполнения работы мозгом человека сопоставим с узнаванием музыкальных нот в составе гармонии. Гласный звук представляет собой аккорд: он образуется сразу в нескольких частотах. Для узнавания звука важны первые две форманты, которые соответствуют подъему (F1) и ряду (F2) гласного. Гласный является диффузным звуком, то есть образуется не в конкретной точке, как смычный согласный, например, а в достаточно широкой зоне, которая задана артикуляционной традицией языка/диалекта. Такое артикуляционное поле гласного может иметь различную площадь в разных системах.

Несмотря на усилия комиссий, формирующих международный фонетический алфавит (IPA), транскрипция диалектной речи тем не менее не является объективной фонетической картиной, а выражает, как правило, традиционные представления диалектолога о диалектной фонетике, зажатые в перцептивный эталон его собственного языка. Детальность и лингвистическая точность её зависит от многих факторов. Именно поэтому использование чужой транскрипции для детальных фонетических исследований оказывается практически невозможным.

---

² Хмелевица имеет кольцевую структуру с деревянной часовой у пруда в центре круга. Диаметр круга примерно 50–70 метров, дома стоят кольцом в один ряд, фасадами внутрь круга.

Даваемые на слух характеристики гласных «открытый», «закрытый», «сдвинутый вперед», «сдвинутый вверх» и т. д. могут иметь исчислимые параметры. Применение метода формантной сетки дает возможность изменить позицию наблюдателя и позволить перенестись на место диалектоносителя в оценке качества звука, избежать оценки гласного с позиции собственного перцептивного эталона, не навязывая существующим отношениям собственную парадигму.

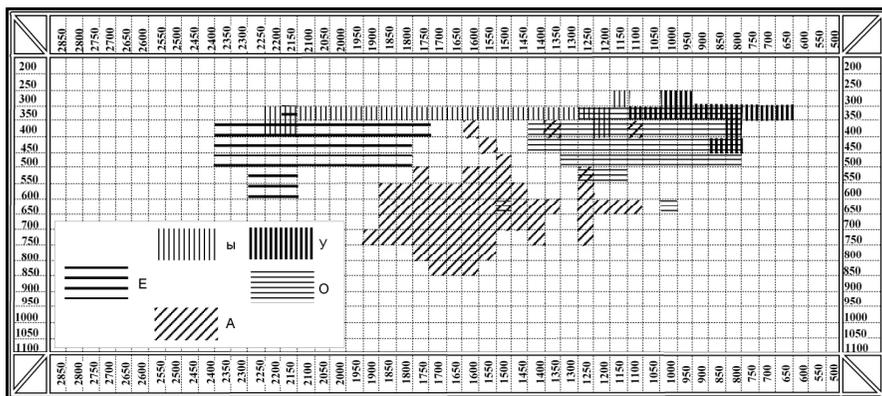
Для изучения диалектных различий в области вокализма можно увидеть зону артикуляции.

Описание изучения системы гласных по методу «формантная сетка» выполнено в (Исаев 2010; 2011). Статья представляет фрагмент исследования северного вокализма с применением этого инструмента.

0. Общая характеристика. См. первый рисунок «Ударные гласные после твердых согласных».

Известно, что некоторые северные говоры могут обладать «поджатыми» гласными, то есть артикуляция таких гласных характеризуется узким челюстным углом, что воспринимается на слух как речь со сжатыми зубами³. Идиолект Т. В. Чащиной представляет именно «узкую» систему. Вся область гласных в таких говорах смещена и сжата вверх. Высота треугольника гласных 300–850 Гц. Для сравнения, окающий среднерусский говор с. Синжаны Гусь-Хрустального района Владимирской области показывает систему гласных, развернутую по вертикали в диапазоне 450–1100 Гц.

Ударные гласные после твердых согласных

³ Даже те носители узкой «северной» базы, которые перечислены на окающий вариант, могут сохранять родную артикуляционную традицию.

Важная характеристика системы гласных — наличие зон интерференции (неразличения) гласных. Зоны неразличения возникают, как правило, на периферии «облака». Формантные характеристики гласных в этих зонах очень близки. Гласный в таких зонах узнается не по ряду и подъему, а «морфемно-этимологически», в составе слова. Если такой гласный вырезать из слова и дать прослушать изолированно, то узнавание его будет затруднено. Зоны неразличения гласных не совпадают в различных говорах, различно и их количество.

1. Ударные гласные после твердых согласных

1.1. Верхний подъем. Гласный [ы́] локализован по подъему в зоне 350 Гц. Есть единичные примеры, расположенные в зоне 400 Гц. [ы́] нельзя назвать средним по ряду: есть примеры с гласными переднего, среднего и заднего ряда. Основная группа примеров: *ч'етьыр'иста, ч'итыр'иста, сын, вьл'ич'ил, вьл'ич'ил'и, вьл'ич'иу, и_мы, быу* и т. д. Одно и то же слово может иметь ударный гласный [ы́] различного ряда. Передние аллофоны [ы́] создают зону неразличения с гласным [é].

Есть несколько примеров со словом *был* [бу́у], в котором под ударением произносится гласный заднего ряда. В этом слове произносится гласный с характеристикой ряд 1100 Гц, подъем 350 Гц. Это периферийная, задняя реализация [ы́] и передняя реализация [у́]. Подобные примеры в зонах неразличения ставят перед исследователем вопрос выбора знака транскрипции для обозначения звука. Этимологически это [и] после твердых согласных ([ы́]), но задача фонетической транскрипции в диалектном материале — показать специфику звука, соответствующего этимологическому гласному. Частичное преодоление этой проблемы может быть достигнуто благодаря использованию знаков IPA (задний [ы́] или передний [у́] в зависимости от этимологии). Но полное преодоление этимологического принципа в транскрипции, думается, невозможно. Впрочем, формантная сетка служит для снятия субъективности в оценке звука и для указания на место его в системе взаимоотношений гласных.

Гласный [у́] имеет особое поведение и не является, строго говоря, гласным только верхнего подъема. Артикуляционное «облако» гласного [у́] имеет Т-образную форму. Часть гласных, относящихся к зоне [у́] размещена в верхнем подъеме 300–350 Гц, подъем второй части размещен в диапазоне 400–450 Гц, ряд этих пониженных гласных 800–850 Гц.

Большая часть всех отмеченных ударных гласных [у́] входит в зону неразличения [ó] – [у́]. Лишь часть примеров [у́] (выше 350 Гц по подъему и «правее» 800 Гц по ряду) не состоит в зоне неразличения с гласным [ó].

Это очень важная черта, необходимая для определения качества гласного предударного слога при оканье. В этом говоре отмечено большое количество примеров с так называемым «уканьем», при котором в предударном слоге этимологический *o реализуется у-образным звуком (некоторые примеры из нашего говора *б_ол'н'ица*, *хорош_о*, *л'эспр_омх_оз*, на *мо_ско_вском*, а *п_от_ом*, *об'ёт*). Кроме того, большинство предударных у-образных гласных имеют фонетическое распределение, связанное с левым и/или правым губным контекстом.

Данные, полученные при помощи формантной сетки, показывают, что северное неразличение звукотипов [o] – [y] заложено в самой системе ударных гласных. Об этом написано подробнее в разделе «Безударные гласные после твердых согласных».

Основная группа примеров: *н_у'уш*, *н_у'*, *т_у'*, *у_м'ер*, *шт_у'ка*, *ку_м'*, *ру_к'у*, *подж_ыл_удыч'на*, *ж'жл_удок* (первый предударный растворен в [ж:]), *у_тром* и т. д.

Крайнее заднее образование гласного [y] в этом говоре может провоцировать возникновение протезы в том случае, если ударный гласный начинается слово. Во фразе [об'иёт вар'ыл'и// за́фтрак вар'ыл'и// гу́жну//] возникает фрикативный протетический согласный [ɣ] перед [y] (см. рисунок). Атакированное начало слова после паузы и заднее образование согласного рождает продолжительную глоточную фрикцию.

Нужно отметить, что такая сложная конфигурация гласного [y] характерна не для всех окающих говоров, среднерусский окающий говор Синжан, например, имеет менее поджатую зону [y], распределенную в подъеме от 450 до 600 Гц и распределенную по ряду от 900 до 1300 Гц. Синжанская зона [y] сдвинута вниз и влево по сравнению с системой Овинищ. Но это не мешает нам воспринимать гласные этих двух различных систем как тождественные, несмотря на то, что синжанский [y] — это практически [ó] в Овинищах.

1.2. Средний подъем. Гласные среднего подъема после твердых занимают значительное артикуляционное пространство.

В речи Т. В. Чащиной гласные [ó] и [é] после твердых и мягких согласных представлены монофтонгами. Но этот говор в прошлом имел дифтонгические *o* и *e*, соотносимые с закрытыми гласными *o и *ъ. Отдельные примеры с дифтонгами встречаются и сейчас.

Гласный [é] после твердых согласных в потоке речи встречается в основном в местоимении *этот*. Гласный может быть верхнего и среднего подъема. Это значит, что в этом слове может звучать как передний [ы], так и *a*-образный звук. Зона пересечения [é] – [ы] очень незначительна, пересечение [é] – [á]

отсутствует. В некоторых южных говорах с диссимилятивным предупредным вокализмом от типа нейтрализации ударных гласных ([é] – [á] или [é] – [í]) зависит тип эволюции предупредного вокализма.

Гласный [ó] представляет сложную систему пересечений. Часть проблемы была обозначена в разделе, посвященном [ý]: верхняя часть зоны [ó] поглощает значительную часть всех случаев с [ý].

Гласный [ó] занимает большую площадь по ряду (800–1400 Гц) и по подъему (350–650 Гц). Верхнюю часть зоны (подъем 350–400 Гц) составляют примеры *вóт* (*воот*, *вóт*, *вóд_зд'ес'*, *и_вóт*), *о́н*, *на_робóт'е* (*на_робóту*), *гóт* (год), *н'и_п'ишóу* (не пришёл), *на_порцыóн:ом*, *хóрошó* (все гласные воспринимаются как закрытые), *нóс'ит*, *нóгу* (*а_нóгу*), *сóрок* (*сóрок*), *бóл'шы*, *ну_завхóзы*, *в_аофтóбус*, *пυхорóнка*, *знакóмый*, *евóн* и др. Этимологический статус гласных в этих словах не определяет их высокое образование в зоне [о]. Здесь есть как закрытые этимологически, так и открытые гласные.

Гласные нижней части облака [ó] (450–650 Гц): *шыстóй* (И. п., м. р.), *вот* (*вóт*), *робóтала*, *гóда* (Р. п., ед.), *шыстóва*, *устрóила* (*устрóица*, *устрóилас'*, *пострóена*), *сóрак* (*с:óрок*, *на_сóрок*), *кóн'ч'илас'а* (*кóн'ч'илас'*), *пр'ивóз'ит*, *тóко* (только), *скóко* (сколько), *дрóф*, *колóл'и*, *а_потóм* (*а_потóм_уш_вот*), *л'еспромхóс*, *цытó* (что, Р. п.), *на_мускóфском*, *нóгу* и др. Здесь также нет зависимости от этимологии гласного. В обеих частях облака встречаются гласные, имеющие различное происхождение.

Отдельно рассматриваются примеры *шчó*, *ж'жыóлч'* и под., в которых ударный гласный, формально расположенный после твердых согласных, может вести себя так, словно перед ним мягкий согласный. В слове *шчó*, например, ударный гласный после твердой шипящей аффрикаты [ч] сдвинут вперед так, как сдвигаются гласные после мягких согласных. В слове *ж'жыóлч'* согласный имеет сложную артикуляцию, связанную с опусканием средней части языка в процессе артикуляции, «отверждением» согласного. Глайд [ыó] – «твердая» схема поведения [´ó] после мягких в говорах с «согласными неполного смягчения» ([лиóн] «лён», [тиóтиá] «тётя»).

1.3. Нижний подъем. Гласный [á] имеет наибольшую артикуляционную площадь, является средне-задним по ряду и ниже-средним по подъему. Это очень важное свойство гласного [á], так как свободного места для безударного редуцированного гласного типа [ə] ([ъ]) почти нет. Между тем как безударные гласные требуют большую артикуляционную площадь по причине низкой собственной напряженности. Смотрите об этом ниже в разделе «Безударные гласные после твердых согласных».

Высота основной части [á]-облака 550–850 Гц⁴, ширина 1100–1900 Гц. Зона неразличения [á] – [ó] определяется рассеянным употреблением [á] в среднем подъеме заднего ряда. Такая артикуляционная «свобода» гласного [á] даже в условиях узкой северной базы допускает низкую точность попадания в артикуляционную мишень.

Кроме этого существует фонетическое распределение гласных в облаке, которое заключается в употреблении гласного в той или иной части облака в зависимости от типа артикуляции предшествующего согласного. Этот принцип носит характер предпочтительности, а не обязательности, так как на место гласного в артикуляционном поле влияет много факторов, в частности – интонация отрывка (существует обратная зависимость движения тона и подъема: повышение тона на гласном ведет к понижению подъема гласного и наоборот).

Примеры в зоне неразличения [ó] – [á] (*на_нас, война́-та, н'и_зна́йу, да_ма́ма* и др.) имеют поддержку со стороны губного или носового согласного в левом фонетическом контексте.

Задний [á] в диапазоне 1100–1250 Гц (*рука́, как'о́* (как её), *па́пу, поку_на́т', па́пы, обрабо́авс'а, гу́лва́* (голова) и др.) формируется благодаря консонантному окружению губных и заднеязычных. Здесь увеличение значения первой форманты и уменьшение значения второй форманты (сдвиг гласного вниз и назад) возникает в результате формирования «трубы», в результате работы губной или заднеязычной артикуляции. На заднее образование [á] может влиять согласный [л].

Переднее образование [á] (1750–1900 Гц) предпочтительно связывается с переднеязычной артикуляцией согласных, находящихся в левом контексте: *рыска́зál'и, <в> вога́л'e, та́м, та́к, густа́ја, ста́ла* (*ста́л'и*), *ра́з <был>, в_л'ин'гра́д'и, в_л'ин'гра́д', ра́н'ил'и, нас* (*у_нас*), *война́, она́, дв'ина́цэт* и др.

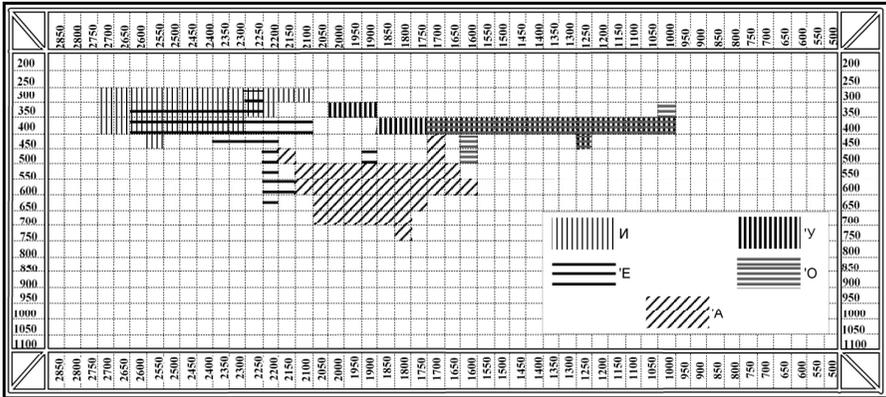
2. Ударные гласные после мягких согласных. Не вся подсистема гласных после мягких согласных смещена вверх и влево. Наибольшему смещению подвергается гласный [á], в меньшей степени [é], [í]. Гласные [ý], [ó] сдвигаются только вперед по ряду.

2.1. Верхний подъем. Понятие «верхний подъем гласных» применительно к позиции после мягких согласных отчасти условно. Гласные [í], [ý] не образуют один подъем, так как у гласных [ý] – [ó] практически совпада-

⁴ Для сравнения, в среднерусском окаяющем говоре с. Синжаны основная часть [а]-зоны только начинается с отметки 750 Гц (распространяется вниз до 1100 Гц).

ет подъем на частоте 400 Гц. Впрочем, реализации [й] – [’э] тоже противопоставлены только в своих диаметрально крайних реализациях, образуя большую зону нейтрализации между ними (неразличение возможно в зоне подъем 350–400 Гц, ряд 2250–2600 Гц). Ниже приведены два типичных случая такого совпадения в отметке подъем 350 Гц, ряд 2500 Гц. В словах [бол’н’ица] и [н’э_было] ударные гласные имеют одинаковые характеристики «ряд – подъем» (см. иллюстрации ниже).

Ударные гласные после мягких согласных

Гласный [й] в верхней части облака (ряд 300–350 Гц) представлен примерами *кэк’им_то, ход’ил’и, натоп’ил’и, п’ер’ев’ел’и, пр’инос’ил’и, вар’ил’и, у_их, и_врач’и, корм’ил’и, вар’ил’и, рысп’ил’ил’и, и_он’и, бол’н’ица* и др. Встречаются инфинитивные глагольные формы с финалью *-еть* типа *посмотр’ит’* (посмотреть), которые попадают в эту зону и даже воспринимаются с ударным гласным [й]. Здесь же отмечены примеры с узким [’э] (из ъ) в словах *зд’ес’, јес’* (есть) и др.

Нижняя часть облака (400–450 Гц): *в’ид’ит’е, бол’н’ица, н’и_ход’ила, и_говор’ит, пусад’ила, позвон’ила (позвон’ил’и)* и др. Слово *бол’н’ица* попало в обе части — 350/2500 и 400/2550.

Гласный [’у] редко встречается в текстах, количество таких примеров невелико: *ијун’а, поп’ју, своју (на_своју)*.

2.2. Средний подъем. Поведение гласного [’э] при столь широком разбросе значений не удастся связать с этимологией гласного. Условно разделив облако пополам на верхнюю и нижнюю часть по подъему, можно обнаружить,

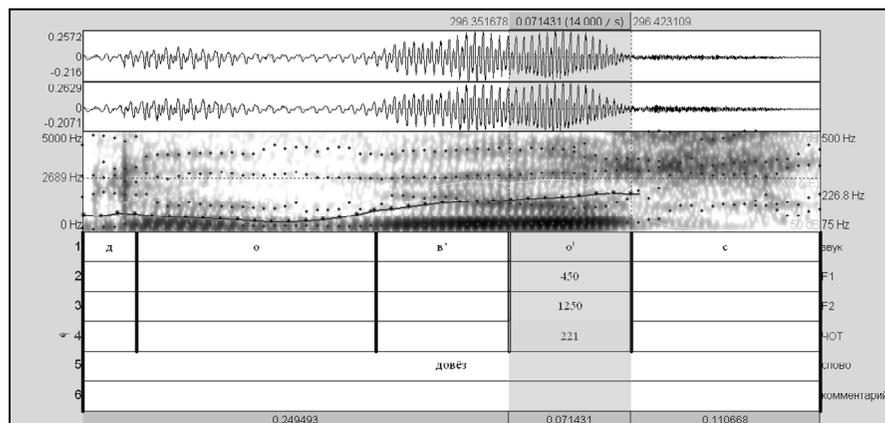
что как в «узких» так и в «широких» реализациях [é] есть слова с *e* различного происхождения. 300–400 Гц: *кубом'этроф*, *д'эн'*, *д'н'эј*, *мн'э*, *н'э было*, *појэм*, *давн'эн'к'о*, *в'эс'*, *п'еш'эй* (печей), *н'эту*, (на) *стол'э*, *пр'иехал'и*, *фс'э* (*с'эх*, *с'э*), *зд'эс'* (*д'эс*), *гл'ид'эт'*, *д'эс'ит'*, *л'эспромхос*, *пéрв(ого)*, *ел'эктром* (электричеством) и др. 450–550 Гц: *п'эч'ен'*, *ф'эл'шы(р)*, *ч'илов'э(к)*, *фс'эх* (*с'эх*, *ну_фс'эх*), *појэхал'и* (*н'и_јэж:у*), *појэм*, *в_д'ер'эвен'е* и др.

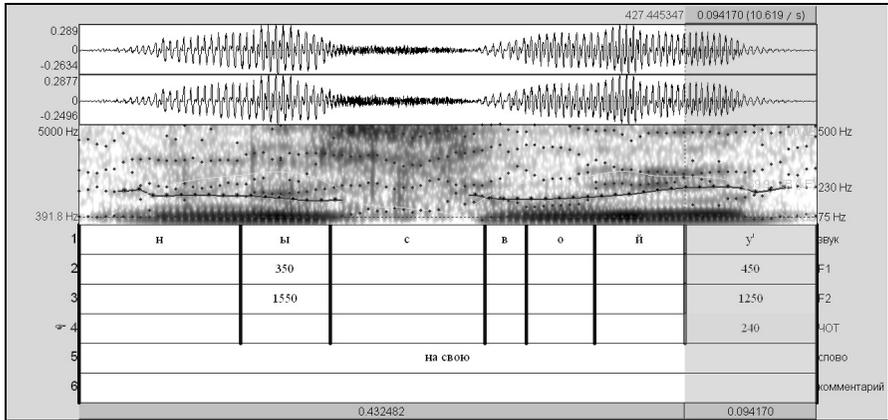
Дифтонги, представляющие *ѣ, встречаются в сплошной выборке примеров, амплитуда таких гласных невелика: первая и вторая фаза этих гласных находятся в зоне интерференции [и] – [е], что делает дифтонг «невнятным» на слух.

Слово	Фаза 1, ряд/подъем	Фаза 2, ряд/подъем
в_л'иес	350/2300	450/2150
д'иес'ет'	350/2400	450/2150
об'иет	300/2500	400/2250
и т. д.		

Гласный [’ó] практически не имеет собственного лица. Узкий передний звук оказывается близнецом гласного [’у́]. Лишь в некоторых периферийных случаях зоны этих гласных не совпадают. Важно, что [’ó] в большом количестве случаев реализуется глайдом с *и*-образным приступом – [ио].

На картинках показаны слова *ны_своју́* (на свою) и *дов'эс* (довёз) с совпадающими характеристиками ударного гласного 450/1250 Гц.

2.3. Нижний подъем. Упереднение гласного [ʲá] после мягких согласных в зону 600/2000–2100 Гц приводит к сближению этих примеров с зоной [é]/[ʲé] (550/2200 Гц). Ударные гласные в словах *в_д'ер'эвн'е, појэхал'и, м'ин'á, н'áт'* очень близки по формантным характеристикам, хотя и не совпадают. Именно поэтому, видимо, в этом говоре не отмечены примеры типа *оп'эм', пл'е-м'эн':ик* и др., свидетельствующие о сильном смещении [ʲá] в зону [é]/[ʲé] и образовании зоны интерференции [ʲá] – [ʲé].

Для удобства чтения формантных сеток ниже попарно сопоставлены гласные после твердых и после мягких согласных, чтобы показать те изменения, которые вызываются качеством предшествующего согласного.

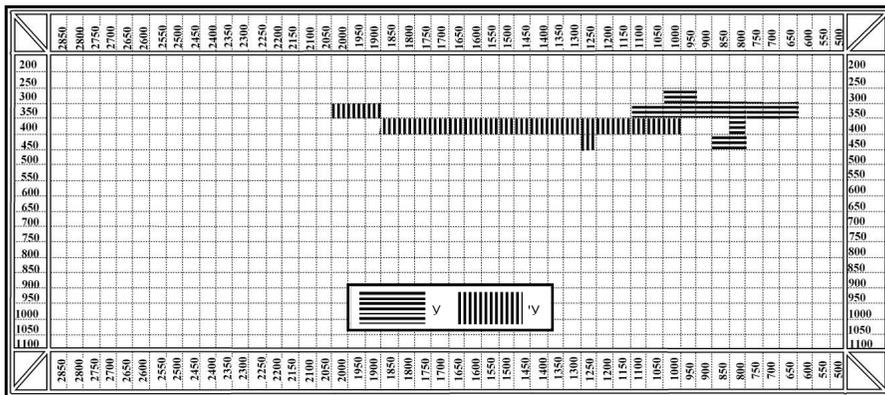
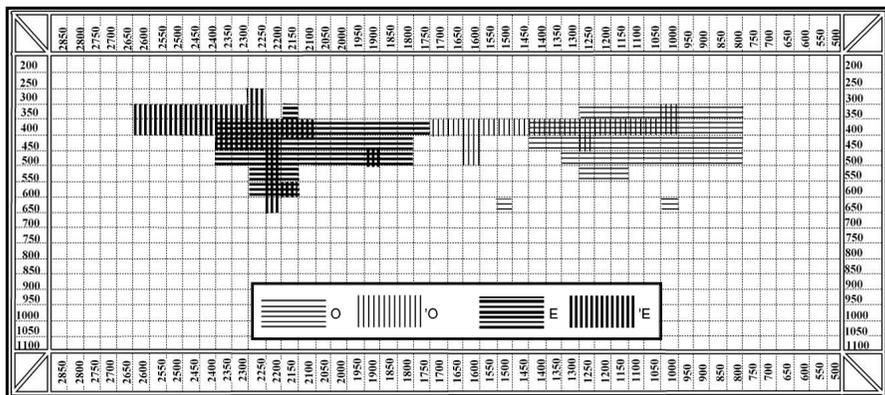
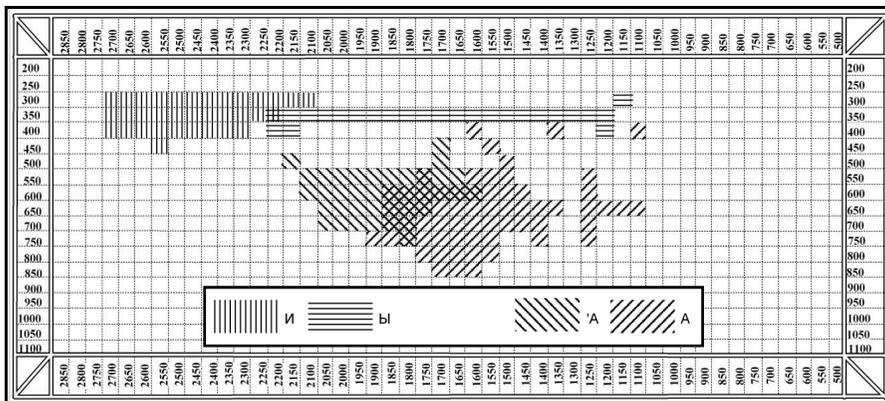
3. Безударные гласные. Раздел о безударных гласных представляет собой дополнение к предыдущим разделам и изначально не планировался в качестве самостоятельной части. Наблюдения за качеством и поведением звуков в безударных позициях в процессе работы над ударным вокализмом носят характер заметок.

Безударный вокализм этого говора представляет собой одну из разновидностей полного оканья, осложненную редукцией в некоторых позициях. Наибольший интерес представляет сама схема редукции.

3.1. После твердых согласных. В говоре функционирует четыре безударных звукотипа [a], [o], [ы] (или [э]), [y].

Редукция /o/ ⇒ [y]

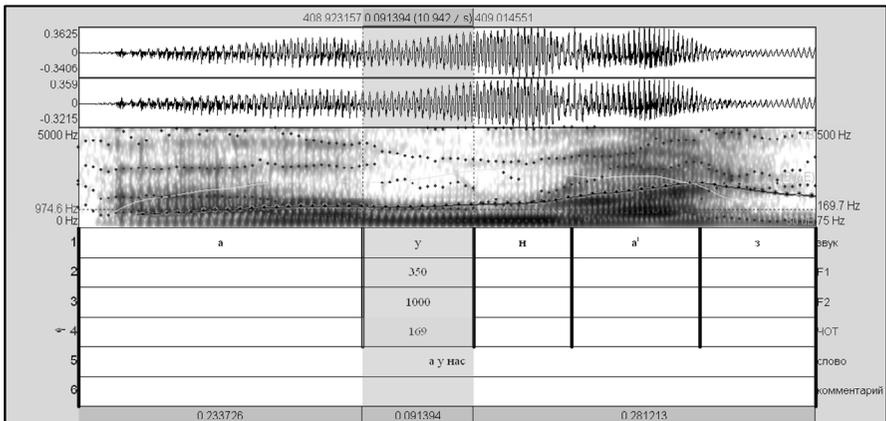
Характеристика «ряд/подъем» у безударных [o], [y] часто совпадает. На сопоставленных рисунках в словах *a у нас* ([a_у_на́з] перед звонким согласным)

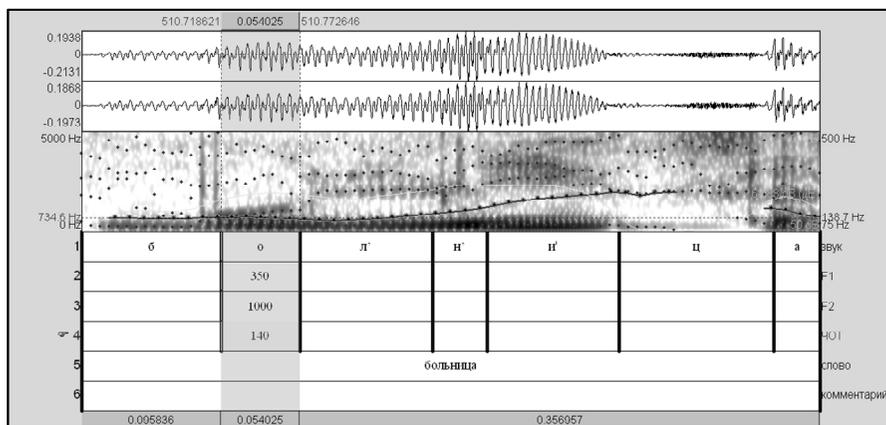

и *больница* ([бол'н'ица]) формантные характеристики первого предупредного гласного одинаковы. Таких примеров совпадения или крайнего приближения звукотипа [о] к звукотипу [у] много. Здесь показаны примеры с таким безударным [о]. Знак [о] в этих примерах значит высокое образование для гласного [о] в говоре Овинищ.

Это может быть первый предупредный слог: *бол'н'ица, хорошó, хорóщице, л'эспромхóз, на москóфском, а потóм, об'ёт, свою, на рóботу, и ногá, кубом'ётроф, дов'óс, ч'илгов'эк), стол'ё, воцнá та (воцнá), прокáпывал'и, н'и ход'ила, ход'ил'и, поджелúдоч'на, хорóщице, моч'ихова та (фамилия), в род:óум, дон'óс, похорóнка, и рыскóлóл'и, обклáдывал'и, колóл'и, поём (поем), поп'цú (попью), покупáт'*. Многие слова повторяются не единожды и встречаются не только в зоне неразличения с [у], но и в зоне, свободной от этого совпадения. Кроме того, большинство гласных [о] этого говора с точки зрения носителя литературного языка покажутся закрытыми. Большая часть примеров с [о] имеет фонетическое соседство с губными и заднеязычными.

Узкий безударный [о] может встречаться и в других безударных слогах: *посыд'ила* (посадила), *вокуйрованыци, хорошó, и говор'ит* и др.; *н'ё было, врач'то, давн'он'к'о, кубом'óтроф, сóрок, на сóрок, ж'жлúдок, на москóфском* и др.

В разделе, посвященном ударным [ó], [’ó] и [ý], [’ý], было показано, что сама возможность неразличия этих гласных заложена в особенностях ударного вокализма. Развитие этой тенденции мы получаем и в безударном слоге.

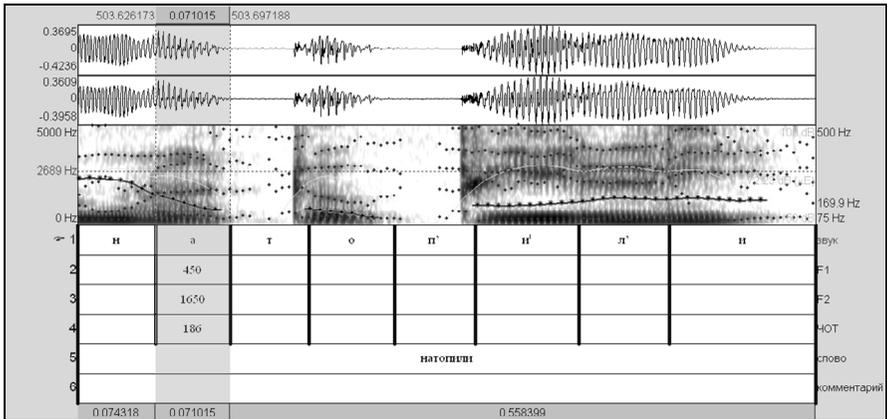
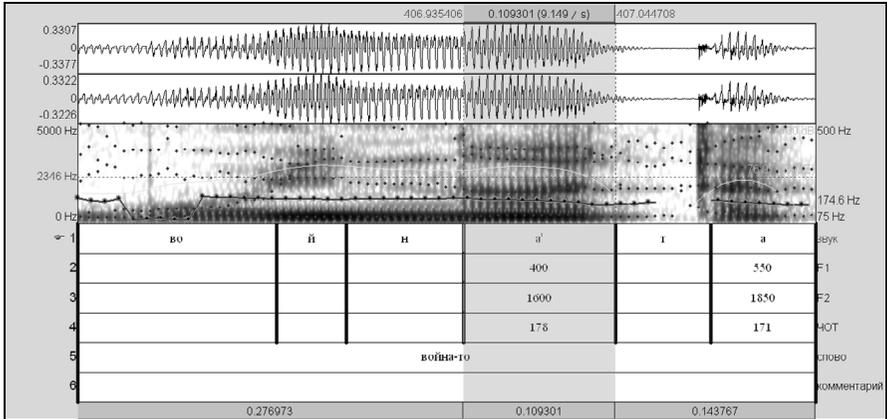
Редукция /а, о/. Контактное положение верхнего и нижнего подъема, то есть узкая артикуляционная база, ставит вопрос об определении зоны и качества редуцированного гласного.

Совпадение /о, а/ в общем варианте звучания в безударных слогах не является обычным для этого говора. Как в предударных, так и в заударных слогах после твердых согласных господствующая система — полное оканье. Тем не менее, редукция возможна.

Особенность северной редукции на примере нашего говора состоит в том, что гласные не покидают своего ряда. Гласные /а/ и /о/ сдвигаются вверх, а не в среднюю зону, как в акающих говорах, что не приводит к совпадению этих гласных в одном варианте [э].

/a/ ⇒ [a], [ы] ([э])

/o/ ⇒ [o], [y]

Указать на примеры э-редукции достаточно сложно, так как зона ударного гласного после твердых [á] (см. схемы выше) распространяется и на средний подъем. Таких примеров относительно немного, но тем не менее это означает, что гласный, находящийся в среднем ряду среднего подъема, может распознаваться как высокий [á]. Или как ударный [э́]. Сравните на картинках, расположенных выше, ударный и безударные гласные. Ударный [á] в слове *война́-та* расположен практически в зоне [ы́], то есть выше, чем безударный [а (э)] в слове *война́-та* и выше, чем безударный в слове *напои́л'и*.

Случаи *ы*-редукции гласных /о, а/ в речи Т. В. Чащиной: *посыд'ила*, *и_врыч'и*, *и_рыскол'ол'*, *рысп'ил'ил'и*, *рысказ'ал'и*, *ны_своју́*, *ны_рабо́ту*, *ны́ебр'е́а*, *позвын'ил'а* (*позвын'ил'и*). Обращает на себя внимание то, что почти все случаи редукции гласного сопровождаются контактом с сонорным согласным в левом контексте.

В отличие от широких систем, в которых есть полноценный нижний, средний и верхний подъем, в узких системах возможность качественной редукции «акающего» типа, по-видимому, ограничена возможностями артикуляционной базы гласных, практически лишенной среднего подъема.

3.2. После мягких согласных. Редукция /'а, 'е/ ⇒ [и], [е]. После мягких согласных функциональную проблему представляет поведение предударных гласных [е], [и]. Гласные /'е/, /'о/, /'а/ не имеют каждый своего представителя в этом говоре. Они нейтрализуются.

Если применить к сетке безударных гласных деление на ряды и подъемы, установленные на ударном вокализме, то обнаружится, что почти все безударные звукотипы, которые воспринимаются как гласные [е], [и] и представляют гласные /'е/, /'о/, /'а/, находятся в верхней и передней зоне, зоне гласного [и́] или в зоне интерференции [е] – [и]. Это значит, что основной функциональной системой первого предударного слога является *иканье*. Северное иканье (как тенденция), по моим наблюдениям за поведением этих вариантов в современных говорах Устюженского района Вологодской области и Любытинского района Новгородской области, ищет поддержку со стороны ударных гласных верхнего подъема и распространяется шире, видимо, уже из этой позиции ([в'ел'а́], но [в'ид'у́]; [н'ес'ла́], но [н'ис'и́]).

Часть примеров была отождествлена с предударным [и]: *м'ин'а*, *у_м'ин'а́*, *л'ич'ил'и*, *н'и_ход'ила*, *н'и_же́ж:у*, *ч'иты́р'иста*, *п'ич'е́й*, *т'ип'е́р'а*, *с'в'ид':и́* (сведи), *дв'ина́цэт(ого)*, *л'и́ж'ала*, *гл'ид'е́т*. Вторая часть опознана как содержащая предударный [е]: *м'ен'а*, *п'е́ч'е́ц*, *но́ебр'е́а*, *п'е́р'ев'ели́*, *в_д'е́р'у́вен'е*, *с'ед'ма́а*, *ч'е́тыр'иста*. Некоторые примеры повторяются в обеих частях, но с точки зрения формантной сетки это один и тот же звукотип в его разновидности, выражаемой движением по ряду. Более передний воспринимается как [и], менее передний — [е].

Это же «колебание» отражено и в заударном слоге: *мо́м'и* (Д. ед.), *мы́л'иу́'ил* (*мы́л'ич'ил'и*), *в_л'ин'гра́д'и*, *тр'ит'ива*, *в_д'е́р'е́вн'и*, *в'ид'ит'и*, *до_по́изда*, *д'е́с'ит'*. А также: *бу́д'ет*, *у́м'ер*, ⟨в⟩ *ч'ка́лов'е*, ⟨в⟩ *гу́брод'е*.

Меньшая часть примеров (предударных и заударных) находится в зоне [е]: *п'е́р'ев'ели́*, *у_м'ен'а́*, *в_л'ен'гра́д'и*, *п'е́ч'ен'*, *ма́м'е*, *на_рабо́т'е*, *д'е́с'ет'*, *ч'е́тыр'еста*, *возза́л'е*.

Заключение

Изучение гласных методом формантной сетки направлено на установление двух типов структур.

Первая — выявление структуры гласных в говоре, которая устанавливается на синхронно-описательной плоскости. Это не исключает применение метода диахронного анализа к фактам синхронной структуры и не мешает рассматривать связь фонетических представителей фонем с точки зрения их появления, функции и синтагматики. Применение формантной сетки устраняет спорный принцип «а я так слышу», основанный на существующих у исследователя перцептивных эталонах. Сетка обнаруживает зону артикуляции гласных, которая не может быть объективно установлена методом аудирования.

В этом очерке предпринято решение только первой задачи. Вторая задача направлена на установление артикуляционных типов в структуре диалектного языка. Подвергнутый такому анализу материал северных, среднерусских и южных говоров показывает, что различия имеют типологический характер и связаны с диалектным членением русского языка. Это еще один элемент, выявляющий противопоставление наречий и групп говоров.

Сопоставление формантных сеток — элемент диалектной компаративистики. Впрочем, этот метод будет работать не только в рамках одного языка, он поможет и при установлении связей близкородственных языков и их диалектов.

Литература

- Высотский 1967 — *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Дьяченко, Исаев 2011 — *Дьяченко С. В., Исаев И. И.* Экспедиции во Владимирскую, Воронежскую, Рязанскую, Тамбовскую и Ярославскую области // Русский язык в научном освещении, № 1 (21). М., 2011.
- Исаев 2009 — *Исаев И. И.* Реализация признака твердость/мягкость согласных в русских говорах // Тезисы докладов на международной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества» 19–21 октября 2009 г. М., 2009.
- Исаев 2011 — *Исаев И. И.* Артикуляционное пространство и формантная характеристика гласных в русских говорах // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15. М., 2012. С. 215–223.

Summary

Igor Isaev

Acoustic analysis of vowel articulation zone in Yaroslavl dialect

This article analyses the system of vowels in Yaroslavl dialect. Phonetic analysis was made in the program of the acoustic analyses of speech. F1 F2 data were placed in a frequency table. Configuration of articulation zones allows you to see the specifics of articulation of vowels and the conditions for their reduction. The article presents vowels in some northern dialects of the Russian language.

Гласные первого предударного и ударного слогов в архаическом южнорусском говоре. Количественный анализ¹

0. Введение

Как известно, диссимилиация предударных гласных по отношению к ударным выражается в их расподоблении как по тембральным, так и по количественным параметрам. О. Брок впервые высказал мысль о том, что в основе диссимилиативных систем вокализма лежат количественные соотношения ударных и предударных гласных, а определяющим элементом этого соотношения является собственная длительность ударного гласного, в свою очередь зависящая от его подъёма: «Мена съhá : сахú, s'ístrá : s'ástrú, по-видимому, связана сначала с отношениями долготы в ударяемом и предшествующих слогах <...> ударяемому **а** правильно предшествует **ъ**, т. е. краткость, ударяемым же **і**, **и**, **у**, т. е. гласным высокого образования, так же правильно предшествует **а**, т. е. долгота» (Брок 1916: 57–59). С. С. Высотский считал, что соотношение количественных характеристик ударных и безударных гласных является типологическим признаком, противопоставляющим разные русские говоры: «Характер соотношения звуковых сегментов фонетического слова по их длительности имеет типологическое значение, является достаточно конкретным и сравнительно постоянным признаком типа фонетического слова на фоне большей вариативности остальных его компонентов» (Высотский 1973: 30). Количественная зависимость гласного первого предударного слога от гласного ударного слога в говорах с диссимилиативным принципом устройства вокалической системы была описана в работах разных исследователей, полагавших, что именно количественные отношения гласных лежат в основе диссимилиативных систем, см. (Бурова, Касаткин 1977: 67–68; Просодический строй 1996: 236–244; Касаткина, Щигель 1995: 298–304; Касаткина 1995: 220–228; Фомина 1985: 103–110; Савинов 2013: 167–168; Князев 2006: 157–169; Князев, Шаульский 2007).

Некоторые учёные, однако, считают количественные показатели диссимилиативной природы вторичными и менее важными по сравнению с качествен-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-18029 «Диалектологические исследования центра Европейской части России и восточнославянского пограничья» (рук. О. Е. Кармакова).

ными, так как количественные показатели в значительной степени зависят от просодической структуры фразы, от того или иного фразового акцента и могут существенно варьироваться, см. (Сталькова 1971: 47; Строганова 1977: 92; Красовицкий 1999: 187–194).

Идеи О. Брока лежат в основе гипотезы С. В. Князева и Е. В. Шаульского об эволюции количественных отношений гласных первого предударного и ударного слогов, выдвинутой в статье (Князев, Шаульский 2007: 209–224). На примере говоров д. Губарево Семилукского района Воронежской области и с. Бояновичи Хвастовичского района Калужской области рассматриваются говоры с диссимилятивным и протодиссимилятивным вокализмом. Первый говор пережил процесс фонологизации имевшей место ранее континуальной квантитативной зависимости между длительностями первого предударного и ударного гласных, выработав в результате «линию фонологизации», то есть границу между функционально долгими и функционально краткими ударными гласными. Соответственно, на любой ударный гласный, подъём которого выше линии фонологизации, предударный гласный «реагирует» как на краткий; на ударный гласный, подъём которого ниже этой линии, — как на долгий. В первом случае сам предударный является долгим, во втором — кратким. Постепенность убывания длительности предударного гласного по мере понижения подъёма ударного гласного (т. е. увеличения его собственной длительности), характерная для протодиссимилятивного вокализма, уступила место скачкообразному переходу от предударного гласного долгого типа к предударному гласному краткого типа в системах с фонологизацией бинарного противопоставления гласных по собственной длительности. Таким образом, вместо четырёх (или более) различных по длительности гласных единиц первого предударного слога перед ударными гласными четырёх разных подъёмов (четырёх или более уровней собственной длительности), в говорах типа губаревского (и, по-видимому, во всех говорах, где отмечается диссимилятивный тип вокализма) функционирует две единицы: долгая и краткая. В говоре с. Бояновичи «линия фонологизации» отсутствует. Это выражается в незначительности различий качественных и количественных характеристик гласных первого предударного слога, а также в том, что относительная длительность предударного гласного постепенно уменьшается с понижением подъёма ударного гласного. Это даёт авторам основание говорить о наличии в говоре еще не фонологизированной континуальной зависимости длительности предударного гласного от длительности ударного гласного, а соответствующий тип аканья они называют протодиссимилятивным и считают наиболее архаической разновидностью диссимилятивного вокализма. Таким об-

разом, в статье говорится о количественной диссимилиации между гласными просодического центра в южнорусских говорах как о явлении, представленном в двух разновидностях: 1) в виде живого фонетического (коартикуляционного) процесса (Бояновичи) и 2) в виде фонологического чередования (Губарево).

В задачи данной работы входило экспериментальное изучение количественных характеристик гласных просодического ядра в говоре с. Роговатое (Роговатка) Старооскольского района Белгородской области, в котором представлены семь фонем под ударением и архаический диссимилиативный тип предударного вокализма; описание зависимости длительности предударного гласного от длительности ударного; определение влияния фразовой позиции словоформы на длительность гласных её просодического центра.

1.1. Система ударного и предударного вокализма в говоре Роговатки и принятые в работе обозначения гласных

Под ударением в роговатовском говоре различаются семь гласных фонем: /а/, /о/, /е/, /ω/, /Ъ/, /у/, /и/. Исследованы количественные характеристики их реализаций под ударением после твёрдых согласных [а, о, ъо, у, ы] и после мягких [’иа, ’йо, ’иуо, ’ие, ’е, ’иу, ’и]²; без ударения после твёрдых согласных [а, ъ, ѓ, ы, у] и после мягких [’иа, ’е, ’и, ’иу].

Звукотипы, реализующие фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге, в статье обозначены следующими символами:

ъ — реализации фонем неверхнего подъёма после твёрдых согласных в позиции перед ударными фонемами /е/, /о/, /а/ (этот символ фактически объединяет два звукотипа: [ъ] и [ǎ]; результаты изучения количественных различий между ними будут проведены позже): *ис кънъп’ей, пъд’еш, пътсблнх, зъмбк, дълбът’, пъкайс’и*; этим же символом обозначены реализации фонем неверхнего подъёма после отвердевших шипящих перед ударными /е/, /о/, /а/: *жънъ, цъпъ, цъпбм*.

а — реализации фонем неверхнего подъёма после твёрдых согласных в позиции перед ударными фонемами /и/, /у/, /Ъ/, /ω/: *тап’ил’и, снапы, растът’, пал’у, сас’иетка, за л’иесъм, талъдч’, салъдому*; этим же символом обозначены реализации фонем неверхнего подъёма после отвердевших шипящих перед ударными /и/, /у/, /Ъ/, /ω/: *жаны, жану, жал’иел, цанъдйу, пъ цану*.

² Количественные характеристики реализаций /е/ после твёрдого согласного (*жён’ище, ьттёда, дькёл’* и под.) и /Ъ/ после твёрдого согласного (*цъпел, цъпены* и т. д.) специально не исследованы.

'e — реализации фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в позиции перед ударными /a/, /o/. Звукотип [ʼe] наиболее последовательно встречается перед твёрдыми согласными, или перед аллофонами ударных фонем [a], [o]: *л'ежъл, сп'ервъл, св'етой* (м. р.), *м'ешок*. Реже [ʼe] отмечается перед мягкими согласными, т. е. перед ударными [ʼйа], [ʼйо], [ʼe], на месте фонем неверхнего подъёма: *вым'ер'йаит', пръв'ер'йат', р'еб'йонкъ, б'ир'ев'йонушкъ, зур'еб'йонъ, т'еп'ер'ъ, мът'ер'ей, р'ем'ен',* а также перед сочетанием согласных, из которых по крайней мере последний — мягкий: *н'ел'з'йа, ч'ерн'йавъй, не смёл'иш*.

'и — реализации фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в позиции перед ударными /e/, /o/, /a/. Звукотип [ʼи] наиболее последовательно встречается перед мягкими согласными, то есть перед ударными [ʼйа], [ʼйо], [ʼe]: *р'иб'йатъм, у вр'им'йанк'и, в'ид'йорку, пл'ит'йонъи, т'ир'ет', т'ик'е,* а также перед сочетанием согласных, из которых по крайней мере последний — мягкий: *н'ил'з'йа, ч'ит'в'йортъйу, с'истр'йонкъйу*.

'йа — реализации фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в позиции перед ударными /и/, /у/, /ъ/, /о/: *ул'йад'й, н'ир'йамьльс', к шур'ййаку, м'йал'у, ул'йад'йет', ув'йаз'д'йе, зв'йанубо, с'йаструбойу*.

Такой набор символов обусловлен системой роговатовского вокализма, которая предполагает реализации гласных неверхнего подъёма в трёх различных единицах в позиции после твёрдых согласных и в трёх различных единицах в позиции после мягких согласных. Однако при количественном анализе позиции, предполагающие звукотип [ʼи], и позиции, предполагающие звукотип [ʼe], в ряде случаев не разграничивались, а различие [ъ] и [я] вообще не учитывалось; таким образом, [ʼи] и [ʼe] при некоторых подсчётах, а [ъ] и [я] всегда обсчитывались как единая группа.

Реализации фонем верхнего подъёма обозначаются символами 'и, ы, 'йу, у.

Наличие апострофа свидетельствует о положении звукотипа после фонологически мягкого согласного. С фонетической точки зрения степень палатализованности фонологически мягких нуждается в дополнительном изучении; на слух фонологически мягкие бывают представлены согласными более или менее палатализованными («полумяжкими»).

1.2. Материал и способ его первичной обработки

Для исследования первоначально выбрана аудиозапись длительностью 1 ч 30 мин 14 с, выполненная в формате .wav на диктофон Roland Edirol R-09. Информант — Екатерина Никитична Фомина (Гулюнчикова), 1939 г. р., образование 5 классов, уроженка с. Роговатое, после гибели родителей во время

войны воспитывалась бабушкой, также уроженкой данного села; в Роговатом жила всю жизнь, никуда надолго не уезжала, работала в колхозе, сейчас на пенсии. Впоследствии были использованы ещё два аудиофайла, записанных на тот же диктофон в том же формате. Один — длительностью 1 ч 53 мин 55 с, информант Дарья Ильинична Рожкова, 1923 г. р., образование 10 классов, уроженка с. Роговатое, в нём прожила всю жизнь, работала секретарём сельского совета, перед пенсией три года библиотекарем сельской библиотеки. Второй — длительностью 1 ч 04 мин 26 с, информант Мария Алексеевна Макарова, 1932 г. р., образование 7 классов, уроженка с. Роговатое, прожила в этом селе всю жизнь, работала в колхозе.

Записи прослушаны с помощью программы PRAAT и размечены в textgrid. Разметка проводилась вручную. В первой записи разметке подвергались все словоформы, имеющие первый предупредный слог, в двух других словоформы такой же фонетической структуры размечены выборочно.

В ходе разметки в звуковых файлах с помощью PRAAT были обозначены границы словоформ (фонетических слов), а в этих словоформах — границы гласных звуков первого предупредного и ударного слогов.

При разметке границ между согласными и гласными мы ориентировались, помимо собственного слухового восприятия, на значения F1 и F2 с привлечением в некоторых случаях данных других формант, ставя во главу угла траекторию движения F2 (Fischer-Jørgensen, Hutter 1981: 77–102; Potter, Gordon, Dawson, Reuse, Ladefoged 2000: 32), а также на осциллограмму (Князев 2006: 52–54) и сонограмму (Скрелин 1999: 53–75). При сегментации участков, содержащих гласные в соседстве с глухими согласными, решение о границах принималось с учётом наличия/отсутствия основного тона на данном участке (Крутикова и др. 1968: 187–190), в соседстве со звонкими — с учётом изменений амплитуды и кривой осциллограммы (Златоустова и др. 1968: 79). Расстановка границ гласных звуков в некоторых случаях (обычно при соседстве гласного с сонорными [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'], [л], [л'], [л], [j] и [в], [в']) вызывала затруднения. Это связано с тем, что «до настоящего времени неизвестны правила и критерии, в соответствии с которыми определяются границы гласных в слуховой системе человека. Соответственно отсутствуют и формальные правила их определения при инструментальном анализе речевого сигнала» (Венцов 2010: 11). Сегментация звуковых сочетаний с [р] проводилась на основе изменений в амплитуде, с [л], [л'] [л], [в], [в'], [j] и носовыми — на основе изменений в кривой осциллограммы (Златоустова и др. 1968: 81–85).

Всего в первой записи было размечено 1372 словоформы. Размечались абсолютно все слова из данной аудиозаписи, имеющие как минимум один пред-

ударный слог. После этого были исключены скандированные примеры, общим числом 38³. Из второй записи материал дополнился 447 словоформами, из третьей — 150. Таким образом, проанализирована всего 1931 словоформа.

В обеих дополнительных записях были размечены слова с гласными в тех же позициях, что и в первой записи, но особенно уделялось внимание словам с гласными неверхнего подъёма после мягких согласных в предударном слоге перед ударной *ʔ/a/* типа *теля́та*, слова с предударной */y/* перед ударной *ʔ/a/* типа *гуля́ть*, слова с предударной */y/* перед ударной */e/* типа *гусе́й* и некоторым другим позициям, примеров которых в основной записи оказалось мало.

Материал от трёх информантов обсчитывался весь вместе. В ходе обсуждения этой работы на фонетическом семинаре в МГУ осенью 2014 г. Л. М. Захаров высказал замечание по этому поводу. Однако существенных различий количественных характеристик гласных у трёх информантов мы не обнаружили.

Другое высказанное Л. М. Захаровым замечание касалось того, что при подсчётах мы не провели различия между разными стилями произнесения: примерами, взятыми из спонтанной речи, с одной стороны, и ответами на прямые вопросы собирателя — с другой. Признавая это методологическим недостатком, считаем нужным заметить, что проведение границы между стилями произнесения в данном понимании часто бывает затруднительно. В особенности это относится к записям речи Е. Н. Фоминой, которая, во-первых, понимая задачи нашей работы, произносила отдельные словоформы так, как принято у стариков в Роговатке (избегая при этом предложенных ей лексем и форм, отсутствующих в говоре), и в этом случае её ответы могут быть расценены как фразы, зачастую однословные, имеющие определенный тип фразового акцента. Во-вторых, она часто в качестве ответов произносила довольно сложные фразы, содержащие ту или иную требуемую вопросником словоформу. Примеры, взятые из таких фраз, с нашей точки зрения, могут быть без особых оговорок приравнены в отношении стиля к примерам из спонтанной речи.

1.3. Обработка данных

Длительность выделенных гласных во всех записях была измерена с помощью скрипта `formant_f0_meas1`⁴. Полученный набор данных был помещён в таблицу Excel для удобства расчётов.

³ Наличие таких примеров обусловлено спецификой данного аудиофайла: здесь записана беседа по программе, в процессе которой информант изредка произносит некоторые словоформы по слогам, скандирует.

⁴ MPI EVA / © Sven Grawunder. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, 2012-08-16. http://email.eva.mpg.de/~grawunde/praat/praat_SG.htm. Благодарю Т. Н. Кобейникову и А.М. Красовицкого, любезно предоставивших мне эту программу.

Затем исходная общая таблица была разделена на частные таблицы в зависимости от качества предударного и ударного гласных. Выделено 12 групп примеров с разными ударными гласными [а, 'йа, 'е, о, 'йо, 'ие, 'уо, 'иуо, у, 'иу, 'и, ы]. Каждая из этих групп разделена в свою очередь на 6 подгрупп в зависимости от качества гласного 1-го предударного слога:

- 1 — предударные гласные неверхнего подъёма после твёрдых согласных;
- 2 — предударные гласные неверхнего подъёма после мягких согласных;
- 3 — предударный гласный верхнего подъёма [ы];
- 4 — предударный гласный верхнего подъёма [’и];
- 5 — предударный гласный верхнего подъёма [у] (после твёрдых согласных);
- 6 — предударный гласный верхнего подъёма [’иу] (после мягких согласных).

Таким образом, выделилось 72 группы примеров, и соответственно из общей таблицы выделено 72 частные рабочие таблицы в формате Excel, по которым распределён весь материал общей таблицы. Каждая частная таблица содержит примеры с определённым гласным ударного слога и определённым гласным 1-го предударного слога. Так, таблица 1 включает все примеры типа *вѣдѧ, сѣмѧ*, таблица 2 — примеры типа *н'еслѧ, б'едѧ, сл'езѧ, н'етѧк*, таблица 3 — примеры типа *быкѧ*, таблица 4 — примеры типа *н'улѧ*, таблица 5 — примеры типа *судѧ*, таблица 6 — примеры типа *кл'укѧ*, таблица 7 — примеры типа *кѣн'йѧм'и, сѣн'йѧм'и* и т. д. Небольшой фрагмент рабочей таблицы 1 представлен ниже (см. таблицу 1).

Таблица 1

Фрагмент рабочей таблицы 1 (под ударением /а/, в 1-м предударном слоге аллофоны гласных фонем неверхнего подъёма после твёрдых согласных)

Индекс	Слово	Звук предуд.	Дл-ть, в мс	Звук уд.	Дл-ть, в мс	ОД предуд.
1	накладена1048	ъ	54,94 а		86,95	63,19%
1	на тракторе116	ъ	41,75 а		89,17	46,82%
1	огромный106	ъ	61,72 а		89,75	68,77%
1	нажарюте668	ъ	71,5 а		89,81	79,61%
1	дала360	а	80,14 а		91,62	87,47%
1	закажешь1244	ъ	65,46 а		93,93	69,69%
1	закопали339	ъ	43,51 а		94,13	46,22%
1	сказать1113	ъ	83,62 а		95,46	87,60%
1	продолжаем10	ъ	75,76 а		96,12	78,82%
1	давали665	ъ	89,79 а		96,12	93,41%
1	помогают169	ъ	87,77 а		96,96	90,52%
1	собака960	ъ	47,84 а		97,24	49,20%

Как можно видеть, и общая таблица, и каждая частная таблица содержит поля: «Индекс», в котором указан «код информанта» (1 — Е. Н. Фомина, 2 — Д. И. Рожкова, 3 — М. А. Макарова); поле «Слово», где приводятся конкретные словоформы и их номера в размеченном в PRAAT аудиофайле (в ходе раз-

метки аудиофайла словоформы нумеровались вручную, с тем чтобы в любой момент была возможность быстрого доступа к каждому примеру для повторного прослушивания или дополнительного анализа). В поле «Звук предуд.» указывается качество предударного гласного, определённое на слух. В поле «Дл-ть, в мс» указана абсолютная длительность предударного гласного в миллисекундах. В поле «Звук уд.» приведено качество ударного гласного, определённое на слух. В следующем поле «Дл-ть, в мс» указывается абсолютная длительность ударного гласного в миллисекундах. Кроме того, в каждой из 72 таблиц есть поле «ОД предуд.», которое является результатом деления значения длительности предударного гласного на значение длительности ударного, выраженное в процентах.

Следует отметить, что общая таблица, положенная в основу частных, уже является результатом преобразований, основанных на расчётах в системе Excel, данных из первоначальной общей таблицы. В последней имелись, помимо названных, поля «Время начала звучания предударного гласного», «Время конца звучания предударного гласного», «Время начала звучания ударного гласного», «Время конца звучания ударного гласного». Данные двух полей «Дл-ть, в мс» являются результатами расчёта.

Было проведено несколько экспериментов по измерению количественных параметров гласных на описанном выше материале. В данной статье описаны результаты двух экспериментов, в ходе которых были исследованы количественные параметры гласных просодического ядра на всём материале (первый эксперимент) и на ограниченном материале словоформ, стоящих вне фразового акцента (второй эксперимент).

В ходе проведения первого эксперимента (без каких-либо ограничений материала) выяснилось, что разброс значений абсолютных длительностей ударных гласных (в меньшей степени предударных) чрезвычайно велик (минимальные значения длительности ударных гласных около 50 мс, максимальные — более 350 мс). Известно, что темпоральная организация слова в большой степени зависит «от типа интонации, позиции слова во фразе и, в особенности, степени смысловой выделенности слова. Увеличение длительности ударного гласного является в русском языке одним из важнейших средств достижения просодической выделенности слова, отражающих его семантический вес, и создания интонационного центра и других сильных точек интонационного контура» (Светозарова 1982: 153–156).

Второй и все последующие эксперименты имели целью уточнение полученных на всём материале результатов с учётом фразовой позиции.

Ниже описаны результаты двух экспериментов.

2.1. Цель первого эксперимента — на всём материале (без учёта фразовой позиции и других ограничений) установить количественные характеристики аллофонов гласных фонем первого предударного и ударного слогов и соотношения длительностей гласных просодического центра.

2.2. Результаты первого эксперимента

Данные о длительностях ударных и предударных гласных представлены в таблице 2.

Таблица разделена на четыре части в зависимости от качества (подъёма) гласных фонем 1-го предударного слога и твёрдости/мягкости предшествующих им согласных: выделены реализации фонем неверхнего и верхнего подъёмов, после твёрдых и после мягких согласных. Внутри первой и второй части таблицы двойной чертой разделены данные о словоформах с ударными гласными нижнего и среднего подъёмов, с одной стороны, и с ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов — с другой. Внутри третьей и четвёртой частей таблицы двойной чертой разделены огубленные и неогубленные аллофоны фонем верхнего подъёма в первом предударном слоге, ударные же гласные выстроены по принципу понижения подъёма.

В таблице 2 имеются незаполненные строки — этим мы хотели продемонстрировать, что в случайной выборке примеры на некоторые теоретически возможные позиции отсутствуют. В приводимой ниже таблице 6, которая отражает часть общего массива данных (словоформы, на которые не падает фразовый акцент), незаполненные строки исключены.

Значения столбцов таблицы:

1. № п/п; 2. Звук в 1 предударном слоге; 3. Диапазон варьирования абсолютной длительности (АД) предударных гласных (в мс); 4. Средние значения абсолютной длительности (АД) предударных гласных (в мс); 5. Медиальные значения абсолютной длительности (АД) предударных гласных (в мс); 6. Звук в ударном слоге; 7. Диапазон варьирования абсолютной длительности (АД) ударных гласных (в мс); 8. Средние значения абсолютной длительности (АД) ударных гласных (в мс); 9. Медиальные значения абсолютной длительности (АД) ударных гласных (в мс); 10. Средние значения относительной длительности (ОД) предударных гласных (в %)⁵; 11. Всего словоформ.

⁵ За 100% принята длительность ударного гласного. Средняя относительная длительность здесь и далее рассчитана следующим образом: 1) вычислены ОД предударного гласного в каждом примере; 2) вычислено их среднеарифметическое значение. Для вычисления средней относительной длительности использовались среднеарифметические, а не медиальные значения абсолютной длительности предударных и ударных гласных в силу существующей в работах по диалектной фонетике традиции, см., например, (Касаткина, Щигель 1995; Князев, Шаульскийкий 2007).

Таблица 2

**Количественные характеристики гласных
первого предударного и ударного слогов (обобщающая таблица)**

№ п/п	Предударный слог				Ударный слог				Средняя ОД предударных (%)	Всего словоформ
	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Предударные гласные фонемы неверхнего подъёма после твёрдых согласных</i>										
1.	ь	37–123	71	68	а	51–308	150	137	51	208
2.	ь	46–119	79	78	’иа̄	86–315	171	158	49	67
3.	ь	38–108	72	72	’е	67–332	148	132	54	96
4.	ь	44–108	76	74	’ио̄	76–329	171	158	48	47
5.	ь	35–130	70	67	о	63–264	125	115	61	72
6.	а	61–204	120	115	’и	39–313	119	105	110	121
7.	а	49–170	110	114	ы	56–228	120	120	97	29
8.	а	35–200	116	115	’иѐ	46–227	125	126	98	73
9.	а	58–186	123	124	у	46–380	143	136	97	54
10.	а	65–212	121	119	’иӯ	74–342	157	157	83	26
11.	а	65–206	122	122	уо̄	47–294	141	138	92	138
12.	а	70–160	122	126	’иуо̄	71–239	137	109	98	7
<i>Предударные гласные фонемы неверхнего подъёма после мягких согласных</i>										
13.	’е	52–141	86	83	а	46–377	160	143	59	117
14.	’и	40–115	80	79	’иа̄	80–321	179	169	47	52
15.	’и	33–137	78	75	’е	60–419	160	144	55	109
16.	’и	46–102	76	76	’ио̄	96–316	154	140	52	33
17.	’е	46–126	83	83	о	43–351	139	127	68	56
18.	’иа̄	86–214	135	125	’и	57–291	127	107	120	53
19.	’иа̄	54–202	131	122	ы	63–202	124	123	114	23
20.	’иа̄	93–208	154	155	’иѐ	94–404	158	147	105	38

№ п/п	Предударный слог				Ударный слог				Средняя ОД предударных (%)	Всего словоформ
	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
21.	'иа	61–253	157	155	у	40–342	166	148	103	61
22.	'иа	69–210	157	170	'иу	89–271	177	160	92	6
23.	'иа	85–188	144	146	ӯо	68–303	143	132	112	37
24.	'иа	92–152	122	–	'иуо	57–112	84	–	149	2
<i>Предударные гласные фонемы верхнего подъёма после твёрдых согласных</i>										
25.	ы	64–104	83	78	у	60–280	172	172	59	5
26.	ы	–	–	–	'иу	–	–	–	–	–
27.	ы	74	–	–	ы	249	–	–	30	1
28.	ы	115	–	–	'и	128	–	–	90	1
29.	ы	50	–	–	'иѐ	39	–	–	128	1
30.	ы	61–75	66	66	ӯо	123–236	161	147	42	6
31.	ы	–	–	–	'иуо	–	–	–	–	–
32.	ы	60–120	95	105	'е	96–401	184	185	57	9
33.	ы	31–79	63	66	о	89–184	127	102	53	7
34.	ы	–	–	–	'ио	–	–	–	–	–
35.	ы	43–104	66	58	а	62–110	89	91	73	6
36.	ы	70–75	73	–	'иа	188–197	193	–	38	2
37.	у	61–131	94	92	у	106–240	144	133	69	10
38.	у	56–88	74	78	'иу	82–240	136	121	59	8
39.	у	50–115	73	67	ы	77–251	129	126	60	17
40.	у	54–123	79	75	'и	82–259	138	128	62	28
41.	у	60–152	99	97	'иѐ	88–280	166	150	63	18
42.	у	43–149	82	68	ӯо	103–242	154	147	53	12
43.	у	99–158	128	–	'иуо	233–261	247	–	53	2
44.	у	72–143	96	93	'е	78–216	137	137	76	14

№ п/п	Предударный слог				Ударный слог				Средняя ОД предударных (%)	Всего словоформ
	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
45.	у	37–142	80	75	о	90–247	146	144	55	18
46.	у	84–156	108	88	’ӣо	79–211	147	139	79	5
47.	у	37–127	77	77	а	82–307	157	157	55	31
48.	у	69–114	86	83	’иа	111–215	160	171	55	8
<i>Предударные гласные фонемы верхнего подъёма после мягких согласных</i>										
49.	’и	49–116	76	73	у	71–155	103	98	78	6
50.	’и	74	–	–	’ӣу	153	–	–	48	1
51.	’и	44–106	75	–	ы	85–236	160	–	48	2
52.	’и	51–116	80	80	’и	68–233	143	150	60	25
53.	’и	44–166	69	65	’ӣе	72–300	128	120	57	41
54.	’и	47–98	79	86	’ӯо	121–150	140	144	56	4
55.	’и	71–88	79	–	’ӣуо	79–165	122	–	77	2
56.	’и	55–83	72	78	’е	109–201	144	137	53	5
57.	’и	53–89	68	67	о	78–261	140	137	52	10
58.	’и	57–123	91	94	’ӣо	150–396	254	244	38	8
59.	’и	29–113	70	68	а	86–251	147	145	50	60
60.	’и	50–164	81	72	’иа	102–277	178	161	47	9
61.	’ӣу	98	–	–	у	176	–	–	56	1
62.	’ӣу	69–95	79	74	’ӣу	73–164	127	144	68	3
63.	’ӣу	53–86	74	81	’и	70–208	126	124	67	7
64.	’ӣу	–	–	–	ы	–	–	–	–	–
65.	’ӣу	82–122	102	–	’ӣе	80–161	121	–	89	2
66.	’ӣу	–	–	–	’ӯо	–	–	–	–	–
67.	’ӣу	–	–	–	’ӣуо	–	–	–	–	–
68.	’ӣу	65–110	84	80	’е	81–156	117	116	74	4

№ п/п	Предударный слог				Ударный слог				Средняя ОД предударных (%)	Всего словоформ
	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
69.	'иу	84–108	93	90	о	98–219	156	153	66	4
70.	'иу	89	–	–	'йо	181	–	–	49	1
71.	'иу	–	–	–	а	–	–	–	–	–
72.	'иу	88–102	95	–	'иа	145–150	148	–	64	2

2.3. Выводы из таблицы 2

2.3.1. Ударные гласные.

Для удобства анализа длительности ударных гласных среднеарифметические и медиальные значения вынесены в таблицу 3.

Таблица 3

Среднеарифметические и медиальные значения длительности ударных гласных

Подъём	Гласные ударного слога	Среднеарифметические значения длительности ударных гласных (в мс)	Медиальные значения длительности ударных гласных (в мс)	Всего слов
Верхний	ы	126	122	72
	'и	126	113	235
	у	153	143	137
	'иу	154	149	44
Верхне-средний	'иё	137	129	172
	юо	143	138	197
	'иуо	143	112	13
Средний	'е	153	136	237
	'йо	171	152	95
	о	133	121	167
Нижний	а	152	140	421
	'иа	173	164	141

Естественно предположить, что длительность ударных гласных, по крайней мере монофтонгов, должна увеличиваться с понижением подъёма, так как известно, что гласные обладают собственной длительностью, которая тем больше, чем ниже подъём гласного. Об этом писал со ссылкой на измерения Е. А. Мейера 1904 года О. Брок в работе о говорах к западу от Мосальска, называя собственную длительность «количеством «натурой»: «...á было натурой “долгим”, í и пр. натурой “краткими” гласными. Можно предположить, что такая разница зависит от того признанного явления, что при обстоятельствах, в остальном тождественных, гласный вообще тем длиннее, чем его образование шире» (Брок 1916: 59). Разницу в собственной длительности гласных подтверждают также данные Л. В. Щербы, который связывает большую краткость узких гласных с тем, что при их произнесении затрачивается больше энергии (Щерба 1912: 132–135). Зависимость длительности гласного от его качества, связанную с различной интенсивностью разных гласных и различной их слышимостью, описывает Л. Р. Зиндер (Зиндер 1960: 191–192). Разница в собственной длительности русских гласных неоднократно подтверждалась экспериментальными исследованиями, см. (Златоустова 1962: 38–48; Болла 1963: 1–20; Апушкина 2013: 34–40; Кузнецов, Отт 1989: 68). По данным ряда исследователей, ударные гласные русского литературного языка имеют в среднем следующие различия в длительности: длительность гласных верхнего подъёма [и], [ы], [у] составляет около 75%, а длительность гласных среднего подъёма [о], [е] — около 90% от длительности гласного нижнего подъёма [а] (Кузнецов, Отт 1989: 68), максимальный же контраст между самым долгим и самым кратким ударными гласными может достигать 33% (Светозарова 1982: 46).

Однако на нашем материале⁶ последовательного уменьшения средней абсолютной длительности с повышением подъёма гласного не наблюдается (см. табл. 3). Иерархия средних длительностей выстроилась так:

---

⁶ Следует заметить, что материал был проанализирован без учёта ряда особенностей, что, безусловно, предполагает некоторую погрешность в результатах. Так, не учитывались различия между длительностью ударных гласных, связанные с 1) позицией ударного гласного в абсолютном конце слова (фразы) или перед последующим согласным (гласным), 2) характером левого и правого консонантного контекста (считается, что правый контекст в большей степени влияет на длительность и качество гласного, нежели левый, по крайней мере это касается гласных литературного языка) (Щерба 1912: 128–129; Златоустова и др. 1968: 74, 89; Светозарова 1982: 47; Кузнецов 1995: 84–99; Скрелин 1999: 75–80), 3) длиной слова и фразы, а также коммуникативным типом фразы (Светозарова 1982: 47–48; Штерн 1988: 216–218), 4) позицией словоформы в начале или в конце фразы (Златоустова 1962: 119–124). Все эти вопросы требуют специального изучения и остаются открытыми для роговатовского говора.

- 1) 'йо̄, 'я̄а,
- 2) 'е, а, у, 'йӯ,
- 3) ӯо̄, 'йе̄,
- 4) о,
- 5) ы, 'и.

Большее среднее значение длительности ударного [у] по сравнению с другими ударными гласными верхнего подъёма объяснилось тем, что в группе примеров с [у] оказалось гораздо больше случаев реализации фразовых акцентов модальной разновидности, при которых ударный гласный растягивается, превышая 200 мс (см. графики 6, 7, 8 в конце статьи). Кроме того, среди примеров с ударным [у] оказалось много случаев в абсолютном конце слова и фразы, а эта позиция, как известно, вызывает максимальное продление гласного (Светозарова 1982: 49; Кривнова 2007: 38–39).

Среднее значение длительности ударного [о] оказалось значительно меньше, чем у гласного [е]. Это связано с тем, что в целом в рассматриваемом материале примеров с ударной [о] оказалось значительно меньше (примерно на 70 словоформ) и среди них, во-первых, меньше примеров под фразовыми акцентами модального типа (см. графики 4–5), а во-вторых, примерно в пять раз меньше случаев с ударным гласным в абсолютном конце слова и фразы.

Самыми долгими оказались «нефонематические»⁷ дифтонги, реализующие фонемы /о/ и /а/ после мягких согласных. Это связано с высокой длительностью и-образной зоны в случае наличия фразового акцента на словоформе (см. сноску 7). Однако дифтонг ['йӯ] незначительно отличается по длительности от монофтонгов [а], [е], [у].

Надо сказать, что безударный ['я̄а] также выделяется по разбросу значений абсолютной длительности и по средней длительности среди безударных гласных — монофтонгов, как кратких, так и долгого, а безударный ['йӯ] ра-

⁷ «Фонематическими» дифтонгами мы называем реализации фонем /Ъ/, /ω/, поскольку главным признаком этих фонем является дифтонгичность представляющих их звукотипов. «Нефонематическими» названы дифтонги ['я̄а], ['йо̄], ['йӯ] — реализации после мягких согласных фонем /а/, /о/, /у/, для которых дифтонгичность является не дифференциальным признаком, а позиционным. И-образная часть наблюдается после мягких согласных перед гласными непереднего ряда и в литературном языке, длительность её по отношению к общей длительности всего звукотипа составляет обычно от 15% (Князев 2006: 46) до 18% (Кузнецова 1965: 20), в роговатовском говоре длительность этого участка в словоформах вне фразового акцента также составляет 15–18% от длительности всего гласного, однако в словоформах под фразовым акцентом, когда имеет место общее удлинение гласного, он составляет обыкновенно около 40% от общей длительности звукотипов ['я̄а], ['йо̄] и около 20% от длительности звукотипа ['йӯ].

вен по длительности безударным монофтонгам верхнего подъёма. (Данные о длительности предударных дифтонгов см. в табл. 2, 3.)

Обращает на себя внимание, что «фонематические» дифтонги [’иѐ], [’уѐ] и «нефонематические» дифтонги [’иа], [’иѐ] различаются по длительности. Первые по этому параметру не отличаются от монофтонгов.

Между тем отношения средних длительностей некоторых ударных гласных к длительности гласного [а], установленные на данном материале, соответствуют установленным В. Б. Кузнецовым и В. А. Оттом на материале РЛЯ отношениям, выражающим различия гласных по собственной длительности. Средние длительности [’и], [’ы] составляют на роговатовском материале примерно 77% от средней длительности [а]; средние длительности [’иѐ] и [’уѐ] — соответственно 90% и 93% от средней длительности [а] (эти дифтонги в говоре во многом схожи с дифтонгоидами, реализующими фонемы /о/ и /е/ ЛЯ). Средняя длительность [о] (монофтонга среднего — средне-нижнего подъёма, аналог которому в литературном языке отсутствует) при этом составляет чуть больше 87% от средней длительности [а].

В целом же на данном материале видно, что различия гласных по собственной длительности в значительной степени нивелированы (или деформированы), что связано с положением большего числа примеров под фразовым акцентом или в конце фразы, способствующими продлению ударного гласного. На длительность первого предударного гласного фразовый акцент влияет в меньшей степени⁸.

2.3.2. Распределение данных о длительности ударных гласных на диаграмме «ящички с усами».

Данные о длительности ударных гласных ниже представлены на диаграмме размаха «ящички с усами», см. график 1.

Простая диаграмма «ящички с усами» представляет собой способ наглядного представления множества данных, измеренных в интервальной шкале. Она показывает медиану (срединное значение выборки данных, ранжированных по определённому параметру, в нашем случае — по абсолютной длительности определённого ударного гласного), первый и третий квартили (в нашем случае это такие значения АД ударных гласных, что четверть и три четверти общего количества примеров соответственно не превосходит их по АД), ми-

---

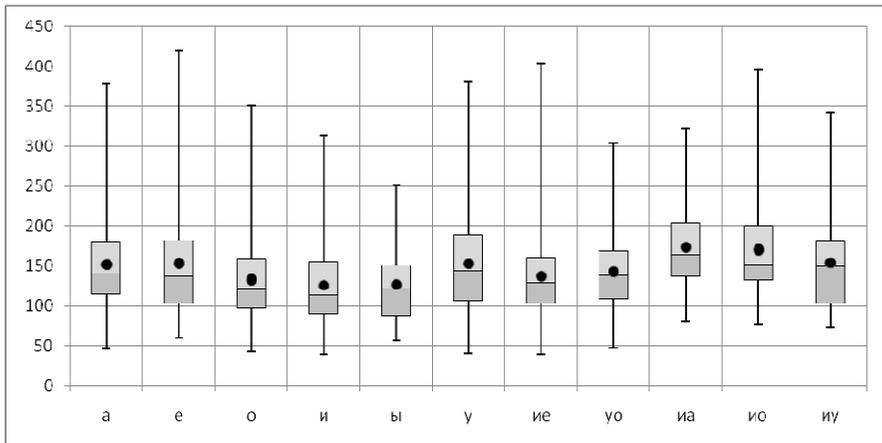
⁸ Соответствующие исследования литературных гласных в безударной позиции свидетельствуют о том, что характер интонирования не изменяет характера редукции. По крайней мере, не было обнаружено различий в параметрах безударных гласных в словах с перчислительной и назывной интонацией (Бондарко, Вербицкая, Зиндер 1966: 57).

нимальное и максимальное значение выборки примеров. Границы «ящика» соответствуют первому и третьему квартилям, медиана обозначена горизонтальной линией, делящей «ящик» на две части. Сам «ящик» соответствует средней половине всех данных выборки, а выходящие из него «усы» — первой и последней четвертям выборки. Дополнительно в виде кружка на диаграмме даётся среднеарифметическое значение каждого множества данных.

Расстояния между отдельными частями ящика позволяют определить степень распространения, или «плотности» данных на данном отрезке шкалы, и оценить степень асимметрии данных, выявить выбросы. Несколько расположенных рядом ящиков позволяют сравнивать одно распределение данных с другим.

График 1

Диаграмма размаха длительностей ударных гласных

По оси ординат отложены значения длительности ударных гласных в миллисекундах, на оси абсцисс размещены «ящики с усами», отображающие длительность ударных звукотипов.

Диаграмма показывает, что у большинства гласных, кроме [ы] и [’иу], наибольшая «плотность», или наибольшее количество примеров приходится на вторую четверть выборки (нижняя часть «ящичков») и что средняя половина выборки (соответствующая «ящичку»), имеет большую «плотность», чем нижняя и верхняя четверти выборки. Наименьшая «плотность» свойственна области высоких значений длительности ударных гласных, что отра-

жается в длине верхних «усов» (то же можно видеть на графиках 2–4). При интерпретации диаграммы «ящичков с усами» выбросами считаются значения, отстоящие от ящика на полторы его высоты. В таком случае для [a] статистически несущественными выбросами должны считаться значения длительности выше 300 мс, для [ʔe] — приблизительно от 350 мс, для [o] и [ʔи] — примерно от 270 мс. В практике экспериментально-фонетических исследований длительности гласных, однако, принято ограничиваться более низкими значениями.

Описанные выше отклонения от ожидаемых средних значений длительности наблюдаются у тех гласных, диаграммы которых имеют «длинные ящички», т. е. меньшую плотность данных в средней половине выборки ([ʔe], [y], [ʔи]).

Медиальные значения длительности ударных монофтонгов очень близки к средним арифметическим и, как правило, чуть ниже их. На графике можно видеть, что медиальные значения более последовательно, чем средние арифметические, «выстраиваются» в соответствии со ступенями подъёма гласных монофтонгов. В ещё большей степени градации ступеней подъёма монофтонгов соответствуют значения первых квартилей; а также сами объёмы большинства «ящичков» смещены относительно друг друга в соответствии со шкалой подъёмов монофтонгов. Можно думать на основании статистического распределения, показанного при помощи «ящичков с усами», что разные по подъёму = собственной длительности монофтонги в нашей выборке примеров различаются именно диапазонами сравнительно низких значений АД, на которые приходится наибольшая концентрация примеров. Иными словами, диапазоны длительностей, «на которых реализуются» нейтральные по своей смысловой нагрузке фразовые акценты, не одинаковы у гласных с разной собственной длительностью и различаются главным образом своими «нижними границами». Точных границ этих диапазонов диаграмма «ящик с усами» показать не может.

2.3.3. Частота данных в отношении к интервалам АД ударных гласных.

На графиках 2, 3, 4 показано количественное соотношение данных в разных диапазонах абсолютной длительности ударных гласных.

Можно видеть, что максимальное число примеров во всех трёх выборках лежит в интервале 100–150 мс АД ударных гласных. Все три выборки характеризуются постепенным убыванием числа примеров с длительностью гласных более 150 мс («скорость убывания», однако, больше у гласного [и] и меньше других у гласного [a]). Картина убывания числа примеров в области высоких

График 2

Частота данных в отношении к интервалам группировки, ударный [а]

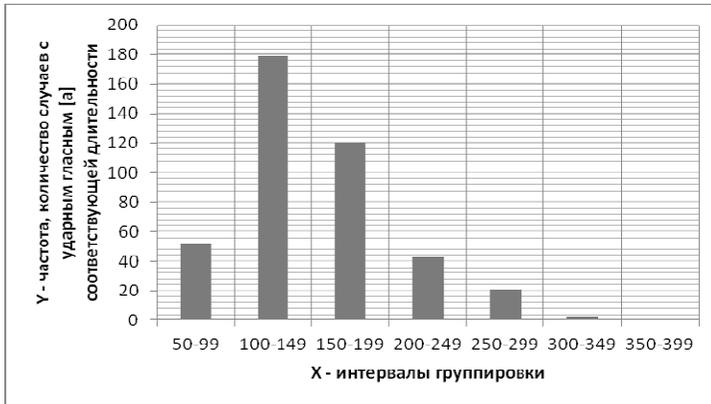
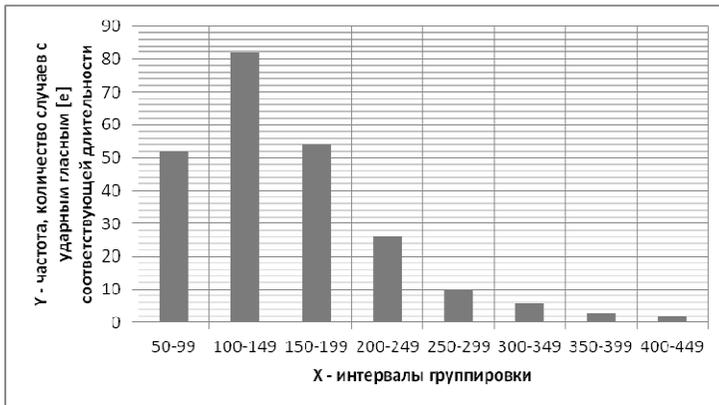

График 3

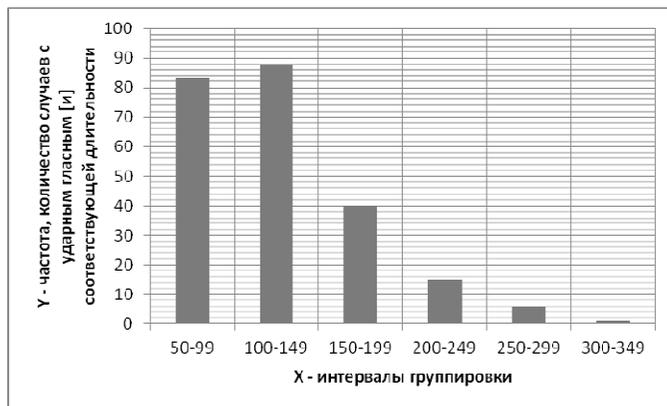
Частота данных в отношении к интервалам группировки, ударный [е]

значений АД ударных гласных объясняется, очевидно, преобладанием в речи информантов высказываний нейтральных и «средней степени экспрессивности» и сравнительно небольшим числом примеров с «экспрессивными» типами фразовых акцентов. Скорость убывания числа примеров, возможно, коррелирует с собственной длительностью гласного, однако в диапазоне 150–200 мс АД ударного гласного различия гласных проявляются нечётливо.

График 4

Частота данных в отношении к интервалам группировки, ударный [’и]

Главное различие трёх графиков (между прочим, коррелирующее со скоростью убывания числа примеров с АД гласных свыше 150 мс) — это относительное количество примеров в интервале низких, до 100 мс, значений АД ударного гласного. Число примеров ударного [’и] с АД до 100 мс приближается к максимальному, в то время как число примеров с ударным [’е] на этом интервале составляет примерно 85% от максимального, а число примеров с ударным [а] — около 35% от максимального. В этом распределении можно усматривать прямую связь с собственной длительностью гласных.

Учитывая такое количественное распределение материала исследуемой выборки, понятно колебание средних значений АД ударных гласных в основном от 120 до 180 мс, а более низкие и более высокие средние значения АД гласных выведены на основании слишком малого числа примеров.

2.3.4. Фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге.

Длительность гласных — реализаций фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге зависит прежде всего от позиции перед теми или иными ударными гласными. Так, звук [ъ], наблюдаемый после твёрдых согласных перед ударными гласными среднего и нижнего подъёмов [а], [’иа], [’е], [’ио], [о], имеет средние абсолютные длительности от 70 до 79 мс перед разными гласными, в противоположность звуку [а], наблюдаемому также после твёрдых согласных перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёмов [’и], [ы], [у], [’иу], [’ю], [’иуо], [’иё], средняя длительность которого

колеблется от 110 до 123 мс перед разными гласными. Так же противопоставляются длительности звуков, реализующих фонемы неверхнего подъёма после мягких согласных: средние длительности [ʼe], [ʼи] колеблются в пределах 76–86 мс, а [ʼиа] — 122–157 мс перед разными гласными.

Гласные — реализации фонем неверхнего подъёма после мягких согласных в среднем имеют большую длительность, чем реализации фонем неверхнего подъёма после твердых: [ʼe] и [ʼи] в среднем несколько более долгие, чем [ʼ], однако средняя длительность [ʼиа] сильно превышает среднюю длительность [a].

Среди «кратких» аллофонов в позиции после мягких согласных [ʼe] и [ʼи] несколько большую длительность имеет [ʼe].

Среднеарифметические значения длительности аллофонов фонем неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге представлены в таблице 4.

Таблица 4

**Средняя длительность аллофонов
фонем неверхнего подъёма в первом предударном слоге**

После тв. согл.	«Краткие» аллофоны		«Долгие» аллофоны		После мягк. согл.	«Краткие» аллофоны		«Долгие» аллофоны	
	ь		74 мс	а		119 мс	ʼe	84 мс	ʼиа
					ʼи	78 мс			

Таким образом, все аллофоны фонем неверхнего подъёма, представленные в первом предударном слоге, по признаку длительности чётко делятся на две группы: 1) «краткие» аллофоны (звуки [ʼ], [ʼe], [ʼи]) — в предударном слоге перед ударными /a/, /e/, /o/, и 2) «долгие» (звуки [a], [ʼиа]) — перед ударными /ʼ/, /ω/, /и/, /у/. Средние длительности первых и вторых приблизительно соотносятся как 3 : 5.

2.3.5. Фонемы верхнего подъёма в первом предударном слоге.

Длительность реализаций фонем верхнего подъёма в первом предударном слоге не зависит от качества ударного гласного, средние значения её колеблются в пределах 63–128 мс после твёрдых согласных (верхний предел, равный 128 мс, сомнителен, поскольку основан на среднем значении, выведенном из данных о всего лишь двух словоформах с предударным [у] перед ударной ʼ/ω/ после мягкого согласного) и 68–102 мс после мягких. Средне-

арифметические значения длительности аллофонов фонем верхнего подъёма представлены в таблице 5.

Таблица 5

**Средняя длительность аллофонов
фонем верхнего подъёма в первом предударном слоге**

Предударные гласные	Перед ударными гласными нижнего и среднего подъёма	Перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъёма
ы	74	74
у	89	90
'и	76	76
'иу	91	85

Таким образом, реализации фонем верхнего подъёма в первом предударном слоге сопоставимы по длительности с «краткими» реализациями фонем неверхнего подъёма. Аллофоны фонемы /и/ в целом более краткие, чем аллофоны /у/, как после твёрдых, так и после мягких согласных.

Следует отметить близость среднеарифметических значений длительностей предударных звукотипов [’и] — реализации фонем неверхнего подъёма (78 мс) и [’и] — реализации фонемы /и/ в первом предударном слоге после мягких согласных (76 мс). Идентичны среднеарифметические значения длительности [ъ] — реализации фонем неверхнего подъёма (74 мс) и [ы] — реализации фонемы /и/ после твёрдых согласных (74 мс).

3. Цель второго эксперимента — уточнить полученные данные о длительности ударных и предударных гласных и структуре просодического ядра, ограничив материал позицией вне фразового акцента.

В ходе второго эксперимента были отобраны только словоформы, находящиеся вне фразового акцента; абсолютные длительности ударных гласных в этих случаях обычно не превышают 150 мс (см. нижнюю строку, соответствующую отсутствию акцента, на графиках 6–17). Кроме того, были исключены все примеры, в которых ударный гласный находился в абсолютном конце слова и фразы.

3.1. Интонационная разметка

Для проведения дальнейших экспериментов была проведена «просодическая разметка» всего материала: относительно каждого примера было установлено на слух и инструментально и помечено в рабочей таблице, находит-

ся ли он в позиции фразового акцента, и если находится, то какого именно типа фразового акцента (по системе Е. А. Брызгуновой, изложенной в [Брызгунова 1980: 97–120])⁹. Акцентом признавалось изменение основного тона на слове в виде повышения и понижения в разных вариациях (соответствующих семи ИК, по Е. А. Брызгуновой), наличие интонационного центра на слове. В смысловом отношении акцент маркирует те или иные значения в соответствии с намерением говорящего. Каждому слову в результате был присвоен числовой индекс (от 0 до 7), соответствующий типу фразового акцента (в случае отсутствия фразового акцента присваивался нулевой индекс). Наличие фразового акцента констатировалось только в тех случаях, когда он был реализован на интересующей нас словоформе.

0) Отсутствие фразового акцента характеризуется ровным интонационным контуром; тон может быть низким или слегка понижающимся (см. пример на рисунке 1, где два слова, образующие вводное предложение, не имеют фразового акцента: *какая умерла*, обоим присвоен индекс 0). В постцентральной части ИК-6, ИК-4, однако, словоформа имеет ровный высокий тон; эти случаи получали помету 0*, поскольку они имеют некоторые особенности по сравнению с «низкотональным» отсутствием фразового акцента. В частности, в этой позиции ударный гласный слова удлиняется на 20–30 мс по сравнению с гласным того же качества в случае, обозначенном 0. Примером 0* является слово *тоlochь* на рисунке 2. Во фразе [к̑нап'и̑ талуб̑ч'] акцент ИК-6 реализуется на словоформе [к̑нап'и̑], словоформа [талуб̑ч'] фразового акцента не имеет, находясь в постцентральной части ИК-6, для которой характерен высокий относительно ровный тон вплоть до конца синтагмы.

⁹ Во всех типах ИК помимо центра — слога, на котором изменяется интонация, различаются предцентровая и постцентровая части, которые могут быть представлены более или менее длительными речевыми отрезками (Брызгунова 1980: 102). Таким образом, ИК охватывает всю фразу (синтагму), а не отдельную её часть (отдельную словоформу). Это связано с тем, что интонационная теория Е. А. Брызгуновой основывается на семантике интонации и не предполагает детальной фонетической интонационной транскрипции, которой требует, например, автосегментный подход к описанию интонации Дж. Пьерхамберт (Pierrehumbert 1980), а также отдельного рассмотрения тональных, количественно-динамических и тембровых средств, ср. (Касаткин 2005), или построения моделей интонационных контуров (Светозарова 1982). В то же время Т. Е. Янко тоже использует термин «ИК», а также термин «акцент» (и термины «акцент типа ИК-1 (2, 3, ...)», «акцент ИК-1 (2, 3, ...)»), подразумевая, что акцент реализуется на конкретной словоформе, которая называется словом-акцентоносителем (Янко 2008). Появление термина «акцент» в работах об интонации относится к середине XX века, оно было обусловлено необходимостью разграничивать ударение словесное и фразовое; термин «акцент» был введён для обозначения последнего (Bolinger 1958). В настоящей работе мы используем терминологию Т. Е. Янко.

В ходе разметки встретились все типы акцентов, описанные Е. А. Брызгуновой.

1) Акцент ИК-1 — это интонационный контур, который характеризуется понижением тона на ударном гласном и произнесением всей постцентральной части на низком тоне. Пример см. на рисунке 3.

2) Акцент ИК-2 предполагает средний уровень тона, падение на ударном гласном центра и дальнейшее его понижение (см. рис. 4). Изменение частоты основного тона при ИК-2 более выраженное, чем при ИК-1.

3) Акцент ИК-3 предполагает резкое повышение тона на ударном гласном центра и понижение его до низкого на постцентральной части, см. рисунок 5.

4) Акцент ИК-4 характеризуется «провалом» тона на ударном гласном слова-акцентоносителя и повышением его в постцентральной части, см. рис. 6.

5) Акцент ИК-5 имеет два центра: на первом тон повышается, на втором понижается до тона ниже начального. Этот акцент обычно предполагает два слова-акцентоносителя, обоим присваивался индекс 5. Пример см. на рис. 7.

Рисунок 1

Осциллограмма и интонограмма фразы
а четвёртой, какая умерла, три годочка —
 [а ч'ит'в'йорт'й / к'к'а'б ум'ерла / тр'и у'д'б'ч'к'э].
 Отсутствие фразового акцента: *какая умерла*.

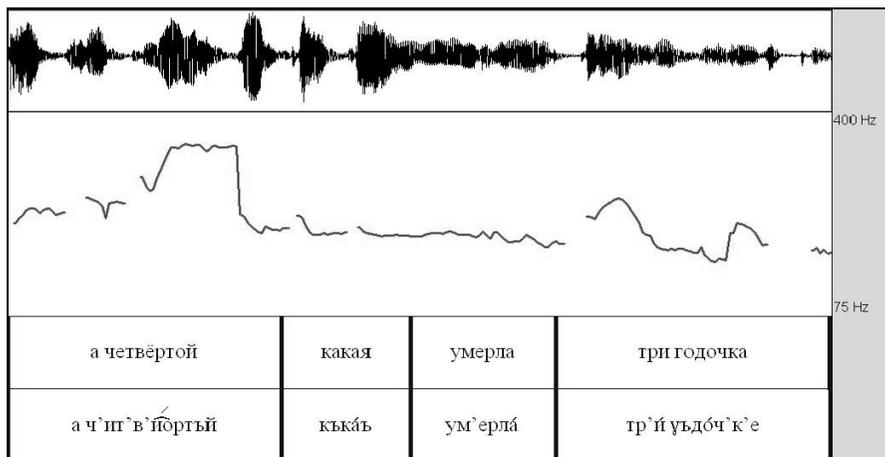

Рисунок 2

Осциллограмма и интонограмма фразы *конопи толочь* —
[къянп'и талу́оч']. Отсутствие фразового акцента: *толочь*.

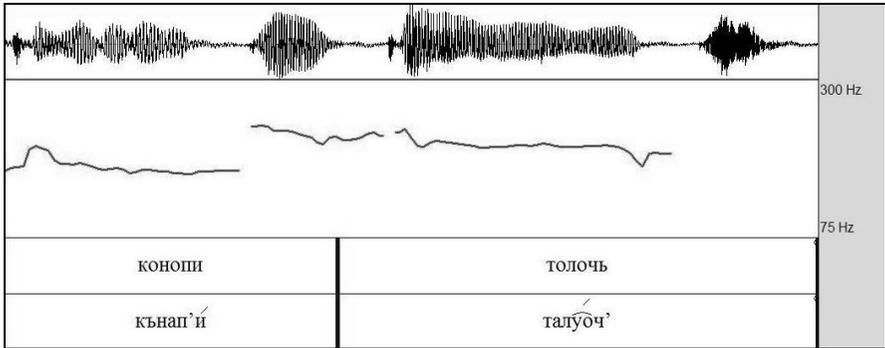

Рисунок 3

Осциллограмма и интонограмма фразы *ага, я налила* —
[аhá йа нъл'ила]. Акцент ИК-1: *налила*.

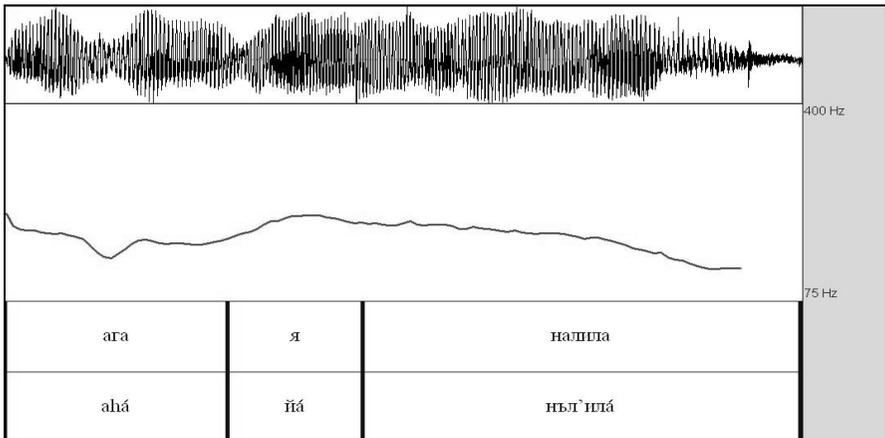

Рисунок 4

Осциллограмма и интонограмма фразы *а, скребли* —
[á-a-a / скр'я̀а̀бл'и]. Акцент ИК-2: *скребли*.

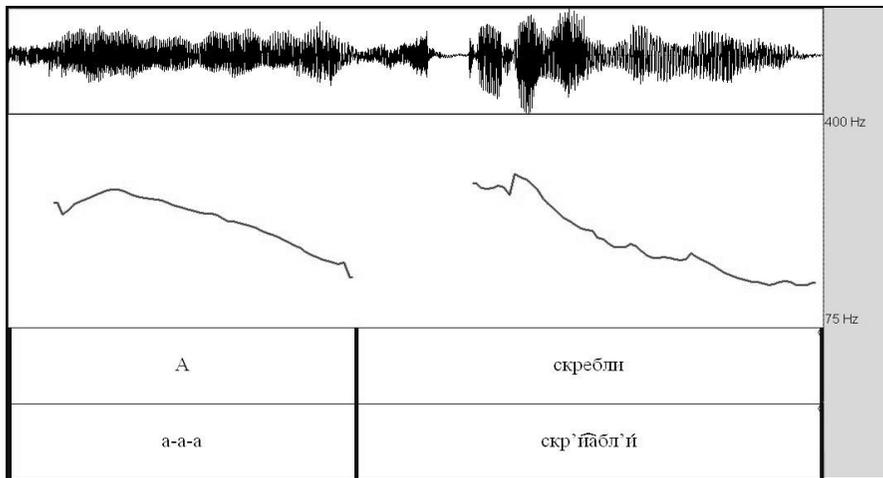

Рисунок 5

Осциллограмма и интонограмма фразы *я его одевала: пиджак, чулки, лапти* —
[йа йеу́б'эд'евáль / п'ин'жа́к / ч'улк'и́ / ла́пт'и]. Акцент ИК-3: *пиджак, чулки, лапти*.

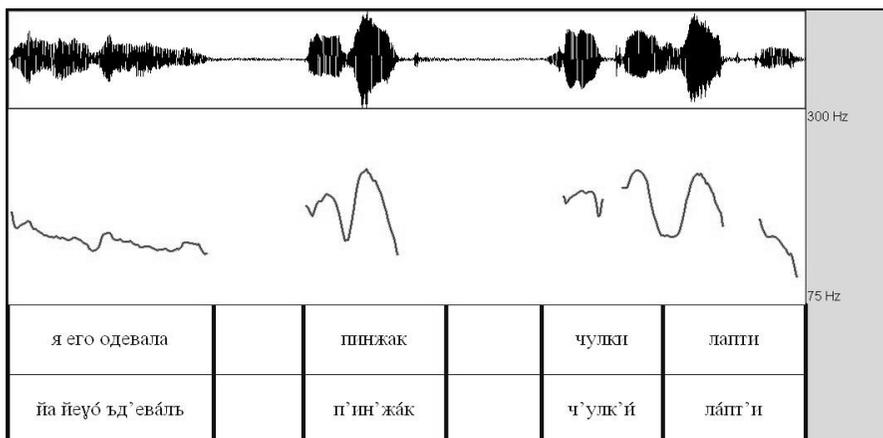

Рисунок 6

Осциллограмма и интонограмма фразы *то под деревом не сидите, то под дубком не сидите* — [то пѣд д'ѣр'ѣвѣм н'ѣ с'ид'ит'ѣ / то пѣд дупкѣм н'ѣ с'ид'ит'ѣ]. Акцент ИК-4: *под деревом, под дубком*.

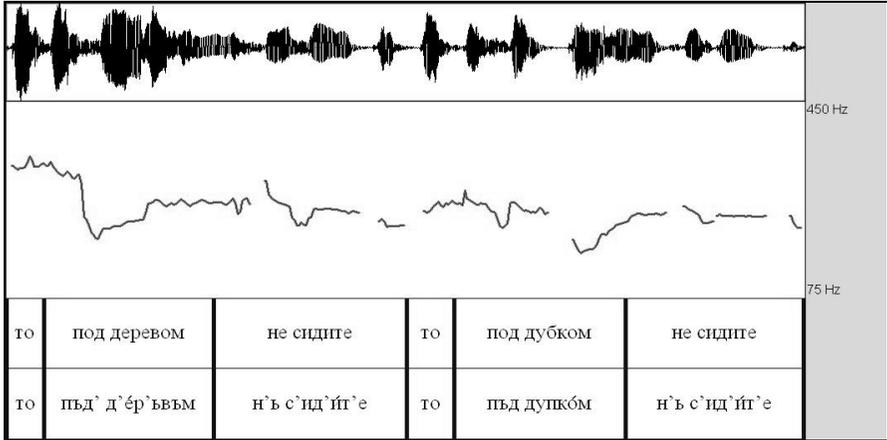

Рисунок 7

Осциллограмма и интонограмма фразы *ну она-то не больная была* — [ну ъна-тъ не бѣл'найѣ бѣла]. Акцент ИК-5: *она-то, больная*.

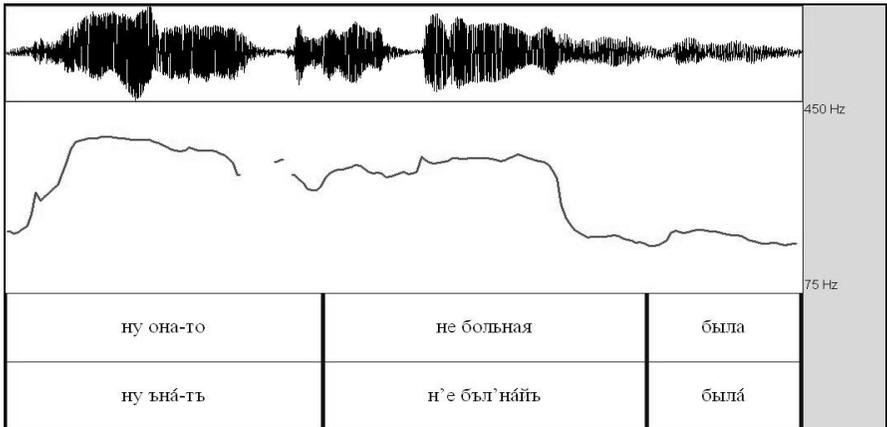
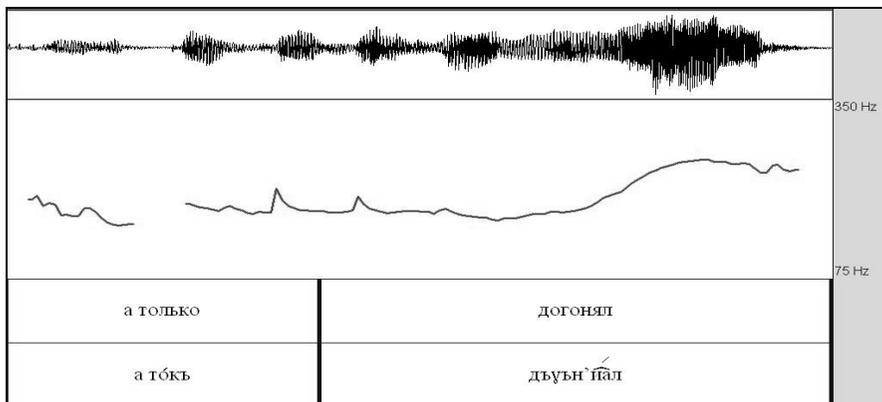

Рисунок 8

Осциллограмма и интонограмма фразы *а только догонял* —
[а то́къ дьу́нь'йал]. Акцент ИК-6: *догонял*.

6) Акцент ИК-6 характеризуется подъёмом тона на центре до высокого и сохранением такого уровня на всей постцентральной части. Этот акцент Т. Е. Янко называет интонацией ментальной деятельности, отражающей разного рода информационные и мыслительные процессы (припоминание, недоумение, погружение в мечты, передача чужой речи, а также вопросы-недоумения в вопросительных фразах). См. пример ИК-6 из роговатовского говора на рис. 8 и 2. Известно, что в литературном языке «соответствующий акцент характеризуется подъёмом тона и существенным удлинением ударного слога слова-акцентоносителя» (Янко 2009: 703–705). Это наблюдается и в говоре Роговатки. Удлинение ударного гласного в случае акцента ИК-6 послужило причиной исключения соответствующих примеров в ходе отдельных экспериментов по определению количества гласного.

7) Акцент ИК-7 — крайне редкое явление, он встретился в нашем материале всего дважды.

После проведения интонационной разметки были построены графики, показывающие зависимость длительности ударного гласного от наличия/отсутствия и характера фразового акцента на словоформе (см. графики 3–14 в конце статьи). На графиках по оси абсцисс отложены значения длительности ударных гласных в миллисекундах, ось ординат имеет восемь делений, в соответствии с числом учётных фразовых позиций: семь типов фразовых акцентов и фразовая безударность. Точки обозначают конкретные значения длительностей ударных гласных рассматриваемых словоформ.

На графиках хорошо видно, что словоформы под фразовым акцентом в целом имеют более долгий ударный гласный, чем словоформы вне фразового акцента. Обращает на себя внимание более компактное расположение точек на оси, соответствующей акценту ИК-1, по сравнению с точками на осях ИК-2 и ИК-3. Для последних характерен весьма широкий спектр значений длительности ударных гласных, в то время как ИК-1 характеризуется сравнительно низкими значениями длительности ударных гласных (не выше 150 мс). Графики показывают также, что ИК-4, ИК-5, а особенно ИК-6, как правило, реализуются на ударных гласных со значительно более высокой абсолютной длительностью, чем ИК-1, ИК-2 и ИК-3. Можно думать, что акценты 4, 5 и особенно 6 способствуют существенному удлинению ударных гласных.

Наибольшее количество примеров случайной выборки находится под фразовыми акцентами 1, 2 и 3 типа [ИК-1, ИК-2, ИК-3, по Е. А. Брызгуновой (Брызгунова 1980: 96–120); ТК-1, ТК-2, ТК-3, по Л. Л. Касаткину (Касаткин 2005: 479–486)]; достаточно частотной является в говоре ИК-6. ИК-4 и ИК-5 встречаются редко, а ИК-7 — крайне редко.

3.2. Результаты второго эксперимента

Данные о количественных параметрах гласных первого предупредного и ударного слогов представлены в таблице 6. Она устроена так же, как таблица 2, но в ней отсутствуют строки, посвящённые слоформам с ударной /ω/ после мягких согласных, поскольку таких примеров вне фразового акцента имелось в материале всего 4.

Таблица 6

Количественные характеристики гласных 1-го предупредного и ударного слогов в словоформах, находящихся вне фразового акцента (обобщающая таблица)

№ п/п	Предударный слог				Ударный слог				Средняя ОД предупредных (%)	Всего словоформ
	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Предударные гласные фонемы верхнего подъёма после твёрдых согласных</i>										
1.	ь	37–119	69	66	а	51–276	112	105	64	64
2.	ь	46–102	76	76	'я̄а	86–187	124	122	63	9
3.	ь	58–79	66	64	'е	67–155	104	98	65	24
4.	ь	68–100	78	74	'й̄о	76–138	101	97	78	5
5.	ь	42–130	71	68	о	63–175	101	96	73	33

№ п/п	Предударный слог				Ударный слог				Средняя ОД предударных (%)	Всего словоформ
	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
6.	а	61–165	107	104	’и	39–206	92	85	123	46
7.	а	57–143	96	94	ы	56–151	96	88	103	12
8.	а	35–164	101	100	’иѐ	53–196	105	98	100	20
9.	а	66–163	101	97	у	46–223	88	79	123	16
10.	а	81–117	97	97	’иӯ	74–214	140	135	81	4
11.	а	71–146	107	101	ӯо	55–153	114	121	101	26
<i>Предударные гласные фонемы неверхнего подъёма после мягких согласных</i>										
12.	’е	52–141	78	72	а	46–205	117	110	73	21
13.	’и	40–84	66	68	’иа̄	80–164	122	125	56	7
14.	’и	33–98	61	62	’е	60–142	97	97	65	39
15.	’и	61–73	67	67	’ио̄	121–133	127	127	53	3
16.	’е	46–108	79	78	о	43–215	101	102	86	17
17.	’иа̄	86–131	111	115	’и	57–117	83	79	140	6
18.	’иа̄	97–119	109	111	ы	63–112	79	70	145	4
19.	’иа̄	114–186	150	144	’иѐ	94–164	121	120	126	11
20.	’иа̄	61–97	84	90	у	40–101	74	77	131	4
21.	’иа̄	69	–	–	’иӯ	89	–	–	78	1
22.	’иа̄	126–165	150	149	ӯо	68–155	110	100	148	8
<i>Предударные гласные фонемы верхнего подъёма после твёрдых согласных</i>										
26.	ы	115	–	–	’и	128	–	–	90	1
27.	ы	50	–	–	’иѐ	39	–	–	128	1
28.	ы	61	–	–	ӯо	147	–	–	42	1
29.	ы	60–108	78	66	’е	96–133	113	115	68	3
30.	ы	31–66	49	–	о	89–90	89	–	54	2
32.	ы	39–104	60	55	а	62–169	111	100	60	9

№ п/п	Предударный слог				Ударный слог				Средняя ОД предударных (%)	Всего словоформ
	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)	Звук	Диапазон АД (мс)	Средняя АД (мс)	Медиальная АД (мс)		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
34.	у	86–102	92	88	у	106–131	116	111	80	3
35.	у	56–57	57	–	ʼиӯ	82–99	90	–	64	2
36.	у	62–72	67	67	ы	77–118	92	87	74	4
37.	у	66–84	75	–	ʼи	86–112	99	–	76	2
38.	у	80	–	–	ʼиѐ	172	–	–	47	1
40.	у	72–121	91	85	ʼе	78–157	106	100	92	6
41.	у	49–102	76	–	о	94–119	107	–	69	2
43.	у	61–114	83	79	а	82–108	95	95	86	4
<i>Предударные гласные фонемы верхнего подъёма после мягких согласных</i>										
48.	ʼи	59–104	82	80	ʼи	68–204	132	112	68	9
49.	ʼи	44–71	56	57	ʼиѐ	93–154	95	93	60	17
50.	ʼи	75	–	–	ӯо	150	–	–	50	1
51.	ʼи	79–83	81	–	ʼе	109–201	155	–	57	2
52.	ʼи	53–70	59	54	о	78–168	113	94	56	3
54.	ʼи	46–88	63	60	а	86–137	107	102	59	8
55.	ʼи	68–74	71	–	ʼиа	130–148	139	–	51	2
57.	ʼиӯ	69	–	–	ʼиӯ	73	–	–	94	1
58.	ʼиӯ	73	–	–	ʼи	70	–	–	104	1
60.	ʼиӯ	82–122	102	–	ʼиѐ	80–161	121	–	89	2
62.	ʼиӯ	76	–	–	ʼе	95	–	–	80	1
66.	ʼиӯ	88–102	95	–	ʼиа	145–150	148	–	64	2

3.3. Выводы из таблицы 6

3.3.1. Гласные первого предударного слога.

Сравнение значений длительности гласных неверхнего подъёма в первом предударном слоге, рассчитанных на всём материале и рассчитанных на материале словоформ вне фразового акцента, показало, что между значениями дли-

тельности «кратких» аллофонов (звукотипов [ъ], [ʼе], [ʼи]) существенных различий нет (ср. строки 1–5, колонки 3, 4, 5 таблиц 2 и 6, а также строки 13–17 табл. 2 и строки 12–16 табл. 6). «Долгие» же аллофоны (звукотипы [а], [ʼиа]) различаются и в первом случае имеют длительность в среднем на 10–15 мс больше, чем во втором (ср. строки 6–12, 18–24 табл. 2 и строки 6–11, 17–22 табл. 6).

В значениях длительности аллофонов фонем верхнего подъёма в первом предупредном слоге по итогам двух экспериментов различий выявлено не было (ср. строки 25–72 табл. 2 и строки 23–66 табл. 6).

Таким образом, позиция словоформы под фразовым акцентом отражается на длительности гласного первого предупредного слога только в том случае, если в этом слоге оказывается один из двух «долгих» звукотипов, который в этом случае удлиняется. На «краткие» аллофоны фонем неверхнего подъёма, а также на аллофоны фонем верхнего подъёма (которые при любом ударном гласном ведут себя как краткие) наличие/отсутствие фразового акцента на словоформе влияет в минимальной степени.

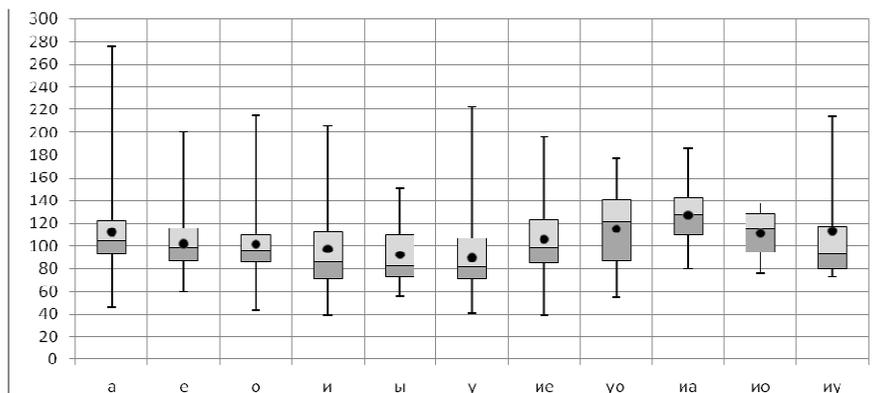
Соотношение длительностей «кратких» (70 мс) и «долгих» (110 мс) аллофонов фонем неверхнего подъёма равно 7:11, т. е. их контраст немного меньше в словоформах при отсутствии фразового акцента, чем в полной выборке примеров.

3.3.2. Ударные гласные.

Среднеарифметические и медиальные значения длительности гласных ударного слога в словоформах вне фразовой позиции представлены выше в восьмой и девятой колонках таблицы 6, даны они также на графике 5 в виде диаграммы размаха и в отдельной таблице 7.

График 5

Диаграмма размаха длительностей ударных гласных
в словоформах вне фразового акцента

По оси ординат на графике отложены значения длительности гласных в миллисекундах, на ось абсцисс нанесены ударные звукотипы: монофтонги в порядке повышения подъёма, «фонематические» и «нефонематические» дифтонги.

Данные диаграммы и таблицы 7 показывают, что средние значения длительности ударных монофтонгов роговатовского говора последовательно соотношены со степенью их подъёма.

Отношения средних длительностей ударных монофтонгов верхнего подъёма к средней длительности ударного [а] составляет 87% ([’и]), 82% ([ы]), 79%

Таблица 7

**Среднеарифметические и медиальные значения
длительности ударных гласных в словоформах вне фразового акцента**

Подъём	Гласные ударного слога	Среднеарифметические значения длительности ударных гласных (в мс)	Медиальные значения длительности ударных гласных (в мс)	Всего слов
Верхний	ы	92	82	20
	’и	97	86	64
	У	89	82	23
	’иу	113	93	8
Верхне-средний	’иё	106	99	52
	уо	115	121	37
Средний	’е	102	98	75
	’ио	111	115	8
	О	102	96	57
Нижний	А	112	104	107
	’иа	127	127	20

([у]), что выше процентного отношения, выражающего различия этих гласных по собственной длительности (установленного для соответствующих гласных литературного языка В. Б. Кузнецовым и В. А. Оттом). «Формуле» В. Б. Кузнецова и В. А. Отта соответствует отношение длительностей гласных [’е] и [о] к длительности [а], составляющее 90%. По результатам первого эксперимента, отношения средней длительности [’и] и [о] к длительности [а] были значительно ниже.

По данным как первого, так и второго экспериментов, самыми долгими ударными гласными являются дифтонги [’иа], [’йо]. Соотношение средних длительностей [’иа]:[а] одинаково в двух экспериментах (113% в первом и 114% во втором), а соотношение длительностей [’йо]:[о] меньше во втором эксперименте (129% в первом и 109% во втором), между тем в позиции вне фразового акцента мы ожидали найти меньший контраст по длительности между дифтонгами и соответствующими монофтонгами.

По данным обоих экспериментов, средние длительности дифтонгов [’ие] и [’ю] меньше, чем средняя длительность [а], но выше, чем средняя длительность монофтонгов [’е] и [о] (впрочем, по данным первого эксперимента монофтонг [’е] является аномально долгим, а по данным второго эксперимента дифтонг [’ю] — аномально долгим). Средние длительности этих дифтонгов, как правило, меньше средних длительностей дифтонгов [’иа], [’йо].

Таким образом, ударные гласные [’и], [ы], [у], [’ие] и [’ю] функционируют как «фонологически краткие» при диссимилятивном аканье и яканье, поскольку перед ними произносятся долгие аллофоны фонем неверхнего подъёма. Ударные гласные [’е], [о], [а] выступают как «фонологические долгие», в предударном слоге перед ними выступает краткий аллофон фонем неверхнего подъёма. При этом средние АД дифтонгов [’ие] и [’ю] больше, чем средние длительности монофтонгов [’е], [о] (вопреки расположению «линии фонологизации» долготы/краткости ударных гласных).

4. Относительная длительность предударных гласных. Ритмическая структура просодического ядра

В этом разделе рассматриваются результаты первого и второго экспериментов по определению относительной длительности гласных просодического центра. По отношению длительности предударного гласного к длительности ударного судят о ритмической структуре (структурах) просодического ядра слова. Однако значительные расхождения значений ОД, обусловленные собственной длительностью гласных и позицией, в том числе фразовой, позволяют на данном этапе говорить о ритмических моделях просодического центра слова в роговатовском говоре только предварительно.

Ритмическую структуру просодического центра, по-видимому, лучше отражают словоформы, у которых как в 1-м предударном, так и под ударением находятся гласные верхнего подъёма, одинаковые в отношении признака лабиализованности (т. е. типа *суду́, люблю́, бужу́, хулю́; клыки́, тиши́* и т. п., *несё́, ведё́* и т. п.). В таких случаях фактором, затемняющим ритмическую структуру слова, является главным образом наличие/отсутствие фразового акцента.

Значения ОД предупредных гласных, полученные в ходе двух экспериментов, помещены в таблицах 8 и 9. В этих таблицах сопоставлены данные из колонки 10 таблицы 2 (результаты первого эксперимента) и колонки 10 таблицы 6 (результаты второго эксперимента). Напомним, что в ходе первого эксперимента ОД предупредных гласных рассчитывалась на всём материале, а в ходе второго эксперимента — только на материале словоформ, находящихся вне фразового акцента. Следовательно, в ходе второго эксперимента была обработана часть данных в среднем с более краткими ударными гласными; средние значения ОД предупредных гласных, полученные в ходе второго эксперимента, оказались более высокими по сравнению с первым экспериментом.

Таблица 8

Относительная длительность предупредных гласных к ударным гласным — монофтонгам. Результаты первого и второго экспериментов

Звук в 1 предупредном слогe	Звук в ударном слогe	Средняя ОД предупредных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предупредных гласных (в %). 2-й эксперимент
а	у	97	123
а	ы	97	103
а	'и	110	123
ъ	'е	54	65
ъ	о	61	73
ъ	а	51	64
'иа	у	103	131
'иа	ы	114	145
'иа	'и	120	140
'и	'е	55	65
'е	о	81	86
'е	а	59	73
ы	у	59	—
ы	ы	30	—
ы	'и	90	90
ы	'е	57	68
ы	о	53	54
ы	а	73	60

Звук в 1 предударном слогe	Звук в ударном слогe	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
у	у	69	80
у	ы	60	74
у	'и	62	76
у	'е	76	92
у	о	55	69
у	а	55	86
'и	у	69	—
'и	ы	48	—
'и	'и	60	68
'и	'е	53	57
'и	о	52	56
'и	а	50	59
'иу	у	56	—
'иу	'и	67	104
'иу	'е	74	80
'иу	о	66	—

Таблица 9

**Относительная длительность предударных гласных к ударным гласным —
дифтонгам. Результаты первого и второго экспериментов**

Звук в 1 предударном слогe	Звук в ударном слогe	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
а	'иу	83	81
а	'ие	98	100
а	уо	92	101
ъ	'ио	48	78
ъ	'иа	49	63
'иа	'иу	92	78
'иа	'ие	105	126
'иа	уо	112	148
'и	'ио	52	53
'и	'иа	47	56
ы	'ие	128	128

Звук в 1 предударном слогe	Звук в ударном слогe	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
ы	ӯ	42	42
ы	'иа	38	–
у	'иӯ	59	64
у	'иє	63	47
у	ӯ	53	–
у	'ио	79	–
у	'иа	55	–
'и	'иӯ	48	–
'и	'иє	57	60
'и	ӯ	56	50
'и	'ио	38	–
'и	'иа	47	51
'иӯ	'иӯ	68	94
'иӯ	'иє	89	89
'иӯ	'ио	49	–
'иӯ	'иа	64	64

Ниже предлагается попытка усреднения приведённых в таблицах 8 и 9 величин (в таблицах 10–14 приводится среднее отношение длительности предударных гласных к длительности ударных; последняя принята за 100%). Они разбиты на три группы в соответствии с основными типами структур просодического ядра слова.

1) Долгий предударный аллофон фонем неверхнего подъёма перед ударными гласными верхнего подъёма и дифтонгами ['иє], [ӯ]. Данные о средних ОД долгих предударных гласных, см. таблицу 10, соответствуют нашим ожиданиям, а именно: более долгий ['иа] имеет более высокую среднюю ОД, чем более краткий [а] в тех же позициях; [а] имеет более высокую среднюю ОД перед монофтонгами верхнего подъёма, чем перед дифтонгами ['иє], [ӯ]. Наиболее показательными значениями для данной группы являются значения ОД [а] перед монофтонгами верхнего подъёма (и ['иа] перед дифтонгами верхне-среднего подъёма), в табл. 10 они выделены жирным шрифтом. Как правило, средняя ОД долгих предударных больше или равна 100% по данным двух экспериментов, и в трёх из четырёх случаев ОД долгих предударных примерно на 17–21% выше у словоформ вне фразового акцента (2-й эксперимент), чем во всей выборке (1-й эксперимент).

Таблица 10

**Средние ОД долгих предударных гласных —
аллофонов фонем неверхнего подъёма**

Звук в 1 предударном слоге	Звук в ударном слоге	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
а	у, ы, 'и	100	120
а	'иѐ, уо, 'иу	90	90
'иа	у, ы, 'и	110	140
'иа	'иѐ, уо	110	120

2) Краткий предударный аллофон фонем неверхнего подъёма перед ударными /e/, /o/, /a/. Средние ОД кратких предударных аллофонов фонем неверхнего подъёма не обнаруживают, в отличие от долгих аллофонов, чёткой зависимости от позиции; эта зависимость видна только у кратких предударных аллофонов после мягких согласных — их средняя ОД больше перед ударными монофтонгами и меньше перед дифтонгами по данным обоих экспериментов. Наиболее показательны для данной группы значения ОД [ъ], [’и], [’е] перед монофтонгами неверхнего подъёма (в таблице 11 выделены жирным шрифтом). Средние ОД кратких предударных составляют 50–60% (в среднем 52,5%) по данным первого эксперимента и 50–70% (в среднем 62,5%) по данным второго эксперимента, а возрастание ОД при этом составляет 17–28%, см. таблицу 11.

Таблица 11

**Средние ОД кратких предударных гласных —
аллофонов фонем неверхнего подъёма**

Звук в 1 предударном слоге	Звук в ударном слоге	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
ъ	'е, о, а	50	60
ъ	'ио, 'иа	50	70
'е, 'и	'е, о, а	60	70
'и	'ио, 'иа	50	50

3) Гласные верхнего подъёма перед любыми гласными. Предударные гласные верхнего подъёма не образуют единства в отношении ОД: огубленные гласные имеют в среднем более высокие значения ОД, чем неогубленные.

Гласный [ʼи], совпадающий по тембру с краткими гласными — аллофонами фонем верхнего подъёма, и [ы] имеют в позиции перед «фонологически долгими» ударными гласными средние значения ОД, совпадающие с ОД кратких аллофонов фонем неверхнего подъёма, ср. табл. 11 и 12. В первом эксперименте они составляют 40–60% (в среднем 50%), во втором — 50–60% (в среднем 56,6%). Увеличения средней ОД во втором эксперименте либо нет вовсе, либо оно составляет не более 17%. Средние ОД огубленных гласных [ʼиу] и [у] в позиции перед «фонологически долгими» ударными гласными выше, чем неогубленных, и колеблются в обоих экспериментах от 60 до 80% (в среднем 67,5% в первом эксперименте и 73% во втором, ОД в безударной фразовой позиции на 9% выше), ср. таблицы 13 и 14.

Как и следовало ожидать, перед ударными гласными верхнего подъёма и дифтонгами [ʼиѐ] и [уо] средние значения ОД гласных верхнего подъёма обычно несколько выше и достигают у предударных [ы], [ʼи], [у] 50–80% (в среднем 61%) по результатам первого эксперимента и 50–90% (в среднем 68,3%) по результатам второго. По-видимому, это объясняется различием в собственной длительности ударных гласных, косвенно отражающемся в средних АД (ср. выводы о постоянстве значений средних АД предударных гласных верхнего подъёма в позициях перед разными ударными гласными и их совпадении с показателями кратких аллофонов неверхнего подъёма в разделах 2.3.5 и 3.3.1). Выделяется среди других предударный [ʼиу], ОД которого перед гласными верхнего подъёма и дифтонгами [ʼиѐ], [уо] в среднем составляет 70% по данным первого эксперимента и 95% по данным второго, приближаясь к показателям долгих предударных гласных.

Было бы ошибочно видеть в значениях ОД предударного [ʼиу] — гласного, имеющего относительно высокую среднюю абсолютную длительность, — а также других предударных гласных верхнего подъёма, явление количественной диссимилиации, несмотря на градуальное нарастание средних значений ОД по мере понижения подъёма ударного гласного (см. табл. 12–14). Прежде всего, общее количество примеров мало, но и они показывают, что значения АД предударных гласных перед разными ударными относительно стабильны. Нарастание средней ОД предударного [ʼиу] и других гласных верхнего подъёма в зависимости от понижения подъёма ударных, видимо, объясняется различиями в собственной длительности ударных, а также случайностью.

Таблица 12

**Средние ОД предударных гласных —
аллофонов фонемы верхнего подъёма /и/**

Звук в 1 предударном слоге	Звук в ударном слоге	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
ы, и	у, ы, 'и	60 / 60	90 / 70
ы, и	'иѐ, уо̄, 'иӯ	80 / 50	80 / 50
ы, и	'е, о, а	60 / 50	60 / 60
ы, и	'ио̄, 'иа̄	40 / 50	— / 50

Таблица 13

**Средние ОД предударных гласных —
аллофонов фонемы верхнего подъёма /у/ после твердых согласных**

Звук в 1 предударном слоге	Звук в ударном слоге	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
у	у, ы, 'и	60	70
у	'иѐ, уо̄, 'иӯ	60	50
у	'е, о, а	80	80
у	'ио̄, 'иа̄	60	—

Таблица 14

**Средние ОД предударных гласных —
аллофонов фонемы верхнего подъёма /у/ после мягких согласных**

Звук в 1 предударном слоге	Звук в ударном слоге	Средняя ОД предударных гласных (в %). 1-й эксперимент	Средняя ОД предударных гласных (в %). 2-й эксперимент
'иӯ	у, ы, 'и	60	100
'иӯ	'иѐ, уо̄, 'иӯ	80	90
'иӯ	'е, о, а	70	80
'иӯ	'ио̄, 'иа̄	60	60

Таким образом, первые две группы примеров демонстрируют достаточно постоянные в данной выборке примеров соотношения длительности гласных ударного и первого предударного слогов. Однако эти данные лишь косвенно отражают типы ритмической структуры просодического ядра слова, поскольку гласные ударного и предударного слогов в них прямо противоположны

по подъёму и, следовательно, собственной длительности. Первым шагом на пути изучения ритмической структуры просодического ядра являются ОД предударных гласных, одинаковых по качеству с гласными под ударением. Так, в словах с гласными верхнего или среднего подъёмов в предударном и ударном слогах количественные отношения гласных могут быть выражены следующими формулами:

[y] перед [y] — 0,69 : 1 (1-й эксперимент), 0,8 : 1 (2-й эксперимент);

[ʼи] перед [ʼи] — 0,6 : 1 (1-й эксперимент), 0,7 : 1 (2-й эксперимент);

а также этому диапазону соответствуют:

[ь] перед [о] — 0,61 : 1 (1-й эксперимент), 0,73 : 1 (2-й эксперимент);

[ʼе] перед [о] — 0,68 : 1 (1-й эксперимент), 0,86 : 1 (2-й эксперимент);

Предударный гласный роговатовского говора, таким образом, в целом на 20–40% короче аналогичного ударного гласного.

4.1. Убывание относительной длительности предударных гласных по мере увеличения абсолютной длительности гласных ударного слога; различие двух моделей соотношения длительностей аллофонов неверхнего подъёма с подъёмом (длительностью) гласного ударного слога — показано на графике 18. На графике представлены все имеющиеся данные об ОД гласных первого предударного слога в структурах типа *вѣда́* и *вад'и́*. По оси абсцисс отложены значения АД ударных гласных, по оси ординат — значения ОД предударных гласных.

График показывает, что 1) убывание значения ОД предударных гласных происходит постепенно по мере увеличения длительности ударных гласных; 2) несмотря на значительный разброс значений ОД, области, соответствующие ОД предударного [ь] в структурах типа *вѣда́* и предударного [а] в структурах типа *вад'и́* практически не пересекаются, что свидетельствует о последовательном противопоставлении ОД предударных гласных в этих структурах при любых значениях АД ударных гласных; 3) наиболее резкое изменение значений ОД в обеих структурах происходит при малых значениях АД ударного гласного: для структур типа *вад'и́* это область примерно 60–90 мс АД гласного [ʼи], для структур типа *вѣда́* это 80–110 мс АД гласного [а].

Исследование выявило фонологический характер зависимости между длительностями первого предударного и ударного гласных в говоре Роговатки. Гласные фонемы неверхнего подъёма в первом предударном слоге представлены краткими аллофонами, если в ударном слоге находятся «фонологически долгие» фонемы /a/, /o/, /e/, и долгими аллофонами, если в ударном слоге находятся «фонологически краткие» фонемы /i/, /y/, /ʼ/, /o/. Предударные аллофоны

фонем верхнего подъёма краткие независимо от подъёма ударного гласного. Такое распределение кратких и долгих аллофонов фонем неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге свидетельствует об архаическом типе аканья/яканья.

Средние длительности кратких и долгих аллофонов в первом предударном слоге соотносятся приблизительно как 3 : 5 по данным двух описанных экспериментов.

При изучении длительности ударных гласных задачей исследования был поиск таких условия произнесения, при которых средние абсолютные длительности ударных гласных были бы скоррелированы с собственной длительностью гласных, в свою очередь скоррелированной с их подъёмом, а также определение условий, в которых различия по собственной длительности нивелируются. Предварительное исследование показало, что в позиции фразовых акцентов «модальной разновидности» (при значениях АД ударных гласных свыше 130 мс) средние длительности большинства ударных гласных практически одинаковы (140–150 мс), и лишь средние длительности неогубленных гласных верхнего подъёма ниже, а дифтонгов [’иа], [’йо] выше прочих. Наибольшее продление ударного гласного наблюдается в словоформах под фразовым акцентом типа ИК-6.

На всём материале без ограничений соотношение средних АД [’и] и [а], а также [’ие], [’ю] и [а] соответствовало «формуле Кузнецова и Отта», показывающей соотношение собственных длительностей *a*, *o*, *e*, *u* в ЛЯ. Средние АД других гласных оказались значительно искажены под влиянием позиционных условий. В позиции вне фразового акцента (и одновременно при более низких значениях АД гласных) средние значения АД ударных монофтонгов последовательно соотнесены со степенью их подъёма: чем ниже подъём, тем больше средняя длительность гласного. Однако контраст гласных по собственной длительности оказался меньше, чем в результате первого эксперимента (на всём материале): неогубленные верхнего подъёма в среднем составляют 82–87% от длительности *a*, гласные *e*, *o* — 90% от длительности *a*. Средние АД дифтонгов [’ие] и [’ю] при этом больше, чем средние длительности монофтонгов [’e], [o] (вопреки фонологической долготе вторых и краткости первых — в аспекте их влияния на длительность гласного первого предударного слога) и приближаются к средней длительности *a*. Самыми долгими гласными во всех экспериментах оказались гласные [’иа], [’йо].

Оценка количественного распределения материала в полной выборке примеров, извлечённой из текста определенной длины, показала, что существует соотносённость диапазонов АД ударных гласных, на которые приходится максимальная концентрация примеров, с собственной длительностью (подъ-

ёмом) гласного. Эти диапазоны различаются прежде всего своими нижними границами. Здесь мы находим косвенное подтверждение вывода о том, что наиболее последовательно «реализацию формулы Кузнецова — Отта» на роговатовском материале следует искать в области низких значений АД ударных гласных.

Контраст средних длительностей разных по подъёму ударных гласных (монофтонгов), следовательно, значительно меньше, чем контраст долгих и кратких предударных аллофонов, независимо от фразовой позиции; кроме того, у ударных гласных различия по средней длительности имеют градуальный характер и зависят от подъёма и дифтонгичности/монофтонгичности, а у предударных они фактически бинарны; все это указывает на фонологический характер зависимости длительности предударного гласного от длительности ударного.

Процентное отношение длительности предударных гласных к длительности ударных не является постоянной величиной, поскольку варьирование АД ударных гласных гораздо более выражено, чем варьирование АД предударных. В целом ОД предударных тем ниже, чем выше АД ударных гласных, причём уменьшение ОД предударных по мере увеличения АД ударных гласных происходит плавно, и лишь в диапазоне 50–120 мс (для разных ударных гласных этот диапазон варьирует) это изменение имеет довольно резкий характер. Измеренные на всём материале, средние ОД кратких аллофонов фонем неверхнего подъёма и неогубленных аллофонов фонем верхнего подъёма 1-го предударного слога перед ударными гласными неверхнего подъёма составляют чуть более 50% от длительности ударных аллофонов, средние ОД долгих аллофонов фонем неверхнего подъёма — около 100% от длительности ударных. Средние ОД аллофонов фонем верхнего подъёма перед ударными аллофонами фонем верхнего подъёма составляют 60–70%. Шаг от ОД конкретных позиционных реализаций фонем к определению ритмической структуры слова в роговатовском говоре требует дальнейшего изучения материала.

На всём материале, взятом без каких-либо позиционных ограничений, устанавливаются следующие количественные характеристики гласных просодического центра. Для части ударных монофтонгов устанавливаются отношения средней длительности, весьма близкие к отношениям собственной длительности гласных, определённых для ЛЯ Кузнецовым и Оттом. Репрезентанты фонем-дифтонгов /ʌ/ и /ω/ в роговатовском говоре занимают в системе пропорциональных отношений длительности гласных то же место, что гласные [ʔe] и [o] — в системе пропорциональных отношений собственных длительности гласных в ЛЯ (около 90% от длительности *a*). Гласный [ʔe] ро-

говатовского говора имеет среднюю длительность, приближающуюся к средней длительности [a] и превышающую среднюю длительность дифтонгов [ʼиѐ], [ʼѹ], а гласный [o] — в среднем более краткий, чем все перечисленные гласные, однако в среднем более долгий, чем гласные верхнего подъёма. Представляется важным выводом, что по своей средней длительности дифтонги [ʼиѐ] и [ʼѹ] близки к монофтонгам, а не к дифтонгам [ʼиа], [ʼиѴ], которые по средней длительности значительно превышают все прочие ударные гласные. Исследование соотношения средних длительностей ударных гласных в разных фразовых позициях показало, что в позиции «модальных разновидностей фразовых акцентов» (при АД ударных гласных свыше 150 мс) средние АД монофтонгов неверхнего подъёма и дифтонгов [ʼиѐ] и [ʼѹ] максимально сближены, а длительности прочих гласных отличаются от них незначительно. Под фразовыми акцентами «нейтральной разновидности» (АД ударных гласных не превышают 180–190 мс) и в безударной фразовой позиции соотношения средних длительностей ударных гласных в целом соответствуют «закону Кузнецова — Отта». Дифтонги [ʼиа], [ʼиѴ] в обоих случаях сильно превышают по длительности другие гласные. Дифтонги [ʼиѐ] и [ʼѹ] вне фразового акцента и под нейтральным фразовым акцентом по средней длительности превышают монофтонги [ʼе] и [o]. Место дифтонгов [ʼиѐ] и [ʼѹ] и монофтонгов [ʼе] и [o] в иерархии средних длительностей, построенной на всём материале (взятом без позиционных и «фразовых» ограничений), выявляется нечётко.

Относительная длительность предударных гласных зависит от АД ударных гласных и в среднем уменьшается по мере увеличения последней (эти изменения показывают результаты двух описанных экспериментов). Тем не менее выделяются относительно устойчивые типы структур.

Литература

- Апушкина 2013 — *Апушкина И. Е.* Собственная длительность гласных и восприятие ударения в русской спонтанной речи // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Т. 4. Вып. 1. Иваново, 2013. С. 34–40.
- Болла 1963 — *Болла К.* Проблемы экспериментального исследования длительности гласных звуков в современном русском литературном языке. Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Бондарко, Вербицкая, Зиндер 1966 — *Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Зиндер Л. Р.* Акустические характеристики безударности (на материале русского языка) // Структурная типология языков. М., 1966. С. 56–64.

- Брок 1916 — *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Петроград, 1916.
- Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е. А.* Интонация // Русская грамматика. Т. I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. М., 1980. С. 96–120.
- Бурова, Касаткин 1977 — *Бурова Е. Г., Касаткин Л. Л.* Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 64–85.
- Венцов 2010 — *Венцов А. В.* Словесное ударение, собственная длительность гласных и ментальный лексикон // Анализ разговорной русской речи (АР³2010): Труды четвертого междисциплинарного семинара. СПб., 2010. С. 10–11.
- Высотский 1973 — *Высотский С. С.* О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973. С. 17–41.
- Зиндер 1960 — *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Л., 1960.
- Златоустова 1962 — *Златоустова Л. В.* Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.
- Златоустова и др. 1968 — *Златоустова Л. В., Фролова И. Г., Ленина Е. В., Оловяникова И. П., Бышева И. Ф.* Исследование длительности неударных гласных в зависимости от фразовых условий // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. Сб. статей. М., 1968. С. 74–134.
- Касаткин 2005 — *Касаткин Л. Л.* Основные интонационные тональные контуры (ТК) русского литературного языка // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. Н. Николаевой / Отв. ред. В. Н. Топоров. М., 2005. С. 479–486.
- Касаткина 1995 — *Касаткина Р. Ф.* О южнорусском диссимильативном аканье // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова) / Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Отв. ред. докт. филол. н. М. В. Ляпон. М., 1995. С. 220–228.
- Касаткина, Щигель 1995 — *Касаткина Р. Ф., Щигель Е. В.* Ассимильативно-диссимильативное аканье // Проблемы фонетики II. Сб. статей / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 1995. С. 295–309.
- Князев 2006 — *Князев С. В.* Структура фонетического слова в русском языке: синхрония и диахрония. М., 2006.
- Князев, Шаульский 2007 — *Князев С. В., Шаульский Е. В.* Генезис диссимильативного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. № 1 (13). 2007. С. 209–224.
- Красовицкий 1999 — *Красовицкий А. М.* Просодические характеристики слова в говорах с диссимильативным аканьем // Проблемы фонетики. Ч. 3. М., 1999. С. 187–196.
- Кривнова 2007 — *Кривнова О. Ф.* Ритмизация и интонационное членение текста в «процессе речи-мысли» (опыт теоретико-экспериментального исследования). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2007.
- Крутикова и др. 1968 — *Крутикова О. Ф., Небыкова С. И., Отряшенков Ю. М.* К вопросу объективной оценки звуковых границ в потоке речи // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики / Под общ. ред. В. А. Звегинцева. Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. Сб. статей. М., 1968. С. 182–192.
- Кузнецов 1995 — *Кузнецов В. Б.* Эффекты коартикуляции при переходе от гласного к мягкому согласному в русской речи // Проблемы фонетики. II. М., 1995. С. 84–99.

- Кузнецов, Отт 1989 — *Кузнецов В. Б., Отт В. А.* Автоматический синтез речи. Алгоритм преобразования «буква-звук» и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.
- Кузнецова 1965 — *Кузнецова А. М.* Изменения гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.
- Просодический строй 1996 — Просодический строй русской речи / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 1996.
- Савинов 2013 — *Савинов Д. М.* Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013.
- Светозарова 1982 — *Светозарова Н. Д.* Интонационная система русского языка. Л., 1982.
- Скрелин 1999 — *Скрелин П. А.* Сегментация и транскрипция. СПб., 1999.
- Сталькова 1971 — *Сталькова И. Л.* К вопросу о фонетической структуре слова в южнорусских говорах с диссимилативным аканьем // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем. М., 1971. С. 35–47.
- Строганова 1977 — *Строганова Т. Ю.* О вокализме 2-го предударного слога после твёрдых согласных в акающих говорах // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 86–96.
- Фомина 1985 — *Фомина Т. Г.* Просодия слова в южнорусском говоре с диссимилативным вокализмом // Градационная фонология языка и просодия слова русской диалектной речи. Казань, 1985. С. 101–131.
- Штерн 1988 — *Штерн А. С.* Некоторые статистические характеристики русской спонтанной речи // Фонетика спонтанной речи. Под ред. Н. Д. Светозаровой. Л., 1988. С. 196–224.
- Щерба 1912 — *Щерба Л. В.* Русские гласные в качественном и количественном отношении. СПб., 1912.
- Янко 2009 — *Янко Т. Е.* Интонационное выражение когнитивных значений // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. Сборник в честь Е. С. Кубряковой. М., 2009. С. 703–713.
- Янко 2008 — *Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., 2008.
- Bolinger 1958 — *Bolinger D.* A theory of pitch accent in English // *Word* 14, 1958. P. 109–149.
- Fischer-Jørgensen, Hütters 1981 — *Fischer-Jørgensen, E. & Hütters, B.* Aspirated stop consonants before low vowels, a problem of delimitation, its causes and consequences. ARIPUC, 1981. 15. P. 77–102.
- Pierrehumbert 1980 — *Pierrehumbert J. B.* The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD thesis. MIT, 1980.
- Potter, Gordon, Dawson, Reuse, Ladefoged 2000 — *Potter B., Gordon M., Dawson J., Reuse W., Ladefoged P.* Phonetic structures of Western Apache // *Fieldwork Studies of Targeted Languages* VI. UCLA WPP Volume 98. April 2000. P. 10–38.
- PRAAT: Soft for doings phonetics / © P. Boersma, D. Weenink. University of Amsterdam. 2000–2014.
<http://www.praat.org>
- MPI EVA / © Sven Grawunder. Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Leipzig, 2012-08-16.
http://email.eva.mpg.de/~grawunde/praat/praat_SG.htm

График 6

Соотношение АД ударного [а] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

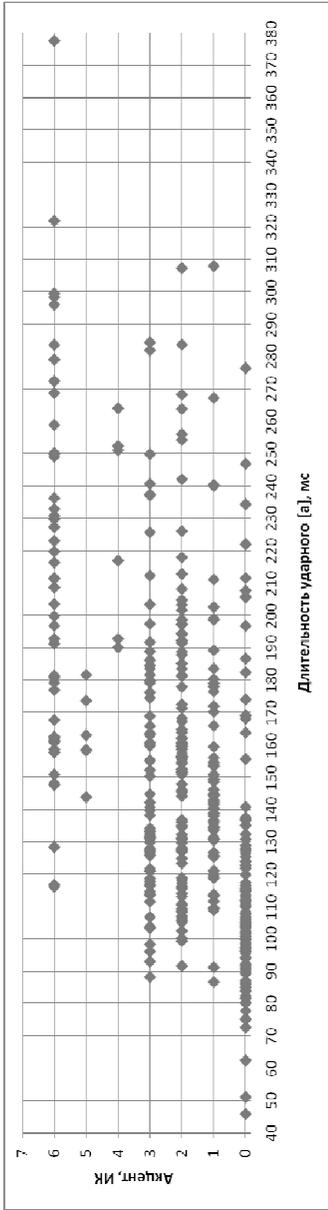

График 7

Соотношение АД ударного [е] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

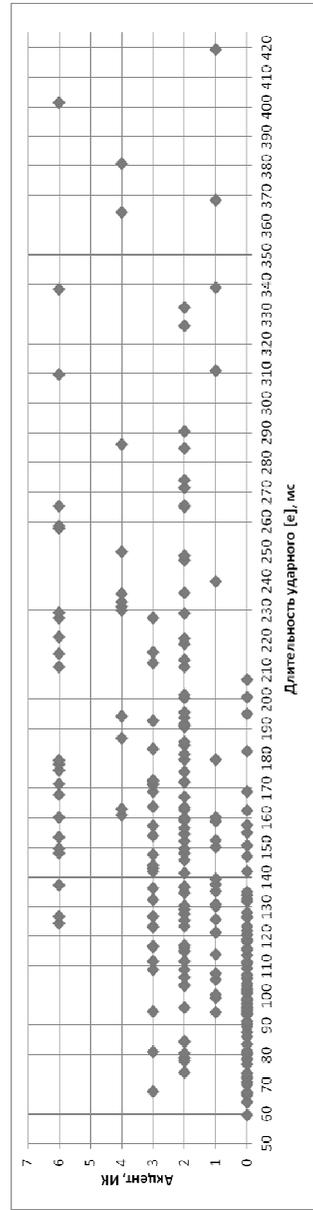

График 8

Соотношение АД ударного [o] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

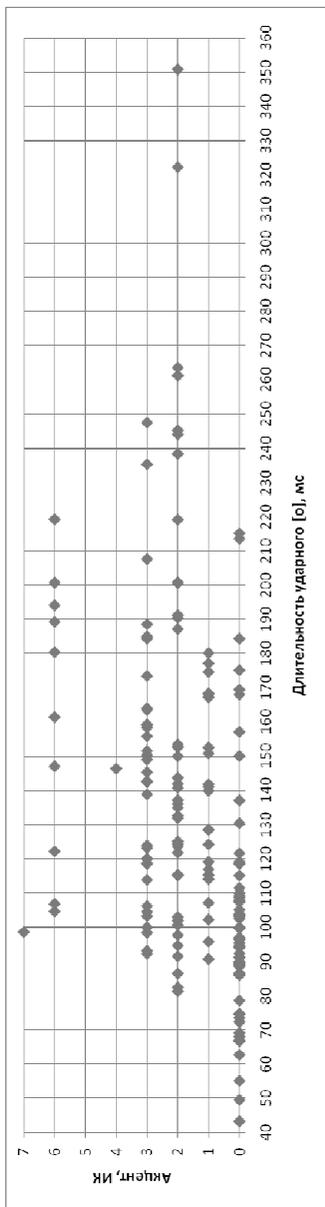

График 9

Соотношение АД ударного [и] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

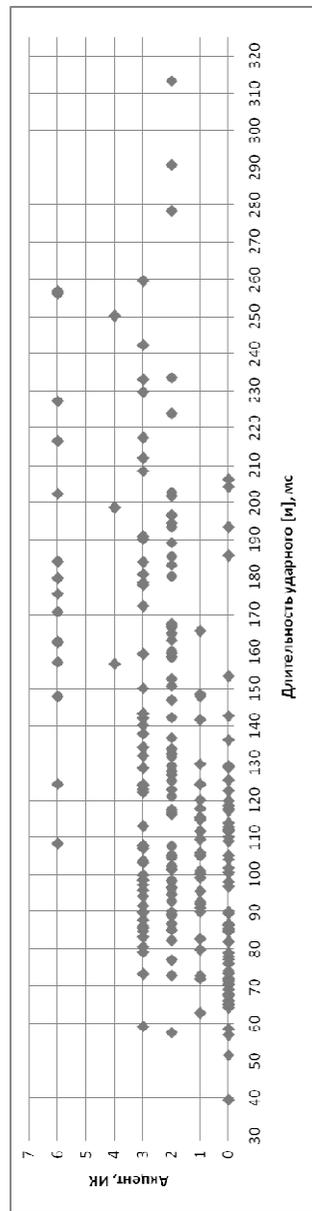

График 10

Соотношение АД ударного [ы] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

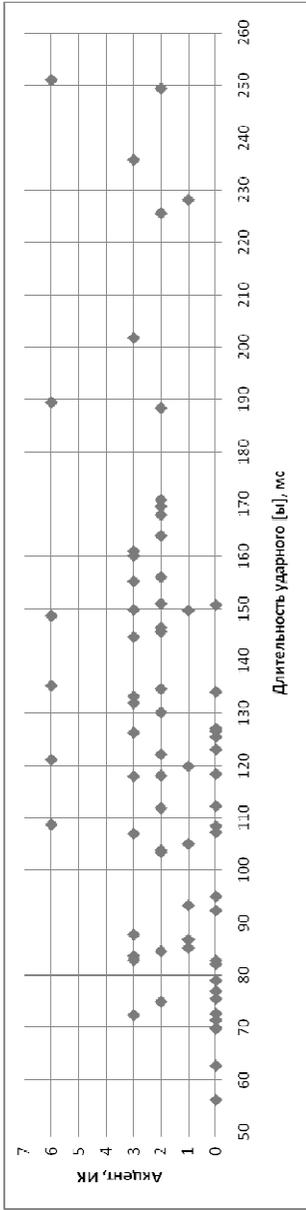

График 11

Соотношение АД ударного [у] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

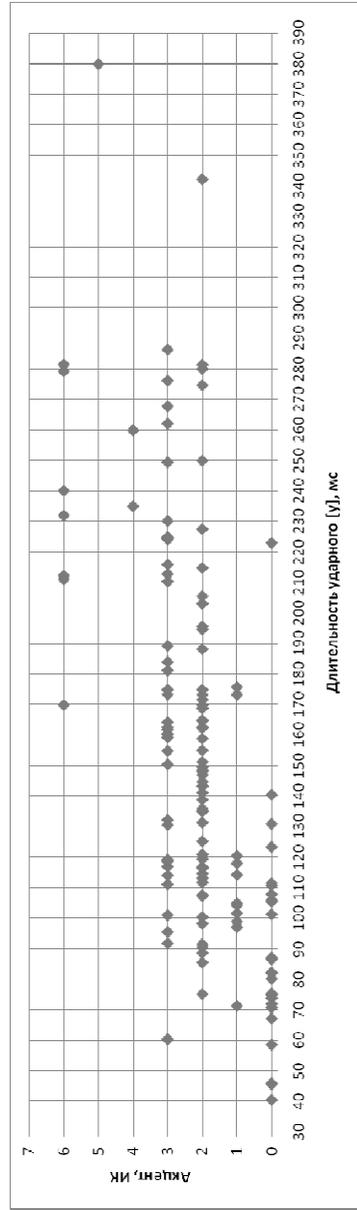

График 12

Соотношение АД ударного [иэ] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

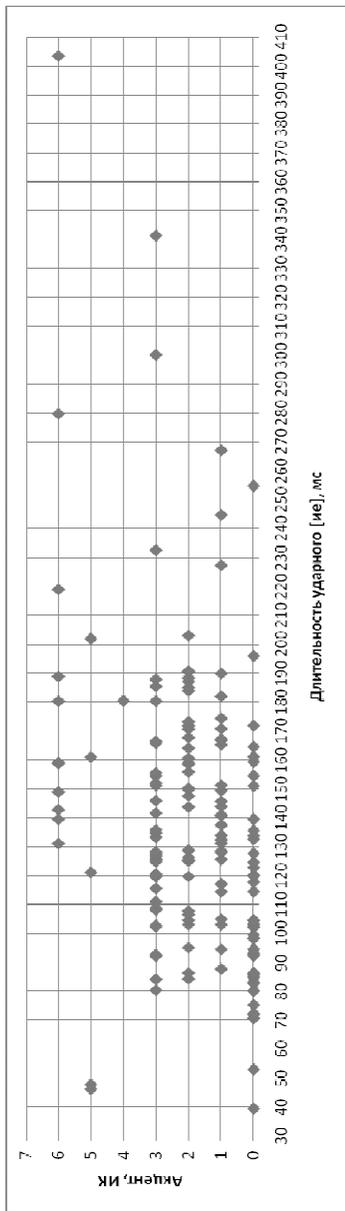

График 13

Соотношение АД ударного [yo] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

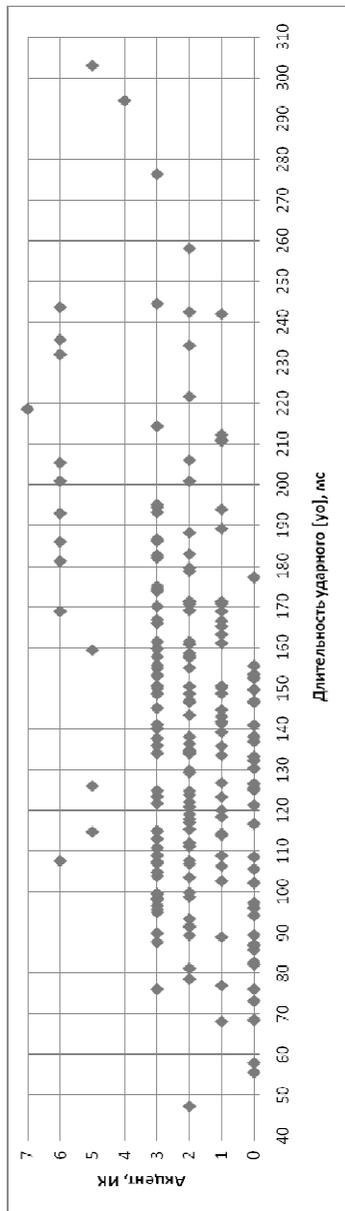

График 14

Соотношение АД ударного [иyo] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

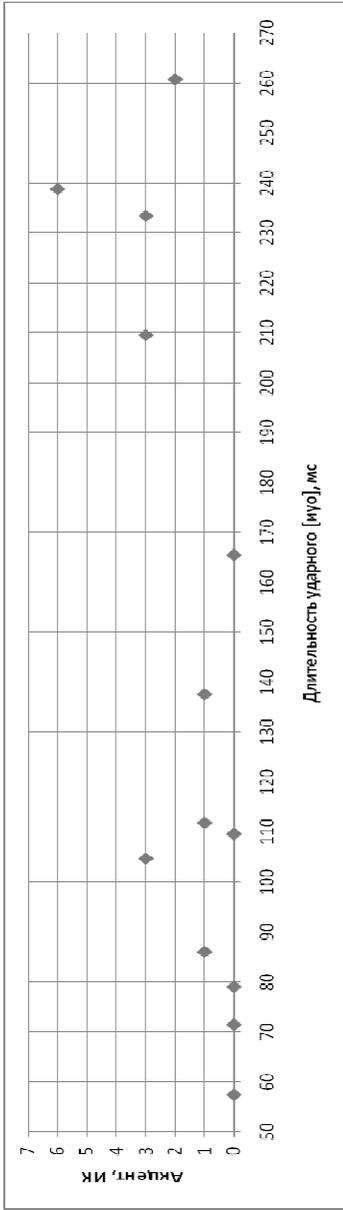

График 15

Соотношение АД ударного [иа] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

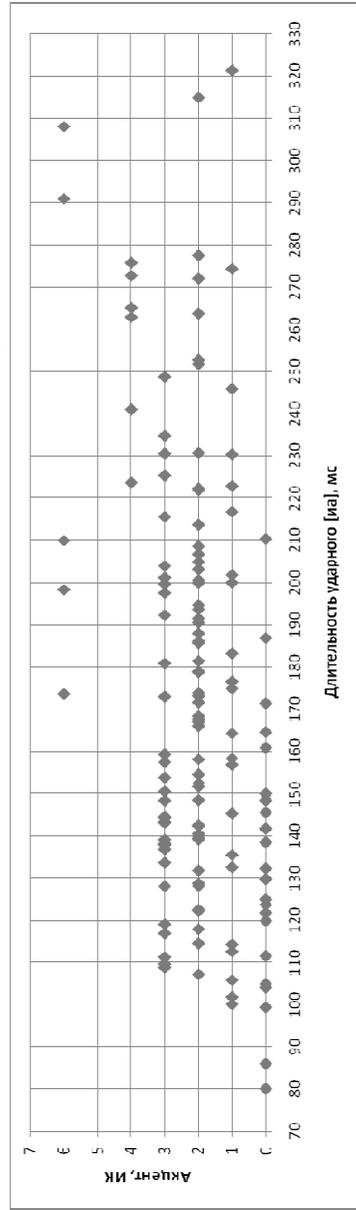

График 16

Соотношение АД ударного [ю] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

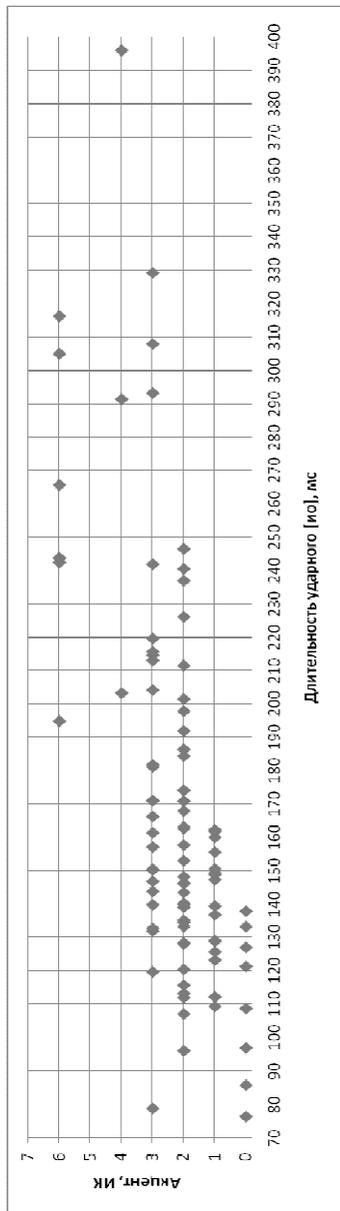

График 17

Соотношение АД ударного [ю] с наличием/отсутствием и типом фразового акцента

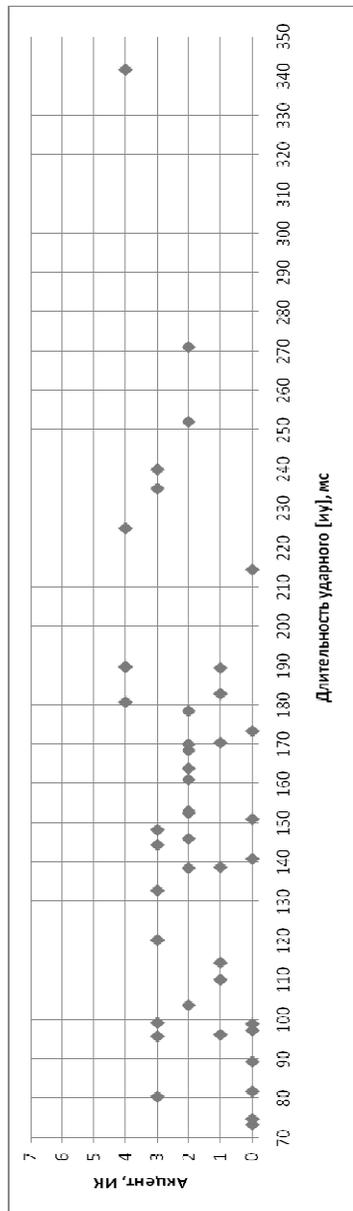
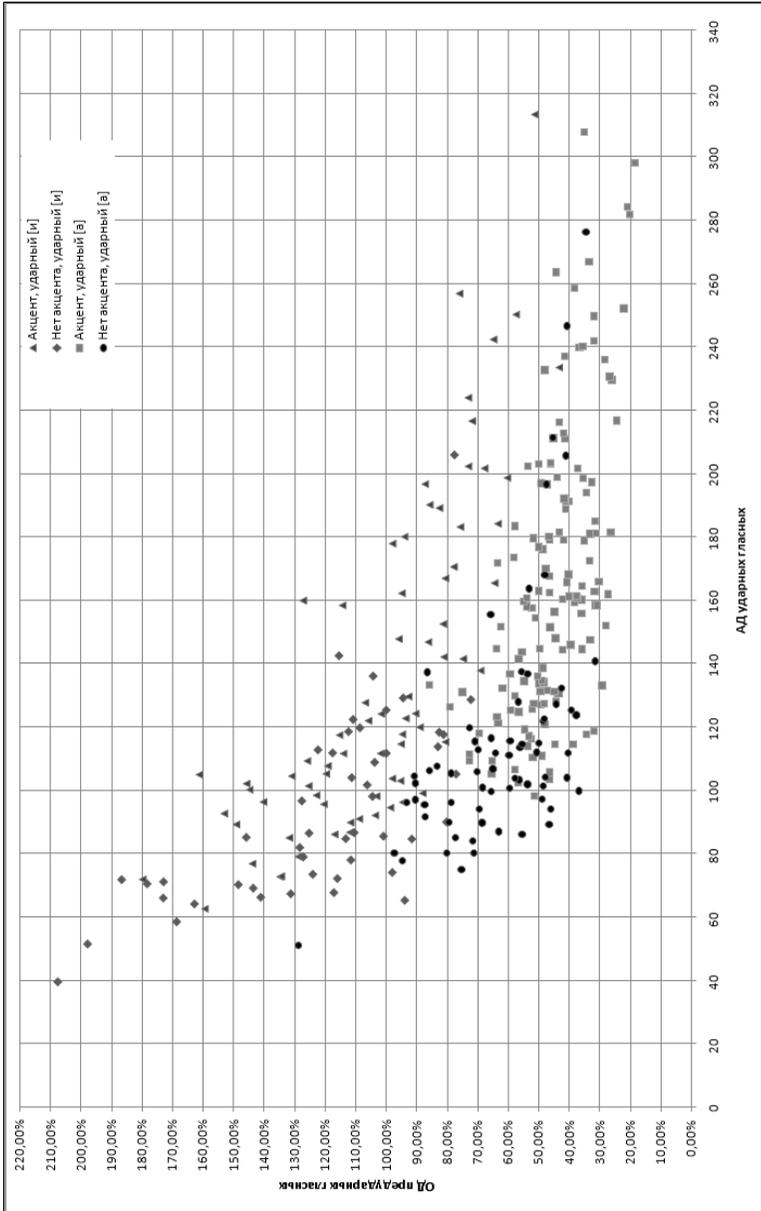

График 18

ОД преударных гласных, АД ударных гласных в структурах типа *вьдб, вад и*

Summary

Svetlana Dyachenko

**Vowels of the first pre-tonic and the stressed syllables
in the southern Russian archaic dialect. Quantitative analysis**

We present the results of an experimental study of quantitative relationships between the vowels of the first pre-tonic and the stressed syllables in a Russian dialect with the opposition of seven phonemes and archaic pre-tonic dissimilative vocalism. The role of the presence / absence and the nature of phrasal accent in lengthening of the vowels of the prosodic center is determined. The rhythmic structure of the prosodic nucleus of word is observed.

Ударение и корневой вокализм *i*-глаголов в южнорусском говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл.

Эта работа методологически традиционна: в ней предлагается морфонологический анализ ударения и корневых гласных 230 глаголов с суффиксом *-i-* основ настоящего времени и инфинитива (*i*-глаголов) в южнорусском говоре села Роговатое. Морфонологический анализ распределения ударных корневых гласных неверхнего подъема в глагольных корнях позволяет реконструировать фрагмент «протосистемы» ударения *i*-глаголов. Дальнейшее сравнение данных, полученных методом внутренней реконструкции, с реконструкцией ударения *i*-глаголов в древнерусском и праславянском выявляет в современном говоре остатки одной из позднепраславянских диалектных систем ударения *i*-глаголов.

1. О селе. Село Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. (местное название *Р'ау'ватка*, старое название *Погорелое*) находится примерно в 170 км от Белгорода, в 110 км от Воронежа, в 250 км от Харькова, в северной части Слобожанщины. Ранее село относилось к Нижнедевицкому, а затем к Шаталовскому р-ну Воронежской области; в этнографическом и языковом отношении Роговатка имеет много общего с селами в западной части Воронежской обл., в то время как на этнографической карте Белгородской области оно резко выделяется. В селе по переписи 2010 г. проживает 3001 человек (на самом деле около 3400), дворов примерно в два раза меньше. Это самое большое село в Старооскольском р-не. Русские составляют большинство, есть украинцы. В селе несколько магазинов, средняя школа, две библиотеки, клуб, церковь, построенная в 1990-е гг. вместо разрушенной в 30-е гг., сохранились каменные здания XIX в., кладбище XVIII века.

Первое упоминание о Роговатке — 22 мая 1663 г. — празднуется как день основания села. В начале 1670-х гг. в селе построена церковь Сергия Радонежского. Более ранние сведения об этой местности содержатся в росписях сторож (конных сторожевых отрядов около 20 человек, которые выдвигались из основанных в середине — второй половине XVI в. украинских крепостей, таких как Белгород, Воронеж, Ливны, Острогожск и др., примерно на 100 км в Дикое поле, где отряд располагался в станице и из нее разъезжал с дозором по местности). В росписи ливенских сторож 1579 г. как крайняя точка разъ-

езда сторожи упоминается Погорелый лес, по которому Роговатка получила свое первое название *Погорелое*. Согласно росписи воронежских сторож 1625 г., одна из станиц перенесена к Погорелому лесу. Этот лес имел некоторое стратегическое значение, поскольку находился на *Кальмиусском шляхе* (Кальмиусской сакме) — древнем пути, по которому крымские татары и ногайцы совершали набеги на земли Московского государства в XVI–XVII вв.; леса же служили для строительства засек и как укрытия, непроходимые для конницы. Краеведы даже считают, что главная улица Роговатки (ул. Ленина), называемая *шлях*, и есть часть Кальмиусского шляха. Это не лишено правдоподобия, если учесть, что татарские шляхи не были в нашем понимании дорогами, а представляли собой места довольно широкие пространства без лесов, глубоких оврагов и рек, удобные для конницы. Действительно, роговатовский шлях проходит по относительно ровной возвышенности — водоразделу рек Скупой и Боровой Потудани. Небольшой Погорелый лес по сей день находится на окраине Роговатки, в полукилометре от *шляха*, и жители села по традиции ходят туда гулять *на семик*.

Считается, что в Диком поле в XIV–XVII вв. оседлое население было редким. Возникновение Роговатки и многих других сел на Слобожанщине связано со строительством в середине XVII века Белгородской засечной линии, а несколько позже — более южной Украинской засеки (на территории современных Воронежской, Харьковской и Белгородской областей). Эти засеки по сути определили южные границы современного распространения русского языка на участке сумского, харьковского — белгородского пограничья. Как русское, так и украинское население Слобожанщины пришлое, согласно распространенному мнению (возражения С. И. Коткова [Котков 1963] и Г. А. Хабургаева [Хабургаев 1980] опираются на лингвогеографические данные, которые, однако, до сих пор удовлетворительно не интерпретированы). Известно, что на Белгородскую засеку переводились гарнизоны с более северных и более старых (XIV–XV вв.) засечных линий, а непосредственно та область, где расположена Роговатка, заселялась выходцами из калужских, рязанских и тульских земель. Сегодня в говоре Роговатки есть свидетельства соединения этих колонизационных потоков.

2. Смешанный характер говора, его уникальные изоглоссы, его арельные связи с украинским языком. Говор Роговатки относится к подгруппе оскольских говоров, которая, согласно диалектному членению русского языка (Захарова, Орлова 1969), определяется как переходная группа между юго-западной и юго-восточной диалектными зонами. Граница этих зон приблизительно проводится по Дону (в верхнем его течении). Действи-

тельно, роговатовский говор является «смешанным»: ему присущи черты как юго-западного, так и юго-восточного распространения, и его данные вносят, видимо, вклад в изучение типов языковой конвергенции. В наших суждениях о происхождении элементов системы роговатовского говора мы опираемся прежде всего на карты и материалы ДАРЯ и диалектных описаний.

В случае с говором Роговатки смешение диалектов не привело к нивелировке диалектных черт. Одни элементы системы говора, архаичные и сложные по своему устройству, связывают говор с обширным юго-западным ареалом говоров окско-деснинского междуречья и шире — с говорами юго-западной диалектной зоны, другие — с более восточными говорами бассейна Верхнего Дона и рязанско-коломенского Поочья. Широко представлены явления, объединяющие как сам говор, так и диалектные ареалы, с которыми он связан, с восточноукраинскими, в частности, с восточнополюсскими говорами. Говор обладает также архаичными чертами, свойственными исключительно говорам оскольской и елецкой подгрупп.

2.1. Уникальные оскольско-елецкие черты в говоре Роговатки. Говор Роговатки, как и значительная часть говоров оскольской и елецкой подгрупп, характеризуется весьма архаичной системой вокализма, не встречающейся в других современных южнорусских говорах. Под ударением в говоре представлены семь гласных фонем, имеется оппозиция двух фонем *e* и двух фонем *o*. Фонемы /*e*/ и /*ê*/ восходят соответственно к *e, *ь и *ѣ. Две фонемы «типа *o*» распределены в соответствии с «великорусским» принципом (Зализняк 1985: 173–177): /*ô*/ имеется на месте *o под праславянскими «восходящими» слоговыми интонациями старым и новым актутом, /*o*/ происходит из *o под «нисходящей» (циркумфлексовой) слоговой интонацией и из *ь, а также из *e и *ь. Системы с «великорусским» принципом распределения двух *o* пока еще не редкость в русских говорах, однако елецко-оскольским говорам свойственны архаизмы в их распределении, в частности, характер *огласовки а-основ подвижных акцентных парадигм b и с*.

Архаичный тип огласовок *а-основ* характерен только для говоров Верхнего Дона (как с архаичским «задонским», так и с новоселковским типом предударного вокализма) и для западновологодских говоров типа харовских и тотемских. В примыкающих к оскольско-елецким говорам с севера: южнорязанских говорах типа Новосёлок представлена разрушенная система исконных огласовок; в еще более северных среднерусских говорах Мещёры типа Пустошей и говоров Гусевского р-на Владимирской обл. — тоже архаичный, но совершенно иной диалектный тип огласовок (Тер-Аванесова 2006; 2013).

В 1-м предударном слоге в говоре представлено архаическое диссимилятивное аканье/яканье:

долгие аллофоны фонем неверхнего подъема — [a] (после твердых согласных) и [ɨa]/[ɛa] (после мягких согласных) перед ударным слогом, содержащим фонемы /и/, /у/, /ѓ/, /ѐ/: *сады́, у саду́, травѓ́й, трав'ѐ; н'џас'и́, б'џады́, б'џаду́, б'џады́, б'џад'ѐ;*

краткие аллофоны фонем неверхнего подъема — [ъ]/[ǣ] (после твердых согласных), [e] ([ǣ]), [и] (после мягких согласных) перед ударным слогом, содержащим фонемы /e/, /o/, /a/: *кѣн'ѐц, н'ис'ѐ; кѣтѓм, с'едѓй, кѣтá, н'еслá; дѣл'џока, т'ил'џѓнџк; кѣт'џáта, р'иб'џáта.*

Средние абсолютные длительности кратких и долгих предударных аллофонов фонем неверхнего подъема соотносятся приблизительно как 3 : 5. Средние абсолютные длительности аллофонов фонем верхнего подъема в 1-м предударном слоге приблизительно равны длительностям кратких аллофонов фонем неверхнего подъема и не зависят от качества гласных ударного слога (измерения проведены С. В. Дьяченко).

Система яканья в говоре наиболее близка к задонскому типу, см. (ДАРЯ 1, карта 8); отклонением от задонского типа яканья является различие (статистическое) кратких аллофонов неверхнего подъема перед твердыми и мягкими согласными: перед твердыми это звуки типа [e] ([ǣ]), перед мягкими — звуки типа [и]. Ранее подобная роговатовской система яканья при архаическом аканье была обнаружена Р. Ф. Касаткиной и Е. В. Щигель в селах Отскочное и Верхняя Колыбелка Хлевенского р-на Липецкой обл. (Касаткина, Щигель 1995).

Севернее истоков Дона вплоть до рязанской Мещѣры наиболее распространена система новосѣлковского яканья (ДАРЯ 1, карта 8), по обоснованному мнению (Савинов 2013), производная от архаической модели.

Таким образом, на крайнем юге южнорусской территории (на территории Дикого поля, якобы пустовавшего до сер. XVII в.), в оскольско-елецких говорах и в том числе роговатовском говоре, последовательно сохраняются архаические системы ударного и предударного вокализма, тогда как в остальных говорах южнорусского наречия они предстают в преобразованном виде.

2.2. «Окско-деснинскими» явлениями и шире — юго-западными в говоре Роговатки являются, прежде всего, системы именного и местоименного склонения (но ударение существительных — юго-восточного типа); некоторые архаизмы в области консонантизма: *кы, уы, хы* на стыке основы и безударных флексий множественного числа адъективного склонения: И. мн. *м'áхъи*, Р. мн. *п'ар'с'и́цкых* и т. п.; *вн > мн*: *дамнѓ, гамнѓ*; некоторые лексические изоглоссы, см. (Отчет 2014).

2.3. Система спряжения, свойственная говору Роговатки, представляет собой одну из важнейших изоглосс на территории юга России, очерчивающей обширный окско-донской ареал. Она имеет следующие особенности: 1) наличие/отсутствие /т'/ в окончаниях 3 лица невозвратных глаголов I и II спряжений в зависимости от подъема тематического гласного; 2) у глаголов I спряжения в формах 2–3 л. ед. ч. и 1–2 л. мн. ч. представлен тематический /е/ независимо от твердости/мягкости следующего согласного; 3) все глаголы с ударением на основе в формах 2–3 л. ед. числа и мн. числа имеют флексии, фонетически выводимые из флексий I спряжения.

2.3.1. Формы настоящего/будущего времени невозвратных глаголов I и II спряжений показаны в таблице 1, формы возвратных глаголов — в таблице 2.

Таблица 1.

Окончания настоящего/будущего времени невозвратных глаголов

	I спряжение			II спряжение
	1 ед. /y/	<i>n'асу́</i>	<i>c'áду</i>	<i>ста́вл'у</i>
2 ед. /еш/~/иш/	<i>n'ис'éш</i>	<i>c'áд'иш</i>	<i>Ста́в'иш</i>	<i>у́вар'и́ш</i>
3 ед. /е/~/ит'/	<i>n'ис'é</i>	<i>дъч'езáйе</i>	<i>лáz'е</i>	<i>у́вар'и́т'</i>
1 мн. /ем/~/им/	<i>n'ис'ém</i>	<i>c'áд'им</i>	<i>т'éшым</i>	<i>у́вар'и́м</i>
2 мн. /ет'е/~/ит'е/	<i>пъсѣб'ир'ém'a</i>	<i>ѣбѣис'н'áит'a</i>	<i>йѣзд'ит'e</i>	<i>у́вар'и́т'e</i>
3 мн. /ут'/~/а/	<i>n'асу́т'</i>	<i>c'áдут'</i>	<i>йѣз'д'ут'</i>	<i>у́вѣр'á</i>

Таблица 2.

Формы настоящего/будущего времени возвратных глаголов

	I спряжение			II спряжение
	1 ед. /ус'е//ус'/	<i>б'ару́с'/</i> <i>б'ару́с'a</i>	<i>ѣста́нус'/</i> <i>ѣста́нус'a</i>	<i>жа́л'ус'/</i> <i>жа́л'ус'a</i>
2 ед. /ешс'и/~/ишс'и/	<i>б'ир'э́с'с'и</i>	<i>у́руэ́з'н'ис'с'и</i>	<i>упра́в'ис'с'и</i>	<i>баи́с'с'и</i>
3 ед. /ет'це/~/ит'це/	<i>n'ис'э́ццѣ</i>	<i>възврѣш'áиццѣ</i>	<i>нѣр'áд'иццѣ</i>	<i>рѣскал'и́ццѣ</i>
1 мн. /емс'и/~/имс'и/	<i>кл'ин'эмс'и</i>	<i>руу́аимс'и</i>	<i>жа́л'имс'и</i>	<i>л'ан'и́мс'и</i>
2 мн. /ет'ес'е//ет'ес'/ ~/ит'ес'е//ит'ес'/	<i>бй́ет'ис'a /</i> <i>бй́ет'ис'</i>	<i>руу́аит'ис'a /</i> <i>руу́аит'ис'</i>	<i>зау́лушым'ис'a /</i> <i>зау́лушым'ис'</i>	
3 мн. /ут'це/~/ат'це/	<i>n'асу́ццѣ</i>	<i>ус'áдуццѣ</i>	<i>па́р'уццѣ</i>	<i>бѣйáцце</i>

Примечание к таблице 2. Возвратная частица в говоре бывает только безударной. Форма возвратной частицы зависит от качества предшествующего ей элемента словоформы. После согласных *ш, м, л, й* возвратная частица имеет форму /с'и/ (*ш* при этом в результате ассимиляции заменяется на *с'*): 1 мн. *крас'имс'и*, 2 ед. *крас'ис'с'и*, прош. м. *пъна́лс'и*, повел. *бръса́йс'и*. После гласных возвратная частица может иметь или не иметь в своем составе гласную; эта вариативность, по крайней мере в части случаев, имеет *морфонологический* характер (ср. подобную вариативность в форме Т. ед. -*дйу/|дй'*), и лишь в части случаев объясняется чисто фонетической редуцией до нуля; строго разграничить эти случаи трудно, если вообще возможно. После гласных возвратная частица содержит гласную неверхнего подъема, однако яканье в конечном открытом слоге не позволяет различить в ней фонемы /*e*/ и /*a*/; условно записываем в этой позиции фонему /*e*/: 1 ед. *б'ару́с'е / б'ару́с'*, 2 мн. *са́д'и́т'ес'а / са́д'и́т'ес'*, прош. ж. *вз'елáс'е / вз'елáс'* и т. п. После /*t'*/ в составе флексий инфинитива и форм 3 лица, как и после гласных, возвратная частица содержит гиперфонему /*a/e*/; выпадения гласного в возвратной частице в этом случае не происходит: инф., 3 ед. *са́д'и́цце, са́д'и́цць*, 3 мн. *сэд'и́цце, б'ару́цць*.

2.3.2. **Формы 3 лица: наличие / отсутствие конечной /*t'*/.** В говоре Роговатки у глаголов I спряжения в 3 ед. выступает окончание *-e/* (без /*t'*/), в 3 мн. — окончание *-ут'*/; у глаголов II спряжения в 3 ед. — окончание *-ит'*/, в 3 мн. — *-a/* (без /*t'*/), см. таблицу 3. Наличие/отсутствие /*t'*/ в окончаниях 3 лица невозвратных глаголов I и II спряжений обусловлено морфонологически: /*t'*/ присоединяется к тематическим гласным верхнего подъема (*стаи́т'*, *на́сүт'*, *хо́д'үт'*) и отсутствует после тематических гласных неверхнего подъема (*на́ис'э́*, *хо́д'е*, *стѣя́*).

Таблица 3

**Окончания 3 лица настоящего/будущего времени
невозвратных глаголов I и II спряжений**

	I спряжение	II спряжение
3 л. ед. ч.	<i>-e/ : на́ис'э́, бұ́д'е, хо́д'е</i>	<i>-ит' / : стаи́т'</i>
3 л. мн. ч.	<i>-ут' / : на́сүт', бұ́дут', хо́д'үт'</i>	<i>-a/ : стѣя́, сн'ешá</i>

Системы такого типа встречаются во всех восточнославянских языках и образуют чётко очерченные ареалы. На территории русского языка выделяются северо-западный ареал (и производные от него ареалы на территории олонецких, каргопольских, архангельских говоров) и окско-донской, к которому относится говор Роговатки, см. (ДАРЯ 2, карты 80, 81). Систему

флексий 3 лица в говорах Верхнего Дона — средней Оки С. Л. Николаев считает принадлежащей древнему диалекту вятичей (Николаев 1994).

Все возвратные формы 3 лица имеют конечный элемент [це] ($\{t^{\prime}c'e\}$): *н'ис'эцце*, *н'ас'уцце*, *кажыцце*, *зд'эльйуцце*, *крас'ицце*, *брѣн'уцце*. Атематические глаголы в 3 л. ед. ч. имеют окончание $/t^{\prime}/$: *йѣс't* 4× (быть) АИ, *н'а с'йѣс't мухá* (есть), *ньдайѣс't* (надоесть), *н'е дас'ц'* (дать), *йѣс't* (быть) ДИ.

2.3.3. Все глаголы с безударными окончаниями настоящего/будущего времени (не 1 л. ед. ч., которое может быть в парадигме глагола и ударным) в верхнедонских говорах и в частности в говоре Роговатки относятся к I спряжению, на что в первую очередь указывает наличие/отсутствие конечного $/t^{\prime}/$ и тематические гласные в формах 3 лица. Ко II спряжению в говоре Роговатки, таким образом, относятся только глаголы 5 и 6 классов, или «типов спряжения», по А. А. Зализняку (Зализняк 2004), имеющие ударные окончания форм настоящего/будущего времени: инф., 3 ед. *прат'йт'*, 3 мн. *прѣст'á*; инф., *стѣйáт'*, 3 ед. *стайт'*, 3 мн. *стѣяá*; инф. *б'ежáт'*, 3 ед. *б'ажыт'*, 3 мн. *б'ежá*; инф. *с'ид'ѣт'*, 3 ед. *с'ид'йт'*, 3 мн. *с'ид'á*).

Безударным окончанием 3 л. мн. ч. в верхнедонских говорах последовательно является $-/yt^{\prime}/$ у всех глаголов. Безударные окончания 3 л. мн. ч. $/yt^{\prime}/$ $/yt^{\prime}/$ (*хѣд'ут'* $/xѣd'yt^{\prime}$) свойственны большинству южнорусских и среднерусских говоров (ДАРЯ 2, карта 84); безударное окончание $/yt^{\prime}/$ у глаголов II спряжения — одна из особенностей «старшей» орфоэпической нормы русского литературного языка, до сих пор встречающаяся в речи москвичей.

Безударное окончание 3 л. ед. ч. (*б'уд'е^a*, *стáв'е^a*) в говоре Роговатки и всех без исключения говорах с верхнедонской системой спряжения однозначно определяется как $-/e/$ благодаря системе яканья в заударных конечных открытых слогах. В Роговатке в этой позиции фонема $/i/$ реализуется в $[i]$, фонемы $/a/$, $/e/$, $/ѣ/$, $/ѡ/$ — в «открытых» звуках от среднего подъема ($[e]$) до нижнего ($[æ]$). Степень подъема неверхних гласных зависит от фразовых условий и правого контекста, см. (Дьяченко 2013). В комментарии к картам 80, 81 (ДАРЯ 2), посвященным формам 3 л. ед. ч., специально подчеркивается, что во всем обширном «верхнедонском» ареале говоров, имеющих форму 3 л. ед. ч. без $/t^{\prime}/$, в окончании произносятся открытые гласные *e* или *a*, и это имеет место у всех глаголов с безударными окончаниями без $/t^{\prime}/$, независимо от исконного типа спряжения.

Противопоставление фонем неверхнего подъема $/a/$, $/e/$, $/ѣ/$, $/ѡ/$ после мягких согласных фонеме верхнего подъема $/i/$ в заударном конечном открытом слоге на примере именных и глагольных флексий показано в таблице 4.

Таблица 4

Яканье в заударном конечном слого в говоре Роговатки

во флексиях существительных	
/ê/: М. ед. у <i>xát'e^a</i>	/и/: М. ед. на <i>вól'и</i>
/e/: И. мн. <i>сac'êd'e^a, кр'ест'иán'e^a</i>	/и/: И. мн. <i>кáмн'и, лáпт'и</i>
/a/: И. ед. <i>Вáск'e^a</i> В. ед. <i>мáт'ир'e^a, дóч'ир'e^a, лóишд'e^a</i>	/и/: Р. ед. <i>Вáск'и</i> Р. ед. <i>мáт'ир'и, дóч'ир'и, лóишд'и</i>
/ô/: И. ед. <i>пóл'e^a</i>	
в глагольных флексиях	
/e/: 3 ед. наст./буд. I спр. <i>бúд'e^a, йêзд'e^a</i> 2 мн. <i>йêзд'ит'e^a</i>	/и/: 2 ед. повел. накл. <i>н'а йêзд'и</i>

В заударных неконечных слогах и заударных конечных закрытых слогах после мягких согласных фонемы верхнего подъема реализуются в [и] (/ [ь]) перед мягкими согласными, [e] (/ [ъ]) перед твердыми согласными: Т. ед., Д. мн. *лáпт'ем*, Д. мн. *кáпл'ем*, Д. ед. м. *с'ин'ему* — Т. мн. *лáпт'им'и*, Т. ед. *кáпл'и́йу*; это правило редукции действует, однако, только в именных флексиях. В безударных глагольных окончаниях звуки типа [и] представлены как перед мягкими согласными (*нóс'ит'e, бúд'ит'e*), так и перед твердым *м* и отвердевшим *ш* (*нóс'иш, нóс'им, бúд'иш, бúд'им*), что должно было бы указывать на фонему /и/, см. таблицу 5.

Таблица 5

Репрезентанты фонем верхнего подъема в конечном закрытом и неконечном заударных слогах перед твердыми и мягкими согласными (флексии существительных и глаголов)

перед твердым согласным	перед мягким согласным
во флексиях существительных	
/o/: Т. ед. <i>лáпт'ем</i>	/ô/: Т. ед. <i>вóиш'и́йу</i>
/ô/: Р. мн. <i>брáт'и́ew</i>	/e/: Р. мн. <i>лáпт'и́й</i>
/a/: Д. мн. <i>лáпт'ем, вóиш'ем</i>	/a/: Т. мн. <i>лáпт'им'и, вóиш'им'и</i>
в глагольных флексиях	
/e/: 3 л. ед. ч. наст./буд. <i>бúд'им,</i> <i>йêзд'иш</i>	/e/: 2 л. мн. ч. наст./буд. <i>бúд'ит'e,</i> <i>йêзд'ит'e</i>

Между тем [и] в безударных глагольных флексиях перед мягким и перед твердым согласным параллелен [е̞] под ударением в тех же позициях (вопреки общему для говора правилу перехода *е > /о/ под ударением перед твердыми согласными, кроме *ц*). Таким образом, в глагольных флексиях аллофоны фонемы /е/ имеют специфическую дистрибуцию, отличную от дистрибуции аллофонов других фонем неверхнего подъема: как под ударением, так и в безударной позиции /е/ всегда выступает в реализациях, которые свойственны ей в позиции перед мягкими согласными. С исторической точки зрения непереход *е > /о/ в глагольных флексиях можно рассматривать как сохранение исходного состояния, поддержанное морфологической аналогией.

Иную интерпретацию системы безударных флексий настоящего/будущего времени в южнорусских говорах предложила С. В. Бромлей: она говорит об «общем» спряжении глаголов с безударными окончаниями (в 1 л. ед. ч. выступает исторически единая флексия I и II спряжений, в 3 л. ед. и мн. ч. — флексии I спряжения, в прочих формах — флексии II спряжения) (Бромлей, Булатова 1972).

Фонема /е/ в именных окончаниях встречается достаточно редко в говоре: в субстантивном склонении она представлена только в окончании Р. мн. *-e̞j/*: *мат'ур'е̞й, д'ит'е̞й, гус'е̞й* и в безударном окончании И. мн. *-e/*: *кр'ес'м'уан'е*; во всех формах мягкого субстантивного и адъективного склонений и в М. ед. м.-ср. местоименного склонения, содержащих *е, она последовательно заменена фонемой /ъ/ под влиянием алломорфов твердой разновидности склонений:

Т. ед. *с'астрѡй — з'амл'ѡй, м'ажѡй*;

Р. мн. *домѡв — брат'ѡв, ацѡв*;

И-В. ед. *с'алѡ — кас'ѡ, л'ицѡ*;

Р. ед. м. *мьладѡу — ч'ужѡу*;

Д. ед. м. *мьладѡму — ч'ужѡму*;

М. ед. м.-ср. *мьладѡм — ч'ужѡм; аднѡм — ус'ѡм, майѡм*;

Р.-Д.-Т.-М. ед. ж. *мьладѡй — ч'ужѡй*.

Форма И.-В. ед. ср. *ус'ѡ* не употребляется при именах, и ее ср. род не является согласовательным: *вѡт таб'ѡ и ус'ѡ*. Вообще в говоре согласовательный ср. род отсутствует: при существительных ср. рода употребляются исключительно формы «морфологического» ж. рода прилагательных, местоимений, глаголов: *ус'а с'алѡ, вѡт таб'ѡ и ус'а д'ѡла* и под. — явление, широко представленное в говоре Роговатки и говорах юго-восточной диалектной зоны [ДАРЯ 2, карты 12, 13].

В местоименном склонении, напротив, фонема /е/ распространилась в окончаниях Р.-Д.-Т.-М. ед. ж. единственного слова местоименного склонения с твердым исходном основы и ударным окончанием — *один*:

Р.-Д.-Т.-М. ед. ж. *ѡднѡй — ѡей, у н'ѡй, мьѡй, твьѡй, свьѡй*.

Аналогическое выравнивание флексий косвенных падежей ж. рода твердой разновидности местоименного склонения по мягкой разновидности является в говоре несомненно юго-западной диалектной особенностью. В части юго-западных говоров такое выравнивание имеет место в окончаниях косвенных падежей ж. рода прилагательных, например, в говоре с. Нехочи Хвостовичского р-на Калужской обл. (запись М. Н. Толстой, А. В. Тер-Аванесовой, И. С. Пекуновой, 2013 г.): Р.-Д.-Т.-М. ед. ж. *маладэй, ч'ужэй, бал'шэй*, а в небольшой части юго-западных говоров — также в Т.ед. существительных *a*-склонения: *с'астрэй, з'амл'эй* (ДАРЯ 2, карта 42). Факт выравнивания твердой разновидности адъективного и местоименного склонения по мягкой является косвенным подтверждением предположения о происхождении флексий твердого *a*-склонения под влиянием мягкого в юго-западной диалектной зоне.

2.2.4. Инновационным элементом в роговатовской в системе спряжения является переход *i*- и *ě/i*-глаголов с безударными окончаниями в I спряжение. Если безударное окончание 3 л. мн. ч. *-ут'* у этих глаголов является в основном южнорусской диалектной особенностью, то окончание *-e/ 3 л. ед. числа*, помимо южнорусского окско-донского ареала, встречается практически во всех восточнукраинских говорах: рус. *стáв'e / стáв'a, хóд'e / хóд'a, в'úd'e / в'úd'a, дýше / дýша*; укр. *стáве, хóде, бáче, тёрне*. Украинский и русский ареалы этой инновации смыкаются.

Окончание *-e/ 3 л. ед. ч. i- и ě/i-глаголов* с безударными окончаниями свойственно современному русскому и украинскому системам флексий 3 лица, различным по своему устройству. Однако и в русских, и в украинских системах появление этого окончания должно объясняться аналогией с глаголами *e*-спряжения (I спряжения).

В украинских говорах встречается несколько систем флексий настоящего/будущего времени; система, свойственная украинскому литературному языку, является одной из самых распространенных. В подавляющем большинстве украинских говоров нет различий в том, что касается флексий 3 лица I спряжения и ударных флексий 3 лица II спряжения (за исключением твердости/мягкости конечного *m/m'*, которую мы не рассматриваем):

I спряжение: 3 ед. *идé, б́уде*, 3 мн. *иду́м(ʔ), б́удум(ʔ)*; II спряжение: 3 ед. *мовч́ум(ʔ), 3 мн. мовч́ум(ʔ)*.

Различия между украинскими системами спряжения, касающиеся форм 3 лица, главным образом, сводятся к наличию/отсутствию конечного элемента *m/m'* и качеству тематического гласного в безударных формах II спряжения. Встречаются следующие системы [см. (АУМ 3, том III, ч. 3, карты 38, 39)]:

(1) 3 ед. *хóдум(ʔ)*, 3 мн. *хóд'а(и)м(ʔ)* — в лит. языке, большинстве центрально- и западноукраинских говоров;

(2) 3 ед. *хóди*, 3 мн. *хóд'а(і)* — в покутско-буковинских и восточногуцульских говорах (в некоторых из этих говоров — в сочетании с системой (1), см. [АУМ 2, карты 240, 242];

(3) 3 ед. *хóде*, 3 мн. *хóд'а(і)м(')* — в огромном числе восточнорусских говоров, начиная от северной части Черниговской обл. и далее к востоку от линии Конотоп – Черкасы – Умань – Винница – Хмельницкий – Каменец-Подольский;

(4) 3 ед. *хóде*, 3 мн. *хóд'ум(')* — в небольшом числе говоров вдоль украинско-русской границы, а также в отдельных населенных пунктах на восточноукраинской территории.

Система (4), совпадающая с роговатовской, таким образом, представлена лишь в очень небольшом числе украинских говоров, в основном в зоне непосредственного контакта украинского и русского языков в позднейшее время; флексия 3 мн. *-ут'* у глаголов II спряжения с безударными окончаниями может рассматриваться как влияние русского языка. Гораздо больший интерес представляет система (3), в которой безударная флексия 3 ед. *-е/* у глаголов II спряжения появляется под влиянием I спряжения. Современное распространение форм типа *хóде* показывает, что они должны были возникнуть на северо-востоке современной Украины, предположительно в Слобожанщине, и оттуда продвигаться на юг и юго-запад по мере заселения этих территорий.

Вероятно, это аналогическое преобразование первоначально имело место в зоне активных и продолжительных контактов южнорусских и восточнорусских говоров. Данные памятников письменности и лингвистической географии свидетельствуют о том, что формы типа 3 ед. *хóде*, *прóсе* существовали в южнорусских и в восточнорусских говорах уже в XVI–XVII вв. Так, южнорусские грамоты XVI–XVII в., описанные С. И. Котковым, относятся к юго-западной зоне русского языка и не содержат форм 3 лица без */т'/*. Однако в юго-восточной зоне, например, в рязанских говорах XVII в., эта особенность существовала, в том числе у *i*-глаголов 3 л. ед. ч. (Котков 1963: 212).

Связи восточнорусских говоров и в частности говоров Слобожанщины с русскими говорами Верхнего Дона — среднего течения Оки нуждаются в дополнительном изучении. Главное препятствие к нему в настоящее время — отсутствие в науке четкого представления об истории образования говоров южнорусского наречия. Изоглоссы, связывающие южнорусские и восточнорусские языковые ареалы, свидетельствуют о длительности и интенсивности контактов украинских и русских говоров в «средние» периоды истории этих языков.

2.2.5. Варьирование окончаний 3 лица. В говоре Роговатки, как и в большинстве верхнедонских говоров, отмечаются формы 3 л. ед. ч. I спряжения и 3 л. мн. ч. II спряжения с конечным */т'/*, но у старшего поколе-

ния они достаточно редки. Формы 3 л. с /т'/ (3 ед. *у́вар'ит'*, 3 мн. *пътстрó-йут'*, *н'асут'*, *бúдут'*) не имеют вариантов окончаний, исключение: 3 мн. *пътстрóйа* НД. Если добавление /т'/ и связано с влиянием литературного языка, то это влияние преломляется у информантов через их собственную систему окончаний 3 лица, в которой конечный /т'/ — (фонологически) мягкий.

Как и другие мягкие согласные фонемы, конечная фонема /т'/ в составе флексий 3 лица перед твердым согласным представлена частично или полностью отвердевшими аллофонами (*идут пь с'алу́*; *стаид за и́ей* и под.).

Ниже приводится полная выборка словоформ 3 л., встретившихся в записях речи АИ (1949 г. р.), ДИ (1923 г. р.) и НД (1939 г. р.) общей протяженностью около трех часов. Словоформы, отклоняющиеся от системы флексий, показанной в таблице 3, выделены жирным шрифтом. Дополнительно к этому все формы 3 л. мн. ч. глаголов II спряжения выбраны из двухчасовой записи речи АА (1926–2013).

I спряжение, 3 ед., ударные окончания: *тк'э́*, *ц'в'ит'э́*, *жыв'э́*, *пъд'э́* 3х, *уйд'э́* 3х, *взъйд'э́* 2х, *пръйд'э́*, *пъдъйд'э́*, *рсть'э́* 12х, *възм'э́*, *пръпъд'э́*, *ъбд'ир'э́*, *м'ит'э́*, *н'ис'э́*, *умр'э́*, *сн'ис'э́* 2х, *къшгн'э́* (всего 34 примера) ДИ; *н'и възм'э́*, *н'и б'ир'э́* АИ; *пр'ив'ид'э́*, *пъид'э́*, *пъд'э́*, *пъдъид'э́*, *пъв'из'эм'* НД; один раз зафиксировано у АА: *пр'ив'ез'эм'*;

безударные окончания (глаголы исконно I спряжения): *мôже* 20х, *л'áже*, (*н'а*) *бúд'а* 10х, *пр'ийéd'а*, *зал'э́з'е*, *асну́йа*, *выпíе*, *пр'исты́н'а*, *зъсо́х'е*, *пáх-н'е*, (*рсь-*, *у-*)*кáжэ* 4х, *скáже*, (*н'а*) *хóч'а* 5х, (*у*)*знáйе* 5х, *хтó знáе*, *нъзывáйе*, *бувáйа* 3х, *пън'имáйа*, *зъдъвáйе*, *дъвáйа* 2х, *д'элъйе* 2х, *дúмъйе*, *т'ер'áйе*, *св'еркáйе*, *кпáйе*, *вы́кпъйе*, *пр'ильскáйе*, *хвэрáйа* 2х, *бръсáйе*, *кусáйа* 2х, (*зъ*)*л'етáйа* 3х, *уб'еуáйа*, *наръстáйе* 2х, *ск'идáйе*, *пъткътáйе*, *ъбръш'áйе*, *рсь-кáзвъйе*, *зъквáшьвáйе*, *д'ейству́йе* 2х (всего 85 примеров), *хтó знаит'*, *мôжът* (может быть), *зъбáл'ивъит'*, *буáит'* ДИ; *мôжэ*, *вы́рсть'е*, *бúд'е* 4х, *ид'е*, *н'и ум'э́йе*, *дúмъйа*, *зб'ивáйе*, *пъдуч'áйе* АИ; *бúд'е* 9х, *ид'е*, *памôжа*, *асну́йе*, *скáже*, *праи́ише*, *ур'án'а*, *пъймáйе*, *зд'елáйе*, *жълáйе*, *бълáкъйе*, *уул'áйе*, *уст'вáйе*, *нърывáйе* (всего 22 примера), *съб'ура́ит'*, *ну дъ хтó знáит'* НД;

безударные окончания (глаголы исконно II спряжения): *л'уб'а*, *п'ил'а*, *пáспôр'а*, *търáтôр'е*, *надôйе-надôйе*, *тôп'а*, *звôн'а* 2х, *харôн'а*, *ътч'ихвас'т'е*, *свôл'а*, *крáс'е*, *йéзд'е*, *цôд'е*, *распúст'а* 2х, *хвát'е*, *хôд'а* 2х, *н'е прапúст'а*, *пр'ура́луб'а*, *пал'э́з'а* (всего 23 примера), *знáч'ит'* ДИ; *н'а кúп'а*, *л'уб'а* 2х, *крôша*, *вы́лíz'ит'* АИ; *вы́угн'е*, *на(с)мúт'а* 3х, (*ат-*, *пра-*, *рас-*)*пúс'та* 5х, *салúшь* (шелушить), *астúд'а*; *настúп'а*, *асúд'а*, *кру́т'а*, *аткúс'а*, *лúп'е*, *разлúч'а*, *л'уб'а*, (*пр'и*)*сúша*, *затúша*, *бурôв'е*, *хвát'е*, *рстьтôр'е*, *вôд'а*, *вôз'а*, *уôн'а*, *уалôс'а*, *кôс'а*, *раскôр'а*, *укарôт'е*, *лôв'а* 3х, *атлôм'а*, *малôт'а*, *намôч'а*,

(при)но́с'а 3х, разбо́р'а, (на)по́йе 3х, с(на)про́с'а, уро́н'а, уско́ч'а 2х, со́л'а, ко́се^а, то́п'а 3х, (на)то́ч'е, (пат-, при)хо́д'а 8х, па́лoжа 2х, сла́д'а, (пр)э́лаз'е, ньда́в'е, дра́жн'е, схва́т'а, ко́т'е, по́л'а, напо́р'а, пьсо́д'а, н'а л'эч'а, кал'эч'а, пр'ил'эп'а 3х, зам'эс'а, св'эт'а, цoд'е, пр'у́галуб'а, зау́луша, нау́руз'е^а, ду́ше, укл'у́ч'е, кру́т'а 2х (всего 91 пример), **ьтра́в'ит'**, **кало́т'ит'**, **ло́жыт'**, **хд-д'ит'**, **хдд'ит'** д'и́в'ир' НД;

І спряжение, 3 мн., ударные окончания: *расту́т'* 4х, *нач'ну́т'* АИ; *б'ару́т'*, *мну́т'*, *н'и заву́т'*, *м'ату́т'*, *зур'абу́т'*, *жду́т'*, *нач'ну́т'*, *нашну́т'*, *скр'абу́т'*, *расту́т'* 3х ДИ;

безударные окончания (глаголы исконно І спряжения): *с'эйу́т'*, *зна́йу́т'* 2х, *н'е ст'анут с калхoза, н'е ска́жут там, пры́у́йу́т'*, *уул'а́йу́т'*, *л'ета́йу́т* *пч'oлы, ёбиевл'а́йу́т'*, *ньр'ьста́йу́т'*, *ньр'ека́йу́т'*, *вэл'ива́йу́т'*, *пр'ьб'ра́жы-в'эйу́т'*, *пр'ьт'а́ув'эйу́т'*, *б'ас'ед'ьв'эйу́т'* 2х, *б'ьуат'эйу́т'* АИ; *вьр'ьстут'*, *бу́дут'* 3х, *пр'ийе́дут'*, *мо́ут'*, *снуйу́т'* 3х, *накро́йут сало́м'ьнн'ью, заву́т'*, *мо́кнут'*, *р'э́жуют'*, *ска́жуют'*; (з)д'э́льйу́т' 6х, д'э́льйу́т карз'и́ны, б'э́уайу́т', *п'ьд'ору́йу́т'*, *иура́йу́т'* 2х, *зду́м'йу́т'*, *рабо́т'йу́т'*, *к'ьп'а́йу́т'* 2х; (*пр'и-*, *зь-*, *п*)б'ива́йу́т' 4х, *н'зыва́йу́т'* 3х, *вьжыма́йу́т ньпр'им'ер, пр'ьд'ьва́йу́т'*, *н'и д'ьва́йу́т'*, *бува́йу́т'* 3х, *н'ь бува́йу́т урoзы; вьта́ск'вьйу́т'*, *зьк'ла́дывайу́т'*, *ст'а́ув'ьв'эйу́т'* 2х, *спра́шывьв'эйу́т'*, *зьк'ва́шывайу́т'* 2х, *р'ьз'ува́р'ив'ьв'эйу́т'*, *св'а́зывьв'эйу́т'*, *зьца́пл'ив'ьв'эйу́т'*, *ньсно́вьв'эйу́т'*; *ньд'ьвл'а́йу́т'*, *ьскр'еба́йу́т'*, *ск'ид'а́йу́т'*, *пр'иб'еу́а́йу́т'*; *к'ьл'ад'у́йу́т'* 3х, *кру́у́йу́т'* ДИ;

безударные окончания (глаголы исконно II спряжения): *н'и атк'уп'ут бо́рану, м'эс'ут' хл'эп, н'ь д'ьба́в'ут'* АИ; *п'и́л'ут'*, *ко́с'ут'*, *су́иут'*, *ла́з'ут'*, *ьбмало́т'ут'*, *ку́р'ут'*, *во́р'ут'*, *хо́д'ут'*, *звoн'ут'* ДИ; **п'ьстро́йа** НД;

II спряжение, 3 ед.: *у́ввар'и́т'*, *пр'ьу́ввар'и́т'*, *у́раз'и́т'*, *нькап'и́т'*, *м'ьра-с'и́т'*, *ньрав'и́т'*, *п'рас'т'и́т'*, *рад'и́т'*, *рас'т'и́т'*, *п'ьул'ад'и́т'*, *уар'и́т'*, *из-в'ин'и́т'*, *ст'ьражы́т'*, *пр'еду́пр'ад'и́т'*, *зьпр'ат'и́т'*, *с'ьур'ашы́т'*, *сл'ад'и́т'*, *сп'ашы́т'* НД; *ста́йт'* 3х, *с'в'ар'б'и́т'*, *зьк'ит'и́т'*, *л'ажы́т'* 2х, *с'ид'и́т'* 3х, *иу́м'и́т* *Н'у́рка, (пр'ь-, зь)л'ат'и́т'* 4х, *ньбу́бн'и́т'*, (*пр'ь*)у́ввар'и́т' 10х, (*пра-*)*сп'и́т'*, *сп'и́т'*, *ньбу́р'и́т'*, *далб'и́т'* 2х ДИ; *кру́шы́т'*, *зьл'ан'и́т'*, *л'ажы́т'* АИ;

II спряжение, 3 мн.: **п'ур'кр'ес'т'и́т'**, **рыхл'и́т'**, **зьпы́л'и́т'** НД; *п'ьр'-кр'ест'а́, у́вьвр'а́* 7х, **у́вьвр'и́т'** 7х, ДИ; у АА зафиксированы только формы без /т'/: *у́вьвр'а́* 7х, (*п'ь*)у́л'ед'а́ 3х, *сты́а́* 2х, *с'ид'а́*, (*п'ь*)йед'а́ 4х, *в'ис'а́*; в достаточно большом тексте, записанном от ЕФ: **в'ис'и́т'**, *с'ид'а́*.

Можно видеть, что единичные отклонения от исконной системы представлены даже у самых старших информанток АА 1926 г. р. и ДИ 1923 г. р., несколько чаще они встречаются 60–70-летних. Не более 6,4% от общего числа словоформ 3 л. ед. ч. I спряжения имеют «новые» окончания, при этом у ДИ

«новых» форм всего 3,4%, а у АА их процент и вовсе ничтожен (всего 1 пример на двухчасовую запись). Несравненно более редкие в текстах словоформы 3 л. мн. ч. II спряжения в среднем в 30% случаев имеют «новые» окончания; при этом у НД 1939 г. р. все три зафиксированные словоформы имеют «новые» окончания, у ДИ и ЕФ 1939 г. р. число исконных и «новых» форм одинаково, а у АА зафиксированы только исконные формы (18 примеров). Таким образом, в целом у людей старшего возраста исконная система окончаний 3 лица сохраняется достаточно последовательно, а у АА — практически в чистом виде.

2.3.5. Основа презенса на *-ий-* у *i*-глаголов с неподвижным ударением на корне. Как и во многих восточнорусских говорах и в «московском просторечии», в Роговатке зафиксировано несколько глаголов с неподвижным ударением на корне, у которых в основе настоящего/будущего времени имеется элемент *-ий-*: 3 мн. *лáz'ийут'*. Как правило, оформление основы презенса у таких глаголов возможно как с этим элементом, так и без него: *лаз-*: 3 ед. *лáz'е пь палу́, прьлáz'е*; 3 мн. *зьлáz'ут'* (воры), *кúры зьлáz'ийут'*, *лáz'ийут'* пь пьмо́йкѣх, *вьлáz'ийут'* (в космосе) НД; 3 ед. *вьлáz'ит'* АИ; 3 мн. *лáz'ут'* ДИ; НД; *морôч-*: прош. *он мн'ѣ зьмарôч'ил' уóльву*; повел. *н'ьмарôч'ий уóльву* 2× НД; *мёр-*: 1 ед. *м'иёр'ийу* АА.

3. Ударение и корневой вокализм *i*-глаголов. В говоре Роговатки у *i*-глаголов различаются следующие акцентные парадигмы:

А (неподвижное ударение на определенном слого корня/основы): 1 ед. *пóмн'у*, 2 ед. *бурóв'иш*, 3 ед. *бурóв'е, сòб'иццѣ*, 1 мн. *пóмн'им*, 3 мн. *атхóл'ут'*, прош. м. *свьастòжыл, рьзл'ан'ів'илс'и*, ж. *кòнч'ила, пр'ивáд'илтс'*, мн. *пакòн'ч'ил'и, уьрбáт'ил'ис'е*, инф. *уатòв'ит'*, *сусòл'иццѣ*;

В (смежно-подвижное ударение): 1 ед. *л'убл'у́*, 2 ед. *пратс'уд'иш*, 3 ед. *л'уб'а*, 1 мн. *л'уб'им*, 2 мн. *л'уб'ит'а*, 3 мн. *сл'ужут'*, прош. м. *хад'ил, ач'ут'илс'и*, ж. *ухад'илтс'а*, мн. *хад'ил'и, пьлуч'ил'ис'е*, инф. *л'уб'ит'*;

С (ударение на окончании в формах наст./буд. времени, на теме *-и-* в форме 2 мн., на суффиксе *-и-* в прош. времени и инф.): 1 ед. *уьвар'у́*, 2 ед. *уьвар'иш*, 3 ед. *уьвар'ит'*, *зьуад'иццѣ*, 1 мн. *сад'имс'и*, 2 мн. *уьвар'ит'е*, 3 мн. *уьвьр'á, уздур'áццѣ*, прош. *уьвар'ил, рьзл'ан'илс'и, уьвар'ила*, мн. *пьсад'ил'ис'и*).

Акцентные кривые нескольких *i*-глаголов отклоняются от а. п. В и С, что с исторической точки зрения представляет собой остатки старой подвижности ударения. У трех глаголов это нафлекссионное ударение форм прош. времени ж. р. или возвратных форм мн. ч.: 1) *родить* (а. п. С) имеет формы ж. р. и мн. ч. возвратных глаголов с ударением на окончании — ж. *рьд'ила́, рьд'и-*

лác', мн. ч. *рѣд'ил'ис'*; м. р. *рад'илс'и*; 2) *валить* (а. п. В < с), *явиться* (а. п. В), *воротить* факультативно имеют формы ж. р. возвратных глаголов с нафлекссионным ударением — ж. *нѡвал'ила*, с-, *ѡт-*, *рѣзвал'илс'*, но *пѡвѣлилác'*, м. пѡ-, *свал'ил*, с-, *ѡтвал'илс'и*, мн. *рѣзвал'ил'и* (хаты), *свал'ил'ис'*; ж. *йѡв'илác'*, м. *пѡйав'илс'и*, мн. *пѡпрѡйав'ил'ис'е*; ж. *пѡвѣрѣт'илác'*.

У глаголов *ложить* и *садить* это накоренное ударение ряда форм, видимо, появившееся в результате обобщения ударения бесприставочных форм-энклиноменов м., ср. р., мн. ч., а также 1 л. ед. ч., на что указывает фонема /o/ (у форм *садить*, по-видимому, — под влиянием *ложить*): 1 ед. *пѡлажѹ*, *пѡлѡжу*, 3 ед. *пѡлѡжа*, прош. м. *пѡдлажѣл*, ж. *пѡлажѣла* / *пѡлѡжѣла*, *лажѣла*, мн. *пѡлажѣл'и*, прич. *пѡлѡжѣна*; инф. *пѡлѡжѣт'*; 3 ед. *пѡсѡд'а*, *нѡсѡд'ищѹ* (наестя); прош. м. *пѡсѡд'ил* / *пѡсад'ил*, мн. *пѡсад'ил'и* (возвратные каузативы *садѣться* и *ложѣться* относятся к а. п. С).

Всего зафиксировано 108 глаголов а. п. В, 83 глагола а. п. А, 39 глаголов а. п. С. Количественный перевес глаголов а. п. В объясняется переходом от нафлекссионного ударения форм наст./буд. времени к смежно-подвижному, который, видимо, произошёл сравнительно недавно в южных и юго-восточных русских говорах, см. (Образование: 118–124, карта 35). Этот переход, вместе с утратой подвижности ударения в наст./буд. и в прош. времени глаголов а. п. с, привел к частичному совпадению старых а. п. *b*₁, *b*₂ и *c* у *i*-глаголов. Однако в роговатовском говоре, как и в обширном юго-восточном ареале, переход а. п. С > В в наст./буд. времени сопровождался появлением гиперкорректных огласовок корня, что позволяет реконструировать у части глаголов старое место ударения. Гиперкорректные огласовки имеют место только после твердых (и отвердевших) согласных на месте гласных неверхнего подъема: фонема /d/ выступает в корнях форм наст. времени, исконно содержавших *o, *a, *ъ в корнях структуры *TRъT, а также *ѣ, *e, *ъ после отвердевших согласных. Это означает, что глаголы с корневыми *a и *ѣ, *e (после отвердевших согласных), *ъ в корнях структуры *TRъT позволяют различить старое и новое смежно-подвижное ударение форм наст./буд. времени, в отличие от глаголов с корневой *o (и глаголов с гласными верхнего подъема и переднего ряда после мягких в корне, у которых представлены «этимологически правильные» огласовки корня).

Ниже *i*-глаголы сгруппированы по исконным корневым гласным. Внутри каждой группы материал разделён в соответствии с современными акцентными парадигмами глаголов (а. п. А, В, С). *i*-глаголы позднего образования помещены в разделах, посвященных древним корневым гласным, так сказать, «по созвучию» корней.

3.1. Гласные *i, *y, *и, *о в корнях/основах *i*-глаголов имеют ожидаемые рефлексы, одинаковые у глаголов всех акцентных парадигм.

Глаголы с корневой фонемой /*у*/ < *и, *о. **А. п. А.** крючить: прош. *тот р'иб'оньк скр'уч'илс'и*, *гар'ит' н'аун'е* НД; мүлить: прош. *дав'и-ч'е п'п'алс'и* и *камушк* и *мүл'ил* ДИ (натирать ногу); мүчить: прош. *намүч'ила* НД; черепүшить: прош. *а доши н'е'уо н'ьбут'ыл*, *этч'эр'апүшылс' св'эр-ху т'онк'ий хван'ер'ь* АИ (отслоиться); голүбить: 3 ед. *пр'и'уалүб'а* НД; также /*у*/ в новообразовании шкүлить: 3 мн. *йе'уо ид'е-н'ит' зашкүл'ут' и атхб-л'ут'* ДИ (захватить?).

А. п. В. блудить: 3 мн. *зблүд'ут'*, прош. *а рас зьблүд'ила у свайом къл'и-дбре* ДИ; глушить: 3 ед. *зарлүша п'йд'е дв'ер'и*; повел. *ид'и зьлуши*; прош. *зьлушылс'е* НД; 3 ед. *зарлүшыци'ь* АИ (запереть двери); грузить: инф. *уру-з'ит'*, прош. *н'уруз'ил'и* и *маши'ну*, *уруз'ил'и*, *н'уруз'ила*, 3 ед. *науру'з'е^а*, инф./буд. *бүд'е* и *уруз'ит'* НД; душить: 3 ед. *дүше*, прош. *удушылс'и* 2× НД; прош. *удушылс'и* Ми (душить; повеситься); ключить: 1 ед. *укл'уч'им*, *М'ит'* *укл'уч'и т'ил'ив'из'эр* — *п'д'е* *укл'уч'е* НД; кружить: 3 ед. *кру'жыци'а*, прош. *кру-жылс'е* *у'ал'ва* НД; крутить: 3 ед. *кру'т'а*; *з'ькру'т'ил'ил'и* *бүд'а* *кру'т'ит'*; *вон М'ит'а* *м'асла*, *вон там он кру'т'а...* *в'ин'том* НД; купить: 1 мн. *күп'им*, прош. *куп'ил*, *куп'ил'и*; *аббим* *д'ев'ч'к'ем зьлатыйе* *с'ир'о'жыч'к'и* *п'акуп'ила* НД; прош. *эт'т* *д'ет* *же* *и* *куп'ил* *ету* *кар'бу*; *Д'ь* *у'вар'ит'* *й'а* *шт'о*, *й'а* *й'ей* *н'ь* *б'ьз'ар'е* *куп'ил* *ету* *кар'бу*, *ч'и* *з'ь* *п'еци'от* *рубл'ей* Ми; 3 ед. *А* *их* *н'их'то* *хл'е-* *бушк'и* *н'а* *күп'а*, *н'их'то* *д'ар'ьм* *н'и* *б'ир'е*; 3 мн. *саб'е* *н'и* *аткүп'ут* *б'орану* АИ; 2 ед. *күп'иши*, прош. *куп'ил'и* ДИ; курить: 3 мн. *ш'ас* *к'нап'и* *күр'ут'* ДИ; кусить: 3 ед. *аткүс'а*, 3 мн. *укүс'ут'* *л'еиши* (клеп) НД; лупить: 3 ед. *доши* *лүп'е* *у'ж'шин'ий*, прош. *п'луп'ил* *у'рат* НД; лучить: 2 ед. *ш'ас* *палүч'иши* *п'ь* *ж'оп'е!* 3 ед. *разлүч'а* *х'то-йта*, *с'в'ок'эр* *н'е* *ж'ылайе* *снахү*, *р'ьзлүч'ал'и* *их*; 2 ед. *св'ий* *палүч'иши*; 3 ед. *палүч'ици'ь* (случится), *случ'ай* *к'ьк'ой-т'ь* *в'т* *случ'ици'ь*; *што* *слүч'ици'ь*; прош. *случ'ылс'е* *б'ед'а* НД; прош. *бар'он* *п'ат'* *там* *л'еж'ала*, *а* *п'лүч'ылс'е* *уш* *ьд'на* *б'ьр'на*, *а* *ч'ьтыр'ох* *уш* *н'ету* АИ (оказалась); прош. *н'е* *п'лүч'ил'ис'е* *к'рс'на* ДИ (не удалось основать ткацкий стан); *А* *ш'о* *ш* *у* *й'уо* *п'лүч'ылс'е*? (с ним случилось) М; любить: 1 ед. *д'ь* *й'а* *их* *с'а-* *м'ий* *л'убл'у* (больше всего люблю — эстрадных певцов); 3 ед. *кан'х'в'етк'и* *л'уб'а*; прош. *л'уб'ила* НД; 1 ед. *й'а* *ж* *л'убл'у* *п'д* *м'ит'олку*, *ну* *а* *да* *к'эх* *пор* *ан'и* <наговоренные нитки будут лежать под порогом хлева> Ми; *аднү* *л'уб'е* *л'оши'д'а* ДИ; 3 ед. *ана* *б'ьлак'ьт'* *л'уб'а*, *ана* *услүх* *дүм'й'а*; 1 ед., 3 ед. *й'а-т'ь* *н'ь* *л'убл'у*, *а* *мама* *л'уб'е* *б'ьлак'ьт'* АИ; 2 мн. *н'а* *л'уб'ит'а*, прош. *п'ал'уб'ила* ДИ; 1 ед. *л'убл'у*, прош. *л'уб'ила* *пл'ес'ат'* *и* *у'рат'* дМ; М: *А* *й'а* *л'уб'ила* (лепешки из прелого картофеля). — НД: *Д'ь* *й'а* *л'уб'ила*, *и* *ш'о* *ишио* *л'уб'ит'*;

му́тыть: 3 ед. *намут'а*, с *к'ём-та смут'а* с *л'уд'ам'и*; он *нъмут'ыл*, *ил'и намут'а*, а *мы рууáимс'и тады* НД; пусты́ть: 3 ед. *атпус'та*, *пүс'т'е*, прош. *пус'т'ила*; *лóшът' как пуст'ылс'е на рыс'йак* НД; *ръспуст'ыл уубы*, и *н'ич'ьуб н'ь упръвл'áиццъ д'элът'*; 3 ед. *н'е прапүст'е*; *хто-н'ът' ъбнър'ад'иццъ*, *вьна́ рубáху распүст'е*, *в'иск'и распүст'е* <нарядится ведьмой и идет доить чужих коров> ДИ; салушы́ть/шалушы́ть: *Вот кукуру́зъ, а он йей салу́шь*. Ну, *пъсълушы́т' йейе náдъ*. *Шл'áпы патсóлнухъ мóжень сълушы́т'* ДИ; *пъмъун'эш йаму тут* <цыплёнку вылупляться из яйца>, *ръишалу́шыш* НД; служы́ть: 3 ед. *И н'икъуб удүшгн'икъв*, *н'е пъм'инайут'*, *н'и атч'итывайут'*, а *ьднá цёрква у нас* у *Старъм Аскóл'е* — *на н'их служы́т'*; прош. *н'е даслужы́лс'и* НД; студы́ть: *Павел. ул'ад'и н'ь пръстуд'ис'*; 3 ед. *астүд'а*; прош. *у н'ьтэлл'онъм с'ид'эл'и с'ил'сав'ет'е*, *мóжь, там пърпръстуд'ыл'ис'* ДИ; 2 ед. *прастүд'иси* — *ну бал'ес'н'*, *ч'ир'ий*, *он уствъáие валдыр'* и *нърывáие ч'ир'ий*; прош. *он хад'ыл* и *зъкрывáл* и *ъткрывáл*, и *пъкá вот пърпръстуд'ыл'ет'и* НД; прош. *пръстуд'ила*, инф. *пръстудит'* М; ступы́ть: 3 ед. *наступ'а* НД; суды́ть: 3 ед. *асүд'а* НД; сушы́ть: инф. *вот пр'исушы́т'* — *тóка в тр'и уóда ад'ин рás*. А *бóл'е н'ет* (знахарь способен присушить раз в три года); 3 ед. *д'ен'ү'и схвáт'а*, а *пр'исушы́т' н'е пр'исүша* Ми; 3 ед. *къкáйа вот пр'исүша*, а *эта ид'е к н'ей л'ач'иццъ*. *Бнá н'и въз'м'эццъ йей*. *Н'и памóжа* (та знахарка, которая присушила, не возьмется лечить и не поможет присушенной ей женщине); 3 ед. *сүша*, прош. *сушы́л'и* НД; *сушы́л'и* М; туры́ть: 3 ед. *тóл'к'а н'и нътур'áй*, а *то эл'áт' натүр'иши пóлну тар'элку*; прош. *дъ куды́ ты м'н'э тóкъ нътур'ыл'!* (пихать, *экспр.*) ДИ; тушы́ть: прош. *тушы́л'и пъжáр*, 3 ед. *затүша ъубн'* (гасить свет, пламя) НД; учы́ть: 3 мн. *үч'уццъ-үч'уццъ*, а *тáх-тъ н'а вьүч'уццъ* (люди не могут научиться так, как Христос, спускаться с неба и подниматься обратно) АА, прош. *нъуч'ылс'и* НД, и *уш он их пón пньүч'ыл* ДИ; очуты́ться: инф. *ач'ут'иццъ дъ на тóм с'в'ет'и*; 3 ед. *ач'ут'иццъ*; прош. *Тóкъ вот стъйáл тут* — *а в'ид'иши*, *куды́ он ач'ут'ылс'и*, *уш на тóм каниү уб'эх*; *Как он ач'ут'ылс'и туды́?* 3 ед. *Нэт*, *суды́ н'и ач'ут'иццъ*, а *ушóл мъл*, *стъйáл вот тóкъ шъ стъйáл*, и *в'ид'иши*, *куды́ он эч'ут'ылс'и* вон НД.

А. п. С. бубны́ть: 3 ед., 2 ед. *зъкалдыжный*, *бубн'ит'* *што н'и пónд'а*; *што-н'ибут'* *он нъбубн'ит'*, *ну а мы уъвар'им тады нъ н'ьуб на этъвъ ч'ила-в'эка*: *ты б'эз уълавы́*, *бубн'иши хто знай што* ДИ (говорить ерунду, *экспр.*); **буры́ть**: 3 ед. *нъбур'ит'* *эту пóлну тар'элку* ДИ (много наложить, *экспр.*); **буты́ть**: прош. *нъбут'ыл пóлну кру́шку*, а *кру́шкъ бъл'шáй* ДИ (много налить, *экспр.*); прош. *А доиши нъ н'ею́ нъбут'ыл*, *этч'ър'апүшыгыс' св'эрху тóнкъйъ хван'эрь*, *стал плъхóй стóл* АИ (налить); **дуры́ть**: *узбушүйуццъ*, *узду-р'áиццъ* (дети в детском саду) АА; **крушы́ть**: 3 ед. *ъцá-мáт'ер'а крушы́т'* АИ

(огорчать; из песни); по-, (с)лучиться: (/В): 3 ед. *Палуч'ициць, случ'ай къкôйтъ вѣт случ'ициць; што случ'ициць* НД (ср. *получить(ся), разлучить* — В); тjохтить: 2 ед. *ш'ас нѣт'ухт'иши в'ѣтѣк у ш'и'и';* прош. *ѣп'ат' нѣт'ухт'илъ л'ис'т'иѣв ѣт'их ат'лѣка;* 1 ед. *ѣа нѣт'ухт'у;* прош. *кудѣ ты нѣт'ухт'илъ тôкъ?* 3 ед. *ты в'ид'иши, скôкъ пр'ин'есла, ш'ас нѣт'ухт'ит'* ДИ (насовать, наложить, экспр.).

3.2. Глаголы с корневой фонемой /и/ < *i, *у. **А. п. А. чѣстить**: прош. *ч'ис'т'ил* (хлев) Ми; 3 мн. *пач'ис'т'ут'* (иконы) *хѣз'еивá,* 3 мн. *ач'ис'т'ут' р'ѣну* НД; ленить: прош. *рѣзл'ан'ив'илс'и* НД; окандыбиться (умереть, экспр.): 1 ед. *дѣ мôжѣ ѣа ѣкандыбл'ус'ъ в ѣй'ун'у;* 1 мн. *ѣкандыбл'имс'и — ихн'ийе буд'е ус'ô;* прош. *дѣлá у н'ѣуô урѣзá, у уôлѣву пр'ам, и он свал'илс'и и ѣкандыбл'илс'и, ум'ър* ДИ.

А. п. В. пилить: 1 мн. *п'ил'им,* инф. *п'ил'ит'* НД; инф. *п'ил'ит'* *вот п'илá;* 3 ед. *он п'ил'а п'илôй,* 3 мн. *ан'и п'ил'ут' п'ил'ем'и* ДИ.

А. п. С. рыхлить: 3 мн. *дѣжжавѣйе ч'ър'в'акѣ, ан'и пал'ѣзныи, дл'и уарôду, рыхл'ат' уарôт* НД; стыдиться: 3 ед. *стыд'ициць* НД; винить: повел. 2 мн. *вѣ м'ине изв'ин'ит'е ѣа вас п'ир'абѣу'* дМ, 3 ед. *изв'ин'ит'* НД; пылить: *машѣны зѣпыл'ат'* НД.

3.3. Глаголы с корневым *o. У подавляющего большинства глаголов в корне под ударением *o > /ô/. Это имеет место в разных с исторической точки зрения случаях: у *i*-глаголов праслав. а. п. а (*морôзить*) или более поздних образований от слов а. п. а (*спôрить, позôрить, тревôжить*); у некоторых глаголов с вторичной а. п. А (*крôить*); у итеративов праслав. а. п. b₁ (*ходѣть: хôде* и др.); у каузативов и деноминативов праслав. а. п. b₂ и с, перешедших в юго-восточных русских говорах в а. п. В (*ловѣть: лôве, звонѣть: звôне, голосѣть: голôсе* и под.). Фонема /ô/ также представлена в заимствованных корнях *i*-глаголов а. п. А (*охвôрмить*), в корнях различных новообразований а. п. А, преимущественно с экспрессивными значениями (*бурôвить, насусôлить, совостôжить*, см. ниже). Огласовка ô, таким образом, распространяется практически во всех глаголах а. п. А и В по аналогии с огласовкой корней глаголов праслав. а. п. а и b₁, у которых корневая фонема /ô/ исконна: *o > /ô/ под «восходящим» ударением — старым акутом (*môrziti > *морôзить*), новым акутом (*kôpnčiti > *кôнчить*, *xôditi > *хôдить*) и под автономным ударением, тональная характеристика которого неясна (*gotôviti > *готôвить*).

Два *i*-глагола имеют в корне фонему /o/ на месте *o под ударением. Это глагол а. п. А *стрôить* (др.-р. а. п. b [Зализняк 1985: 137]), у которого огласовка корня может объясняться влиянием огласовки существительного *строй* <

*strǫjь; и глагол праслав. а. п. с *лѡжить/ложитъ*, невозвратные формы которого акцентуируются по а. п. А или В, возвратные — по а. п. С. У *ложитъ* фонема /o/ в корне, видимо, появилась под влиянием форм-энклиноменов типа *lǫžilь, *lǫžili (в которых *o находилось под «нисходящим» ударением).

Фонема /o/ имеется также в корнях *i*-глаголов а. п. А *растапѡритъ* ‘растапырить’ и *сундѡлитъ* ‘мазать’.

А. п. А (глаголы праслав. а. п. а; производные от основ праслав. а. п. а): *готѡвить*: прош. *пѣдуатѡв’ил’ис’* НД; инф. *уатѡв’ит’* АИ; *дозвѡлѣть*: прош. *н’и дазвѡл’ила* НД; *кѡнчить*: 3 ед. *кѡн’ч’ициъ*, 1 мн. *закѡн’чим*, прош. *шкѡлу пакѡн’ч’ил’и* ДИ; *кѡнч’ила* НД, М, *адна йурид’ич’ескѡй кѡнч’ила* НД; *морѡчить*: прош. *он мн’ѣ зьмарѡч’ил уѡльву*; повел. *н’ь марѡч’ѡй уѡльву* 2× НД; *позѡрить*: инф. *д’ѡхт’ѡм варѡта, бѡваль хтѡ кѡуо хѡч’е ѡпазѡрит’*, *варѡтъ нѡмѡжа* НД; *полѡзить*: прош. *налѡз’иль-налѡз’иль, на ѣтѡм пѣ кѡлидѡру* ДИ (ползая); *пѡмнить*: 1 ед. *скѡпк’и прѡвѡдъ пѡмн’у пѣ ѡлу’ибры*; прош. *успѡмн’ила* АИ; 1 мн. *базы’тѡ был’и, мѡй их пѡмн’им знѡим* М; *спѡрить*: 3 ед. *паспѡр’а* ДИ; прош. *спѡр’ила, спѡр’ил’и* НД; *тревѡжить*: инф. *Ну ил’и ѡйей пѣстыѡиннѣ тр’авѡжыт’* ДИ; *хѡлѣть*: прош. *лѡч’ч’ѣ п ѡйей атхѡл’ил’и, как астрыѡжѡнѡй хад’иль*; 3 мн. *ѡерѡ ид’ѣ-н’ит’ зашкѡл’ут’ и атхѡл’ут’* ДИ (бить); (приспо)-*сѡбитъся*: 3 ед. *ѡна вс’ѡ к Тѡн’и сѡб’ициъ* (тянуться, пристраиваться); инф. *пр’испасѡб’ициъ* ДИ; *сосредѡтѡчѣтъся*: инф. *н’ь мауу съср’ѡдатѡч’ициъ кѡдѡ м’ин’е п’ир’б’ивѡйут’* АИ;

глагол с вторичной а. п. А: *крѡить*: инф. *скрѡит’ рубѡху, пайдѡ рубѡху крѡит’*, 1 ед. *скрѡйу*, прош. *скрѡила* ЕФ;

глаголы с экспрессивными значениями, в том числе глаголы со значениями типа ‘мазать, пачкать’; ‘накладывать много и без разбора’, ‘делать неправильно, кое-как’; звукоподражательные глаголы речи (эти глаголы, как правило, имеют неодносложные корни структуры (CV)СуСѡС или, у глаголов речи, СаСаСѡС): *колубрѡдить*: прош. *нѣкълубрѡд’иль* (сказала или сделала не так, как нужно); 1 ед. *а ѡа нѡпр’имер вот щѡс н’и уд’аржѡ ѡйей* (иголку)..., *и вот с’ижу штѡ-н’ибут’*, *кълубрѡжу* (шью кое-как) ДИ; *бурѡвить*: 3 ед. *бурѡв’е — ѣтъ н’и р’ѡдѡм бѡлѡкѡйе* НД; повел. *н’и бурѡв’*; 2 ед. *Дѣ штѡ ты бурѡв’иши?* АИ (говорить неправильно, *экспр.*); *совѡстѡжить* (сделать быстро и/или кое-как) прош. *штук п’ѡд’ѡис’ѡт ч’астѡушѡк съвѡстѡжыла* ДИ; *м’ин’е съвѡстѡжыл скѡръ Йуър’* (снял на камеру и тут же показал) ДИ; 3 ед. *И ул’а-д’ит’е, кѡдѡ ѣтъ бѡпкѡ съвѡстѡжыциъ ѡтв’ич’ѡт’*; прош. *Прѣ м’ин’е бѡлѡкѡла, а ѡа съвѡстѡжыла. Съвѡстѡжыла, плѡхѡ, пѡкѡ ѡна м’ин’е ѣнта Н’ун’а хвал’ила* АИ; *мусѡлѣть*: 3 мн. *и вот бѡвѡль нѡмусѡл’уциъ, жѡл’и-та, а фс’ѡ хѡциъ бѡла пѡкрѡсив’ѡа* (нарумянят щеки свѡклой, *экспр.*) НД; *сусѡлѣть*:

3 ед. *Бурькám'и нъсусóлицъ* и *ид'а, ульзá вълуп'а* НД (намазать; нарумянит-ся, *экспр.*); инф. *он буд'е сусóл'ищъ, а nám нáдъ слúхът'* АИ (долго и нудно говорить, *экспр.*); таратóрить: 3 ед. *нъд ухám'и тьратóр'е* ДИ (болтать, говорить, *экспр.*); талабóнить: 3 ед. *Дъ напр'им'ёр тák, Н'инк, вот кькóй-тъ тьлабóн'а, «Дъ ё! л'ебó взб'ас'илс'и ии'е».* *Вот пiаннiй, ил'и бáбъ кькáй-тъ тьлабóн'а-тьлабóн'а, бранiвiйа* М; 2 ед. *Йа вот скóкъ рáс спрáшывала Н'ин.* *Ётъ ии'ó-тъ такóйе?* *Ну ты (цыганка) стайиш тьлабóн'иш — йа н'ич'ъуó н'е пн'елá. А йá бьлáкiйу — ты пн'елá* М (говорить без толку, непонятно, *экспр.*); таладóнить: инф. *ну хвát'е таб'е тьладóн'ит', тьладóн (зануда)* (говорить долго и нудно, *экспр.*) НД; нацурóпить: прош. *Ой, там йа нъцурóп'иль у ч'áй и тьуó,* и тьуó ДИ (наложить, напихать, *экспр.*);

глагол с заимствованным корнем: охвóрмить: инф. *ты дьлжнá ахвóр-м'ит'и* и дьлжнá кв'итáнцiйу вiп'исът' ДИ.

Глаголы а. п. А с фонемой /о/ в корне: стрóить: 1 ед. *пъстрóйу*, 3 мн. *пъ-стрóйа*, 3 мн. *пътстрóйут' иьуо там, пьдд'эльйут'* (баз), прош. *пъстрóи-л'и; пр'истрóилс'и!* *жал'ёзный пьдiйд'ё и карóв буд'е дайт'* (робот); прош. (хату) *ръвал'ил'и, и пьстрóил'и; ет щáс вот дьмá, а тьдá хата ад'инáрка стрóилс'а;* прич. *стар'инные хаты вот, пьстрóини, кр'ёнкáи* НД; инф. *хату стрóит'* АИ; инф. *н'ужёл'и нáшы н'а мóут' сьстрóит' л'екáрств?*; прич. *снвáлк'и был'и сьстрóини* ДИ; ср. *н'ир'естрóйк'е* НД; растопóрить: 3 ед. или деепр. *Ш'о ии'нá бúд'е с'ид'ёт', нýзъ рьстьпóр'е — св'окър вiйгун'е; и вот рьстьпóр'ивiйе йей (пузо)* НД; насундóлить: прош. *И м'одьм п'ич'ён'ие нъсундóл'иль лóжкъ* ДИ; *Нърум'ан'илс'е, нъсундóл'илс'е-тъ* НД (густо намазать, *экспр.*).

А. п. В. вóд-: 3 ед. *вóд'а* НД, прош. *зъвад'ил'и, пръвад'ил* Ми, инф./буд. *н'а бúдут' ёту пръизвад'ит' акóнуику* (приводить в порядок); 3 мн. *свóд'ут'* ДИ, 3 мн. *завóд'уциъ, вóд'уциъ*, 3 ед. *вóд'ицца* НД; вóз-: прош. *вaz'ил'и* и 2×, *пр'иваз'ил'и*, повел. *vaz'и*, 3 ед. *вóз'а* НД; прош. *vaz'ил'и* М; ворóт-: 3 ед. *варóт'ициъ*, прош. *пъвьрáт'илáс'* ЕН; гóн-: 2 ед. *адубн'иш вот тák муху* ДИ; 3 ед. *гóн'а карóву* НД; голóс-: инф. *уълас'ит'*, 3 ед. *па н'óm уалóс'а* НД; горóд-: прош. *ъдурáд'илъ, зьурáд'ил'и*, инф. *урáд'ит'*, 2 ед. *зьуарóдиш, зьуарóжънъ* ДИ; прич. *н'е зьурържóна* НД; дóй-: 3 ед. *надóйе-надóйе* ДИ; 3 мн. *дóйуциъ*, инф./буд. *бúд'е дайт'* НД; звóн-: 1 ед. *пъзван'у*, 2 ед. *пазвóн'иш*, 3 ед. *звóн'а, звóн'е*, 1 мн. *пазвóн'им, звóн'им*, 3 мн. *звóн'ут'*, повел. *Марýс'а, да ты пъзван'и* ДИ; инф. *мóжъш пъзван'ит'* НД, 3 мн. *звóн'ут'* М; клóн-: прош. *нъклан'илс'и, пр'иклан'илс'и ка мн'ё, нъклан'илс'и бóуу мал'ицие*, 3 ед. *наклóн'ициъ мн'ё, пъклан'илс'е* НД; колóт-: инф. *кълат'ит'*, 1 ед. *кълач'у*, прош. *кълат'ил'и рán'ше рубáх'и нъ р'ак'ё в'ил'к'óm, нъ такóй дастóч'к'и,*

3 ед. *в'ил'к'ом калот'ит'*; прош. *о, ъна там рьскълат'ила, размыла рубáху* НД (стирать, колотить белье вельком); кòс-: 1 ед. *кашú*, 3 ед. *кòс'а*, прош. *кас'ыл*, инф./буд. *бúд'а кас'ит'* НД; 3 мн. *кòс'ут'*; повел. *пъкас'ис'*, инф. *н'ь скас'ит'* ДИ (косить траву); кòр-: прош. *кар'ыл'и*, 3 мн. *кòр'ут'*, инф./буд. *бúдут' кар'ит'*, *мъл ну, къкòй-н'ит'* *үруб'ийán* НД (укорять; осуждать); 3 ед. *А тó вс'ò раскòр'а им* (перечислять недостатки) Ми; кòрòт-: инф. *плáт'т'е укърат'ит'*, прош. *укърат'ила*, 3 ед. *укарòт'е* НД; кòт-: инф./буд. *афцý вòт срòк вышъл, скòра бúд'е кат'ицý*, прош. *ъкат'илас'а*, 3 ед. *акòт'ицý* НД; лòв-: 3 ед. *лòв'а, налòв'а, н'а лòв'е*, 3 мн. *палòв'ут'* и *пъув'áзывайут'* (овец), *къпкánьм лòв'ут'*, инф. *а тáх-тъл лав'ит'*, *иде ш ты йей пýймáиш* (овец) НД; инф., прош. *ав'ец лав'ит'* — *кр'укú такийе вòт, зá нъуу лавил'и* М; лòм-: 3 ед. *атлòм'а* НД, прош. *слам'ыл*, *ътлам'ыл* ДИ; мòл-: 3 мн. *мòл'уцý*, 3 ед. *òн мòл'ицý*, *он бòру пр'ипадбнъй*; прош. *а зь враòв за èт'их мал'илс'и*, *штоп им дáл бòх рáзума* НД; молòт-: прош. *мълат'ыл, мълат'ила, мълат'ыл'и*, инф. *мълат'ит'*, 1 ед. *мълач'ý*, 3 ед. *малòт'а*, 3 мн. *малòт'ут'* НД, 3 мн. *ету*, *з'òрнъ èбмалòт'ут'* ДИ; 2 ед. *снòд нъзывáлс'и етъл*, *пъ къкòм малòт'иш* М; мòр-: 3 ед. *умòр'ицý*, и *н'и рукòй н'и науòй*; *умар'ылгс'* (устала); 3 мн. *а ш'ас ан'и с'иб'е мòр'ут'* (диетой) ДИ; 1 ед. *умар'ус'а*, 3 ед. *умòр'ицý* НД; мòч-: 2 ед. *хòлст амòч'иш*, 3 ед. *намòч'а*, прош. *мач'ыл'и* НД; нòс-: 3 ед. *он йей жал'ейá*, *нъл ладòни нòс'а*, прош. *нас'ыл'и*, усл. *нас'ыл бы*, повел. *дъвáй н'ас'и*, инф./буд. *нас'ит'* на *бúд'иш*, 3 ед. *он нòс'а*, 3 мн. *ан'и нòс'ут'* НД; 3 ед. *н'и принòс'а*, *ъна к в'ёрбы н'и атнòс'ицý*, прош. *прънас'ила*, инф. *нъч'áл шумав'итъл* *ътнас'ицý*, 3 мн. *вынòс'уцý кúры* (перестают нести яйца) ДИ; прош. *ну йá пън'òвы вòт èт'и н'е нас'ила* М; 1 мн. *н'а нòсим* (модную одежду) НД; 3 ед. *ъна вынòс'ицý* 2× (курица перестает нести яйца); 3 мн. *пътòм ъл'áт' занòс'уцý* (куры начинают нести яйца), *иш вынòс'уцý йáйцý* (яйца перестают нестись курами) АИ; разòр-: прош. *рързар'ыл'и хáту*, 3 ед. *разòр'а*, 1 мн. *разòр'им*, 3 мн. *разòр'ут'* НД; пòй-: 3 ед. *напòйе*, инф./буд. *буд'е пáйт'*, повел. *М'ит' напòй скат'ину там*; 3 ед. *он ш'ас лòшгòд'а*, *карòву пòйе б'из м'ин'е там* НД; *спáйлгс'е ъна* (спилась) ДИ; порòс-: инф. *пърас'ицý*, 3 ед. *парòс'ицý* НД; прòс-: 1 ед. *прашú*, 3 ед. *напрòс'а*, 3 мн. *спрòс'ут'*, *прòс'ут'*, прош. *пъррас'ила*, повел. *у л'убòгъ спрас'и*, 3 ед. *у ней у Тò-н'и у жан'е спрòс'е* НД, 1 ед. *йа у д'евкълх успрашú*, *йа ицо у ней успрашú* ДИ; рòн-: 3 ед. *урòн'а* НД; скòч-: 3 ед. *ускòч'а*; *б'ьс прастúды и ч'ир'ей нъл жòп'е н'а wskòч'е*; прош. *а ан'и зьскач'ыл'и*, *жыды-тъл всл'ет* 2× (забежали); *анá wskàч'ила* (вбежала в хату); *а пр'искач'ила* (Богородица) *вòт у хáту кáу бы напр'им'ер, уш ету*; *анá wskàч'ила*: «Сажуи свейърò д'ит'á, а мейърò у л'ул'к'у пълажы»; *а зьскач'ила, ъна Бòжйá мáт'*; *а èт'и зьскач'ыл'и, а за*

н'ей усл'ет ан'и б'еул'и, ет'и жыды-то НД; сдл-: 3 ед. сол'а НД, прош. сал'ил'и наплам'и (большая бочка), п'сал'ил'и р'ёпу ДИ; станбв-: 3 мн. станбв'ут' наплб; 1 ед. ёту ноуу ўст'ньвл'у, а патбм шьуайу друубуу ДИ; 3 мн. базы такйие вот: п'алки, станбв'ут' калы, зьб'ивайут', бал'шыие, а п'этом пр'ят'аув'айут' вот такйие, п'алк'и ишишо, п'п'ер'бк' так вот пр'имёрн', д'в'ё и тр'и, ш'оп ан'и (овцы) н'е выс'ак'кв'л'и; прош. а ёту ауйнку ёту сам'ий, ст'ьнав'ил'и н'ьпроти пупк'а; А ёта обску, н'ь какбй с'ид'ёл'и вод д'ьск'а, и д'ырк'ь прар'ёзна, и вот ст'ьнав'ил'и туды урёб'ин', и намыку-т'ь н'ьд'ев'ал'и на урёб'ин' и пр'ал'и НД (ставить); прош. и ёт'ь уст'ьнав'ил'и буржуйк'и (установить); прош. Ст'ьнав'илс'и мужык, и д'ь пупк'а, и т'ут ауйнку йаму р'уч'к'у, и ^ион т'ьды косе^а НД (становиться, вставать); 3 ед. станбв'иц'ь бол'ше (становиться, делаться); 3 ед. ёстанбв'иц'ь, прош. ус'б'ёст'ьнавил'ьс'и ДИ; 2 ед. буд'е б'л'ак'ьт' и б'л'ак'ьт', ией н'ь ёстанбв'иши АИ (остановить(ся)); тбп-: 2 ед. н'а тбп'иши, 3 ед. тбп'ица, ёна у п'ач'и тбп'а, прош. тап'ил'и, инф. тап'ит' н'ьч'ал'и НД; 3 ед. тбп'а, 3 мн. тбп'ут' ДИ (топить печь); 2 ед. пер'атбп'иши — анб (масло) пр'ам з'ер'онушк'ьм'и, как с'о рн'ь пшанб ДИ (топить масло); 3 ед. утбп'а НД; тбп'а н'ь Варбн'ижы р'ак'и (из песни) ДИ (топить в воде); тбч-: 3 ед. он натбч'е косу, 1 ед. нбш тач'у; прич. п'илы н'атбч'еныи; вот так' их зьб'ивайут', н'ь к'ньц'ах затбч'ьныи (точить, делать острым); 3 ед. тбч'а п'т'сбл'нух'и (лущить и грызть семечки) НД; хбд-: инф. мбч'и н'е была хад'ит'; прош. хад'ил'и са мнбй на р'ип'ит'иц'ьи и хад'ил'и са мнбй выступ'ал; ёна всхад'ил'ьс'е р'ьж'ат' (начала); прош. а тб д'ьхад'ила, зул'с' л'и, шб л'и (корова слабела); а у м'ин'е иупка д'в'ё палбтн'ишишы, как ет'и бал'ер'ины-т хад'ил'и був'ала; повел. пр'ихад'ит'е св'ат'ьц'ь, 3 ед. хбд'а 3х, патхбд'е^а 2х, 3 ед. ил'и м'ашк'и там шыл'и, ил'и пр'т'анк'и, и штанбй мужык'ам, п'тбл'ишы, нех'ай бы хбд'а; с р'иб'бн'к'ьм хбд'е уул'айе; и нбч'и хбд'ит' ет'и т'в'ат'ь сб'ир'айт'; хбд'ит' д'ив'ир' пб д'ьв'ру, 1 мн. апхбд'имс'и, 3 мн. патхбд'ут', ухбд'ут', нахбд'уц'ь НД; нареч. п'тхбд'а (пьян слегка); 2 ед. дахбд'иши; 3 ед. а стбл хбд'ьр'ьм хбд'е; прихбд'е; хбд'а за н'ейу п'ь п'етам, 3 мн. хбд'ут', а на п'ёрв'ый д'ён' с'ём'ик'а у нас хбд'ут' н'ь кл'адб'ишишь, прош. к'ьрд'а н'ь п'ён'с'иц'ь п'ир'хад'ил'ь; повел. н'ь хад'ит'е у уразу ДИ; повел. п'ирхад'ит'е тут (переселяйтесь) АИ; 3 ед. выхбд'е, бол'ше дён'их прахбд'е н'ь л'ек'арт'ва, прош. йа же з'ь р'ан'иным'и хад'ила М; хорбн-: 1 ед. х'ьран'у, 3 ед. харбн'а (покойника) НД; 3 мн. напбw харбн'ут' ус'еуд'а зббку ц'ёрк'е ДИ.

В корне глагола лбж'ить (а. п. А/В, др.-р. с) — фонема /о/: 1 ед. п'ьлажу; пайд'у п'албжу н'ь с'им'ен'а; 3 ед. лбж'ит', п'албжа 2х; прош. п'ьдлажыл; п'ьлажыл'и, п'ьлажыла 2х, ну д'ь хтб зн'аит' — п'албжыла; повел. п'ьлажы н'ь баз'н'ицу; прич. йаму п'албж'ьна; инф. с'умку укр'ьш'ала ета, дв'а йейца йесл'и

пáлóжыт' НД; прош. *пълажы́л'и нъ ъп'ира́цыйа; и вьза́ лажы́ль съма́ нъ лóшыд'а; иá у хьлад'и́л'н'ик пълóжыла* ДИ; ср. /o/ в имперфективах: *Ты дь-ва́й вылóжывай ца́с! Эта цѣвка, влóжывьльс' ув ётът — улóжывьл'и н'и́тку в иу́бл; вот цѣвка ўлóжэвьџиць ф ч'елнóк* НД.

А. п. С. говоритъ: 3 ед. *у́вар'и́т'* НД, Ми, 1 ед. *у́вар'у́* ДИ; 2 ед. *у́вар'и́ш*, 3 ед. *прѣу́вар'и́т'*, 1 мн. *у́вар'и́м*, 3 мн. *у́вьэр'а́, н'и у́вьэр'а́т'*, прош. *у́вар'и́л, у́вар'и́л'и* ДИ; 1 мн. *у́вар'и́м*, прош. *у́вари́л'и, бóх у́вари́л* М; **годить:** 2 ед. *н'и ууад'и́ш* НД; 3 ед. *рас исп'ик'ѣи кькóй-тѣ — зьуад'и́циць, а рас н'ѣт* (получится удачо); повел. *дѣ пьуад'и́* ДИ; *Дѣ пьуад'и́* (АИ). — *Ну штó уад'и́т'* (ДИ). — *Ну пьуад'и́ м'инуту!* (АИ); **грозить:** прош. *пьюраз'и́л*, 3 ед. *ура-з'и́т'* НД; **копить:** прош. *С'ен'т'ат'ур'иха высьòк нъ ньюáх, нькап'и́ла мнóбу сáла нъ бькáх* (песня); 1 ед. *нькап'и́у́*, 3 ед. *нькап'и́т'*, 1 мн. *нькап'и́м* НД; **ложиться:** 3 ед. *вот бвáла пълэжáциць нъ п'ач'и́ д'ѣт'и* М; 3 ед. *лажы́циць* НД; **моросить:** прош. *дэжэбóч'ик мэрас'и́л*, 3 ед. *мэрас'и́т'* НД; **норовить:** он *нэрав'и́т' т'иб'е прѣлат'и́т'* НД; **простить:** 3 ед. *прас'т'и́т'*, прош. *прас'т'и́ла* НД; **родить:** 3 ед. *рад'и́т'*, 2 ед. *н'и ѣтрад'и́ш*, прош. *рад'и́лс'и, рьд'и-лá, у Рьувáтк'и рьд'и́лс'*; прич. *урьжд'óнъй ч'ялав'ѣк* (от рождения наделенный талантом), инф. *хóч'е рад'и́т'*; 3 ед. *а и́уó ужé искáл'и, ур'ит' ньрад'и́циць тькóй И́сус Хр'истóс* НД; 3 ед. *рад'и́циць* дМ; прош. *рьд'и́лá, рад'и́лс'и, урь-жáй рад'и́лс'и* М; **растить:** он *рас'т'и́т'* НД; **сторожить:** 3 ед. *стэражы́т'*, он *стóръжэ́м* НД.

3.4. Глаголы с корневым *а. У глаголов **а. п. А** корневая фонема /a/ остается без изменений. **-бавить:** 3 мн. *дэбáв'ут'*, прош. *прибáв'ил'и* АИ; **вáдить:** прош. *пр'ивáд'илъс'* НД (привыкла приходит); 3 ед. **с-гáзить:** 3 ед. *зүлáz'а үлázл'и́вьйа*, прош. *зүлáz'ил* ЕФ; **горбáтиться:** прош. *у́рбáт'ил'ис'е* НД; **жáлить:** 1 ед. *пэжáл'ус'*, *пэжáл'ус'а*, инф. *жáл'ициць* ДИ, 1 мн. *жáл'им-с'е* НД (жаловаться); прош. *ужáл'илъ пч'елá* (жалить) ДИ; **красить:** 3 ед. *крас'с'е*, прош. *крас'ил'ис'е, крас'ил'и, дубьм'ѣт'им' крас'ил'ис'* ДИ; *крас'ил'ис'* НД; *крас'ил'и, крас'ила* М; **лáдить:** 1 ед. *нъя́джу*, инф. *нъя́д'ит'* (соху) НД; прич. *ус'ó рьзлáжэньйе* НД; 3 ед. *нъя́д'ициць* (поправится корова) Ми; 3 ед. *слáд'а*, прош. *слáд'ил'и* (помириться) НД; **лázить:** *күры зьлáz'и́йут'*, 3 ед. *прьлáz'е, прайи́ше*; 3 мн. *зьлáz'ут'* (воры), 3 ед. *лáz'е пь палу́* НД; 3 ед. *вы-лáz'ит'* АИ; 3 мн. *лáz'ут'* ДИ; 3 мн. *пъ пьмóйкьх лáz'и́йут'*; *вьлáz'и́йут'* (в космосе) НД; **нравиться:** прош. *пъньрáв'илъс'а* НД (вставной слог в корне — для соблюдения ритма частушки); 3 ед. *нрáвициць* ДИ; **пáрить:** прош. *буракóв ньпáр'ила*, 3 мн. *пáр'уциць; пáрил'и* (бураки, пряжу) НД (ср. *пáри́ть(ся)*, а. п. В/С); **плáвить:** инф. *плáв'ит'*, прош. *плáв'ил* НД (расплавлять); **прáвить:** прош. *зьрáв'илъ* (кровать) АИ; 2 ед. *упрáв'ис'с'и* ДИ; 1 ед. *н'е упрáвл'ис'* АИ;

прош. *упр'áv'ильс' уйт'út'* ДИ (успеть); *р'áнить*: прич. *р'án'иньй* М; *ст'áвить*: 1 ед. *аст'áвл'у* Ми; 2 ед. *ст'áv'иш*, прош. *ѣст'áv'ил*, *пѣст'áv'ил'и*, прич. *пѣст'áv'еньйе* ДИ; инф. *ѣст'áv'ит'* М; 3 мн. *пѣст'áv'ут'* НД; *ст'áрить*: прош. *сѣст'ár'ильс'а* НД; *тр'áтить*: 1 ед. *тр'áч'у* НД, прош. *пѣтр'át'ила* М; *отчих-в'áстить*: 3 ед. *пѣйм'áйе йеуб'а ч'úp*, *ѣтч'ихв'ás't'e*, *скáже: ид'ú, д'ád'ъ, ѣт н'ás* ДИ (отгаскать за волосы); глагол с заимствованным корнем: *куб'áситься*: 3 мн. *ан'ú нѣ пруд'ê там куб'ás'уцц'ь* ДИ («колбасятся», плещутся в воде).

Глаголы **а. п. В** делятся на две группы: с корневыми гласными /a/ и /ô/ на месте *a. Глаголы с /a/ в корне относятся к др.-р. а. п. *b* и, по-видимому, сохраняют в говоре Роговатки старое смежно-подвижное ударение. Глаголы с /ô/ в корне относятся к др.-р. а. п. *c*, и смежно-подвижное ударение (а. п. В) у них вторично; появление фонемы /ô/ на месте *a в их корнях объясняется аналогией с глаголами, имеющими в корнях /ô/ < *o.

Фонему /ô/ под ударением имеет глагол а. п. В с неполногласием: *бр'а-ниться*: 3 мн. *бр'ón'уцц'а*.

Глагол праслав. а. п. *c* *садить* относится в говоре Роговатки к а. п. В или А и имеет в корне фонему /o/. Соответствующий возвратный глагол *садить-ся* относится к а. п. С. Не вызывает сомнения вторичный характер а. п. В у этого глагола, а вариантное ударение форм прош. вр. типа *пѣс'одил*, по всей вероятности, восходит к ударению форм-энклиноменов. Фонема /o/ в корне не может быть объяснена иначе как влиянием ударения и огласовки форм глагола *ложить*, близкого к *садить* по семантике. Во всяком случае эти два глагола, стоящие особняком среди других *i*-глаголов праслав. а. п. *c*, имеют ряд параллельных форм: вариантное накоренное ударение в прош. времени, в наст./буд. времени а. п. В у невозвратных форм, а. п. С — у возвратных, фонему /o/ в корне под ударением.

У глаголов с гиперкорректной /ô/ в корне изредка у наших информантов фиксируется также /a/ (единственный пример *св'áлицц'ь* АИ), что объясняется влиянием литературного языка.

Глаголы с /a/ в корне. *дав-*: 2 ед. *пѣд'áv'ис'с'и этъйу к'ос't'йу* ДИ; 3 ед. *нѣд'áv'е*, прош. ср. р. *пр'уд'áv'ила* (засыпало землёй), *дав'íl'и* НД (др.-р. а. п. *b*: Зализняк 2011: 109); *дражн-/дразн-*: 3 ед. *др'áжн'е*, прош. *др'ажн'íl'и* НД; инф. *др'аз'н'ít'*, *др'азн'íl'и* ДИ; *ман-*: 3 ед. *зъм'án'ицц'ь*, прош. *ман'íl'гс'* (показаться) НД; *трав-*: 3 ед. *ѣтр'áv'ит'*, прош. *ѣтрав'íла*; *б'ъл'ан'ойу ѣтрав'íлс'и* НД (др.-р. а. п. *b*: Зализняк 2011: 109); *хвал-*: 3 ед. *хв'ál'а*, прош. *хвал'íла* НД, АИ (др.-р. а. п. *b*: Зализняк 2011: 115); *хват-*: безл. *хв'át'а*, прош. *хват'íла*; 3 ед. *схв'át'а* Ми, НД, *ѣтхв'át'а* АА; прош. *зѣхват'íла*, *пр'ихват'íl* ДИ, *схват'íl* М, ДИ, *ухват'íl*, *зѣхват'íl*, *ѣпхват'íла* НД (др.-р. а. п. *b*: Зализняк 2011: 125);

Глаголы с /ð/ в корне. вòл- < *val-: 3 ед. *свòл'иццъ* (дом), 3 мн. *раз-вòл'ут' хаты*, прош. *свал'илъс'а*, *свал'илс'и*, *свал'ил*, *ътвал'илъс'*, *ръзвал'илъс'а*, *ръзвал'ил'и хаты* НД; 1 ед. *свал'ус'а*, 3 ед. *свòл'иццъ*, *л'ажыт' сп'ит'*; 3 ед. *атвòл'иццъ ёнтъ крыуа*, *вòл'иццъ крыуъм'и*, 3 ед. *свòл'а* ДИ; прош. *зъвал'илс'и сьраи*, *свал'илс'и*, *свал'илъс'*, *свал'илас'а*; *нъвал'ила нъ с'иб'ё ету нòшу*, *свал'ил'ис'* (упали) ДИ; *пъвал'ил сн'ёх* дМ; *рукá ътвòл'иццъ* (новая огласовка), прош. *пъвòл'илъс'* (упала от усталости) АИ (др.-р. а. п. с: Зализняк 2011: 114); вòр- < *var-: 2 ед. *вòр'иш*, 3 ед. (с)вòр'а, *вòр'иццъ*, 3 мн. *вòр'ут'*, инф. *свар'ит'*, *вар'ил'и* НД; 3 мн. *вòр'ит'*, прош. (нъ)вар'илъ, прич. *бурак'и вьр'òны* ДИ (др.-р. а. п. с: Зализняк 2011: 122); дòр- < *dar-: 3 мн. *дòр'ит'*, прош. *пъдар'ил'и* НД (др.-р. а. п. с: там же); кòт- < *kat-: 3 ед. *кòт'е нъ м'ин'е бòч'к'у*, *бр'ахн'у какуй-н'ибут'* НД; 3 ед. *кòт'иццъ* Ми; прош. *кат'илс'и з уар'ё*, *пъкат'илс'и* ДИ (др.-р. а. п. с: Зализняк 2011: 125); пòл- < *pal-: 3 ед. *пòл'а*, инф. *пал'ит'*, прош. *ьпал'ил* НД (др.-р. а. п. b, нов. с: Зализняк 2011: 115); пòр- < *rag-: 3 ед. *ёнá ёт'их буракòв напòр'а у п'ач'и* НД (ср. *пáрить* — а. п. А, *испар'иться* — а. п. С; др.-р. а; а. п. С, возможно, под влиянием *парить* 'лететь'); плòт- < *plat-: 1 ед. *плаг'у*, 1 мн. *и уáс плòт'им*, *и св'ёт плòт'им*, 3 мн. *плòт'ит' 2x*, инф. *плат'ит'*, прош. *зъплат'ила*, *плат'ила*, *дъплат'ила*, *плат'ил'и* НД (др.-р. с, нов. b: Зализняк 2011: 125); также брòн- < *bran-* (*brgn-): 3 мн. *брòн'иццъ 2x* ДИ (др.-р. а. п. с: Зализняк 2011: 117); 1 мн. *п'ир'абрòн'имс'и разòв стò* НД.

Глагол с /o/ в корне. сòд- < *sad-: 3 ед. *пъсòд'а* (растения) НД, 3 ед. *нъсòд'иццъ кур'ат'ины* ДИ (наестся); прош. *пъсад'ил*, *пъсад'ил'и* НД; прош. *пъсòд'ил* АА (ср. *сад'иться*, а. п. С).

А. п. С. кал'иться: 3 ед. *ръскал'иццъ ётъ жал'ёзь*, прош. *ръскал'илъс'* НД; **зараз'иться:** 3 ед. *зъраз'иццъ*, прош. *н'е зьръжòны* НД; **-пар'иться:** 3 ед. *смòришыццъ* (пареная репа), *сòк увес' испар'иццъ* НД; **сад'иться:** 1 мн. *сад'имс'и*, прош. *пъсад'ил'ис'* за стòл, инф. *сад'иццъ* ДИ; инф., **сласт'ить:** 3 ед. *сласт'ит'* АИ (имеет сладкий привкус); **тай'ть:** *тай'у*, 3 ед. *тай'иццъ* НД.

3.5. Глаголы с корневыми *ε, *ja (/a/ после мягких согласных). После мягких согласных в соответствии с *ε, *ja выступает под ударением /a/, за исключением глагола *святить* с корневой фонемой /è/, которая объясняется контаминацией *святить* и *свѣтить*. Однако сама возможность контаминации могла появиться в результате перехода глагола *святить* из а. п. С в В (в др.-р. прилагательное *святъ* относится к а. п. с, *светить* — к а. п. b, с отклонениями к с — Зализняк 1985: 137, 138).

А. п. А. сят'иться: 3 ед. *а туть крòв с'ат'иццъ*, прош. *с'ат'илъс'* (сочить-ся) ДИ.

А. п. А/В. румянить: 3 ед. *рум'ан'иццъ*, прош. *ѣна нърум'ан'ила мьслак'и* (скулы); *а тады рум'ан'ил'ис'а бурькам'и*; инф. *йа мауу мнбуъ нърум'ан'иццъ*; прош. *у нас тах-тъ рум'ан'ил'ис'а*; *нърум'ан'илъс'*, *ньсундбл'илъс'-тъ* НД.

А. п. В. нарядить: 3 ед. *нър'ад'иццъ*; *ѣнър'ад'иццъ* НД; прош. *и аснуйе*, *и тк'е къда*, *и вот уъвър'а нър'ад'ил'и красну*; *кръсна нър'ад'ила*, *т'ипер'надъ ткат' ДИ*; прич. страд. прош. *у м'ин'е йест' касс'ета*, *када-тъ у нас был'и провды рускый зимы*. *Таам, усѣ ръзнър'ажоныи*, *и там може хтб знай как дМ (нарядить(ся), одеть(ся)); основать ткацкий стан') святить: 3 ед. *св'ѣ-т'а у нас бат'ушка*, *пѣп НД*; **явитьсѣ:** прош. *пѣйав'илс'и*, 3 ед. *пѣйав'иццъ* НД; прош. *вот ѣп'ат' словъ йѣв'илъс'* (а. п. с!), *ѣткѣдъ он пѣйав'илс'и — хтб зный*; *къзълъ н'ѣту йих — ан'и пѣрпѣйав'ил'ис'е* ДИ.*

3.6. Глаголы с корневым *ѣ. После мягких согласных рефлексом *ѣ под ударением закономерно является фонема /ѣ/. Фонема /ѣ/ выступает также в некоторых заимствованных основах под ударением (*калилѣситъ*). После твердого *ц* под ударением фонема /ѣ/ предтавлена в глаголах а. п. В *цѣд-* (др.-р. а. п. с), вследствие аналогического изменения корневого вокализма, сопровождавшего переход из а. п. с в а. п. В, и *цѣп-* (др.-р. а. п. б), по аналогии с *цоп*, Р. ед. *цѣпа*, далее по аналогии с глаголами типа *ходить*.

А. п. А. вѣрить: прош. *прав'ѣр'ил'и* М; **йѣздить:** прош. *йѣз'д'ила* НД; 3 ед. *йѣз'д'е* Ми; 3 ед. *йѣз'д'е*, 2 мн. *йѣз'д'ит'а*, 3 мн. *йѣз'д'ут'*, прош. *йѣз'д'ил*, *йѣз'д'ила*, инф. *йѣз'д'ит'*, повел. *дъ н'а йѣз'д'и*, ДИ; **калѣчить:** 3 ед. *н'а л'ѣч'а*, *а кал'ѣч'а* НД; **мѣрить:** прош. *лѣкъткэм'и м'ѣр'ил'и*, *вот тѣхтѣвѣ нѣклъ-дывъл'и вот тѣхтѣвѣ дъ лѣкъткѣ* ДИ; прош. *см'ѣриль* М; прош. *м'ѣр'ил'ис'*, прич. *пѣле н'а мѣр'еньйе* НД; **отвѣтить:** инф. *ат'в'ѣт'ит'* ДИ; **пѣниться:** 3 ед. *п'ѣн'иццъ*, *н'а п'ѣн'ицъ* ДИ; **тѣшить:** 1 мн. *мы т'ѣшым карѣву* (доить) НД. Ср. также заимствованный корень с /ѣ/ под ударением — *калилѣситъ*: повел. *с'ид'и*, *н'ѣ къл'ил'ѣс'*; инф. *ѣна мѣжъ* и *къл'ил'ѣс'ит'*, и *бурѣв'ит'* АИ; прош. *а патѣм зъкъл'ил'ѣс'ил'ис'*, *къл'ил'ѣсныи стъл'и вс'ѣ* ДИ («куролесить», вести себя разнузданно).

А. п. В. бѣл-: инф. *с'т'ираццъ н'ил'з'а мъл*, *ета* и *б'ал'ит' там*, ... *кас'ит'* и *палѣт'* (в праздник Касьяны); 3 ед. *бѣл'а*; прич. *у твайѣй жан'ѣ сурѣ-вѣй падѣл — н'ѣдѣб'илѣнай* (отбеливать ткань) НД; **бѣс-:** прош. *у нас пѣ про-сту зѣ'ас'илси*, *пѣ-нашѣму* 3х; *у нас тады* и *карѣвы б'ас'ил'ис'е*, и *лѣшѣд'и*, и *събак'и*; 3 ед. и *ч'илав'ѣк ѣз'б'ѣс'иццъ* НД; *дъ напр'имѣр так*, *Нинк*, *вот къкѣйтъ тѣлабѣн'а*, *«Дъ ѣ! л'ѣбѣ ѣз'б'ас'илс'и ши'е»*. *Вот пѣанъй*, *ил'и бѣбѣ къ-кай-тъ тѣлабѣн'а-тѣлабѣн'а*, *бранивъйа*: *«О, аш' тѣ з'ѣ'ас'илсе»* М; **дѣл-:** прош. *рѣзд'ал'ил'ис'а з' д'ѣдѣм с свайм*, прич. *Пѣл'ушка рѣзд'ил'ѣнъйа с мѣ-*

жъм жывѹт'; 3 мн. *add'эл'ут'* (хозяйство молодоженов) НД; прош. *рѣз'д'ал'ылъ, рѣстѹюкѣла* (конфеты) АИ; прош. *д'ал'ыл'и* (землю) ДИ; *крѣп-*: 3 ед. *ат кас'ий, ад др'укá ат ѣтѹа, на ч'ом кр'ѣп'ициѹ късá* НД; *лѣп-*: 3 ед. *то тѹю мн'ѣ пр'ил'ѣп'а, то тѹю* (приревнует); прош. *пр'ил'ан'ыл нѣ сѣл'áх;* 3 ед. *он там хѣрашб н'а зд'ѣлаие, а пр'ил'ѣп'а абы кáк; абл'ѣп'ут'* НД; прош. *зѣл'ан'ыл ѹрбт ѣт'и лóзы* АИ (заполонить); *лѣч-*: 3 ед. *н'а л'ѣч'а,* 3 мн. *л'ѣч'ут'*, инф. *нав'из'ѣт' л'ач'ит'*, прош. *л'ач'ыл'ис' трáвѣм'и;* повел. *пѹл'ад'ит'* и *пѣзав'идѣвѣициѹ, дѣ и л'ач'ис'* вот НД; *мѣн-*: прош. *бóх атм'ан'ыл;* зѣм'ан'ыл *мине* М; 2 ед. *атм'ѣн'иш* НД; *мѣс-*: прош. *зѣм'ас'ила* (зѣм'ешáла, зам'ешѣвла), 3 ед. *зам'ѣс'а хл'ѣп,* буд. *бѹд'а м'ас'ит'* НД; прош. *зѣм'ас'ила,* инф. *муч'ици зѣм'ас'ит'* АИ; 3 мн. *д'ѣжá ѣтѣ карыта у какой м'ѣс'ут' хл'ѣп;* 2 ед. *крѹч'е зам'ѣсиш хл'ѣбушка, он лѹч'ч'е, и штб н'и дбл'ше м'ѣс'иш, он лѹч'ч'е* ДИ; *мѣст-*: 2 ед. *пам'ѣс't'ис'с'е* ДИ; *свѣт-*: 3 ед. *лунá св'ѣт'а* НД;

после *ц*: *цбд-*: 3 ед. *цбд'е* НД, ДИ; прич. *працбжѣн* (ср. имперфектив *прѣцáжыивт'*) НД; *цбп-*: 2 ед. *зацбп'ис'с'и* и *п'ир'ак'ин'ис'с'и;* прош. *пр'ицап'илис;* он *пр'ицап'илс'и ка мн'ѣ как ѣрип'ѣи,* и *ѣт н'ѹю атмбду н'ѣту* ДИ; *зацбп'иш зá нѹу, иш ѣнá н'а вѣс'иун'е* (овца); *нѹá зѣцап'илс'е,* он *н'а вѣрв'ециѹ, хбт' н'ехáй ш'б* М.

А. п. С. грешить: 3 ед. *сѹр'ашыт'*, прош. *сѹр'ашыла; рán'ше ѹр'ашыл, из'м'ен'áл ией* повел. *н'е ѹр'ашы,* *н'е сѹр'ешáй* НД; **лениться:** прош. 3 ед. *л'ан'ициа, рѣзл'ан'илс'и* НД; **следить:** 3 ед. *сл'ад'ит'* НД; **спешить:** 3 ед., инф. *сп'ашыт'; пѣсп'ешáйу* НД; повел. *н'ѣ сп'ашы, испрѣхвѣл'á д'ѣлы* ДИ.

3.7. Глаголы с *ъ в корне. В корнях структуры *ТЪРТ глаголов а. п. А представлена «этимологически правильная» фонема /о/.

А. п. А. горб- прош. *суѹрб'илс'а; пѹрб'илс'и* НД; **морш-**: 3 ед. *смóршыциѹ* (пареная репа) НД; **порт-**: прош. *йа н'едáвнѣ пѣлбрт'илс'а* (из песни) НД; инф. *н'ѣрвы мн'ѣ пóрт'ит'* ДИ.

А. п. С. долбить: 3 ед. *ну а он тóже далб'ит'и* и *далб'ит'*, *тѣладбн* (зануда) ДИ.

В корнях структуры *ТРЪТ под ударением представлены как /о/, так и /д/. Фонема /о/ имеется в корне глагола а. п. А *брóсить* (впрочем, эта огласовка может объясняться и «новым» ударением, ср. др.-р. *b* этого глагола [Зализняк 1985: 137]). Глаголы а. п. В имеют под ударением /д/ (*улбт-* и *крбш-*), что может быть объяснено переходом глаголов из а. п. *с* > В и изменением огласовки по аналогии с итеративами типа *нбсишь, вбдишь* — как и у глаголов типа *лбвишь, сбдишь, цбптишь*, см. выше. Слабым местом этой интерпретации является отсутствие примеров с корнями структуры *ТРЪТ и «исконной» огласовкой /о/ (связанное с отсутствием итеративов а. п. *b*₁ с корневым *ъ?).

крестить В/С ~ кстить С 3 ед. *Оох, мужык ур'ат н'е п'ир'икр'эст'иццъ, пька ур'ом н'и ур'ан'а*; прош. *п'ир'кр'аст'илс'и*; *а йа пръ маму уьвар'у: п'ър'кр'ас'т'илась*, *пъклан'илгс'* и *пайэхъла пьхат'* — *этъ йа у ст'ихъत्वъ-р'эн'ийу свайом*; инф., прич. *кр'аст'ит' б'удут'*, *н'икр'ешионъй*; прош. *кст'ил'и*, прич. *он кишонай, ил'и н'екишонъй, ил'и б'удут' йьуо кст'ит'*; *вот у м'ин'е пл'им'эн'н'ик'и н'екр'ешионъй*; прош. *н'е дадула йа их анкр'аст'ит'*; *пъкр'аст'ил'и*; 3 мн. *п'ир'кр'ес'т'ат'*, инф. *п'ир'кр'аст'иццъ*; повел. *п'ир'кр'ас'т'ис'а*, *ан'и ета н'ач'истъйа с'ила б'йаццъ этъуь кр'еста*. *И мал'итва бч'ч'у, вы знат'е бч'ч'у? ну вот бч'ч'у ч'итай, и ус'б б'уд'е хърашб* НД; *у м'ин'е п'ир'кр'ас'т'ил'и Н'урку* ДИ (окрестить).

Глагол с корневой /δ/. щом-: *улад'и р'уку пр'ишишом'иш!* НД.

А. п. С: веселить: 3 ед. *в'ис'ал'иццъ*; инф. *в'ис'ал'ит'* НД; перить: 3 ед. *ьп'ер'иццъ* НД; отрепиться: прош. *ьна'ьт м'ин'е'ьт'р'ан'илгс'*, 3 ед. *ьт'р'ан'иццъ* ДИ (отстать, отцепиться, ср. *репей*); сердиться 3 ед. *он рьсс'ард'иццъ* НД; корни с неполногласием: запленить: 3 ед. *он зьпл'ан'ит' ув'ез' дворъ*; прош. *зьпл'ан'ил ус'б на св'ет'ь этъд д'ик'ий в'инъурат*; *залору вс'б зьпл'ан'ила б'ьл'аной* 'заполонить' АИ; предупредить: 3 ед. *пр'едупр'ад'ит'*; *он мн'е пъураз'ил, пр'едупр'ад'ил* НД; запретить: 3 ед. *зьпр'ат'ит'* НД; прош. *в'ит' этът зьпр'ат'ил же этът* Кл'ука ДМ.

Выводы. Система ударения *i*-глаголов в говоре с. Роговатое типична для современных центральных южных и юго-восточных русских говоров. К той же диалектной области, что и говор Роговатки (оскольско-елецкие говоры, восточная часть курско-орловских говоров), относится старорусский памятник последней четверти XVI в. Космография Мартина Бельского, акцентуация которого описана в фундаментальной работе А. А. Зализняка (Зализняк 2010); к акцентной системе Космографии близки системы нескольких памятников XVI–XVII вв., локализованных к югу от Москвы. Ударение Роговатки, таким образом, может быть сопоставлено с старорусскими акцентными системами, относящимися к тому же региону.

1. В говоре Роговатки акцентные кривые А, В, С не отличаются от представленных в лит. языке; в частности, акцентная кривая С характеризуется ударением на первом слоге окончания в наст./буд. времени и на суффиксе *-i* в прош. времени и инфинитиве. У нескольких глаголов праслав. а. п. с сохраняются следы подвижности ударения в прошедшем времени: это ударение на окончании форм ж. р. *пъвал'илас'*, *йев'илас'*, *пъвър'итилас'*, *рьд'илас'*), ударение на окончании возвратной формы мн. ч. *рьд'ил'ис'*; и это отдельные формы невозвратных глаголов *ложить* и *садить*, обобщившие ударение и огла-

совку корня бесприставочных форм-энклиноменов, причем огласовка корня у *садить*, очевидно, возникла под влиянием *ложить*: *пѣлѡжу*, 3 ед. *пѣсѡд'е*, *пѣлѡже*, *пѣсѡд'ил*, *пѣлѡжыла* и т. п. Сохранение подвижности ударения в прошедшем времени, очевидно, не связано с перестройкой ударения в наст./буд. времени: *валить(ся)*, *явиться*, *садить* имеют смежно-подвижное ударение форм презенса, *родить(ся)* — нафлекссионное, *ложить* — смежно-подвижное, варьирующее с колонным накоренным ударением.

Акцентные кривые *i*-глаголов в говоре Роговатки и в южнорусских говорах вообще свидетельствуют об утрате системы маргинально-подвижного ударения, свойственного а. п. с. Южнорусские памятники XVI–XVII вв. еще в той или иной степени сохраняют начальное ударение формы 1 ед. глаголов а. п. с (Зализняк 1985: 332–335, карта 13); конечное ударение форм 2 мн. глаголов а. п. с в них представлено последовательно (Зализняк 1985: 316–322, карта 12).

Подвижность ударения *i*-глаголов праслав. а. п. с в прошедшем времени, имевшая систематический характер в южных говорах XVI–XVII вв. (Зализняк 2011: 741–746, 759–764), сохраняется в говоре Роговатки лишь в остаточном виде. Остатки подвижности в прошедшем времени у нескольких *i*-глаголов а. п. с встречаются, по-видимому, повсеместно в южных, юго-восточных и восточных среднерусских говорах — примерно на тех же территориях, где в среднерусский период была последовательно представлена система подвижного ударения в прош. времени *i*-глаголов а. п. с, см. (Зализняк 1985: 330, карта 14).

2. Переход *i*-глаголов др.-р. а. п. с > В в южнорусских говорах, по-видимому, был связан с утратой системы маргинально-подвижного ударения у *i*-глаголов а. п. с и происходил с ней параллельно, начавшись не ранее, но и не позднее XVII в. Ниже приводятся списки *i*-глаголов а. п. В и С в роговатовском говоре, содержащие сопоставление с материалом Космографии. В списках подчеркиванием выделены глаголы, относящиеся в Космографии к а. п. *b*, жирным шрифтом — глаголы, относящиеся в Космографии к а. п. *c*. Прямым шрифтом даны четыре глагола — *селить*, *разорить*, *крестить*, *пленить*, у которых А. А. Зализняк предполагает в диалекте Космографии «смешанную» акцентную кривую: нафлекссионное или подвижное ударение в презенсе, насуффиксальное ударение форм прош. времени (в Космографии формы презенса этих глаголов не встретились, их акцентуация «по а. п. с») предполагается на основании данных других памятников) (Зализняк 2011: 741–746). Кроме того, в списке а. п. В в квадратные скобки заключены глаголы, корневой вокализм которых (отсутствие «перегласовки» корня) может

указывать на их принадлежность к а. п. В в системе, предшествующей современной роговатовской — до массового перехода $C > В$. В фигурные скобки взяты глаголы, корневой вокализм (наличие «перегласовки» корня) и особенности акцентуации которых указывают на принадлежность их в прошлом к а. п. С. Сопоставление с данными Космографии подтверждает результаты «внутренней реконструкции» на роговатовском материале.

А. п. В (101 глагол): *блуд-, глуш-, груз-, душ-, ключ-, круж-, крут-, куп-, кур-, кус-, дуп-, -луч-, люб-, мут-, пуст-, шелуш-, служе-, студ-, ступ-, суд-, суш-, тур-, туш-, уч-, (о)чут-, пил-; (на)ряд-, свят-; вѡд-, вѡз-, гѡн-, голѡс-, горѡд-, дѡй-, звѡн-, клѡн-, колѡт-, кѡс-, кѡр-, корѡт-, кѡт-, лѡв-, лѡм-, мѡл-, молѡт-, мѡр-, мѡч-, нѡс-, (раз)ѡр-, пѡй-, порѡс-, прѡс-, рѡн-, скѡч-, сѡб-, сѡл-, станѡв-, тѡп-, тѡч-, хѡд-, хорѡн-; бѡл-, бѡс-, дѡл-, крѡп-, лѡп-, лѡч-, мѡн-, мѡс-, мѡст-, свѡт-, кѡрм-, жереб-, сѡл-, хмѡл-, крѡст- (/С); [дав-, дразн-, ман-, трав-, хвал-, хват-, жѡн-], { яв-, вѡл-, вѡр-, ворѡт-, дѡр-, кѡт-, пѡл-, пѡр-, плѡт-, брѡн-, сѡд-, лѡж-, цѡд-, цѡп-, глѡт-, крѡш-, щѡм-};*

А. п. С (40 глаголов): *бубнѡть, бурѡть, бутѡть, крушѡть, -лучѡть, вздурѡть, тѡхтѡть, рѡхлѡть, стѡдѡть, винѡть, пылѡть, бороздѡть, говорѡть, годѡть(ся), грозѡть, ложѡть, моросѡть, норѡвьѡть, простѡть, родѡть(ся), ростѡть, сторожѡть, -калѡть, заразѡть, парѡть, садѡть, сласѡть, тайѡть, грѡшѡть, ленѡть, спѡшѡть, долѡть, весѡть, оперѡть, отрѡпѡть, серѡть, кстѡть, (за)плѡть, предупредѡть, запрѡть.*

Приведенные списки наглядно показывают, что развитие южнорусской системы ударения *i*-глаголов заключается в распространении смежно-подвижного ударения в презенсе (а. п. В) за счет нафлексивного (а. п. С). Переход в а. п. В у *i*-глаголов не зависел от качества корневого гласного: в говоре Роговатки к а. п. С относится по некоторому числу глаголов с каждым из гласных; пожалуй, в наиболее последовательно переход $C > В$ осуществился у глаголов с корневой /у/.

3. В говоре Роговатки, как и в обширном юго-восточном ареале, переход глаголов а. п. С $> В$ сопровождался появлением гиперкорректных огласовок корня форм презенса: фонема /ѡ/ распространяется в корнях с исконными гласными неверхнего подъема *o, *a, *rъ, а также *ѣ и *e после отвердевших согласных. Гиперкорректные огласовки позволяют реконструировать у глаголов а. п. В с корневыми *a, *rъ, и *ѣ, *e после отвердевших согласных более старую акцентуацию по а. п. С.

(1) Глаголы а. п. А сохраняют исконные огласовки корня. Так, у глаголов а. п. А в корне выступает фонема /ѡ/ на месте *o. Наряду с глаголами, у кото-

рых эта огласовка исконна: инф. *уатѡв'ит'*, прош. *н'и дазѡвл'ила*, 3 ед. *кѡн'ч'ициць*, прош. *зѡмарѡч'ил*, инф. *ѡпазѡрит'*, прош. *палѡз'иль*, 1 ед. *пѡмн'у*, 3 ед. *паспѡр'а*, инф. *тр'авѡжыт'*, прош. *атхѡл'ил'и*, 3 ед. *пр'испасѡб'ициць* — широко представлены новообразования а. п. А, имеющие /ѡ/ в корне/основе: инф. *скрѡит'* (кроить); 3 ед. *бурѡв'е*, *нѡсусѡл'ициць*, *тѡратѡр'е*, *тѡлабѡн'а*, 3 мн. *нѡмусѡл'уциць*, прош. *нѡцурѡп'ила*, *нѡкълурѡд'ила*, *сѡвастѡджыла*, инф. *тѡладѡн'ит'*, *ахѡвѡр'ит'* (исключения: *стрѡить*, *рѡстьпѡрить*, *нѡсунѡд-лить*).

(2) «Моделью» для инновационных огласовок корня у глаголов а. п. В, очевидно, стали глаголы с корневым *о под «восходящим» ударением, т. е. прежде всего итеративы праслав. а. п. *b*₁ типа *носить*, *ношу*, *носиши* (реконструкцию праслав. а. п. *b*₁ и *b*₂ см. в [ОСА: 38–44]¹): 3 ед.: *вѡд'е*, *вѡз'е*, *калѡт'ит'*, *атлѡм'е*, *ускѡч'е*, 2 ед.: *уѡн'иш*, *амѡч'иш*, 3 мн.: *малѡт'ут'*, *прѡс'ут'*, *хѡд'ут'*, *нѡс'ут'*; к этой группе, видимо, следует отнести глаголы *молиться*, *точить*, *ронить*, *хоронить*: 3 ед. *мѡл'ициць* (псл. *b*₁/*b*₂, др.-р. *b*: 116), *натѡч'е* (псл. *b*₁/*b*₂, др.-р. *b*?: 129), *урѡн'е* (псл. *b*₂, др.-р. *b*: 119), *харѡн'е* (псл. *b*₂, др.-р. *b*: 119). Подчеркнутые глаголы в Космографии относятся к а. п. *b*.

(3) По аналогии с итеративами получили огласовку /ѡ/ деноминативы и каузативы праслав. а. п. *b*₂ и *c*, перешедшие в а. п. В, ср. 3 ед. *дѡйе* (псл. *c*, др.-р. *c*, нов. В//С: 120), 3 ед. *уалѡс'е* (псл. *b*₂), 2 ед. *зѡурѡдѡиш* (псл. *b*₂/*c*, др.-р. *c*: 111), 1 мн. *зѡн'им* (псл. *b*₂, др.-р. *c*: 118), 3 ед.: *паклѡн'ициць* (псл. *b*₂/*c*, др.-р. *c*, откл. к *b* и нов. *b*: 119), *кѡс'е* (псл. *b*₂, др.-р. *c*, нов. *b*: 124), *укарѡт'е* (псл. *b*₂), *акѡт'ициць* (псл. *b*₂), 3 мн. *лѡв'ут'* (псл. *c*, др.-р. *c*, нов. *b*: 109), 3 ед. *умѡр'ициць* (псл. *c*, др.-р. *c*: 123), 3 ед.: *разѡр'е* (псл. *b*₂, др.-р. *c*: 123), *напѡйе* (псл. *c*, др.-р. *c*: 120), *парѡс'ициць* (псл. *b*₂), *сѡл'е* (псл. *c*/*b*₂, др.-р. *c*, нов. *b*: 116), 2 ед. *н'а тѡп'иш* (псл. *b*₂, др.-р. *c*, нов. *b*: 121), 3 ед.: *утѡп'е* (псл. *c*, др.-р. *c*, нов. *b*: 121). Выделенные жирным глаголы в Космографии акцентуированы по а. п. *c*; однако *разорити* имеет формы прош. времени с насуфиксальным ударением, указывающим на а. п. *b* (Зализняк 2011: 745).

(4) В дальнейшем огласовка /ѡ/ распространилась и на месте других гласных неверхнего подъема после твердых согласных, в корнях *i*-глаголов «новой» а. п. В. На месте *а: 3 ед. *сѡл'е* (псл. *c*, др.-р. *c*: 114), 3 мн. *вѡр'ут'* (псл. *c*, др.-р. *c*: 122), 3 мн. *дѡр'ут'* (псл. *c*, др.-р. *c*: 122), 3 ед. *кѡт'е* (псл. *b*₂,

¹ Цифра после указания др.-р. акцентной парадигмы слова означает ссылку на страницу акцентологического словаря А. А. Зализняка (Зализняк 2011); цифра после указания праслав. а. п. означает ссылку на страницу (ОСА), отсутствие ссылки на (ОСА) означает, что пример взят из «рабочих списков» праславянских акцентных реконструкций, составленных С. Л. Николаевым.

др.-р. с: 125), 3 ед. *пѡл'е* (псл. b_2 , др.-р. b , нов. с под влиянием *полѣти*: 115), 3 ед. *напѡр'е* (псл. a , др.-р. a , нов. с: 116), 1 мн. *плѡт'им* (псл. c/b_2 , др.-р. с, нов. b : 125), 3 мн. *брѡн'уиць* (церковнославянизм, др.-р. с, нов. b : 117); на месте *ѣ: 3 ед. *цѡд'е* (псл. с, др.-р. с, нов. b : 113), 2 ед. *зацѡн'иш* (псл. b_2 , др.-р. b : 122); на месте *ѣ: 2 ед. *праулѡт'иш* (псл. b_2 , др.-р. b , нов. с: 126), 3 ед. *крѡше* (псл. b_2 , др.-р. с, откл. к b : 131); на месте *е: 2 ед. *пр'ишишѡмиш* (псл. b_2 , др.-р. b , откл. к с: 117). Выделенные жирным глаголы в Космографии акцентированы по а. п. с.

Новые огласовки корня типа *вѡр'ут'* на южнорусской территории существовали уже в XVII в., ср. примеры из грамот, написанных в Воронеже: *плотят, посажен* (Котков 1963: 83–84).

(5) Отсутствие перегласовки корня, содержащего *а, *ѣ, по-видимому, в большей части случаев свидетельствует об а. п. В глагола в системе, предшествующей современной роговатовской: 3 ед. *нѡдѡв'е* (псл. b_1 , др.-р. b : 109); 3 ед. *ѣтрѡв'ит'* (псл. $b_2?$, др.-р. b : 109); 3 ед. *хвѡд'е* (псл. b_2 : 41, др.-р. b : 115); 3 ед. *схвѡт'е* (псл. $b_2?$, др.-р. b : 125); 3 ед. *жѣниць* (псл. b_1 : 38, др.-р. b : 109). Подчеркнутый глагол *хвалить* в Космографии акцентуирован по а. п. b . В некоторых из этих случаев можно предполагать и недавний переход к смежно-подвижному ударению: 3 ед. *дрѡжн'е* (псл. b_2); *зѣмѡн'иць* (померещится; псл. с).

4. Глаголы а. п. С, глаголы с инновационными огласовками и некоторые другие единичные данные позволяют увидеть фрагмент своеобразной системы ударения i -глаголов, предшествующей переходу большинства глаголов а. п. С в а. п. В.

(6) К а. п. С в современном говоре относятся глаголы с экспрессивной семантикой (*бубнить, бурить, бутить, тухнуть, дурить*); глаголы с неполногласием в корне (*заплнить, запретить, предупредить, сластить*); глаголы с нулевым корнем (*кстить*).

(7) Препятствием к переходу глагола из а. п. С в В в говоре является непереходность — фактор, способствующий сохранению нафлексивного ударения и в литературном языке (Зализняк 1985: 28–29), ср. непереходные глаголы а. п. С: *зрешить* (др.-р. с: 131), *лениться* (др.-р. с: 119), *следить* ‘оставлять следы’ (псл. b_2 , др.-р. с: 112), *спешить* (др.-р. с: 131), *угодить* (псл., др.-р. с: 111), *грозить* (др.-р. с: 114), *норовить* (др.-р. с: 110), *опериться* (псл. b_2), *моросить*; возвратные глаголы а. п. С, имеющие переходные пары: *раскалиться* (др.-р. с: 115), *тайться* (др.-р. с: 107), *сердиться* (др.-р. b : 112, псл. b_2 : 43), *стыдиться* (псл. b_2). В следующих парах глаголов др.-р. а. п. с возвратный глагол имеет нафлексивное ударение, а соответствующий невозвратный —

смежно-подвижное: 3 ед. *испар'иццъ* – *пър'е*, *сад'иццъ* – *пъсбод'е*, *лажыццъ* – *пълбже*, *случ'иццъ* – *палуч'е*, хотя обычно возвратные и соответствующие невозвратные глаголы относятся к одной а. п.

(8) Переходные глаголы а. п. С в говоре Роговатки: *веселить* (псл., др.-р. с: 115), *говорить* (псл. *b*₂, др.-р. с: 123), *сторожить* (др.-р. с: 114), *долбить* (др.-р. с: 108), *копить* (др.-р. с: 121, псл. *b*₂: 35), *простить* (псл., др.-р. с: 127), *родить(ся)* (псл., др.-р. с: 111), *ростить* (псл., др.-р. с: 126), *крушить* (псл., др.-р. с: 131), *извинить* (псл., др.-р. с: 118), *бороздить* (псл. *b*₂), *рыхлить* (псл. *b*₂), *пылить* (псл. *b*₂).

(9) А. п. С в системе, предшествующей современной роговатовской, устанавливается на основании вторичных огласовок корня для глаголов др.-р. а. п. с; *b*, нов. с; праслав. а. п. *b*₂ и с, см. выше, (4): *валить*, *варить*, *дарить*, *катить*, *парить*, *платить*, *бранить*, *цедить*, *палить*, *цепить*, *глотить*, *крошить*, *целить*. Однако такая интерпретация ударения последних четырех глаголов вызывает затруднение, поскольку с натяжкой соответствует данным древне- и старорусских памятников.

Таким образом, роговатовское ударение *i*-глаголов является развитием южнорусских систем, отраженных в памятниках XVI–XVII вв. Фрагмент роговатовской системы, где противопоставление типов В и С у *i*-глаголов не поглощено поздним распространением типа В, в целом соответствует противопоставлению а. п. *b* и с в древнерусских и старорусских памятниках, ср. группы примеров (4, 5, 7, 8). Значительное число непереходных глаголов а. п. С в говоре Роговатки указывает на то, что акцентный тип В вторично распространился главным образом у переходных глаголов.

Сопоставление роговатовских данных с праслав. акцентной реконструкцией показывает: глаголы праслав. а. п. *b*₁ имеют смежно-подвижное ударение в презенсе и фонему /*ǫ*/ < *o в корне, в то время как глаголы праслав. а. п. *b*₂ и с независимо от корневого гласного относятся в говоре к а. п. В либо к С; что должно указывать на позднепраславянский 4-й («восточный») тип (ОСА: 150–172) в основе роговатовской акцентуации.

ИНФОРМАНТЫ

- ДИ — Рожкова Дарья Ильинична, 1923; закончила 10 классов средней школы в с. Роговатое, работала секретарем сельсовета, последние несколько лет перед выходом на пенсию — библиотекарем. Много читает. Живет со старшей дочерью А.И. Фоминой.
- АА — Дементьева Анастасия Андриановна, 1926–2013; в школе не училась, грамоте выучилась у своего жениха, закончившего начальную школу; работала в колхозе; в начале войны была «на окопах» в Воронежской обл., после войны некоторое время работала на торфоразработках в Ленинградской обл.
- М — Плутахина Мария Ивановна, 1926; образование 2 класса, работала в колхозе, после войны некоторое время была бригадиром полеводческой бригады; участница фольклорного ансамбля с. Роговатое.
- ЕН — Нечаева Елена Андреевна (Капралова), 1932; работала в колхозе, некоторое время была на тофоразработках в Ленинградской обл.
- НД — Исакова Нина Дмитриевна, 1939; образование 7 классов, работала в колхозе; певица и поэт, руководитель фольклорного ансамбля с. Роговатое, почетный житель села.
- Ми — Исаков Дмитрий, муж Н. Д. Исаковой.
- ЕФ — Фомина Екатерина Никитична (Гулюнчикова), 1939; образование 5 классов, работала в колхозе; участница фольклорного ансамбля с. Роговатое; родственница по мужу А.И. Фоминой.
- АИ — Фомина Анна Ивановна (Метревелина – прозвание по мужу, который в свою очередь, как нападающий сельской футбольной команды и футболист-любитель областного уровня, был прозван Метревели в честь футболиста С. Метревели), 1948; имеет среднее специальное образование, работала библиотекарем; дети и внуки АИ живут в Старом Осколе, часто бывают в Роговатом; старшая дочь Д.И. Рожковой.
- дМ — дочь М.И. Плутахиной, живет в с. Роговатое.

Литература

- АУМ — Атлас української мови. В 3-х т. Т. 1: Полісся, Середня Наддніпрянина і суміжні землі. Київ, 1984; Т. 2. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. Київ, 1988; Т. 3. Слобожанщина, Донеччина, Нижня Наддніпрянина, Причорномор'я і суміжні землі. Київ, 2001.
- Бромлей, Булатова 1972 — *Бромлей С. В., Булатова Л. Н.* Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. М., 1986; Вып. 2. Морфология. М., 1989; Вып. 3, ч. 1. Лексика. М., 1997; Вып. 3, (ч. 2). Лексика. Синтаксис. М., 2004.
- Дьяченко 2013 — *Дьяченко С. В.* Гласные в заударном открытом слоге после мягких согласных в говоре с. Роговатое Старооскольского района Белгородской области // Черенкова А. Д., ред. Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VII международной научно-практической конференции (Воронеж, 25–26 октября 2013 г.). Воронеж, 2013. С. 102–105.
- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 2004.

- Зализняк 2011 — *Зализняк А. А.* Труды по акцентологии. Т. II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель. М., 2011.
- Комментарий ДАРЯ II — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. II. Комментарии к картам. М., 1989.
- Котков 1963 — *Котков С. И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963.
- Николаев 1994 — *Николаев С. Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994, №3. С. 23-49.
- Образование — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Солозуб А. И., Строганова Т. Ю.* Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Отчет 2014 — *Дьяченко С. В., Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В.* Диалектологические экспедиции Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН в 2013 г. Экспедиция в с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. // Русский язык в научном освещении. 2014, № 2 (в печати).
- Тер-Аванесова 2013 — *Тер-Аванесова А. В.* I склонение существительных в говоре села Роговатое Старооскольского р-на Белгородской обл. // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы VII международной научно-практической конференции (Воронеж, 25–26 октября 2013 г.). Воронеж, 2013. С. 155–166.
- Хабургаев 1980 — *Хабургаев Г. А.* Становление русского языка. М., 1980.

Summary

Aleksandra Ter-Avanesova

The accentuation and the root vocalization of *i*-verbs in the South Russian dialect of the village of Rogovatoye (Belgorod region, Staryj Oskol district)

The system of accentuation of *i*-verbs in the local dialect of the village of Rogovatoye (Rogovatka), Belgorod district, Staryj Oskol region, belongs to the lately developed type of South-East Russian systems characterized by the development of accentuation type B instead of C. A. p. C > B development was followed by increase of new root vocalization /*ɔ*/ after “hard” consonants that replaced non-high vowels *a, *e, *ǣ, *ъ. Morphological analysis allows to reconstruct some fragments of a. p. B and C in the “protosystem” and then to compare it with the Old Russian and Common Slavic accentuation of *i*-verbs. The dialect has preserved the remnants of “the 4th” Late Common Slavic accentological type in the accentuation of *i*-verbs.

Автор выражает благодарность С. Л. Николаеву и М. Н. Толстой за советы, которые помогли улучшить работу.

Диалектный словообразовательный тип как элемент описания региональной деривационной системы

До настоящего времени остается актуальной разработка вопросов типологии диалектного словообразования, в том числе описания диалектного словообразовательного типа как сложной единицы, выявляющей специфику организации деривационной системы конкретной группы говоров и — шире — того или иного диалекта. Например, эти вопросы поднимаются в (Герд 1979; Азарх 2000; Араева 2009).

Словообразовательный тип характеризуется особой организацией, обусловленной характером связей производных и производящих слов, и может быть использован для характеристики таксономических отношений в словообразовании русских народных говоров. В сложившемся определении таксономии как классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, имеющих иерархическую структуру, устанавливаются заданные отношения между элементами: каждый ранг (таксон) является обыкновенно видовым по отношению к вышерасположенному таксону и родовым по отношению к нижерасположенному.

Словообразовательный тип демонстрирует двойную включенность в таксономические отношения. С одной стороны, он является комплексной единицей словообразования, наряду с другими неравнозначными единицами (например, гнездом), и занимает промежуточное положение между более простыми и более сложными единицами, в частности, между словообразовательной моделью и словообразовательным макротипом или словообразовательной нишей, т. е. словообразовательный тип вполне укладывается в иерархически организованную подсистему русского словообразования. С другой стороны, тип является самостоятельной сложноорганизованной единицей, которая устанавливает положение производного слова с учетом его структуры и семантики среди подобных единиц и рассматривает совокупность сходным образом организованных слов — таким образом, в организации типа могут быть обнаружены иерархические связи, базирующиеся, прежде всего, на характере отношений производящих и производных слов.

Предметом нашего описания являются конкретные существительные с предметной семантикой.

Исследование основано на материале Словаря смоленских говоров. Т. 1–11 (Смоленск, 1975–2005) и на картотеке этого словаря. Всего было рассмотрено более пяти с половиной тысяч слов.

На основании существующих отношений производности рассматриваемые в статье слова были распределены по словообразовательным типам.

Описание словообразовательных типов в смоленских говорах проводится по следующей схеме:

- (1) формант;
- (2) общее словообразовательное значение форманта и его частные разновидности (если они выделяются);
- (3) словообразовательные характеристики производящего слова: указание на производность или непроизводность производящей основы, принадлежность ее смоленским говорам или литературному языку;
- (4) морфонологические явления.

Существительные, устанавливающие словообразовательные отношения не с одним, а с несколькими производящими словами, обладают множественной словообразовательной структурой и описываются в нескольких типах.

Рассмотрим в качестве примера полное описание одного диалектного словообразовательного типа (здесь и далее СТ) с формантом **-к(и)**.

1. СТ отсубстантивных конкретно-предметных существительных с суффиксом **-к(и)** в смоленских говорах включает 31 производное слово.

2. В типе представлены модификационное и мутационное словообразовательные значения (здесь и далее СЗ). Модификационное значение отмечается у 22 производных существительных, мутационное — у девяти. В общерусском языке данный суффикс действует лишь в сфере отглагольной деривации.

2.1. Модификационное СЗ разделяется на два подвида — значения тождества и подобия.

Значение тождества выделяется у семи существительных: *вилки* 'вилы', *кладки* 'деревянный мостик', *махорки* 'бахрома', *махорочки* 'бахрома', *монистки* 'бусы', *резьки* 'приспособление для переноски сена, соломы', *сенки* 'сени'.

Значение подобия выделяется у пятнадцати существительных: *бычки* 'примитивное устройство для перевозки тяжестей', *видалки* 'ухват', *гачки* 'инструмент, служащий для снятия коры', *грабельки* 'приспособление в виде грабель на косе, употребляющееся для косьбы хлебов', *драбки* 'выездные сани со спинкой', *kozyрьки* 'легкие узорные сани с крутыми полозьями'.

ми', *мотылки* 'приспособление для перематывания пряжи в мотки', *мылки* 'очень густое гороховое или картофельное пюре', *ночѣвки* 'род деревянного корытца', *рамки* 'телега с высокими бортами для перевозки сена', *рожки* 'женский головной убор', *ручки* 'небольшой воз', *скибки* 'картофельный суп', *требушки* 'мягкий вафельный материал или изделие из него' и *червячки* 'кушанье из вареного и протѣртого картофеля или гороха'.

Существительные с модификационным СЗ подобия разнородны по семантике, однако среди них можно условно выделить несколько подгрупп: средства передвижения (*бычки*, *драбки*, *kozyрьки*, *рамки*), приспособления (*видалки*, *грабелки*, *мотылки*, *ночѣвки*) и кушанья (*мылки*, *скибки*, *червячки*).

2.2. Мутационное СЗ отмечается у девяти существительных: *дробинки* 'выездная легкая тележка', *дужки* 'самодельная плетѣнка из веревок для переноски сена', *задки* 'место позади дома', *клюшки* 'часть ботинка, разделенная шнуровкой и прикрывающая щиколотку', *могилки* 'кладбище', *мостики* 'крыльцо', *полозки* 'легкие сани', *ровки* 'доска с углублениями', *сподки* 'штаны'. Семантические подгруппы в данном случае нами не выделяются в силу разнородности существительных.

3. Производящие основы в рассматриваемом словообразовательном типе характеризуются как производные и непроизводные, известные литературному языку и диалектные.

3.1. Непроизводные производящие основы, известные литературному языку, в данном типе преобладают над остальными: их выделяется пятнадцать (например, *вилы–вилки*, *грабли–грабелки*, *дуга–дужки*, *зад–задки*, *могила–могилки*, *ров–ровки*, *требуха–требушки*). Непроизводные основы, известные смоленским говорам, встречаются в одиннадцати парах (например, *гак–гачки*, *драба–драбки*, *kozyрь–kozyрьки*, *махра–махорки*, *ночва–ночѣвки*, *резвы–резьки*, *скиба–скибки*).

3.2. Производные производящие основы в типе немногочисленны и известны лишь смоленским говорам (*драбина–драбинки*, *клади–кладки*, *махорки–махорочки*, *мотыль–мотылки*, *червяки–червячки* – всего пять пар).

4. Морфологические изменения происходят в 16 словах рассматриваемого типа. Морфологические явления в словообразовательном типе представлены преимущественно чередованиями согласных (в большинстве случаев), гласных, усечением и наращением.

4.1. Чередование гласных представлено лишь в четырех случаях: нуль звука чередуется с /o/ в *махра–махорки*, *махорки–махорочки* и *ночва–ночѣвки*, нуль звука с /e/ в *грабли–грабелки*.

4.2. Чередования согласных представлены преимущественно чередованиями заднеязычных: /к/ и /ч/ меняются в пяти случаях (*бык–бычки, гак–гачки, махорки–махорочки, руки–ручки, червяки–червячки*), /к/ и /ш/ в одном (*клюка–клюшки*), /г/ и /ж/ в двух (*дуга–дужки и роз–рожки*), /х/ и /ш/ в одном (*требуха–требушки*).

Подобным образом были описаны все отсубстантивные, отглагольные, отадективные и отнумеративные СТ, включающие мотивированные существительные с предметной семантикой. Полученные результаты исследования позволили сделать обобщение структурно-семантических особенностей данных типов и выявить, что наиболее значимыми с точки зрения формальной представленности и структурно-семантического взаимодействия в словообразовательной системе смоленских говоров являются суффиксальные СТ отсубстантивной и отглагольной деривации, речь о которых пойдет ниже.

В смоленских говорах функционирует 63 суффиксальных отсубстантивных СТ, объединяющих производные существительные с конкретно-предметной семантикой (в типы не включаются наименования лиц и натурфактов). Эта разновидность производной диалектной лексики является самой распространенной и включает в общей сложности около 1400 мотивированных слов, что составляет более 25% от общего количества мотивированных диалектных существительных со значением «артефакты». Не входят в суффиксальные типы, но функционируют в сфере диалектной отсубстантивной деривации 220 слов; из них 138 — единичные образования, а 82 слова объединяются попарно и имеют общий формант, но требуют дополнительного уточнения для включения в типы.

Типы отсубстантивной деривации в смоленских говорах имеют мутационное и модификационное СЗ. Мутационное СЗ является общим для всех СТ и формулируется следующим образом: «предмет, характеризующийся отношением к тому, что названо мотивирующим словом», или, в более общем виде, — «носитель предметного признака».

Модификационное СЗ в сфере отсубстантивной деривации конкретно-предметных диалектных существительных включает следующие семантические составляющие:

— «предмет, похожий по внешнему виду или по функции на то, что названо мотивирующим словом» (например, *ведерник* ‘чугун вместилищем в ведро’, *окошник* ‘венок’),

— «часть от целого» (*дорничина* ‘тонкая дощечка’, тогда как *дорница* ‘дранка’, *заборина* ‘одно бревно забора’, *красина* ‘бусина’ от *краси* ‘бусы’),

— «целое по части» (слово *ковнерка* называет рубаху-косоворотку, мотивировано существительным *ковнерь* ‘воротник’; *колёска* называет самодельную коляску для детей),

— «синоним мотивирующего слова» (*галдарейка*, как и *галдарея* ‘крыльцо с навесом перед входом’, *подвалка* и *подвал* ‘погреб’),

— в отдельных случаях имеет место субъективно-оценочное значение (например, *гнидник* о верхней одежде, *мерлужник* о неубранном помещении при мотивации словом *мерлога* ‘свиной хлев’).

Необходимо отметить, что в отдельных случаях имеет место десемантизация суффиксов (например, это явление распространено в производных словах с суффиксом **-к(а)**) и словообразовательные типы выделяются по формальным показателям.

Словообразовательная семантика полностью совпадает в смоленских говорах и в русском литературном языке сравнительно в небольшом количестве случаев, а именно у 10 типов с формантами **-ј(а)**, **-атник**, **-арь**, **-ек**, **-ин(а)**, **-ищ(е)**, **-ник**, **-нищ(а)**, **-овник**, **-онк(а)**.

Примечательно, что среди данных суффиксов встречаются в равной мере как высоко-, так и низкочастотные для смоленских говоров словообразовательные средства. Например, высокочастотным является суффикс **-ник**, который выделяется, например, в словах *ржищник* ‘ржище’, *рульник* ‘кулеш из кислого теста’, *ситник* ‘сито’, *цепник* ‘жердь для просушки снопов’. К той же разновидности относится суффикс **-ин(а)**, например, в словах *тычинина* ‘кол из тына’, *ферязина* ‘одно плечико сарафана’ (сам сарафан называется *ферязь*), *цепина* ‘ручка молотильного цепа’. В качестве иллюстрации низкочастотных формантов могут выступать следующие: **-ј(а)** (*вотробья* ‘отруби’, *ночевья* ‘два горшочка, скрепленных общей ручкой’); **-атник** (в словах *бычатник*, *гусятник*, *козятник*, *свинятник*, *утятник*, называющих помещения для животных и птиц), **-арь** (*дегтярь* ‘дегтярница’, *кубарь* ‘глиняный горшок’, *ушарь* ‘ушат’).

Отсубстантивы, функционирующие в смоленских говорах, обнаруживают тенденцию, характерную, по-видимому, для сферы диалектного словообразования в целом: по мере расширения границ диалектного СТ и усиления взаимодействия с другими, часто синонимичными типами, наблюдается расшатывание ядерного элемента СЗ в типе и отмечается возникновение новых значений.

Так, по разным показателям словообразовательная семантика не совпадает с литературным языком у 53 диалектных словообразовательных типов.

Различия в сфере употребления типов в смоленских говорах и в литературном языке имеют место в следующих случаях.

Расширяют словообразовательную семантику в смоленских говорах форманты **-ј(е)**, **-арк(а)**, **-ашк(а)**, **-ик**, **-ик(и)**, **-инк(а)**, **-к(а)**, **-к(о)**, **-няк**, **-ок**, **-очк(а)**, **-ушк(а)**, **-чик**, поскольку в сфере диалектного использования эти суффиксы обладают не только модификационной семантикой, как в русском литературном языке, но и мутационной. К примеру, слова *горохвинье*, *гуменье*, *стожарье* с формантом **-ј(е)** обозначают пространства — *горохвинье* и *гуменье* называют места, где раньше располагались, соответственно, посадки гороха и гумно; существительное *стожарье* называет площадку под стог при мотивирующем *стожар* ‘жердь, вокруг которой укладывался стог’. Слова *овчарка*, *свинарка*, *хомутарка* с суффиксом **-арк(а)** являются названиями сельскохозяйственных построек, причем если первые два существительных конкретизируют общую сему ‘хлев’ через отсылку к мотивирующим названиям животных, то последнее — *хомутарка* — конкретизирует через неодушевленный предмет и называет часть конюшни, предназначенную для хранения упряжи.

Иного рода несовпадения, связанные с отличиями в выражении как мутационной, так и модификационной семантики, отмечаются у следующих суффиксов:

-овк(а) — в литературном языке слова с данным формантом называют действие или состояние, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом, а не конкретные предметы, тогда как в смоленских говорах *березовка*, *липовка*, *осиновка* — наименования посуды по материалу;

-ец — совпадает модификационное СЗ, отличается мутационное: в литературном языке формант используется для наименования лиц, но не предметов, а в смоленских говорах встречаем *дубец* ‘прут’, *елец* ‘сучковатая ель, используемая как борона’, *липец* ‘липовый мед’;

-ач и **-н(я)** — формант **-н(я)** в русском литературном языке используется лишь для наименования вместилищ, а формант **-ач** функционирует с мутационным значением для наименования лиц или животных и с модификационным для обозначения собирательности. В смоленских говорах у обоих формантов последовательно представлены и мутационное, и модификационные значения — мутационное, например, у слов *горожня*, которое обозначает загон для скота и образовано от *горожа* — ‘изгородь, забор’; *грабельня* ‘рукоять граблей’, *кошевня* ‘плетеный кузов для саней’, а *кошева* ‘широкие и глубокие сани’; *пенькач* ‘приспособление для обработки льна и конопли’; модификационное значение подобия обнаруживается у существительного *рогач* ‘ухват’;

-анк(а) и **-ух(а)** — совпадает мутационное СЗ, в говорах шире представлено модификационное, поскольку в литературном языке отмечено лишь модификационное значение женскости; в смоленских говорах *колдобянка* и *ряшанка* называют предметы посуды, подобные мотивирующим — соответственно бочонок и ушат. Существительные *гаруцуха*, *глазуха*, *целкуха* также обладают модификационным значением подобия и называют соответственно бутыл, гороховую кашу и вареную целиком картофелину;

-онок и **-ул(я)** — в говорах исключено значение стилистической модификации, к примеру, *горшонок* и *шалоник* — это горшок и платок/шаль без дополнительных коннотаций; *скибуля* — ломоть, от слова *скиба* с тем же значением, *коробуля* ‘колыбель для младенца’.

Суффиксы **-ак**, **-ан**, **-евин(а)**, **-иц(а)**, **-овин(а)**, **-овищ(е)**, **-овн(я)** имеют в смоленских говорах мутационное и модификационное СЗ, а в литературном языке лишь мутационное значение. Суффикс **-ох(а)** отмечен наличием специализированного мутационного СЗ в говорах, тогда как в литературном языке он, наоборот, обладает узкой модификационной семантикой (диалектные существительные *брындёха*, *заборнёха*, *заборчёха* называют праздничные женские рубахи и образованы соответственно от слов *брында* и *заборка* ‘оборки’).

Необходимо отметить, что изменения в словообразовательной семантике имеют место не только в диалектных типах с высокой частотностью, например, формантов **-ец**, **-н(я)**, **-анк(а)** (около тридцати слов в каждом), но и в типах, сформированных из минимального количества слов, а именно трех (например, типы с формантами **-онок**, **-ул(я)**). Эти обстоятельства подтверждают самостоятельный характер формирования СЗ в смоленских говорах и исключают прямую зависимость возникновения новых элементов в словообразовательной семантике лишь от количественных показателей.

Особую группу формантов, отсутствующих в сфере отсубстантивной деривации в русском литературном языке, составляют две группы диалектных аффиксов: (1) форманты **-к(и)**, **-ель**, **-еник**, **-енник**, **-ил(а)**, **-ц(а)** (литературный язык предполагает их использование в достаточно узкой области отглагольной деривации) и (2) суффикс **-овик** (встречается лишь в отадьективной деривации) — всего семь формантов. Очевидно, что все эти форманты являются носителями нового СЗ, по сравнению с русским литературным языком, и свидетельствуют о тенденции к расширению границ номинативной системы смоленских говоров.

Необходимо указать еще одну группу диалектных СТ, отличающихся от аналогичных типов в литературном языке не по качественным, а по количественным показателям и закрепляющих в связи с этим заданный вид словообразовательной семантики.

В эту группу входят диалектные СТ с формантами **-ень** (24 производных с мутационным и модификационным СЗ, среди них, например, *оборень* ‘лыко, которое вставляется по краям лаптя’, *ручень* ‘горсть, пучок’, *улень* ‘улей’, *хрестень* ‘верх стога’), **-ин(ы)** (десять производных с модификационным СЗ, в том числе *козлины* ‘передняя верхняя часть русской печи от чела до потолка’, *кривулины* ‘телега для перевозки бревен’, *крошины* ‘ясли для овец’, *моталины* ‘приспособление для перематывания пряжи в мотки’), **-ц(ы)** (всего семь слов с мутационным СЗ, в том числе *дровцы* ‘мелко поколотые дрова’, *лавцы* ‘деревянная скамейка, лавка’, *мыльцы* ‘очень густое картофельное или гороховое пюре’); **-ейк(а)**, **-ениц(а)** (по три производных в каждом типе обнаруживают как модификационное, так и мутационное СЗ: *доробейка* ‘короб, лукошко из лыка или бересты’, *куртейка* ‘теплый жилет на меху’, *лозейка* ‘корзина, плетенная из лозовых прутьев’; во втором случае *масленица* ‘маслобойка’, *ниченица* ‘нитки для производства ткани’, *столеница* ‘крышка стола’).

В русском литературном языке указанные выше форманты отмечаются в единичных образованиях *слизень*, *именины*, *святыцы*, *шубейка* и *свояченица*.

В некотором роде уникальными и не находящими соответствий в литературном языке являются следующие диалектные форманты, которые можно разделить по степени распространенности:

(1) суффикс **-аник** является самым распространенным из собственно диалектных суффиксов и встречается в 11 существительных: *амшаник* ‘постройка, утепленная мхом’; *берестяник* и *береццаник* ‘обувь из бересты’, *водяник* ‘сосуд’, *гречаник* ‘печеное изделие из гречневой муки’, *коряник* ‘улей’, *лапшаник* ‘суп из лапши’, *листяник* ‘корка хлеба’, *ольханик* ‘стол из ольхи’, *сусляник* ‘лепешка на сусле’, *ушаник* ‘ушат’;

(2) суффикс **-атк(а)** наблюдается в пяти производных словах: *грибатка* ‘керосиновая лампа без стекла’, *палятка* ‘небольшой глиняный горшочек’, *кисчатка*, *перстятка* и *перцятка* — названия перчаток; суффикс **-ник(и)** также отмечен в пяти случаях: *борники* ‘передняя часть лаптей’, *двоешники* ‘два горшочка с общей ручкой’, *мыльники* ‘толченый картофель с растопленным маслом’, *содники* ‘печенье с добавлением соды’, *сподники* ‘кальсоны’;

(3) мало распространенные форманты, каждый из которых встречается в четырех словах, следующие: **-евник** (*иржевник* ‘поле, с которого убрали рожь’; *лапшевник* ‘суп из лапши’, *овощевник* ‘невысокая изгородь, плетень для защиты от ветра’, *сажевник* ‘углубление в печи для сажки’), **-ешк(а)** (*балдавешка* ‘трость с набалдашником’, *доробешка* ‘лукошко’, *ручешка* ‘горсть льна’, *торбешка* ‘мешочек’), **-н(о)** (*грабельно* ‘рукоять граблей’, *гузно* ‘нижняя часть снопа’, *оглобельно* ‘дерево для оглобель’, *судно* ‘ведро’), **-нищ(е)** (*вильнице*

‘рукоять вил’, *грабельнице* ‘рукоять граблей’, *зубильнице* ‘инструмент для заточки серпов’, *картофяльнице* ‘поле, с которого убрали картофель’), **-овј(е)** (*косовьё* ‘древко косы’, *луговье* ‘непаханая земля’, *ноговье* ‘место на кровати для ног’, *пуговьё* ‘рукоять кнута’),

(4) наименее распространенными являются форманты в типах, представленных минимальным количеством слов, а именно тремя: **-ак(и)** (*бубаки*, *бубляки*, *бульбяки* ‘сваренный целиком картофель’), **-анк(и)** (*дробянки* ‘круглой формы салазки из старого решета’, *дровянки* ‘дровни’, *kozyрянки* ‘легкие узорные сани с крутыми полозьями’), **-арок** (*овчарок* ‘хлев для овец’, *свинарок* ‘свинарник’, *хлеварок* ‘хлев’).

Таким образом, специфическими диалектными являются 11 формантов, которые встречаются в общей сложности в 50 словах. Каждый из формантов обладает мутационным или модификационным СЗ, некоторые объединяют оба типа.

В целом можно отметить богатство и вариативность словообразовательной семантики производных существительных в смоленских говорах, обилие разнообразных лексико-словообразовательных значений, которые еще ожидают своего описания. Однако нужно оговориться, что выделение частных лексико-словообразовательных значений в говорах должно быть типизировано и ограничивается, во-первых, контекстуальной семантикой форманта, который может быть вариантным, во-вторых, типом номинации, отраженным в семантике мотивирующего.

Существенной особенностью, отличающей диалектный СТ от литературного, является наличие мотивационных связей для производных существительных не только в рамках русского литературного языка, но и обязательно в рамках отдельной системы говоров. Характер этих связей, а также сопутствующий учет структуры производящей основы также могут быть отражены в описании диалектного типа.

Производящие основы, используемые в сфере отсубстантивной деривации в смоленских говорах, являются непроечными и проекчными, общерусскими и собственно диалектными. Количество тех или иных основ и их структурные особенности, безусловно, определяют специфику диалектного СТ. Однако больший интерес в описании структурной специфики диалектных мотивационных связей представляют форманты, ведь часто именно они являются не только носителями особого диалектного словообразовательного значения, но и наглядно демонстрируют ограничения в сочетаемости с производящими основами. Эти ограничения могут быть объяснены, в свою очередь, условиями как семантического, так и собственно структурного порядка.

Среди инвентаря диалектных формантов отдельно стоят те, которые обнаруживают предельно широкие возможности сочетаемости и могут свободно присоединяться к любым основам — производным и непроизводным, литературным и собственно диалектным. Очевидно, такая свобода в комбинаторике может объясняться как необходимостью выражения регулярной словообразовательной семантики, так и наличием особых, прототипических для сознания носителей говоров словообразовательных моделей, которые формируются повторяющимися словообразовательными отношениями (что немаловажно для устной формы бытования говоров) и используют часто встречающиеся суффиксы. Не случайно свободное сочетание форманта с производными и непроизводными литературными и такими же диалектными производящими основами встречается у 13 высоко- и низкочастотных типов с суффиксами **-j(е)**, **-ень**, **-ец**, **-ик**, **-ин(а)**, **-иц(а)**, **-ищ(е)**, **-к(а)**, **-ник**, **-ниц(а)**, **-овк(а)**, **-ок**, **-ушк(а)**.

Ограничения в сочетаемости форманта и производящей основы наблюдаются у производных существительных во всех остальных случаях, следовательно, так или иначе затрагивают 50 диалектных СТ. Эти типы целесообразно разделить на несколько групп по видам комбинаторных ограничений.

Так, испытывают незначительные ограничения в сочетаемости и свободно соединяются с производными/непроизводными литературными и только непроизводными диалектными основами суффиксы **-ек** и **-ель**; сочетаются с производными/непроизводными литературными и производными диалектными основами суффиксы **-ник(и)** и **-ц(а)**.

Механизм сочетаемости, обратный тому, что был описан выше, — с непроизводными литературными и непроизводными/производными диалектными основами наблюдается несколько шире: в 11 типах с суффиксами **-j(а)**, **-ак**, **-ашк(а)**, **-ешк(а)**, **-ин(ы)**, **-к(и)**, **-н(я)**, **-ник(и)**, **-ох(а)**, **-ух(а)**, **-чик**.

Иные ограничения в сочетаемости производящей основы и форманта наблюдаются в следующих случаях. Сочетание только с непроизводными основами, независимо от их принадлежности, представлено в 22 типах с суффиксами **-ан**, **-аник**, **-анк(а)**, **-анк(и)**, **-арк(а)**, **-атк(а)**, **-ач**, **-евин(а)**, **-ейк(а)**, **-еник**, **-енник**, **-инк(а)**, **-н(о)**, **-овин(а)**, **-овищ(е)**, **-овj(е)**, **-овн(я)**, **-овник**, **-онк(а)**, **-очк(а)**, **-ул(я)**, **-ц(ы)**. Сочетаются только с литературными основами разной сложности форманты **-к(о)**, **-нищ(е)**; более узкая сочетаемость с литературными непроизводными основами наблюдается у формантов **-арь**, **-арок**, **-атник**, **-евник**, **-ениц(а)**, **-няк**, **-овик**, **-онок**.

Узкая сочетаемость исключительно с диалектными непроизводными основами наблюдается в СТ с аффиксами **-ак(и)** (*бубаки*, *бубляки*, *бульбаки* 'вареный целиком картофель' от *бульба*) и **-ил(а)** (*груздила* 'удила', образо-

вано от *грузды* с тем же значением, *драбила* ‘решетка для укрепления бортов воза’, тогда как *драба* ‘боковая стенка телеги в виде решетки и собственно телега такого типа’, *кутила* ‘лавка, стоящая в переднем углу’, или *куте*) и может быть объяснена структурной и семантической нерегулярностью данных моделей.

Примечателен тот факт, что в описываемом сегменте отсубстантивной диалектной подсистемы не встретилось сочетаний форманта только с производными основами, независимо от их принадлежности к русскому литературному языку или смоленским говорам, что объясняется общей для носителей говоров тенденцией использовать для номинации достаточно прозрачные в структурном отношении слова.

В абсолютных цифрах характер производности в отсубстантивной суффиксальной подсистеме смоленских говоров можно описать следующим образом: в типах используется 1401 производящая основа, где:

— производных основ 293, или около 21% от общего числа производящих; в том числе производных литературных — 61, или 4%; производных диалектных — 232, или около 17%:

— непроизводных основ 1108, или около 79% от общего числа производящих, из них непроизводных литературных — 652, или около 47%, непроизводных диалектных — 456, или более 32%.

Следующая составляющая в описании диалектного типа напрямую связана с характером отношений производящей основы и форманта и относится к сфере морфонологии.

Морфонологические процессы в сфере диалектной отсубстантивной деривации происходят в 58 типах и представлены чередованиями согласных и гласных, чередованиями групп звуков, а также наращением и усечением производящих основ. Следует сразу оговориться, что морфонологические явления в смоленских говорах проходят по тем же законам и в тех же позициях, что и в русском литературном языке.

Свободными от морфонологических процессов являются лишь пять низкочастотных типов с формантами **-ач**, **-овик**, **-овј(е)**, **-овищ(е)** и **-ул(я)**. Во всех остальных СТ в той или иной мере присутствуют морфонологические явления.

Большое количество изменений, происходящих на морфемном шве в диалектном отсубстантивном словообразовании, объясняется как регулярностью присоединения отдельных формантов, так и активностью процессов номинации, известные противоречия которых снимаются формальными морфонологическими способами.

Морфонологические явления в типах отсубстантивных суффиксальных существительных преимущественно представляют собой различные виды чередований и усечений:

— смягчение парных твердых согласных производящих основ является самым распространенным видом преобразования финалей в описываемой деривационной подсистеме и наблюдается в 36 типах. Обратное — отверждение парных мягких согласных — менее распространено и наблюдается в девяти типах;

— чередования с заднеязычными относительно распространены и встречаются со следующей частотностью: /к//ч/ (18 типов), /г//ж/ (13 типов), /х//ш/ (12 типов);

— чередование аффрикат /ц//ч/ является также относительно частотным процессом и имеет место в восьми СТ;

— редкими являются чередования /к//ш/, /ст//щ/, /к//т/, /т//ч/, встречающиеся в ограниченном (менее пяти) количестве СТ;

— чередования гласных менее распространены, нежели чередования согласных. Они реализуются преимущественно в корнях слов и представлены следующими видами: /е//о/, /о//а/, /а//у/, /а//е/, /а//о/, /е//а/, /о//у/, а также /о/ с нулем звука, /а/ с нулем звука, нуль звука с /е/ и с /о/. Самым распространенным здесь можно считать чередование /о/ с нулем звука, которое имеет место в 15 типах; все остальные чередования можно отнести к редким;

— усечение финалей производящих основ является относительно распространенным явлением для отсубстантивных суффиксальных образований и представлено следующими видами: усечение финали /j/ в 11 типах, /к/ — в 10 типах;

— наращения производящих основ не характерны для суффиксальных СТ отсубстантивной деривационной подсистемы смоленских говоров.

Таким образом, подсистема СТ суффиксальных отсубстантивов в смоленских говорах характеризуется совпадением базовых составляющих диалектного типа с русским литературным языком. У производных диалектных существительных выделяется мутационная и модификационная словообразовательная семантика, производящие основы вступают в структурные отношения с определенными формантами, морфонологическая комбинаторика повторяет общерусскую. В то же время постоянно имеют место отличия в каждом из элементов, формирующих тип, причем особенно ярко это проявляется в словообразовательной семантике и в отношениях производящих основ с формантами.

Результаты исследования суффиксальных отсубстантивных существительных, иллюстрирующие изменения, которые протекают в диалектных СТ, можно представить в виде таблицы.

Формант	Совпадение с общерусским языком	Семантическая характеристика мотивированного		Структурная характеристика мотивирующего				Всего слов
		Модификационное СЗ	Мутационное СЗ	Мотивированное	Немотивированное	Общерусское	Диалектное	
-к(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	289
-ник	+	+	+	+	+	+	+	164
-ин(а)	+	+	+	+	+	+	+	129
-ок	+/-	+	+	+	+	+	+	100
-ниц(а)	+	+	+	+	+	+	+	70
-ик	+/-	+	+	+	+	+	+	62
-овк(а)	-	+	+	+	+	+	+	45
-ищ(е)	+	+	+	+	+	+	+	44
-иц(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	38
-к(и)	-	+	+	+	+	+	+	31
-ец	-	+	+	+	+	+	+	30
-j(е)	-	-	+	+	+	+	+	27
-н(я)	-	+	+	+	+	+	+	27
-анк(а)	+/-	+	+	-	+	+	+	26
-ень	-	+	+	+	+	+	+	24
-ушк(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	19
-ак	+/-	+	+	+	+	+	+	14
-овник	+	-	+	-	+	+	+	13
-ек	+	+	-	+	+	+	+	12
-аник	-	+	+	-	+	+	+	11
-инк(а)	-	+	+	-	+	+	+	11
-онк(а)	+	+	+	-	+	+	+	10
-ин(ь)	-	-	+	+	+	+	+	10
-овн(я)	+/-	+	+	-	+	+	+	10
-арк(а)	-	+	+	-	+	+	+	9
-ашк(а)	-	+	+	+	+	+	+	9
-чик	-	+	+	+	+	+	+	9
-очк(а)	-	+	+	-	+	+	+	8
-ух(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	8
-ан	-	+	+	-	+	+	+	7
-ц(ь)	+/-	+	-	-	+	+	+	7

Формант	Совпадение с общерусским языком	Семантическая характеристика мотивированного		Структурная характеристика мотивирующего				Всего слов
		Модификационное СЗ	Мутационное СЗ	Мотивированное	Немотивированное	Общерусское	Диалектное	
-атник	+	-	+	-	+	+	-	6
-ель	-	+	+	+	+	+	+	6
-еник	-	-	+	-	+	+	+	6
-ик(и)	+/-	+	+	+	+	+	+	6
-овин(а)	+/-	+	+	-	+	+	+	6
-атк(а)	-	-	+	-	+	+	+	5
-к(о)	+/-	+	+	+	+	+	-	5
-ник(и)	-	+	+	+	+	+	+	5
-ач	+/-	+	+	-	+	+	+	4
-евин(а)	-	-	+	-	+	+	-	4
-евник	-	-	+	-	+	+	-	4
-ешк(а)	-	+	+	+	+	+	+	4
-н(о)	-	+	+	-	+	+	+	4
-нищ(е)	-	+	+	+	+	+	-	4
-няк	-	+	+	-	+	+	-	4
-овик	-	-	+	-	+	+	-	4
-овј(е)	-	-	+	-	+	+	+	4
-ох(а)	-	-	+	+	+	+	+	4
-ј(а) (мн.ч.)	+/-	+	-	+	+	+	+	3
-ак(и)	-	-	+	-	+	-	+	3
-анк(и)	-	+	-	-	+	+	+	3
-арок	-	+	+	-	+	+	-	3
-арь	+/-	+	+	-	+	+	-	3
-ейк(а)	+/-	+	+	-	+	+	+	3
-ениц(а)	-	+	+	-	+	+	-	3
-енник	-	+	+	+	+	+	+	3
-ил(а)	-	+	+	-	+	-	+	3
-овищ(е)	+/-	+	+	-	+	+	+	3
-онок	+/-	+	-	-	+	+	-	3
-ул(я)	+/-	+	-	-	+	+	+	3
-ц(а)	-	-	+	+	+	+	+	3

Словообразование отглагольных существительных с конкретной семантикой в смоленских говорах является наиболее распространенным в количественном отношении. Количество отглагольных диалектных СТ даже незначительно преобладает над отсубстантивными — в материальном выражении это проявляется в 64 отглагольных типах против 63 отсубстантивных (соответственно в 1482 производных словах против 1401). Однако это обстоятельство не является препятствием для выделения отсубстантивных существительных в качестве ядерной для диалектной словообразовательной системы группы — с учетом их словообразовательной семантики и структурных особенностей.

Следует заметить, что обе сферы словообразования — и отглагольная, и отсубстантивная — являются значимыми для деривационной системы смоленских говоров и представляют собой своеобразные «центры притяжения», где наиболее частотные СТ не только оформляют типичные словообразовательные значения, но и служат структурными образцами для создания новых слов и даже отдельных моделей.

Рассмотрим структурные особенности отглагольных диалектных образований.

В смоленских говорах функционирует 64 суффиксальных отглагольных СТ, которые включают в общей сложности 1482 производных слова, что составляет около 27% от общего количества производных существительных со значением «артефакты» (напомним, что указанной семантикой обладают около 5500 слов). Не входят в суффиксальные СТ, но функционируют в сфере диалектной отглагольной деривации 216 слов; из них 129 единичные образования, а 86 слов объединяются попарно и имеют общий формант, но не образуют типов. Таким образом, количество периферийных случаев деривации в отсубстантивной и отглагольной сферах сопоставимо, что свидетельствует об устойчивых словообразовательных отношениях в этих диалектных подсистемах.

Отглагольные суффиксальные существительные в рассматриваемых типах обладают разнородной словообразовательной семантикой, которая может быть сформулирована обобщенно в зависимости от направленности действия, названного производящим словом, следующим образом: наименование предметов, являющихся объектом действия; объектом и частично результатом действия; объектом, служащим средством для осуществления действия; субъектом действия. Своеобразие словообразовательной семантики в данной группе объясняется принадлежностью к разным частям речи производящих и производных слов, поскольку именно их грамматическая оформленность определяет рамки для выражения словообразовательного значения.

Следует отметить, что словообразовательная семантика отглагольных типов имеет достаточно устойчивый характер, что проявляется в полном совпадении диалектных СЗ с аналогичными значениями русского литературного языка примерно в половине случаев (в отсубстантивной деривации такое совпадение фиксировалось лишь в каждом шестом случае).

Словообразовательная семантика полностью совпадает в смоленских говорах и в литературном языке у 31 типа со следующими формантами (в алфавитном порядке):

-ак (*кавардак* ‘оладья из мерзлого картофеля’, *топчак* ‘кушанье из толчёного картофеля’, *ходак* ‘обувь из бересты’), **-анк(а)** (*долбанка* ‘выдолбленный из дерева предмет’, *леплянка* ‘строение, обмазанное глиной’, *струшанка* ‘смесь сена с соломой’), **-ач** (*копач* ‘мотыга’, *тягач* ‘щипцы, клещи’, *хватач* ‘ухват’), **-в(а)** (*ества* ‘пицца’, *лётва* ‘леток в улье’, *ношва* ‘коромысло’), **-ев(о)** (*варево* ‘любое вареное кушанье’, *едево* ‘пицца’, *калево* ‘горелая корка хлеба’), **-ень** (*волочень* ‘маленькая копка сена, которую перетаскивали волоком с помощью веревки’, *кленень* ‘обруч», *навязень* ‘лапоть’, **-ец** (*курец* ‘легкий летний лапоть’, *скопец* ‘межевой столб’, *ставец* ‘род посуды для еды, питья’), **-ищ(е)** (выделяется общая пространственная семантика у слов *бороновище* ‘проборонованная часть поля’, *валище* ‘место, утопанное лошадьми’, *жнище* ‘стерня’), **-к(а)** (к примеру, в названиях кушаний *лупка* ‘картофель в мундире’, *нахлёбка* ‘похлёбка’, *перепечка* ‘выпечка без начинки’), **-к(и)** (*наборки* ‘складки на одежде’, *опойки* ‘пойло для скота’), **-л(о)** (*ерыкало* ‘ремень’, *жигало* ‘калёный железный стержень для прожигания отверстий’, *макало* ‘молоко с творогом, сметана, в которые макают блины или хлеб’) **-лк(а)** (*гладилка* ‘углубление в наковальне для раскаленного железа’, *крутилка* ‘деревянный запор в двери в виде вертушки’, *морозилка* ‘корзина или решето, обмазанное навозом, облитое водой и замороженное, для катания с гор’), **-лк(и)** (*горелки* ‘спички’, *лопалки* ‘бьющиеся стеклянные бусы»), **-льн(я)** (*дральня* ‘тёрка’, *ковальня* ‘кузница», *мыльня* ‘баня’), **-льник** (*надевальник* ‘пододеяльник’, *сидельник* ‘манеж для ребенка’), **-льниц(а)** (*висельница* ‘деревянный крючок для одежды’, *подавальница* ‘приспособление для подачи снопов’, *сеяльница* ‘лукошко для ручного сева’), **-ниц(а)** (*бражница* ‘посуда, в которой затирают пиво’, *мазница* ‘деревянный сосуд для мази, дегтя’, *мульница* ‘ручка на рукоятке косы’), **-нь** (*копань* ‘колодец’, *орань* ‘вспаханная земля’, *пахань* ‘пашня’), **-н(я)** (*влазня* ‘баня’, *городня* ‘земля, занятая под огород’, *крыня* ‘сарай для хранения сена’), **-овк(а)** (*рухтовка* ‘приспособление, которым чистят ульи’, *смазовка* ‘мазь’, *тисковка* ‘пресс для выжимания’), **-ун** (*дерун* ‘тёрка’, *размотун* ‘приспособление для перематывания

пряжи в мотки', *хватун* 'ухват'), **-уш(а)** (*волокуша* 'приспособление для перевозки сена', *задвигуша* 'дверной запор', *толкуша* 'пест, толкач'), **-ушк(а)** (*мотушка* 'катушка ниток', *накидушка* 'накидка для подушек'), **-чик** (*перерезчик* 'небольшая кадка', *стряпчик* 'пирожок'), **-ыш** (*заплётыш* 'ленточка для косы', *подгарныш* 'бубенчик под дугой', *укрутыш* 'лента, влетаемая в волосы под чепец или шапочку'), **-шк(а)** (*куляшка* 'сажень в виде буквы А', *накидашка* 'накидка'), **-j(е)** (*захлестье* 'участок земли, непригодный для сева', *связье* 'приспособление, скрепляющее части чего-либо'), **нулевой суффикс** у существительных муж. и ср. р. I склонения, жен. р. II склонения и слов pluralia tantum (*порешёт* 'перекрытие из переплетённых жердей', *наклет* 'продольный брус в саях, параллельный полозьям', *уеж* 'овсяный кисель'; *задерга* 'шест, укрепленный вдоль русской печи', *сподоба* 'приправа к пище'; *вырезы* 'украшение, вырезанное из чего-либо', *запуски* 'запущенное место, целина', *обкосы* 'остатки нескошенной травы').

Примечательно, что среди данных суффиксов встречаются в равной мере как высоко-, так и низкочастотные словообразовательные элементы. К высокочастотным можно отнести суффиксы **-к(а)** (278 слов), **-лк(а)** (64 слова), **-ень** (45 слов), к низкочастотным относятся элементы **-лк(и)**, **-льниц(а)**, **-чик**, **-j(е)**, представленные обычно в трех-четырёх, максимально в пяти словах.

Указанные факты свидетельствуют о том, что около половины отглагольных СТ (31 из 64) демонстрируют полное совпадение с литературным языком и обеспечивают, в силу своей распространенности, стабильность отглагольной деривационной подсистемы смоленских говоров. Однако очевидно и другое: 33 типа из 64 обладают более или менее выраженной диалектной спецификой. Эти типы можно поделить на две группы: во-первых, обозначить те, которые зафиксированы в русском литературном языке, но отличаются по наполнению в говорах, и во-вторых, выделить собственно диалектные СТ.

К первой группе можно отнести 21 СТ, причем целесообразно объединить типы по характеру семантических различий в три подгруппы:

(1) В литературном языке в сфере отглагольной деривации полностью отсутствуют, в отличие от смоленских говоров, суффиксы **-ах(а)**, **-ик**, **-инк(а)**, **-онк(а)**, **-очк(а)**, **-чк(а)**, **-ышк(а)** — всего семь формантов, в целом лишенных типовой отнесенности к глагольному признаку, названному производящим словом.

В смоленских говорах, помимо достаточно распространенного функционирования этих суффиксов, отмечается разнообразие их словообразовательных значений. Суффикс **-ик** выделяется здесь среди прочих в силу высокой

употребительности в диалектной среде: он встречается в 19 наименованиях артефактов, которые могут обозначать различные объектно-субъектные отношения. Так, объект действия обозначает слово *глытик* ‘блин’, объект и результат действия — *подрезик* ‘деревянная кадка’; объект для осуществления действия — *зимовик* ‘помещение для хранения пчел зимой’; субъект действия — *бубник* ‘самодельный колокольчик для домашних животных’. Достаточно частотными в данной группе является также суффикс **-онк(а)** (**-ёнк(а)**), обнаруживаемый в 16 словах с различным СЗ, а именно объекта действия (*пряжёнка* ‘яичница’ от *пряжить* ‘жарить в масле’), объекта и частично результата действия (*резонка* ‘суп с картофелем, порезанным пластиками’), объекта, служащего для осуществления действия (*поёнка* ‘ведро, из которого поят скот’). Суффикс **-чк(а)** менее распространен, по сравнению с двумя предыдущими формантами, и фиксируется лишь в восьми словах, из которых пять имеют орудийное значение (например, в словах *драчка* ‘терка’, *трепачка* ‘приспособление для трепания льна’).

Остальные аффиксы не так частотны. Суффикс **-ышк(а)** представлен четырьмя словами (*катышка* ‘деревянный валик’, *молотышка* ‘катушка’, *размотышка* ‘приспособление для перематывания пряжи в мотки’, *трепышка* ‘орудие для трепания льна’). По три слова образованы с помощью формантов **-ак(а)/-як(а)** (*разводяка* ‘разливная ложка’, *рубяка* ‘деревянная доска с ручкой и вырубленными поперечными желобками для прокатывания беля’, *стираха* ‘стиральная доска’), **-инк(а)** (*гребинка* ‘конные грабли’, *роблинка* ‘молочный продукт, приготовленный из кипяченого молока и сметаны’, *сединка* ‘манеж для ребенка’), **-очк(а)** (*захваточка* ‘часть чего-либо, которую можно взять за один раз’, *платочка* ‘кусочек цветной материи, вшиваемый под мышки в рубахе’, *становочка* ‘подставка для горячей посуды’).

(2) Встречаются в литературном языке в сфере отглагольной деривации, но при этом обладают иным частным СЗ в смоленских говорах следующие семь формантов:

-б(а) в литературном языке — отвлеченный процессуальный признак, в говорах — наименования пространства: *садиба*, *садьба*, *седьба* ‘участок земли, занятый домом и огородом, обычно прилегающий к дому’;

-енк(а) в литературном языке наименования лиц, в говорах — объект действия: *ряженка* ‘самотканое одеяло с узором’, *виленка* ‘извилины, узор’;

-енј(е) в литературном языке — отвлеченный процессуальный признак, в говорах — объект действия: *еденьё*, *момренье* как названия еды;

-(л)овк(а) в литературном языке — название места или учреждения, характеризующихся действием, названным производящим словом, в говорах —

предметы, являющиеся средством для осуществления действия: *севаловка* ‘лукошко для ручного сева’, *теребилловка* ‘льнотеребилка’;

-**ль** в литературном языке — предмет, характеризующийся совершившимся действием, в говорах — субъект действия, например, *светиль* ‘лучина, вставленная в светец’ и предмет, являющийся средством для осуществления действия *рубиль* ‘деревянная доска с ручкой и с вырубленными поперечными желобками для прокатывания белья’;

-**х(а)** в литературном языке обозначает наименование лиц, в говорах этот суффикс на фоне предыдущих используется довольно часто и встречается в 11 производных существительных, причем словообразовательная семантика имеет три разновидности: объекта действия (например, *полиха* ‘мучная похлебка’, *притираха* ‘щи из свежей или кислой капусты, заправленные мукой’, *рубиха* ‘деревянная доска с ручкой и с вырубленными поперечными желобками для прокатывания белья’), объекта, являющегося результатом действия (*завариха* ‘мучная каша’, *обвариха* ‘заваренный кипяток настоем на сухеных ягодах’) и объекта, служащего для выполнения действия (*отстираха*, *оттираха*, *стираха* — названия стиральной доски).

Отдельно в ряду типов с колеблющейся словообразовательной семантикой в смоленских говорах стоят **существительные женского рода третьего склонения с нулевым суффиксом** и нулевым окончанием. Они представлены в 29 случаях и демонстрируют широкое варьирование различных СЗ, в отличие от литературного языка, где наличествует семантика отвлеченного действия или состояния. Остановимся на этих значениях подробнее.

Значение объекта действия выделяется у шести отглагольных существительных, причем три из них называют постройки и сооружения: *перекладь* ‘навес и помост перед входом в амбар’, *прислонь* ‘сарай для сена или соломы, пристроенный одной стороной к дому’, *связь* ‘несколько строений под одной крышей’. Остальные существительные не образуют семантические подгруппы: *выпряжь* ‘сбруя’, *перевязь* ‘перевясло’, *поставь* ‘душник в русской печи’.

Значение объекта и частично результата действия присуще 16 существительным ж. р. с нулевым суффиксом. Из них значительная часть, а именно восемь, называет пространство (*выгородь* и *выгорожь* ‘отгороженное место для скота’, *выгорь* ‘участок выгоревшего леса, используемый под пашню или сенокос’, *выташь* ‘истощенная земля’ и др.). Выделяются также названия кушаний (*варь* ‘вареное кушанье’, *припадь* ‘непропеченный слой в хлебе у нижней корки’), частей одежды (*дирь* ‘полоса разорванной одежды’, *складь* ‘складка’), сооружений (*загорожь* ‘изгородь’, *нарость* ‘деревянный навес, полати’) и др.

Значение объекта, служащего средством для осуществления действия, при-суще семи словам. Все эти существительные разнородны по значению и семантических подгрупп не образуют: *вязь* ‘жгут из скрученной соломы, льна для связывания снопов’, *крель* ‘длинная веревка для того, чтобы носить сено в коробе, перевязь’, *мель* ‘мельница’, *привязь* и *прикладь* ‘жердь, которой прижимают уложенные на возу сено, солому и под., привязанная на противоположных краях повозки’, *припряжь* ‘упряжь’, *трость* ‘часть ткацкого станка, в которую вставляют нити’.

Такое разнообразие словообразовательной семантики еще раз подтверждает ядерное положение всех разновидностей СТ с нулевым суффиксом в деривационной системе смоленского диалекта.

(3) Расширяют словообразовательную семантику в смоленских говорах четыре форманта:

-ин(а): в диалекте формант имеет три значения, а именно объекта действия, например, *стелина* ‘одна потолочная доска’; объекта, служащего средством для осуществления действия, — *загреблина* ‘небольшое боковое углубление на шестке русской печи, в которое загребают угли, золу’; субъекта действия — *леци-на* ‘деревянная часть хомута’ от *лецать* ‘гремять, грохотать’; в общерусском же языке используется два значения и исключается субъектная семантика;

-ок: в диалекте четыре возможных СЗ: объекта действия *навёрток* ‘небольшой бурав’, объекта и частично результата действия *обтрёнок* ‘плохая, рваная одежда’, предмета, необходимого для осуществления действия, например, *сыпок* ‘совок, которым насыпают зерно в мешки’, субъекта действия *биток* ‘ударная часть цепа, било’; в литературном языке отмечены два значения, в частности, наименования предмета, предназначенного для выполнения действия, и предмета, возникшего в результате действия;

-ник: из четырех имеющихся в смоленских говорах СЗ (объект действия *подвязник* ‘широкий пояс вместо фартука’, объект и частично результат действия *припеканик* ‘лепёшка с припеченной начинкой’, предмет, служащий средством для осуществления действия *окучник* ‘отвал в плуге’, субъект действия *брызгник* ‘головка душа’) в литературном языке не отмечены два — объекта как результата действия и субъекта действия;

-ух(а): наибольший контраст представляют четыре диалектных значения (объект действия *колотуха* ‘картофельное пюре, сдобренное чем-либо — молоком, маслом, салом, сметаной, тушенкой и под.’, объект и частично результат действия *отваруха* ‘вареный картофель’, предмет, служащий средством для осуществления действия *набируха* ‘небольшая корзина из бересты или лубка для собирания ягод, грибов’, субъект действия *лопотуха* ‘коло-

кольчик, привязываемый на шею домашних животных»), по сравнению с одним значением литературного языка — субъекта действия.

Косвенным образом демонстрируют расширение СЗ диалектные типы с большим, по сравнению с русским литературным языком, количеством производных слов.

Так, отличается количественное наполнение шести диалектных СТ по сравнению с единичными образованиями литературного языка. Причем три диалектных типа демонстрируют относительно высокую употребляемость в деривационной системе и представлены каждый семью производными: СТ с формантом **-ель** (например, *рубель* ‘деревянная доска с ручкой и с вырубленными поперечными желобками для прокатывания белья’, *чертель* ‘цикуль’, *щепель* ‘нож для щепания лучины’), **-н(и)** (*накрестни* ‘верхняя часть розвальной, которой они отличаются от дровней’, *наморжни* ‘планки, которые крепятся на полозья саней, чтобы на них не намерзал лед’, *росползни* ‘длинные дроги или сани без кузова; роспуски’), **-ух** (*вплётух* ‘лента или тряпочка, вплетаемая в косу’, *палух* ‘лепешка из картофеля’, *прилепух* ‘подоконник’).

Менее частотны типы с формантами **-л(а)** (пять слов, например, *одевала* ‘одежда’, *пекла* ‘деревянная лопата, с помощью которой сажают хлеб, пироги в печь’, *черпала* ‘разливаемая ложка’), **-ин(ы)** (четыре слова, например, *измятины* ‘отходы при сбивании или перетапливании масла’, *подкладины* и *покладины* ‘бревна, являющиеся основанием фундамента’), **-ц(ы)** (три слова: *всходцы* ‘крыльцо со ступенями’, *жимцы* ‘приспособление для зажимания пресса’, *сливцы* ‘пахта’).

Показателен в данном случае список литературных единичных образований с перечисленными выше формантами (*купель*, *рассказни*, *пастух* и *питух*, *метла*, *сороковины*, *святыцы*), поскольку он еще раз в сравнении демонстрирует потенциал деривационной диалектной системы.

Функционируют в смоленских говорах и не встречаются в литературном языке один высоко распространенный формант **-нк(а)** (отмечен в 27 словах, среди которых *брянка* ‘маленькая корзинка’, *веянка* ‘веялка’, *вязанка* ‘шерстяная женская кофта’, *деланка* ‘заквашенное топленое молоко’, *колыханка* ‘колыбель’ и др.), а также менее распространенные форманты:

-йк(а) — *драйка* ‘терка’, *копайка* ‘мотыга’, *разгуляйка* ‘мужская рубаха свободного покроя’, *разливайка* ‘разливная ложка’, *сшивайка* ‘приспособление для сшивания чего-нибудь (игла, крючок и т. п.)’;

-лень — *держалень* ‘деревянная рукоятка цепа’, *каталень* ‘валёк, с помощью которого гладили белье’, *протягалень* ‘в ткацком стане рычаг деревянного вала, на который наворачивается полотно’, *разматывалень* ‘приспо-

собрание для перематывания пряжи в мотки', *утиралень* 'полотенце для вытирания рук, лица';

-ник(и) — *болтаники* 'суп из протертого картофеля', *заливаники* 'блины из жидкого овсяного теста', *изборники* и *сборники* 'приспособление для вышивания; пяльцы', *хлебаники* 'картофельный суп';

-олк(а) — *гребёлка* 'конные грабли', *доёлка* 'подойник', *скребёлка* 'скребок, щетка', *тросёлка* 'крученая веревка';

-улк(а) — *брякотулка* 'погремушка', *катулка* и *качулка* 'деревянный валик, на который накручивали бельё при глажении', *мешулка* 'деревянная лопаточка, мешалка';

-учк(а) — *висучка* 'висячая лампа', *гнетучка* 'дверной запор', *резучка* 'стеклянные бусы', *трясучка* 'кушанье (студень, омлет, кисель и под.), некрепкое, негустое';

-ен(ы) — *емены* 'то, что предназначается для употребления в пищу', *выгребены* 'остатки сена в кормушке, не съеденные животными', *обгребены* 'остатки сена';

-ен(я) — *плетеня* 'корзина», *пращеня* 'каша из пшеничной или ржаной муки', *толкения* 'кушанье из толченого картофеля';

-нин(а) — *заломнина* 'фронтон крестьянского дома, имеющий вид треугольника', *маканина* 'молоко с творогом, сметана, в которые макают блины, хлеб', *струхнинна* 'смесь сена с соломой';

-унец — *брякунец* 'колокольчик, который вешали на дугу в свадебном поезде', *сосунец* 'жеванный хлеб, завернутый в тряпицу, который дают сосать грудному ребенку', *шаркунец* 'рубанок';

-ун(ы) — *толкуны* 'кушанье из толченого картофеля', *трясуны* 'вилы', *ходуны* 'часы-ходики'.

Из изложенных выше фактов следует, что специфически диалектными являются 12 формантов, представленные в общей сложности в 69 словах. Количество новых, по сравнению с литературным языком, элементов отглагольной деривационной подсистемы смоленских говоров сопоставимо с аналогичными явлениями отсубстантивной подсистемы — там, напомним, было отмечено 11 формантов в 50 словах. Это свидетельствует о сходном характере организации и функционирования двух деривационных подсистем в смоленском диалекте, обусловленном, возможно, не только внутренними языковыми механизмами, которые задают определенные формально-смысловые отношения между двумя словами, производным и производящим, но также средством выражения этих отношений, а именно суффиксальным элементом как носителем словообразовательной семантики.

Дополнительная характеристика элементов диалектного СТ, которая свидетельствует о собственно диалектной специфике отношений между производящим и производным словом, должна учитывать комплекс из двух величин: (1) характера производящих основ с точки зрения производности или непроизводности и (2) принадлежности к русскому литературному языку или смоленским говорам.

Производящие основы, используемые в словообразовательных типах, являются непроизводными и производными, известными литературному языку и диалектными. Этот факт, в свою очередь, подтверждает регулярный характер отглагольной диалектной деривации и демонстрирует высокую степень устойчивости выражения заданной словообразовательной семантики, проявляющуюся в сочетании форманта с производящими основами, обладающими предельно разнородной структурой.

Свободное сочетание форманта с производными/непроизводными литературными и производными/непроизводными диалектными производящими основами имеет место в 23 типах с суффиксами **-к(а)**, **-ок**, **-ник**, **-лк(а)**, **-к(и)**, **-л(о)**, **-ень**, **-н(я)**, **-ушк(а)**, **-ух(а)**, **-нк(а)**, **-шк(а)**, **-ин(а)**, **-ниц(а)**, **-ик**, **-онк(а)**, **-анк(а)**, **-льн(я)**, **-овк(а)**, **-енк(а)** и слов мужского рода первого склонения, женского рода второго и третьего склонений с **нулевым суффиксом**.

Ограничения в сочетаемости форманта и производящей основы наблюдаются у производных слов в остальных типах.

Сочетаются с производными/непроизводными литературными и производными диалектными основами форманты восьми типов, имеющих суффиксы **-льник**, **-ищ(е)**, **-лень**, **-ловк(а)**, **-н(и)**, **-нин(а)**, **-ух**; к этой группе относятся также слова *pluralia tantum* с **нулевым суффиксом**. Другой вариант сочетаемости с непроизводными литературными и диалектными и производными литературными отмечается в четырех типах с суффиксами **-ец**, **-льниц(а)**, **-ун**, **-уш(а)**. Ограничения в сочетаемости здесь незначительны и проявляются в отсутствии среди производящих диалектных производных и непроизводных основ. Обратный механизм сочетаемости с непроизводными литературными и производными/непроизводными диалектными наблюдается в двух типах с суффиксами **-j(е)** и **-ыш**.

Большее количество ограничений в сочетаемости производящей основы и форманта наблюдается в следующих случаях.

Сочетание форманта только с основами, имеющими производную структуру, литературными и диалектными по происхождению, отмечено в типе с суффиксом **-ин(ы)**. Обратное сочетание только с непроизводными литературными и диалектными основами представлено шире и отмечается в девяти

типах с суффиксами **-ак (-як), -ач, -ев(о), -ен(я), -енј(е), -инк(а), -лк(и), -нь, -олк(а)**. Основы, функционирующие в литературном языке, производные и непроизводные по структуре, встречаются в качестве производящих в 11 типах с суффиксами **-ах(а), -в(а), -ель, -ен(ы), -йк(а), -л(а), -ль, -ник(и), -ц(ы), -чик, -ышк(а)**. Сочетается с непроизводными литературными и производными диалектными основами суффикс **-улк(а)**, и наоборот, с производными литературными и непроизводными диалектными — суффикс **-очк(а)**.

Отдельно в отглагольной деривационной системе стоят типы с суффиксами **-б(а), -унец, -ун(ы), -учк(а), -чк(а)**, которые присоединяются только к литературным непроизводным основам.

Узкая сочетаемость исключительно с диалектными непроизводными основами наблюдается в СТ с **нулевым суффиксом** у слов среднего рода первого склонения (*жлуктить* ‘парить, бучить бельё’ — *жлукто* ‘кадка, в которой бучат бельё; бук’, *свердить* ‘сверлить’ — *свердло* ‘сверло’, *силять* ‘цеплять, захватывать’ — *сило* ‘петля’), возможно, в силу малой распространенности этих слов в смоленских говорах.

В абсолютных цифрах характер производности в отглагольной деривационной системе смоленских говоров можно описать следующим образом: в типе используется 1482 производящих основы, из них:

— производных основ 873, или около 60% от общего числа производящих; в том числе производных литературных — 692, или 47%; производных диалектных — 181, или 12%.

— непроизводных основ 609, или около 40% от общего числа производящих, из них непроизводных литературных — 437, или 30%, непроизводных диалектных — 172, или 11%.

Морфонологические явления в сфере отглагольной диалектной деривации происходят в 54 типах и представлены чередованиями согласных и гласных и усечением мотивирующих основ. Отсутствие морфонологических процессов в 10 типах объясняется их прозрачной фонологической структурой.

Морфонологические явления в типах отглагольных суффиксальных существительных представляют собой преимущественно различные виды усечений и чередований.

Усечение конечных гласных является наиболее распространенным морфонологическим явлением в сфере отглагольной деривации.

Усечение гласного /а/ является самым распространенным видом морфонологических изменений и встречается в 41 типе, где сопровождается рядом морфонологических процессов в мотивированных словах, в частности, чередованием гласных /е//о/, /и//о/, /а//о/, /о//а/. Усечение гласного /а/ вызывает

Формант	Совпаде-ние с обще-русским языком	Семантическая характеристика мотивированного		Структурная характеристика мотивирующего				Всего слов
		Объектное СЗ	Субъект-ное СЗ	Мотиви-рованное	Немотиви-рованное	Обще-русское	Диа-лект-ное	
-к(а)	+	+	+	+	+	+	+	278
-ок	+/-	+	+	+	+	+	+	92
-ник	+/-	+	+	+	+	+	+	73
-лк(а)	+	+	+	+	+	+	-	64
-к(и)	+	+	+	+	+	+	+	48
-л(о)	+	+	+	+	+	+	+	48
-ень	+	+	+	+	+	+	+	45
-н(я)	+	+	-	+	+	+	+	38
-ушк(а)	+	+	+	+	+	+	+	34
-ух(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	30
-ыш	+	+	-	+	+	+	+	29
-нк(а)	-	+	-	+	+	+	+	27
-шк(а)	+	+	-	+	+	+	+	26
-льщик	+	+	+	+	+	+	+	25
-ин(а)	+/-	+	+	+	+	+	+	21
-ниц(а)	+	+	-	+	+	+	+	20
-ик	-	+	-	+	+	+	+	19
-онк(а)	-	+	+	+	+	+	+	16
-ак	+	+	+	-	+	+	+	11
-анк(а)	+	+	+	+	+	+	+	11
-льн(я)	+	+	-	+	+	+	+	11
-ун	+	+	+	+	+	+	+	11
-х(а)	-	+	-	+	+	+	-	11
-ец	+	+	+	+	+	+	+	10
-ищ(е)	+	+	-	+	+	+	+	9
-чк(а)	-	+	+	-	+	+	-	9
-ач	+	+	-	-	+	+	+	7
-ель	+/-	+	-	+	+	+	-	7
-н(и)	-	+	-	+	+	+	+	7
-овк(а)	+	+	+	+	+	+	+	7
-ух	-	+	-	+	+	+	+	7

Формант	Совпаде- ние с обще- русским языком	Семантическая характеристика мотивированного		Структурная характеристика мотивирующего				Всего слов
		Объектное СЗ	Субъект- ное СЗ	Мотиви- рованное	Немотиви- рованное	Обще- русское	Диа- лект- ное	
-б(а)	–	+	–	–	+	+	–	6
-уш(а)	+	+	+	+	+	+	+	6
-в(а)	+/-	+	–	+	+	+	–	5
-л(а)	+/-	+	+	+	+	+	–	5
-льниц(а)	+	+	–	+	+	+	+	5
-ј(е)	+	+	–	+	+	+	+	5
-йк(а)	–	+	–	+	+	+	–	5
-лень	–	+	–	+	+	+	+	5
-лк(и)	+	+	+	–	+	+	+	5
-ник(и)	–	+	–	+	+	+	–	5
-чик	+	+	+	+	+	+	–	5
-ев(о)	+	+	–	–	+	+	+	4
-енк(а)	–	+	–	+	+	+	+	4
-ин(ы)	–	+	–	+	–	+	+	4
-нь	+	+	–	–	+	+	+	4
-олк(а)	–	+	–	–	+	+	+	4
-улк(а)	–	+	+	+	+	+	+	4
-учк(а)	–	+	+	–	+	+	–	4
-ышк(а)	–	+	+	+	+	+	–	4
-ах(а)	–	+	–	+	+	+	–	3
-ен(ы)	–	+	–	+	+	+	–	3
-ен(я)	–	+	–	–	+	+	–	3
-енј(е)	–	+	–	–	+	+	+	3
-инк(а)	–	+	–	–	+	+	+	3
-ловк(а)	–	+	–	+	+	+	+	3
-ль	+/-	+	+	+	+	+	–	3
-нин(а)	–	+	–	+	+	+	+	3
-очк(а)	–	+	–	+	+	+	+	3
-ун(ы)	–	+	+	–	+	+	–	3
-унец	–	+	+	–	+	+	–	3
-ц(ы)	–	+	–	+	+	+	–	3

Опираясь на сказанное выше, можно сделать следующие выводы. Отсубстантивные и отглагольные диалектные словообразовательные типы, формирующие соответствующие деривационные подсистемы, представляют собой важные единицы диалектной деривационной системы в целом, и в то же самое время демонстрируют неравновесный характер единиц этой системы. В результате сравнения диалектных типов с аналогичными явлениями русского литературного языка можно наблюдать собственно диалектную специфику каждого из элементов, составляющих диалектный тип. Это — своеобразии словообразовательных значений, отношений производных и производящих основ, наконец, в меньшей степени, морфонологических явлений.

Диалектные словообразовательные типы демонстрируют не только своеобразии определенных участков диалектной деривационной системы, но также показывают включенность этой системы в национальный русский язык, поскольку функционируют по общим для национального языка законам.

Литература

- Азарх 2000 — *Азарх Ю. С.* Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. М., 2000.
- Араева 2009 — *Араева Л. А.* Словообразовательный тип. М., 2009.
- Герд 1979 — *Герд А. С.* Спорные вопросы славянского регионального словообразования // Псковские говоры. Л., 1979. С. 43–58.
- Словарь смоленских говоров. Т. 1–11. Смоленск, 1975–2005.

Summary

Ekaterina Lun'kova

The Dialect Word-formational Type as the Element for Describing the Regional Derivational System

The word-formational type is the central element in describing the regional derivational system, because it shows the peculiarity of derivational semantic in motivated dialect words and takes into consideration the character of coordination between motivating and motivated words in dialect. Besides the word-formational type displays the specific dialect morphology.

Two mostly important parts of the Smolensk dialect derivational system were described in the article, the first one includes words, which have been motivated by substantive stems, and the second part includes words, which have been motivated by verbal stems.

Опыт интерпретации субстантивного склонения на материале «Общеславянского лингвистического атласа»

Предметом данной статьи является структурное сопоставление исходного состояния отдельных явлений праславянского субстантивного склонения с результатами его естественного развития в диалектах всех славянских языков. В ней мы продолжаем развивать методологическую линию, намеченную в нашем докладе на предыдущем Круглом столе (Жиго 2013). Напомним: при интерпретации морфологических явлений на обширном славянском диалектном материале в рамках международного славистического проекта «Общеславянский лингвистический атлас» мы комбинируем синхронический и диахронический методы, что позволяет дать надежное истолкование ареальной дистрибуции исследуемых явлений. Интерпретация конкретных фактов в свете их генезиса опирается на предшествующие исследования о происхождении, развитии и современном состоянии славянских языков. Среди них, как мы уже упоминали в предыдущем выступлении, до сих пор не хватает работы, которая заполняла бы лакуну в целостной интерпретации диахронических изменений в широком славянском контексте, на основе синтеза комплексного материала, системно охватывающего все связанные ареалы естественного развития языка. В настоящей статье мы постараемся показать, как в процессе естественного развития субстантивного склонения в славянских языках сходные черты в отдельных макроареалах в течение определенного времени существовали параллельно, затем некогда гомогенный ареал подвергся внутренней дифференциации, в результате чего часть элементов приобрела на фонологическом уровне, по сравнению с исходной структурой, совершенно иной характер, иную «симметрию». В этом плане продуктивным нам кажется применение идеи типологии ареалов, предложенной Т. Вендиной (Вендина 2009). Речь идет о специфических конфигурациях ареалов (связанный/слитный — прерывистый), их размере/площади (большой — средний — малый), характере и количестве языков, образующих ареал (родственные — неродственные, монолингвальный — полилингвальный ареал), динамичности ареалов (стабильный — лабильный), а также об отношении конкретного ареала к макротипу (прилегающий — латеральный — отдаленный).

В связи с естественным характером процессов языкового развития в диалектах следует принимать во внимание также периферийные явления, представленные в переходных ареалах, и системные явления, учитывающие принцип естественной селекции в рамках классической оппозиции «центр — пери-

ферия». Нельзя забывать и об известных различиях между литературными вариантами национальных языков и их диалектами. Кроме того, важно учитывать дихотомию «литературная/нелитературная формы национального языка». Вместе с тем при рассмотрении явлений в их динамическом аспекте следует принимать во внимание результаты естественного развития в том случае, если в обеих формах национального языка представлены результаты одних и тех же изменений. В подтверждение можно напомнить, что множество элементов естественных диалектных систем включает в себя все элементы литературного языка, но не все грамматические диалектные формы определенного языка входят в состав его кодифицированной формы, т. е. литературного языка.

В диахроническом аспекте для субстантивного склонения на обширной славянской территории характерно множество дивергентных и конвергентных тенденций, которые, с одной стороны, в различной степени обусловлены действием принципа аналогии, а с другой — в них явственно прослеживается тенденция к аномалиям, вызванная изменением функциональной нагрузки элементов системы в конкретном ареале в определенный исторический период. Как мы знаем, базой для дальнейшей дифференциации субстантивного склонения в славянских языках послужило распределение существительных по финали основы. В этом распределении доминировал формальный критерий. С древнейших времен наряду с формальным значительную роль играл также семантический критерий. Исходные парадигмы склонения разрушались, и формировались новые, лишь частично включающие в себя прежние падежные окончания, другая же часть падежных окончаний видоизменилась на фоне осмысления такого релевантного семантического признака, как естественный род. Многочисленные изменения в отдельных славянских языках происходили по-разному, формируя тем самым специфику конкретного языка. Так, формы Предл. п. одуш. сущ. м. р. свидетельствуют об интенсивном влиянии на остальные парадигмы окончания *u-склонения. Формы Р. п. и Вин. п. одуш. сущ. м. р. подверглись аналогическому выравниванию, точно таким же образом у данных существительных образовалась пара форм Д. п. и Предл. п. ед. ч. Под доминирующим влиянием аналогии (межпарадигматической и впоследствии также внутрипарадигматической) в Д. п. и Предл. п. ед. ч. одуш. сущ. м. р., в ходе столь же интенсивной функциональной мотивации, установилось окончание *-ovi* как результат объединения различных окончаний исходной системы: *chlapovi* (*o-склонение), *muž-ovi* (*jo-склонение), *host'ovi* (*i-склонение), *sluh-ovi* (*a-склонение), *sudcovi* (*ja-склонение), *synovi* (*u-основа). Окончание *-ovi* оказалось — на исследуемой территории чешских, моравских, словацких и украинских диалектов (см. рис. 1) — про-

дуктивным по той причине, что из всех исходных парадигм (*o-основ, *jo-основ, *i-основ, *a-основ, *ja-основ, *u-основ) оно в наибольшей степени соответствовало одуш. сущ. м. р., и кроме того, в нем менее всего проявилась конкуренция исходных окончаний Предл. п. с окончаниями других падежей (-*ě* в *o-склонении, -*i* в *jo-склонении), а также Д. п. (-*u* в *o-склонении и в *jo-склонении, -*i* в *i-склонении, -*ě* в *a-склонении).

Сравнение процессов формирования парадигмы субстантивного склонения существительных в мн. ч. с ее современным состоянием показывает, что оба указанных принципа в данном случае действовали в меньшей степени, в то время как влияние процессов аналогии было более существенным. Это можно проиллюстрировать на примере изменения vs. сохранения исходного состояния форм Предл. п. мн. ч. слова *sup* в исходном *u-склонении. Транспарентность окончания -*u* в Предл. п. ед. ч. в межпарадигматических отношениях со всеми остальными системами склонения привела к сохранению исходной формы *sup-u* на всей территории сербских, хорватских, боснийских и большей части словенских диалектов (рис. 1).

Исходное, древнее состояние также сохранилось в значительной части русских диалектов (восточнославянская группа языков), а также в центральной, юго-восточной и северо-западной части польских диалектов (западнославянская группа языков). Отыскать причины подобного состояния в восточнославянском и южнославянском ареале — учитывая формы *casus generalis* в болгарских и македонских диалектах — несложно. В группе восточнославянских языков оно обусловлено тем, что на этой территории не произошло масштабного перехода парадигм субстантивного склонения от формальной классификации к семантической — возможно, в том числе потому, что данная территория не находилась под сколь-нибудь сильным иноязычным влиянием. Исходные транспарентные *u-основные формы в южнославянском ареале — за исключением кайкавских и северо-западных чакавских диалектов с окончаниями -*i* и -*ě* (Brozović, Ivić 1988: 21), а также болгарских и македонских диалектов с формами *casus generalis* — сохранились благодаря унификации форм и отчетливой нейтрализации родовых противопоставлений. Ареалом с очень интенсивным влиянием внутрипарадигматической аналогии при стабилизации отношений Д. п. — Предл. п. ед. ч. стала территория чешских, словацких и украинских диалектов. Одной из возможных причин подобного состояния является сокращение инвентаря окончаний. При этом исходное окончание Д. п. *u-склонения -*ovi* не имело такой явственной формальной конкуренции, какая была у окончания -*u*. Кроме того, данное состояние было также вызвано укреплением внутрипарадигматических отно-

Рис. 1. Предл. п. ед. ч. слова *synъ в диалектах славянских языков

шений Д. п. — Предл. п. у одуш. сущ. м. р. (*rationalia animata / irrationalia animata*) в противопоставлении неодуш. сущ. м. р. (*nonanimata*). В типологическом аспекте, на который обратила внимание Т. И. Вендина (Вендина 2009: 10), речь идет о явлениях, которые встречаются в сплошном, большом в плане количества и характера языков, полилингвальном и стабильном ареале соседствующих языков.

Помимо того, что данное явление встречается в нескольких языках, по своему масштабу оно превосходит классические макроареалы славянских языков и распространяется на часть западнославянской языковой области с прилегающей генетически отличной восточнославянской областью. Мы предполагаем, что речь идет о явлениях, относящихся к высшему уровню языковых изменений, которые выходят за рамки генетической принадлежности отдельных языков. С нашей точки зрения, эти явления представляют собой инновации, возникшие вследствие развития фонологических структур в отдельных ареалах и свидетельствующие об одинаковом либо параллельном переосмыслении исходных — ставших нерелевантными — критериев. Данный факт наводит на мысль о том, что изменения в морфологической системе априори основаны на устранении наиболее характерных явлений. Доказательством служат тенденции развития маркированных элементов в исходной системе склонения. К числу таких элементов принадлежит окончание *-ovi*. Его маркированный характер в рамках переосмысления исходных критериев был обусловлен онтологической регистрацией множества специфических черт. В процессе переосмысления данное окончание приобрело мотивационно оптимальный и однозначно транспарентный характер с высокой степенью естественности, которая проявилась: (1) в принадлежности падежной формы к определенному типу склонения (классификационная мотивация), (2) в распространенности форманта во многих парадигмах (функциональная мотивация) и (3) в дифференцированности членов парадигмы, т. е. в дифференциальной мотивации.

В противовес сплошному, большому, в плане количества и характера языков полилингвальному и стабильному ареалу, для которого характерно аналогическое выравнивание форм Д. п. и Предл. п. одуш. сущ. м. р. с *-ovi*, возник типологически отличный, аномальный для исходного состояния ареал форм *casus generalis*. Он представляет собой сплошной, среднего размера, полилингвальный, стабильный, латеральный ареал родственных языков. По сравнению с ситуацией на исходной, весьма обширной, территории, для данного ареала характерна высокая степень дивергенции, вызванная, по всей вероятности, влиянием извне. Здесь отчетливо проявляется неравномерность действия в языке аналогических тенденций. Это подтверждает возможность двойного подхода к характеристике явлений аналогии: (1) подход, при котором основной акцент делается на системность аналогий, и (2) подход, при котором в фокусе внимания исследователя находятся аномалии, порождающие исключения из структурных явлений, возникающих по аналогии. Развитие субстантивного склонения является очевидным свидетельством того, что в лингвистическом описании в настоящее время целесообразно комбинировать оба подхода (Žigo 2003: 86).

Подтверждением действия аналогии при унификации форм в результате влияния исходных основ на мягкий согласный являются формы Предл. п. ед. ч. слова *ruka* в диалектах славянских языков. На примере этих форм видно, как действует аналогическое выравнивание форм при унификации флексий под влиянием склонения с основой на мягкий согласный. Речь идет о парадигме *duš-a — duš-e — duš-i* > *žen-a — žen-e — žen-i* (исходно *žen-a — žen-y — žen-e*) (Brozović, Ivić 1988: 23; Matasović 2008: 22), аналогично в Предл. п. *ženi* под влиянием Предл. п. *duši* (Štolc 1978: 23). Эти изменения произошли вскоре после изменений фонетических, т. е. приблизительно после XII–XIII вв., и непосредственно с ними же связаны аналогические процессы, вызванные развитием корреляции по твердости-мягкости в части южнославянских языков (тип *duš-a* в Им. п. ед. ч., *duš-i* в Р. п. ед. ч.; ср. исходное *duš-e*). Другим подтверждением активности данного процесса являются аналогические формы типа *do ul'ici* (Krajičović 2009: 249), распространенные в среднесловацком диалекте и свидетельствующие о взаимосвязи этих ареалов. Р. Крайчович (там же: 60–61) датирует среднесловацкие формы типа *do ul'ici*, *z Bistrici*, и в особенности формы Им. п. мн. ч. сущ. ж. р. типа *ruke*, *nohe*, *muche*, периодом до XII в., и объясняет их как результат палатализации согласных *k*, *g*, *ch*. Он утверждает, что данное явление, по всей вероятности, было обусловлено воздействием на межпарадигматическом уровне форм Им. п. мн. ч. *duše*, в результате влияния аналогии появились формы Им. п. мн. ч. *ruke*, *nohe*, *muche* (см. рис. 2)¹.

Среднесловацкая палатализация велярных и ее результаты в формах мн. ч. *ruke*, *nohe*, *muche* послужила основанием для фонологической трактовки развития южно-среднесловацкой консонантной системы в классических работах Р. Якобсона (Jakobson 1929: 62–65; 1960: 183–203), Э. Паулини (Pauliny 1963: 188–189), Л. Новака (Novák 1980: 265). Р. Крайчович (Krajičović 2009: 60–61) основные предпосылки данного явления усматривает на фонологическом уровне. Мы, однако, считаем, что столь интенсивный стимул к изменениям в парадигме равным образом мог иметь и морфологическую природу. На среднесловацкой диалектной территории он проявился столь же интенсивно, как и в южнославянском языковом ареале: в чакавских диалектах в Р. п. ед. ч. слов типа *duša*² устойчиво образуются формы *duši*, как в исходном *a*-основном, т. е. твердом типе склонения, где флексией Р. п. ед. ч. был формант *-y*. О хронологии палатализации велярных писал Э. Паулини (Pauliny 1963: 191),

¹ Знаком *K* (заглавная буква курсивом) мы обозначаем в легенде к рис. 2 архифонему, которая в современных диалектах сохранилась либо как результат палатализации, либо как результат унификации по финали основы.

² Исходный **ja*-основный тип.

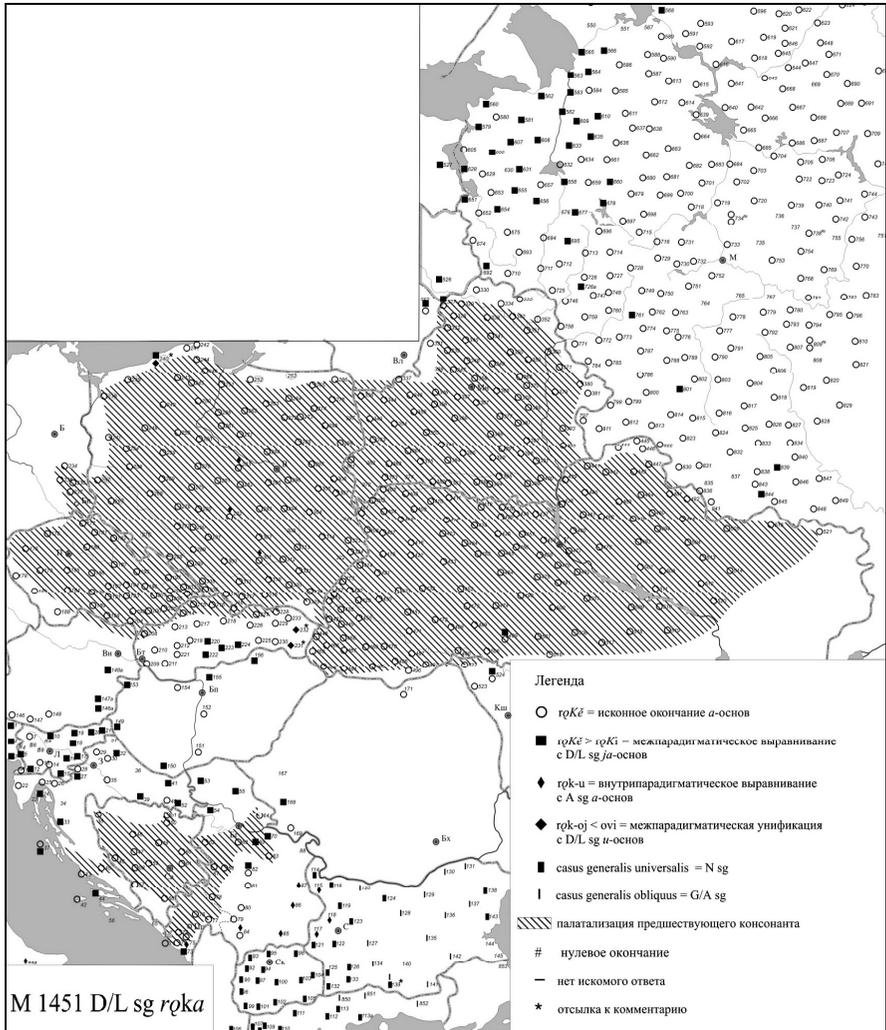

Рис. 2. Предл. п. ед. ч. слова *rōka в диалектах славянских языков

который в своей интерпретации данного явления присоединяется к Р. Якобсону (Jakobson 1929: 64–65) и к Л. Новаку (Novák 1980: 265). Так, Л. Новак считает, что речь здесь идет о старой консонантной корреляции по твердости–мягкости веллярных, которая появилась в южной части среднесловацких говоров еще в конце XII в., т. е. вскоре после падения редуцированных. Формы Им. п. мн. ч. типа *ruke, nohe, tuche*, типичные для среднесловацких говоров, свидетельствуют об их связях с южнославянским ареалом, а в южной части среднесловацких говоров они указывают на древнее происхождение данного явления, которое с позиций ареального, исторического и сопоставительного славянского языкознания можно считать элементом не-западнославянского происхождения.

Интенсивность разрушения консонантной корреляции по твердости–мягкости в южнославянских языках *duš-a — duš-e — duš-i* обусловила унификацию склонения сущ. ж. р. (также *žen-a — žen-e — žen-i*, изначально *žen-a — žen-y — žen-e*) (Brozović, Ivić 1988: 23; Matasović 2008: 22) и образование морфологического макротипа с сохранившимся исконным окончанием *ja-основного склонения. Речь идет о компактном, стабильном, полилингвальном ареале, который образует южнославянская диалектная область (словенские, хорватские, сербские, черногорские и боснийские диалекты, кроме болгарских и македонских диалектов, образующих уже упомянутый ареал *casus generalis*) и область чешских, моравских и западославянских диалектов. Новые формы Р. п. ед. ч. типа *pšenici* в словацком языковом ареале в противопоставлении исходной форме с окончанием *-e* доказывают, что различные пути развития корреляции по твердости–мягкости (см. там же) обусловили в том числе различия в морфологическом развитии. На территории, где исходный согласный *c'* не имел твердого коррелята, он воспринимался по аналогии с теми элементами системы, которые также были мягкими и при этом имели твердые корреляты. Результатом стали аналогические процессы в рамках исходных *ja-основных и *i-основных парадигм со вполне естественным развитием форм Р. п. ед. ч. и заменой исходного окончания *-e* окончанием *-i*, в результате получились формы типа *pšenici, ulici* (см. рис. 3).

Диагональная изоморфа в словацких диалектах является результатом разного фонологического развития в северо-западном и юго-восточном словацком диалектном ареале³. В южной части среднесловацких говоров формы Р. п. ед. ч. исходных *ja-основных существительных имеют окончание *-i*, т. е. представлены формы типа *ulici, lavici*. Частичную аналогию с *i-основным

³ Разрушение прежней слоговой корреляции по твердости–мягкости и его результаты в отдельных ареалах словацких диалектов подробно описал Л. Новак (Novák 1980: 264–271).

Рис. 3. Р. п. ед. ч. слова *p̣řenica в диалектах славянских языков

склонением (Štolc 1978: 23) подтверждают формы Им. п. ед. ч. *ul'ic* (< *ulica*), *koñic* (< *konica*), *lavic* (< *lavica*), из «сравнительно новых» слов также *kukuric* (< *kukurica*) (там же: 17). Во всем украинском диалектном ареале, где в Р. п. ед. ч. представлено исходное *-ě* в виде закономерного континуанта *-i* (т. е. *pšeničiči*), развитие парадигм склонения существительных с основой на мягкий согласный (Бевзенко 1978) связано с позднейшими фонетическими изменениями гласного *ě* > *i* и приобретением рефлексами *ě максимальной фонетической дифференциации в общеславянском масштабе (ОЛА 1988). Иное фонологическое развитие с типичными изменениями демонстрируют западнославянские польские диалекты, а также восточнославянские белорусские и русские диалекты. Интегральным признаком данного полилингвального ареала является аналогический процесс объединения исходной мягкой парадигмы склонения с твердой парадигмой (исходные *ja*-основы > исходные *a*-основы) в результате переосмысления фонологического статуса фонемы *c* (там же; см. рис. 3).

Дистрибуция некоторых морфологических явлений на обширной славянской диалектной территории свидетельствует о необходимости комплексного изучения естественного развития языка в широком ареальном контексте. Изменения в языке в ходе его естественного развития выводят лингвистов за рамки чисто языковедческой проблематики, являясь свидетельством конвергенции и дивергенции в эволюции ментального мира в генетически гомогенных макроареалах, на которые в различной степени оказывало влияние множество внешних экономических, политических, культурных и языковых факторов.

В материалах, собранных по вопроснику «Общеславянского лингвистического атласа», содержится ценный материал, который включает в себя также значительное число морфологических явлений. Этот материал требует самой тщательной обработки и интерпретации. Результаты исследования по своему масштабу могут выйти за рамки диалектологии и языкознания как такового и затрагивать междисциплинарные темы типа *мир в языке* или *мир языка* с перспективой выхода в феноменологию.

Перевод со словацкого Д. Ю. Ващенко

Литература

- Бевзенко 1978 — *Бевзенко С.Ф.* и др. Історія української мови. Київ, 1978.
- Вендина 2009 — *Вендина Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М., 2009.
- Жиго 2013 — *Жиго П.* К проблеме картографирования субстантивных парадигм в диалектах славянских языков // Исследования по славянской диалектологии. 16. М., 2013.
- ОЛА 1988 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Выпуск 1. Рефлексы *ѣ. Београд/Белград, 1988.
- Brozović, Ivić 1988 — *Brozović Dalibor, Ivić Pavle.* Jezik srpskohrvatski/hrvatskosrpski/hrvatski ili srpski. Zagreb, 1988.
- Jakobson 1929 — *Jakobson Roman.* Remarques sur l'evolution phonologique du russe. Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1929. II. P. 62 – 65.
- Jakobson 1960 — *Jakobson Roman.* Russian Conjugation // Word. 1960. №. 4. P. 183–203.
- Krajčovič 2009 — *Krajčovič Rudolf.* Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava, 2009.
- Matasović 2008 — *Matasović Ranko.* Poredbenopovijesna gramatika hrvatsoga jezika. Zagreb, 2008.
- Novák 1980 — *Novák L'udovít.* K najstarším dejinám slovenského jazyka. Bratislava, 1980.
- Pauliny 1963 — *Pauliny Eugen.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
- Štolc 1978 — *Štolc Jozef.* Atlas slovenského jazyka. 2. Flexia. Časť druhá: Úvod – komentáre. Bratislava, 1978.
- Žigo 1999 — *Žigo Pavol.* Princíp vývinu // Princípy stavby, vývinu a fungovania slovenčiny. Bratislava, 1999. S. 93–110.
- Žigo 2003 — *Žigo Pavol.* Vývinový aspekt // Princípy jazyka. Bratislava, 2003. S. 86.

Summary

Pavol Žigo

Interpretation of Noun Declension in the Slavic Linguistic Atlas

The article deals with a project of analysis of natural development processes of the noun declension in dialects of the Slavic languages in a special volume of the international project – *Slavic Linguistic Atlas*. The author offers a basic experience from cartographic processing of morphological items in particular Slavic macro-areas and points out the necessity of the synthetic analysis of the natural development of the noun declension in dialects of the Slavic languages as a starting point of the explanation focused on the nature in morphology.

Славянский плюсквамперфект и его эволюция в некоторых севернорусских говорах¹

I.

Грамматическая категория плюсквамперфекта (ПКП) в последние десятилетия привлекает к себе особое внимание лингвистов, как историков, так и типологов.

Относительно ситуации в русском языке сложилось устойчивое мнение о том, что в современном литературном языке результатом эволюции так называемого «нового» русского плюсквамперфекта является конструкция с несогласованным *было*, получившая название антирезультатива (АР) (Плунгян 2001), а в говорах севернорусского наречия сохранились реликты того самого плюсквамперфекта, который засвидетельствован письменными памятниками, включая берестяные грамоты (форм претерита с согласованными *был*, *была*, *было*, *были*).

Однако сведения о наличии и характере функционирования таких форм в диалектах были до недавнего времени весьма ограничены и фрагментарны, потому что, как оказалось, ареал активного употребления таких форм находится за пределами территории, обследованной по программе собирания сведений для составления «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ) (Программа 1947).

Вопрос № 127 этой Программы нацелен на выявление ПКП-форм в говоре: «Употребляется ли при глаголе в прошедшем времени вспомогательное слово *был*? Мужик *был* за дровами *шел*, а куда *зашел*, так и не узнано. Два раза *была ездила* через всё поле, когда внучку искала» (Программа: 125). Однако карта на эту тему не была составлена ввиду недостатка материала.

Кроме того, нельзя не признать, что методы лингвистической географии мало эффективны для описания территориального варьирования синтаксиса, и в особенности — функционирования глагольных форм, образующих основу структурной схемы предложения. Для определения семантики глагольных форм требуется длительное, и притом пассивное, наблюдение над моносистемой диалекта.

---

¹ Данная статья представляет собой расширенную версию статьи [Пожарицкая 2014].

Для нас возможность изучения судьбы русского ПКП в диалектах открылась, в частности, в связи с работой над Архангельским областным словарем (АОС), в процессе которой осуществлялась фонографическая запись спонтанной диалектной речи в достаточно большом объеме.

Сведения, почерпнутые из этих записей, показали, что в говорах Архангельской области существует несколько способов выражения значения прошедшего времени, в том числе и такой, который формально соответствует ПКП. Притом некоторые из этих способов, в том числе «плюсквамперфектный», демонстрируют иные пути эволюции древнерусских форм, чем тот, который представлен в современном литературном языке.

Таким оказался, в частности, говор населенных пунктов по среднему течению р. Пёзы (дд. Мосеево, Баковская, Калино и Езевец Мезенского р-на Архангельской обл.), исследованный нами в 1990 году и описанный в работах (Пожарицкая 1991; 1996). Вернуться к описанию этого говора нас побудило прежде всего поступление нового материала из экспедиции М. Амелиной, М. Громовой и Д. Преловской 2008 года, т. е. почти два десятилетия спустя, который представлен в статье (Громова 2010) и в устных сообщениях М. Громовой. Этот материал позволил нам уточнить некоторые ранее сложившиеся представления — в частности, относительно способов выражения семантики антирезультатива, — и подтвердить на большем объеме материала те предположения, которые были высказаны ранее.

Другая причина состоит в том, что проблема ПКП в типологической перспективе оказалась в центре внимания лингвистов, занимающихся глаголом. В работах (Князев 2001; 2004; Петрухин, Сичинава 2008; Плунгян 1998; 2001; Plungian & Auvera 2006; Сичинава 2008; 2010, 2013; Шевелева 2007; 2008; Жукова, Шевелева 2010; Шоштайшвили 1998) и многих других были высказаны некоторые новые идеи и предложены термины, которые естественно было попытаться применить к описанию расширенного объема диалектного материала.

Задача нашего исследования состояла в том, чтобы определить грамматический статус форм *был*, *была*, *было*, *были* в контексте предложения и их отношении: (1) к значению древнерусского ПКП, (2) к AP-конструкции, (3) к другим формам прошедшего времени в моносистеме диалекта.

В определении семантики ПКП традиционно выделяют две составляющие: (1) таксисную функцию, (2) абсолютное значение давнопрошедшего времени. В понимании таксиса мы следуем определению В. С. Храковского: «Мы считаем целесообразным характеризовать таксис как категорию, которая реализуется в бипредикативных (и шире — полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновре-

менность/неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2 , чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n » (Храковский 2003: 37). И далее: «Ситуации P_1 и P_2 представлены глагольными формами, которые составляют **таксисную пару** (там же: 38).

Употребление формы ПКП в абсолютном значении, в отличие от относительного, или таксисного, не предполагает обязательной таксисной пары, означая только неактуальность результата действия для момента речи или третий временной план — «сдвиг начальной точки» (Сичинава 2008), «ретроспективный сдвиг» (Плунгян 1998).

Важной составляющей значения плюсквамперфекта является та, на которую обращает внимание Т. Н. Молошная, говоря о болгарском языке, но несомненно существенная и для русского, — это «значение результата действия, актуального для другого действия в прошлом или для некоторого момента в прошлом. Плюсквамперфект в общем виде аналогичен перфекту, но относится к другой временной плоскости. Это результативное прошедшее время» (Молошная 1996: 569). П.-Л. Томас называет этот элемент значения ПКП дезактуализацией (*désactualisation*) и считает его обязательным, «поскольку он (ПКП. — С. П.) указывает одновременно на то, что действие совершилось в момент, предшествующий сообщению, и что результат действия не актуален в момент речи. Если при перфекте результат глагольных действий актуален в момент речи, то при ПКП это не так. Результат первого действия может быть аннулирован». И далее: «Присущее ПКП значение “заднего плана“, на фоне которого развивается последовательность событий, в действительности может быть связано с значением дезактуализации: обладая этим значением, ПКП указывает, что обозначаемые им процессы должны рассматриваться не как главная тема повествования, а как дополнительные обстоятельства второго плана. Сравнение славянских языков показывает, что значение дезактуализации совершившегося действия, которое является наиболее живым в современном сербскохорватском языке и обязательно присутствует у ПКП в ситуации дискурса, — это единственное его значение, которое сохранил современный украинский язык, и то значение, которое выражает частица *было*, — единственный остаток ПКП в русском языке» (Thomas 2000: 126, 127).

В работе (Plungian & Auvera 2006) используется термин *discontinuous past* («непродолжающееся» или «прекращенное» прошлое), также сближающий плюсквамперфектное значение с перфектным.

Это особенно важно для описания нашего материала, значительную часть которого составляют короткие реплики с одним сказуемым.

Используемые некоторыми исследователями термины «давнепрошедшее» и «сверхпрошлое» нельзя признать удачными, поскольку за ними просматривается значение давности времени или временной дистанции, которое не имеет в русском языке грамматического выражения. Однако в дальнейшем мы рассмотрим наши данные и под углом зрения временной локализации действия.

П. В. Петрухин и Д. В. Сичинава предлагают еще одно обозначение конструкций с *был-* (*-а, -о, -и*) — «сверхсложное прошедшее» (ССП), целесообразность которого они видят в том, что «...плюсквамперфект, чья семантика в целом соответствует набору значений “стандартного” западного плюсквамперфекта, может иметь результитивное значение, т. е. обозначать действие, результат которого актуален для определенного момента в прошлом, в то время как для ССП такое значение не характерно» (Петрухин 2013: 76). Не вполне ясно, как следует понимать то, что «такое (результативное) значение **не характерно**»; если оно отсутствует, то это неверно, а если присутствует не всегда и не обязательно — то ведь и плюсквамперфект, по утверждению автора, «может иметь результитивное значение». Однако само по себе предложенное обозначение (ССП) вполне удобно и возражений не вызывает.

Под антирезультативом мы понимаем **специализированную конструкцию**, которая грамматикализовалась в русском литературном языке для обозначения ситуации разрыва логической и хронологической цепочки событий в последовательности «намерение → действие → результат» (Плунгян 2001). Формальной особенностью ее является структура из двух клауз, соединенных союзной связью противительного типа (союзами *а, но, да*), и наличие в одной из них фразовой частицы *было*, которая не согласована с претеритной формой лексического глагола и «сигнализирует или подчеркивает контраст между ожидаемым и реальным ходом событий» (Varentsen 1986: 49).

Значения, принадлежащие зоне AP, могут описывать действие, которое (а) предполагалось, но не было реализовано (*собирался было пойти, но передумал*), (б) было начато, но прервано (*пошел было, но с полдороги вернулся*), (в) завершено, но его результат либо неудовлетворителен, либо отменен действием какого-либо внешнего фактора (*пошел было, да никого там не застал*) (Varentsen 1986; Сичинава 2003).

Тем самым, AP-высказывание описывает макроситуацию (Князев 2001: 120) либо макродействие, включающее «намерение субъекта», «действие субъекта» и «результат действия субъекта». Естественно, что в AP-конструкциях особенно употребительны глаголы с семантикой желания и ментальной деятельности (Varentsen 1986; Сичинава 2003).

Сочетание *было* с л-формой лексического глагола может означать также неполноту действия; в этом случае высказывание не нуждается в продолжении, антитезу результативному или иному, напр.: «Когда Викыч пересказывал, я тоже пустил было слезу, вспоминая пыльные задрипанные улочки» [В. С. Маканин. «Андеграунд или Герой нашего времени»].

II

Корпус нашего материала, полученного в д. Мосеево и в других населенных пунктах, образующих единый коммуникативный социум, состоит из 195 контекстов (включая материал экспедиции 2008 г.)² с формой прошедшего времени глагола *быть*, сосуществующей с л-формой лексического глагола.

Из них 156 содержат формы, согласованные в роде и числе (*был уехал, была уехала, были уехали, было сгорело*), которые в точности соответствуют структуре, называемой «новым» русским плюсквамперфектом, в отличие от «старого», который содержал форму имперфекта или аориста вспомогательного глагола *byti* (Соболевский 1907). Так же используется этот термин в работе (Жукова, Шевелева 2010). А. А. Зализняк называет «новый» плюсквамперфект «народным», а «старый» — «книжным» (Зализняк 2004: 176).

15 контекстов содержат несогласованные формы типа *было сгорел (-а, -и)*, повторяя тем самым форму антитезу результатива; в 24 контекстах с формами ср. рода типа *крышу было снесло* признак согласованности/несогласованности нейтрализован — они заслуживают отдельного обсуждения.

Особой проблемой является интерпретация формы глагола *быть* как компонента сложной глагольной формы либо как самостоятельного бытийного предиката в составе высказывания. В этом случае решение может быть принято на основании сведений о просодическом устройстве текста: так, если для ПКП-формы характерно энклитическое *был (-а, -о, -и)*, включенное в одну тактовую группу с основным глаголом (при этом возможна как препозиция, так и постпозиция его), то в качестве автономного предиката форма глагола *быть* обычно бывает ортотонической и равноударной со вторым сказуемым. Автономные отношения между *был, была, было* и второй глагольной формой могут быть оформлены паузой, замещающей относительное местоимение в придаточном предложении либо субъект в главном. Отсутствие таких сведений иногда вынуждает допустить двойную интерпретацию текста и роль в нем *был, была, было*; в частности, например:

---

² Диалектные цитаты приводятся в упрощенной фонетической записи с сохранением морфемной структуры диалектного слова.

(1) Раньше говорили: Баковы — вралі. Какой дедко был всё врал, да после тех и остальных стали вралями звать.

В высказывании *Какой дедко был всё врал* можно видеть одну клаузу с формой ПКП либо две клаузы с автономными сказуемыми: *Какой дедко был, (он) всё врал*. То же:

(2) *Вот бабка у ей была знала (ПКП), или Бабка у ей была, (которая) знала;*

(3) *Хочешь я тебе покажу, чё я купил в Архангельске был? (ПКП), или ...покажу, что я купил, (когда) в Архангельске был;*

(4) *Два брата было строили (ПКП), или Два брата было, (которые) строили;*

(5) *Вот старики каки-то были чистили (ПКП) или старики были, (которые) чистили.*

Эллипсис коннектора, ожидаемого по нормам литературного синтаксического построения, вообще чрезвычайно характерен для диалектного синтаксиса, например: *Вот старуху-ту и удавили на косоплётке³-т* (которую) *она носила* (Тинева, Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.); *Галя* (когда они) *осенёшь⁴ были, привезла банку* (Лямца, Онежский р-н, Архангельская обл.).

Экзистенциальное значение и автономная роль в предложении в особенности характерны для формы *было* в контексте безличного предложения. Приведем фрагменты разговора (отдельные реплики разных людей) о природном катаклизме с просодической разметкой (знак | — предположительно конец тактовой группы, || — конец фразы):

(6) *Это вить у Настасьи было | крышу-ту скрыло⁵ да и | у кого-то ить еще | у Алферовых было | шифер сорвало | у многих ведь сорвало было || Это от Настасьи было принесло с крыши тесницу⁶ || У Марьи было сорвало || Еще у Васьки тоже было скрыло как-то тогда-то в Баковской | там было у Валерья сорвало | да тогда-то ведь крепкий шторм-от был || У Марьи сейгод было скрыло | у Фёдора дровяник скрыло да ||.*

Сюжет разговора — происшествие, которое ‘было’. Оно происходило неоднократно, в том числе и давно, но по крайней мере в одном случае о нем говорится *сейгод*: *У Марьи сейгод было скрыло*. В содержании разговора уточняется: *у кого* это было? **Что именно** было? Роль *было* при этом можно понимать двояко, но с некоторой уверенностью можно говорить об участии его

³ *Косоплётка* — шнурок или лента, которую влетали в косу.

⁴ *Осенёшь* — ‘минувшей осенью’.

⁵ *Скрыло* (о крыше) — ‘сорвало’.

⁶ *Тесница* — ‘доска’.

в ПКП-конструкции в ситуации постпозиции (*сорвало было*), либо в тех случаях, когда препозитивное *было* входит в одну тактовую группу с глаголами *скрыло, сорвало, принесло*. В условиях просодической дискретности мы предпочитаем считать *было* автономным бытийным предикатом, а второй глагол — конкретизирующим его смысл: *У Настасьи (это) было | крышу-ту скрыло; У Алферовых (это) было | шифер сорвало*.

Приблизительно половина наших контекстов (104) содержит более чем один предикат прошедшего времени, и естественно, что они в первую очередь представляют интерес для определения плюсквамперфектного, антирезультативного или иного значения сказуемого.

1. Высказывания с двумя и более предикатами

Имеющиеся у нас контексты можно разделить на следующие группы:

1.1. Действие по первому предикату (в форме ПКП) предшествует действию по второму предикату, выраженному претеритом.

1.1.1. Предикаты выражают временную последовательность семантически независимых действий, первое из которых обозначено формой ПКП. Градация действий на основное и второстепенное не выражена, вследствие чего предикаты не составляют таксисной пары:

(7) *Был сын прибежал, опосле в Мезень позвонили;*

(8) *А хрёсный на охоту ушел был. После хрёсный-то пришел, а тот вздохнул раза два, да столько и был живой;*

(9) *Дак вот видишь, она присохла. Это вчера было так ободралось* (повязка присохла к месту, где вчера была содрана кожа);

(10) *Ты же вместе с ним медляки⁷ танцевала дак. А сначала сама ты выбежала была из клуба-то;*

(11) *Этот телефон мне достался от брата. С ним была и сестра ходила;*

(12) *Я пока с тобой говорила, Иринка была гулять пошла, она уже с гулянки вернулась, а я всё с тобой разговариваю;*

(13) *Я сейгод выудила (рыбу) — она не могла икру выметать. Сашка говорит, тоже была попала такая;*

(14) *Его сослали были, а потом он где-то поболталсе, на войну сходил, да руку-ту обострёл, да и енвалид он.*

В последнем тексте представлено три временных плана: (1) *его были сослали*, (2) *он где-то поболтался, сходил на войну и прострелил себе руку* (действия происходят в следующий за первым событием период прошедшего вре-

⁷ *Медляк* — ‘медленный танец’.

мени), (3) в результате (в момент речи) он *инвалид*, но не вследствие действия, выраженного ПКП-формой (*сослали были*), а в результате второго действия — *обострелил руку*.

1.1.2. Второй (претеритный) предикат означает действие, связанное с первым (плюсquamперфектным) не только хронологической, но и логической последовательностью. При этом возможны разные семантические отношения предикатов.

1.1.2.1. Действие претерита является естественным развитием (развертыванием, следствием или результатом) действия, обозначенного формой ПКП:

(15) *Вот пошли. Я говорю: вот были как в бога-та не верили, дак все и погибли;*

(16) *Теперь уж больше чё...огород ростим да картошка. Картошка в прошлом году была вся выгнила. Какой-то дождь пал. Вся выгнила, и всю зиму без картошки жили;*

(17) *Мама крота испугалась, крота-то когда была притянула (кошка);*

(18) *Его были посадили, дак жонка-та ухала;*

(19) *Я говорю: «Ну, опять наехали!» А они говорят: «Наказали⁸ были»;*

(20) *Молодые люди, детей не было, еще не родили были;*

(21) *У нас это лодки было начало вертеть и перевернуло совсем с мотором.*

В высказываниях (7)–(21) вторая часть не контрастна первой; содержание высказывания не соответствует понятию макроситуации и не может быть без изменения смысла трансформировано в конструкцию антирезультативного типа **Было сын прибежал, но в Мезень позвонили* или **Его было посадили, да жонка-та ухала;* или **Лодку было завертело, да перевернуло.*

1.1.2.2. Действие, обозначенное претеритом, семантически контрастно действию в форме ПКП. При этом оно может:

1.1.2.2.1. — прервать первое действие до достижения им естественного результата:

(22) *Я за морошкой пошла была, да воротилась;*

(23) *Блин, вот начал был... сидел тут с тобой, ты мне лягнула чё-то... (начал что-то говорить, но не кончил, был прерван и в результате забыл, что намеревался сказать);*

(24) *Председатель-от был тоже раненой был, но они тут было пустили стадо оленей с председателем сельсовета, их потом привлекали к уголовной ответственности. Безрезультатность попытки «пустить» (создать) стадо оленей эксплицитно не выражена, но явно подразумевается;*

⁸ *Наказать* — ‘приказать’.

1.1.2.2.2. — аннулировать уже достигнутый результат предыдущего действия:

(25) Где-то была нашла петелку, не знаю где (петельку нашла, но потеряла, не успев ею воспользоваться);

(26) Школа была построилась, да и сгорела. Ночью загорелась да сгорела. Там она на отищбе была. Хороша была школа выстроена. Ой, кака школа нова выстроена была была (sic!)! Дотла сгорела. Ницё не осталось;

(27) Я грибов был набрал, да бросил;

(28) Я чё-то вспомнила была одно, думаю: придет — скажу, — что позабывла сейчас.

Примеры (22)–(28) имеют семантику антирезультатива (в итоге — ‘морошки нет’, ‘намерение что-то сказать не осуществилось’, ‘стадо оленей не создали’, ‘школа отсутствует’, ‘грибов нет’), но формально ему условно (поскольку вторая часть макротекста не вербализована) соответствует только (24), где элементы предикативной конструкции не согласованы (*пустили было*).

Тем самым, отношения антирезультативности как не достигнутого или аннулированного результата в данном говоре не грамматикализованы. Это значение выражается так же, как последовательность неконтрастных действий (1.1.1, 1.1.2.1).

Высказывания, в которых так или иначе соблюдена характерная для ПКП таксисная последовательность действий, составляют менее половины контекстов с двумя предикатами (40 цитат из 104).

1.2. Таксисная последовательность действий нарушена: предикат в форме ПКП называет действие или состояние либо одновременное, либо следующее за тем, которое обозначено формой претерита.

1.2.1. Плюсквамперфектный и претеритный предикаты относятся к одному временному плану (действия или события происходят в прошлом одновременно):

(29) В конце-то была ира́, ну кустье ивовое, кустарник ивовый был рос;

(30) Может, там стояло зеркало, и кто-то там прошел был когда-то (отразился в нем);

(31) Тогда река-то не была, а река была ручеёк. Ребята были пересказывали;

(32) Когда он был работал, еще был совхоз;

(33) Раньше были там строили, как корова была;

(34) Фёкла говорит еще: вот у меня ведь кто-то из Москвы весь день сидел, говорит... всё выспрашивал да был;

(35) А вот приезжали-то когда дак, были они тогда росказывали.

1.2.2. Действие, обозначенное претеритом, предшествует тому, которое обозначено формой ПКП:

(36) Как дом построили, сразу посадили были кусты;

(37) Уехал в Киров на заработок, да и был женился... Хоронили. Позатотам день наверно;

(38) Плохо тожо Буранами⁹-то, не по одному телёнку рóстят; второй-то Буран покупали — корову забили, сдали были в сельпо;

(39) А пожар был — сарай весь почернел был;

(40) Наверно ветер-от нынче повредил лук-от. Ведь был весь прямо свалился до земли.

Понять значение формы с был (-а, -и) там, где оно не «вписывается» ни в плюсквамперфект, ни в антирезультатив, помогает анализ нарративных текстов, представляющих собой цепочку (линейку) высказываний, в которой несколько раз употреблены формы прошедшего времени, в том числе ПКП:

(41) Я помню в фэззо поехала была, так и сбежала. Сбежали тогда мы были, нас много сбежало. Так можно бы жить-то, дак люди — бежать, и мы бежим с чужима людьми, не со своима. От Софоновых тоже люди-то были с нами шли.

Отношения предикатов в первом фрагменте высказывания (поехала была, так и сбежала) контрастны (антирезультативны): поездка состоялась, но за этим последовало второе действие сбежала, которое аннулировало результат первого. В продолжении рассказа сбежали были является семантической доминантой высказывания: сопутствовавшие этому обстоятельству (много сбежало, бежали с чужими людьми) сообщаются формами претерита, инфинитива и презенса. В последнем фрагменте значение были не вполне ясно, поскольку мы не знаем, примыкает ли были к левой или правой тактовой группе. В пользу того, что это не элемент ПКП, а автономное экзистенциальное сказуемое, говорит вставка обстоятельственного с нами: ...люди-то были, [которые] с нами шли.

(42) Мы корову тоже год случали, обходище¹⁰ не могла, чё-то не обхаживалась; а это опять и отеллась была, потом случали, она обхаживается, а выкидывает, три раза выкинула была, случали, теленок родился порато¹¹ уж маленький.

⁹ Буран — снегоход.

¹⁰ Обходиться — ‘забеременеть (о животных)’.

Цепочка действий: (1) корову *случали*, но она не *обхаживалась*, (2) однажды она *отелилась была* (следовательно, «обходилась»), но теленок *родился* очень маленьким (3) потом ее опять *случали*, и она *обхаживалась*, но у нее были выкидыши: *три раза выкинула была*. Таксисная последовательность нарушена; форма ПКП, очевидно, маркирует главные события сюжета, связанные с коровой: *отелилась была* и *выкинула была*.

(43) *Ефрем-от уехал, брат-от, дак продали дом-от были, а потом Александра-та уехала, сёстры увезли ей, да ну кому продали-то были, дак вот Ераида стала этот дом-от покупать.*

Цепочка действий: (1) Ефрем *уехал*, (2) его дом *продали были* Александре, (3) Александра, которой *продали были* дом, *уехала*, (4) дом Ефрема *стала покупать Ераида*. Форма ПКП занимает второе место в последовательности событий, и можно думать, что именно судьба дома находится в центре интересов повествователя.

(44) *Да... у меня тоже у хозяина¹²-то был кытько¹³ взади бегал, и вот они с волком-то встретились, дак дрались крепко, дак волк-от нашего-то выкусал, дак он домой-ту кое-как прибрёл как-то. А они с сеном ехали, Тимофей-от. Тимофей-от бежит да ревьёт¹⁴. Тимофей... Хозяин-от бежал да ревел там на их, и волк-от ушёл. Собаку-ту оставил. Да у нас-то одва живой был, да как-то тоже ожил после-то. Мы его домой-ту в корзину посадили, в корзины несли. Собаку-ту. Он идти не мог после. Сначала-то вроде и шёл, после всё, больше не может. Он у ёго всё брюхо был выкусал. Это волк-от. А совсем-то не задавил, живой еще стал, остался дак. После того-то долго жил ещё собака-та, большой такой был кытько тоже.*

Заметим, что в тексте дважды сказано *выкусал*, но в перечне происшедших событий действие, выраженное претеритной формой, выглядит как равное в ряду прочих (*Они с волком-то встретились, дак дрались крепко, дак волк-от нашего-то выкусал, дак он домой-ту кое-как прибрёл как-то*), а в фрагменте *Он у ёго всё брюхо был выкусал. Это волк-от* форма ПКП, поддержанная дополнением *всё брюхо*, экспрессивно нагружена. В начале фрагмента *у меня тоже у хозяина-то был кытько взади бегал* — был явно экзистенциальное («был кытько, который бегал»), поскольку нет оснований предполагать, что в настоящее время он не бегаёт.

¹¹ *Порáто* — ‘очень’.

¹² *Хозяин* — здесь — ‘муж’.

¹³ *Кытько* — ‘собака’.

¹⁴ *Реветь* — ‘кричать’.

(45) *Сами росли, сами добывали хлеб-то, налоги были платили, жили как-то, трудно жили, описывали приходили, если налог не уплатят, трудно жили, продавали*¹⁵, *цё ле опишут, и всё.*

Здесь речь идет об определенном периоде жизни в прошлом, и все глагольные формы описывают этот период, не выстраиваясь в хронологическую последовательность; но самым значительным в той жизни и определяющим все остальные ее обстоятельства была необходимость уплаты налогов, и обозначение именно этого действия сопровождается формой *были*.

В этих сюжетах достаточно отчетливо выявляется эмфатическая роль «плюсquamперфектной» формы, которая обычно поддерживается еще и просодическими средствами — акцентным выделением и замедлением темпа. При этом акцент обычно падает не на глагольную форму, а на другое, грамматически связанное с ней слово, например, в (44) *...всё брюхо был выкусал...*; (45) *...налоги были платили...* Эмфатическую мотивированность употребления формы ПКП в этих текстах подчеркивает сопоставление с текстами, в которых для обозначения последовательных, но равноправных по значимости действий («нарративной цепочки») используются только формы претерита:

А потом подкопалса один-от там (медвежонок) как-то под них и ушел один-от, ушел;

Ево перевели, дак мы и переехали;

Заболела-то нога, еще котора здорова, скакал да скакал да, и потом отрезали и на костылях ходил;

Его парализовало, да сутки полежал, да помер;

Я вот набрала всяких ягод, сдала, пенсия-то семьсят рублей;

Дочь ее (внучку) свезла, она была на подготовительных, а теперя сдала в Ленинград, четырнадцатого туда улетела;

Зиму мы робили, летом сено ставили, работали мы. Зимой мы его (сено) вывозили, скота кормили, прокормили скота, весною, в марте, наверно, увели всего скота в колхоз. Рогатого скота, ко́ней — всех увели в колхоз;

Приехал домой, его направили на курсы;

Приехала, пошла, печку затопила.

На эмфатическую (выделительную) функцию формы ПКП указывают исследователи юго-западных украинских говоров: «Употребление плюсquamперфекта в подобных случаях подчеркивает отнесение события к не связан-

¹⁵ *Опродáивать (опродáивывать)* — ‘распродавать’; в частности, ‘продавать описанное за долги имущество’.

ному с настоящим прошлomu и акцентирует внимание на этом событии — выделительный компонент здесь присутствует практически всегда. То же мы видим и в употреблении севернорусского плюсквамперфекта от глаголов СВ в значении давнопрошедшего» (Жукова, Шевелева 2010: 185).

Впрочем, формы ПКП всегда характеризовались многозначностью: часто в одном и том же контексте можно видеть выражение как плюсквамперфекта, так и перфекта; как таксис, так и эмфазу, например:

(46) *Я помню, нас с Зойкой замуровали были, еле выбрались.*

Замуровали были — это и третий временной план, и то действие, которое явно оставило более яркое впечатление в памяти.

Текст с комментарием А. Барентсена:

«(170) — Как самочувствие его высочества?

— Сейчас он спит. Сперва-то было немного нервничал, но затем выдуд бутылку коньяку и успокоился (Степ.).

В предложениях, подобных этому, частица *было*, кажется, мало добавляет к общему значению предложения. Ее главной функцией представляется усиление контраста, уже обозначенного словом *сперва*» (Барентсен 1986: 47).

В современном говоре, активно использующем форму ПКП, эта форма не имеет четко выраженной функции маркирования первой предикации, которая была свойственна плюсквамперфекту в древнерусских письменных текстах, в том числе в берестяных грамотах, как о том свидетельствует А. А. Зализняк: «Характерно, что в ряде случаев фраза с плюсквамперфектом стоит в самом начале рассказа... Далее могут описываться другие события, но первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» (Зализняк 2004: 176).

Место клаузы с ПКП-формой, маркирующей семантическую доминанту высказывания, в современном говоре может быть любым — см. (41)–(44). Клауза с *был*, в которой комментируется, уточняется или обосновывается информация о главном действии или состоянии, тяготеет скорее к концу высказывания — см. (9), (10), (11), (17), (21), а также:

(47) *Ушла я первого мая, были мы переезжали;*

(48) *В конце-то была ира́, ну кустье ивовое, кустарник ивовый был рос;*

(49) *Тогда река-то не была, а река была ручеёк, ребята были перескакивали.*

Наблюдаемое в современных говорах разрушение соблюдавшегося ранее порядка, очевидно, связано с ослаблением таксисной функции ПКП-формы и развитием некоторых других ее значений.

Но при повторе одинаковых или однородных сказуемых достаточно жестко действует правило «цепной реакции» (Сичинава 2008: 268): если *было* употребляется при первом предикате, то оно, как правило, не повторяется:

(50) *Что-то я такое глупое был сделал... чё-то я такое сделал, глупость какую-то;*

(51) *Там-то деревня была сгорела, а не знаю, отчего она сгорела;*

(52) *На угоре строили, там было уж поместье-то унесло, где дом-от был, смыло, унесло;*

(53) *Обгорели было старики-ти, строили дом, три года пожили и обгорели.*

См. также (6) *было* скрыло... скрыло; (16) *выгнила* была... *выгнила*, (40) *сбежали* были... *нас много* сбежало.

2. Высказывания с одним предикатом

Значение *был* (-а, -о, -и) в контекстах с одним предикатом реализуется вне таксисной составляющей значения ПКП и вне характерного для АР-конструкции противопоставления предикатов двух клауз в составе одного макротекста. Поэтому мы рассматриваем их отдельно.

Законченность или автономность таких высказываний далеко не всегда очевидна, поскольку в спонтанной, по преимуществу диалогической, речи часто присутствует невербализованная фоновая информация. Типичный случай — реципиент осведомлен об актуальной ситуации, и говорящий излагает только ее предысторию. При отсутствии такой информации можно предполагать любое продолжение сюжета: следующее (не вербализованное) действие или событие может быть независимым эпизодом в ходе повествования; оно может быть как продолжением, разворачиванием предыдущего действия, так и контрастным ему:

(54) *Все ребята у ней там были родились;*

(55) *Сын-от еще в животе остался был;*

(56) *Мой муж был убил волка;*

(57) *Деверь был осталсе двенадцати годов;*

(58) *Всё комсомольцы были розорили;*

(59) *Роскулачили пошто-то были;*

(60) *В Мосеево вся деревня была сгорела;*

(61) *Там девчонки почти все замуж повыходили были;*

(62) *Иш от бабка Баковска утерялась была;*

(63) *Дояркой пошла была;*

(64) *Один-от глаз затягало¹⁶ было;*

(65) *В яму пал был;*

(66) *Коров у нас угонили были.*

Бабка, которая утерялась была (62), могла в дальнейшем найтись либо не найтись (о том, что она нашлась, свидетельствует не *была*, а известное диалектологам высказывание явившегося по этому поводу милиционера *У кого тут старушка теривалась?*); женщина, которая *пошла была дояркой*, могла быть дояркой и в момент речи (результатив-перфект), либо, став дояркой, переменить профессию (аннулированный результат); *глаз, который затягало было*, мог стать слепым, а мог остаться частично зрячим (вид глагола *затягало*, который мог бы прояснить результат, неясен) — достигнутый либо не достигнутый результат; и т. д.

Участие глагола *быть*, таким образом, не является маркером семантического контраста между первой и второй пропозициями, в отличие от ситуации, которую О. Шинкарук считает характерной для украинского языка. Сопоставляя украинские выражения (1) *Vin skynuv (prét perf) šapku* ‘Он снял шапку’ и (2) *Vin skynuv був (prét ant perf) šapku* ‘он снял был шапку’, О. Шинкарук видит различие между ними в том, что продолжение сюжета (1) не прогнозирует характера следующего действия: оно может быть как контрастным (*ta j znovu odjahniv* ‘и снова надел’), так и развертывающим сюжет в том же направлении (*a potim vyter (prét perf) loba xustočkoju* ‘а потом вытер лоб платочком’), а в случае (2) мы имеем дело с пропозицией, которая предсказывает противоположную направленность (контрастность) следующего действия, типа *taj znovu odjahniv (prét perf)* ‘и снова надел’ (Chinkarouk 1998).

В монопредикативных высказываниях по преимуществу реализуется **абсолютное** значение плюсквамперфекта как формы, относящейся к третьему временному плану — прошлому, результат которого неактуален для момента речи. Но следует заметить, что плюсквамперфектное значение в таких контекстах не всегда можно отличить от перфектного (см. Молошная 1996).

Просодическое маркирование клаузы с *был* (-а, -о, -и), которое отмечалось выше при обсуждении полипредикативных конструкций, в монопредикативных высказываниях может проявляться в акцентном усилении и замедлении темпа произнесения, «утяжелая» высказывание в целом и подчеркивая особую значимость события в биографии говорящего либо того, чью историю он рассказывает, таких как *Мой муж был убил волка*; *Все ребята у ней там были родились*; *Деверь был осталсе двенадцати годов*.

¹⁶ *Затягáть* — ‘затянуть’; в данном случае, очевидно, пленкой.

Обратимся к контекстам с несогласованным *было*, в которых реализуется формальный признак AP-конструкции:

- (4) Два брата было строили;
- (67) Соль начали хватать было;
- (68) Было у моего мужа работа была;
- (69) Тут как-то не стали было скота держать;
- (70) У меня невестка есть, да была первая, дак те отошли; тожо четверо детей было вырастила;
- (71) Заработали было двенадцать рублей;
- (72) Картошки-то было дивно продала;
- (73) Его сослали было, этого Коршакова;
- (74) Двадцать лет коров одних обрезаала, вот за рекой ездила было;
- (75) Восемнадцать человек влезали в чум было.

Некоторые из этих высказываний определенно не предполагают контрастного продолжения: *четверых детей было вырастила* (70), *картошки было продала* (72), *за рекой ездила было* (74), *восемнадцать человек влезали в чум было* (75); а некоторые допускают любое, например: (4) ‘и построили большой дом’ либо ‘да не пришлось пожить’; (68) ‘и поэтому хорошо жили’ либо ‘а потом работы не стало и жили плохо’; (71) ‘и купили поросенка’ либо ‘да нам их не заплатили’ и т. д. Таким образом, присутствие в тексте *было* (как и *был, была, были*) не предсказывает дальнейшего развития сюжета.

Грамматическое значение предикатов в этих контекстах синонимично значению предикатов в контекстах с согласованными компонентами, однако можно видеть в них бóльшую дейктическую самостоятельность *было*, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени и служит фоном или «задним планом» для событий прошлого (Thomas 2000), о котором ведется рассказ [см. также (1)–(5)]. Их можно трансформировать следующим образом: ‘А раньше было так: у моего мужа работа была ... четверо детей вырастила ... восемнадцать человек влезали в чум...’; ср. также:

- (76) Я вот жила год так, на иждивении своей семьи, нету наделу дак и нету земли лишной дак, а потом передел стал дак и мне дали, на меня дали, а было не было.

Это особенно наглядно демонстрируют высказывания с контрастными позициями, где форма настоящего времени замещает форму прошедшего (*praesens historicum*):

(77) *Какой там звоз¹⁷ — ступешки, лесенка, а раньше было на конях заез-жают!*

(78) *Раньше-то было всё косят, а сейчас такого добра нету.*

Ср. также: *Постарели, стало силы никакой нету.*

В этом случае *было* следует считать фразовой частицей, а не элементом сложной глагольной формы.

3. Грамматические и семантические признаки глаголов

При всей ограниченности нашей выборки (81 лексема) представляется очевидным предпочтение совершенного вида (СВ) несовершенному (НСВ) и непереходности (НП) — переходности (П): СВ — 60 (75%), НСВ — 21 (25%), НП — 51 (60%), П — 30 (40%). Сочетание того и другого признаков в одной глагольной форме дает такие результаты: СВ НП — 36 (45%), СВ П — 24 (30%), НСВ НП — 15 (17.5%), НСВ П — 6 (7.5 %).

Эти цифры отличаются от тех, которые приводит Д. В. Сичинава в качестве характерных для АР-конструкций литературного языка [16% глаголов НСВ (Сичинава 2013)] и не соответствуют мнению И. А. Шошитайшвили: «В общем случае глаголы несовершенного вида с БЫЛО не употребляются (ср. *Я писал было роман...), поскольку не несут в себе информации о предельности, завершенности ситуации, тем самым не позволяя делать выводы о ее аномальности» (Шошитайшвили 1998: 70).

Завершенность ситуации, понимаемая как неактуальность результата действия для момента речи, в нашем случае выражается формой глагола *быть*, координированной либо не координированной с формой лексического глагола, а «аномальность ситуации» вовсе не обязательна, поэтому оказываются возможными такие выражения, как *Мой муж был убил волка; Два брата было строили*

Семантические типы глаголов, сочетающихся с формами глагола *быть* в нашем говоре, также не соответствуют тем, которые были выявлены Д. В. Сичиновой как характерные для АР-конструкций в литературном языке [глаголы желания 23% (в числе которых «гиперчастотный» *хотеть*), ментальной деятельности 19%, речи 17%, движения 14%, ментальной деятельности 10%, попытки 8% (там же)]. В говоре значительную семантическую группу составляют только глаголы движения, куда входят *идти, ходить, ехать, ездить* (25%), включая приставочные образования и словосочетание *выходить замуж*). Остальные единичны, разнообразны и обозначают конкретные дейст-

¹⁷ *Звоз* (*взвоз*) — пологий бревенчатый накат, ведущий на верхнюю часть дома и двора.

вия. Глаголы «речи» и «ментальной деятельности» отсутствуют почти полностью (единичны *любить, заметить, вспомнить, сказать, рассказывать, знать, спрашивать, научиться*), и в частности, не встретилось ни одного глагола типа «желания», который в списке Д. В. Сичинавы занимает первое место.

В предикатах с глаголами НСВ координированные формы глагола *быть* могут играть роль дополнительного показателя прекращенной хабитуальности, и в этом случае они синонимичны итеративным глаголам:

(79) *Всяко место*¹⁸ была делала;

(80) Были ходили семнадцати лет на сплавы;

(81) *У меня Варша-то всяко измерена, пешком хаживала и всяко по Варше, а раньше была по Мезени ходила.*

Об этом свидетельствует и приведенное нами выше высказывание-вопрос *У кого тут старушка теривалась?*, который замечателен тем, что речь идет определенно об однократном действии, и показывает, что из двух компонентов семантики «многократного» глагола *териваться* (кратность действия и его законченность) главным является второе.

Следует отметить, что формы с *был* (*была, было, были*), в отличие от форм итеративных глаголов (Пожарицкая 1991б), крайне редко встречаются с отрицанием — их у нас всего 7 (из 195):

(20) *Молодые люди, детей не было, еще не родили были*;

(69) *Тут как-то не стали было скота держать*;

(82) *Я тогда не знал был, что с тобой сделать*;

(83) *Я помню в колхозе вступали, отец-от не пошел сперва-то в колхоз-от был, потом я в школу пошла — грю: «татка, больше¹⁹ подите в колхоз!»;*

(84) *Он с двадцать седьмого году, его в армию не взяли были, двадцать седьмой год остался на брони*;

(85) *Его на войны не взяли были*;

(86) *Он у нас был не любил это лежать.*

То же отмечает А. Барентсен, рассматривая *было*-предложения в литературном русском языке (Барентсен 1986: 4–5, 39–41).

¹⁸ *Всяко место* (или *всякоместо*) — ‘всё что угодно’; в данном случае — ‘любая работа’ (фраз.).

¹⁹ *Большие* — в данном случае ‘уже’, ‘в конце концов’.

5. Временная локализация действий в высказываниях с формами глагола быть

Вопрос о временной дистанции, понимаемой как «давность» события, снимается цитатами с прямым указанием на время:

- (6) У Марьи сейгод было скрыло;
(87) Она сейгод рано приехала была;
(88) Прошлой год была руку сломала.

Весьма выразителен в этом плане диалог жителей деревни с диалектологами, собирающимися покинуть деревню, по поводу самолета:

(89) Севодня тоже улетели были. — (Улетели?!). — Там у Марьи были улетели. — (Когда же они улетели?) — Они уехали. Лететь-то теперь вот днем полетят.

Событие отъезда, которое состоит из двух последовательных фаз (первая — уже состоявшаяся поездка в аэропорт и вторая — предстоящий отлет из аэропорта), обозначено формой улетели были (хотя реально ‘они’ еще не улетели), поскольку эта часть события представляется более важной.

Значительная часть текстов из экспедиции 2008 года представляет собой запись разговорной речи представителей младшего или среднего поколения, сюжеты которой относятся к повседневной жизни:

- (23) Блин, вот начал был... сидел тут с тобой, ты мне ляпнула чё-то...;
(90) Помнишь, ты мне была сказала, что я мальчик?
(91) Она там у сестры учится в Новодвинске. Там учится. Она девка-то красивенька. А Димка тот тоже учился, да поступил в Москву-то был;
(92) Там, короче, Ромка с Кристиной уже приехали были;
(93) Я «Звезду по имени Солнце» играть был научился;
(94) А чего так машешь, дед? Где платок? Чай²⁰, был дан! — Не было! — Не ври! Недавно была давала, бат²¹ опять по карманам рассовал! — Потерял... давно уж. Пот где-ле утирал дак;
(95) У нас у Васи были какие-то развелись (насекомые). Побежат — только обои шуришат. А у него земля была насыпана, а сверху опилок. А потом этот опилок-то убрали, и землю наносили (насекомые исчезли);
(96) Ты давай, это, как я позвоню, бери трубку-то больше, а то я не знаю, что я с тобой сделаю! А то я тогда не знал был, что с тобой сделать;
(97) Мы записались были на это... не помню, на что записались были.

---

²⁰ Чай — ‘ведь’.

²¹ Бат (сокр. от *быва́т*, *бывает*) — ‘кажется, наверное’.

Роль *был* (-а, -о, -и) в этих контекстах весьма разнообразна и не слишком определена. «Правильная» плюсквамперфектная ситуация представлена в (95): 1) были развелись насекомые, 2) насыпали земли, 3) насекомые исчезли (подразумевается). При этом замена *были* на *было* не изменила бы семантики высказывания, которое получило бы форму АР-конструкции: ‘развелись было насекомые, да их вывели’. То же можно предположить для (23): 1) начал был говорить. 2) его прервали 3) разговор не состоялся — здесь также *был* может быть заменено на *было*. В некоторых высказываниях *был*, *была*, *были* представляются семантически пустым элементом дискурса, дублирующим значение прошедшего времени; возможно, с элементом эмфазы [ср. Барентсен, пример (170) и комментарий к нему на с. 13]. Подобную роль может играть слово *есть* в севернорусских (и не только) говорах и в некоторых древнерусских памятниках, которому посвящены исследования (Кузьмина, Немченко 1968; Шевелева 2001) и ряд других. Эту функцию М. Н. Шевелева называет «удостоверительной модальностью» (там же: 213).

Особенно интересны приведенные М. М. Громовой (Громова 2010) комментарии информантов к их собственным высказываниям:

(98) *Не знаю как получилось, я уехал был в Ильинск и жил на свою стипендию... (комментарий информанта: «Если б я щас уехал — я мог бы сказать уехал; это было в прошлом, давно. Я же потом приехал»).*

Вряд ли *давно* означает значительный интервал времени между прошлым и настоящим. Выбор ПКП-формы несомненно мотивирован тем, что отсутствие субъекта ввиду его отъезда не актуально для момента речи (*щас*). В случае отсутствия в момент речи говорящий, судя по его собственным словам, считает правильным выбор претеритной формы предельного глагола *уехал* с результативным значением.

(99) *Ты когда улетаала в этой одежде, я себя был ругал, ты ее зашивала. У нас дома была вещь, чтоб тебе надеть, а я тебе не дал (комментарий информанта: «Потому что был — так и есть. После был идет объяснение конкретно вот этого, почему ругал. В объяснении не надо был»).*

Форма ПКП, вероятно, маркирует семантическую доминанту высказывания *был ругал* — действие говорящего, о котором он сожалеет, — либо одновременное, либо последовавшее за действиями *не дал*, *улетаала* и *зашивала*.

Сопоставление текстов первой (1990 г.) и второй (2008 г.) экспедиций показывает, что ПКП-формы в современном говоре продолжают активно функционировать, но при этом «исконное» значение их «размывается». Относительное (таксисное) значение ПКП как формы, специальным образом обозна-

чающей событие, которое имело место раньше другого события в прошлом, факультативно и несомненно продолжает деградировать, замещаясь другими значениями.

III

Поскольку плюсквамперфектные формы не картографировались в ДАРЯ, мы не располагаем лингвогеографическими сведениями, достаточными для того, чтобы оценить типичность такой ситуации для какого-то определенного ареала говоров. Она, несомненно, не уникальна. Но имеющиеся у нас сведения относительно других севернорусских говоров указывают на разное соотношение согласованных и несогласованных конструкций с формами глагола *быть* и на некоторые особенности их функционирования. Так, если в Мосееве контексты с согласованными *был, была, были* составляют 80% имеющихся у нас цитат (156 из 195), то в Тиневе Верхнетоемского р-на, которая была обследована нами приблизительно в то же время, такие конструкции представлены только в 20% цитат (22 из 110)²². В остальных (88 цитат, 80%) имеется форма *было*: в том числе согласованная с формой ср. рода основного глагола (26 цитат типа *было накатило*) и не согласованная с формами м. и ж. рода и мн. числа (62 цитаты типа *было поехал, было сгорела, было ходили*). См. таблицу:

		Мосеево Мезенский р-н (195 примеров)	Тинева Верхнетоемский р-н (110 примеров)
<i>был, была, были</i> (согласов.): <i>был ушел, была ушла, были ушли</i>		156 (80%)	22 (20%)
<i>было</i>	несогласованное: <i>было ушел/ушла/ушли</i>	15 (8%)	62 (56,5%)
	согласованное: <i>было прошло</i>	24 (12%)	26 (23,5%)

Естественно предположить, что количественная разница в использовании согласованных и несогласованных конструкций в разных говорах как-то связана с различием в грамматической семантикой этих форм. Рассмотрим этот материал.

²² Частично этот материал был использован в работе (Пожарицкая 1996).

1. Был, была, были, согласованные с д-формами основного глагола (ПКП-форма)

1.1. Значение предшествования как третьего временного плана в полипредикативном высказывании можно видеть только в одном случае:

(1) *У ней тожо робёнка-то некакого не было, а тут опеть взяла у мужика-та была умерла жонка-та, ак она... — ‘у женщины не было собственного ребенка, и она взяла ребенка у мужика после (и вследствие) смерти его жены’.*

1.2. В полипредикативных высказываниях сказуемое с *была, были* акцентирует действие, которое говорящему, очевидно, представляется наиболее важным; простые претериты называют одновременные с ним действия или конкретизируют главное:

- (2) *Было поздно, дак они были захотели кушать;*
- (3) *Мы были убежали, карточки были с собой, а хлеба негде не купишь;*
- (4) *Вся, говорят, сгорбатилась была, боле клюшкой ходила;*
- (5) *Вот Тинева-то вся была сгорела, головёнки летели через реку, деревня и сгорела;*
- (6) *Вон с балконом дом-от есть, в томтом (sic!) я была жила;*
- (7) *Было ловили рыбу, ботанцы вязали всё изо льну ведь.*

1.3. Значение автономного бытийного предиката можно предположить в цитатах:

- (8) *Тут дедна²³ была посматривала, нас ведь трое было осталось;*
- (9) *Галя нонь была три недели у меня жила;*
- (10) *На дороге был ... лежал этто пьяный, боском да без шапки;*
- (11) *А как раз моя сестра Настасья была сено привезла тут коням, ак вот она меня увезла в больницу;*
- (12) *На охоту ходила девочкой-то была...с братом на охоту ходили.*

Для окончательной уверенности, как уже говорилось выше, нужны некоторые просодические сведения: если *был* (-а, -о, -и) входит в левую тактовую группу (соответственно, пауза или «интонационный шов» разделяет клаузу с *была* и клаузу с л-формой), то высказывание распадается на два отдельных предложения с разными сказуемыми, одно из которых — экзистенциальное *была*: *Тут дедна была, [которая] посматривала...; Галя нонь была, [она] три недели у меня жила; На охоту ходила, [когда] девочкой-то была...; Настасья была, [она] сено привезла тут коням... [см. также II, (1)–(5)].*

²³ Дедна (дедина, дядина) — ‘жена дяди’.

Конструкции с согласованными *был*, *была* и несогласованным *было* могут существовать в составе одного высказывания, и при этом видна разница в их значении: фразовая частица *было* (детерминант прошедшего времени) и сложная глагольная форма с согласованным *был*, *были*:

(13) *Раньше иней-то падал, дак пойдём далёко там на гору было ходили да везде ходили, ушат нараз унесем, далёко были ино²⁴ ходили, унести-то завидко²⁵, а боле не унесешь; поздно (sic!) носили ягоды-те;*

(14) *У меня у сестры тоже сам-от малой парень было дак тоже училце по-ехал, там где-то в Красноборске ле где-ле был училсе;*

(15) *Он у нас было плотничал, (а почему он умел всё это делать?) Ак ить батько был умел.*

2. Было, согласованное / не согласованное с л-формой лексического глагола

Высказывания такой структуры составляют основной массив материала из Тиневы (88 цитат из 110); при этом большая часть их (62 цитаты) приходится на высказывания с несогласованным *было*.

Среди полипредикативных конструкций с несогласованным *было* естественно искать антирезультативные, однако «кандидатами» на таковые оказались всего 3:

(16) *Он было женилса, да Маша мало пожила у него;*

(17) *Посушило было — опеть всё вымочило — результат состоявшегося действия аннулирован последующим событием;*

(18) *Вот сечас крепко было накатило, а мало попáдало (о тучах и не состоявшемся дожде) — результат не соответствует ожиданиям.*

В остальных высказываниях семантически контрастные клаузы (преимущественно с глаголами НСВ) автономны и не составляют АР-конструкции, понимаемой как макротекст:

(19) *Хоть топере поболе, а то было всё мало получала;*

(20) *Всё было держала: козлух, корову — все примерли;*

(21) *Вот на месяц дают два килограмма песку, а было полтора давали;*

(22) *Пекчи не надо, поиди в магазине бери и ешь, а раньше было всё пекли;*

(23) *Там дымно порато²⁶ даве²⁷ было, а чево-то было не кашляла, а теперь кашляла;*

²⁴ *Ино* — ‘иногда’.

²⁵ *Завидко* — ‘завидно, очень хочется’.

²⁶ *Порáто* — ‘очень’.

²⁷ *Даве* — ‘недавно’.

(24) Я штраховку-то было платила мало, а сейчас-то боле;

(25) Докуля участки-те как не дали было, не разрешили, дак и худо шибко жили.

Содержанием контраста обычно бывает сопоставление (противопоставление) ситуаций прошлого и настоящего, получившее клишированный способ выражения. *Было* в этом случае заменяет выражение ‘а раньше было так’: ...*все пекли... мало получала... платила мало...*

Изменение ситуации подразумевается и в контекстах с одним предикатом, в которых *было*, дублируя прошедшее время лексического глагола, акцентирует завершенность ситуации прошлого и неактуальность, а иногда и противоположность его настоящему:

(26) Вот было раньше как робили;

(27) Мы было сено ставили на Улеше;

(28) А было ить раньше корили лес-от;

(29) Я было с молода-то ездила.

Как и в Мосееве (II 1.3), *было* может выделять семантически главную, «опорную» клаузу среди тех, в которых с помощью простых претеритных форм описываются некоторые побочные или сопутствующие действия/события, одновременные либо предшествовавшие «главному»:

(30) Он пошел лес секчи, да избу рубил, да было женился;

(31) Я век в колхозе вот, да всё время и робили, а виш, мы еше и пензии не за-робили было-то, одва ешо которы и добились;

(32) На томтом конце брала было, да до того доходила, боле иду, иду, да хош падай;

(33) Невесту было держали, всё девки не дают невесту;

(34) Всё сама вязала было, весь подвес вязала, всё было делано;

(35) Раньше всё брали было бумагой, бумагу покупали, бумага-та эта вот нитки-те базарцики-те были красны, всё дак брали, я тоже бирывала.

В этом последнем высказывании сказуемые *брали было*, *брали*, *покупали*, *бирывала* грамматически синонимичны. Но при этом выстроены они в точном соответствии с принятыми в диалекте канонами употребления видо-временных форм: первое, «определяющее», действие — *всё было брали*; следующие, конкретизирующие — *покупали*, *брали* (потому что это были хорошие нитки); третье, неоднократно совершавшееся действие, завершает и «закрепляет» повествование в безвозвратном прошлом — *бирывала*.

Близки к этому контексты с одним предикатом, где слово *было* акцентирует значительность события:

- (36) Одна меня девушка было обсчитала в Тойме;
(37) В Василеве богато жили, там кулачили было;
(38) Заливало до полу и на пол было заходила (вода);
(39) Тожо зороды²⁸ ставили было страсть каки;
(40) В колхозе-то было натурой росплачивались;
(41) Они ведь обе было вышли замуж-от.

Роль фразового детерминанта, задающего значение прошедшего времени всему высказыванию ('было так...') особенно ярко проявляется в контекстах со вторым было и там, где рядом с ним употреблены формы настоящего или будущего времени — таких контекстов из Тиневы значительно больше, чем из Мосеева:

- (42) У меня мама-то было была;
(43) Ак ведь мельницы были раньше-то было, а было и не было мельниц-те, всё было;
(44) Было у нас еропорт был воде²⁹;
(45) Тут уж говори³⁰ было нету;
(46) Обходимо-то дали, да так и зажила, а после посуды-то было нет, а после топере всяка посуда-то есть;
(47) Я сама делала лопату, нету было;
(48) Вот посюда ноги нету было;
(49) Перевозили — ему семнадцать-то было нету;
(50) Камень растёт, потому что у меня на полосе дак вообще было не было камней некогды, а сейгод выползли, я стала картошку окучивать и столько камней навываливала — четыре ведра выносила;
(51) Я вот жила год так, на иждивении своей семьи, нету наделу дак и нету земли лишной дак, а потом передел стал, дак и мине дали, на меня дали, а было не было;
(52) Бегают, ведь не уймешь некак было;
(53) Вот тут бочка стоит было, тепериче вся рассохласе;
(54) Нас семеро, а где чего возьмешь было?;
(55) Озеро-то всё мы выбродим было;
(56) Было дают пять килограм на отёл.

---

²⁸ Зорóд (зарод) — большая укладка сена прямоугольной формы.

²⁹ Воде — 'в этом месте'.

³⁰ Говóря — 'разговор, речь'.

Очевидно, таксисное употребление прототипической формы ПКП в говоре можно считать утраченным: оно встречается редко и имеет случайный характер.

Итак, говоры двух представленных здесь населенных пунктов, территориально весьма удаленных друг от друга, демонстрируют по сути дела одни и те же тенденции эволюции древнерусского плюсквамперфекта. Но при этом говор д. Тинева Верхнетоемского р-на, который нет оснований считать менее архаичным, чем говоры по течению р. Пёзы в Мезенском р-не, несомненно дальше ушел по пути разрушения не только значения, но и формы плюсквамперфекта как глагольной категории времени. Согласованность или несогласованность форм в плане семантики текста практически роли не играет, однако очевидно, что *было*, согласованное либо не согласованное с претеритной формой основного глагола, вытесняет формы *был*, *была*, *были* (это подтверждает материал и из других известных нам говоров верхнетоемского ареала).

IV

«Живучесть» л-форм глагола *быть* и многообразии способов их функционирования в диалектной речи демонстрируют и материалы других говоров; в частности — окаящего среднерусского говора д. Пустошá Шатурского р-на Московской обл. (Тер-Аванесова 2013).

Особенность его состоит в том, что несогласованная (по преимуществу) форма глагола *быть* закрепилась в виде *был*, которое, вероятно, следует понимать как результат редукции заударного безударного гласного в исходной энклитической форме *было*.

Семантика *был* в большинстве случаев контрастивна (ср. Chinkarouk 1998) и соответствует одному из значений антитезиса: предикат с *был* означает действие, результат которого не был достигнут или был опровергнут ходом последующих событий: *А сестра был от бабы ушла тут в квартиру. Двухкомнатная квартира, ну в одной квартире вот она и жила. Пьянь тоже. Ну она у этой пожила, а та пьет, и эта будет жорать, как раз. Ну и теперь ушла опять к бабе, живет*³¹ (Тер-Аванесова 2013: 217).

Однако и в этом говоре, судя по примерам, которые приводит автор статьи, *был* не однозначно: в некоторых контекстах можно видеть и таксисное плюсквамперфектное значение, в котором не просматривается антитезиса-

³¹ Авторская транскрипция изменена в соответствии с правилами, принятыми для данной статьи (см. сноску 2).

тив, и эмфатическое выделение главного действия вопреки хронологической последовательности событий, например: *Тогда не было этих* (мясорубок). *Эта вот на́жили всё был, а тогда не было никаких мясорубок*, и перфектное значение: *А дочь была родилась хороша — с такой мамой такая же стала* (там же: 221, 222).

Выводы

1. Древнерусский плюсквамперфект, утраченный русским языком в качестве одной из форм прошедшего времени, оставил разнообразные следы в языке как литературном, так и диалектном. В литературном «наследницей» его считается конструкция с неизменяемой частицей *было*, получившая название антирезультатива. В говорах (по крайней мере некоторых) в живом и достаточно активном употреблении продолжает существовать конструкция, сохранившая форму ПКП (т. е. с *был, была, были*, согласованными с л-формой лексического глагола).

2. Таксисная составляющая ПКП как формы, означающей предшествование в прошлом, т. е. указание на то, что ситуация (или ее результат) имела место раньше некоторой другой ситуации в прошлом, в говорах в значительной мере потеряла свой вес и стала факультативной.

3. Сохранилось и стало основным одно из значений ПКП — замкнутость действия в прошлом и неактуальность его результата для настоящего (дезактуализация или третий временной план), которое особенно ярко проявляется в контекстах с одним предикатом, превалирующих в диалектном дискурсе.

4. Едва ли не самой актуальной в современных говорах является модальная функция приглагольного *был* (-а, -о, -и), которую можно назвать маркированием семантической доминанты или фокуса в полипредикативном высказывании.

5. Антирезультативное значение не получило своего специального грамматического оформления. Для демонстрации семантического контраста между фрагментами одного сюжета в одной из клауз может использоваться как согласованная, так и не согласованная форма глагола *быть*.

6. Что касается временной локализации действия, то в современном состоянии говоров «плюсквамперфектная» форма не указывает на «давность» события, означая только замкнутость действия или состояния в прошлом и нерелевантность его результата для настоящего.

7. Форма среднего рода *было* (а в некоторых говорах — *был*) явно вытесняет согласованные формы *был, была, были* и перестает быть элементом

сложной глагольной формы, развивая функцию детерминанта прошедшего времени (неважно, третьего или второго временного плана) и выполняя функцию либо фразовой частицы, либо автономного бытийного предиката.

Заключение

Неопределенность, «расплывчатость» грамматической семантики ПКП, его слабая противопоставленность другим способам выражения значения прошедшего времени и одновременно высокая частотность форм глагола *быть*, вероятно, способствовали их эволюции в сторону прагматики (Падучева 1996: 221–225). Эти формы приобретают дополнительные прагматические функции, которые совмещаются: в одном высказывании: *был* (*была, было, были*) может быть интерпретировано и как показатель интенсивности глагольного действия или значимости его для говорящего, и как знак прекращенной привычности, и, наконец, как такой остаток формы ПКП, который полностью десемантизован, но сохраняется в «языковой памяти» носителей языка и воспроизводится в их речи в качестве привычного компонента текста.

Подобную роль могут играть и другие формы глагола *быть* — *бы, быва-ет, будет* (Пожарицкая 2012), а также союзы/частицы *-от* (*-то, -та, -те, -ти*), *да, дак* и другие.

Литература

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–14. М., 1980–2012. Издание продолжается.
- Громова 2010 — Громова М. М. Функционирование форм плюсквамперфекта в говорах средней Пёзы (Архангельская область) // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. Вопросы русского языкознания. Вып. XIII / Ред. М. Л. Ремнева, С. В. Князев. М., 2010. С. 200–207.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В 3-х вып. / Под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика. М., 1986; Вып. 2. Морфология; Вып. 3. Синтаксис. Лексика. М., 1996; Карты. М., 1998; Вып. 3 (ч. 2). Синтаксис. Лексика. М., 2004.
- Жукова, Шевелева 2010 — Жукова Т. С., Шевелева М. Н. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV–XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. Вопросы русского языкознания, вып. XIII / Ред. М. Л. Ремнева, С. В. Князев. М., 2010. С. 171–191.
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004.

- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Князев 2001 — Князев Ю. П. Конструкции с частицей *было* в русском языке: структура и семантика // Тенденции развития русского языка. Сборник статей к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой / Ред. В. И. Трубинский. СПб., 2001. С. 120–130.
- Князев 2004 — Князев Ю. П. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, Текст, Культура. Сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой / Ред. Ю. Д. Апресян и др. М., 2004.
- Кузьмина, Немченко 1968 — Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. К вопросу об употреблении *есть* в русских говорах // Материалы и исследования по Общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1968. С. 144–170.
- Молошная 1996 — Молошная Т. Н. Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка / Ред. А. А. Гиппиус, Т. М. Николаева, В. Н. Топоров. М., 1996. С. 564–573.
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика вида и времени в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Петрухин 2013 — Петрухин П. В. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge Herausgegeben von Stefan Michael Newerkla (Wien) & Fedor B. Poljakov (Wien).
- Петрухин, Сичинава 2008 — Петрухин П. В., Сичинава Д. В. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 224–258.
- Плунгян 1998 — Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // Язык. Африка. Фульбе: сб. научных статей в честь А. И. Коваль. СПб., 1998. С. 106–115.
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1. Глагольные категории / Ред. В. А. Плунгян. М., 2001. С. 50–78.
- Пожарицкая 1991а — Пожарицкая С. К. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // Revue des études slaves. 1991. V. LXIII (4). P. 787–99.
- Пожарицкая 1991б — Пожарицкая С. К. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры / Ред. Ю. С. Азарх. М., 1991. С. 84–93.
- Пожарицкая 1996 — Пожарицкая С. К. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: материалы и исследования 1991–1993 гг. М., 1996. С. 268–279.
- Пожарицкая 2012 — Пожарицкая С. К. От глагола к служебному слову. Пути грамматикализации // The Russian verb / Eds. A. Grönn & A. Pazelskaya. Oslo studies in Language. N 4 (1), 2012. P. 71–95.
- Пожарицкая 2014 — Конструкции с глаголом *быть* (*был, была, было, были*) в одном севернорусском говоре: к вопросу о плюсквамперфекте // Contemporary approaches to dialectology / The Area of North, North-West Russian and Belorussian Dialects. Ed. by Ilja A. Seržant & Björn Wiemer. Bergen, 2014. P. 216–244.

- Программа 1947 — Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. М.: Л, 1947.
- Сичинава 2003 — *Сичинава Д. В.* К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: Casus latinus // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 40–52.
- Сичинава 2008 — *Сичинава Д. В.* «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // Исследования по теории грамматики. Вып. 4. Грамматические категории в дискурсе / Ред. В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. М., 2008. С. 241–274.
- Сичинава 2013 — *Сичинава Д. В.* Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013.
- Соболевский 1907 — *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Тер-Аванесова 2013 — *Тер-Аванесова А. В.* Производные формы глагольной парадигмы и некоторые отглагольные частицы в одном среднерусском говоре // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 211–239.
- Храковский 2003 — *Храковский В. С.* Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.
- Шевелева 2001 — *Шевелева М. Н.* Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М., 2001. С. 199–216.
- Шевелева 2007 — *Шевелева М. Н.* «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 214–252.
- Шевелева 2008 — *Шевелева М. Н.* О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола *быти* в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2008, № 6. С. 34–57.
- Шошитайшвили 1998 — *Шошитайшвили И. А.* Русское *было*: путь грамматикализации // Русистика сегодня. 1998. С. 59–78.
- Barentsen 1986 — *Barentsen Adrie.* The use of a particle *было* in modern Russian // Dutch studies in Russian linguistics / Ed. A. Barentsen. Amsterdam, 1986. P. 1–68.
- Chinkarouk 1998 — *Chinkarouk Oleg.* Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en Ukrainien moderne // Le langage et l'Homme. Vol. XXXIII, n° 1 (mars 1998). P. 39–52.
- Plungian & Auwera 2006 — *Plungian V. A., van der Auwera J.* Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung. V. 59, 2006. Issue 4. P. 317–395.
- Thomas 2000 — *Thomas P.-L.* Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // Passé et parfait / Eds. A. Carlier et al. (Cahiers CHRONOS 6). Amsterdam, 2000. P. 117–131.

Summary

Sofia Pozharickaja

Slavic pluperfect and it's evolution in some northern Russian dialects

I consider data from two of the northern Russian dialects preserving the Old Russian pluperfect. The purpose of the paper is to describe the evolution of its meaning in the dialects as compared to the anti-resultative construction that has developed from the same source in standard Russian. I draw on the data that have been collected during fieldwork in the area in 1990 and in 2008. It has the function of a bounded activity in the past while almost having lost the taxis function. Furthermore, in many contexts it shows a discourse-pragmatic, emphatic effect. With regard to morphology there is a tendency to abandon the ability of the auxiliary *byt'* to inflect, a feature which, however, has not become consistent yet.

**Вариативность аккузатива и генитива
при глаголах зрительного восприятия
(на материале русских летописей, литературного языка
XVIII–XIX вв. и современных говоров)**

Вариативность генитива и аккузатива при переходных глаголах вызывает устойчивый интерес историков языка, диалектологов и типологов. Обширный раздел, посвященный вариативному употреблению генитива и аккузатива объекта при переходных глаголах на разных этапах истории русского языка, содержится в монографии (Крысько 1997: 156–249; второе издание Крысько 2006). В настоящее время ясно, что для исчерпывающего описания глагольного управления во всем богатстве его вариативности недостаточно просто фиксировать те или иные синтаксические конструкции в текстах определенных жанров или временных отрезков. Необходим также статистический анализ, позволяющий выявить частотность употребления отмеченных вариантов управления в исследуемую эпоху развития языка. Опыт такого статистического анализа на материале «Вестей-Курантов» (1600–1660 гг.) представлен в (Майер 1997). Исследования И. Майер продолжены и дополнены в (Дубровина 2002), где дается анализ вариативности глагольного управления в русском языке первой трети XIX в., и в монографии (Ферм 2005), в которой вариативность глагольного управления описывается на материале обширного корпуса текстов XVIII века.

Отмечая несомненные достоинства работы Л. Ферм, ее новаторский характер, тщательный анализ материала и обоснованность выводов, В. М. Живов указывает в то же время на несовершенство аппарата семантического описания, применяемого в данном исследовании: «По неясным для меня причинам, более точный семантический анализ (например, с помощью толкований) в исторической русистике пока не приживается, а между тем он мог бы прояснить те семантические сходства и различия, которые обуславливают унификацию схем управления у глаголов, обладающих сходной актантажной структурой» (Живов 2006: 142).

В предлагаемой статье эволюция управления некоторых глаголов зрительного восприятия рассматривается в диахронии на материале трех языковых корпусов: (1) летописных сводов XIV–XVI вв., (2) текстов художественной литературы XVIII–XIX вв., содержащихся в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ), (3) корпуса примеров из современных архангельских

говоров. Частично привлекаются также материалы НКРЯ, иллюстрирующие употребление аккузатива и генитива при глаголах восприятия в современном русском литературном языке.

Предпринимается попытка описать вариативность управления внутри отдельных значений полисемантического глагола. Подчеркнем, что в данном исследовании структура значений глаголов не будет показана полностью, поскольку рассматриваются только значения, в которых глагол управляет объектным актантом без предлога. За пределами рассмотрения остаются те значения, которые требуют преимущественно предложного управления, а также контексты, в которых глагол употребляется без актанта. Так, значение 'устремлять, направлять взгляд куда-либо, иметь глаза направленными на кого-, что-либо, глядеть' (*смотреть в окно, смотреть на часы, смотреть в зеркало*) (МАС), которое обычно дается в качестве первого значения глагола *смотреть*, в нашем материале почти не представлено.

Летописный материал извлечен из опубликованных выпусков русских летописей: Лаврентьевская летопись 1377 г. с разночтениями по Радзивилловской летописи ок. 1487 г. и Московско-Академической летописи конца XV в. (разночтения указываются в скобках с пометой *РА*), Ипатьевская летопись по Ипатьевскому списку ок. 1425 г. с разночтениями по Хлебниковскому списку середины XVI в. и Погодинскому списку начала XVII в. (указываются в скобках с пометой *ХП*), 2-я и 5-я Новгородские летописи XV–XVI вв., Патриаршая, или Никоновская летопись XVI в.

Уже более 60 лет на кафедре русского языка МГУ им. М. В. Ломоносова ведется работа по сбору диалектного материала для создания Архангельского областного словаря (АОС). Основным источником предлагаемого ниже исследования, помимо экспедиционных наблюдений автора, являются опубликованные выпуски словаря, четырехмиллионная картотека и архив полевых тетрадей, а также создающаяся в последние годы под руководством И. Б. Качинской база данных АОС.

1. Генитив и аккузатив при глаголах зрительного восприятия в русских летописях

Глаголы зрительного и слухового восприятия *видеть, смотреть, слышать, слушать* и их дериваты с индоевропейского периода управляли объектным генитивом, варьирующим с аккузативом (Томсон 1908: 297; Мейе 1938: 351; Ломтев 1956: 268; Ломов 1966а: 49–50; Ломов 1966б: 7–8; Попова 1969: 30–31; Историческая грамматика 1978: 346–347; Klenin 1983: 36–38; Крысько 2006: 189–196; Майер 1997: 91); материал старославянского языка

см. (Вайан 1952: 210; Ходова 1963: 60–61); материал памятников письменности славянских языков см. (Miklosich 1926: 492–495).

Вариативность аккузатива и генитива при глаголах восприятия носит лексикализованный характер, т. е. одни глаголы этой семантической группы последовательно управляют аккузативом, другие имеют генитивное управление. В группе глаголов восприятия выделяются глаголы со значением нецеленаправленного, или пассивного восприятия (**видѣти**, **слышати**), которые в индоевропейских языках управляют преимущественно аккузативом, и глаголы целенаправленного, или активного восприятия (**съмотрити**, **слѣшати**), которые управляют генитивом (Историческая грамматика 1978: 346–347; Крысько 2006: 189–190, 192–193 и др.).

В обследованных русских летописях XIV–XVI вв. представлена именно такая картина (см. также: Малышева 2010: 13–16). Генитив и аккузатив объекта проанализированы при следующих глаголах зрительного восприятия: **видѣти**, **съмотрити**, а также префиксальных: **ѹвидѣти**, **ѹсъмотрити**, **посъмотрити**, **розсъмотрити**, **розсъмотрати**, **розсъматривати**¹.

1.1. *Непрефиксальные глаголы зрительного восприятия*

Видѣти

Глагол **видѣти** во всех летописях имеет безусловно аккузативное управление, например: **Берендѣве же видѣвше слѹ юго ѹбоашася** 1150, *ЛЛ*, 109 и др. Однако на фоне огромного количества контекстов с аккузативом нами зафиксированы в разных летописях также случаи управления генитивом (о немногочисленных примерах употребления в древнерусском языке родительного падежа при глаголе **видѣти** см. [Крысько 2006: 194–195]).

Например, в Лаврентьевской летописи: **вы знаменьє вѣ слнци. и морочно. вы велми. яко и звѣзды (РА звѣздъ) видѣти члвкомъ вѣ учю яко зелено вѣше (...)** страшно вѣ видѣти члвкомъ знаменьє Бжѣе 1186, *ЛЛ*, 134 (ср. с аккузативом в *5НЛ*: и звѣзды видѣти и челоукомъ вѣ очю яко зелено вѣше 1185, *5НЛ*); **сва же хоташе видѣти оукрашенья**² стѣпа црѣкви (...) **вы оубо украшеньє ея чюдно** 1231, *ЛЛ*, 158об.;

¹ Функция объекта при глаголах восприятия может выражаться не только беспредложными падежами, но и предложными конструкциями (см. об этом на материале древнерусского языка: [Правдин 1956: 176–180]), например: **ѣдоучю Доврославоу во шдинно сорочыцѣ. гордашоу ни на землю смотрашоу** 1240, *ИЛ*, 266об.; **смотрихомъ же ни о хлѣбѣ пшеничномъ** 1440, *Ник.12*, 34 и др.

² Здесь, как кажется, употреблена форма РП ед., а не ВП мн., поскольку далее в том же контексте данное существительное употребляется в единственном числе..

в Ипатьевской летописи: штроковицю ницѣли. и слѣпа старца сълѣньца (XII слнца) видѣти створи емоу 1111, *ИЛ*, 100об.;

в Новгородских летописях: видиши бо, Владычице, нещаднаго ихъ стремленія на смиренное Твое стадо 1169, *5НЛ*, 535об.

В Никоновской летописи: и бѣ страшно видѣти оboнѣхъ дерзости и крѣпости 1453, *Ник.12*, 88; и бысть сѣча велія, яко страшно и жестоко бѣ видѣти оboнѣхъ дерзости и мужества 1453, *Ник.12*, 92; Восхотѣша бо въздвигнути храмъ великъ зѣло, въ мѣрѣу храма пресвятыя Богородици, иже во Владимирѣ, еяже созда благовѣрный и великій князь Андрей Боголюбскій Юрьевичъ, внукъ Манамашъ, обѣ единомъ версѣ. По многу же преже видя того (храм. — *А. М.*) превелика зѣло и висока и чюдна велми дѣломъ, пресвященный митрополитъ Филиппъ зѣло дѣхомъ горяше и желаніемъ одержимъ хотяше въ тѣ же мѣрѣу видѣти храмъ създанъ пресвятей Богородици на Москвѣ 1472, *Ник.12*, 144; Чюдотворныя же мощи святаго и праведнаго великаго князя Александра Ярославича, на нихже аще и бысть нѣчто видѣти огненаго знаменія, но обаче Богомъ тако сохраниени выша 1491, *Ник.12*, 230 (в последнем примере, однако, генитивная форма скорее всего обусловлена наличием количественного наречия).

Съмотрити

Глагол съмотрити, употребленный в беспредложной конструкции с объектным актантом, практически отсутствует в Лаврентьевской, Ипатьевской, а также в 1-й Новгородской летописях.

В Никоновской летописи он употребляется в разных значениях и демонстрирует преимущественно генитивное управление, в частности, в значениях:

'устремлять, направлять взгляд куда-нибудь, иметь глаза направленными на кого-, что-нибудь': подоша по стѣнамъ града, смотряюще стѣны и трупія невѣрныхъ, и тако, помѣтивше, сказала царю и патриарху тридцать тысячъ и пять члвчнхъ Турковъ 1453, *Ник.12*, 86; злонравный же Магметъ со множествомъ вой своихъ издалеча вѣше смотря вывшаго и помышляше, что сотворити 1453, *Ник.12*, 87; овин своды ведяху, а инин замыкаху своды, носящн же камень и извѣсть и древіе носяху, мнози же, восходяще, смотряху дѣла оного 1474, *Ник.12*, 155;

'интересуясь чем-нибудь, делать предметом своего внимания, наблюдений': и сице живущимъ имъ о Божѣ и смотрящимъ житія святаго и тому по силѣ уподобляющея 1392, *Ник.11*, 134;

'видеть, быть свидетелем чего-нибудь': а та Кіевская соборная церковь мати церквамъ Русскимъ, понеже намъ того смотря жалостно и плачевно

есть 1416, *Ник.11*, 228; а царь Крымской въ тѣ поры отшолъ въ Коломенское да, смотря гнѣва Господня, дивися и пошолъ въ Крымъ 1571, *Ник.13*, 301;

‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления’: наставшү же дни, пріндохомъ тамо, и даша намъ смотриши сана того и чина на поставленіе (о поставлении на царство царя Эммануила Царградского. — А. М.) 1389, *Ник.11*, 102;

‘следить, присматривать, иметь надзор за кем-, чем-нибудь, заботиться о ком-, чем-нибудь’: и въ чистѣ совѣсти, крѣпости разума держа земное царство и къ небесному присягая (...) тако смотряше своего царства 1398, *Ник.11*, 109;

‘пытаться достичь чего-нибудь, стремиться к чему-нибудь’: по брацѣ же цѣломудрено живяста, съ ѹмиленіемъ смотряста своего спасеніа 1398, *Ник.11*, 109 и др.

Наряду с этим встречаются примеры аккузативного управления при глаголе смотреши в значении *‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления’*: и святаа мѣста смотрихомъ, и многоцѣлєвымъ гробомъ и чудотворнымъ мощемъ поклоняхомъ 1389, *Ник.11*, 101; *‘устраивать смотр чему-нибудь’*: и государь самъ смотрнлъ свой полкъ, бояръ и княжатъ и дѣтей боярьскихъ и людей ихъ всѣхъ 1556, *Ник.13*, 270–271.

Приведем также контекст из 2-й Новгородской летописи с омонимией РП ед. и ВП мн. при глаголе смотреши в значении *‘знакомиться с чем-нибудь, прочитывая, проглядывая’*: а служилъ того дни в монастыри на Лнсьи горѣ обидню и смотрнл в монастыри книгы литопистца церковнаго 1572, *2НЛ*.

1.2. Префиксальные глаголы зрительного восприятия

Наличие приставки и ее семантика оказывают существенное влияние на глагольное управление объектным актантом. К аккузативному управлению тяготеют глаголы восприятия с приставками, вносящими в значение глагола компонент достигнутого результата (см. также: Малышева 2008а: 70–74; Малышева 2010: 15–16).

Наиболее последовательное управление аккузативом обнаруживается у глаголов с приставкой *у-*. Глаголы восприятия с префиксом *у-* демонстрируют аккузативное управление даже в том случае, если соответствующие бесприставочные управляют генитивом. Например, при глаголе ѹсмотреши фиксируется преимущественно аккузативное управление, в отличие от глагола смотреши: Ростиславъ же оѹсмотривъ правду, вже Стославъ обидитъ Влга. тѣм же нача помогати Влгови 1167, *ИЛ*, 187об.; Константинъ же.

стога на заборолѣхъ города оусмотри оумомъ. разоумъ. поданы" (XII поданныи) емоу ѿ Василка 1261, *ИЛ*, 284; Довѣмонть же башеть. с ними же пошелъ на воиню и оусмотри время подобно совѣ. и воротиса назадъ 1263, *ИЛ*, 286об.; Левъ же оусмотрѣвъ леть нхъ. и доума много с воары своими. посла рать свою к Воротьславоу 1291, *ИЛ*, 307 и др. Однако незначительные колебания в выборе формы объекта и здесь могут иметь место: они же оусмотрѣвше (XII оусмотривше) совѣ верема такова (буква *a* перделана основною рукою изъ *o*; XII время тако) оубиша Тренатоу 1263, *ИЛ*, 286об.

Глагол увидѣти, как и ожидается, управляет аккузативом: оувидѣ тако ис Корсуна близъ оустье Днѣпрское *ЛЛ*, 3об. и др.

Вариативное управление имеют глаголы с приставкой *роз-*: розъсмотрити, розъсмотриати, розъсматривати. При глаголе СВ розъсмотрити в Ипатьевской летописи употреблен аккузатив: Бѣранда же розсмотровъ (так в рукописи; XII расмотрив) твердость корода (XII города). уже не мощно взати его 1261, *ИЛ*, 283об.; при глаголах НСВ розъсмотриати, розъсматривати в Никоновской летописи фиксируется генитив: и ѣдетъ къ Окѣрѣцѣ и разсмотряетъ мѣстъ, да како совѣкупити воя и сотворити ополченая противъ безбожныхъ 1552, *Ник.13*, 187; а самъ государь ѣздяще не во многихъ людехъ крутъ града въ всѣ дни и въ ноши и разсмотряючи мѣстъ, по конмъ мѣстомъ крѣпости дѣлати 1552, *Ник.13*, 205; а велѣлъ его розсматривать житіа 1553, *Ник.13*, 232. Таким образом, на выбор формы объекта здесь может оказывать влияние также видовая семантика глагола, однако малочисленность примеров не позволяет делать однозначных выводов.

Глагол с приставкой *по-* посмотрити последовательно управляет объектным генитивом, например: дали бы есте своихъ приставовъ на тѣхъ силниковъ, на конхъ язъ своихъ приставовъ подавалъ, понеже хочю язъ того посмотретьи 1476, *Ник.12*, 163 и др.

2. Генитив и аккузатив при глаголах *смотреть* и *посмотреть* в материалах НКРЯ (XVIII–XIX вв.)

После XVII в. генитив при глаголах активного восприятия (как зрительно-го, так и слухового) типа *съмотрити*, *слушати* начинает постепенно утрачиваться (Крысько 2006: 249–253; ср.: Майер 1997: 91). При этом он встречается вплоть до середины XIX в., например: *и тот дурак, кто слушает людских всех врак; твоих мы песен слушать рады* (И. А. Крылов); *слушал песенки ночной* (А. С. Пушкин); *слушайте же теперь войскового приказа* (Н. В. Гоголь); а *ве-*

щей хороших и драгоценных смотри повсюду, где они есть; всегда смотрел полезного (Н. С. Лесков); чаще — с приставкой **по-**: слушай басенки моей (И. А. Крылов); а больно хотелось им еще послушать смешных рассказней Патапа Максимыча (П. И. Мельников-Печерский); а иному просто хотелось послушать его ободряющих умных речей (П. В. Засодимский); и захотелось ей его голоса послушать, захотелось с ним разговор повести (С. Т. Аксаков); Софьюшка, душа моя! Не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты? (Д. И. Фонвизин) и др. (см. также: Крысько 2006: 249–254).

В современном русском литературном языке генитив при глаголах восприятия употребляется достаточно редко. Нельзя сказать: *слушал музыки, *смотрел фильмов. Более свободно управляют генитивом глаголы с приставкой **по-**. При этом глагол *послушать* в разных значениях в современном литературном языке, как кажется, имеет более широкий потенциал управления генитивом, чем глагол *посмотреть*. Приведем примеры современного употребления из НКРЯ: *Какой-нибудь скромный и молчаливый солдат, послушав таких речей, разрывается как граната в деревне* (А. Варламов. Пришвин, или Гений жизни // «Октябрь». 2002); *Для чего тебе суетиться? Послушай доброго совета!* — *Я тебя понял, — мрачно сказал Гуров* (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска. 2003); *Послушай доброго совета: не валяй дурака, соглашайся на квартиру Бажовой, пока дают* (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. 1976) и др. Примеров употребления генитива при глаголе *посмотреть* в современных материалах НКРЯ не обнаружено.

По материалам НКРЯ можно проследить колебания в употреблении аккумулятивных и генитивных форм при глаголах *смотреть* и *посмотреть* на протяжении XVIII — первых десятилетий XIX в. и постепенную утрату этой вариативности. При анализе мы исходили из предположения, что у многозначного глагола утрата вариативности управления происходит неравномерно в разных его значениях, а значит, необходимо рассматривать динамику изменения управления не при глаголе, а при каждом отдельном его значении. Мы предполагаем, что некоторые значения глагола могут иметь в своем семном составе компоненты, способствующие сохранению генитивного управления, в других же значениях, напротив, утрата вариативности происходит быстрее. При диахроническом описании глагольного управления нужно учитывать также тот факт, что структура значений любого многозначного слова со временем меняется: отдельные значения утрачиваются, появляются новые, меняется сочетаемость, что, безусловно, оказывает влияние и на модель управления глагола (ср.: Малышева 2008а: 59–69).

2.1. Смотреть

2.1.1. XVIII в.

Наиболее широко представлена в обследованном материале вариативность аккузатива и генитива при глаголе *смотреть* в значении *‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления; быть зрителем, присутствовать на каком-нибудь зрелище, представлении’* (ср.: МАС, *смотреть* в значении 4).

В произведениях, созданных в XVIII в., при этом значении обнаружено 15 примеров управления генитивом и 29 — аккузативом³.

Приведем некоторые контексты с генитивом: *После обеда спрашивал меня генерал-адмирал, хочу ль я еще смотреть кораблей и магазейнов, о которых я его просил...* (В. Н. Татищев. Выписка из поденного журнала об осмотре им Арбургского канала и портовых сооружений в Карлскруне. 1725); *Ездили мы на Черное море смотреть Помпеева столба, которой в море на каменной горе стоял...* (М. Н. Волконский. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского. 1752); *Когда же выпустили меня из города, то заперли опять ворота и вошли все на стены смотреть свирепости чудовища и моего пребедственного окончания жизни* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки. 1766–1768); *Наняли коляску и поехали от Нарвы версты три в сторону, смотреть славных водяных порогов* (Д. И. Фонвизин. К родным. 1784–1785); *13/24-го поутру ходил я по церквам смотреть прекрасных картин; в соборной видел и слышал я орган первый в свете* (Д. И. Фонвизин. К родным. 1784–1785) и др.

Во многих примерах форма объектного генитива употреблена при зависимом инфинитиве, что наводит на мысль о возможном влиянии супинной конструкции. Как кажется, тот факт, что форма супина в древнерусском языке утратилась, а генитивное управление в так называемых супинных конструкциях частично сохранилось, говорит о том, что в грамматической системе имелись факторы, поддерживающие подобное управление. Так, сохранение генитива, по мнению А. А. Потевни, служит подтверждением того, что «достижительное наклонение» не до конца утратилось в языке (Потевня 1958: 350–351). Действительно, в русском языке семантика достижительности поддерживает генитивное управление: *искать места*, но *сыскать место* (пример из: Miklosich 1926: 489).

Параллельно в этом же значении (и часто при зависимом инфинитиве) употребляется аккузатив: *Оттуда ездили смотреть башню, в которой сидел,*

³ Поиск велся по пользовательскому подкорпусу *смотреть* на расстоянии от 1 до 2 от S, (gen | gen2 | acc | acc2), inap; найдено 157 документов, 396 вхождений.

как в ссылке был, славной поэт Овидий (М. Н. Волконский. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского. 1752); Накануне смерти своей повелел он тому мальчику разбудить себя гораздо ранее, обещая с ним идти в поле, чтоб смотреть восхождение солнца (Д. И. Фонвизин. К П. И. Панину. 1777–1778); Оттуда ходили мы по церквам смотреть картины (Д. И. Фонвизин. К родным. 1784–1785). После обеда смотрел ратушу, великолепием своим любовью достойную (там же); Его величество поутру был во Адмиралтействе и в токарне, и кушал у Янакоха, и смотрел мост за маленькой речкой... (А. А. Нартов. Рассказы о Петре Великом. 1785–1786); Отъехав несколько верст, выезжали смотреть святой ключ, находящийся в лесу в середине горы (А. Н. Радищев. Записки путешествия из Сибири. 1797) и др.

Примечательно использование обеих форм объекта в одной фразе у Д. И. Фонвизина: *В будущее воскресенье званы мы смотреть процессию, которая пойдет по всему городу и о великолелии которой много говорят; а во вторник звал Перигор меня и жену au gouvernement смотреть первого заседания государственных чинов и оттуда у него обедать* (Д. И. Фонвизин. К родным. 1777–1778).

Генитив встречается также в контекстах с другими значениями глагола *смотреть* (вариативность аккузатива и генитива в этих значениях не описывается подробно из-за недостаточности материала). Приведем примеры генитивного управления при лексеме **‘следить, присматривать, иметь надзор за кем-, чем-нибудь, заботиться о ком-, чем-нибудь’**: *Хотя она руда весьма благонадежна, однакож мною, чтоб накопав пуд 1000, перевести на Выйской завод в домну и смотреть ей настоящего выхода и доброты...* (В. Н. Татищев. Ведение в канцелярию главного правления сибирских и казанских заводов о построении и содержании заводов на Кушве и Туре. 1735); *Набор книг печатаемых российских будет отправляться имеющимися здешними российскими наборщиками, а оные мастера должны смотреть чистоты и исправности в деле литер и в их употреблении при печатании* (М. В. Ломоносов. 1765 февраля 4. А. А. Вяземскому. 1765); в значении **‘устремляя взгляд, пытаться увидеть, искать взглядом’**: *В огородах полоть в сем месяце должно от восьмого часу до четвертого. Смотреть прилежно роев пчел. Свиней кормить дегилником, крухмарь делать...* (М. В. Ломоносов. Лифляндская экономя. 1760) и др.

При глаголе в значении **‘устраивать смотр чему-нибудь’** употребляется только аккузатив (то же в рассмотренных выше летописных текстах): *И великий государь изволил с гетманом смотреть полки, и в то время была стрельба* (И. Ф. Желябужский. Дневные записки. 1682–1709); *23 сентября смотрел*

полк инспекторским смотром оберштеркригскомисар Зыбин (М. Н. Волконский. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского. 1752); При мне король смотрел свой полк (Д. И. Фонвизин. К П. И. Панину. 1777–1778) и др.

Отсутствие вариативности обнаруживается также при глаголе в значении **‘знакомиться с чем-нибудь, прочитывая, проглядывая’**: *О чертогах государевых, защищаемых такою святостию прав, смотри Уложения главу 3 о государеве дворе, чтоб на государевом дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было...* (С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются... говоренное... апреля 22 дня 1772 года. 1772) и др.

2.1.2. XIX в.

В XIX в. при глаголе *смотреть* в значении **‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления; быть зрителем, присутствовать на каком-нибудь зрелище, представлении’**, зафиксировано более 140 примеров употребления аккузатива и всего 3 примера генитива⁴. При этом два примера генитива встретились в произведении, которое создавалось на рубеже XVIII–XIX вв.: *Сестра с зятем поехали в Москву смотреть праздников, а я с женой на север* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3. 1788–1822); *Я любил мыкаться; далеко ездить, смотреть диковин не позволяло состояние* (там же).

В двух случаях употреблен генитив при глаголе *смотреть* в значении **‘устремляя взгляд, пытаться увидеть, искать взглядом’**: *...бежали на звук колокола; смотрели дыма, пламени, думая, что горит дворец* (Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 10. 1821–1823); *Со всех трех салингов прилежно смотрели берега, но ни в которой стороне не видали* (Ф. Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток», шлюпом «Мирным» начальствовал лейтенант Лазарев. 1831).

Таким образом, в первой половине XVIII в. (до 60-х гг.) вариативность аккузатива и генитива отмечается при глаголе *смотреть* в нескольких значени-

⁴ Поиск велся по пользовательскому подкорпусу **смотреть** на расстоянии 1 от S, (gen | gen2 | acc | acc2), inap; найдено 481 документ, 1060 вхождений.

ях: ‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления, быть зрителем, присутствовать на каком-нибудь зрелище, представлении’, ‘проверять, контролировать’, ‘следить, присматривать, наблюдать за чем-нибудь’.

Во второй половине XVIII в. вариативность отмечается только в значении ‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления; быть зрителем, присутствовать на каком-нибудь зрелище, представлении’. Примеры колебаний между аккузативом и генитивом в этом значении обнаруживаются, например, в переписке Д. И. Фонвизина в 70–80-е гг. XVIII в.

Только аккузатив фиксируется в значениях ‘устраивать смотр’, ‘знакомиться с чем-нибудь, прочитывая, проглядывая’.

В XIX в. аккузатив при глаголе *смотреть* уже становится бесспорно преобладающей формой, но в 20–30-е гг. встречаются единичные примеры употребления генитива в значениях ‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления; быть зрителем, присутствовать на каком-нибудь зрелище, представлении’ (3 примера), а также ‘устремляя взгляд, пытаться увидеть, искать взглядом’ (2 примера).

2.2. *Посмотреть*

2.2.1. XVIII в.

Картина вариативности управления при глаголе *посмотреть*⁵ в значении ‘*осмотреть, рассмотреть кого-, что-нибудь с целью ознакомления; побить зрителем, поприсутствовать на каком-нибудь зрелище, представлении*’ в целом похожа на рассмотренную выше, но статистика соотношения двух форм и длительность сохранения этой вариативности несколько иные, чем для глагола *смотреть*.

В материалах XVIII в. найдено 12 контекстов с генитивом и 7 с аккузативом, то есть генитивное управление в этом значении преобладает.

Приведем некоторые примеры с генитивом: *Когда шли они туда, то встретились с ними четыре человека, которые вознамерились также посмотреть прорвавшейся горы...* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки. 1766–1768); *Отсюда в скором времени поедем мы в Лоретто посмотреть тамошних сокровищ, которые, можно сказать, со всего света собираемы были...* (Д. И. Фонвизин. К родным. 1784–1785); *Здесь прожили мы изрядно, отдохнули, посмотрели Ригу и благополучно отъезжаем (там же); ...но просил Государя, чтоб приказано было сперва ему посмотреть битвы аглин-*

⁵ Поиск велся по пользовательскому подкорпусу **посмотреть** на расстоянии от 1 до 5 от (S | SPRO),(gen | gen2 | acc | acc2), inan; найдено 1 430 документов, 6 657 вхождений.

ской, что ему было и позволено (А. А. Нартов. Рассказы о Петре Великом. 1785–1786); Когда стихотворцы тогдашнего времени хотели описать торжества богов и райские веселия, то не иначе к тому приступали, как доставши через какого-нибудь евнуха случай втереться между музыкантов, чтобы посмотреть придворного великолепия и серальских праздников (И. А. Крылов. Каиб. Восточная повесть. 1792); Услышав, что мы желаем посмотреть острова и ночевать в их хижинах, они привязали нашу лодку и повели нас, сквозь распадающуюся кремнистую гору, к своим жилищам (Н. М. Карамзин. Остров Борнгольм. 1793); ...сказал он мне, — походить и посмотреть дворца и полюбопытствовать (А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Письма 91–96. 1800) и др.

Параллельно используется аккузатив: ...взял я намерение воспользоваться остающимся временем до отъезда нашего в Спа и посмотреть некоторые южные французские провинции (Д. И. Фонвизин. К П. И. Панину. 1777–1778); «Она изволила меня спрашивать о вас, — сказал он, — одни ли вы едете; а узнав, что с женою, хотела знать, для чего жена ваша не пришла посмотреть экзамен?» (Д. И. Фонвизин. К родным. 1784–1785); Государь, ехав верхом в городе Вараиве, вздумал посмотреть один славный монастырь (А. А. Нартов. Рассказы о Петре Великом. 1785–1786); Между тем этим еще спешить не для чего; их обеих лета такие, что есть время подумать обстоятельно «не только свету что в окне» — пусть они посмотрят свет со всех его сторон; пять аргусов довольно будет им для усмотрения всех их поступок (А. А. Боратынский. Письма. 1785–1802) и др.

Генитив, альтернативный аккузативу, употребляется на протяжении XVIII в. также в значении **‘проверить качество, оценить что-нибудь с целью купить’**: ...говорил купец, — посмотреть еще аглинских стальных цепочек, женских поясных и шляпных пряжек и шляпных петель; будьте уверены, что я уступлю вам за самую сходную цену (И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. 1789) и некоторых других значениях (всего 6 примеров): ...крымской хан писал что он весною намерение имеет и сам под Кабарду иттить посмотреть того кто за Кабарду стоит (И. Б. фон Вейсбах. Доношение киевского губернатора фон Вейсбаха в Государственную военную коллегия о разведывательной деятельности в Крыму и на Кубани. 1732); Додон. Посмотрел бы этого. Финист. Вахмистр, сдерни с него шагу, скуй его (А. П. Сумароков. Чудовищи. 1750); Обучаясь, изволил Его Высочество попросить у меня посмотреть указу из адмиралтейской коллегии (С. А. Порошин. Семена Порошина запис-

ки, служащие к истории Его Императорского Высочества Благоверного Государя Цесаревича и Великого Князя Павла Петровича [Извлечения]. 1764–1765); *Да, анатомить и посмотреть души твоей, чтобы сведати те тайны, о которых ты сам никому не скажешь* (А. П. Сумароков. Приданое обманом. 1769); *Теперь посмотрите, любезный читатель, и моего хвастанья о сем диспуте* (Я. П. Шаховской. Воспоминания. 1766–1777); *Ванька: Посмотрим твоих плутней. Даша: Делай только, что я велю* (И. А. Крылов. Пирог. 1799–1801).

Приведем также несколько примеров аккузативного управления, хотя сопоставить в полном объеме использование аккузатива и генитива в отдельных значениях, не столь широко представленных, в пределах имеющегося материала не представляется возможным: *Посмотри лишь только примеры древних и новых философов, то можно довольно увидеть, как они между собою не согласны были и как они себя понуждали прямою души натуру показать и место в человеческом теле оной определить* (М. В. Ломоносов. О сохранении здоровья [перевод]. 1741); *Обозрев скорым оком на сухом пути силы Петровы, в младенчестве возмужавшия и обучение свое с победами соединившия, прострем чрез воды взор наш, Слушатели, посмотрим там дела Господни и чудеса его в глубине, Петром показанныя и свет увидившия* (М. В. Ломоносов. Слово похвальное блаженной памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года. 1755); *Наконец, написав письмо на своём языке, положила его пред моими глазами; я, посмотрев оное, показал ей знаками, что его не разумею; и так целовав меня весьма долго, наконец успокоилась* (М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки. 1766–1768); *Да ты посмотри различие и осанки нашей...* (А. П. Сумароков. Вздорщица. 1770); *...ибо посмотря оное определение, изволили объявить мне, что они точного указа, чтоб оное мое жалованье из синодальных доходов производить, не имеют и для того отныне к выдаче мне определять не будут* (Я. П. Шаховской. Воспоминания. 1766–1777); *Посмотрим еще сему доказательство в небольшом исследовании свойств Лейбницевых* (И. А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами. 1789); *Здесь посмотрим его прозу. Явление четвертое* (И. А. Крылов. Рецензия на комедию А. Клушина «Алхимист». 1793) и др.

2.2.2. XIX в.

В XIX в. в значении *‘осмотреть, рассмотреть кого-, что-нибудь с целью ознакомления; побыть зрителем, поприсутствовать на каком-нибудь зрелище, представлении’* зафиксировано 7 контекстов с генитивом на фоне 50 с

аккузативом. При этом вариативность в данном значении отмечается преимущественно до 30-х гг. XIX в. Приведем примеры: *В тот же самый день я ездил из любопытства на шлюпке посмотреть нашей гребной флотилии, она стояла недалеко от пристани* (И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 3. 1788–1822); *«Ну, это дело другое, и выдумка недурная, — улыбаясь сказал Мерзляков, — посмотрим твоего барабана»* (С. П. Жихарев. Записки современника. 1806–1809); *На другой день поутру пан Артамон захотел проехаться верхом и посмотреть сельских работ, как нечаянное и странное зрелище обратило все внимание его и прочих членов семейства* (В. Т. Нарезный. Два Ивана, или Страсть к тяжбам. 1825); *Не зову тебя помогать, зову посмотреть моего боя с тигром* (А. А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек. 1831); *Между тем (между нами будь сказано) любезная Елисавета Павловна началась всякой всячины: то и дело просится посмотреть того места, где жила и скончалась ее матушка* (А. А. Бестужев-Марлинский. Латник. 1832); *Извините, — отвечал князь с комическою важностью, — я не только любитель, но и сам художник. Не угодно ли посмотреть моей работы?* (Н. И. Греч. Черная женщина. 1834) и др.

Однако один контекст фиксируется и значительно позже: *Пойдемте туда, посмотрим аварши, — говорит Скобелев* (В. В. Верещагин. Дунай. 1877. 1899).

Параллельно употребляется аккузатив: *Нынешний день был назначен посмотреть окрестности города и преимущественно водопад, называемый Тежужо* (Ф. Ф. Матюшкин. Журнал кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка» под командою капитана Головнина. 1817); *Ездил после обеда за 5 верст от города посмотреть загородный домик Наполеона...* (А. Д. Чертков. Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. 1823–1825); *А князю из Плимута до Лондона предстояло любопытное путешествие, избавлявшее его от лишних хлопот нарочно ездить посмотреть Англию и возвращаться обратно* (А. А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда». 1833); *Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину* (А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. 1835); *Я еду с тем, чтобы повидаться с некоторыми знакомыми и посмотреть городок, который хотя очень невелик, но занимает одно из лучших мест Швейцарии* (Н. В. Гоголь. Письма 1836–1841 гг. 1836–1841); *На другой день чичероне-Армянин объявил мне, что верстах в 6-ти за городом, надо посмотреть иссеченные в скале старинные надписи, что их смотрят все ференги; я до-*

гадался о чем он говорит, и мы, сев на коней, отправились (Н. Т. Муравьев. Письма русского из Персии. 1844) и др.

Несколько примеров генитивного управления встретилось при глаголе *посмотреть* в значении **‘поискать, проверить качество или наличие чего-нибудь с целью купить’**: *Пошел поп по базару / Посмотреть кой-какого товара* (А. С. Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде. 1830); *Хотел еще посмотреть маленьких вещиц, изделий из нефрита, но такой лавки сами не знали, а спрошенные китайцы на сей счет не сумели дать хоть сколько-нибудь сносных указаний* (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 3. 1924–1925) и некоторых других значениях, например: *Ну-ка, хозяин, — проговорил казак с красноватым носом, уставив на батюшку свои зеленые глаза, — посмотрим твоей удали!* (М. Н. Загоскин. Вечер на Хопре. 1834); *Да, батюшка, не прогневайтесь! Посмотрели бы мы вашей удали. Нет, Алексей Михайлович! (там же); Посмотрели бы мы его премудрости, если б он был гражданским губернатором!* (М. Н. Загоскин. Искушитель. 1838). Аккузатив употребляется в значении **‘устроить смотр чему-нибудь’**: *Отсюда Его Высочество поехал посмотреть полевое учение и маневры кантонистов* (П. Я. Ренненкампф. Выписка из секретного журнала поездки Его Высочества Хосров-Мирзы в Санкт-Петербург. 1829); **‘ознакомиться с содержанием чего-нибудь, прочитывая, проглядывая’**: *Оставьте записку; я посмотрю подлинные бумаги в суде* (Ф. В. Булгарин. Иван Иванович Выжигин. 1829); *Извольте посмотреть мои журналы болезни; я готов анатомировать тело вашей внучки и доказать, что болезнь ее была неизлечима, заключалась в ее сердце...* (Н. А. Полевой. Эмма. 1834); *Кому угодно раскрыть эти толстые, прекрасные сочинения и посмотреть их содержание?* (О. И. Сенковский. Превращение голов в книги и книг в головы. 1839), а также в других значениях: *: Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед* (Н. В. Гоголь. Ревизор. 1836); *Посмотрите мои руки!* (Н. А. Дурова. Игра судьбы, или Противозаконная любовь. Истинное происшествие, случившееся на родине автора. 1841); *...государыня приехала посмотреть новую методу на девичьей половине* (Н. И. Греч. Записки о моей жизни. 1849–1856).

Таким образом, по материалам НКРЯ глагол *посмотреть* в значении ‘осмотреть, рассмотреть кого-, что-нибудь с целью ознакомления; побыть зрителем, попристутствовать на каком-нибудь зрелище, представлении’ сохраняет вариативность аккузатива и генитива до 30-х гг. XIX в. Кроме того, на протяжении XVIII и XIX вв. генитивное управление отмечается в значении ‘поискать что-нибудь, проверить качество или наличие чего-нибудь с целью купить’. Кон-

текст из Пушкина *Пошел пою по базару / Посмотреть кой-какого товару* приводится и в словарях современного русского литературного языка (ССРЛЯ, БТСРЯ) для иллюстрации значения 'поискать', причем именно в этом значении БАС указывает на возможность альтернативного генитивного управления (с пометой *устар.*) (ССРЛЯ, т. 10: 1500).

3. Вариативность аккузатива и генитива при глаголах зрительного восприятия в современных архангельских говорах

В русских говорах многие переходные глаголы сохраняют архаическое управление объектным генитивом, который варьирует с аккузативом (Тимченко 1913; Кузнецова 1960, 1963; Лопатина 1998 и др.). Примеры употребления генитива на месте аккузатива литературного языка встречаются практически в любом русском говоре (Кузьмина 1993: 28–39). В среднерусских и южнорусских говорах они немногочисленны и охватывают только определенные конструкции, например генитив неисчисляемых существительных при глаголах НСВ. О нежелательности употребления в русском литературном языке количественного генитива при глаголе НСВ в актуально-длительном значении см. (Падучева 1996: 183–191), а также: (Богородицкий 1939: 213; Кузнецова 1960: 186–187; Собинникова 1961: 158; Якобсон 1985: 147; Timberlake 2004: 320).

Приведем примеры из южнорусских и среднерусских говоров: *Крѳиши хлѳп и йѳи мѳлькѳ. Сѳпу вам с утрѳ варю?* Ну, *чѳстѳишѳк сѳчиняю, у менѳ их вѳн скѳлькѳ. Фсѳ, пѳшла мѳки сѳишѳ. А штѳ, вы чѳю фперѳт пѳйѳете? Бѳжѳть кѳрму дѳватѳ* (с. Роговатое Старооскольского р-на Белгородской области, запись 2013 г.); *Вѳд блинѳф пѳкѳ. Пѳли, пѳли, пѳли, пѳсен знѳйѳем, мнѳгѳ и зѳбывѳйѳем* (с. Татарово Муромского р-на Владимирской области, запись 2013 г.).

Конструкции с объектным генитивом чаще встречаются на севере, многие из них фиксируются исключительно в северных говорах (Кузьмина 1993: 30–34). Более детальные исследования функционирования и семантики объектного генитива имеются для онежских (Маркова 1989; 1999; 2008), пермских (Потапова, Русинова 1991) и архангельских говоров (Гецова 1997; Малышева 2008б; 2010). Приведем примеры употребления генитива исчисляемых существительных из Кировских говоров: *ѳто дѳтика* (транспортное средство для проезда по болоту) *взѳл-от; А тут клѳба стрѳили* (Кировская область, д. Южаки, записали С. В. Дьяченко, Т. В. Коробейникова в 2013 г.).

В исследованиях по диалектному синтаксису пока отсутствует лингвогеографическое описание функционирования объектного генитива при отдельных

глаголах или семантических группах глаголов, недостаточно изучена также зависимость генитивного управления от семантики управляющего глагола.

В архангельских говорах сохраняется архаическая вариативность аккумулятива и генитива при глаголах разных семантических классов, в том числе при глаголах зрительного восприятия. Далее будут рассмотрены глаголы *смотреть*, *посмотреть*.

3.1. *Смотреть*

В базе данных Архангельского областного словаря зафиксировано 110 случаев управления аккумулятивом глагола *смотреть* (учитываются только те контексты, в которых рассматриваемые глаголы имеют в базе статус диалектизмов) и 6 примеров генитивного управления; в картотеке АОС отмечено 30 примеров аккумулятивного управления и 6 генитивного.

Вариативность аккумулятива и генитива отмечена в следующих значениях:

(1). ‘искать, проверять, осматривать что-нибудь с целью установить, имеется ли в наличии, годится ли для сбора или хозяйственного использования’:

РП: *Грипкóф смотрю́.* ПИН. Яв; *Ходила́ под гóрку, черни́ки смотре́ла.* ЛЕШ. Рдм; *А óсенью таг бат дроф смóтредь, где руби́ть зимóй.* ПРИМ. Ннк; *Ходила́ на реки́, смотре́ла воды́, пополоска́дь белья́.* ПРИМ. Лпш; ;

ВП: *Пойёхал смотре́ть йеишо чэрни́ку да брусни́ку для бóдуушиэго.* ПИН. Нхч; *С сёстрами прийдут за морóшкой, смотре́ть морóшку.* ПРИМ. КГ; *Смóтрят морóшку на друго́й день Петро́ва дня.* ПРИМ. Ннк; *Жы́це смотре́ла, да йеишо́ не дошло́.* ПИН. Нхч; *Грибы́ йеишо́ не росли́, так не́ту, Ко́ля ходи́л смотре́л грип, да в лесу́ и оста́вил.* МЕЗ. Бч; *Ходи́л морóшку смотре́л — ви́дел не́сколько морóшын, говори́т, они́ как ка́мень.* ХОЛМ. БН; *Ходи́ли траву́ смотре́ть!* КАРГ. Крч и др.;

(2). ‘устремляя взгляд, пытаться увидеть что-, кого-нибудь, искать взглядом’:

РП: *Смотрéла Са́шы, не моглá усмотрéть (по телевизору). Ка́жно вре́мя-то не смóтриши.* ВИЛ. Трп; *На пове́ти мужы́к при́дя, вот друг дру́шки смóтрят.* ПИН. Шрд;

ВП: *Исподгóрья лóтку смотре́л.* ЛЕШ. Плщ;

(3). ‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления’:

РП: *Приходи́, говори́т, Ива́новна, смотре́ть на́ших трудо́ф. Приде́те смотре́ть моево́ жы́тья́.* ПРИМ. Ннк; *Говори́т, пойёду́ у свекро́фки жы́тья́ смотре́ть.* ХОЛМ. Сия; *Йи́зьдили жы́тья́ смотре́ть, а потóм йи́зьдили на*

уговорку. УСТЬ. Сбр; Придут в дом жьтыя смотреть. В-Т. Тмш. Пойедемте жьтыя смотреть у жэниха. ХОЛМ. Кпч;

ВП: Я, бывало, ходила, свадьбы-то смотреть. ВЕЛЬ. Пкш; Гуляли, фсе приходили свадьбу смотреть. Бегали на болото пёрвый самолёт смотреть. МЕЗ. Длг; Потом придут жьтыёо смотреть г жэниху. ЛЕН. Схд; Наши нравы, нашу жьтыуху смотрят. ПИН. Ср; Дак шó это, грясь смотришь. УСТ. Брз; Когда от венца придут, здарьёо смотрят. В-Т. Врш; И пришли тут с Тарни, жьтыёо смотрели. ШЕНК. Ктж; Я у их была в мёжутке, свадьбу-ту смотрела. КАРГ. Ар; Тут тожэ приежжали, старину смотрели. ВЕЛЬ. Пкш; Раньше-то было, ходили смотрели дом жэниха, како жьтыёо у жэниха. МЕЗ. Бч; Мы смотрели-то цэркофку-то. ПИН. Ср; Как даве, Лена, мы смотрели солнышко. ПИН. Яв; Съездили, смотрели пожаришиэ. ПРИМ. Ннк; Там Антоний пресвятой, говорят, што ловил рыбу на камне. Мы смотрели на камне этот слёт. ХОЛМ. Сия; На сарай залезли на дровеник, радугу смотрели. УСТЬ. Сбр и др.;

(4). ‘наещать, проведывать кого-нибудь’:

РП: Ну ладно, пойдем опять коровушки смотреть да. ПИН. Яв;

ВП: Коровушку себодни фсе смотрим дак; а она лизнула, дак ой тут шчэ радости-то, ой, меня малька лизнула! Я грю, да, токо сама не ходи, а то она, пожалуи, рогами подыма, на рогá девоцьку у нас. ПИН. Яв; Пойежжajúт внуцьку смотреть. МЕЗ. Цлг; Мы бабушку ходили смотреть. ЛЕШ. Юрм.

Только ВП зафиксирован в значениях: **‘следить, присматривать, иметь надзор за кем-, чем-нибудь, заботиться о ком-, чем-нибудь’**: Мати-то худá тожэ, приехали мать смотреть. МЕЗ. Длг; Самá пошла баню смотреть, баня потухла. ЛЕШ. Брз; Мне Катерина-то велела дом-от смотреть (в свое отсутствие), я и не гляжу, надо сходить проверить. МЕЗ. Аз; Нарожали много, теперь приплот смотри. ЛЕШ. Шгм; Старых-то кто смотрит? КОТЛ. Фдт; **‘знакомиться с содержанием чего-нибудь, прочитывая, проглядывая’**: Фсе йещэ смотрю книшку — читаю. ПИН. Ср; Я пришла — книшку смотрят. ЛЕШ. Вжг; **‘оценивать кого-нибудь’**: Невесту-то молодуху надо смотреть, красива ли. УСТЬ. Брз; Придут молодую смотреть, мójэят, свекрофьке йещэ не поглéнеца. ШЕНК. Шгв; А фсе смотрят нашу молодую дак. ВИЛ. Пвл; **‘обследовать, осматривать что-нибудь, определять состояние чего-нибудь’**: Жэлэзный яшишечёк смотрели, тут попорхались. Семь рас трупку глотали, штобы смотреть сосут. УСТЬ. Стр; Я скорей бежу домой и говорю: мама, смотри у меня голову — у нас не позволяли, штоп фиы были, отец сразу стрик. ВИН. Кнц; Што вы цвьёт-от смотрите, смотрите завься-то. МЕЗ. Сфн; На коргу надо йэхать сёмгу смотреть. ПРИМ. ЛЗ; Картóшку хотела смотреть, земля цисто твердяшиа. МЕЗ. Длг; Распушилась она-то, картó-

*фельна трава́, я смотре́ла сегóдня картóшку, рва́ть не рвала, а розрыва́ла то́лько. Тут картóшку опе́ть смотре́ли, ф суп ли, куды́ ли беру́т. МЕЗ. Бч; Я ходи́ла лук смотре́ла. ПИН. Квр; Капу́сту смотре́ла — навилісь ужэ́ коцешикі. ПИН. Ёр; **‘выглядеть, иметь вид’**: Как хоро́ша-то шэ́рзь дак йе́то ската́эи, мыйо́и, сто́пцеж да, иш оно́ и сукно́-то, йе́сь ретка́ми смóтрят, та́к жеэ и сукно́. ВИЛ. Пвл; **‘ожидать’**: Мо́жэт, она́ (врач в больнице) смотре́ла от мене́ пода́цьку? УСТЬ. Стр.*

Таким образом, вариативность аккузатива и генитива проявляется преимущественно в трех значениях глагола *смотреть*. При этом два из этих значений содержат общий семантический компонент ‘искать’ (‘искать, проверять, осматривать что-нибудь с целью установить, имеется ли в наличии, годится ли для сбора или хозяйственного использования’, ‘устремляя взгляд, пытаться увидеть что-, кого-нибудь, искать взглядом’). В этих значениях глагол *смотреть* семантически сближается с достигаемыми глаголами типа *искать, просить, ждать*, имеющими устойчивое управление генитивом и сохраняющими это управление и в современном русском литературном языке (*искать случая, смерти, места, помощи* и др.).

Вариативное управление отмечено также в значении ‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления’. В текстах XVIII–XIX вв. генитив в этом значении представлен достаточно широко, архангельский же материал содержит всего 6 примеров. В пяти контекстах генитив употреблен в сочетании *житьё смотреть*, которое описывает часть свадебного обряда — осмотр родственниками невесты хозяйства, имущества жениха (АОС 14: 231). При этом во всех примерах форма объектного генитива употреблена в супинной конструкции — при инфинитиве, который зависит от глагола движения⁶. Очевидно, что в архангельских говорах, в отличие от литературного языка, сохраняется архаическая вариативность генитива и аккузатива, но генитив употребляется редко и, возможно, поддерживается целевой семантикой, которую имеет сочетание глагола движения и инфинитива. Целевой компонент, хотя и не столь явно, содержится и в самом значении ‘осматривать, рассматривать кого-, что-нибудь с целью ознакомления’, что также может способствовать сохранению генитивного управления.

3.2. *Посмотреть*

Как уже указывалось, наличие приставки и ее семантика оказывают большое влияние на управляющие свойства глагола. Только с ВП зафиксированы

⁶ О так наз. «рефлексах супина» в народных говорах см. (Тимченко 1913: 137; Пеньковский 1975: 86–88; Кузьмина 1993: 3).

в базе данных АОС глаголы *вы́смотреть, досмотреть, засмотреть, недосмотреть, обсмотреть, осмотреть, подсмотреть, присмотреть, просмотреть, усмотреть*. Вариативное управление генитивом и аккузативом имеют глаголы: *посмотреть* (см. ниже), *насмотреть* (РП: *Ико́н насмотре́ли плóхото. Мы приве́зём к вам, мы пото́м ка́к-нибудь, доста́нем*. ПИН. Врк; *Нога́то, Боу дас, опра́вице, захо́диш, намо́триш санико́ф и фсе́*. В-Т. Врш; ВП: *Да нас и не гони́ли, ничево́ што мы малоро́сия, мы фсе и кни́шки ихни́е намо́трим*. ПИН. Яв) и *пересмотреть* (РП/ВП: *Фсе́ пересмотре́ли, фся́ко, наузо́рникоф и ненаузо́рникоф*. В-Т. УВ; ВП: *Тепе́ришным умо́м — я бы фсе са́ни пересмотре́ла*. ПРИМ. Ннк).

Наиболее активно управляет генитивом глагол *посмотреть*: аккузативное управление в базе данных АОС отмечено в 96 случаях, генитивное — в 39. При этом, в отличие от литературного языка, в форме РП употребляются как исчисляемые, так и неисчисляемые существительные. Наблюдается примерно равное соотношение форм аккузатива и генитива при инфинитиве: аккузатив при инфинитиве употреблен в 36 случаях, что составляет 37% от общего количества аккузативных форм, генитив при инфинитиве — в 13 случаях (33% от всех генитивных форм).

Вариативность генитива и аккузатива отмечена в следующих значениях:

(1). ‘поискать, проверить, осмотреть что-нибудь с целью установить, имеется ли в наличии, годится ли для сбора или хозяйственного использования’:

РП (13 примеров): *Вы черни́ки посмотре́ли?* ОНЕЖ. АБ; *Ну́-ко я пойду́, посмотрю́ гли́ны*. ПРИМ. Лпш; *Мо́ху на́до посмотре́ть! Си́него мо́ху где́ бы подра́ть!* ПИН. Нхч; *Я ходи́ла моро́шки посмотре́ть, дак ни яготки*. ШЕНК. ЯГ; *И я ичо сказа́ла, так ы посмо́трите моро́шки. Хотела́ в ле́с сходи́ть, моро́шки посмотре́ть, да моро́шка-то худá. Съ йедо́й пойдём, так, бродим, ягот посмо́трим*. ПРИМ. Ннк; *Мы фчера́ в Лук-то и́ездили, посмотре́ть сморо́дины кра́сной*. ХОЛМ. Сия; *Сморо́ды-то посмотре́и*. ШЕНК. ВЛ; *Кабачько́ф, Са́ша, не зна́ю, пойду́ посмотрю́*. ВИЛ. Пвл; *Щя́с посмотрю́ ло́жечек*. ПРИМ. КГ; *Ушла́ ра́но (в лес), ягот посмотре́ть*. КАРГ. Ух; *Огу́рцо́ф на́а посмотре́ть*. ВЕЛЬ. Пжм; а также из картотеки: *Увези́те дро́ф посмотре́ть*. ПРИМ. Лпш; *Сходи́ть мали́ны посмотре́дь да, каково́ позрэ́ло*. ВИЛ. Пвл; *На это она неци́ста на́ руку, посмотре́ть смерть ло́бит цю́жого*. ХОЛМ. Сия;

ВП (8 примеров): *Где бы́л? А до Хо́пова и́ездил, посмотре́л гри́бы*. ПИН. Нхч; *Ягоды посмотре́ла, бу́дут ли, та́к наброди́лась*. ЛЕШ. Смл; *Моро́шку посмотре́ла, да ра́но, нет иишо́*. ПРИМ. Ннк; *Зброди́ла посмотре́ть гра́бли, а у де́вок у́брано*. УСТЬ. Стр; *Посмотрі́ веде́рушко, на пе́чке стои́т, тре́хлитро́-*

во. ПРИМ. КГ; *Нет, вы у Харьково Лóгу дойдíте, посмотри́те избу́шку*. ВИЛ. Пвл; *На мосту́-то иду́т и кнйи́шку посмо́трят, пока́ снec не западе́*. ПИН. Яв; *Мне на́до вы́йти, оринти́р посмотри́ть, а то заблудимся*. ВИЛ. Трп; а также из картотеки: *Тут боло́цэ попалось на пра́вой руке́, зашли́ хоть моро́шыну посмотри́ть*. ОНЕЖ. ББ; *Моро́шку посмотри́ла, ницего́ не наде́лала-то*. МЕЗ. Кд;

(2). ‘осмотреть, проверить, оценить состояние чего-нибудь’:

РП (4 примера): *Посмотрю́ чайника*. ПРИМ. Ннк; *Посмотри́ла жыво́та*. ПРИМ. ЗЗ; *Пошо́л по пути́, капка́ноф посмотри́, пото́м избу́шкой, пёцку то́пить*. МЕЗ. Мсв; а также из картотеки: *Самова́ра-то посмотри́те*. ПРИМ. ЗЗ; *Ба́ночки на́до посмотри́ть, не заму́тнйлась ли (банка с огурцами)*. ВИЛ. Трп;

ВП (26 примеров): *Ну, ла́дно это ф то́м хорошо́, што он соопишы́л вам зара́нейе — иш вот машы́ну посмотри́л (не может ехать). Ужэ́ се́час посмотри́ю карто́шку, свары́лась, и де́ло у нас пойдёт*. *Ся́с ужэ́ твóрок посмотри́ю, ста́вила в ба́нке я, в ба́нке-то не перелы́то, дак гу́сто*. ПИН. Яв; *Ли́я посмотри́ла Та́сю, значы́т, иёй нева́жно*. *Я на гря́тку-ту то́жы сходи́ла, моркóвинку вы́ташы́ла*. *Моркóвинку посмотри́ла, беда́, ма́ленька, по́здо пошла́*. ВИЛ. Трп; *Но́ги-то посмотри́ла, а́хти, фсе ф цвету́ — вёны фсе вы́лезли сйни́е, зе́лёны́е*. КРАСН. Чрв; *Посмотри́ли лóтку-то, норма́льно?* МЕЗ. Мсв; *А Ва́ля посмотри́ла ша́ль, ужэ́ она́ ф худо́м лежы́т*. ВИН. Зст; *Я оди́н посмотри́ю рю́жу*. ЛЕШ. Брз; *Пойду́ посмотри́ю во́ду, набежа́ла уш по́лна, каг домо́й пойдём?* МЕЗ. Бч; *Пойду́ ко́ле се́тки посмотри́ю*. МЕЗ. Длг; *Пойду́ ба́ню-то посмотри́ю, а то исто́пица*. ПИН. Ср; *Я побежу́, йа посмотри́ю коро́вушку — не тяжо́лая ли*. В-Т. Врш; *На́до ба́ню посмотри́ть — прогорéла, дак закры́ть йейо́*. ВЕЛЬ. Пкш; *О, копа́ть карто́фку пошо́у Ва́ся, он с ведёрком да с вилáми, посмотри́ть пошо́у карто́фку*. *Ци́цяс вот ходи́ла лу́цёк посмотри́ть*. ВИЛ. Пвл; *Че́ ба́ню-то исто́пила уш, пёцку на́до посмотри́ть*. МЕЗ. Сфн; *Я забы́ла осóту посмотри́ть*. ПИН. Нхч; *На́а чай́ посмотри́ть*. ВЕЛЬ. Пжм; *А пойдут по́жши посмотри́ть*. ПРИМ. Ннк; *Пойдём, посмотри́ у меня́ во двoре́ коро́ву-то (обращение к колдуну)*. КАРГ. Крч; *Пойди́, хрю́шу-то посмотри́*. ПИН. СР; *О́сенью де́ло бы́ло*. *Ма́тери сказа́л, ры́бу пойдү́ посмотри́ю*. МЕЗ. Мсв;

(3). ‘осмотреть, рассмотреть кого-, что-нибудь с целью ознакомления’:

РП (16 примеров): *Фсéх местóф на́до посмотри́ть*. ПЛЕС. Кнз; *Лéна, хо́ш мойё́й ма́мы посмотри́ть (на фотографии), кака́я бы́ла ста́ренькая*. ПИН. Яв; *Вот ва́м бы посмотри́ть тако́й сва́депки*. *Бежы́ на пове́ть*. *Посмотри́ мойё́й пове́ти*. *Сходи́те тудá попрoвéдайте, посмотри́те монасты́ря*. *Ла́дно, дере́вушэ́к посмо́трим*. ХОЛМ. Сня; *Ма́льчики пошли́ сенокóсу посмотри́ть*. *Посмотри́те на́шэго́ кла́дби́ца*. *Приходи́те, посмотри́те мойего́ жы́тья*. ПРИМ. Ннк; *Гуля́ть ушли́ де́вочкы, бьва́т посмо́трят посёлка на́шэво*. ПРИМ. КГ; *По-*

смотри́ там ко́нново-то при́вода. ШЕНК. УП; *Ну хоть свѣту бѣлово посмо́три-те.* КРАСН. Прм; *Я лѣсу посмотрю́!* ПРИМ. ЗЗ; *Посмотри́ мойей зимѳки.* ВЕЛЬ. Длм; *Пойдѣм на море погодушки посмо́трим.* ПРИМ. Лпш; *Вот взяли, вот ы взяли восемна́цати годѳ.* Ну какйе мы воя́ки, хоть посмо́трим городѳ. УСТЬ. Стр; а также из картотеки: *Захотѣлось деревѣнской жьзыни посмо́трите.* ВИН. Брж; примеры РП в сочетании *посмо́трѣть жьтыя́* см.: (АОС 14: 231);

ВП (25 примеров): *Бабушка виновата, она́ сказа́ла: на́до жьсы́ть посмо́трѣть. Хо́щеца-то им молодѣи-то посмо́трѣть.* ПРИМ. ЛЗ; *На́до ба́нку да соба́чку посмо́трѣть. Охо́тничья́ чи́сто, ужэ́ гоня́ет кро́ликоф.* ВЕЛЬ. Пкш; *Пошла́ посмо́трѣть Ильи́н-то де́нь, таку́ там розвели́ дра́ку.* ХОЛМ. Сия; *Посмо́трѣть (приехали) на́ше жьты́й-быты́й — как пожы́ваем. Прилетя́т на самолѣ́тах, вертолѣ́тах, посмо́трят на́шу жьзы́нь. Там багу́льник посмо́трите, багу́ла там така́.* ПИН. Яв; *Посмо́трѣли мою́ гресь да назьму́ да.* ПИН. Ёр; *Ты по́еъдила посмо́трѣла деревѣнску́ жьзы́нь.* ШЕНК. ЯГ; *Йево́ вѣши́ность посмо́трите, йему́ лет песя́т.* УСТЬ. Стр; *Беспоря́тки мой хоть посмо́трите. Хотѣла́ то́лько за́фтра поря́тки наводи́ть.* МЕЗ. Свп; *Иди́ дава́й суда́, я обува́ця здѣзъ бу́ду, от ищѣ́ котомку-то посмо́триши, у меня́ це́о набрано́. Вот с э́ких-то и ста́ли веза́ть-то, посмо́триши узо́ры-то.* ВИЛ. Пвл; *Чяю́ попи́ли, я гоору́: посмотрю́ Со́лзу.* ПРИМ. Ннк и др.;

(4). 'побыть зрителем в течение некоторого времени; просматривая, ознакомиться с содержанием чего-нибудь':

РП (4 примера): *Ложу́сь по́зно — пробро́жу, кина́ посмотрю́. А ны́нче теле́визора́ посмо́триши да подумайеши.* КАРГ. Ар; *На дива́нчик розлежу́сь, теле́визера-то посмотрю́.* ВЕЛЬ. Пжм; *Во́т я карто́цькоф ы посмотрю́.* УСТЬ. Брз;

ВП (много): *Мы то́жэ́ ино́гда расто́лкуем са́ми-то собо́й, ни́где не бы́ваем, но теле́визор-то посмо́трим. «А́нгов» посмотрю́ и айда́ домо́й.* ПИН. Яв; *Я пошо́л на дива́н посмо́трѣть теле́визор и ба́инькаты́.* ШЕНК. Шгв; *От кто́ к кому́ броди́л. Рас о́хота сери́ал посмо́трѣть.* ПИН. Нхч и др.;

(5). 'ознакомиться с содержанием чего-нибудь, прочитывая, проглядывая':

РП (1 пример): *А тепѣ́ря чево́ да чайку́ попи́ть да ф ка́рты поийгра́ть, да кни́шка кака́ да газѣ́тины како́ посмо́трѣть.* МЕЗ. Лбн;

ВП (2 примера): *Огня́-то не́ было, бы́ла зѣлана́ чита́льня. Да й́гры, в доми́но да ф ша́шки, хотѣ́ли челове́ка поста́вить, интере́сно так, газѣ́ты посмо́трат, каки́ и на́ дом бра́ли.* МЕЗ. Сфн; *Допива́й, пойдѣ́м ф перѣ́дну избу́, бума́ги-то у Ива́на посмо́трим (документы покойного мужа).* ПИН. Нхч;

(6). 'навестить, повидать кого-, что-нибудь':

РП (1 пример): *Во́т неда́вно прие́жжал родно́во ме́ста посмо́трѣть.* ВЕЛЬ. Пкш;

ВП (20 примеров): *Аннушка бедá тресёт, как охота Вáлю посмотре́ть*. ВИЛ. Трп; *Зиму́сь зареве́в: ой, мне уш папу охота посмотре́ть*. ВЕЛЬ. Длм; *Пришлò ребят попрове́дать, посмотре́ть Кòлю да Серёжу*. ШЕНК. ВЛ; *На собра́нные прибежым, веть ма́му нать посмотре́ть, отце́нно-то собра́ние добу́го жыве́*. ПИН. Яв; *Не мо́гут выкроить вре́мя, да стару́ху посмотре́дь да — ну нице́, не придуд дак я их вызолюю. А то́ фсе пропи́ште, я и не видаю вас, а цýй-от потòм дак ходь дру́г дру́шку посмотри́м*. ВИЛ. Пвл; *Я думала, Ирину́шкó посмотрю́*. КАРГ. Ус; *Чесовёнка ф Шзнкурске. Мы стару́хи сходим хòть друг дру́шку посмотри́м*. ШЕНК. Шгв и др.

Только аккумулятивное управление зафиксировано при глаголе *посмотреть* в значениях **‘присмотреть, последить за кем-, чем-нибудь, позаботиться о ком-, чем-нибудь’** (в СРЛЯ — только предложное управление): *Оксёнья, я пойёхала в Москвú, посмотри́ у меня́ дом-от*. МЕЗ. Аз; *Бес пригляду оста́вили фсе, посмотри́ плитú-то*. ОНЕЖ. Тмц; *Посмотрите дефцёнку у меня́*. ПРИМ. Зз; *Я и корóвушку посмотре́ла, шчи́стила у неё, штоп легла́ корóва*. ВИЛ. Трп; *Бежы́ туда, Арину́шка, ба́ба жы́тники посмотри́т (внучке)*. ПИН. Квр; *Та́м посмотри́ грибы́-те, щя́с поплыву́т че́рес кра́й*. ПИН. Яв; **‘взглянув на часы, определить, который час’**: *А я хоте́ла ишио́ в ы́збу зайти́, цесы́ посмотре́ть*. МЕЗ. Длг; *Ф пять чясóф учча́лили, я как рас вре́мя посмотре́ла, ф пять чясóф очча́лила. Дáвеча сплю, голо́ву то́лько поды́нула вре́мя посмотре́ть*. МЕЗ. Бч; *Вре́мя-то посмотре́ла — да́леко*. ПИН. Ёр; *Посмотрела́ вре́мя: пять, шэсто́й!* МЕЗ. Мсв; *Посыла́у меня́, сходи́, гыт, вре́мя посмотри́*. ВИЛ. Пвл.

Генитив отмечен в значении **‘пережить, испытать’**: *Посмотрела́ фсе-зò*. ЛЕШ. Кнс.

Таким образом, глагол *посмотреть* имеет в говорах большой потенциал генитивного управления и присоединяет генитив во многих значениях. Это обусловлено прежде всего тем, что приставка *по-*, как и в литературном языке, может вносить в значение глагола количественный компонент ‘в течение некоторого времени’. Количественная семантика поддерживает управление генитивом. Наибольшая активность генитивного управления и здесь наблюдается при значении с достигаемым компонентом: ‘поискать что-нибудь, годное для сбора или хозяйственного использования’.

4. Некоторые выводы

(1). Проанализированный материал показывает, что глагол в своих разных значениях имеет разный потенциал аккумулятивного и генитивного управления.

(2). Аккумулятив зафиксирован уже в достаточно ранних летописных контекстах при глаголе *смотреть* в значении ‘устраивать смотр чему-нибудь’,

это же управление сохраняется в текстах XVIII–XIX вв. (в частности, в сочетании *смотреть полк, полки*). В материалах современных архангельских говоров только аккузативное управление отмечено в близком к нему значении ‘обследовать, осматривать что-нибудь, оценивать состояние чего-нибудь’.

(3). Вариативность аккузатива и генитива при глаголе *смотреть* в значении ‘осматривать, рассматривать что-нибудь с целью ознакомления’ наблюдается уже в летописных текстах. Эта вариативность, согласно материалам НКРЯ, сохраняется в русском литературном языке до конца XVIII в. (при глаголе *посмотреть* — до 30-х гг. XIX вв.). В архангельских говорах при глаголе *смотреть* в этом значении генитив, альтернативный аккузативу, продолжает употребляться, хотя и достаточно ограниченно (он отмечен в конструкциях с инфинитивом, который зависит от глагола движения, при этом в роли объекта выступают неисчисляемые существительные), при глаголе *посмотреть* — более свободно.

(4). При значениях, имеющих достигаемый компонент ‘пытаться достичь чего-нибудь’, ‘искать’, последовательно употребляется генитив в летописях, литературных текстах XVIII–XIX вв. и архангельских говорах. Примечательно, что значения с компонентом ‘искать’ у глагола *смотреть* почти не представлены в словарях современного русского литературного языка. Они отсутствуют в МАС, Словаре русского языка С. И. Ожегова, Русском толковом словаре В. В. Лопатина, Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой, Большом толковом словаре русского языка под ред. С. А. Кузнецова. В Толковом словаре Д. Н. Ушакова дано значение ‘отыскивать глазами, высматривать’ с пометой *простореч.* (*смотреть кого-н. в толпе*). Соответственно, ни один из перечисленных словарей не показывает альтернативного генитивного управления при этом глаголе (использованы интернет-ресурсы: http://mirslovarei.com/kuznec_a; <http://www.вокабула.рф>; <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>). Таким образом, сохранение генитивного управления в архангельских говорах в данном случае можно объяснить наличием значений, которые в литературном языке утратились или отошли на периферию.

(5) Глагол *посмотреть* в рассмотренных языковых корпусах имеет более широкий потенциал генитивного управления: в частности, дольше сохраняется вариативность аккузатива и генитива в отдельных значениях, и сам круг значений, при которых возможно употребление генитива, шире, чем у глагола *смотреть*. Генитивное управление в данном случае поддерживает количественная семантика приставки.

Список сокращений названий районов и населенных пунктов Архангельской области

ВЕЛЬ — Вельский район: Длм — Долматово, Пкш — Пакшеньга, Пжм — Пежда;
 В-Т — Верхне-Тоемский район: Врш — Вершина, Тмш — Тимошино, УВ — Усть-Вья;
 ВИЛ — Вилегодский район: Пвл — Павловск, Трп — Тырпасовская;
 ВИН — Виноградовский район: Брк — Борок, Кнц — Конецгорье;
 КАРГ — Каргопольский район: Ар — Архангело, Крч — Кречетово, Ус — Усачёво;
 КОТЛ — Котласский район: Фдт — Федотовская;
 КРАСН — Красноборский район: Прм — Пермогорье, Чрв — Черевково;
 ЛЕН — Ленский район: Схд — Суходол;
 ЛЕШ — Лешуконский район: Брз — Березник, Вжг — Вожгора, Кнс — Койнас, Плщ — Палашелья, Рдм — Родома, Смл — Смоленец, Юрм — Юрома;
 МЕЗ — Мезенский район: Аз — Азаполье, Бч — Бычье, Длг — Долгощелье, Кд — Койда, Лбн — Лобан, Мсв — Мосеево, Свп — Совполье, Сфн — Сафоново, Цлг — Целегора;
 ОНЕЖ — Онежский район: Аб — Анциферовский Бор;
 ПИН — Пинежский район: Врк — Веркола, Ёр — Ёркино, Квр — Кеврола, Нхч — Нюхча, Ср — Сура, Шрд — Шардонемь, Яв — Явзора;
 ПЛЕС — Плесецкий район: Кнз — Кенозеро;
 ПРИМ — Приморский район: ЗЗ — Зимняя Золотица, КГ — Красная Гора, ЛЗ — Летняя Золотица, Лпш — Лопшеньга, Ннк — Нёнокса;
 УСТЬ — Устьянский район: Брз — Березник, Сбр — Сабуровская, Стр — Строевская;
 ХОЛМ — Холмогорский район: БН — Брин-Наволоок, Кпч — Копачёво, Сия — Сия;
 ШЕНК — Шенкурский район: ВЛ — Верхоледка, Ктж — Котажка, УП — Усть-Паденьга, Шгв — Шеговары, ЯГ — Ямская Гора

Источники

- ЛЛ* — Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 1997 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. Л., 1927).
ИЛ — Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1998 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1908).
2НЛ — Новгородская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 30. М., 1965.
5НЛ — Новгородская пятая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 4. Часть 2. Пг., 1917.
Ник.11 — Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XI. М., 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1897).
Ник.12 — Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XII. М., 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1901).
Ник.13 — Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1904).

Литература

- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. *О. Г. Гецовой*. Вып. 1–15—. М., 1980–2013—.
- Богородицкий 1939 — *Богородицкий В. А.* Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939. БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Вайан 1952 — *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Гецова 1997 — *Гецова О. Г.* Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. М., 1997. Вып. 7: Русские диалекты: история и современность. С. 138–197.
- Дубровина 2002 — *Дубровина Л.* Вариативное глагольное управление в русском языке первой трети XIX века. Uppsala, 2002.
- Живов 2006 — *Живов В. М.* [Рец. на кн.:] Л. Ферм. Вариативное беспредложное управление в русском языке XVIII века. Stockholm: Södertörns högskola, 2005, 371 с. // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 139–146.
- Историческая грамматика русского языка 1978 — Историческая грамматика русского языка: синтаксис, простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978.
- Крысько 2006 — *Крысько В. Б.* Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- Кузнецова 1960 — *Кузнецова А. М.* К вопросу о глагольной переходности и значении так называемого родительного разделительного // Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина. Статьи и исследования по русскому языку. М., 1960. Т. 158. С. 175–192.
- Кузнецова 1963 — *Кузнецова А. М.* Родительный падеж прямого объекта в современных восточнославянских языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1963.
- Кузьмина 1993 — *Кузьмина И. Б.* Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Ломов 1966а — *Ломов А. М.* Приглагольный родительный падеж объекта в языке XVII в. (на материале южновеликорусских памятников деловой письменности) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1966. Вып. 2. С. 46–56.
- Ломов 1966б — *Ломов А. М.* Глагольные конструкции с зависимым членом в функции объекта (на материале южновеликорусских памятников XVII в.). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1966.
- Ломтев 1956 — *Ломтев Т. П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
- Лопатина 1998 — *Лопатина Л. Е.* Родительный падеж в функции прямого объекта // Восточнославянские изоглоссы 1998 / Отв. ред. Т. В. Попова. М., 1998. Вып. 2. С. 234–244.
- Майер 1997 — *Майер И.* Русское глагольное управление XVII в.: проблема своего и чужого (на материале "Вестей-курантов") // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 87–101.
- Мальшева 2008а — *Мальшева А. В.* Вариативность генитива и аккузатива при глаголах с общим значением 'беречь, защищать' в русских летописях // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1 (15). С. 57–78.
- Мальшева 2008б — *Мальшева А. В.* Типы употребления количественного генитива исчисляемых существительных (на материале современных архангельских говоров и русских летописей) // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2008а. С. 232–247.

- Малышева 2010 — *Малышева А. В.* Из истории русского глагольного управления: объектный генитив (на материале русских летописей и современных архангельских говоров). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Маркова 1989 — *Маркова Н. В.* Диалектные способы выражения семантического субъекта и объекта в онежских говорах и их история. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Маркова 1999 — *Маркова Н. В.* Глагольные конструкции с родительным падежом полного объективирования в онежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 7. СПб., 1999. С. 102–109.
- Маркова 2008 — *Маркова Н. В.* Глагольные конструкции с родительным падежом объекта и субъекта в онежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 9. СПб., 2008. С. 146–155.
- МАС — *Словарь русского языка в 4-х томах.* М., 1999. Т. 1–4 // *Словарь русского языка в 4-х томах: Описание ЭНИ // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»* (ФЭБ. М., 2005).
- Мейе 1938 — *Мейе А.* Ведение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
- Падучева 1996 — *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996.
- Пеньковский 1975 — *Пеньковский А. Б.* О диалектных явлениях, генетически связанных с супином // Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. Тезисы докладов. М., 1975. С. 86–88.
- Попова 1996 — *Попова З. Д.* Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Воронеж, 1969.
- Потапова, Русинова 1991 — *Потапова Н. П., Русинова И. И.* Винительный и родительный падежи в функции прямого объекта (на материале говоров северной части Пермской области) // *Литературный язык и народная речь.* Пермь, 1991. С. 54–69.
- Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Правдин 1956 — *Правдин А. Б.* Из истории предложных сочетаний в русском языке (дательный падеж с предлогом *к*) // *Ученые записки Тартусского ун-та.* 1956. Вып. 43. С. 167–183.
- ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка.* Т. 10. М.; Л., 1960.
- Собинникова 1961 — *Собинникова В. И.* Простое предложение в русских народных говорах. Воронеж, 1961.
- Тимченко 1913 — *Тимченко Е. К.* Функции генитива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913.
- Томсон 1908 — *Томсон А. И.* К вопросу о возникновении родительно-винительного падежа в славянских языках: приглагольный родительный в праславянском языке // *Известия ОРЯС,* 1908. Т. 13. Кн. 3. С. 281–302.
- Ферм 2005 — *Ферм Л.* Вариативное беспредложное управление в русском языке XVIII века. Stockholm, 2005.
- Ходова 1963 — *Ходова К. И.* Система падежей старославянского языка. М., 1963.
- Якобсон 1985 — *Якобсон Р. О.* Избранные работы. М., 1985.
- Klenin 1983 — *Klenin E.* Animacy in Russian: A new interpretation. Columbus, Ohio, 1983.
- Miklosich 1926 — *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Heidelberg, 1926.
- Timberlake 2004 — *Timberlake A.* A Reference Grammar of Russian. Cambridge, U.K.–New York, 2004.

Summary

Anna V. Malysheva

**Accusative and genitive variability with the verbs of visual perception
(based on the Russian literary monuments and modern dialects)**

The article considers the use of the object genitive varying with the accusative with some verbs of visual perception. Paper starts with considering of examples of accusative and genitive control in Russian chronicles of XIV–XVI centuries. The system of accusative and genitive variability found in chronicles is typical for the Russian language in the XI–XVII. Impact of prefix and its semantics of the verb is analyzed. Then on material of the Russian National Corpus (RNC) we show change in the ratio of genitive and accusative forms of the verbs of active visual perception (*smotret'*, *posmotret'*) in the Russian literary language of XVIII–XIX centuries. Variability of government is considered within the certain meanings of verbs. Materials of RNC, sufficiently dissimilar in composition, illustrate the trend of loss of the genitive and replacing it with accusative forms. We focus on meanings 'perceive by means of vision, surveying, getting information or impression', 'to be present at some event, the spectacle' which are most widely represented in the materials RNC. The verb *smotret'* in above meanings maximally fluctuates between accusative and genitive in 70–80 years of XVIII century; at the beginning of the XIX century variability is almost lost. The verb *posmotret'* loses its variability after 30-s of XIX century. In the third part of the article functioning of object genitive with verbs *smotret'* and *posmotret'* in the modern dialects of Arkhangelsk region is described. Considered dialectal material allows us to conclude that genitive control is more consistently preserved with certain meanings of polysemantic verbs.

«Новые» местоимения в севернорусских диалектах

Ситуацию с отражением в диалектных словарях грамматических свойств и характеристик описываемой лексики нельзя найти удовлетворительной. Не всегда, однако, сожаления по этому поводу нужно адресовать лексикографу: недостаточная диагностичность наличного диалектного материала, пестрота и неоднозначность данных, наслоение разноречивых моментов, оказывающих одновременное воздействие на состояние говора, и т. п. — это объективные факторы, сказывающиеся на качестве регионального словаря, которое лишь до известной степени определяется квалификацией составителя.

Распространенной особенностью русских региональных словарей является нерешительность составителей при определении принадлежности описываемых лексических единиц тому или иному грамматическому разряду. По большей части, видимо, она вызывается не столько привычными, более не подвергающимися переосмыслению классификационными схемами, сколько бедностью и отрывочным характером диалектного материала, имеющегося в распоряжении лексикографа, ограниченными возможностями в пополнении и перепроверке полевых данных, нехваткой параллелей, которые могли бы подвести к принятию недвусмысленного решения.

В этой связи обратим внимание на прилагательное *новый* (*новóй*), которое в целом ряде контекстов выступает в местоименной функции — как неопределенное местоимение со значением ‘иной, некоторый’ (с проявлением тех же значений в производных наречиях: ‘иногда, иной раз’) и в составе противопоставительных конструкций ‘один... — другой...’, ‘этот... — тот...’. Утрата словом *новый* (*новой*) признаков качественного прилагательного и приобретение им местоименных значений происходит путем вполне объяснимых последовательных смещений смыслов в семантической цепочке ‘новый’ → ‘отличный от прежнего, не тот / не такой, другой, иной’ → ‘иной, некоторый’ (→ ‘кое-какой’). Органичность таких смещений кроется в самом устройстве значения ‘новый’, базирующемся на соотношении двух состояний (в первую очередь разновременных) и в этом отношении приближающемся к тому, что составляет область реализации семантики, свойственной местоименной лексике. Прономинальной единицей прилагательное *новый* делает утрата не слишком прочного, как оказывается, семантического элемента, связанного как раз с темпоральной координацией, — ‘недавно возникший’,

‘впервые созданный’, ‘более поздний’ и под., — но тем самым обнажается и усиливается базовый смысловой элемент вневременного отношения (‘не этот; не тот, от которого ведется отсчет’).

Такие функционально-семантические сдвиги у прилагательного *новѣй* обнаруживаются в северновеликорусских диалектах, в говорах Урала, Сибири и Забайкалья; основной ареал явления, не получившего, однако, желательного лингвистического объяснения, очерчен уже у В. И. Даля (Даль₂ II: 549). (Задачи исчерпывающего представления диалектного материала, относящегося к обозначенной теме, здесь не ставится.)

Без указания на местоименную природу названные лексические единицы отмечены как в словарях, где грамматическая пометы «местоимение» и / или «местоименное прилагательное» не предусмотрены (для местоименных наречий может применяться только помета «нар(еч).» без семантического уточнения)¹:

Новѣй. 1) Иной, другой. — <...> *Хошь, бери эту горбушу, новой нет у меня. — Новой говорит так, новой инако.* Арх., Холм., Пин., Мез., Шенк. (Подвысоцкий: 306)²;

Нѣвѣй <...> и **новѣй** <...>. 6. Иной, другой. <...> *Как новой бы нынче хватат да конем добрым, Да оругой бы похвалятся да золотой казной, Да новой бы похвастан силой богатырской.* Былины Печоры и Зимнего берега. <...> *Была буря, дак у новѣх крышу сорвало.* Амур. *Новѣй и шибко старается, да нече не выходит у его.* Сиб. <...> $\diamond$ *Что ново-то* [удар.?). Что иное. Шенк. Арх. <...> $\diamond$ **В новѣй раз, (на) новой раз.** В другой раз, в другое время. <...> *В новѣй раз зашел я.* Пинеж. Арх. <...> **Новѣй раз.** Иногда, порой, временами. Мезен. Арх. <...> *Переживанье, оно тоже вляяет. Новѣй раз раздумуюсь, ночи не сплю.* Власенко, Верхнеленские сказки. <...> (СРНГ 21: 260)³;

¹ Графическое оформление толкований и примеров, в разных словарях разное, ниже унифицировано. Сокращённые территориальные пометы сохраняются без расшифровки, как они даны в цитируемых словарных статьях, с опущением, однако, имён населённых пунктов (село, деревня).

² Из текстуальных иллюстраций А. О. Подвысоцкого мы исключили запись *Новой раз приходи, не подошло время-то.* Из остальных примеров, в том числе приводимых далее, она выпадает, поскольку в ней прилагательное *новой* сохраняет темпоральный смысловой элемент: *новой раз* — ‘в следующий раз, позже, потом’. Условием же полной прономинализации этого прилагательного разумно признать исчезновение темпорального содержания, соотносящего актуальный для высказывания «предмет» (событие, временной момент, лицо и проч.) с некоторой точкой отсчёта, приводящее к развитию и абсолютизации семантики неопределённости (‘кое-’, ‘что-то’, ‘кто-то’), а в противопоставительных контекстах — значений указательности (‘этот’ — ‘тот’, ‘один’ — ‘другой’).

³ Подобно предыдущему источнику, примеры из сводного словаря были сокращены за счёт сомнительных — тех, где *новѣй* (*новой*) может означать ‘следующий, имеющий со-

Нóвый раз. Иногда, иной раз. *Нóвый раз и не всё успеваю сдéлать.* Вож. (Вологодский словарь. <Морда — Обрадеть> 1990: 110);

Новóй. Иной, другой. <...> — *Согра есь — низкоё место, есь кочушки, и вода живёт в их, а новой год нет.* Тур. — *Новой ребёнок всё просит ись, а у нас от выти до выти нет.* Тур. — *В новых местах говорят “баит”.* Тур. — *На лошаде новой год вывозят зверей.* Тур. (Среднеуральский словарь, Дополнение: 348);

Новóй <...> Другой, иной. — *Новой придет и не увидит, что мы тут понастроили.* Новосиб., Сузун. — *Новой и шибко старается, да ничего не выходит у него.* Зап., Южн. Сиб.⁴; **Новóй раз.** Иногда. — *Новой раз вздуваю об ней, ох и жалко.* Новосиб., Сузун. — *Новой раз в избе холодища.* Новосиб., Ордын.; **Новó** $\diamond$ **То новó**⁵. Кое-что. — *То ново собрал, да за долг отдал.* Тюмен., Тобол. (Словарь Сибири 2. К—Н: 386; новосибирские примеры с *новой* ранее приведены в: Новосибирский словарь: 335);

Новóй раз. Иногда. — *Новой раз сходишь.* Кем. Лен.-Куз. — *Новой раз, говорят, ползун [туман] тянется.* Кем. Лен.-Куз. <С примечанием:> «Ср. Кривошапкин: *новой* — иной, другой. Маак: *новой* — иной. Мальяревский: *новой* — иной, другой». (Среднеобской словарь. Дополнение: 28. Второй контекстуальный пример ранее опубликован в: Бухарева, Федоров: 128);

Новóй раз. Иногда. — *Новóй рас сафсём ни магу стат': нага балит.* К.-Л. — *Новóй рас дуплё в лисвяге, как врёде балёс' какá-та.* Кач. — *Новóй рас испикут такóй, шта в рот ни ваз'мёш.* — *Новóй раз галава забалит.* Кач. — *Мяса ни брали, новóй рас ваз'мёш.* Черемх. — *Замараски новóй рас рана бývайут.* Кат. (Иркутский словарь 2: 69),

так и в словарях, составители которых указанные пометы вообще используют, но применительно к анализируемым случаям предпочли уклончивое молчание:

стояться позже', то есть сохранять темпорально-координативный смысл (*Сделаю новой раз*). Исключены также примеры из других словарей, цитируемых ниже.

⁴ К сожалению, не отмечено, что оба примера, исчерпывающие иллюстративный материал этой статьи, включают *новой* только «в знач. сущ.» (при том одушевленного: 'некто, кое-кто'), хотя такая помета в данном словаре встречается неоднократно (см. статьи *Бережничий*, *Братские*, *Бытовая* и др.). Подобное неотделение субстантиватов от собственно адъективных форм имеет место и в других цитируемых словарях, но продолжать такие придирчивые замечания мы не станем, удовлетворившись общей констатацией.

⁵ В принятой литературной орфографии это аппозитивное соединение противительных единиц местоименного характера писалось бы через дефис (как *то-сё, то-другое*). Графическая простановка в *то новó* единственного ударения, кажется, не воспроизводит реального интонационно-акцентного рисунка: с ударением, можно думать, произносится и местоимение *то*, но правила, согласно которым все односложные слова, а не только клитики, на письме — в акцентуированных текстах — акцентным значком не снабжаются, выбраны при очевидном недостатке лингвистического профессионализма и могут способствовать неверному озвучанию (и даже, другой раз, пониманию) фразы.

Нóвый. 1. Другой, отличающийся от этого. — *Вы друг на друга непохожи, она нóвой породы*. 2. Иной, какой-нибудь, какой-то. — *У нóвого отца по четыре дочери*. Тер.; **Нóвый... нóвый**. *Один... другой*. — *У нóвой дочери сын женился, у нóвой сын в армии*. Тер. — *Нóвы любят, а нóвы не любят стричься*. Тер.; **Нóвый раз**. Иной раз, иногда. — *Наловят рыбы нóвый раз*. Тер. — *Сахар нóвый раз забуду*. Тер. <...> (Словарь Карелии 4: 30) — *Она ведь его тоже ростила, увезет нóвый раз на полгода и растит*. Тер. Опять, снова. *А все-таки меня не будет, и нóвой раз схватится*. Белом.; **В нóвый раз**. Иногда. *Хлеб печем по четыре выпечки в нóвый раз*. Онеж. — *В нóвый раз столь снега наметет, расчищать надо*. Онеж. (там же, 5: 392).

Есть, однако, региональные словари, заметно более редкие, составители которых решаются открыто квалифицировать диалектное *новый* (*новой*) как местоимение:

Новóй, <...> местоим. Некоторый, иной, другой. — *Новá бéла, новá чёрна, но фсе рýбоньки* (о курах). — *Новóй год воронíки мнóго наростёт*. — *Новы́ дéти забывают родíтелей*. — *Новó слóво ще не поймёш*. <Ловозерский, Терский районы Мурманской области> (Меркурьев: 96);

Новóй, <...> и **Нóвай**, местоим. Иной, другой. — *Новая бы сказала, а эта промолчала*. — *Новая не стерпела бы, взяла да ушла*. ◊ **Новóй раз**. Иной раз. — *Новый раз пошел бы в гости, да не в чем*. **В нóвой раз**. Иной раз. — *В нóвай раз скакал, да боюшь осудят*. — *В нóвай раз принесу*. <Бурятская АССР; Читинская обл.> (Элиасов: 243);

1. **Новóй**, <...> местоим. определительное. Иной, другой. — *Новá женщина так косы уложит, новá — вокруг головы*. Вяз. — *Новый по-русски говорит хорошо*. — *Новы́ оденутся по-русски*. Магд. — *Новый по желанию учится, она же нет*. Бел. <...>; ◊ **Новóй раз**. Иной раз. — *А нóвой раз всякое бывает*. — *А они [козы] нóвой раз приходят на соль*. Своб. — *Новый раз фазана принесёт*. Бел. — *Новый раз надумаеш и споёшь*. Мих. — *Новый раз и сбегать некогда*. Окт. — *Ходовой зверь нóвой раз приходит через Амур*. Облuch. — *Летом нóвой раз вода подымáтся до дороги*. Лен. <...> 2. **Новóй**, нареч. Иногда. — *И нóвой быват суп не сварши, нóвой нормальнó*. Бел. <...> (Словарь Приамурья: 173);

Новóй [навóй], <...> местоим. неопр. 1. Иной, некоторый, какой-нибудь, какой-либо. См. **который** (в 1-м знач.). — *Навáя карóва усё вы́пить, и ат чу́шык, и шалуху́ фся́ку съест, а навáя — нет*. Тарб. — *Уш мужы́ки на шы́шки пашил, изю́бр разбóй дéлать начинáют. Э́та он со́сны ламáют, на кацагóрам оней дéсать хóдить. Рок пападéть у сасну́, ёсли маладáя, с кор́ним адбрóсит, а навóую тóка ацкóблит*. Тарб. // -óго, м., в знач. сущ. О человеке. — *Навóй дóлга ни жéзница, вот и хóдит на дирéуни как тыкén [нехолощенный козел], за дéуками ахóтицца*. Тарб. 2. только мн. Не все, отдельные. — *А навóи лóди и гóнут их [гостей], я тóжа никадá ни пускáла, зачём ани́ нужны́. Ну э́та ни фсé, аhá*. Тарб. // -ых, в знач. сущ. О людях. — *У пажы́точных, у кулакóф, хлéба мнóга бýла. Навы́н нá*

пал в анбáри, ф синя́х да́жы зирно́ ссыта́ли. Мухор. (Словарь семейских: 302)⁶; **Ново́й раз** [наво́й рас]. Иной раз, иногда. — *Пары́ гато́вят, так наво́й рас фта-ро́й рас фспáиуць — “дваи́ть” называ́ицца. <...>* Мухор. — *Наво́й рас ничо́, си-жу́, пряду́ ма́ла-ма́ла, наво́й рас плóха.* Тарб. — *<...> Наво́й рас праигра́иши, пра-бе́уаши — о-ой, ско́ра ма́ма прие́дит, а у ми́ня корм стаи́т... Киж. — <...> Ки́ла-ме́траф двина́цать-трина́цать и де́и, наво́й рас васимна́цать — ско́лька гор даи́,* буа́ла <...> Тарб. (там же: 392–393).

В этой же словарной статье отмечается синонимичность фразеологизмов *новой раз* и *не́который раз*:

Ма́я ба́бушка гавари́т не́катарый рас смишино́. Вот, наприме́р, мы гавари́м “фа́ртук”, а ана́ — “хва́ртук”. Тарб. (Там же: 392).

О местоименной функциональной природе приведенных прилагательных, как в свободных сочетаниях, так и синтагматически скованных, более чем отчетливо свидетельствует словообразовательная параллельность производной (двукорневой) единицы мурман. **новоя́кий**, -ая, -ое, «местоим. определенное» (!) ‘иной, другой’ (*Новоякого <чаю> не было разве?* — Меркурьев: 96; СРНГ 21: 259) севернорусской лексики с начальными *всяко-* и *друго-*: олон. *всякоякий* ‘всякий, всевозможный’ (*Люди всякояки есть.* — СРНГ 5: 224)⁷, сев.-рус. (арханг., мурман., олон., ленингр., новг.), *другоякий* ‘другой, иной’, ‘иной, отличный от всех; отдельный, особенный’ (*Ведь вот век на хорошем житье живу, а один сапог такой, а другой другоякий.* — СРНГ 8: 212; *Пришивают другоякой матери.* — Словарь Русского Севера III: 276–277; *На оле́нях другоякой хомут.* — *Ёла* <парусное или, позже, моторное судно> — *другоякого тина.* — *Жысь была́ другоя́ка.* — Меркурьев: 41⁸; *И малиновых рвала и другояких.* — Новгородский словарь 2: 105), ‘различный, неоднородный’ (*А подорожники есь другояки.* — Там же) и под., включая противоположительные конструкции вроде *то такой... то другоякой* (*То такой краси́кой краси́кой краси́ят, то́ другоя́кой.* — Архангельский словарь 12: 309). К доводам того же свойства следует отнести переключку с сочетанием *новой раз*

⁶ На наш взгляд, выделение в цитируемой статье рубрики под цифрой «2», учиненной для регистраций местоимения *новой* во множественном числе, неоправданно. В неморфологическом плане эти формы несут ту же семантику, что и приводимые под цифрой «1».

⁷ Сюда же субстантиваты («м.» <род>) *свако́йкой* и *секо́йкой* (Обратный словарь к АОС: 184); левая основа последнего слова, впрочем, может быть как преобразованием *всек-* (ср. *все́ко* «то же *всяко* в 8 знач.», Архангельский словарь 6–7: 39), так и связанной с *ска́йкой*.

⁸ В отличие от *новоякий* в этом же словаре (см. выше), вокабула *другоякий* пометой «местоим.» не снабжена.

‘иногда’ словообразовательно параллельных архангельских адвербиальных образований *и́но́вораз* — *дру́горáз* — *всáкору́з* (Обратный словарь к АОС: 143).

Кроме отношений синонимии и словообразовательного параллелизма между *нов-* в местоименном употреблении и «нормальными» местоименными единицами, на их функциональную близость может указывать и общность фразео-синтаксических схем, в которые они вовлекаются. Так, упомянутые (перечислительно-)противопоставительные конструкции типа *один... — (а) другой...*, *что-то... — (а) что-то (новой... — новой...)* характерны в говорах для относительного местоимения *который*: *Которое знаю, а которое нет* (перм.; Даль₃ II: стб. 458; СРНГ 15: 112); *... катóрую зламáим, а катóрая астáницца; ... катóрыи прясть, а катóрыи прадава́ть вази́ли; Катóры дама́ рымантирьва́ли, а катóры стрóили; Катóрых ра́нили, а катóрый пача́х-пача́х, да и у́мир; Катóрыи ф пецы́ сажэ́жна, катóрыи ф харо́мъх* (Псковский словарь 16: 21–22) и под.

На заседании Круглого стола «Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции, утраты и инновации, историко-типологические тенденции» (16 декабря 2010 г., Институт славяноведения РАН) в дискуссии по нашему докладу, послужившему основой настоящей статьи, прозвучали соображения в пользу происхождения описанного местоимения *новый* (*новой*) из смешения морфологических парадигм прилагательного *новый* и местоименного прилагательного *иной*, точнее, патологического расширения его основы, обратного по отношению к явлению гаплоглологии (*ин[о́ва / -о́во] : *инов[о́ва / -о́во] → нов[о́ва / -о́во]*).

В иллюстрирование этой идеи можно привести неопределенное местоимение сев.-рус. *и́но́вый* ‘иной, в знач. некий, кой-который’ (Даль₂ II: 45), ‘некоторый, какой-нибудь, какой-то’ (*Иновой говорит, а ты ему только смотришь в глаза, плюнешь да и пойдешь прочь*, тобол. — СРНГ 12: 203), *и́ново́й ме́стоим* (!) ‘некоторый, иной’ (*Иново́й может заплатитъ*), *и́ново́й раз* ‘когда, иногда’ (*Иново́й раз птицы прилетают рано и по лывам бродят*. — Словарь Карелии 2: 293). Из того, однако, обстоятельства, что *иновой* в словаре говоров Карелии снабжено пометой «местоим.», а *новый/новой* со значением ‘иной, какой-нибудь, какой-то’ — нет, можно предположить, что составители и редакторы лексикона не усматривают между ними необходимой связи или по крайней мере в синхроническом плане делят их между разными епархиями, относя местоименное значение у слова *новый* к семантическим девиациям в остальном вполне «обычного» прилагательного.

Мы склонны отвергнуть мнение о прилагательном *новый* (*новой*) в местоименном значении как единице, являющейся формальным преобразова-

нием местоимения *иной*, и полагаем, что обсуждаемое значение является результатом собственного семантического развития *новый*.

Не из последних аргументов в защиту этого тезиса должна быть множественность отмеченных диалектных фактов: патологические наложения парадигм неродственной лексики обыкновенно носят гораздо более локальный, и если неоднократны — то разрозненный характер. Но это довод общего, довольно внешнего порядка. Иные, более существенные (словообразовательные и синтаксические), приведены выше. Из местоименного прилагательного *новый*, кроме того, выводимы зарегистрированные в онежских говорах производные местоименные наречия — однословные синонимы сочетанию *новый (новой) раз*:

Новы́ж, нареч. Иногда. — *Устенья придет новы́ж, у нас много нагребено.* Онеж.; **Новы́жда**, нареч. Иногда. — *Пець истопит новы́жда, поприслуживает, своя невестка, так жалко.* Тер.; <**Новы́жда... новы́жда** 'иногда... иногда, один раз... другой раз'> — *Новы́жда, так вот мы говорим все, новы́жда, новы́жда работаем, новы́жда не работаем, новы́жда работа есть, новы́жда работы нет.* Тер.; **Новы́же**, нареч. Иногда. — *Я-то новы́же не слышу пастуха.* Онеж. — *А новы́же и в два часа машина приходит.* Онеж. (Словарь Карелии 4: 30).

Возникновение этих наречий никак не может быть объяснено контаминативными преобразованиями исходной основы *ин-*.

Как обстоят дела с прономинализацией прилагательного *новый* в истории русской письменности и в современном литературном языке?

Новосибирский лексиколог-регионалист и историк языка А. И. Федоров, располагавший на время написания его работы (Федоров 1967) еще скромными по объему данными, известные ему сибирские регистрации прилагательного *новой* в значении 'другой, иной' считает наследием древненовгородского лексического слоя в северновеликорусских говорах (что не противоречит наблюдаемой географии слова).

Соображение А. И. Федорова было поддержано Ф. П. Филиным (Филин 1972: 598), который воспроизвел соответствующие факты из 1-й Новгородской летописи 1224 г. и новгородской купчей XIV–XV вв., но не квалифицировал их как явления прономинализации, ограничившись осмотровой формулой «семантический диалектизм». Действительно же примеры Филина, взятые из Материалов И. И. Срезневского (Срезневский II: 460–461) и предваряемые толкованием 'иной, другой, еще один', не вполне отвечают условиям прономинализации прилагательного *новый*, которые были названы выше (утрата временного смыслового компонента с вовлечением слова в передачу семантики неопределенности или указательности). В обеих цита-

тах (*възд оу нихъ 7 тысячь новую = 'еще 7000'; се купи... перевѣсищо въ Ненокси Исаковское по новому мѣсту... и поженьку на Нижнои рѣки по новому мѣсту*) речь идет о «другом» более позднем, то есть в самом деле «новом» по отношению к имевшемуся или имеющемуся: темпоральная соотнесенность не устраняется. То же нужно сказать и о контекстах, в которых прилагательное *новыи* определяется как «другой, еще один» в Древнерусском словаре (V: 426): *и се бы(с) новое чудо стое Бѣи* (Лаврентьевская летопись по списку 1377 г.); *...аще можешии до време неваго шбложити чиновникомъ...* (Пандекты Никона Черногорца, XIV в.). Темпоральная семантика в этих употреблениях также сохраняется. Словарь XI–XVII веков особого значения «другой» у слова *новыйи* не выявляет (см. СлРЯ XI–XVII вв. 11: 413–414). К сказанному можно добавить вопрос: что специфически новгородского в совершенном несмутительном сочетании *новое мѣсто* в выдержке из купчей, приведенной Ф. П. Филиным (ср. *съ старыхъ мѣсть на новые мѣста* — СлРЯ XI–XVII вв. 11: 413)? На наш взгляд, его делает таковым только ограниченность наличного древнерусского цитатного корпуса.

Таким образом, для прояснения генеза местоименной семантики прилагательного *новыйи* историческая лексикография дает немного. Ввиду скудости собственно новгородских исторических свидетельств, скорее даже при их отсутствии, прямо говорить именно о древненовгородских истоках интересующего нас семантического диалектизма затруднительно (хотя, повторюсь, упомянутое предположение А. И. Федорова сказанным не отклоняется, помимо прочего — по лингвогеографическим причинам).

Что же до современного литературного языка, то может показаться, что в местоименном значении прилагательное *новыйи* допустимо найти и в нем. Беглый взгляд на перечень значений, дающихся, например, в авторитетном словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, выхватывает толковую формулу, как будто совпадающую с тем, о чем шла речь выше: «б. <...> || Другой, иной» (Ушаков II: 588)⁹. Однако это лишь «оттенок» значения, сформулированного как «не тот, что прежде, иной, изменившийся» (и варьирующего одно из толкований Даля: «другой, иной, не тот, что был прежде» — Даль₂ II: 549), сопровождаемый иллюстрирующей фразой *Что ни день, то новые затеи*. К суждениям о прономинализации такие случаи могут быть привлечены лишь с оговорками (применительно к диалектным данным делавшимися выше).

⁹ Как ни странно, большинством толковых словарей (рисующих семантическую структуру слова по-разному, с выделением от трёх до восьми значений) подобные словоупотребления игнорируются либо растворяются до незаметности в трудноразграничиваемых рубриках (см., скажем, Евгеньева; Шведова; Кузнецов).

Ср. различия между употреблениями *новый* в словосочетаниях / предложениях

новенькая блестящая монета ↔ *Автомат проглотил монету, пришлось опустить новую;*

Я тут придумал несколько новых упражнений ↔ *Он быстро решил это упражнение и принялся за новое;*

новая книга Елизаренковой ↔ *Я вернул прочитанные книги и взял новые.*

В отличие от левых примеров, прилагательное *новый* в примерах справа не отсылает к реальной новизне предмета, а означает «другой», противопоставленный «этому». Однако подобные употребления прилагательного еще не делают его безукоризненным местоимением, поскольку темпоральная семантика не устраняется вообще, но новизна реальная (в части иллюстраций материальная) уступает место новизне соотносительной: *новые* «монеты», «упражнения» и «книги» не обязательно характеризуются новосозданностью, с равной вероятностью монета может оказаться давно потускневшей от хождения по рукам, книги — изрядно потрепанными, а упражнения — регулярно доставляющими трудности уже не одному поколению учеников. Речь о том, что действия с «другими» (новыми) аналогичными предметами совершаются *п о з ж е*, чем с «этими». Такие факты находятся как бы на полпути от полнозначного слова к местоимению, процесс прономинализации, в отличие от разобранных выше диалектных примеров, не может считаться полностью состоявшимся. Литературному языку в «чисто» местоименном значении прилагательное *новый*, насколько мы можем судить, не известно.

Возвращаясь к дискуссии о возможном происхождении севернорусского местоимения *новый* (*новой*) из патологического смещения *новый* с местоимением *иной*, следует заметить, что семантические явления «полупрономинализации» прилагательного ‘новый’, аналогичные затронутым, известны и в других славянских языках. Не прибегая в настоящей работе к сплошному просмотру доступной славянской лексикографической продукции, заметим, что значения ‘иной, другой, отличный’, отдаляющие слово от собственно ‘новый’ в сторону семантики соотносительности, фигурируют в предлагаемых ЭССЯ (26: 9–11) перечислениях континуантов праслав. **novъ(jь)*, кроме русского, в сербскохорватском, словацком, польском, старобелорусском языках. Ясно, что по крайней мере в большинстве случаев речь идет лишь об ослаблении темпорального семантического компонента, но не об «окончательном» превращении в местоимение. То же самое, далее, нужно сказать и о лат. *novus* ‘другой, второй’ (≈ ‘еще один такой’): *novus Decius* у Горация (аналогично *новый Ломоносов* в русском, *nowyut Scewolq był nasz Nowodworski* в поль-

ском, у Фабиана Бирковского, и т. п.). Адъективное значение ‘новый’ несет в себе потенции прономинализации, хотя как неоспоримое явление она регистрирована пока только в северновеликорусских говорах. Догадки насчет контаминации с *иной* нужно оставить как уступающие нашей версии в доказуемости, хотя как будто надежные примеры — прилагательное *иновой* и производное двукорневое наречие *иновораз*, см. выше, — есть. Думается, однако, что эти формальные скрещения основ *ин(ой)* + *нов(ый)* несут вторичный характер, когда семантический дрейф прилагательного *новый* в местоименные пространства уже состоялся, а их малочисленности противостоит массовость регистраций без видимых примет формальной контаминированности, образующих к тому же хотя и обширный, но довольно выразительный ареал (онежские, терские, архангельские, вологодские, среднеуральские, томенские, тобольские, новосибирские, кемеровские, иркутские, забайкальские, амурские говоры).

Может быть, в дополнение к сказанному, термин «прономинализация» в нашем случае нуждается в уточняющей приставке «ре-», а потенции к выработке у прилагательного *новый* местоименного значения на самом деле можно рассматривать как ревитализацию начальной дейктической природы индоевропейской основы **нецо-* ‘новый’. Последняя производна от междометно-местоименного **нй-* ‘теперь, ныне’ (Pokorny I: 769; Иллич-Свитыч 1976: 97: **ниН-* ‘новый’ ← ‘теперешний’), давшего значительное количество частиц и дейктических слов во множестве индоевропейских языков, в том числе слав. **нь*, **нунѣ* (см. также: Vaillant 1950–1974 II, 381; Преображенский I: 609; ЭССЯ 26: 12, 50–51, 59–60; ESSJ 2: 508–509, 511–512; Machek: 403; Fraenkel: 488, 509; Maughofer II: 144, 175; кроме того, о «партикулах» с *-n-*: Николаева 2008: 97, 120, 274, 289).

Иначе говоря, в историческом плане значение ‘реальной (физической) новизны, не-давности, новосозданности’ у индоевропейского прототипа слав. **новъ(ь)* и его внеславянских соответствий по отношению к исходной семантике ‘не тот, иной’ (= ‘данный, этот, актуальный’) представляло собою частный момент, и этому приращенному значению в дальнейшем суждено было возобладать. Поэтому, наверно, нуждается в комментарии мысль Н. Д. Арутюновой, синхрониста по преимущественным интересам, о семантике новизны, когда она утверждает: «Не говорят: *Я купил новый батон хлеба...* В таких случаях “история” заменяется арифметикой: *Я купил еще один батон*» (Арутюнова 1999: 699). В глубокой языковой реконструкции первичной могла быть, и, как мы думаем, скорее всего была как раз «арифметика».

Сами представления о времени, в которые вплетается понятие ‘новизны’, принадлежат к непервичным приобретениям ранних культур и, по множест-

венным показаниям языка, выводятся из пространственных образов и сличительных мыслительных процедур, в языковых воплощениях оперирующих дейктическими единицами.

Литература

- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999.
- Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. Вып. 1–. М., 1980–.
- Бухарева, Федоров — *Бухарева Н. Т., Федоров А. И.* Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972.
- Вологодский словарь — Словарь вологодских говоров. <А–Г–> Вологда, 1983–. [Выпуски без нумерации и обозначения на титульном листе алфавитного диапазона.]
- Даль₂ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955 [перепечатка 2-го изд. СПб. – М., 1880–1882].
- Даль₃ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Изд. 3. Т. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.
- Древнерусский словарь — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–. М., 1988.
- Евгеньева — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1–4. 4-е изд. М., 1999.
- Иллич-Свитыч 1976 — *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь (I – ŷ). Указатели. М., 1976.
- Иркутский словарь — Иркутский областной словарь. Вып. 1–. Иркутск, 1973–.
- Кузнецов — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2004.
- Меркурьев — *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Николаева 2008 — *Николаева Т. М.* Непарадигматическая лингвистика. (История «блуждающих» частиц). М., 2008.
- Новгородский словарь — Новгородский областной словарь. Вып. 1–12, 13 (дополнительный). Новгород, 1992–1995; Великий Новгород, 2000.
- Новосибирский словарь — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- Обратный словарь к АОС — Обратный словарь архангельских говоров. М., 2006.
- Подвысоцкий — *Подвысоцкий А. О.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. М., 2009.
- Преображенский — *Преображенский А. [Г.]* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А–О; т. 2. П–С. М., 1910–1914; «Выпуск последний» (*тело – ящер*). // Труды Института русского языка. Т. I. М.; Л., 1949. [Репринтное воспроизведение целиком: [Китай], 1956].
- Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып 1–. Л. (СПб.), 1967–.
- Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
- Словарь Приамурья — Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Словарь Русского Севера — Словарь говоров Русского Севера. Т. I–. Екатеринбург, 2001–.

- Словарь семейских — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Словарь Сибири — Словарь русских говоров Сибири. Т. 1–. Новосибирск, 1999–.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Среднеобской словарь. Дополнение — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнение. Ч. I–II. Томск, 1975.
- Среднеуральский словарь, Дополнение — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. Екатеринбург, 1996.
- Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; Вып. 3–. Л. (СПб.), 1968–.
- Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Федоров 1967 — *Федоров А. И.* Диалектные слова древненовгородского происхождения в составе современных русских говоров Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР, 1967, № 6. Серия общественных наук, вып. 2. С. 106–111.
- Филин 1972 — *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
- Шведова — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
- Элиасов — *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–. М., 1974–.
- ESSJ — *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena.* 1–2. Praha, 1973–1980.
- Fraenkel — *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg; Göttingen, 1962–1965.
- Machek₂ — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
- Mayrhofer — *Mayrhofer M.* Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd. I–IV. Heidelberg, 1956–1980.
- Pokorny — *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern, 1959.
- Vaillant 1950–1974 — *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. V. I–IV. Paris; Lion, 1950–1974.

Summary

Anatoly Zhuravlev

North Russian pronoun *новый* ‘other; some’

In the article analysis of north-russian pronominal adjective *новый* (*новóй*) ‘other; some’ is suggested. We reject the idea of this adjective been born from mixing of inflectional paradigms of adjective *новый* and pronoun *иной*. Adjective *новый* (*новóй*) losing its meaning of ‘newness’ may be considered as revitalisation of initial pronominal nature of Indo-European **neuo-*.

Из наблюдений над динамикой украинских говоров междуречья Днестра и Дуная

Объектом исследования в данной статье являются особенности изменения украинских переселенческих говоров междуречья Днестра и Дуная (далее — МДД). Изучение динамики диалектов как идиомов, находящихся в постоянном развитии, осуществляется на основе сопоставления по-разному хронологически маркированных фактов или описаний синхронных срезов. Наблюдения над динамикой единиц диалектного членения позволяют прогнозировать развитие как диалектов, так и общенародного языка в целом.

Поскольку переселенческие говоры, по сравнению с первичными, труднее поддаются даже синхронному описанию, то и изучение диахронических преобразований в них связано с большими сложностями. Так, во вновь сформированных украинских говорах юго-восточного наречия в связи с гетерогенностью, афронтальностью¹ междиалектных контактов и своеобразием диалектообразующего процесса наблюдается значительная пестрота диалектного ландшафта. Отсутствуют четкие, очерченные определенными пучками изоглосс границы ареалов, представлена значительная чересполосица и мозаичность ареалов, разорванность изоглосс, сосуществование в одном говоре противопоставленных членов территориальной дифференциации (АУМ 3: 7; Жилко 1971). Это отражают материалы (АУМ 3) в виде недостаточно четкой очерченности ареалов картографированных языковых явлений, небольшого количества самих ареальных противопоставлений элементов разных уровней языковой системы (АУМ 3: 9; Матвіяс 1970).

Языковая ситуация, в которой развиваются переселенческие украинские степные говоры МДД, кроме того, характеризуется преимущественно афронтальными межъязыковыми контактами, как на диалектном, так и наддиалектном уровне. ЧДС подвергались и подвергаются влиянию русских, румынских, болгарских и др. диалектов, а также русского, румынского, украинского литературных стандартов.

Основные тенденции развития говоров в такой ситуации известны — это специфика вариативности (в говоре могут сосуществовать взаимоисключающие на территории распространения материнских говоров элементы);

---

¹ Под афронтальностью понимается такой тип языковых контактов, когда отсутствует относительно четкая граница между разными диалектами или языками, что отражает ситуацию языковой и диалектной мозаики.

противоположная вариативности унификация приводит не только к выбору наиболее стойких из варьирующихся форм, но и к выработке новых черт; гиперкоррекция, лексикализованный характер фонетических и морфологических явлений (АУМ 3: 6–9). Вместе с тем отдельные факторы способствуют консервации переселенческих говоров.

Преодоление сложностей описания, связанных с мозаичностью говоров и диалектных черт, мы видим в подходе к говору как реальной коммуникативной системе в структуре территориально-языковых образований (УМ 2007: 105; Калнынь 2009). ЧДС является основным объектом описания. Подход к говору основан на анализе диалектных текстов, так как текст дает возможность проследить реальное проявление и функционирование языковых единиц. Поэтому вопросы тематика и программы вырабатывались в результате анализа имеющихся диалектных текстов, а ответы на них, в свою очередь, проверялись текстами.

По признаку времени образования среди украинских говоров МДД можно выделить два типа: (1) говоры более ранней формации (начало XIX в. и ранее); (2) говоры самой поздней формации (начали складываться в 40–50-х годах XX в.). Даже среди говоров более ранней формации сохранились мозаичные ЧДС, которые до сих пор можно условно назвать моногенетическими (монодиалектными, гомогенными). Но большинство говоров, вероятно, относится к числу гетерогенных (смешанных, полидиалектных, полигенетических).

Здесь есть говоры с признаками моногенеза всех трех генетических типов: с юго-западной материнской диалектной основой — их больше всего (Пк., Рл.1, Рл.2, Мл., Вс., Ну. и др.), северной (Яр.) и юго-восточной (Пл.).

Если выделение моногенетических говоров двух первых типов по лингвистическим критериям не вызывает трудностей, то гомогенные говоры юго-восточной основы мы определяем, опираясь прежде всего на сведения о переселении, так как установить, где и когда произошло смешение черт архаических наречий украинского языка (до 1812 года на территории распространения продолжающего формироваться юго-восточного наречия или после — уже на территории МДД), довольно сложно. Говоры юго-восточного диалектного типа очень близки к полигенетическим. Последним в ареале свойственна мозаичность диалектных черт, представление о которой дает высказывание одного из исследователей этих говоров, демонстрирующее настроенность традиционной диалектологии на описание старожильческих диалектов: «...не совсем ясно, почему диспалатализация *ц* больше всего проявляется в селах Десантное и Трудовое и почти что совсем отсутствует в близком от них с. Шевченково, меньше проявляется в г. Килие...» (Мукан 1960: 63). Такого

плана мозаичность наблюдается и внутри родственных моногенетических микросистем. Тем не менее, именно моногенетические ЧДС в пределах МДД являются одним из самых интересных объектов наблюдений над языковой динамикой, так как в отношении их доступно сопоставление относительно достоверных данных всех трех синхронных срезов.

Первый срез — период начала формирования, вероятно, большинства переселенческих говоров в МДД — начало XIX в. (после заключения Бухарестского договора 1812 года). Именно сопоставление данных первого среза с последующими наиболее достоверно для многих моногенетических ЧДС ареала МДД. Данные для этого предоставляют современные (и более ранние) наблюдения над материнскими для таких ЧДС говорами (в том случае, если последние сохранились), а также наблюдения над другими говорами такого же происхождения, дающие возможность предположить, что некоторые черты были присущи материнским ЧДС, и соответственно — изначальноному состоянию новообразованного говора. Источниками таких сведений являются (АУМ 2), некоторые региональные описательные и лингвогеографические исследования (Герман 1995; АПБ 1; АПБ 2; Павлюк 2003 и др.) Но необходимо учитывать, что ЧДС, принятые в качестве материнских для моногенетических говоров, тоже претерпевали изменения. Возможно, в МДД факторов, способствующих консервации говоров, в некоторых случаях было даже больше.

На втором срезе (приблизительно 60–70-е годы XX в.) данные для сопоставления по некоторым ЧДС и языковым явлениям дают работы В. П. Дроздовского, А. М. Мукан, В. П. Логвин, П. Е. Гриценко (1980), АУМ 3. Вероятность достоверности наблюдений на этом срезе, в отличие от первого, существует для всех генетических типов говоров. Но она выше для гомогенных ЧДС, поскольку объектом многих описательных работ не был говор, вследствие чего черты одной ЧДС могли проецироваться на другую. Наиболее уязвимы в этом отношении гетерогенные говоры. Так, (Мукан 1960) утверждает, что суффикс сравнительной степени прилагательных и наречий *-ишч-* присущ ЧДС Шв. Но современное исследование, проведенное на основании анализа значительного объема диалектных текстов с использованием математических методов (Делюсто 2010), показало, что этот формант сегодня там не представлен. Сомнений в том, динамический ли это показатель или результат взаимного проецирования черт однотипных говоров, у нас гораздо больше, чем в случае с распространенностью в гомогенных ЧДС Рл.1 и Рл.2 в этот период элемента *май* (Дроздовский 1962а: 128; Логвин 1965), представленного теперь фрагментарно, но замещенного частицей *мей* (*мей дббре*), что отражено и в текстах, и в ответах на вопросы.

Данные для третьего среза (современное состояние говоров — 10-е годы XXI в.) содержат, прежде всего, наши наблюдения, основанные на текстах и вопросенике.

Следует сказать, что нередко данные иногда даже одного среза конфликтуют. Но зная специфику этих говоров и уже известные недостатки тех или иных методик, можно, как правило, найти объяснение таким противоречиям. Например, анализируя (АУМ 3, карта 50), можно прийти к выводу, что большинству говоров свойственны чередования $z, k > z', \zeta'$ (*по дорозі, на ялинці*), в то время как результаты описательных работ это отрицают (Дроздовський 1962а; Муқан 1960). Однако знание лексикализованного характера диалектных фонетических и морфологических явлений оберегает от ошибочного обобщения.

Проанализируем некоторые явления в разных типах украинских ЧДС региона МДД. Это главным образом моногенетические явления, отражающиеся в морфологии говоров. Анализ имеет своей целью ответить на вопросы: (1) какие черты материнских говоров остаются, а какие исчезают? (2) какие интегральные и дифференциальные для разных типов ЧДС черты вырабатываются в этих говорах? (3) что является причинами изменений говоров — междиалектные контакты (в пределах украинского языка; украинских ЧДС с говорами других языков), влияние литературных идиомов (украинского языка, других языков)? (4) какие тенденции прослеживаются в развитии анализируемых ЧДС?

Сведения о соотношении говоров с материнскими ЧДС дают разные исторические источники и описания говоров, свидетельства диалектоносителей, наши наблюдения. Так, для большинства украинских моногенетических ЧДС юго-западного типа — это севернобессарабские говоры, объединяющие черты буковинских и подольских. Согласно исследования К. Ф. Германа, западная часть этих говоров относится к переходным от буковинских к подольским, восточная — к подольским (АПБ 1, карта 322; АПБ 2, карта 200). Восточная область ареала покутско-буковинского диалекта является территорией бывшего Хотинского уезда Бессарабской губернии, откуда в начале XIX в. в связи с его густонаселенностью, с усилившейся помещицкой эксплуатацией (Зеленчук 1979: 120), происходили активные массовые переселения (нередко имеющие характер бегства) в менее заселенные в то время южные уезды этой губернии. Например, говор с. Пк., основанного, по одним данным в 30-е годы XIX в. (ИМС: 797), по другим — в 1909 г. (ВРУ), соотносится с материнским Хотинском, Кельменцами, Россошанами, а также территорией бывших Оргеевского и Бендерского уездов (к последнему с. Пк. раньше и относилось) (ИМС; Дроздовський 1961; Панчоха 2003). Говор с. Рл.1, основан-

ного во второй половине XVIII в. (ИМС: 784) или 1832 (ВРУ), 1830 (Зеленчук 1979; Батюшков 1892), соотносится с Хотинном, возможно, Вороновицей, Кырлыково (Зеленчук 1979: 120) или Карлыково (Батюшков 1892: 146). Село Мл. (1805 ВРУ), очевидно, генетически связано с одноименными населенными пунктами бывшего Хотинского уезда, и т. д. Материнскими для анализируемых говоров могли стать и такие села Хотинского уезда, как Бурдюг, Новоселица, Недобоевцы, Широцы и др., откуда происходили массовые переселения (Зеленчук 1979: 120). Важным для соотнесения с материнскими говорами считаем и то, что в результате такого переселения некоторые села Хотинского уезда были покинуты практически всеми их жителями (там же: 120). Наблюдается в МДД и вторичная производность ЧДС — Рл.2 (1902) происходит от Рл.1, украинский говор Нд. (бывшая немецкая колония Эйгенфельд), где есть и не украинские говоры, происходит преимущественно от Мл. (после 1940).

Языковые характеристики говоров и исторические данные, как правило, коррелируют, но в отдельных случаях, например, в отношении с. Вс. (ИМС), противоречат друг другу. Однако сохранившиеся черты позволяют соотнести говор с протодиалектом, и даже с протоговорами. Такие основания дает, например, зафиксированная в Вс. глагольная форма *жыйѐи* ‘живешь’ (АПБ 1, карты 14, 296). То же касается и говоров, относительно которых есть более достоверные данные о заселении. Например, форма инфинитива *йсти* ‘идти’, замеченная в Рл.1, а также возможная в Рл.2, где фиксировались отдельные случаи употребления вторичного *с* в глаголах *йстїй*, *найстїй* (Дроздовский 1961: 135) и, со слов респондентов, в Мл., сужает соотнесение их с говорами на материнской территории, среди которых и несуществующее теперь с. Молодово (Молдово) Сокирянского р-на Черновицкой обл. (ср. АПБ 2, карта 118).

Наблюдения над динамикой языковых явлений в условно моногенетических ЧДС с севернобессарабской основой, отраженных в их морфологии, позволяют выделить несколько типов фактов. Это:

(1) Черты, фиксируемые теперь как интегральные для таких ЧДС, преимущественно отмеченные на втором срезе и широко представленные в материнских говорах. Вероятно, они были свойственны материнским и переселенческим говорам в их первоначальном состоянии.

(2) Специфические черты, которые наблюдались на втором срезе, но теперь в одних говорах сохранились, в других — исчезли или почти исчезли во всех говорах. В большинстве своем они указывают на генезис ЧДС. Последнее касается и черт, не замеченных ранее, но отмеченных нами.

(3) Черты, которые не наблюдались ни теперь, ни раньше, но широко представлены в материнских говорах и поэтому некоторые из них, вероятно, присутствовали на начальном этапе формирования ЧДС. А если их не было, то это может уточнять происхождение говоров.

(4) Черты, не свойственные материнским говорам в их сегодняшнем состоянии, могут быть новыми или сохранными архаичными. Среди новых черт, сформированных под влиянием контактирующих украинских говоров других типов, а также под воздействием других языков, выделяются заимствованные и вновь выработанные. Эти черты наблюдаются как внутри группы говоров, так и во всех их типах. Отнесенность явлений к числу интегральных для разных типов говоров свидетельствует об их новообразовании.

Опуская рассмотрение ряда фактов, сконцентрируемся на тех, которые имеют наибольшую диагностическую силу — указывают на происхождение ЧДС и имеют первостепенную значимость для типологии говоров.

Ряд черт, фиксируемых теперь как интегральные для говоров с юго-западной основой и дифференциальные в ареале, преимущественно отмеченных на втором срезе (АУМ 3; Дроздовский 1961; Логвин 1965) и широко представленных в материнских ЧДС (АУМ 2; АПБ 1; АПБ 2), с высокой долей вероятности был характерен для их первоначального состояния и теперь сохранился. Среди них:

диспалатализация [ʎ] и [ç], отраженная в последовательной твердости глагольного постфикса *-ca (-c)* (*вд'їца, дивїса, не купáлис*), суффикса *-ск-* в прилагательных и наречиях (*желембѣтска, по-руски*), местоименного неопределенного постфикса *-с* (*їакийс, колїс, дес, ш'ос*), местоименных форм (*ца, цу, уса, дóси, сўди*), основ существительных (*в'ївцá, н'їмец, ланцўг, на вўлицу, овѣц*);

твердость глагольных флексий 3 л. мн. ч. *-ат, -ут* (*говóр'ат, лóвл'ат; кáжут, посилáють*);

формы Род. п. местоимения (*цѣго*); ударение в формах местоимений (*мóйя, твóйя, мóйї, твóйї* и др.);

конструкции Тв. п. типа с *нóжиками наструáли, вилївáли з водóйу*;

последовательная и в то же время лексикализованная мягкость основ при склонении некоторых существительных м. р. на *-р* (*бáзár', базáр'у, базáр'ом*); формы Тв. п. ед. ч. I склонения *a*-существительных (*М'їшом, Сáшом*);

формы местоименных наречий *в'їтки, в'їти, в'їци*;

формы Дат. п., Пр. п. ед. ч. существительных II склонения с флексией *-ови* (*женихóви, по хл'їбови*) и др.

Эти явления, относительно последовательно прослеживающиеся в МДД в

большинстве моногенетических говоров юго-западной севернобессарабской основы, но не встречаются или спорадически фиксируются в ЧДС другого происхождения (Пл.).

При этом переход $л > \ddot{y}$ (*гор'іўка, сон'іўка*), отмеченный в Рл.1, Рл.2, Мл., Пк. (Дроздовский 1961: 135), теперь во всех этих говорах стирается. Замещение же $a > e$ *ходзэйка* (Рл.1, Пк.) (там же), сохранение e в *учёра, шістьй* (Рл.2, Мл., Пк.) (там же), нивелируясь в Рл.1, Рл.2 и Мл., наблюдается более системно в Пк. Проявление регрессивной диссимиляции $mn > \ddot{y}n$ (*пóўну, пóўне*), фиксированное в Рл.2 (там же), оказалось довольно стойким в Рл.1, но совсем отсутствует в Пк. Употребление же у глаголов II спряжения в 3 л. мн. ч. форм типа *хóд'а, нóс'а, дóйа* (с утратой конечного t' , а точнее — t . — А. К.) (там же: 136) осталось регулярным только в Пк., а в Рл.1 отсутствует, хотя и отмечалось на втором срезе (Логвин 1965: 42). Материалы (АУМ 3, карта 74) подтверждают эти данные по Пк., но не соотносятся с ними по Рл.1, где преобладает все же твердый согласный t в окончании. То же самое касается и форм 3 л. ед. ч. II спряжения (АУМ 3, карта 73), в которых в Рл.1 выступает флексия $-e$, а не $-it'$ (*вáре, кóрме, дóше*). Вариант с t' в окончании (в частности $-it'$) сейчас для Рл.1 нетипичен. Твердость t в глагольных личных окончаниях *хóдит, хóд'ат, роб'іт* (Дроздовский 1961: 136) оказалась довольно стойкой во всех говорах с юго-западной основой, но больше всего — в Пк., Рл.1, Вс.

Отмеченные ранее как сохраненные лишь в речи старшего поколения (Пк.) глагольные перфектные формы *ході́лам, робі́лам* (Дроздовский 1961: 136) до сих пор известны носителям этой ЧДС. Более того, тут еще живы «аналитически-личные» (Бевзенко 1980) формы типа *ході́листе (бу́листе^е у нас / добáвка до мóви // сти, чу́листи / ба́чилисти / бу́листи // це у нас)*. ЧДС Пк. сохранила и беспредложные конструкции с Род. п. личных местоимений *йа, ми* на месте литературного Род. п. с предлогами *на* и *в* (*нóд менé нападáйе, сёрце захвát'уйе ми^енé, д'іти ж бу́ли нас*) (ср. АПБ 2, карта 78; АУМ 3, карта 81).

У существительных I склонения ж. р. в моногенетических говорах МДД с юго-западной основой наблюдается преимущество форм двойственного числа (*дв'і свáд'б'і, три д'івчин'і, читі́р'і систр'і*), свойственных материнским говорам и спорадически встречаемых в говорах МДД другой диалектной основы. Однако по данным (АУМ 3, карта 76) можно прийти к выводу, что такие формы двойственного числа (*дв'і ру́ц'і*) из анализируемых говоров были характерны только для Рл.1, но не для Пк. Учет отношения говоров МДД к соответствующим чередованиям объясняет такое расхождение и должен от-

ражаться в вопросниках для этих говоров. В этой связи еще на втором срезе отмечалось, что существительные ж. р. с основой на заднеязычный согласный *з*, *к*, *х* в двойственном числе в южнобессарабских украинских говорах «совсем не фиксируются» (Дроздовский 1962а: 138).

ЧДС Пк. и Вс. хорошо сохранили как черты протоговоров частицу *май* (АУМ 3, карта 65; ср.: АУМ 2, карты 223, 224; АПБ 2, карты 52, 61, 63, 165, 170) и числительное *йіден* (*ден*), *йідного* (*йійного*), *йідна* (*йна*), *йе́дну́* (*йну*, *йдну*), *йідної* (*йної*) и т. д. (АУМ 3, карта 66; АУМ 2, карта 225; АПБ 2, карты 66–68). ЧДС Пк. имеет частицу *най*, выступающую с формой глагола повелительного наклонения или 3 л. изъявительного: *най госпód' мілуй* (и *мілуйе*), отмеченную в родственных ЧДС МДД одними источниками (Логвин 1965), не фиксируемую другими (АУМ 3: 218) и широко представленную в материнских говорах (АУМ 2, карта 254; АПБ 2, карта 154). А говоры Рл.1, Рл.2 эти черты сохранили гораздо в меньшей степени, хотя они там наблюдались (Дроздовский 1961; Логвин 1965: 40, 42). В (АУМ 3, карта 66) на втором срезе отрицается наличие в Рл.1. форм *йіден* или *йеден*. Теперь в указанных ЧДС при доминантной *один* все же спорадически проявляется архаическая форма *ден дру́гу* ‘один одному’ (ср.: в Пк. и Вс. *йден* — вариант *йіден*), *т'іко йе́дна*.

Элемент *май*, который в украинских южнобессарабских ЧДС отмечался на втором срезе в Пк., Рл.2 (Дроздовский 1962а: 128) и Рл.1 (Логвин 1965) — результат влияния румынского языка, черта материнских северnobессарабских говоров. В пользу этого свидетельствует и то, что в придунайских говорах, которые более чем на 20 лет дольше находились под усиленным влиянием румынского языка, *май* не появилось. На генетическую основу ЧДС указывает и то, как функционирует элемент *май*, распространенный в юго-западных украинских говорах (АУМ 2; Прилипко 1983; Павлюк 2003).

В румынском языке элемент *май* (*mai*) чрезвычайно многозначен — функционирует как наречие со значениями, адекватными украинским ‘більше’, ‘більш’; ‘ще’, ‘іще’; ‘майже’, ‘вже’, ‘уже’; ‘небагато’, ‘трохи’; ‘тільки’, ‘лиш’, ‘лише’; в сочетании с прилагательным и причастием образует сравнительную степень; в сочетании с артиклями *cel*, *cea*, *cei*, *cele* образует превосходную степень (DRU). В компаративе и суперлативе *май* означает не только ‘більш’, ‘найбільш’, но и ‘мени’, ‘наймени’, также имеет значение ‘знов’, может выступать в роли союзных слов (*то...то*) и частиц (*же*). В соотносимых с этими значениями *май* проявляется и в украинских говорах МДД (Пк, Вс.), а не только как формант степени сравнения. В отличие от ряда украинских говоров, функционирование *май* как способа выражения степеней сравнения

не регулируется тут ударением, а формы *иче май* (соотносится с румынским *cel mai*) не выражают превосходной степени (Прилипка 1983).

Частица *май* здесь прибавляется к положительной степени прилагательных и наречий (*май трудо, май красиво; май дорогой, май розумна*). Реже — к синтетической форме сравнительной степени (*май меньше, май дал'ше; май старша*), где она выступает как «частица для усиления качества прилагательного» (АПБ 2, карта 61). Превосходная степень может образовываться с помощью слова *самий*, добавленного к конструкции *май* + нулевая степень (*самий май добрий, сама май стар'ин:а*), где *май* усиливает значение аналитической формы суперлатива.

Компонент грамматической системы *май* функционирует и с глаголами (*май поклала, май помне, май походила, походила, май винесла*), существительными (*май дисципли'на була*), а также с местоименными словами (*такó май суди, май инчи^е, мама май такó була*) (ср. АУМ 2; АПБ 2).

В говорах Рл.1, Рл.2, Мл. этот элемент претерпел изменения. Слово *май* функционально заместились бессарабским *мей* (*мей добре, мей красиво*), хотя до сих пор можно встретить и *май* (*йазик де заб'ижит / та може й скажу*). Этих же говоров касается и уже упомянутая динамика числительного *йидэн, йедин*: при доминантной форме *оди́н*, форма *йеди́н* все же спорадически проявляется, чаще в функции местоимения (*а то ш'о за йеди́н*). Примечательно, что последний пример приведен из речи респондента, ответившего на вопрос о наличии числительного *йеди́н* в говоре отрицательно.

Итак, как правило, черты, охарактеризованные на втором срезе как стойкие, — сохранились. Отмечалось, в частности, что твердость [с] и [ц] в ряде грамматических форм «является еще довольно стойкой чертой», по которой жители других сел узнают райков — переселенцев из Хотинщины (Дроздовский 1962а: 75). Возможно, во многом в связи со стойкостью в ЧДС Пк., Вс. сохранился без изменений и элемент *май*. Но, как видим, могут удерживаться признаки, отмеченные и как исчезающие (*ходилисте*). Ведь по поводу значительной части обсуждаемых здесь черт, увиденных предшественниками, было замечено, что они сохранены своеобразными оазисами в речи представителей старшего поколения, проявляя тенденцию к падению и лексикализации в сфере самых употребительных бытовых слов (там же). Не совсем понятно, однако, почему ранее не была зафиксирована такая системная, стойкая, ареально релевантная и явно не являющаяся вновь образованной в МДД черта всех говоров данного генетического типа, как структуры наречий *в'итки, в'иту, в'ици*.

Черты, которые сохраняются не фрагментарно, а системно, можно проследить в диалектных текстах. В Рл.1 и ряде других родственных говоров таки-

ми являются формы местоимений *цего*, реже *него* (чаще в Пк., Вс.); *мбйа*, *твбйа*, четкая твердость *са*, *ца* (у нас *цакайт*, у нас *тврдо*, *грубувато* и т. д.), формы типа *базар'*, *базар'у*, *базар'ом* и др., свойственные даже речи молодежи. Так же проявляются и формы числительного *йидён* и частица *най* (*най бог мїлуй*) в Пк.; *май* — в Пк. и Вс. В текстах видна степень активности вариантных явлений как сохранившихся, так и появившихся благодаря влиянию соседних говоров и литературного языка. Например, в Рл.1 и в Пк. респонденты употребляют и *один*, и *йидён*, и *йден*, но именно текстовая реализация демонстрирует характер их вхождения в коммуникативную систему. Кроме того, системные диалектные черты респонденты, как правило, не «переводят» в процессе общения с приезжими. Иногда сама вариантность (по крайней мере в сфере лексики и грамматики служебных слов) обусловлена попыткой объяснить диалектное явление.

Ряд диалектных черт наблюдался на втором срезе (Дроздовский 1961: 136). Но теперь эти черты полностью или частично исчезли во всех названных говорах севернобессарабского генетического типа. Например, были отмечены формы мн. ч. существительных с собирательным значением и окончанием *-ове* (*шоферове*) (в Рл.2, Рл.1, Пк.) (там же). Однако ни тексты, ни ответы на вопросы пока не подтвердили их существования ни в одном из названных говоров, а (АУМ 2, карта 191) демонстрирует фрагментарную представленность таких форм на территории протоговоров. К исчезающим явлениям в данных говорах относится и числительное *итїри* ‘четыре’ (Рл.2, Рл.1, Пк., Мл.) (Дроздовский 1961: 136; Логвин 1965: 41). Не наблюдаются теперь и служебные компоненты «для выражения сравнительной степени... (*алиж*, *алий*, *алей*)» (Логвин 1965: 40). Примечательно, что среди почти стертых диалектных черт есть и такие, которые нивелируются в МДД во всех типах говоров и к тому же являются общими с литературным языком. Так, среди украинских ЧДС МДД теперь не прослеживаются отмеченные здесь ранее, правда, редко, в ед. ч. и прежде всего в речи старшего поколения (Дроздовский 1962а: 207), присутствующие в материнских ЧДС (АПБ 2, карта 140) синтетические формы будущего времени типа *робїтиму*. А союз *алé*, отсутствующий в ряде украинских говоров МДД, что отмечено исследователями на втором срезе (Дроздовский 1962а; Муқан 1960), несмотря на наличие в литературном языке и сохранение в говорах МДД юго-западного типа, так и не появился в говорах смешанных, а также с юго-восточной и северной основами.

Нельзя обойти вниманием и черты, отдельные из которых довольно массово присутствуют в севернобессарабских говорах (очевидно, были на начальном этапе формирования данных ЧДС), но не были замечены в МДД ни

теперь, ни даже в 60-х годах XX в. Например, нет и не было на втором срезе в МДД формы инфинитива *пе^uчи* (АПБ 2, карта 116): форм с переходом *д'* в *г'* (*г'ід, лег' теплий* [АПБ 2, карта 62], *хор'у* [АПБ 2, карта 120]); препозиции *с'а* (*с'а міти* [АПБ 2, карта 155]); препозиции *му, мёте* (*му робіти* [АПБ 2, карты 140–141], *мёте слухати* [АПБ 2, карта 144]); остатков некоторых перфектных форм типа *писáўйе^uм, ходиўйес* и др. (АПБ 2, карты 131–134); «частиц для усиления качества прилагательного» *моц* и *фё^uіст* (*моц фáйний* и *фё^uіст фáйний* [АПБ 2, карта 59, карта 60]); форм числительного *дв'іск'і, дв'істо* (АПБ 2, карта 74) и др.

Перечисленные признаки дают возможность предположить, что либо их тут исконно не было (тогда можно сузить круг гипотетических протогворов), либо эти черты стерлись быстрее. Не исключено также, что некоторые из них просто отделились не комментировались, как, например, участие в образовании форм превосходной степени префикса *най-* (*найглібиий*) (АПБ 2, карта 57).

Обычно новые (не свойственные материнским ЧДС) формы легко входят в качестве вариантов в переселенческие говоры. Так, на втором срезе было отмечено, что в ЧДС Рл.1 «все прилагательные (как и соответствующие местоимения и числительные) оканчиваются на твердый согласный» (*сіний, сіна, трéтий, йіхний*) (Логвин 1965: 38), теперь же твердые формы варьируются с мягкими.

Вхождению в диалектные микросистемы новых элементов могут мешать уже функционирующие элементы. На наш взгляд, заимствованию форм 3 л. ед. ч. типа *пята́* (черты украинских говоров ММД с юго-восточной основой) в некоторые говоры с севернобессарабской диалектной основой, имеющие формы 3 л. мн. ч. типа *хóд'а*, мешает определенное противодействие элементов грамматической системы, порожденное возможной омонимией форманта при взаимодействии спряжений (*хóд'ут*).

В переселенческих говорах могут вырабатываться черты, не свойственные их материнским говорам. Многие из черт интегральны для всех разновидностей говоров на новой территории (частица *мей* — *мей іди с'уді*) или известны в говорах юго-восточного типа. Но, как видно на примере трансформации частицы *май* в Рл.1, Рл.2, Мл., возможна и выработка новых черт внутри групп говоров, сохраняющих моногенетичность, или в отдельных таких говорах.

К этой категории относится вопрос — являются ли вновь образованными или сохранившимися [но исчезнувшими на территории распространения материнских говоров (АПБ 2, карта 139; АУМ 2, карта 243)] в отдельных моногенетических говорах МДД юго-западного диалектного типа специфические

формы 2 л. ед. ч. атематических глаголов *дасѣш*, *йісѣш*? Формы (ср.: Дроздовський 1961: 136; Логвин 1965: 42) функционируют в некоторых ЧДС как почти безвариантные (Рл.1), хотя АУМ свидетельствует об употреблении форм *дасіш*, *йісіш* (АУМ 3, карта 72), что нам представляется ярким примером того, как программа ограничивает раскрытие диалектной специфики (Гриценко 2003: II). Во время наблюдений второго среза было выдвинуто предположение, что окончание *-еш* в атематических глаголах можно объяснить или сохранением более древних особенностей говора, или влиянием глаголов типа *в'із'мѣш*, *дайѣш* (Дроздовський 1961: 136). Если данные формы новообразованные, то, возможно, они возникли в результате сближения фонем /e/ и /u/, подкрепленного грамматической аналогией с I спряжением. Но говоры, в которых это фонетическое явление актуально и прослеживается в ряде морфологических форм (*товарн'акѡве* — Дат. п. ед. ч. существительного; *кричѣш* — 2 л. ед. ч. глагола, *кричѣт*, *кричѣ* — 3 л. ед. ч.) (Пк.), имеют формы *даш*, *йіш* или *дасіш*, *йісіш*. В Рл.1 же данное фонетическое явление наблюдается лишь спорадически: *сѣл'ний*.

Привлекает внимание и функционирование окончания *-ови* в формах Дат. п. и Пр. п. ед. ч. II склонения существительных, фиксированное в Рл.1, Рл.2, Мл., Пк. (Дроздовський 1961: 136; Логвин 1965). Если в Рл.1 употребление этого окончания характеризовалось как «последовательное во всех случаях» (Логвин 1965: 35), каким в целом оно и осталось, возможно, лишь немного усилив вариантность с *-ов'і*, то в Пк. окончание *-ови* варьируется с *-ов'і*, *-ове* (*жен'іхѡв'і*, *жен'іхѡви*, *жен'іхѡве*) с небольшим доминированием *-ови*. В материнских говорах представлены формы с финальным *-и* в окончаниях *-ови*, *-еви* (АУМ 2, карты 177–179), а также *-ови^е*, *-ов'і*, *-у*, с основой на [ч] и [ц] — фрагментарно и *-еви^е*, *-еві* (АПБ 2, карты 27–30). В Пк., вероятно, как и в Рл.1, немного усилился вариант *-ов'і* и появились (или сохранились) формы с *-ове*, объясняемые фонетическими особенностями (*в поійізд'і товарн'акѡви^е*, *в Березинѡве*).

В Пк. зафиксированы специфические безвариантные формы существительных I склонения м. р. в Тв. п. ед. ч. (*з Тѡл'ом*, *Ван'ом*, *Грішом*), возникшие в результате индукции со стороны II склонения. Такие формы замечены и в других говорах севернобессарабской основы (Логвин 1965: 34). Они выступают и в Дат. п. (*Тѡл'ові*, *В'ім'ові*), иногда и в Род. п. (*Ван'а*), варьируясь с формами по модели I склонения (*Ван'і*), чего не было отмечено ранее.

В междиалектном взаимодействии в развитии данных ЧДС прослеживаются две противоположные тенденции. Одна — растворение юго-западных говоров с уменьшением количества черт юго-западного наречия, сильнее про-

являющаяся в Рл.2, Мл., где многое из того, что раньше наблюдалось (второй срез), теперь не обнаруживается. Это происходит под влиянием юго-восточного диалектного типа, литературного украинского языка, а также других языков в диалектной и литературной форме. Но самым сильным оказывается воздействие юго-восточного диалектного типа — близкого к литературному языку «наддиалектного образования» (Матвѣяс 1990). Данная тенденция является ожидаемой с учетом преобладания в регионе этого диалектного типа.

Другая тенденция, состоящая в модификации юго-восточных говоров под влиянием юго-западных — также закономерна, так как юго-восточный диалектный тип уже является смесью юго-западного и северного. Довольно много юго-западных черт функционирует здесь в разных типах говоров. Например, в Пл. (юго-восточная основа) встречаются такие характерные формы юго-западных говоров, как инструментальный Тв. п. с предлогом *з* (*з н'їжѣм зар'їжут'*). Возможно больше, чем в некоторых других ареалах распространения юго-восточного наречия, в МДД мозаично представлены суффикс степеня сравнения *-иич-* (АУМ 3, карта 65), формы и структуры существительных *хат'їу*, *со́ли*, *три машин'ї* и др. Как правило, такие черты появились в МДД в результате хаотичных дозаселений беглецами от панщины и рекрутчины (Муқан 1960). Но есть основания предполагать, что некоторые из явлений выработались в ареале под влиянием близкого контакта с компактно представленными здесь в моногенетическом виде юго-западными говорами. Например, воздействие говора Мл. на ЧДС Нг. и Нд. состоит в заимствовании последними специфических структур местоименных наречий (*в'їци*, *в'їти*, *в'їтку*), форм с твердыми [с] и [ц] (Нд.).

В Мл., таким образом, наблюдаем двусторонний процесс: влияние других генетических типов со стиранием юго-западных черт и воздействие этого говора как донора юго-западных черт на соседние. А в Рл.2 наблюдается преимущественно односторонний процесс — влияние на эту ЧДС юго-восточного диалектного типа со стиранием юго-западных признаков. Констатируется постепенное вытеснение из речи райков (переселенцев из Хотинщины) ряда специфических черт, заметных для тесно контактирующих с ними жителей окружающих сел, которые (со слов жителей Рл.2), имитируя их речь, называют их *їса на нѣго* 'смотри на него'.

Немало интегральных черт для разных типов говоров вырабатывается именно под влиянием других языков, в частности, русского, который в наибольшей мере обусловил устранение чередования *з, к, х > з', ц', с'* в существительных I склонения — формы имен собственных этого словоизменительного класса без чередований присутствуют во всех генетических типах ук-

раинских говоров МДД (на *Лунг'і*, в *Райл'анк'і*). Исследователями еще на втором срезе было отмечено, что для южнобессарабских говоров «устранение второй палатализации... является стойкой и очень распространенной чертой» (Дроздовский 1962а: 147), приобретенной именно на этих землях, поскольку здешние украинцы до переселения были преимущественно представителями тех говоров, где данное чередование есть и было нормой (там же: 148).

Носители украинских говоров всех генетических типов часто используют общие с русским (и румынским) языком названия месяцев (*феврал'*, *март*, *апрел'*, *май* и т. д.); а также выражения и слова *добре утро!* (не *добрий ранок*), *здрастуй!* (не *в'ітаю* или *добриден'*), *доска поч'ота*, *присидател'*, *колхоз* и др., хотя им известны украинские литературные соответствия.

Зафиксированные и на втором срезе заимствования из румынского языка *мей*, *бре*, *тата* также относятся к «новым диалектным явлениям, так сказать южнобессарабским» (Дроздовский 1962а: 33), т. е. явлениям, которые выработались в МДД и распространены здесь в ЧДС всех генетических типов. Ср. *думаю* / *мей ш'о це такé* (Пк.), *гай бре* / *в'іриш йому* (Рл.1), *лиш йідно муч'ен'ііе й тата* (Пк.), *кому йа нужна бр'е*, *мей* / *в'ін йак ногу вламаю* (Яр.), *мей!* / *малá куча!*, *та й бре* / *іді вже* (Пл.).

Частицу-междометие *мей* (рум. *тăй* — укр. ‘гей, ей’ (DRU), а также ‘ей ти’, ‘е’) фиксируют региональные словари.

«*Мей* — 1. ‘интимное обращение к близкому лицу, употребляющееся вместо имени’; 2. ‘частица, употребляемая вместе с обращением, выраженным именем’ (*мей Ван'а / с'час зв'інок буде*)» (Дроздовский 1962б); «*Мей* — межд. форма обращения (*Мей / іді с'уді*)» (Бондар 2011). Значение похожей по употреблению на *мей* частицы-междометия *бре* (*брей*, *бр'е*) (рум. межд. *bre* — ‘ну’, ‘ей ти’) в украинских говорах МДД объясняется так: «*Брей*, *бре*, ‘междометие, заменяющее собой обращение; часто употребляется как средство интимизации речи’ (*йіхау / бре / тай пирикинуе' там; це ж каз'онний чолов'ік / брей*)» (Дроздовский 1962б; Бондар 2011).

Междометие и наречие *тата* (*gata*) (в рум. *gata* — прилаг. ‘готовий’ (DRU), нареч. и межд. ‘готово’, ‘та й годі’, ‘і край’, ‘досить’, ‘все’) на втором и третьем срезе прокомментировано так: «*Gata* — ‘кінець’» (Дроздовский 1962б); «*Gata* — межд. молд. *Все; готово; закінчено, кінець*» (Бондар 2011).

Наблюдения над говорами МДД, как и над некоторыми другими переселенческими украинскими говорами (Глуховцева 2005), опровергают установившееся мнение о том, что открытость диалекта к изменениям зависит от иерархии языковых уровней. Трансформация прослеживается на всех уров-

нях языковой системы анализируемых ЧДС. В моногенетических говорах рассматриваемого типа нет такого уровня, который не подвергся бы изменениям, как и нет того, который потерял бы связь с материнской основой.

Список сокращений названий населенных пунктов

Пк. – Петровка Тарутинского р-на
 Рл.1 – Ройлянка Саратовского р-на
 Рл.2. – Ройлянка Татарбунарского р-на
 Мл. – Молдово Саратовского р-на
 Вс. – Высочанское Тарутинского р-на
 Ну. – Новоукраинка Тарутинского р-на
 Пл. – Плахтеевка Саратовского р-на
 Яр. – Ярославка Саратовского р-на
 Нг. – Негрово Саратовского р-на
 Нд. – Надежда Саратовского р-на
 Шв. – Шевченково Килийского р-на
 Все села расположены в Одесской области.

Литература

- АПБ 1 — *Герман К. Ф.* Атлас українських говірок Північної Буковини: Фонетика, фонологія. Т. 1. Чернівці, 1995.
- АПБ 2 — *Герман К. Ф.* Атлас українських говірок Північної Буковини: Словозміна, службові слова. Т. 2. Чернівці, 1998.
- АУМ 2 — Атлас української мови. Т. 2. Київ, 1988.
- АУМ 3 — Атлас української мови. Т. 3. Київ, 2001.
- Батюшков 1892 — *Батюшков П. Н.* Бессарабия. Историческое описание. СПб, 1892.
- Бевзенко 1980 — *Бевзенко С. П.* Українська діалектологія. Київ, 1980.
- Бондар 2011 — Словник українських говорів Одещини / Гол. редактор О. І. Бондар. Одеса, 2011.
- ВРУ — Офіційний веб-сайт Верховної Ради України [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/z7502/A005?rf7571=23265>.
- Герман 1995 — *Герман К. Ф.* Українські говірки Північної Буковини в історичному та лінгвогеографічному аспекті: Фонетика, фонологія. Чернівці, 1995.
- Глуховцева 2005 — *Глуховцева К. Д.* Динаміка українських східнолобужанських говірок. Луганськ, 2005.
- Гриценко 1980 — *Гриценко П. Е.* Генезис и семантическая структура сельскохозяйственной лексики украинских западнестепных говоров. Автореф. ... канд. дисс. Киев, 1980.
- Гриценко 2003 — *Гриценко П. Ю.* Тексти як джерело дослідження українських говірок Румунії // Українські говори Румунії. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003. С. I–XVI.
- Дельсто 2010 — *Дельсто М. С.* Граматика говірки у світлі тексту. Дисс. ... канд. фил. н. Київ, 2010.
- Дроздовський 1961 — *Дроздовський В. П.* Південнобессарабські українські говірки // Праці X республіканської діалектологічної наради. Київ, 1961. С. 132–155.
- Дроздовський 1962а — *Дроздовський В. П.* Українські говірки Бессарабського Примор'я (на матеріалі обстеження Саратовського, Татарбунарського та Білгород-Дністровського районів Одеської області). Дисс. ... канд. фил. н. Одеса, 1962.

- Дроздовський 19626 — *Дроздовський В. П.* Українські говірки Бессарабського Примор'я (на матеріалі обстеження Саратовського, Татарбунарського та Білгород-Дністровського районів Одеської області). Дисс. ... канд. фил. н. Частина II (додатки). Одеса, 1962.
- Жилко 1971 — *Жилко Ф. Т.* Про лінгвогеографічне дослідження новостворених говорів української мови // Праці XII республіканської діалектологічної наради. Київ, 1971. С. 3–13.
- Зеленчук 1979 — *Зеленчук В. С.* Население Бессарабии и Приднестровья в XIX в.: этнические и социально-демографические процессы. Кишинев, 1979.
- ІМС — Історія міст і сіл Української РСР. Одеська область / Ред. кол. Гладка Л. В., Ануфрієв Л. О., Бачинський А. Д. та ін. Київ, 1969.
- Калнынь 2009 — *Калнынь Л. Э.* Проблемы описательной диалектологии в контексте современного изучения диалектов // Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старобрядчества: Тезисы докладов Международной конференции. М., 2009. С. 92–94.
- Ловгин 1965 — *Ловгин В. П.* Морфологічна система говірок нижньої правобережної Наддністрянщини // Територіальні діалекти і власні назви. Київ, 1965. С. 33–43.
- Матвіяс 1970 — *Матвіяс І. Г.* Картографування причорноморських українських говорів // Праці XIII республіканської діалектологічної наради. Київ, 1970. С. 134–141.
- Матвіяс 1990 — *Матвіяс І. Г.* Українська мова і її говори. Київ, 1990.
- Мукан 1960 — *Мукан А. М.* Українські наддунайські говірки. Фонетико-граматичні особливості. Дисс. ... канд. фил. н. Глухів, 1960.
- Павлюк 2003 — *Павлюк М.* Українські говори Румунії. Діалектні тексти. Едмонтон; Львів; Нью-Йорк; Торонто, 2003.
- Панчоха 2003 — *Панчоха А. С.* Прошлое и настоящее нашего края. Край родной, Петровка моя. Тарутино, 2003.
- Прилипка 1983 — *Прилипка Н. П.* Форми словозміни і ступені порівняння прикметників // Фонетична, морфологічна і лексична система українських говорів. Київ, 1983. С. 61–101.
- УМ 2007 — Українська мова. Енциклопедія [3-є вид.]. Київ, 2007.
- DRU — *Dictionar român-ucraïnean. Editura Alexandru cel bun Cernăuți – Ucraina, 1963.*

Summary

A. Kolesnikov

From the observations on dynamics of the Ukrainian dialects spread in the area between the Danube and the Dniester rivers

The article deals with the investigation of the dynamics of some morphological phenomena of different types of the Ukrainian dialects of new formation spread in the area between the Danube and the Dniester rivers. The author characterized homogeneous dialects of South-West origin and tried to classify transformational processes in them.

Гибридные формы в польских диалектах как следствие их контактов с другими языками

Под гибридным образованием (или языковым гибридом) понимается сочетание (контаминация) в одной языковой форме генетически разных компонентов (составных частей). Такие формы обычно возникают в условиях многоязычия (минимально — билингвизма) как в историческом, так и в синхронном плане.

Например, вследствие функционирования в говорах северо-восточного ареала периферийного польского диалекта флексии дат. п. ед. ч. ж. р. *-aj* (литуанизм) образуются формы со славянским (польским) корнем и литовской по происхождению флексией (типа *krovaj* — литер. *krowie*, *z'efcynkaj* — литер. *dziewczynce*).

Вообще говоря, гибридность (или смешанный характер) имманентно присуща всему северо-восточному ареалу польских периферийных говоров, так как изначально (при формировании этого компактного массива) представлено наложение польской системы на родную систему автохтонов литовского или белорусского происхождения, что дало такой конгломерат языковых особенностей, который известен под названием *польские говоры Великого княжества Литовского*. При этом белорусизмами и отчасти литовскими особенностями (вторыми в меньшей степени) была насыщена уже и та региональная разновидность литературного польского языка, которая распространялась активно со второй половины XIX в. среди местного крестьянского балтийского или восточнославянского (белорусского) населения. Поскольку изначально эти польские говоры были насыщены иноязычными элементами, фиксируемыми на разных уровнях языковой системы, постольку мы можем говорить о смешанном (или гибридном) характере этих диалектных подсистем. Например, в области фонетики это сочетание *восточнославянских* и *западнославянских* явлений. К *восточнославянским* относятся редукция безударных гласных неверхнего подъема, ряд палатализованных *s', z', c', ʒ'* (а не среднеязычные *ś, ź, ć, ź*), зубной веляризованный *l* (а не билабиальный *ɸ*), звонкий *ɣ* (белорусизм); восходящее (по всей видимости) к *литовскому* (а возможно и к белорусскому яканию) широкое (*a*-образное) произношение гласного, соответствующего общепольскому *e* безударному (*nożam* — литер. *pożem*, *ida* — литер. *iđę*, *w ta strona* — литер. *w tę stronę* и т. п.). *Западнославянские* черты проявляются в отсутствии нестяженных форм, в неполногласии в континуантах **tort, *tolt, *tert, *telt* и др.

Кроме такой генетической гибридности в широком смысле слова, присущей определенной диалектной системе изначально (проистекающей из гетерогенности образования диасистемы), существует более узкая группа *гибридных образований*, возникающих *вторично* в процессе функционирования какого-либо диалекта в иноязычном окружении, при последующих (а не изначальных) его контактах с иносистемами. Именно такие гибридные образования на примере контакта польского сибирского островного (генетически малопольско-силезского) диалекта с русским идиомом (в его литературной и диалектной формах) являются предметом анализа в данной статье. Это будут гибридные формы, возникающие при усвоении (адаптации) родным говором русизмов.

Русизмы могут употребляться в польской речи полоязычных жителей сибирской деревни Вершина (Боханского района, Иркутской области)¹ как цитаты, без какой-либо адаптации к родной системе диалектоносителей. Например, русизмы с *r'*, отсутствующим в фонологической системе польского диалекта: зооним *Zor'ka*, название болезни *kor'* (ср. *ktos' chorował na kor'*). Русизмы же, в которых *r'* заменяется твердым соответствием, относятся уже к гибридным образованиям на фонетическом уровне. Ср: *taburetká, buratý, rab'ina, syrén'*², при этом в последней лексеме представлено два однотипных (фонетических) примера гибридности: твердость не только *r*, но и *s*.

Приведем еще несколько неадаптированных заимствований-цитат из русского языка, отмеченных в польской речи вершинян: *čaj, uxáźywał'i, bábušk'i, tápočk'i, čistót'él, gard'eróp, purgá*.

Однако в большинстве случаев мы имеем дело с той или иной степенью адаптации русизма. Эта адаптация может проявляться на разных языковых уровнях: фонетическом, лексико-фонетическом, морфонологическом, морфологическом, словообразовательном, синтаксическом. Редко в русизме представлена гибридность какого-то одного типа (исключительно фонетического, морфонологического и т. д.). Чаще всего в одной языковой форме представлено сочетание нескольких видов (типов) гибридности (фонетическая и морфонологическая, лексико-фонетическая и словообразовательная и т. д.) В одной и той же языковой форме может быть несколько однотипных (одновидовых) проявлений адаптации (например, нескольких фонетических явлений адаптационного характера, как в вышеприведенном заимствовании *syrén'*, и других).

¹ Об особенностях этого островного диалекта см., в частности, в (Ananiewa 2012; Ananiewa 2013).

² Ударение проставляется только в случаях нарушения его обычного парокситонического характера, а также при сопоставлении заимствованного русизма с парокситонезой с его источником с иным местом ударения.

Встречаются такие примеры адаптации русизма (фонетического, лексико-фонетического или одновременно обоих типов), когда только семантика языковой формы указывает на иноязычный характер. Звуковой же облик лексемы является вполне польским и даже в некоторых случаях омофоничен некоторым словам польского литературного языка. Например, форма 2 л. мн. ч. императива *přewoćće* ‘переводите’ (соответствует литер. польск. *przetłumaczenie*) ~ ср. литер. польск. *przewoźdźcie* ‘руководите, действуйте’, претеритальная форма мн. ч. *v'unzal'i* ‘вязали (шерстяные изделия и т. п.)’ (соответствует литер. польск. *robili na drutach, szydełkowali*) ~ ср. литер. польск. *wiązali* ‘вязали, связывали что-либо с чем-либо’.

Перейдем к конкретным примерам разного типа адаптации русизмов, зафиксированных в польской речи диалектоносителей дер. Вершина.

*Фонетическая адаптация русизма
(или гибридные образования на фонетическом уровне)*

(1) Замена русских палатализованных согласных польскими среднеязычными палатальными.

а) *pośl'a* ‘после’ — субституция русского палатализованного *s'* польским среднеязычным *ś*;

б) *n'eżel'i* ‘недели’ — употребление вместо русского палатализованного *d'* польского среднеязычного *ź*;

в) *źeml'ank'i* ‘землянки’ — субституция русского палатализованного *z'* польским среднеязычным *ź*.

(2) Субституция русского *e* польским *u* перед носовым согласным в соответствии с фонетическими закономерностями польской диалектной системы [подробнее о фонетических особенностях говора д. Вершина см. в (Ananiewa 2012)]. Например: *ocynk'i* ‘оценки’. Возможно сочетание субституции русских палатализованных согласных польскими среднеязычными палатальными и замены русского *e* гласными *i/u* вследствие частотности последнего гласного в польском говоре д. Вершина [из *ē, как результата стяжения *e*, перед носовыми согласными, в качестве вокалической части континуанта *ǣ: *jinzyk* и под. — подробнее см. в (Ananiewa 2012)]. Пример: *ścibel'* ‘стебель’.

(3) Замена русских нестяженных форм польскими стяженными:

а) в существительных среднего рода на *ьje: *strojen'e* ‘строение’, *s'v'ida-n'e* ‘свидание’, *położen'e* ‘положение’;

б) в прилагательных и субстантивах: *na l'ube śv'inta* ‘на любые праздники’, *razne sum* ‘разные есть’ (*sum* = литер. польск. *sa*), *rusk'e tkal'i* ‘русские ткали’, *k'irzove* ‘кирзовые’, *saxát* ‘сохатый’, *fs'ak'i* ‘всякий’.

(4) Польская парокситоне́за — одно из наиболее частотных проявлений фонетической адаптации русизмов в говоре вершинян: *soxrán'im* ‘сохрани́м’, *strojíl'i* ‘стро́или’; *trúsy šyl'i* ‘трусы́ шили’, *úzda* ‘узда́’, *ródn'a* ‘родня́’, *buk-vám'i* ‘бу́квами’, *šaman'il'i* ‘шамани́ли’. Обычно парокситоне́за сочетается с другими фонетическими адаптациями:

а) парокситоне́за + субституция русских палатализованных польскими среднеязычными палатальными:

s't' → śc: *vyrašćil'i* ‘вырасти́ли’;

z' → ź: *buźina* ‘бузина’;

d' → ź: *m'eźv'izica* ‘медве́дица’; *m'eźv'iz'* ‘медведь’;

s' → ś: *póšev* ‘посев’, *Ośipóvna* ‘Осиповна’;

б) парокситоне́за + замена русского *r* твердым *r* или *ź/š*: *búrat* ‘бурят’, *pšyźygać* ‘прижигать’, *n'e upotšeb'ic* ‘не употребить’;

в) парокситоне́за + субституция русского *d'* польским палатальным *ź* + стяжение: *tel'ev'izěn'e* ‘телевидение’;

г) парокситоне́за + стяжение: *xromóve* ‘хромо́вые’;

д) парокситоне́за + «уканье»: *vusp'ityvála* ‘воспитывала’, *suxrán'im* ‘сохрани́м’;

е) парокситоне́за + стяжение: *ostál'ne* ‘остальные’;

ж) парокситоне́за + «уканье» + стяжение: *dwujoródna* ‘двоюродная’ // *dwurodny* ‘двоюродный’ (*u* после *v*, возможно, не без воздействия форм *dwu*, *dwux*).

(5) Утрата (выпадение) согласного (особенно часто *l* и даже слогов *to*, *tu*) как отражение диалектной особенности польской первичной системы (ср. диалектн. *sup* — литер. *slup* ‘столб’, *mićil'i* — литер. польск. *młóćili* ‘молотили’, *dug'i* — литер. польск. *długi* ‘длинный, долгий’). Примеры: *gúxar* ‘глухарь’ (в сочетании еще с двумя фонетическими адаптациями: парокситонезой и заменой *r* твердым мягкого русского *r'*), *xod'él'n'ik* ‘холодильник’, *fkochože* ‘в колхозе’, *kanók* ‘колонок’.

Лексико-фонетическая адаптация

(1) В связи с тенденцией к повышенной «звонкости» польского говора д. Вершина (звонкий тип сандхи, включая глагольные формы типа *jezdem*, лексемы типа *żeńźul* «dzięcioł», *glizda*) появляются звонкие согласные в русизмах, в которых в языке-доноре представлены глухие соответствия: *źuźl'ik* ‘суслик’ (в данной лексеме представлена также дважды лексико-фонетическая субституция твердого согласного палатальным среднеязычным *ź*), *čer-niga* (наряду с *čerńica*) ‘черника’.

(2) Вероятно, под влиянием слов *majster* и родственных ему (*majstrować* и под.) фиксируется *j* в русизме *stamajska* ‘стамеска’;

(3) Как окказиональное образование отмечена лексема *nal'eśn'ik'i* ‘наличники’ (ср. польск. литер. *naleśniki* «блины»), в которой, кроме отсутствующего в русском исходном слове сегмента *eś* (русск. *ич*), представлена также парокситонеза.

Морфонологическая адаптация

(1) Чередование *k* : *c* в существительных женского рода на *-a* с *k*-финалью зафиксировано в аппелятиве *izbuška* (в польском говоре употребляется в значении ‘летний домик’) и топониме *T'ixanofka*: *v izbušce*, *f T'ixanofce*.

(2) По аналогии с польскими диалектными формами типа *sazemy* ‘мы садим, сажаем’ (подробнее о морфонологии глагола в польском говоре д. Вершина см. (Ананьева 2011; Ананьева 2013)) возникло образование *navrezemy* ‘мы навредим’ с аналогичным чередованием и флексией, т.е. здесь мы имеем дело с сочетанием в одной словоформе морфонологической и морфологической адаптации.

Морфологическая адаптация

(1) Субституция польскими диалектными субстантивными флексиями окончаний русской словоформы:

а) флексия родит. мн. *-uf*: *bábuškuř* ‘бабушек’, *beř škuruf* ‘без шкур’;

б) флексия предл. п. ед. ч. существительных мужского и среднего рода *-u* у существительных мягкой разновидности и с задненебным исходом основы: *v april'u* ‘в апреле’ (сочетается с фонетической адаптацией в виде твердости *r*), *f položen'u* ‘в положении’ (о беременной) (сочетается с фонетической адаптацией — стяжением), *v Irkucku* ‘в Иркутске’. Эта же флексия отмечается в заимствованиях с *r'*-финалью (т.е. с сохранением мягкости, представленной в русском источнике): *v d'ekabr'ú* ‘в декабре’;

в) флексия творит. ед. *-um* существительных женского рода на *-a* (морфологическое следствие фонетической диалектной закономерности — соответствующей континуации *ǫ: *za Ćitum* ‘за Читой’, *za Angarum* ‘за Ангарой’;

г) флексия творит. ед. существительных мужского и среднего рода *-em*: *skótn'ik'em* ‘скотником’, *za Ćeremxovem* ‘за Черемховом’;

(2) Субституция польскими диалектными флексиями глагольных флексий:

а) флексия 3 л. ед. ч. презенса *um*-спряжения (аналога *am*-спряжения литературного польского языка) *-o*: *prygo* ‘прыгает’, *źergo* ‘дергает’ (смешанная фонетико-морфологическая адаптация *d' → ź*);

б) флексия 3 л. мн. ч. презенса *im*-спряжения *-im* (реже *-on// -un*): *ujężdżają* ‘уезжают’;

в) флексия 1 л. мн. ч. презенса *im*-спряжения *-imy*: *rugamy się* ‘мы ругаемся’, *my się nie rugamy* ‘мы не ругаемся’;

г) флексия 1 л. ед. ч. презенса *im*-спряжения: *to go se xran'um* ‘это я храню себе’;

(3) Субституция польскими диалектными флексиями окончаний прилагательных, заимствованных из русского языка: флексия род. ед. мужского и среднего рода *-ego*: *l'ubego* ‘любого’.

Приведем еще несколько примеров адаптаций смешанного типа, когда морфологическая адаптация сочетается с фонетической:

а) форма *n'an'cuły nas* ‘нянчили нас’ — сочетание морфологической адаптации (флексия 3 л. мн. ч. *-ły*) и двух видов фонетической: мазурения (*с* на месте *ć*) и парокситонезы;

б) форма *m'эхuf* ‘мехов’, где морфологический полонизм *-uf* сочетается с парокситонезой;

в) форма 1 л. ед. ч. наст./буд. времени *nasnim* ‘начну’, в которой морфологическая адаптация флексии презенса *-im* сопровождается фонетической (мазурение);

г) форма 3 л. ед. ч. презенса *pşyvol'o* ‘приваливает’, в которой морфологическая адаптация [наличие флексии 3 л. ед. ч. *im*-спряжения *-o* — о ее возникновении как морфологическом следствии фонетического процесса *ā > o см. подробнее в (Ananiewa 2012)] сочетается с фонетическими — заменой корневого *a* на *o* вследствие частотной в польском говоре фиксации *o* на месте *a* того или иного происхождения и субституцией русского *r* польским *ř*).

Словообразовательная адаптация

Суффикс *-uřk-* в *zdobuřka* ‘сдоба’. Впрочем, этот суффикс входит в инвентарь словообразовательных средств как русского, так и польского идиомов, различия касаются сочетаемости этого средства с определенными лексическими основами — ср. польск. *jabluřzko* ~ русск. *яблочко*, русск. *хлебушек* ~ польск. *chlebek, chlebunia*.

Примеры смешанной (фонетико-словообразовательной) адаптации:

а) *potřin'uvál'i* ‘подсигивали’ — словообразовательная адаптация (употребление суффикса итеративности *-uva* < *ova* вследствие обычной субституции *u* < *o*) сочетается с двумя фонетическими (парокситонезой и среднеязычным палатальным *ř* на месте русского *s*’).

б) *predurek* ‘придурок’ – словообразовательная адаптация (употребление суффикса *-ek*) сочетается с фонетической (твердость *r*, обусловившая также субституцию следующего за ним гласного).

Синтаксическая адаптация

Выражение *po twardych cynam* ‘по твердым ценам’ является уникальным примером несогласования форм существительного и относящегося к нему определения. Существительное употреблено в дат. пад. мн. ч. в соответствии с правилами русского языка, из которого заимствовано данное словосочетание, а прилагательное — в предл. пад. мн. ч., соответствующем синтаксическому правилу польской системы, согласно которому после предлога *po* должны следовать формы предл. пад. В первом слоге формы *cynam* представлена также фонетическая адаптация: *yn* вместо *en* вследствие соответствующей фонетической закономерности польской диалектной системы.

В статье рассмотрен ряд адаптационных явлений в заимствованных русизмах в польском говоре. Адаптация реализуется на разных языковых уровнях — фонетика, морфология, морфонология и др. Явления могут иметь узуральный/общедиалектный характер, могут быть свойственны лишь части носителей диалекта или иметь окказиональный характер, т. е. фиксируются в отдельных идиолектах.

Анализ этих данных привел нас к выводу о том, что изучение воздействия разноуровневых особенностей польского диалекта-реципиента на приобретаемую им из русского языка-донора языковую форму представляет собой особую и важную исследовательскую проблему. Создание типологии таких русско-польских гибридов (или видов адаптации русизмов), безусловно, внесет вклад как в практическую контактологию, так и в общую теорию языковых контактов.

Литература

- Ананьева 2011 — *Ананьева Н. Е.* Фрагмент диалектной морфонологии польского говора дер. Вершина под Иркутском // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения выдающегося отечественного слависта д.ф.н. проф. С. Б. Бернштейна. 15–17 марта 2011 г. Москва. М., 2011. С. 47–48.
- Ананьева 2013 — *Ананьева Н. Е.* Морфология глагола в польском говоре деревни Вершина Боханского района Иркутской области // Исследования по славянской диалектологии 16. Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления. М., 2013. С. 203–210.

Ананьева 2013 — *Ананьева Н.Е.* Типология польских говоров Сибири и результаты их контактов с русским идиомом // *Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации.* М., 2013. С. 467–478.

Apaniewa 2012 — *Apaniewa Natalia.* Niektóre właściwości polskiej gwary na Syberii // *Rozprawy Komisji Językowej. Łódzkie Towarzystwo Naukowe.* T. 58. S. 5–13.

Summary

Natalya E. Ananyeva

The hybrid forms in the Polish dialects as the result of their contacts with other languages

The hybrid Polish-Russian forms used by the people of the village of Vershina in Siberia in their native Polish dialect are analyzed in this article. The author of this paper describes the different types of adaptation (phonetic, morphonological, morphological etc.) which are representative for borrowings which function in the Polish dialect.

О перспективах изучения русских говоров территорий позднего заселения

В данной работе предпринимается попытка систематизации опыта работы автора по сбору и анализу диалектного материала на территории Среднего Поволжья в ходе диалектологических экспедиций в Татарстан, Республику Марий Эл, Республику Мордовия, Чувашскую Республику, Ульяновскую область.

Территория Среднего Поволжья и Волго-Камья заселялась русским этносом тремя основными потоками: с верховьев Волги, из Владимирской, Костромской, Ярославской, Нижегородской и соседних губерний; с верховьев Камы, Волги, из Вятской, Вологодской, Пермской, Новгородской губерний; из центра России — Московской, Тверской, а также Курской, Орловской, Рязанской и соседних губерний. В незначительной степени отмечен украинский элемент.

Русское население, переселившись в Среднее Поволжье, в основной своей массе разместилось в долинах рек Свияги, Волги, Суры, Камы, Казанки, Шешмы, Вятки, Белой следующим образом: 1) Переселенцы — носители владимирско-поволжских говоров занимают центральную часть Волго-Камья, в основном территорию Татарию; 2) Переселенцы — носители вологодско-вятских говоров занимают территорию Кировской области, Удмуртии, Пермской области, северной части Башкирии, северо-восточной части Марий Эл; более поздние переселенцы — носители южнорусских акающих говоров вклиниваются отдельными островками на территорию Волжско-Свияжского междуречья, Присурья, центральной части Башкирии, ряда районов Ульяновской, Куйбышевской, Челябинской областей (см. Субаева 1961).

Эти территории в диалектологическом отношении изучены в разной степени, хотя имеется значительное число разнообразных работ по русским говорам этого региона. На наш взгляд, в настоящее время можно выделить несколько основных направлений изучения русских диалектов на этой территории:

- 1) лексикографическое;
- 2) лингвогеографическое;
- 3) запись диалектных текстов;
- 4) включение сведений по народной истории и краеведению;
- 5) изучение этноязыкового взаимодействия.

(1) Одним из наиболее важных аспектов изучения любого диалекта является его лексикографическое описание.

Говоры территории Среднего Поволжья имеют различную степень лексикографической репрезентации. К настоящему времени наиболее полно изучены русские говоры Мордовии, частично Республики Марий Эл и Чувашии и Татарстана. На территории Татарстана имеют лексикографическую репрезентацию только говоры Волжско-Свияжского междуречья (Моисеенко 2002), которые представляют старейшую группу говоров на территории Казанского Поволжья. Материалами для словаря послужили данные, собранные в селе Соболевское Зеленодольского района, значительная часть населения которого — старообрядцы. Кроме того, материал для данного словаря собирался также в д. Карамышиха, с. Бишбатман, с. Бритвино, с. Тихий Плётс, с. Каинки, с. Тат. Бурнашево, с. Утяково, д. Чулпаниха (ныне Зеленодольского и Верхнеуслонского районов Республики Татарстан). В данном источнике представлены лексические единицы, незначительно дополняющие сведения, представленные в СРНГ: **са́нки** ‘челюсти (человека или животного)’. Южн.-Сиб., 1847. Омск. *Санки — челюсть, у нас говорят санки, но никто не говорит челюсть, санки и все.* Новосиб. Усть-Канск. Горно-Алт. Алт. *Ты че сану-то отвесил?* Том. *Поломаю санки — вот узнаешь.* Кемер. Вост.-Казах., Иркут. *Санками повернуть не могу, зубы допекли.* Забайкалье. Бурят. АССР. *Завяжи конями санки, чтоб они не отнюдь не ржали.* Верхнелен. Урал, Свердл. Перм. *Кость вся внизу и вверху с зубами — все санки.* Дон. Брян., Смол., Латв. ССР. *Ему осколком все зубы выбило и санки поломало.* Лит. ССР. Эст. ССР, Пск., Твер., Новг., Петерб. (СРНГ 36: 120). Ср.: **санки́** ‘челюсти’: *У нас у одной санки своротили* (Моисеенко 2002: 121).

Материалы данного словаря отражают тюркское влияние на эти говоры: **сакма́** ‘тропа, след, проложенный в лесу, на лугу (и по снегу)’ — *Сакма, тропа кака-нибудь. Итти надо прямой. Он сакму делат. В лесу сакму промяли, пробили. Надо ходить сакмой. Пошел сакмой, замаялся, давно не ходили тут. В лугах пройдут человек пять, сакма будет* (Моисеенко 2002: 121). Ср. также: **Сакма́** ‘след на росистой траве’ Порец. (Кудеиха) (ПЛГО). **Са́кма** ‘дорожная колея, след от саней на снегу, или от проволооченного груза на земле, траве’ Шадр. Перм., 1895. Хабар., Сиб., Камч., 1842. Сиб. Вост., Вят. Яренг. Волог. ‘След проехавшего воза, обозначенный упавшей с него травой’ Чистоп. Казан., Слов. карт. ИРЯЗ. ‘Тропинка, тропа’ Усол. Перм., 1852. Челябин., Сиб. Соликам. Перм., 1853. Дон., Р. Урал. ‘След, проложенный в степи, траве, тропинка’ Слов. Акад. 1961 [обл.]. ‘Заросшая тропинка’ Свердл., 1965. ‘Тропа, протоптанная животными’ Верхот. Перм., 1899. Краснояр. Тунк. Бурят. АССР,

1968. Хабар. Свердл. 'Проторенные скотопрогонные пути' Зап. Сиб., Мурзав, 1959. 'След человека или животного' Р. Урал, 1976. Екатеринбург. Перм., 1887. Новосибир. Симб., Вят., 1848. Перм., Курган., Енис., Дон., Лукоян. Нижегород., 1853. 'След животного на траве': *По сакме узнавали казаки, во сколько лошадей прошли татары, куда, и даже когда.* Дон., Опыт, 1852. Свердл. Перм. (СРНГ: 36, 50). Соотносится с тюрк. *sakta*, при казах. *сокла* (из *сокла*) (Радлов IV: 526). Ср. чуваш. *сукмак* 'тропинка', 'след', 'узкая пешеходная дорожка', при татар. *сукмак*, туркм. *сокла*, башк. *һукмак* 'тропа, тропинка' (Егоров ЭСЧЯ: 193), при мар. *сокмак* 'тропинка' из тюрк. (Федотов ЭСЧЯ 2: 56). См. также (Ахметьянов 1989: 38).

Еще один законченный проект — «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия» представляет собой фундаментальный свод лексики, собранной и записанной, начиная с 1962 года по первое десятилетие XXI века, преподавателями, аспирантами и студентами кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Было обследовано 362 населенных пункта на территории Республики Мордовия (Мордовской АССР). В словаре зафиксировано свыше 23200 слов. В словаре представлены диалектная лексика и фразеология всех русских говоров этого региона, отражены результаты влияния мордовских языков на лексическом уровне.

Однако для регионов Среднего Поволжья не имеется лексикографической репрезентации русских говоров, что делает особенно актуальным полевые исследования и сбор диалектной лексики.

(2) Лингвогеографические исследования.

Ранее часть региона уже была обследована для «Атласа русских народных говоров Волго-Камья»¹.

Экспедициями Казанского университета были обследованы следующие населенные пункты Марийской АССР: Новоторьяльский район (Масканур, Еламбаево, Новый Торьял), Ронгинский район (Красная Поляна, Верхний Ушнур, Ронга), Пектубаевский район (Пектубаево, Шура, Казам), Хлебников-

¹Диалектологический атлас русского языка был запланирован в составе 11 томов. Атлас Волго-Камья является VII томом. Был издан только «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957), хотя были составлены: «Атлас русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы», «Атлас русских народных говоров юго-западных областей РСФСР», «Атлас русских народных говоров центральных областей к северу от Москвы», «Атлас русских народных говоров юго-восточных областей РСФСР».

ский район (Мамсетер, Хлебниково, М. Пиштанка), Мари-Турекский район (Сенда, Елка, Юмочка, Манылово), Моркинский район Старое Мазиково, Н. Ключи), Косолаповский район (Письменер, Ишымово, Ошеть), Парангинский район (Онучино, Илеть), Казанский район (Ерши, Марьино, Акулово) Сернурский район (Лоскутово, Большие Ключи, Староверово), Куженерский район (Русские Шои, Новый Юледур, Лонганер) Оршанский район (Кучка, Шулька), Семеновский район (Азаново, Княжня), Волжский район (Помары, Луговая). Всего на территории восточной части Марийской АССР обследовано 39 населенных пунктов. Авторы утверждают, что «говоры на этой территории значительно отличаются от говоров соседних районов Татарской АССР. В восточной части МАССР имеют распространение изоглоссы, характеризующие так называемые вятские говоры. К ним относятся ассимилятивное смягчение заднебных, рефлекс [и] на месте ъ и некоторые другие» (Бахмутова 1955: 40).

Кроме того, смежные регионы были обследованы для «Атласа русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья», включившем в себя территории Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской, Волгоградской областей — 605 населенных пунктов (Баранникова АРГСНП).

В этой работе представлено 39 карт, хотя составлено было значительно больше и полный свод атласа насчитывает 180 карт. Карты атласа распределяются следующим образом: 12 фонетических карт (сделано 42), 2 грамматических карты (сделано 58). Значительное место в работе занимают лексические карты — 14 единиц: № 23 Место под домом, хозяйственными постройками, садом, огородом; № 24 Название крестьянского дома; № 25 Название чердака; № 26 Название посуды, в которой растворяют тесто; № 27 Употребление слов *кови* (*ковшик*), *корец*; № 28 Чем вынимают горшки из русской печи; № 29 Соотношение слов *сковородник* и *чпельник* (*цпельник*); № 30 Название быка-производителя; № 31 Название петуха; № 32 Соотношение названий овцы с корнями *ягн-*, *кот-*; № 33 Корова *мычит*, *ревет* и т. п.; № 34 Собака *лает*, *брешет*; № 35 Диалектные названия льдин; № 36 Название вечернего собрания молодежи в помещении. Имеются также три семантические карты: № 37 Диалектные слова со значением ‘говорить’, ‘разговаривать’; № 38 Диалектные слова со значением ‘недавно’; № 39 Диалектные слова со значением ‘очень’.

В имеющихся диалектных региональных атласах довольно трудно выбрать темы карт, которые бы априори явились значимыми для лингвогеографической характеристики исследуемых говоров. Так, например, в «Лингвистическом атласе района озера Селигер» (ЛАРОС) представлено 45 карт,

5 из них посвящено произношению отдельных слов: № 5 *еще*, № 6 *деревня*, № 7 *теперь*, № 8 *его*, № 19 *что*; 15 карт представляют лексику — №№ 31–45.

Следует отметить, что на территории Среднего Поволжья и далее по течению реки Волги диалектный ландшафт представляет собой довольно пестрый конгломерат севернорусских, южнорусских и среднерусских говоров, что затрудняет их исследование и репрезентацию. Так, например, территория атласа юго-востока Европейской части России, примыкающая к ней территория атласа Волго-Камья, представляет собой образец сосуществования диалектов с различной основой. По материалам X тома Атласа русского языка было обследовано 950 населенных пунктов, показывается доминирование говоров с южнорусской основой.

Еще один атлас, созданный в последнее время, — «Атлас говоров Самарского края» (Зиброва, Барабина 2009), в котором представлены 63 карты, репрезентирующие фонетические и морфологические особенности говоров.

(3) Запись диалектных текстов.

В русской диалектологической науке, имеющей фундаментальные работы по изучению русских народных говоров во всех их ипостасях, до недавнего времени² практически не было представлено больших опубликованных диалектных текстов, которые являлись бы образцами диалектной речи и могли дать представление о жизни, быте, производственной деятельности сельского жителя. О важности и преимуществах магнитофонных записей в ходе полевых диалектологических исследований говорилось неоднократно (Никольский 1969; Попов 1977; Гольдин 1987).

Справедливо отмечается, что «диалекты русского языка — реальность настоящего времени. Их исчезновения не произойдет и в ближайшем будущем. Однако они заметно изменяются, деградируют. Кроме действий, направленных на задержку разрушения русских диалектов, необходима и наиболее полная фиксация их современного состояния. Эта задача не может быть решена теми немногими диалектологами, которые ведут полевые записи диалектной речи. Эти записи уже сейчас представляют собой бесценные памятники русской народной культуры. Со временем же их значение неизмеримо возрастет» (Касаткин 1999: 42).

При анализе полученных текстов чаще фиксируются лексические единицы, которые ранее не были представлены в лексикографических источниках. Например, по данным ПЛГО по Ульяновской области были зафиксированы лексемы, ранее не представленные в СРНГ.

² См. (Русская деревня 2009).

Пыряка ‘бодливая короваж. Старомайнск. (Матвеевка).

Лесáвка ‘женщина, которая любит ходить в лес по грибы, по ягоды’: *Эт вот лесáвка, она́ про лес фсёзнат. Она никово́ не бойи́ца, грибни́ца, ягоди́ца. Эт вот пёрвая лесáвка, она́ весь лес знат как пять пáльцеф.* Старомайнск. (Базарно-Мордовские Юртуки). Ср. данные СРНГ: **Лесáчница** ‘женщина, которая часто бывает в лесу, занимаясь сбором ягод, грибов, шишек и т. д.’: *Бабка была лесачница, ягодница.* Гарин., Ново-Лялин. Сverdл., 1971 (СРНГ 16: 369).

Полéщик ‘лесник’: *Нарубим мы с ней (с сестрой) дров, палешык назывался, ну абъешыкам шас завут, а мы палешыкам звали. Анé там следили, штобы лишний кустик. Ан знаш как, следили, как и шас, карманы набиваю* Старомайнск. (Кремёнские Выселки).

В ряде случаев при наличии в СРНГ слова отмечаются значения, ранее не представленные: **Бúздать** ‘ударять цепом по снопам при молотье’: *Эти калосья-та, ихх малати́ли цапа́ми, цапа́ми. Зьдэ́лана така́я шту́ка, и вот тако́й то́лстый э́тат, как у лапа́ти че́рен. Но то́ка бо́льшь. И вот так буздоиш на ним, зерно́-т атля́тат.* Старомайнск. (Кремёнские Выселки).

(4) Включение сведений по народной истории и краеведению.

Также весьма важным аспектом изучения говоров позднего заселения является включение сведений по народной истории и краеведению в контекст диалектологических исследований.

Так, например, на территории Среднего Поволжья население занималось не только сельским хозяйством и трудовой деятельностью, связанной с главной российской водной артерией — Волгой, но и различными промыслами. Так, например, в Юринской волости Васильсурского уезда (ныне Юринский район Марий Эл) было развито рукавичное производство (Ошаев 2002: 63). Кроме того, в Юрине до 1917 года было более 50 кустарных кожевен, поставляющих на внутренний рынок до 1 миллиона рукавиц, кожи крупного рогатого скота и вторичных деловых отходов кожевенного производства (Кислов 1998: 8). Причем, по рассказам информантов, выделка кож была разрешена только для русского населения.

На территории нынешней Чувашии в Чебоксарском, Цивильском, Ядринском, Алатырском уездах были развиты различные виды промыслов.

1. Гонка дегтя, смолы, жжение угля;
2. Производство льняных и пеньковых изделий;
3. Канатное и веревочное производство;
4. Обработка шерсти и выделка из нее изделий;

5. Войлочное производство;
6. Выделка кож;
7. Выделка изделий из кож;
8. Шорное и седельное производство;
9. Рогожное и мочальное производство;
10. Бондарный промысел;
11. Производство плетеных изделий из льна, камыша, прутьев;
12. Гончарный промысел;
13. Плотницкий промысел.

При анализе наименований жилища можно использовать различного рода описания этнографического и исторического характера. Например, из всех народов, входивших в состав средневожского крестьянства, только русские, а также некоторые мелкие этнические группы, появившиеся здесь позже русских, появились в этом регионе уже будучи крестьянами и имея традиции устройства крестьянских усадеб (Шенников 1977: 3). Весьма плодотворным получается сравнение современной избы с описанием усадьбы в г. Ядринске середины XIX в.:

Дома эти все одноэтажные и большей частью как наружным, так и своим внутренним расположением довольно однообразны: каждый из них имеет три окна на улицу и состоит из одной обширной комнаты, разгороженной вдоль на две неравные половины, из коих правая, большая, называется избыю, а левая, где обыкновенно стряпают, называется чуланом. При входе в избу, который обыкновенно против уличных окон, влево у самой стены стоит обыкновенная русская печь челом к улице. От печи до передней стены делается перегородка, отделяющая чулан от избы. Над головой вошедшего расположены полати. А вправо от него к углу и задней стене приделывается широкая лавка, называемая кутник, которая служит вместо кровати. В правом верхнем углу ставятся образа, перед ними стол, перед столом же, начиная с самого переднего угла и кругом по всей избе около стен стоят лавки. У самого же чела печи к левой боковой стенке чулана приделывается шкаф для разной посуды. На полу же перед печкой и перед шкафом прорубается творило или вход в подполье, куда ставятся различные съестные припасы. Дом горожанина имел сени, а вход туда прорубался сбоку. За сенями ставилась клеть (холодный амбар) или такая же изба, только с печью вправо от входа. Во дворе находились сараи для скотины, крытые помещения для инвентаря. В огороде — черная баня или землянка с печью (Изоркин, Ядрин: 88, 89).

Следует отметить, что с древности для Марийского края был характерен приречный тип заселения, который сохраняется и до настоящего времени (СЭКФУ: 64).

(5) Этноязыковое взаимодействие.

На данной территории прослеживается взаимодействие русских говоров с тюркскими (татарский, чувашский) и финно-угорскими (марийский, мордовский) языками. Имеется ряд заимствованных лексем, которые фиксируются как в русских говорах, так и в чувашском и марийском языках, причем в ряде случаев довольно сложно отдать предпочтение какому-либо одному языку в качестве единственного источника. Ср. различные варианты: **орьян** 'жидкость, остающаяся при сбивании масла' Канаш. (Высоковка); **уйран** Козлов. (Криуши), Урмар. (Буртасы); **уреня** Ядрин. (Никольское). Ср. также **айра́нь**, **эре́нь** 'пахта' Костром. (Толмачов). В словаре Даля зафиксировано несколько вариантов: **ире́нь** Тамб., **иря́н** Дон., **айра́н**, **айря́н** Оренб. «простокваша, разболтанная водою для питья, употребляемая татарами, чувашами, мордвой, а местами и русскими» (Даль 2: 143); **уре́нь** Казан., Пенз., Саратов.; **уре́нная** кадка, узкая, высокая, в роде масляной» (Даль 4: 508). Сывороткин фиксирует **уре́нь** 'кислое топленое молоко' в Теньгушевском районе, **аря́н** 'кислое молоко, разбавленное водой' в Темниковском районе Мордовии (Сывороткин 2004: 199, 206).

Фасмер предполагает заимствование из чуваш. *uiran* 'пахтанье, сыворотка', при татар. *äirän* (Фасмер 4: 167). Ср. также: чуваш. *уйран* 'пахтанье, сыворотка, остающаяся при сбивании сливочного масла', при турец., азерб., туркмен., киргиз., казах., башк. *айран* (Егоров ЭСЧЯ: 270). В татарских диалектах представлены различные фонетические варианты: *эйран*, *аран*, *эран*, *эрийэн*, *айран*, однако в значении 'сыворотка, пахта, оставшаяся после сбивания масла' слово встречается на территории распространения мишарских говоров и среднего диалекта (Хайрутдинова 1993: 115, 116)³, при мар. *оран*, удм. *арьян*. Иванов полагает, что костромские данные относятся к результатам влияния марийского языка, ср. мар. *оран* (Иванов 1969: 106). Сывороткин говорит о заимствовании тюркского происхождения для мордовского региона (см. Сывороткин 2004: 206). Вероятно, для различных ареалов следует исходить из различных источников языкового воздействия, вряд ли такая вариативность этого гнезда в русских говорах может определяться более поздними инновациями первично одного происхождения.

В ряде случаев слово тюркского происхождения фиксируется в русских говорах и финно-угорских языках. Ср., например, гнездо, связанное с языче-

³ Это тюркское гнездо имеет устойчивую тенденцию воздействия на другие языки, ср. лак. *айран* 'пахтанье; разведенное кислое молоко, употребляемое как прохладительный напиток' из азерб. *айран* 'то же', при др.-тюрк. *ajran* 'напиток из кислого снятого молока' (Джидалаев 1990: 105).

ской мифологией: **кереметь** «капище, требище, идольская божица, место или дерево» (Даль 2: 105), 'языческое божество, злой дух, у чувашей и марийцев' Козмодемьян. Казан., 1848. «Кереметь бог грозный, он требует жертв. Самая ценная жертва молодой бык» Вят. (Васнецов), Красноуфим. Перм. (СРНГ 13: 186); **кереметище, киреметище** 'место совершения языческого богослужения у чувашей и марийцев' Уржум. Вят., 1882. «Роща небольшая и обыкновенно стоит островком среди поля. Мольбища посещают и крещенные марийцы» (СРНГ 13: 186); **кереметище, кереметь, келеметь** 'священная роща' Шаранг., Тоншаев., Воскресен., Тонкин., Воротын. Нижегород. (Морохин 2002); **кереметка, кереметница** 'нервное заболевание, сходное с эпилепсией' Казан., Вят. (КСРНГ); **кереметник** 'прозвище марийцев' Яран. Вят. 1903 (СРНГ 13: 186); **киреметный дух** 'злой дух у марийцев и чувашей' Козмодемьян., Ядрин. Казан., 1849 (СРНГ 13: 186); **кереметное пиво** «варенное в честь какого-нибудь киреметного духа и набожными русскими не употребляемое, питухами же употребляемое без разбора» Козмодемьян., Ядрин. Казан., Громов, 1849 (СРНГ 13: 186). Следует отметить, что в исследуемых русских говорах для слова **керемети** зафиксирован сдвиг значения — 'место, куда свозили снопы, сено' Урмар. (Бургасы). Ср. тюркские соответствия: чуваш. *киремет*, *керемет* 'священное место', при кирг. *керемет*, узб. *керемет*, казах. *керемет* 'чудо, нечто поразительное', туркмен. *керемет* 'чудо, сотворенное святым', турец. *keramet* 'благородство, великодушие, милость, заслуга, уважение, почет; чудо, совершаемое святым', азерб. *кэрэмэт* 'щедрый, благородный', якут. *кыраммыт* 'проклятый', при финно-угорских данных: мар. *керемет* 'злой дух; место приношения злему духу', удм. *керемет* 'дух зла', 'священная роща', морд. мокш. *керэметь* 'название божества', эрз. *керемет* 'место жертвоприношения' (Федотов ЭСЧЯ 1: 297). Ахметьянов полагает, что «культ *киремети* в Среднем Поволжье распространился сравнительно поздно... бывшее в древности лишь названием духа могилы святого слово *киреметь*, *кирэмэт* впоследствии расширило круг значений... Дальнейшей ступенью обобщения слова *киреметь* было название этим словом всех кладбищ, в особенности отдельно расположенных могил. По древнему обычаю, у народов Поволжья на могилу сажали и сажают дерево. Поэтому всякая отдельно стоящая куща деревьев стала считаться киреметью или местопребыванием киремети — духа предков» (Ахметьянов 1981: 32). Салмин полагает, что термин *Киремет* имеет четыре значения: 1) название божества, 2) название местности, 3) название моления, 4) название жертвенного дара (Салмин 2004: 39)

В ряде случаев такого рода тройственное взаимодействие приводит к весьма интересным результатам. Например, **кынчалá, куньчалá** «прялица,

прялка» Ядрин., Козьмодемьян. Казан, 1849 (СРНГ 16: 202; Даль 2: 230). Сопоставляется с чуваш. *кѣнчѣле*, диал. *кѣнчала* 'прялка' (Сергеев 1974: 194), однако Федотов приводит как первичное значение чуваш. 'прядево' (Федотов ЭСЧЯ 1: 275). Из чувашского языка слово было заимствовано в марийский, ср. мар. горн. *кынзала* 'кудель, волокно для пряжи', мар. луг. *кунчыла* 'пряжа' (СМЯ 3: 233; Федотов ЭСЧЯ 1: 275). Рясянен и вслед за ним Егоров предполагают, что в чувашский язык слово вошло из древнерусского до утраты носовых гласных, ср. др.-русск. *кждель* (Егоров ЭСЧЯ: 105; Räsänen 1920: 246). Фасмер полагает, что чувашское слово марийского происхождения, а последнее, в свою очередь, восходит к древнерусскому, ср. мар. *kündžala*, которое автор выводит, вероятно, из словаря Даля: черемис. *кунжала* (Фасмер 2: 440).

Таким образом, возможная интенсификация диалектологических работ по разным направлениям в говорах позднего заселения в ряде случаев может заполнить исследовательские лакуны на данной территории.

Литература

- Ахметьянов 1981 — *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
- Ахметьянов 1989 — *Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1989.
- Баранникова АРГСНП — *Баранникова Л. И.* Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. Саратов, 2000.
- Бахмутова 1955 — *Бахмутова Е. К.* Атлас русских говоров Волго-Камья (Постановка проблемы. История ее научной разработки) // Ученые записки Казанского гос. Университета. Т. 115, кн. 9. Казань, 1955. С. 5–44.
- Васнецов — *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
- Гольдин 1987 — *Гольдин В. Е.* Диалектные тексты и проблема источников русской диалектологии // Русские диалекты. Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 9–17.
- Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. Т. 1–4. М.; СПб., 1880–1882.
- Джидалаев 1990 — *Джидалаев Н. С.* Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа. М., 1990.
- Егоров ЭСЧЯ — *Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Зиброва, Барабина 2009 — *Зиброва Т. Ф., Барабина М. Н.* Атлас говоров Самарского края. Самара, 2009.
- Иванов 1969 — *Иванов И. Г.* Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // Советское финно-угроведение. 1969. № 1. С. 105–113.

- Изоркин, Ядрин — *Изоркин А. В. Ядрин*. Исторический очерк. Чебоксары, 2003.
- Касаткин 1999 — *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Кислов 1998 — *Кислов К.* Очерки Юринской жизни. Козмодемьянск, 1998.
- КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров».
- Моисеенко 2002 — *Моисеенко М. Ф.* Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья. Казань: Издательство Казанского университета, 2002.
- Морохин 2002 — *Морохин Н. В.* К вопросу о растительном культе мари Нижегородской области // Народное творчество и профессиональное искусство марийцев. Йошкар-Ола, 2002. С. 27–33.
- Никольский 1969 — *Никольский А. А.* О методике магнитофонной записи разговорной речи // Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969. С. 391–398.
- Ошаев 2002 — *Ошаев А. Г.* Революционные выступления в п. Юрино в годы первой российской революции 1905–1907 гг. // Скобелевские чтения. П. Юрино, 9–10 октября 2001 года. Йошкар-Ола, 2002. С. 63–76.
- ПЛИГО — Полевое лингвогеографическое исследование автора.
- Попов 1977 — *Попов И. А.* Магнитофонные записи как источник анализа диалектной речи // Говоры территории позднего заселения. Выпуск 1. Саратов, 1977. С. 67–79.
- Русская деревня 2009 — Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2009.
- Радлов — *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. I–IV. СПб., 1899–1911.
- Салмин 2004 — *Салмин А. К.* Система верований чувашей. Чебоксары, 2004.
- Сергеев 1974 — *Сергеев И. Т.* Чувашизмы в русской областной лексике // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 191–196.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–46. М.; Л., СПб., 1965–2013.
- СМЯ — Словарь марийского языка. Т. 1–8. Йошкар-Ола, 1990–2003.
- СЭКФУ — Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н. Ф. Мокшин. Йошкар-Ола, 2002.
- Субаева 1961 — *Субаева Р. Х.* Тюрко-татарские элементы в «Атласе русских народных говоров Волго-Камья» // Вопросы русской диалектологии Волго-Камья. Казань, 1971. С. 101–119.
- Сывороткин 2004 — *Сывороткин М. М.* Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона. Саранск, 2004.
- Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- Федотов ЭСЧЯ — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- Хайрутдинова 1993 — *Хайрутдинова Т. Х.* Названия пищи в татарском языке. Казань, 1993.
- Шенников 1977 — *Шенников А. А.* Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX вв. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 3–38.
- Räsänen 1920 — *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFou, XLVIII, 1920.

Summary

Sergey Myznikov

**On the prospects of studying Russian dialects
in the areas of the later settlement**

In this paper an attempt to systematize the experience of the author's collection and analysis of dialect material in the Middle Volga region during dialectological expeditions in Tatarstan, the Republic of Mari El, Republic of Mordovia, Chuvashia, Ulyanovsk region. These territories in respect dialectological studied in varying degrees. There are several key areas of studying Russian dialects in this area: 1) The lexicographical. 2) Linguageographical. 3) Record dialect texts. 4) Inclusion of information on local history and folk history. 5) The study of the interaction of ethnolinguistic classification.

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии.

17.

Судьба славянских диалектов
и перспективы славянской диалектологии в XXI веке

Сборник статей

М.: Институт славяноведения РАН, 2015. – 480 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН

Отв. редактор:
д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Компьютерная верстка:
М. Н. Толстая

Обложка:
М. И. Леньшина, М. Н. Толстая

Подписано в печать 15.02.2015 г. Усл. печ. л. 30.
Формат 60×90. Тираж экз. Заказ №

ООО «Пробел–2000»
121069 Москва, ул. Поварская, д.36